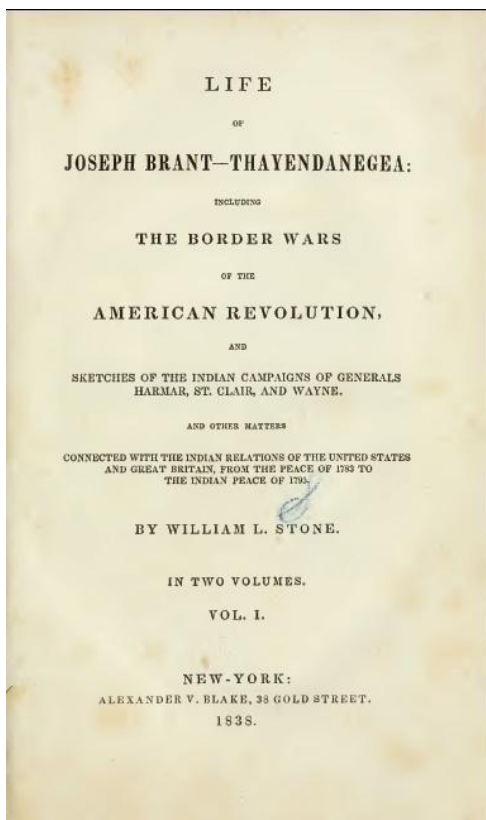

Жизнь Джозефа Бранта—Тайенданеги
(том I), включая пограничные войны
Американской революции и очерки
индийских кампаний генералов
Хармара, Сент-Клера и Уэйна; и другие
вопросы, связанные с отношениями
Соединенных Штатов и
Великобритании с индейцами, от мира
1783 года до Индийского мира 1795
года

Уильям Л. Стоун

Электронная книга проекта "Гутенберг" о жизни Джозефа Бранта—Тайенданегеа (том I.)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Жизнь Джозефа Бранта—Тайенданегеа (Том I.)

Автор: Уильям Л. Стоун

Дата выхода: 15 мая 2016 г. [Электронная книга № 52072]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсер Роджер Берч, сканы из интернет-архива.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЖИЗНЬ ДЖОЗЕФА БРАНТА"—ТАЙЕНДАНЕГЕА (ТОМ I.) ***

{Примечание переписчика: кавычки стандартизированы для современного использования. Сноски размещены непосредственно после абзацев, ссылающихся на них.}

ЖИЗНЬ БРАНДТА

Жизнь ДЖОЗЕФА БРАНТА—ТАЙЕНДАНЕГИ:
ВКЛЮЧАЯ ПОГРАНИЧНЫЕ ВОЙНЫ АМЕРИКАНСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ И ОЧЕРКИ ИНДИЙСКИХ КАМПАНИЙ
ГЕНЕРАЛОВ ХАРМАРА, СЕНТ-КЛЕРА И УЭЙНА. И
ДРУГИЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИНДИЙСКИМИ
ОТНОШЕНИЯМИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И
ВЕЛИКОБРИТАНИИ С МОМЕНТА ЗАКЛЮЧЕНИЯ
МИРА 1783 ГОДА По ИНДИЙСКИЙ МИР 1795 ГОДА.

УИЛЬЯМ Л. СТОУН.

В ДВУХ ТОМАХ.

ТОМ I.

НЬЮ-ЙОРК:

АЛЕКСАНДР В. БЛЕЙК, ГОЛД-СТРИТ, 38.

1838 год.

[Внесено в соответствии с Актом Конгресса Соединенных Штатов
Америки 1838 года компанией George Dearborn & со. в канцелярию
окружного суда Южного округа Нью-Йорка.]

Нью-Йорк:
Издательство "Скэтчерд и Адамс".
Голд-стрит, 38.

ДОСТОПОЧТЕННОМУ СТИВЕНУ ВАН РЕНССЕЛЕРУ ИЗ ОЛБАНИ,

Эти тома подписаны самым почтительным образом. Если усилия автора проиллюстрировать более полно и детально, чем это делалось до сих пор, самую интересную часть американской истории в ее непосредственной связи с большим и густонаселенным штатом, Патрульный так долго был одним из самых выдающихся граждан, будут настолько удачливыми, что заслужат уважение и получат одобрение человека, столь превосходно квалифицированного, чтобы судить о его интересе и ценности, не останется ничего неудовлетворенного для честолюбия и надежд

Его друг и слуга, АВТОР.

Содержание.

ГЛАВА I.

Рождение и происхождение —Обсуждение сомнений, вызванных его происхождением—Визит вождей племени могавков к королеве Анне—Доказательства происхождения Бранта от одного из них—Отступление от основной темы и выдержки из личных и официальных дневников сэра Уильяма Джонсона—Связь между сэром Уильямом и семьей Брантов—Случайные упоминания о войне во Франции—Иллюстрации индейских процессов, речи и т. Д. —Происхождение Бранта установлено удовлетворительно—Участствует в кампании при Лейк—Джордже (1765 г.)—

Участвует в завоевании Ниагары (1759 г.).)—Усилия сэра Уильяма Джонсона цивилизовать индейцев—Бранта отправляют с другими индийскими юношами в благотворительную школу мавров в Ливане—Заканчивает школу—Анекдот—Занимается общественными делами сэра Уильяма—В качестве переводчика миссионеров—Снова выходит на поле боя, в войнах против Понтиака—Запланированная резня в Детройте—Окончательное свержение Понтиака—Первый брак Бранта—Развлекает миссионеров—Снова работает на общественных началах—Смерть его жены—Занимается с мистером Стюартом переводом Священных Писаний—Снова женится—Имеет серьезные отношения с мистером Стюартом. религиозные впечатления—Выбирает закадычного друга и наперсника, по индийскому обычаю—Смерть его друга - Его горе и отказ выбрать другого друга.

Страница 1

ГЛАВА II.

Ранние симптомы недовольства в Бостоне—Истоки войны за независимость—Первая кровь, пролитая в 1770 году—Волнующее красноречие Джозефа Уоррена—Чувства сэра Уильяма Джонсона—Его влияние на индейцев и немцев и его неприятное положение—Последний визит сэра Уильяма в Англию—Его смерть—Таинственные обстоятельства, сопровождавшие ее—Подозрения в несправедливом самоубийстве—Его сын, сэр Джон Джонсон, унаследовал его титул и поместья—Его зять, полковник Джонсон. Гай Джонсон на должность генерального суперинтенданта по делам индейцев—Ранняя жизнь сэра Джона—Джозеф Брант назначен секретарем Гая Джонсона—Влияние семьи Джонсонов—Революционные симптомы в округе, спровоцированные судебными процессами в Новой Англии—Первое собрание вигов округа Трайон—Декларация прав—Первое заседание Конгресса—Последствия его работы—в Англии—Опоздание законодательного собрания провинции Нью-Йорк—Дух народа—Заметки о подготовке в Массачусетсе и т. Д.—Открытые акты восстания в нескольких штатах—Индейцы, раздраженные жителями Виргинии в 1774 году —Печальная история Логана—Кампания лорда Данмора и полковника Льюиса—Битва при Канхаве—Речь Логана—Ее подлинность поставлена под сомнение—Мир в Чиликоте—Недовольство индейцев.

29

ГЛАВА III.

Непреклонный курс материнского правительства—Усилия графа Чатема безрезультатны—Обращение к короне из Нью-Йорка—Экспедиция Лесли в Салем—Дело Лексингтона—Неразумные действия лоялистов округа Трайон—Реакция—Публичные собрания—Семья Сэммонс—Вмешательство Джонсонов—Ссора в Коунаваге—Энергичные заявления в Черри—Вэлли—Противодействие усилиям Джонсонов среди их вассалов—Интриги с индейцами—Массачусетс пытается сделать то же самое—Переписка с индейцами Стокбриджа—Письмо мистеру Киркленду—Его отстранение Гая Джонсона—Нейтралитет Oneidas—Перехваченная депеша от Бранта в Oneidas—Опасения Гая Джонсона—Переписка—Дальнейшие меры предосторожности Комитетов—Уважение к законам—Письмо Гая Джонсона Комитетам Олбани и Скенектади -Суть ответа.

49

ГЛАВА IV.

Совет вождей могавков в Гай—парке —Второй совет, созданный Джонсоном в поместье Косби —Направляется туда со своей свитой—Первое полное заседание Комитета округа Трайон—Переписка с Гаем Джонсоном—Совет не проводился—Джонсон продвигается дальше на Запад в сопровождении своей семьи и большинства индейцев—Последующие опасения людей—Сообщение Конгресса Массачусетса—Тикондерога и Краун—Пойнт взят Итаном Алленом—Скенсборо и Сент—Джонс удивлены—Дальнейшие разбирательства в Массачусетсе-Битва при Банкер-Хилл-Смерть Уоррена-Совет с Онейдами и другими индейцами Тускарорас на Германских равнинах-Речь к индейцам-Последующий совет с Онейдами-Поведение народа по отношению к Гаю Джонсону-Речь к Онейдам и ответ Онейды-Гай Джонсон движется на запад, в Онтарио-Его письмо провинциальному конгрессу Нью-Йорка-Созывает большой индейский совет на Западе-Неблагоприятное влияние на настроения индейцев-Причины их пристрастия к англичанам-Великая, но беспочвенная тревога народа-Гай Джонсон с Брантом и индейскими воинами спускается по реке Святого Лаврентия в Монреаль-Тамошний Совет -сэр Гай Карлтон и генерал Дж. Холдиманд завершает работу по привлечению индейцев на сторону короны.

Страница 71

ГЛАВА V.

Заседание второго Континентального конгресса—Меры обороны—Декларация—Национальный пост—Организация индийского департамента—Обращение к Шести нациям—Созванный в Олбани Совет—Предварительные консультации в германских квартирах—Выступления Онейд и других—Перерыв в Олбани—Краткое интервью с комиссарами—Конференция и обмен речами с албанцами—Заседания большого совета—Речи комиссаров—Ответы индейцев—Завершение большого совета—Возобновление конференции с участием албанцев—Выступление Комитета Олбани—Ответ индейцев—Раскрытие работы Гая Джонсона в Олбани. Освиго—Завершение слушаний—Эпидемия среди индейцев—Небольшая выгода от совета—Слушания в округе Трайон возобновлены—Сомнительное положение Нью-Йорка—Симптомы недовольства делом народа—Сэр Джон Джонсон—Шериф Уайт смещен народом—Королевские власти заменены назначениями от народа—Драка в Джонстауне—Первый выстрел из пистолета в Сэмпсона Сэммонса—Уайт повторно назначен Трайоном—Его бегство—Работа Комитета—Оппозиция тори—Замыслы сэра Джона Джонсона и сэра Гая Карлтона—Письмо и депутация сэру Джону—Заклученные за политические преступления отправлены в тюрьму—Письмо от провинциального конгресса—Могавки начинают боевые действия в Сент—Джонсе—Речь канадцев с объяснениями—Индейцы ходатайствуют об освобождении заключенных—Обзор хода революции в других частях колоний—Заседания парламента—Сожжение Фалмута—Нападение на Канаду—Итан Аллен схвачен—Экспедиция Арнольда—Осада Квебека—Падение Монтгомери-Индейцы Каунавага и Делавер.

91

ГЛАВА VI.

Лорд Данмор—Взгляд на Юг—Подозрительное поведение сэра Джона Джонсона—Поведение тори в округе Трайон—Генерал. Шайлер по указанию Конгресса вторглась в этот округ и разоружила тори—Предварительная миссия в Нижние Могавки—Послание к ним—Их

недовольство и ответ—Марш Шайлер—Встреча с индейцами в Скенектади—Интервью и речи—Продвижение Шайлер—Письмо сэру Джону Джонсону—Интервью—Переговоры о капитуляции—Предложенные условия—Шайлер продвигается к Коунаваге—К ней присоединяется ополчение округа Трайон—Дальнейшая переписка с сэром Джоном—Интервью с индийскими посредниками—Скорректированы условия капитуляции—Шайлер марширует в Джонстаун—Сэр Джон, его семья и горцы разоружены—Войска прочесывают страну, чтобы привести лоялистов—Разочарование по поводу предполагаемого склада военного снаряжения Тори—Возвращение Шайлера в Олбани—Резолюция Конгресса—Дополнительные проблемы с сэром Джоном—Подготовка к его захвату—Экспедиция полковника Дж. Дейтона—Бегство баронета и его сторонников в Канаду — Их страдания— И последующее поведение —Как рассматривалось нарушение его условно-досрочного освобождения.

119

ГЛАВА VII.

Возобновленная история Бранта—Выдвинут на пост вождя Конфедерации—Способ назначения вождей и сахемов—Отправляется в Англию—Прибывает в Лондон—Принят с особым вниманием—Знакомится с Джеймсом Босуэллом и другими—Соглашается поддержать королевское дело и возвращается в Америку—Крадется через страну в Канаду—Любопытное предполагаемое письмо президенту Уилоку—Битва при Кедрах—Трусость майора Баттерфилда—Бесчинства индейцев—История капитана Дж. М.^cКинстри, которого Брант спас от костра —Возмущение Вашингтона, народа и Конгресса—Резолюции о возмездии—Взаимные жалобы на обращение с заключенными—Убийство генерала. Гордон—Возмущение возмущением—Индийская депутация в Филадельфии—Речь к ним—Конгресс принимает решение о привлечении индейских войск—Шайлер выступила против—Обзор инцидентов войны в других местах—Сокращение армии—Эвакуация Бостона англичанами—Катастрофическое завершение канадской кампании—Плачевное состояние армии—Гуманность сэра Гая Карлтона—Взгляд на Юг—Декларация независимости—Дух округа Трайон—Вишневая долина—Укрепления в Форт—Стэнвиксе—Американская армия движется на Нью—Йорк—Прибытие британского флота и армии—Битва при Лонг—Айленд—Вашингтон эвакуирует Нью—Йорк—Битва при Уайт—Плейнс—Отступает через Нью—Джерси —За ним следует Корнуоллис—Поражение Арнольда на озере Шамплейн—Падение Род-Айленда—Битва при Трентоне.

Страница 147

ГЛАВА VIII.

Продолжение движения в Нью—Джерси—Ликвидация совета—пожар в Онондаге—Округ Трайон—Миссия полковника Харпера в Огквагу—Семья Харперов—Приключение в поселении Джонстон—Поимка Доброго Питера и его группы—Переход Тайенданегеа из Канады в Огквагу—Интервью с преподобным мистером Джонстоном—Сомнительный курс Бранта—Лихорадочное положение людей—Экспедиция генерала Херкимера в Унадиллу—Примечательная встреча Херкимера и Бранта—Обдуманый акт предательства — Настороженность вождя—Встреча внезапно прервана—Закончилась бурей—Брант уходит в Освиго—Там Большой совет—

Индейцы в целом присоединяются к королевскому штандарту—Наступление Бранта на Вишневую долину—Как потерпел поражение-Смерть лейтенанта Вормвуда.

175

ГЛАВА IX.

Подготовка Великобритании к ведению войны—Указания на Севере—Сомнительная позиция и поведение генерала Хоу—Позор для американцев—Перехваченная переписка—Генерал Хоу отплывает в Чесапик—С триумфом входит в Филадельфию—Бергойн приближается с Севера—Политика в отношении Индии—Сэр Гай Карлтон—Ложные оценки силы Тикондероги—Бергойн прибывает в Краун—Пойнт—Устраивает пир индейцам—Захватывает Тикондерогу—Проводит внешние укрепления—Укрепляет Шугар—Хилл—Крепость, эвакуированную Сент—Клером—Отступление американцев—Сражения близ Скинсборо и у Форт—Энн—Бургойн входит в долину Гудзона—Шайлер без средств отступает из форта Эдвард—Ужас народа-Жестокость индейцев-История мисс М^сКреа-Всеобщее бегство населения-Миссис Энн Элиза Бликер—Героизм миссис Шайлер—Попытка убийства генерала Шайлера.

195

ГЛАВА X.

Экспедиция против долины Мохок из Освиго—Уныние людей в округе Трайон—Письмо Джона Джея—Арест нескольких недовольных—Бегство других в Канаду—Жалобы Шайлер на трусость людей—Сильное разочарование—Провозглашение генерала Херкимера—Письмо Томаса Спенсера—Подход Сент-Леджера—Осторожность и план его похода—Дневник лейтенанта. Берд—Форт Стэнвикс захвачен—Полковник Гансеворт принимает командование—Его плачевное состояние—К Гансеворту присоединился Уиллетт—История капитана Грегга—Положение гарнизона—Прибытие Сент—Леджера—Его провозглашение—Положение Бергойна становится критическим—Дело Беннингтона—Генерал Херкимер с ополчением округа Трайон продвигается на помощь Гансеворту—Битва при Орискани—Кровопролитная с обеих сторон—Беспримерная храбрость капитана Гарденье—Майор Уоттс—Недовольство индейцев—Вылазка и успех полковника Уиллетта—Смерть и характер генерала Херкимера.

209

ГЛАВА XI.

Осада форта Шайлер продолжается—Принудительное письмо заключенных полковнику. Гансворт—Сент. Леджер призывает гарнизон сдаться—Отказ Гансворта—Обращение сэра Джона Джонсона к жителям округа Трайон—Секретная экспедиция полковника Уиллетта и майора Стоквелла—Шайлер приказывает Арнольду прийти на помощь Гансеворту—Уиллетт направляется в Олбани—Арест Уолтера Батлера и других на немецких квартирах—Судим и признан виновным как шпион—Отсрочен—Отправлен в Олбани—Побеги—Прокламация Арнольда—Продвижение осаждающих—Беспокойство гарнизона—Внезапное бегство Сент—Леджера и его помощников силы—Хитрость Арнольда-История почтенного Йоста Шайлера—Веселье и озорство индейцев—Прибытие Арнольда в Форт—Трофеи победы—Общественная оценка заслуг Гансворта—Обращение к его солдатам—Его повышение—Обращение его офицеров.

ГЛАВА XII.

Повторение вторжения в Бургойн—Генерал Шайлер снова заменен Гейтсом—Причины этой несправедливости—Битва при Стиллуотере—Обе армии закрепляются—Битва и победа на высотах Бемуса—Похороны генерала Фрейзера—Отступление Бургойна—Трудности, с которыми ему приходится сталкиваться, возрастают—Его капитуляция—Встреча Бургойна и Гейтса—Поведение Гейтса по отношению к генералу. Вашингтон — Благородное поведение генерала. Шайлер.

265

ГЛАВА XIII.

Попытка сэра Генри Клинтона сотрудничать с Бергойном—Штурм фортов Клинтон и Монтгомери—Сожжение Эзопа—Обзор военных операций в других местах—Экспедиция в Пикскилл—От правительства. Трайон— Данбери—Продвижение сэра Уильяма Хоу в Пенсильвании—Битва при Брендивайне—Резня в Паоли—Битва при Джермантауне—Смерть графа Донопа—Убийство капитана Дейца и семьи в Берне—Джон Тейлор—Леди Джонсон приказано покинуть Олбани—Раздражение сэра Джона—Попытки похитить мистера Тейлора—Индеец и белый человек, подкупленные для убийства генерала Шайлера—Новые тревоги в округе Трайон—Обращение Конгресса к шести нациям—Обращение не возымело действия—Статьи конфедерации—Конец года.

280

ГЛАВА XIV.

Союзный договор с Францией—Политика Франции—Инциденты зимы—Планируемая экспедиция против Сент—Джонса—Лафайет назначен командующим Севером—Провал предприятия из—за нехватки средств—Разочарование и огорчение Лафайета—Неприятные указания в отношении западных индейцев—Индейский совет в Джонстауне, На котором присутствовал Лафайет—Его слушания—И результат—Награда, предложенная майору Карлтону—Письмо Лафайета—Он уходит в отставку из Северного департамента—Возвращение лоялистов к их семьям—Без сопротивления—Их агрессия—Пленные, доставленные в Канаду—Их судьба—Повторно —появление Бранта в Окваге и Унадилье—Анекдот Бранта—Сравнительная жестокость тори и индейцев—Убийство семьи—Разоблаченное положение людей—Капитан М^{си}Кин—Бросает Бранту вызов—Сожжение Спрингфилда—Первая битва в Шохари.

298

ГЛАВА XV.

История Вайоминга—Взгляните на его историю—Кровавая битва между шаванцами и делававами—Граф Цинцендорф—Противоречивые претензии и титулы индейцев—Конкурирующие земельные компании Коннектикута и Пенсильвании—Убийство Тадеусунда—Первая колония Коннектикута, разрушенная индейцами—Споры относительно их титулов—Конкурирующие колонии, основанные в Вайоминге—Гражданские войны в Вайоминге—Смелое

приключение капитана Огдена—Яростные страсти народа—Поселенцы Коннектикута преобладают—Рост поселений—Присоединен к Коннектикуту—Вспыхивает революция—Жители, подстрекаемые предыдущей ненавистью, принимают чью—либо сторону—Арест подозреваемых лиц в январе—Отправлен в Хартфорд—Пагубные последствия—Враг появляется на окраинах поселений весной—Вторжение полковника Джона Батлера и индейцев—Полковник Зебулон Батлер готовится противостоять им—Взяты два форта—Полковник З. Батлер идет навстречу врагу—Битва при Вайоминге—Американцы побеждены—Бегство и резня—Форт Вайоминг осажден—Робость гарнизона—Авторитет Зебулона Батлера не выдержан—Он сбегает из форта—Полковник Деннистон вынужден капитулировать—Разрушение Долины—Варварство тори—Брант не участвует в экспедиции—Кэтрин Монтур—Бегство беглецов—Экспедиция полковника Хартли вверх по Саскуэханне—Полковник Зебулон Батлер возвращает себе Вайоминг и восстанавливает форт—Стычки с индейцами—Конец истории Вайоминга.

Страница 318

ГЛАВА XVI.

Эвакуация Филадельфии сэром Генри Клинтоном—За ней через Нью—Джерси следует Вашингтон—Битва при Монмуте—Поведение и арест генерала Ли—Отступление противника—Прибытие французского флота—Совместное нападение американцев и французов на британскую армию Род—Айленда—Британский флот спасается от графа Д'Эстена—Битва при Род—Айленде—Провал экспедиции—Планируемые кампании против индейцев—Капитаны Пайп и Уайтсайз—М^{си}Ки и Герти—Генералу М^{си}Интош отдан приказ атаковать города Сандаски—Вторжение о Бранте в Коблскилл—О М.^кДональде в поселениях Шохари—Малодушие полковника Врумана—Храбрость полковника Харпера—Его экспедиция в Олбани—Пленение мистера Сойера—Убивает шестерых индейцев и сбегает—Полковник Уильям Батлер отправляется в Шохари—Стрелковый корпус Моргана—Дерзкие приключения Мерфи и Элерсона—Смерть на службе, известного тори—Последующие приключения Мерфи—Дела в форте Шайлер—Тревожное количество дезертирств—Разрушение Андрос—тауна индейцами—Пожар на немецких равнинах—Экспедиция полковника Уильяма Батлера из Шохари в Унаделлу и Огквагу.

343

ГЛАВА XVII.

Уолтер Н. Батлер—Его бегство из Олбани, жажда мести—Великое Дерево—Враждебные признаки среди Сенека и Кайюга—Предчувствия нападения Батлера и Бранта на Вишневу долину—Дискредитирован полковником Олденом—Высланы разведчики и схвачены—Внезапность нападения на город—Резня и сожжение—Смерть полковника Олдена—Семьи мистера Уэллса, мистера Данлопа и других—Жестокость тори—Семья мистера Митчелла—Чудовище Ньюберри—Уход врага со своими пленниками—Мрачная ночь—Женщины и дети, отправленные в плен ответное письмо Батлера генералу . Шайлер—Убийство матери миссис Кэмпбелл—Оправдание Бранта—Интересный инцидент—Мнение Бранта о капитане. М^кКин—Полковник Джон Батлер сожалеет о поведении своего сына—Письмо генерала Джеймса Клинтона Уолтеру Батлеру—Ответное письмо Батлера—Молли Брант—Подробности пленения миссис Кэмпбелл—Праздник благодарения за их победу—Великий праздник Белых собак—Возвращение Уолтера Батлера из Квебека—Полковник Дж. Батлер ведет переговоры с

индейцами для миссис Кэмпбелл—Она отправляется на Ниагару—Кэтрин Монтур и ее сыновья—Миссис Кэмпбелл находит своих детей—Спускается по реке Святого Лаврентия в Монреаль—Встречает миссис Батлер—Прибывает в Олбани, к ней присоединяется ее муж—Планируется грандиозная кампания—Джейкоб Хелмер и другие тайно посланы в Джонстаун за железным сундуком сэра Джона—Казнь Хелмера—Прибытие британских комиссаров—Не получено—Обмен министрами с Францией—Военные происшествия в других местах за год.

369

ГЛАВА XVIII.

Осада форта Лоуренс индейцами — Успешные стратегические уловки—Бегство вьючных лошадей—Заброшенный форт-Проект "Энтерпрайз" из Детройта—губернатор. Гамильтон взят в плен при Сент-Винсенте полковником Дж. Кларк—Проекты Бранта—Беспокойство на западе Нью-Йорка—Обсуждение Онейдас и Онондагас—Проекты Бранта провалены—Предательство онондагас—Полковник Ван Шейк идет опустошать их города—Инструкции генерала Клинтона—Переход Вуд—Крик и озера Онейда—Наступление на индейские города—Их разрушение—Возвращение экспедиции в Форт Шайлер—Миссия Онейдас в Форт Шайлер от имени Онондагас—Речь Доброго Питера—Ответ полковника Ван Шейка —Вторжение тори и индейцев в страну нижних Могавков—Каменная Аравия—Защита капитаном Ричером своего дома—Индейцы в Шохари—Генерал Клинтон пересекает долину Могавков—Экспедиция М.^кКлеллана в Освегачи—Неудачная—Вторжение онондагас в Коблскилл—Поражение американцев—Разрушенное поселение—Убийства в окрестностях Форта Питт—Вторжение тори в Уорвасинг—Вторжение в Минисинк—Битва близ Делаверэ—Резня в Ополчение округа Ориндж -Битва с шаванцами.

396

Введение.

Это Эзоп рассказывает, что лесник однажды встретился со львом, некоторое время они путешествовали вместе и дружелюбно беседовали, не сильно расходясь во мнениях. Наконец, возник спор по вопросу о превосходстве между их соответствующими расами, и первые, за

неимением лучшего аргумента, указали на памятник, на котором была изваяна из мрамора статуя человека, перешагивающего через тело поверженного льва. "Если это, - сказал лев, - все, что ты можешь сказать, то позволь нам быть скульпторами, и ты увидишь льва, перешагивающего через побежденного человека".

Мораль этой басни следует всегда иметь в виду, размышляя о характере этой храброй и жестоко используемой расы людей, которая теперь тает перед англосаксами, как снег под вертикальным солнцем, — аборигенов Америки. Индейцы - не скульпторы. Никакие памятники их собственного искусства не передают будущим эпохам события прошлого. Ни одно индийское перо не прослеживает историю своих племен и наций, не записывает подвиги своих воинов и вождей - их доблесть и их ошибки. Их разрушителями были их историки; и хотя некоторым из более благородных черт их натуры было дано неохотное согласие, все же, без должного учета особенностей их положения, характер индейцев был представлен с поразительным единообразием как холодный, жестокий, угрюмый и мстительный; лишенный каких-либо из тех разнообразных черт и характеристик, тех огней и теней, которые допускаются в отношении других людей, не менее диких и нецивилизованных, чем они.

Не останавливаясь на размышлениях о том, что, даже будучи самыми жестокими, они занимались военным ремеслом — всегда ужасным — в таком же соответствии со своими обычаями и законами, как и их более цивилизованные противники, белый историк описал их как демонов. Забывая, что второй из иудейских монархов не стеснялся распиливать своих пленников пилами и терзать их железными бородами; забывая, также, о сценах в Смитфилде под руководством наших собственных британских предков; историки бедных необразованных индейцев почти единодушно объявили их чудовищами *sui generis* — несравненного и неприступного варварства; как будто томагавк, применяемый в конечном итоге, был хуже железных пыток бороны, а факел ирокеза - горячее огня. педики королевы Марии.

Похоже, "бледнолицым" авторам также не приходило в голову, что идентичные жестокости, записи и описания которых так широко представлены в ранних томах американской истории, не были варварством по оценке тех, кто их совершал. Прядь волос на голове была эмблемой рыцарства. Каждый воин, брея голову перед битвой, старался оставить на макушке локон неповиновения, что же касается бравады: "Возьми его, если сможешь". Кол и пытки отождествлялись с их грубыми представлениями о силе выносливости. Им подвергались как пленники их собственной расы, так и белые; и их собственные храбрецы подвергались этим испытаниям, чтобы дать возможность страдальцу проявить мужество и стойкость, с которыми их можно перенести, — гордое презрение, с которым можно переносить всю боль, которую может причинить враг.

Но они нападали ночью на спящие деревни и убивали беззащитных женщин и детей! Это, опять же, был их собственный способ ведения войны, столь же почетный, по их мнению, как и более вежливые методы совершения массовых убийств, изложенные в книгах.

Но в одном чудовищном они никогда не были повинны. Какую бы степень личных лишений и страданий ни приходилось терпеть их пленницам, их личности никогда не были опозорены насилием; факт, который, как мы понимаем, нельзя приписать ни одному другому солдату-победителю, когда-либо жившему на свете.

Что касается, более того, бесчисленных актов жестокости, якобы совершенных дикарями, то все же следует иметь в виду, что индейцы не были скульпторами — у индейцев не было писателя, который изложил бы свою версию истории. Не было ни одного "оплакивания Логана!", в то время как его ошибки не были зафиксированы. Летописи человечества, вероятно, не свидетельствуют о более добром приеме вторгшихся иностранцев, чем тот, который был оказан Паломникам, высадившимся в Плимуте, верным Массассоитом и племенами, находящимися под его юрисдикцией. Лесные короли также не брались за оружие до тех пор, пока они слишком ясно не увидели, что либо их гости, либо они сами должны быть изгнаны с земли, которая была их собственностью, — плата за которую была получена от Великого Духа. И еще предстоит найти нацию, которая не будет сражаться за свои дома, могилы своих отцов и семейные алтари. Жестокими они были в ведении своих сражений; но потребовалась бы совокупность большого числа грабительских набегов и отдельных поджогов, чтобы уравновесить ужасную сцену пожаров и крови, которая сразу же уничтожила могущество Сассака и храбрых и неукротимых Наррагансетов, над которыми он правил. Нет! до тех пор, пока не будет забыто, что некоторые христиане в младенческом Массачусетсе считали правильным убивать индейцев как агентов и приближенных Азазеля; до тех пор, пока не будут утеряны ранние записи даже в терпимом Коннектикуте, которые раскрывают тот факт, что индейцы были схвачены пуританами, перевезены в Британскую Вест-Индию и проданы в рабство; до тех пор, пока Амазонка и Ла-Плата не смогут кровавую историю испано-американского завоевания; и до тех пор, пока не будет доказано, что тот факт, что Кортес растянул несчастного Гватимозина обнаженным на ложе из горящих углей, является вымыслом, пусть даже выдумкой. не следует объявлять американского индейца самым жестоким из людей!

Таким образом, если мораль басни применима к истории аборигенов в целом, то в равной степени это относится и к очень многим их вождям, имена которых были забыты или известны только как вызывающие отвращение. Особые обстоятельства придали известность и известность определенного рода нескольким лесным вождям, как в случае с Поухатаном на юге, могущественным Филиппом на востоке и великим Понтиаком на северо-западе. Но было много других, возможно, равных по храбрости, мастерству и энергии только что упомянутым выдающимся вождям, чьи имена были окутаны позором при их сохранении, потому что "львы - не скульпторы". Их описывали как безжалостных палачей женщин и детей, не обладающих ни одним искупающим качеством, кроме животной храбрости и безразличия к боли; хотя не исключено, что, если бы была известна действительная правда, их характеры, при всех высоких солдатских качествах, могли бы выдержать выгодное сравнение с характерами половины воинов равного ранга в христианском мире. Представитель этого класса был видным предметом настоящей книги, чье имя звучало ужасно в ушах каждого американца во время войны за независимость и долгое время после этого ассоциировалось со всем кровавым, свирепым и отвратительным. Даже в наши дни имя БРАНТ [FN-1] холодит молодую кровь одним своим звучанием и заставляет шепелявого ребенка теснее прижиматься к коленям своей матери. Как главный дух индейцев, находившихся на британской службе во время Революционной войны, не только все массовые убийства на границе были возложены непосредственно на него, но и на его голову обрушились публичные проклятия за каждый отдельный акт жестокости, которым было отмечено это кровопролитное противостояние, будь то совершенные индейцами, тори или разъяренными регулярными солдатами противника. Во многих случаях по отношению к нему была допущена великая несправедливость, как, например, в отношении дела Вайоминга, в связи с которым его имя использовалось всеми

предыдущими летописцами, писавшими на эту тему; более того, по той же причине оно было предано позору, глубокому и грязному, в бессмертной песне Кэмпбелла. Опять же, в других случаях индейцы Шести народов вместе со своим вождем были переполнены проклятиями за зверства, в которых все они были одинаково невиновны — потому что описанные деяния никогда не совершались — политикой общественных писателей и лиц, облеченных властью, было не только преувеличивать реальные события, но иногда, когда таковых не хватало, использовать свое воображение для описания таких жестоких и кровавых деяний, которые могли бы наилучшим образом способствовать поддержанию сильнейших чувств негодования против метрополии, а также побудить людей выйти на поле боя для мести, если бы не ведомый туда более благородным порывом патриотизма. [FN-2]

[FN-1] В книгах почти неизменно писалось Брандт, даже несмотря на его собственную орфографию, которая была единообразно Брантовой.

[FN-2] См. Приложение А — хорошо известная история доктора Франклина со скальпами, в которую долгое время верили, а недавно ее возродили и включили в несколько работ по достоверной истории.

Такие преднамеренные вымыслы в политических целях, подобные только что упомянутому доктором Франклином, были, вероятно, редкостью; но исследования, к которым автор был привлечен при подготовке настоящей работы, убедили его в том, что по другим причинам значительная часть преувеличений и лжи прочно укоренилась в американской истории. Большинство историков того периода, английских и американских, писали слишком близко ко времени, когда происходили события, которые они описывали, для беспристрастного исследования истины; а другие авторы, добившиеся успеха, слишком часто довольствовались тем, что следовали проторенной дорожкой, не беря на себя труд прилежного и спокойного расследования. Выше упоминалось о деле в Вайоминге, относительно которого по сей день мир опешляют чудовищными вымыслами — рассказами об ужасах, которые никогда не происходили на самом деле. Первоначальные причины этой исторической неточности очень очевидны. Как уже отмечалось, наши истории были написаны слишком рано; когда авторы или те, кто предоставил материалы, как бы только что вышли из конфликта. Их страсти еще не остыли, и они писали, руководствуясь чувствами и предрассудками, которые не могли не влиять на умы, руководствующиеся даже самыми благими намерениями. Грубые устные сообщения о событиях того дня — рассказы херр-сэй, приукрашенные фантазией и усугубленные страхом, — попали не только в газеты, но и в дневники военных офицеров. Они, со всеми недостатками, присущими распространяющимся слухам, увеличивающимися в размерах и чудовищности с каждым повторением, использовались слишком часто, и это воспринимается без дальнейшего изучения как достоверные материалы для истории. К этому классу работ относится Военный журнал доктора Джеймса Тэтчера, впервые опубликованный в 1823 году и сразу же признанный историческим авторитетом. Итак, поскольку автор говорит о событиях, происходящих в пределах его собственных знаний и под его личным наблюдением, авторитет хорош. Лучше и быть не может. Но достойный армейский хирург ни в коем случае не ограничивал свой дневник фактами и происшествиями, подобными этому описанию. Напротив, его дневник представляет собой общий отчет об инцидентах и операциях, происходящих почти в каждом лагере и в каждой точке боевых действий, по мере того как сообщения передавались из уст в уста через

подразделение армии, где журналисту довелось работать, или по мере того, как они доходили до него через газеты. Следовательно, настоящий автор считал "Дневник доктора" очень ненадежным авторитетом в отношении фактов, свидетелем или непосредственным осведомителем которых Доктор не был. Даже усердная забота Маршалла не помешала ему в значительной степени допустить те же ошибки в первом издании его "Жизни Вашингтона" в отношении Вайоминга; и только более четверти века спустя, когда должно было появиться его последнее исправленное издание этого великого труда, с помощью мистера Чарльза Майнера, интеллигентного жителя Уилксбарра, читатели этого выдающегося историка были правильно проинформированы о революционной трагедии в этой долине. И даже тогда исправление не было полным, поскольку имя Бранта все еще сохранялось как вождя индейцев в том страшном случае. Не было преувеличений и в отношении вторжения в Вайоминг больших, чем те, которые были связаны с вторжением в Вишневую долину и ее разрушением, как читатель обнаружит на последующих страницах. Действительно, автор, готовя материалы для этой работы, столкнулся с таким количеством лжи, зафиксированной в истории как трезвая правда, что временами он был склонен почти ко всеобщему скептицизму в отношении невдохновенного повествования.

В заключение этого Введения, возможно, не будет лишним рассказать краткую историю происхождения настоящей работы. Автору посчастливилось провести несколько лет своей юности и начать общественную жизнь в долине Мохок, более красивого региона — чем этот, в стране едва ли найдется. В нижнюю часть этой долины вторглись голландские торговцы, и были начаты поселения, первоначально в Скенектади, очень скоро после того, как Генри Кристиенсом в 1614 году был построен первый форт в Олбани, тогда называвшийся Форт Оранж. Голландцы постепенно продвигали свои поселения вверх по Ирокезу на плодородных низовьях реки, вплоть до Коунаваги. За этой линией, и особенно в верхней части долины к западу от Литтл-Фоллс, и охватывающей обширный и красивый сад всего района, известного как Германские равнины, первыми белыми поселенцами были немцы — подразделение пфальцграфов, эмигрировавших в Америку в начале восемнадцатого века под покровительством королевы Анны. В упомянутое время, примерно в 1709 году, сюда прибыли три тысячи немцев, часть из которых поселилась в Пенсильвании. Остальные поднялись по Гудзону до места под названием Ист-Кэмп, ныне в округе Колумбия. Оттуда они попали в богатую долину Шохари-килл примерно в 1713 году, а оттуда - в Немецкие равнины, которыми они владели еще в 1720 году. Первая колония, обосновавшаяся в Шохари, состояла из сорока-пятидесяти семей. Вскоре после того, как между ними возникли некоторые разногласия, двенадцать из этих семей отделились от своих товарищей и, продвинувшись дальше на запад, за пределы Литтл-Фоллс, обосновались на богатых аллювиальных равнинах у слияния ручья Западная Канада и реки Мохок.

На момент открытия эта долина была заселена индейцами племени могавков, возглавлявшими обширную конфедерацию пяти народов — французских ирокезов и римлян, как назвал их доктор Колден, Нового Света. В этой конфедерации могавки были главой или ведущей нацией, поскольку они также были самыми свирепыми. Пять наций рано примкнули к англичанам и, следовательно, часто были вовлечены в военные действия с французами Канады, и особенно с гурунами и адирондаками или алгонкинами — могущественными нациями в союзе с канадцами. Другим следствием было то, что долина Мохок, как и вся страна, населенная Пятью нациями, была театром последовательных войн, начиная с открытия и заканчивая завершением войны за Американскую революцию. Таким образом, нет ни одной части Соединенных Штатов,

столь богатой историческими событиями, как долина Мохок и прилегающая к ней территория на западе.

[FN] "Мне рассказывали старики в Новой Англии, которые помнили время, когда ирокезы воевали со своими индейцами (могиканами), что как только в их стране был обнаружен хоть один ирокез, их индейцы подняли крик от холма к холму: *Ирокез! Ирокез!* после чего все они разбежались, как овцы перед волками, не пытаясь оказать ни малейшего сопротивления или обороны со своей стороны; и что бедные индейцы Новой Англии немедленно побежали к христианским домам, а могавки часто преследовали их так близко, что они входили вместе с ними и вышибали им мозги в присутствии обитателей дома ". [*"Шесть наций" Колдена.*] Превосходный Хеквельдер, в своей огромной привязанности к ленни ленапе, вступает в длинный спор, чтобы опровергнуть Колдена по этому поводу; утверждая, что могавки никогда не пользовались такой потрясающей славой, как делавары. Власти, однако, настроены против доброго моравского миссионера, к чему автор может добавить значимость следующего инцидента, произошедшего сравнительно недавно: Около десяти или двенадцати лет назад странствующий могавк ушел от древней родины своего племени аж в штат Мэн и однажды появился на улицах маленького городка недалеко от реки Пенобскот. Фигуры и лица индейцев не были чужими в этом маленьком сообществе, поскольку по соседству еще существовали остатки пенобскотов, которые имели обыкновение посещать это место четыре или пять раз в год для покупки всего необходимого, насколько позволяли их средства. Случилось так, что группа из них пришла сюда в тот самый день, когда Ирокез прибыл; и когда он, бездельничая, шел по улице, он внезапно наткнулся на них, поворачивая за угол. Узнавание с их стороны было мгновенным и, очевидно, сопровождалось эмоциями тревоги и недоверия. "Ирокез, ирокез", - бормотали то один, то другой, и пока он оставался в поле зрения, их глаза были прикованы к нему с явным выражением беспокойства. Что же касается ирокеза, то он снизошел лишь до того, чтобы бросить на них мимолетный взгляд, и продолжил свой путь той же ленивой, безразличной походкой, которую демонстрировал с самого начала. Это был великолепно выглядящий парень лет 25, полных шести футов ростом, и он легко мог бы снести троих или четверых карликовых и женоподобных Пеноблоков.

Во время пребывания автора в стране могавков материалы по этой истории, особенно та их часть, которая связана с событиями, последовавшими за завоеванием Канады Великобританией, по большей части не были собраны. События революционной войны, которые нигде больше не бушевали с такой яростью и нигде больше не были отмечены таким горьким и полным опустошением, были тогда свежи в памяти людей; и много раз эти рассказы слушались с захватывающим интересом и хранились в хранилище памяти, как одно из богатейших ее традиционных сокровищ. Интерес к этим устным рассказам не уменьшился и от посещения мест старых укреплений, прогулок по полям сражений и наблюдения за пробоинами от пуль в стенах тех домов, которые устояли в сражении, и следами пушечных ядер на стволах деревьев, все еще остающимися на полях, которые были сценами кровавой борьбы.

Несколько лет спустя автору пришло в голову взяться за дело, к которому он должен был приступить много лет назад, а именно. сочинение исторических мемуаров о долине Мохок, которые воплотили бы в себе те письменные и неписанные материалы истории, которые сейчас быстро исчезают из-за смерти актеров в сценах, которые будут описаны, и потери бумаг и

рукописей, такое безрассудное уничтожение которых разрешено в этой стране. В ходе размышлений и исследований по этому вопросу вскоре было решено включить в предлагаемые мемуары биографический отчет о Великом вожде Шести народов Джозефе Бранте—Тайенданегеа; но было еще одно выдающееся имя, история и слава которого были тесно связаны с могавками, и характер которого не был ни точно описан, ни хорошо понят. Читатель, вероятно, предвидит это имя - сэр Уильям Джонсон. К этому времени стало очевидно, что работа, если она будет выполнена, должна быть более продолжительной, чем первоначально предполагалось; и к ее началу десять лет назад было сделано несколько небольших приготовлений.

Это было где-то в 1829 году, когда от проекта отказались. Зайдя к своему почтенному другу канцлеру Кенту, однажды утром, с целью позаимствовать редкий том еще более редкой истории старой французской войны 1755-63 годов, автор был проинформирован, что его замысел был предвосхищен Уильямом У. Кэмпбеллом, эсквайром, молодым джентльменом с большими перспективами, который как раз приходил в бар - уроженцем страны, которая будет занята в качестве исторической площадки, — и чья работа тогда была почти готова к печати. При таких обстоятельствах от проекта автора было немедленно отказано.

Книга мистера Кэмпбелла — "Анналы округа Трайон" - увидела свет в 1831 году; и ее сразу же сочли ценной благодаря содержащимся в ней фактам и в равной степени воздали должное трудолюбию и талантам автора, который, хотя тогда был еще так молод, обладал смелостью предпринять необходимый труд и честолюбием вписать свое имя в список американских историков. Тем не менее, эта работа не была заменой тому, что предлагал автор; ее целью была более ограниченная история, как времени, так и территории, чем предполагалось в отношении настоящей работы. "Анналы" мистера Кэмпбелла, за исключением очень немногих кратких и частичных набросков, охватывали историю только революционной войны в этой конкретной части страны и имели мало общего с биографией. Замысел автора, расширенный размышлениями и исследованиями, теперь начал охватывать историю Шести наций и их войн с французами, гуронами, или виандотами, и Адирондаками; заселение страны бледнолицыми; историю французской войны, поскольку это достопамятное сражение было связано с индейцами и колонией Нью-Йорк; вместе или, скорее, в сочетании с жизнями сэра Уильяма Джонсона и Джозефа Бранта. Работа, подобная описанию, казалась желательной в американской истории; и осенью 1832 года подготовка к этому предприятию была возобновлена, и о том, с каким успехом мы частично увидим в дальнейшем.

В ходе судебного разбирательства по предварительному делу были предприняты усилия по приобретению материалов у оставшихся в живых членов семьи сэра Уильяма Джонсона, проживающих на канадских островах. До сих пор эти усилия увенчались лишь частичным успехом. Однако у одного из внуков, мистера Арчибальда Джонсона, был приобретен ценный рукописный том, содержащий личный дневник сэра Уильяма во время Ниагарской кампании 1759 года, в ходе которой пал генерал Придо, оставив командование армией баронету, усилия которого увенчались блестящим успехом. Из бумаг покойного лейтенанта. Губернатор Нью-Йорка Джон Тейлор, автор, к счастью, получил во владение своей дочери миссис Купер рукопись официального дневника сэра Уильяма за 1757, 1758 и часть 1759 года вместе с небольшой пачкой других бумаг и писем. Несколько писем и бумаг баронета также сохранились в государственном архиве в Олбани. Все это даст материалы для его предлагаемой биографии и для других ценных исторических иллюстраций. Многие бумаги баронета были уничтожены во

время Революционной войны; и многие другие, как установлено, можно найти только в Англии — в эту страну, вероятно, потребуется специальный визит для ознакомления с ними.

Легко понять, что предлагаемая работа охватывает две эпохи, между которыми существует вполне естественное и даже необходимое разделение. Первая охватывает раннюю историю, о которой идет речь, с историей французской войны и страны в целом до смерти сэра Уильяма Джонсона. Вторая часть охватывает жизнь Джозефа Бранта, а также революционные, индейские и торийские войны в северной и западной части штата Нью-Йорк; и хотя мистер Кэмпбелл в значительной степени предвосхитил их, автор все же взялся за исследование с таким рвением, как будто оно исторически не проходило раньше. В ходе своих трудов он трижды посещал долину Могавков без какой-либо другой цели. Убедившись, кроме того, что почтенный майор Томас Сэммонс, сам, со своим отцом и двумя братьями, хорошо сыгравший роли в сценах Революции, в течение многих лет собирал исторические материалы в этом регионе, автор обратился к нему; и ему посчастливилось не только приобрести его коллекции, но и побудить старого джентльмена вновь заняться исследованиями. С его помощью для настоящей работы был получен большой массив фактов и утверждений, зафиксированных в письменном виде за последние тридцать лет из уст выживших офицеров и солдат. Эти документы в значительной степени дополнили наиболее достоверные исторические материалы, позволив автору выявить много новых и интересных фактов и исправить различные ошибки в работах предшествующих авторов, которые внешне придерживались той же точки зрения. В дополнение к этому, несколько сохранившихся бумаг храброго старого генерала Херкимера, павшего при Орискани в 1777 году, были предоставлены в распоряжение автора его племянником Джоном Херкимером, эсквайром. Тем не менее, работа мистера Кэмпбелла была признана весьма полезной, и, по общему согласию, она была широко использована. В отношении некоторых сделок это был, действительно, почти единственный авторитет; как в случаях с Черри-Вэлли, некоторыми сделками в долине Шохари и подвигами полковника Харпера.

Но это еще не все. Автор посетил Верхнюю Канаду, а также Монреаль и Квебек в поисках материалов. К величайшему счастью для дела установления исторической истины и репутации Джозефа Бранта, во время своих канадских исследований он узнал о том факте, что старый вождь племени могавков, сам получивший довольно хорошее английское образование, оставил большое количество рукописей, состоящих из его собственных речей, произносимых по многим и разнообразным поводам, и большого количества писем, адресованных ему; вместе с копиями его собственных ответных писем, которые он сохранял с таким же усердием и заботой. Эти бумаги находились на хранении его младшей дочери, весьма респектабельной леди, хотя и аборигенки, и по праву вышедшей замуж за Уильяма Джонсона Керра, эсквайра. с Веллингтон-сквер, Верхняя Канада. Было очевидно, что эти бумаги должны доказывать наличие богатого месторождения для разведки; и заявление от автора через его друга почтенного. Маршалл С. Мистер и миссис Керр с наибольшей готовностью откликнулись на просьбу Бидвелла, из Торонто. Документы, это правда, были связаны меньше, чем ожидалось; и по сотням ссылок и аллюзий, содержащихся в них, очевидно, что большое количество писем, дневников и выступлений было утеряно и не подлежало восстановлению. Тем не менее, те, что остались, оказали большую помощь и представляют редкую ценность.

Благодаря доброте Чарльза А. Клинтона, эсквайра. автору был обязан доступом к личным бумагам генерала Джеймса Клинтона, его деда. В составе одной части настоящего тома эти

документы были признаны чрезвычайно важными. Генерал Джеймс Клинтон был отцом покойного знаменитого Де Витта Клинтона и братом губернатора Джорджа Клинтона. Он много командовал в северном департаменте, и именно под его руководством в 1779 году был осуществлен знаменитый спуск Саскуэханны. Его собственные письма и письма его корреспондентов оказали материальную помощь не только в связи с этой кампанией, но и в связи с различными другими моментами истории. Именно среди этих бумаг были обнаружены письма Уолтера Н. Батлера, касающиеся дел Черри-Вэлли и Вайоминга.

В связи с только что упомянутой историей экспедиции Салливана и Клинтона автору также был предоставлен рукописный дневник почтенного капитана Феодосия Фаулера из этого города, который был активным офицером на протяжении всей кампании. В дополнение к ценным записям, содержащимся в этом дневнике, капитан Дж. Фаулер сохранил чертеж порядка марша, принятого при восхождении на Чемунг после соединения двух армий, а также план великой битвы, которую Салливан вел при Ньютауне против индейцев и тори под командованием Бранта и сэра Джона Джонсона; оба рисунка были выгравированы, и их можно найти в Приложении.

Зимой 1775-76 годов из Олбани в округ Трайон была предпринята экспедиция с целью разоружения тори и ареста сэра Джона Джонсона, о подробностях которой до сих пор известно очень мало. После обращения к семье генерала Шайлера было установлено, что его почтовые книги за этот период были утеряны. После долгих расспросов необходимые документы были получены у Питера Форса, эсквайра, в Вашингтоне.

Автор также в долгу перед генералом Питером Б. Портером, из Блэк-Рока, за некоторую ценную информацию, касающуюся характера и некоторых действий Бранта. Генерал Портер был одним из первых эмигрантов в западную часть штата в качестве агента крупного землевладельца Оливера Фелпса; и исполнение своих обязанностей привело его к частым сношениям со многими вождями и сахемами индейцев. Среди них он близко познакомился с вождем племени ирокезов, между которым и им самим время от времени поддерживалась письменная переписка в течение нескольких лет. К сожалению, однако, эта переписка с другими сообщениями, сделанными его рукой, которые Быт. Портер, о сохранении которого позаботились, был уничтожен во время одного из вторжений врага через Ниагару во время последней войны. Тем не менее, генерал снабдил автора несколькими важными воспоминаниями, касающимися старого вождя, и одной сделкой, представляющей волнующий интерес, до сих пор совершенно неизвестной.

Друг автора, весьма уважаемый и интеллигентный восьмидесятилетний старик, Сэмюэл Вудрафф, эсквайр из Виндзора, штат Коннектикут, посетил Бранта в поселении Гранд-Ривер летом 1797 года и пробыл у него несколько дней, наслаждаясь частыми и содержательными беседами на многие темы. Мистер Вудрафф любезно предоставил дюжину или более страниц поучительных заметок и меморандумов об этих беседах, которые были свободно использованы. Автор также в долгу перед профессором Маршем из Берлингтонского колледжа, (Vt.) родственником семьи Уилок по браку, за несколько оригинальных писем Бранта; а также перед Томасом Моррисом, эсквайром из Нью-Йорка, который хорошо знал шефа полиции и несколько лет состоял с ним в переписке за ту же услугу. Более того, мистер Кэмпбелл предоставил несколько ценных документов, полученных им после публикации его собственной книги.

Получив благодаря приобретению этих и других документов все материалы, которые, по-видимому, сохранились, или, по крайней мере, все, что было доступно, в то время как документальные документы для первой части работы были еще очень неполными, автор, подобно Ботте в его обещанной полной истории Италии, был вынужден сначала написать последнюю часть работы. При выполнении этой задачи он предполагал, что основная часть его труда прекратится с окончанием революционной войны или, самое большее, что потребуется, - каких-нибудь пятнадцать-двадцать страниц, быстро описывающих последние годы жизни Тайенданеги. Гораздо иначе обстояло дело на самом деле. Когда автор приступил к изучению документов Бранта, почти все из которых были связаны с его карьерой после этого конкурса, было обнаружено, что его жизнь и действия были тесно связаны с индийской и канадской политикой более чем через двадцать лет после заключения мирного договора; что народы великих озер провели ряд индейских конгрессов, на всех которых он был одним из главных духов; что он был прямо или косвенно вовлечен в войны между Соединенными Штатами и индейцами с 1789 по 1795 год, во время которых происходили кровавые кампании Хармара, Сент-Клера и Уэйна. ; и что он сыграл важную роль в деле о Северо-западных постах, так долго удерживаемых Великобританией после заключения мирного договора. Это открытие вынудило писателя обратиться к новой и совершенно неожиданной области исследований. При составлении этой части работы возникло много трудностей, вызванных различными причинами и обстоятельствами. Противоречивые отношения Соединенных Штатов, индейцев и канадцев, а также своеобразное и порой явно двусмысленное положение, в котором вождь племени ирокезов — герой биографии — находился по отношению ко всем им; более чем дипломатическая осторожность, с которой британские офицеры вели двойную игру, которую так долго вели в соответствии с их политикой; разрозненный характер письменных материалов, полученных автором; и необходимость приводить многие звенья в цепи событий на основе косвенных свидетельств и неписаных протоколов индийской дипломатии; все это в совокупности сделало вопросы, требующие прояснения, чрезвычайно сложными. сложный, запутанный и трудно поддающийся четкому объяснению. Но какой бы запутанной ни была паутина, автор попытался распутать материалы и вплести их в повествование, основанное на последовательности и правде. Результат этих трудов воплощен во второй части настоящего труда; и если автор не переоценил интерес и важность этой части американской истории, то сделанный сейчас вклад будет наиболее приемлем для читателя.

В дополнение к указанным здесь вопросам дается довольно полный отчет о жизни Бранта после окончания войн с индейцами, ни в коем случае не лишенный инцидентов или анекдотов; и все это завершается некоторыми интересными подробностями, касающимися семьи вождя, излагающими их личную историю вплоть до наших дней.

Некоторые, возможно, возразят — особенно те, кто склонен формировать мнения без особых размышлений, — что автор довольно вольно использовал не только публичные речи и документы, но и расшифровку частных писем. На это он ответил бы, что, по его мнению, его подход в этом отношении существенно повышает ценность работы; и если бы не неожиданный размер, которого достигли тома, эти цитаты приводились бы с еще большей свободой. Например, что касается интересных слушаний на последнем Большом совете Шести наций, проходившем в Олбани, то первоначальным намерением автора, какими бы длинными они ни были, было включить их в текст; и таким образом дело было изначально улажено. Древний Костер Совета Шести наций всегда горел в Онондаге, центральном государстве конфедерации. Но со времени заключения союза между Шестью нациями и англичанами в Олбани

разгорались огни объединенных советов двух держав. Там, согласно индийской фигуре речи, было посажено большое дерево, к которому крепилась цепь дружбы. Но с закрытием Большого совета, проходившего там летом 1775 года, этот огонь, который так долго горел, был потушен. Это был последний конгресс индейцев, когда-либо проводившийся в древней голландской столице. Это происходило в самый серьезный кризисный период, и материалы по нему носили важный и интересный характер. До настоящего времени эти материалы никогда не публиковались полностью. Действительно, считается, что ни одна из них никогда не публиковалась, пока совсем недавно часть рукописи не была обнаружена и включена в это бесценное собрание - документы Массачусетского исторического общества. Однако эта рукопись была очень дефектной и неполной, и только случайность позволила автору восполнить этот недостаток. Случилось так, что во время одного из его визитов в офис государственного секретаря в прошлом году в поисках документов он обнаружил среди каких-то древних, разрозненных и заброшенных бумаг несколько листов с материалами индийского международного договора, которые сами по себе были очень несовершенными. Предположив, однако, что они могут когда-нибудь пригодиться, он приказал переписать их. К счастью, при изучении их в связи с публикацией массачусетского сборника было обнаружено, что они в точности восполняют недостатки последнего. В результате статьи впервые публикуются полностью; однако часть из них, судя по их большому объему, была перенесена в Приложение.

Более того, что касается использования речей и писем, автор, после долгих размышлений, принял план, насколько это возможно, позволяющий актерам в описываемых сценах рассказывать свои собственные истории. Это метод исторического, и особенно биографического, письма, который становится более популярным, чем раньше. Маршалл в значительной степени и очень эффективно применяет его в жизни Вашингтона. Поучительная и достойная восхищения жизнь благороднейшего из морских воинов Англии, лорда Коллингвуда, была построена по этому плану. То же самое и с "Жизнью Байрона" Мура. "Жизнь Каупера" Тейлора, одно из самых полезных и интересных жизнеописаний, написанных об этом самом меланхоличном и в то же время самом восхитительном из английских бардов, почти полностью составлено из переписки самого поэта. Захватывающие мемуары Локхарта о несравненном Скотте, которые сейчас находятся в процессе публикации, были построены на основе собственных писем могущественного менестреля. И именно исходя из того же принципа, автор так много цитировал письма и речи Джозефа Бранта и нескольких его выдающихся корреспондентов; среди которых читатель, который слышал о "чудовище Бранте" только как о дикаре, некогда водившем могавков за границу на охоту за скальпами, вероятно, будет удивлен, узнав, что среди них было много знатных джентльменов, пользующихся авторитетом в Церкви и государстве как в Англии, так и в Америке.

Один талантливый английский писатель [Ф.Н.] недавно начал очень интересную дискуссию о больших преимуществах такого использования писем и рукописей при составлении истории. Говоря о максиме, что "история - это философия, обучающая примером", он замечает: "В морали все зависит от обстоятельств. Пример, реальный или вымышленный, ничему не может нас научить, если он содержит только сухие факты. Коварство очень многих исторических книг, в том числе и небогатых, заключается в том, что они вполне довольствуются приятным изложением голых фактов, из которых мы не можем почерпнуть ничего, кроме самих фактов. Для хрониста убийство Томаса А'Бекета - это убийство Бекета, и не более того. В чем же тогда нам следует искать волшебство, с помощью которого мы можем оживить сухие кости? Мы без

колебаний отвечаем на письма дня, если таковые имеются. Мы говорим так не потому, что они будут содержать какое-либо подробное описание чувств или разоблачение взглядов эпохи, к которой они принадлежат, а потому, что они должны быть написаны в значительной степени в духе эпохи, в которой жили их авторы. События того дня — чувства писателей к своим соседям и чувства их соседей к ним — их комментарии к обычному ходу вещей вокруг них; это драгоценные записи для всех, кто желает изучать человечество и мораль в истории; ибо эти вещи, и только они, могут позволить нам в полной мере оценить настроение и дух, в котором совершались деяния, отмеченные в истории . . . Совершенно верно, что некоторые историки утверждают, что используют буквы, и что некоторые действительно использовали их в небольшой степени; но, учитывая их огромную ценность, они никогда не использовались так, как они того заслуживали; и, в частности, случаев очень много, и их существование, по-видимому, вряд ли известно самим историкам". Именно в соответствии с этими взглядами письма и речи были так обильно использованы в настоящей работе; хотя и не предполагается, что переписку дородного вождя леса или грубых партизанских офицеров дикой границы можно в каком-либо отношении сравнить с отточенными образцами эпистолярного письма Каупера, или с образцами Скотта или Байрона, или перепиской леди Мэри Уортли Монтегю, Питера из Блуа или Джона из Солсбери. Тем не менее они ценны сами по себе - и как исторические записи, и как иллюстрации характеров. К речам и наброскам речей, воплощенным в этом произведении, вместе с рассказами о событиях, которые их вызвали, можно добавить, что все они являются памятниками народу, — некогда благородной расе, многочисленной и могущественной, — ныне быстро исчезающей с лица земли, — прекрасной части земли, которая когда-то принадлежала им! Собрать и сохранить эти памятники было одной из главных целей автора.

[FN] London Quarterly Review, № cxvi.—Статья о коллекции оригинальных писем, рукописей и государственных бумаг Апкотта.

План работы, особенно первой и большей ее части, возможно, в некоторых отношениях разочарует читателя, хотя, хочется надеяться, не в неблагоприятном смысле. Целью автора было представить ее не только локальной, но, в определенной степени, краткой общей историей Революционной войны. Таким образом, хотя это особая история, изобилующая подробностями, о военных событиях, происходивших к западу от Олбани, автор время от времени представляет краткие очерки современных событий, происходивших в других частях страны. Таким образом, были представлены мельком, по большей части в надлежащем порядке времени, все основные военные операции всего соревнования с высоты птичьего полета. Кроме того, для лучшего понимания зарождающихся революционных движений в стране могавков (тогда еще округе Трайон) дается краткое описание тех же движений в других местах. Действия в этом графстве были, конечно, связаны с действиями в Новой Англии, особенно в Бостоне, который был главой, сердцем и душой восстания в его зарождении и на ранних стадиях, и зависел от них. Следовательно, краткий обзор мер, непосредственно, хотя и постепенно, приведших к восстанию колоний, не был сочтен неуместным в надлежащем хронологическом порядке. И поскольку вся индийская история войны за независимость на севере, западе и юге была описана полностью, с учетом случайных набросков других событий и кампаний, отмечавших это состязание, произведение можно рассматривать с трех точек зрения: местной, общей и биографической; время от времени все это несколько смягчается, если не оживляется,

отдельными повествованиями - рассказами о плене и страданиях, — о смелых приключениях и подвигах.

Через несколько недель после стереотипизации предыдущих страниц, но до того, как был достигнут какой-либо значительный прогресс в печати основной части работы, автору посчастливилось получить большое дополнение к ценным материалам от генерала ПИТЕРА ГАНСЕВУРТА, из Олбани, включая обширную переписку его отца, покойного генерала Гансевурта, более известного в истории как "герой форта Стэнвикс". Эти документы, включая те, что были захвачены им у британского генерала Сент-Леджера, были признаны очень важными для хода работы и дополняют ее. существенно для его полноты и ценности.

Несколько слов об украшениях этих томов. На фронтисписе каждого тома представлен элегантно выгравированный портрет храброго и осторожного ирокеза, который является главной биографической фигурой произведения, сделанный в разные периоды его жизни. Шеф несколько раз позировал для своей картины в Англии; один раз, по просьбе Босуэлла, в 1776 году, но какому художнику, не упоминается. Во время того же визита он также позировал знаменитому художнику-портретисту и историку Джорджу Ромни, представлявшему графа Уорика. Его снова нарисовали в Англии, в 1786 году, для герцога Нортумберлендского; и в четвертый раз, во время того же визита, чтобы представить его миниатюрное изображение своей старшей дочери. Его последнее заседание было посвящено покойному мистеру ЭЗРЕ ЭЙМСУ из Олбани по просьбе покойного Джона Колдуэлла, эсквайра из этого города. Это было примерно в 1805 году, и это сходство считается лучшим из когда-либо сделанных портретов капитана Бранта. Ценный друг автора, Кэтлин, сделала очень точную копию этого портрета, который был прекрасно выгравирован мистером А. Диком, хорошо известным и искусным художником из Нью-Йорка. Это изображение, как последнее по времени, находится в начале второго тома. Надпись на этой табличке является *факсимиле* подписи старого вождя из письма, написанного им герцогу Нортумберлендскому незадолго до своей смерти. У автора есть еще одна фотография Бранта-старшего, о которой его можно простить за то, что он дал некоторый отчет. Находясь в Катскилле летом 1833 года, автор обнаружил у своего друга, мистера Ван БЕРГЕНА, несколько разрозненных томов "Лондон Мэгэзин" за 1776 год, в одном из которых он случайно обнаружил гравюру Бранта с портрета, сделанного для Босуэлла, в парадном костюме вождя, когда он появлялся при Дворе. Лицо на этой картине, однако, было унылым и сравнительно ничего не значащим. Во время его визита в Верхнюю Канаду в сентябре 1836 года дочь вождя, миссис КЕРР, показала ему голову своего отца в золотом медальоне, которая была полна характера и энергии — с орлиным взглядом. Раздобыв этот медальон и передав его вместе с упомянутой гравюрой в руки мистера Н. РОДЖЕРСА, этот выдающийся художник создал очень одухотворенную и красивую картину, которая была написана специально для того, чтобы быть выгравированной для этой работы. Однако, прежде чем картина попала в руки художника, мистер ЧЕПМЕН, художник из Нью-Йорка, вернувшись из поездки в Англию, привез с собой превосходную гравюру Бранта, сделанную Ромни с картины графа Уорика. Поскольку эта гравюра не только в большей степени отражает фигуру вождя, чем любая другая, но и обладает большим характером и одухотворенностью, она была использована для работы вместо той, что была написана мистером РОДЖЕРСОМ. Гравюра также была хорошо выполнена Диком, и стоит перед первым томом. На картине Кэтлин изображен лесной вождь в полном расцвете лет. На другой - индийский придворный в Лондоне. Этот первый том также содержит прекрасно

выгравированный портрет генерала Гансворта работы Приюдомма, с портрета кисти Стюарта. Это прекрасный образец джентльмена революционной эпохи.

Но это не все графические иллюстрации. В завершение жизнеописания Бранта было сочтено уместным добавить некоторые сведения о его семье после его кончины. Закон официального наследования среди Шести народов будет признан специфичным для этого народа, поскольку происхождение осуществляется по женской линии. Джозеф Брант сам был главным военным вождем Шести наций; и его третья жена, которая после его кончины осталась молодой вдовой, сама по себе была представителем суверенитета Конфедерации, и только ей одной было дано право назначать из числа своих собственных детей или, за неимением собственного ребенка, из ближайших родственников главного гражданского и военного вождя. Поэтому после смерти своего мужа она выбрала в качестве его преемника своего младшего сына Джона Бранта, тогда семилетнему мальчику. Он вырос благородным человеком, как по мужеству, так и по характеру, в чем читатель убедится прежде, чем закроет второй том. Во время визита автора в Брант-Хаус в Верхней Канаде он увидел портрет молодого вождя, тогда недавно скончавшегося, который, хотя и был написан деревенским художником и в целом представлял собой очень плохую картину, тем не менее, по мнению мистера и миссис Керр, было очень правильным в том, что касается фигуры и сходства. Получив этот портрет из Канады прошлой осенью, он был передан в руки г-на Хокси, который создал превосходную картину, которая была хорошо выгравирована г-ном ПАРКЕРОМ, и будет найдена во втором томе. Поскольку молодой вождь первым вступил на тропу войны во время Ниагарской кампании 1812-15 годов, идея изобразить часть великого водопада на заднем плане картины была чрезвычайно уместной.

Поскольку имя знаменитого Красного Пиджака часто встречается во втором томе, было добавлено его изображение с картины ВЕЙРА, прекрасно выгравированной Хэтчем. В дополнение ко всему этому - тонко выгравированный титульный лист, оформленный, выгравированный и подаренный автору его уважаемым другом мистером А. Родоном.

В дополнение к этим иллюстрациям была добавлена еще одна, характер которой поразителен, а ее история любопытна. Это набросок сцены совещания с индейцами в Буффало-Крик в 1793 году, проведенного Беверли Рэндольфом, генералом Бенджамином Линкольном и полковником Тимоти Пикерингом в присутствии ряда британских офицеров, находившихся тогда на этой границе. Господа. Рэндольф, Линкольн и Пикеринг находились в тихоокеанской миссии, сопровождаемые, по просьбе индейцев, несколькими квакерами. План этой конференции был составлен британским офицером, полковником. Пилкингтон, и доставлен в Европу. В 1819 году она была подарена американскому джентльмену по имени Генри в Гибралтаре, а он передал ее Массачусетскому историческому обществу. Эскиз сделан со вкусом и наукой мастера своего дела; группировка тонкая, сходство превосходное. Поскольку история миссии этих джентльменов составляет интересную главу в настоящей работе, этот очерк был сочтен подходящим дополнением.

В дополнение к признаниям, уже сделанным на предыдущих страницах, автор в большей или меньшей степени несет обязательства перед многими другими лицами за подсказки, предложения и сбор материалов. Среди них он с удовольствием называет Достопочтенного .Льюис Касс, покойный военный министр, а ныне чрезвычайный и полномочный министр при дворе Сент-Клауда; генерал Дикс, секретарь штата Нью-Йорк, и мистер Арчибальд Кэмпбелл, его заместитель; генерал Морган Льюис; майор ДЖЕЙМС КОКРАН, из Освиго, а также его супруга,

которая была младшей дочерью генерала Шайлера; майор Уильям Попхэм, который был адъютантом генерала Джеймса Клинтона; Сэмюэл С. Лаш, эсквайр, и С. Де Витт Благдуд, эсквайр. Олбани; Джеймс Д. Бемис, эсквайр из Канандайгуа; Лорен Форд и Джордж Х. Фетер, эсквайры из Литтл-Фоллс; Джайлс Ф. Йейтс, эсквайр из Скенектади; Уильям Форсайт, эсквайр из Квебека; и преподобный мистер Лейп, ранее из Джонстауна, а ныне из Афин, штат Нью-Йорк

С учетом этих предварительных пояснений работа предназначена для широкой публики в надежде, что, хотя она, конечно, могла бы быть лучше выполнена более умелой рукой, разум которой был бы менее отвлечен другими неотложными и важными обязанностями, она, тем не менее, станет существенным дополнением к истории Америки.

УИЛЬЯМ Л. СТОУН. *Нью-Йорк, март 1838 года.*

ЖИЗНЬ ДЖОЗЕФА БРАНТА—ТАЙЕНДАНЕГИ И др.

ГЛАВА I.

Рождение и происхождение —Обсуждение сомнений, вызванных его происхождением—Визит вождей могавков к королеве Анне—Доказательства происхождения Бранта от одного из них—Отступление от основной темы и выдержки из личных и официальных дневников сэра Уильяма Джонсона—Связь между сэром Уильямом и семьей Брантов—Случайные упоминания о войне во Франции—Иллюстрации индейских процессов, речи и т. Д. —Происхождение Бранта установлено удовлетворительно—Участвует в кампании при Лейк—Джордже (1765 г.)—Участвует в завоевании Ниагары (1759 г.) —Усилия сэра Уильяма Джонсона цивилизовать индейцев—Бранта отправляют с другими индийскими юношами в благотворительную школу мавров в Ливане—Заканчивает школу—Анекдот—Занимается общественными делами сэра Уильяма—В качестве переводчика миссионеров—Снова выходит на поле боя, в войнах против Понтиака—Запланированная резня в Детройте—Окончательное свержение Понтиака—Первый брак Бранта—Развлекает миссионеров—Снова работает на общественных началах—Смерть его жены—Занимается с мистером Стюартом переводом Священных Писаний—Снова женится—

Имеет серьезные религиозные впечатления —Выбирает закадычного друга и доверенное лицо, по индийскому обычаю—Смерть его друга - Его горе и отказ выбрать другого друга.

Рождение и происхождение Джозефа БРАНТА, или, правильнее, Тайенданеги— ибо таково было его настоящее имя — были связаны с неопределенностью из-за противоречивых сообщений, которые были опубликованы о нем. У индейцев нет колледжа герольдов, в котором можно было бы проследить родословную их великих людей, или приходских метрических книг браков и рождений, по которым сын мог бы установить свое отцовство. Таким образом, слава и позор предков лишь мрачно отражаются в тусклых сумерках традиции. Некоторые авторы называют Тайенданега полукровкой. Другие называли его шаванцем по происхождению и только ирокезом по усыновлению. Некоторые историки говорили о нем как о сыне сэра Уильяма Джонсона; в то время как другие снова признавали за ним честь крови ирокезов, но отрицали, что он происходил от вождя.

[FN] Несколько авторов предположили, что Брант был сыном баронета. Дрейк в своем полезном сборнике "Книга индейцев" утверждает, что он был проинформирован об этом не меньшим авторитетом, чем Джаред Спаркс. Сам Дрейк называет его *Онондагой* из племени могавков!

Почти двадцать лет назад в журнале *Christian Recorder* в Кингстоне, провинция Верхняя Канада, был опубликован краткий отчет о жизни и характере этого замечательного человека. В этих мемуарах говорилось, что Тайенданега родился на берегах реки Огайо, куда его родители эмигрировали из долины Мохок и где, как говорят, они прожили несколько лет. Его мать, наконец, вернулась с двумя детьми — Мэри, которая жила с сэром Уильямом Джонсоном, и Джозефом, о котором пойдет речь в этих мемуарах. Об отце Бранта среди могавков ничего не было известно. Вскоре после возвращения этой семьи в Канаджохари мать вышла замуж за уважаемого индейца по имени Каррихого, или Разносчика новостей, чье христианское имя было Барнет или Бернард; но, в качестве сокращения, он получил фамилию Брант." Следовательно, утверждается, что юноша, которому в будущем предстояло стать не только выдающимся военачальником, но и государственным деятелем и сподвижником рыцарства и знати Англии, попав таким образом в семью с такой фамилией, был сначала известен под отличительным именем "*Джозеф Брантс*", а со временем, путем инверсии, "*Джозеф БРАНТ*". [FN]

[FN] *Christian Register*, 1819, том I. № 3, издан в Кингстоне (США) и отредактирован преподобным доктором, ныне достопочтенным архидиаконом Стрейканом из Торонто. Упомянутые наброски были написаны доктором Стрейкеном на основе информации, полученной им много лет назад от преподобного доктора Стюарта, бывшего миссионера в долине Мохок и отца нынешнего архидьякона Стюарта из Кингстона.

В этом отношении есть приближение к истине, и отчасти оно поддерживается существующей семейной традицией. Факты таковы: шесть наций перенесли свое оружие далеко на запад и юг, и вся страна к югу от озер принадлежала им, в определенной степени под надзорной юрисдикцией, по праву завоевания. На территорию Огайо и Сандаски они предъявили более сильные и безапелляционные претензии, распространявшиеся на право владения землей — по крайней мере, на побережье озера вплоть до Преск-Айла. Благодаря их связям в этой стране,

среди Шести народов, особенно могавков, стало обычным делом временно уезжать на запад во время охотничьих сезонов, и одна или несколько из этих семей часто оставались за границей, среди миами, гуронов и вайандотов, на более длительный или более короткий период, по своему выбору. Одним из последствий этого взаимодействия стали многочисленные семейные союзы, существующие между Шестью нациями и другими на западе — в частности, вайандотами.

В 1742 году, когда его родители были за границей во время одной из таких охотничьих вылазок, на берегах реки Огайо родился Тайенданеги. Домом его семьи был замок Канаджохари - центральный из трех замков могавков в их родной долине. Его отца звали Теховагхвенгарагвин, чистокровный могавк из племени Волка. [FN] Тайенданега был очень молод, когда умер его отец. Его мать вышла замуж во второй раз за ирокезца; и в настоящее время семейная традиция гласит, что фамилия Брант была приобретена способом, предполагаемым уже цитированной публикацией. Однако есть основания сомневаться в точности этой традиции, поскольку считается, что существовала некая влиятельная индийская семья, носившая английскую фамилию Брант. Действительно, из отрывков, которые будут представлены в настоящее время из недавно обнаруженных рукописей сэра Уильяма Джонсона, может возникнуть вопрос, не были ли Теховагхвенгарагвин и старый вождь, которого сэр Уильям иногда называл Брантом, а в других случаях Никусом Брантом, одним и тем же человеком.

[FN] Каждый из первоначальных Пяти народов был разделен на три племени — черепаху, Медведя и Волка. О последнем и шла речь в настоящих мемуарах. По словам Дэвида Кьюсика, уроженца Тускароры, написавшего трактат об истории пяти древних народов, законы конфедерации требовали, чтобы онондага назначили короля, а могавки - великого военачальника.

Отрицание того, что он был прирожденным вождем, также считается неверным. Совершенно верно, что среди Шести народов должность вождя не обязательно передавалась по наследству. Но что касается Тайенданеги, то нет никаких сомнений в том, что он был благородных кровей. Лондонский журнал за июль 1776 года содержит его набросок, вероятно, сделанный Босуэллом, с которым он был близок во время своего первого визита в Англию в 1775-76 годах. В этом отчете утверждается как неоспоримый факт, что он был внуком одного из пяти сахемов, посетивших Англию и привлечших к себе столько внимания в британской столице в 1710 году, во время правления королевы Анны. Из этих вождей двое принадлежали к мухеканиу, или речным индейцам, и трое были могавками, один из которых был вождем клана Канаджохари. [FN-1] Тайенданега принадлежал к последнему клану; и поскольку есть основания полагать, что его отец был сахемом, не может быть никаких сомнений в правильности лондонской публикации, утверждающей о его прямом происхождении от вождя канаджохари, который посещал британский двор в вышеупомянутое время. Но есть и другие свидетельства, подтверждающие это предположение. В книге "Жизнь первого президента Уилока" преподобного Дж. В°Клуре и Пэрише утверждается, что отец Джозефа Бранта "был сахемом могавков после смерти знаменитого короля Хендрика". Близость, долгое время существовавшая между семьей Брант и Уилоками, отцом и сыновьями, делает этот авторитет, в отсутствие неписаных свидетельств, еще более достоверным, очень веским; и поскольку Хендрик пал в 1755 году, когда Тайенданеги было тринадцать лет, традиция о ранней смерти его

отца и последующем принятии им нового имени существенно ослабла. Миссис Грант из Лаггана, которая в молодости жила в Олбани и была близко знакома с домашними сэра Уильяма Джонсона, говорит о сестре молодого Тайенданеги, которая была тесно связана с семьей баронета, как о "дочери сахема". [FN-2]

[FN-1] Эти пять сахемов, или индийских королей, как их называли, были доставлены в Англию полковником Шайлером. Их прибытие в Лондон произвело большую сенсацию не только в столице, но и по всему королевству. Население следовало за ними, куда бы они ни пошли. Двор в то время был в трауре по случаю смерти принца Датского, и вожди были одеты в черное нижнее белье на английский манер; но вместо одеял на каждом из них была накинута поверх всей остальной одежды мантия из алой ткани с золотой каймой. Это платье было выбрано костюмерами театра и подарено королевой. Аудиенция у ее Величества была более чем обычной торжественности. Сэр Чарльз Коттерел проводил их в Сент-Джеймс в двух каретах и представил королевскому присутствию герцогом Шрусбери, в то время лордом-камергером. [История Смита.] Олдмиксон сохранил речь, произнесенную ими по этому случаю, и несколько историков зафиксировали этот визит. Сэр Ричард Стилупоминает этих вождей в "Татлере" от 13 мая 1710 года, Аддисон также посвятил им ряд статей в "Зрителе".

[FN-2] "Мемуары американской леди", глава xxxix.

В рукописном дневнике сэра Уильяма Джонсона, на который только что ссылались и о котором более подробно упоминалось во Введении, баронет часто имел случай говорить о Бранте из Канаджохари. Иногда его называли "Никус Брант", а в других — *Арогьядага*, но чаще всего "Старый Никус" или "Старина Брант". Поскольку эти личные дневники сэра Уильяма никогда не видели света и сами по себе любопытны, несколько выдержек, вероятно, не будут неприемлемыми для читателя, поскольку они послужат не только иллюстрацией нынешней истории, но и характера общения и отношений, существующих между англичанами и индийцами под руководством этого выдающегося офицера индийского департамента. Более точное представление о характере и значении семьи вождя также можно составить из предлагаемых к приведению отрывков, которые в некоторой степени отражают взаимоотношения, поддерживавшиеся между семьями белых и краснокожих воинов.

Следует иметь в виду, что дневник, на который мы ссылаемся, был написан в 1757, 58 и 59 годах — в разгар старой французской войны, закончившейся завоеванием Канады в 1763 году. Экспедиция против этой колонии под руководством лорда Лудуна, запланированная в начале прошлого года, была отменена из-за неспособности его светлости вывести на поле боя достаточное количество войск, чтобы встретить тяжелые подкрепления, присланные в том году из Франции. Тем временем маркиз де Монкальм с армией в 9000 человек продвинулся через озеро Джордж и захватил форт Уильям Генри, за осадой которого последовала ужасная резня, а затем угрожал форту Эдвард и поселениям на Гудзоне; в то время как на западе французы со своими союзниками—индейцами постоянно угрожали вторжением со стороны Освиго; а их разведчики и отряды охотников за скальпами досаждали немецким поселениям на Верхнем Могавке и постоянно беспокоили шесть наций — или ирокезов, — которые всегда были объектами французской враждебности. . При таком положении вещей требовалась предельная активность со стороны сэра Уильяма Джонсона, его офицеров и союзников-индейцев, чтобы быть в курсе действительных или предполагаемых передвижений их коварных врагов. Поэтому

до конца года индейские разведчики и посыльные были постоянно заняты по всей дикой местности от озера Шамплейн до Ниагары и форта Дю Кен на реке Огайо. С этим объяснением мы переходим к дневнику:

"1757.—*Ноябрь*. 4. Канадиораха, он же сын Никуса Бранта, который отправился на поиски Де Конаня до самой Онейды, приехал сюда (Форт Джонсон) и сказал, что осведомился, какие новости ходят среди жителей Онейды. Один из сахемов рассказал ему ту же новость, которую Огагте принес несколько дней назад, о том, что французы намереваются прекратить подвоз пороха из Шести стран, — о строительстве форта близ Ченнасио и т. Д. — Что это произвело большой шум среди наций и вызвало у них беспокойство; поэтому они часто собирались в Ченнасио и часто держали между собой большие советы, как действовать в этом деле последнего момента. Далее, в Онейде ему сказали, что всего два дня назад Шесть Наций получили сообщение от твайтвисов (Miamiies), в котором их братья из Шести наций сообщали, что они слышали о дерзкой попытке французов уничтожить Шесть Наций; и что после многочисленных провокаций, которые устроили им французы, подстрекая их к войне против англичан и т.д. Теперь они были полны решимости обратить топор войны против французов и решили провести страну Шести наций своим путем войны. Они ожидали, что не будут задерживаться, а к ним немедленно присоединятся воины Шести наций и двинутся в сторону Канады. Он также сказал, что слышал, как иностранные (далекие) народы очень жаловались на отсутствие торговли с англичанами; и Тахади, вождь племени ченундиди, сказал, что французы остановили его, чтобы продать свои меха в Катаракки, и что он не получил и половины того количества товаров, которое мог (бы) получить от англичан, и что он намеревался сохранить свои меха на будущее, а весной отправиться с ними в Олбани, и в то же время ходатайствовать перед сэром Уильямом от имени всех западных наций, чтобы разрешить им снова торговать — и что он намеревался сохранить свои меха на будущее. дальше Канадиорха сказал "нет".

В следующем отрывке будет видно, что сэр Уильям говорит о Бранте как о "сахеме". Конечно, в то время это мог быть не кто иной, как старейшина, или "Старый Брант", поскольку Джозефу тогда было не более шестнадцати лет.

"1758—15апреляth. Сэр Уильям отправился в Канаджохари и взял с собой капитанов Джонсона, [FN-1] Фонда и Якобуса Клемента, чтобы уладить кое-какие дела с индейцами этого замка. Он прибыл той ночью". [FN-2]

[FN-1] Гай Джонсон, его зять.

[FN-2] Эта запись сделана не рукой сэра Уильяма, а неким "П. У.", который был его личным секретарем,

"16апреляth. Он передал связку вампума Бранту и Паулюсу, двум сахемам, желая, чтобы они вывели всех своих людей из леса на встречу, которую он предложил провести с ними на следующий день, на которой он должен сообщить им об удовольствии генерала Аберкромби, о своих собственных склонностях и советах, а также о том, что произошло между ним и несколькими странами, которые в последнее время провели с ним несколько встреч".

В настоящее время велись приготовления к более грозной и энергичной кампании под командованием генерала Аберкромби, сменившего лорда Лаудуна. Его целью было нападение

на Тикондерогу и, в случае успеха, наступление на Краун-Пойнт и Монреаль. Французы в Канаде, конечно, предпринимали соответствующие усилия для отражения ожидаемого вторжения. С целью отвлечения внимания, раздражая колонию Нью-Йорк с другой стороны, они, как говорили, готовились вторгнуться в долину Мохок через Освего и Форт Стэнвикс. В конце апреля отряд их индейцев совершил смелое вторжение в Бернетсфилд, на южном берегу Мохока, и разрушил все поселение, вырезав мужчин, женщин и детей — всего тридцать три человека, то есть все население, за исключением двух человек. Точно так же были совершены бесчинства на Немецких равнинах, где несколько индейцев были убиты местными жителями. Ополченцам был немедленно отдан приказ выступить в поход на встречу в Канаджохари, куда сэр Уильям отправился 4 мая, чтобы повести их против врага, который, как сообщалось в тот же день, был сосредоточен в большом перевалочном пункте (Форт Стэнвикс).

Между тем было хорошо известно, что французы не упустили из виду ни одного средства, чтобы склонить пять самых западных племен Шести наций отказаться от их преданности англичанам. У них уже давно были свои священники-иезуиты среди племен онейда, онондага и т. Д.; И произошло множество обстоятельств, побудивших могавков не доверять своим собратьям из других племен. При таких обстоятельствах сэр Уильям получил приглашение, отмеченное в его дневнике следующим образом:

"4апреля. Сэр Уильям получил приглашение от Шести наций присутствовать на торжественном собрании, которое состоится в Онондаге через несколько дней, куда он намерен отправиться на случай, если последняя тревога окажется беспочвенной".

Баронет прибыл в Канаджохари вечером и присутствовал на танцах молодых воинов, сняв скальп с одного из враждебных индейцев, участвовавших в недавнем вторжении, который был убит на Германских равнинах. Так говорится о нем в дневнике, написанном рукой секретаря сэра Уильяма.

Было найдено тело Откеандагегте, воина племени онондага, который несколько лет жил в Свегачи и в прошлом был другом сэра Уильяма. На рукоятке (его ножа) было выгравировано его имя и указано, как часто он бывал на войне, вместе с этой надписью — *"Откажитесь от камеры Жансона".*

Сэр Уильям пользовался большим уважением у Шести наций, и могавки, в частности, его очень любили. Эта привязанность проявлялась не только в их действиях, но часто в их речах, на их советах и в их заботе о его благополучии во время болезни и о его безопасности в полевых условиях. [FN] При таких их чувствах к баронету они неохотно, при существующих обстоятельствах, позволяли ему отдать себя во власть индейцев, которые собирались у Большого Костра Совета в Онондаге. Они также опасались, что он может подвергнуться опасности со стороны некоторых групп французов, охотящихся за скальпами. Эти объяснения сделают понятными следующие выдержки из дневника: —

По этому поводу, в конце совета, сэр Уильям говорит— "Когда я пил за них на прощание, они в ответ выпили за мое здоровье и поблагодарили Бога, что я вылечился от своей недавней болезни. Тогда все они сказали, что это счастье, что я тогда не умер; ибо, сказали они, "если бы ты умер, мы и англичане, как мы видим, очень скоро получили бы по ушам; и мы боимся, что так

и будет, когда ты умрешь или покинешь нас ". Опять же, на другом совете вожди начали свою речь:

"БРАТ, мы чрезвычайно рады видеть, что ты так хорошо оправился от своей поздней очень опасной болезни, и благодарим за это Великого Духа свыше. Если бы вас забрали у нас в тот раз, наш случай был бы печальным, а наше положение крайне шатким. Мы опасаемся, что так будет всякий раз, когда мы потеряем тебя".

Дневник, 14-19 января 1758 г.

"*Мау* 5. Сэр Уильям, не имея дальнейших сведений о появлении врага, послал разведку в составе двух могавков, двух канаджохари и белого человека дойти до Вуд-Крик и озера Онейда, чтобы удостовериться в достоверности тревоги. Около полудня все женщины знатных людей этого замка собрались в квартире сэра Уильяма и привели с собой нескольких сахемов, которые сообщили сэру Уильяму, что им есть что сказать ему от имени своих знатных женщин.

"Старый Никус (Брант), назначенный спикером, начал свое выступление с соболезнования сэру Уильяму в связи с потерями, понесенными его народом, а затем продолжил:—

"БРАТ, мы понимаем, что ты намерен отправиться на встречу в Онондагу; мы не можем удержаться, чтобы не поговорить с тобой об этом поясе вампума и не поделиться нашими чувствами по поводу твоего предполагаемого путешествия. Во-первых, мы считаем, что это совершенно противоречит обычаям любых губернаторов или суперинтендантов по делам индейцев, вызываемых в Онондагу по государственным делам, поскольку горящий там костер совета служит только для частных консультаций конфедерации; и когда вопросы будут завершены и разрешены там, конфедерация должна отправиться к большому камину, который находится в вашем доме, и там высказать свое заключение. Во-вторых, мы почти убеждены, что приглашение является незаконным и не согласовано и не желательно конфедерацией, а только Qneidas, что дает нам еще больше оснований беспокоиться о вашем посещении, поскольку это выглядит очень подозрительно. Разве они не сказали вам, когда приглашали вас, что путь дружбы был свободен, и все препятствия, которые были раньше, устранены? Они едва произносили это вслух, и жестокости совершались на равнинах Германии, где оставшиеся в живых наши бедные братья были убиты вражескими индейцами. Ясен ли это путь мира и дружбы? Разве вам не пришлось бы пройти весь путь по крови бедных невинных мужчин, женщин и детей, которые были убиты после того, как их похитили?

"БРАТ, клянусь этим поясом вампума, мы, женщины, окружаем тебя и висим вокруг тебя, как маленькие дети, которые плачут из-за того, что их родители уходят от них, из страха, что они никогда больше не вернутся, чтобы покормить их; и мы искренне просим тебя прислушаться к нашей просьбе и воздержаться от своего путешествия. Мы льстим себя надеждой, что вы отнесетесь к этой нашей речи с таким же вниманием, как и все наши мужчины, которые, когда к ним обращаются женщины и желают воздержаться от какого-либо опрометчивого предприятия, немедленно уступают, хотя раньше все остальные пытались отговорить их от этого и не могли одержать верх ".

Отдал Ремень.

"*Канаджохари, 7 мая.* Сегодня днем сэр Уильям встретился с главными женщинами этого замка и поблагодарил их за их соболезнование в пятый раз. В то же время он выразил им

соболезнования в связи с потерей одного из племени Медведя, который принадлежал вождю этого племени, вместе с одеялом, рубашкой и чулками".

Нитка Вампума.

Сэр Уильям сказал им, что ответит на их речь о своем путешествии, когда вернутся гонцы, отправившиеся в Онейду. Он также сделал личные подарки нескольким верховным женщинам каждого племени, по одеялу и рубашке каждой".

"*May 10th.* Сегодня днем сэр Уильям ответил на речь главных женщин этого замка, обращенную к нему 5—го числа, следующим образом:

"Дьяттего, твою нежную речь, произнесенную несколько дней назад, я обдумал и вслед за этим отправил гонцов в Онейду, чтобы узнать, как там обстоят дела после того, что произошло на немецких квартирах, и по-прежнему ли необходимо мое присутствие на собрании. Эти посланцы возвращаются, и из них я узнаю, что сахемы Онейды также не одобряют мои дальнейшие действия по разным причинам, которые они приводят в своем ответе. Поэтому я выполняю вашу просьбу вернуться и сердечно поблагодарю вас за огромную нежность и любовь, выраженные ко мне в вашей речи".

Вернул им Пояс.

Следующая запись, в которой встречается имя Никуса Бранта, датирована 18 ноября 1758 года, в которой он назван главным сахемом Канаджохари. Должно быть, он также был человеком, пользующимся доверием и влиянием, поскольку в то время только что вернулся с важной миссии в большом индейском совете в Пенсильвании.

"*Форт Джонсон*, 18 ноября 1758 года. Никус, главный сахем Канаджохари, прибыл со встречи в Истоне и в присутствии Пояса, вождя племени сенека, еще нескольких представителей упомянутого народа, Рыжеголовых и еще нескольких онондагоев показал мне все пояса, которыми обменивались губернаторы Пенсильвании, Нью-Джерси, и эти несколько индейских народов, собравшихся там, с указанием их значения, которое мне нет необходимости здесь приводить".

В совете в Истоне состоялись важные переговоры о земле, в результате которых представители Пенсильвании согласились передать Шести нациям определенные территории, купленные у них в Олбани в 1754 году, но продажа которых вызвала недовольство племен. Никус пожелал, чтобы сэр Уильям сообщил эту информацию индейцам, когда они вернутся с охоты; и сэр Уильям приказал Никусу положить конец беспорядкам в его племени и тому ущербу, который они причиняли собственности, поскольку "такое варварство должно привести к очень фатальным последствиям".

В дневнике говорится: "Он сказал мне, что с величайшим беспокойством выслушал то, что я ему сказал, и заверил меня, что приложит все усилия, что в его силах, чтобы сдержать их и попытаться навести надлежащий порядок; но сомневается в успехе, пока в стране такой поток рома, который один только и заставляет их совершать такие нарушения, и который, если его не предотвратить, неизбежно уничтожит их всех за короткое время". [FN]

[FN] Распространение и пагубное воздействие горячительных напитков среди индейцев было частым предметом жалоб даже в те далекие времена, о чем неоднократно свидетельствуют записки сэра Уильяма и записи обращенных к нему индейских речей.

18 января 1759 года сэр Уильям провел конференцию в замке Канаджохари с вождями племен ирокезов и сенека. Выразив им соболезнования в связи с их потерями от болезни с помощью трех струн вампума и в связи с их потерями от войны с таким же количеством струн, он обратился к ним следующим образом: —

"БРАТЬЯ ДВУХ ЗАМКОВ ИРОКЕЗОВ И СЕНЕКАСА: Пользуясь первой возможностью, сообщаю вам, что Его Величеству было угодно назначить генерал-лейтенанта Амхерста, главнокомандующего всеми его войсками в Северной Америке, в кабинет генерал-лейтенанта Аберкромби, которого называют домом. Также генерал в письме пожелал, чтобы я приложил все усилия, чтобы как можно большее число наших братьев, Шести Наций, присоединились к нему ранней весной следующего года против нашего общего врага, насколько это возможно. Я постараюсь это сделать и был бы рад вашему совету и помощи в этом, которые, клянусь этим поясом вампума, я желаю, чтобы вы, как наши верные друзья, оказали мне.

-Ремень.

"БРАТЬЯ: Поскольку вы все знакомы с недавним жестоким и беспрецедентным убийством Джона М.^к Майкла, одного из наших людей, индейцем племени Каюга близ Форта Стэнвикс, которого он нанял сопровождать его в Форт Херкимер, я не буду пересказывать вам неприятные обстоятельства, поскольку я понимаю, что это касается вас так же, как и меня. Сейчас я хотел бы только спросить ваше мнение о том, какие надлежащие шаги следует предпринять в этом деле, поскольку оно всегда будет иметь для меня большое значение.

"Три струны."

[FN] Всегда пишется так сэром Уильямом Джонсоном.

"БРАТЬЯ: Недавно я получил от капитана Фонда эти нити вампума с "Онейды", которыми, как они говорят, я приглашен на собрание, которое планируется провести в ближайшее время в Онондаге, где вам также желательно присутствовать. Я готов и горю желанием уйти, если вы считаете, что это пойдет на пользу службе. В то же время я должен заметить вам, что считаю это беспрецедентным способом пригласить вас или меня, без того, чтобы кто-то из Онондага отказался от этого, как обычно. Тем не менее, я подчиняюсь вашему суждению, поскольку я лучше знаком с их формами, и ожидаю, что вы сообщите его мне, а также свое мнение о надлежащих шагах, которые мне следует предпринять, чтобы передать то, что наши пленники могут быть среди народов".

Три струны.

"Do. Die. Тарраварриакс и другой сахем Сенека пришли к сэру Уильяму, в дом Бранта, и рассказали ему, и т.д.

"19января. Сахемы и др., собравшись в зале совета, послали сообщить сэру Уильяму, что они готовы ответить на то, что он накануне поставил перед ними. На котором он вместе с теми же

джентльменами, которые присутствовали при нем вчера, отправился на собрание, где Арогьядека, он же Старый Брант, вождь канаджохари, произнес следующие слова:—

"БРАТ ВАРРАГИЙСГЕЙ [FN] — Мы очень признательны вам за то, что вы так своевременно уведомили нас о желании и намерениях генерала, и мы надеемся и желаем, чтобы он был готов выйти на поле боя очень рано, что, по нашему мнению, всегда следует делать. Вы можете рассчитывать на нашу привязанность и помощь; мы полны решимости, как мы заявили вам в начале этой войны, выстоять или пасть вместе с вами. И поскольку вы хотели узнать наше мнение относительно Шести Народов, мы рассмотрели его и считаем, что будет лучше, если вы как можно скорее призовете их сахемов, главных воинов и ведущих женщин к себе домой, где мы будем готовы присутствовать и помогать вам всем, что в наших силах.

-Вернул Пояс."

Имя, которым индейцы наградили сэра Уильяма и которым к нему почти неизменно обращались.

"БРАТ: Недавнее убийство одного из наших братьев недалеко от места перевалки, совершенное одной из высших наций в интересах Франции, вызывает у нас большую озабоченность, и мы считаем, что он должен быть сурово наказан за это. Но поскольку мы надеемся, что Шесть Наций теперь будут играть лучшую роль, чем до сих пор, мы бы посоветовали вам ничего не говорить об этом, пока они не придут на встречу в вашем доме, и тогда, мы думаем, чем мягче вы будете говорить с ними, тем лучше на данный момент. И это наше мнение.

"Вернул три строки.

"БРАТ: Что касается нитей вампума, недавно присланных Онейдами, чтобы пригласить вас и нас на встречу в Онондаге, мы думаем вместе с вами, что это не соответствовало нашему древнему и обычному обычаю, и даже не было надлежащим приглашением. Мы придерживаемся мнения, что то, что вы пригласили их всех к себе домой, гораздо лучше и более соответствует вашему характеру. Поэтому мы были бы очень рады, если бы вы передали им приглашение и в то же время послали несколько ниток вампума, желая, чтобы они привезли тех пленников из наших братьев, которые могут быть среди них.

-Три нити Вампума.

"БРАТ: Мы возвращаем тебе нашу сердечную благодарность за доверие, которое ты нам оказываешь, и будь уверен, мы всегда будем учиться действовать так, чтобы сохранить твое хорошее мнение о нас. Мы также благодарны вам за хорошие новости, которые вы сообщили нам вчера, и сердечно поздравляем вас с этим и надеемся, что "Королевский герб" добьется дальнейших успехов".

Курс, предложенный вождями, был принят сэром Уильямом, и гонцы с обычными значительными поясами были немедленно отправлены к кайюгам и онондагам. Это принесло наилучшие результаты, как явствует из последующих записей в Дневнике. Мистер М.^c Майкл, убитый вероломным Каюгой, был известным торговцем, и особая жестокость его убийства вызвала глубокое чувство негодования, для которого обстоятельства предательства и двуличия, изложенные в официальном отчете командира форта Стэнвикс сэру Уильяму, были полным

основанием. Каюги, не теряя времени, выразили свое сожаление и отвращение к преступлению, как видно из следующей выдержки из дневника баронета:

[FN] Автор, конечно, осознает, что это отступление от его основной темы; но инцидент интересный, и речь кайюга достойна сохранения из-за ее простого пафоса, а также в качестве иллюстрации индийского характера. Семья мистера М.^с Майкла по-прежнему является одними из самых респектабельных жителей Скенектади.

"Форт Джонсон, 5 февраля. Сканаради, Теугсарагарат и Оттаванио, три вождя народа кайюга, прибыли сюда с еще несколькими, и после того, как Клемент, переводчик, представил их, они начали и сказали:

"БРАТ ВАРРАГИЯГЕЙ: Несчастное убийство одного из наших братьев недалеко от места переноски Онейды стало поводом для нашего прибытия сюда в это суровое время года. Наша нация не успокоилась бы, пока не поговорила бы с вами об этом. Сейчас мы от их имени вытираем слезы с ваших глаз, чтобы вам было приятно смотреть на нас. Мы также устраняем все препятствия и прочищаем вам горло, чтобы вы могли говорить с нами ясно и дружелюбно. Наконец, мы вытираем кровь нашего брата, недавно убитого недалеко от места переноски, чтобы вид этого больше не вызывал у нас беспокойства.

-Три нити Вампума.

Сэр Уильям сказал им, что будет готов на следующее утро выслушать то, что они хотели бы сказать дальше, и хотел бы, чтобы его соседи, могауки, присутствовали.

"Среда, 6 февраля. Прибыло около двадцати ирокезов. Кайюги, узнав, что сэр Уильям вместе с могавками и двумя онондагоэ готовы их выслушать, вошли в Совет, и Сканаради произнес следующую речь:

"БРАТ ВАРРАГИЯГЕЙ: Вчера по прибытии мы вытерли слезы с твоих глаз, и теперь, следуя обычаю наших предков, мы вынимаем французский топор (который они подарили одному из наших глупых, введенных в заблуждение молодых людей, дав ему большие награды и дав ему большие обещания, если он воспользуется им против наших братьев англичан) из твоей головы и закапываем его в глубоком пруду, где его никогда не найдут; также, с этим поясом из вампума, мы заверяем тебя, что он доставляет нашей нации столько же беспокойства, сколько и другие. вы можете это сделать и обещаете, что будете проявлять величайшую осторожность, чтобы предотвратить подобное в будущем.

-Черно-белый пояс.

"БРАТ: Этим поясом мы покрываем его могилу, чтобы вид ее больше не беспокоил ни вас, ни нас.

-Белый пояс.

"БРАТ: Этими веревочками мы поднимаем вашу голову, которая сейчас опущена из-за потери одного из наших братьев, и умоляем вас больше не хранить печаль в своих мыслях

-Три нити Вампума.

"БРАТ: Наконец, мы искренне просим вас не пренебрегать управлением нашими делами из-за того, что произошло, поскольку ваше пренебрежение ими в любое время, но особенно в это время, должно огорчить нас и привести конфедерацию в замешательство.

-Черно-белый пояс."

На что сэр Уильям ответил: —

"БРАТЯ КАЮГИ: Я слышал, что вы сказали об этих поясах, и только сейчас сообщаю вам, что я отложу вступление в это дело до встречи Пяти наций, которая, я ожидаю, состоится скоро, поскольку я пригласил их всех сюда. Тогда вы и они услышите, что я должен сказать по этому поводу, а до тех пор ваши пояса будут в безопасности".

11 февраля сэр Уильям отправился в Канаджохари, куда он пригласил на встречу вождей и воинов племени ирокезов. Повод и ход разбирательства будут понятны из прилагаемой выдержки:—

"Понедельник, февраль. 12-8 ночи. Когда все были в сборе, сэр Уильям сказал им, что причина его приезда в их замок заключалась в том, чтобы отправить несколько их самых бойких людей присоединиться к капитану Лоттериджу и нескольким могавкам и шохари в разведку в Тьендераго, [FN] или Краун—Пойнт, чтобы посмотреть, что замышляет враг, и добыть ему пленного, от которого он мог бы получать более точные сведения, чем ежедневно получает генерал, и которые позволили бы генералу принять надлежащие меры для защиты страны до начала кампании, -и что они будут готовы к нападению. будьте готовы через два дня отправиться к нему домой, где их снабдят всем необходимым для такой службы.

-Раскрашенный Боевой пояс, брошенный между ними."

[FN] Тикондерога — так всегда пишется сэр Уильям Джонсон.

Как только пояс был брошен среди них, Сонугсас, вождь племени Медведей, встал, взял пояс в руку и запел свою боевую песню, и за ним последовали еще несколько человек из каждого племени. Тогда Арохигадека, главный сахем замка, встал и сказал: —

"БРАТ ВАРРАГИЯГЕЙ: Мы, сахемы и воины замка Канаджохари, немедленно прекратили нашу охоту по вашему зову и сделали все возможное, чтобы встретиться с вами здесь, где мы все искренне рады вас видеть; и в ответ на ваше желание, без каких-либо колебаний присутствующие молодые люди просят меня передать вам, что они будут готовы отправиться с капитаном Лоттериджем, ирокезами и т.д. На службу, которая вам требуется, и у нас нет причин сомневаться, что вы это сделаете (в их отсутствие) позаботьтесь о своих семьях, которые крайне бедны и очень нуждаются в провизии.

-Сюда вернулся Боевой пояс.

Сэр Уильям поблагодарил их за готовность, которую они проявили по этому случаю, и сказал, что даст их семьям немного провизии на время их отсутствия или денег на ее покупку, чтобы они не страдали. Затем он устроил им прием, как обычно в таких случаях, и расстался. Он покинул замок во вторник утром и прибыл в Форт Джонсон той же ночью.

Следующее упоминание о Брантах, содержащееся в разорванных рукописях сэра Уильяма, встречается в его личном дневнике о его поездке в Детройт в 1761 году, после капитуляции Канады. Затем на сэра Уильяма легла обязанность встретиться с индейцами племени аборигенов в районе великих озер, ранее находившимися под влиянием французов, а многие из них находились на службе у них, в Большом совете в Детройте, — установить с ними дружеские отношения и добиться передачи тойквари преданности, которую индейцы обычно признавали белым, французам, англичанам или американцам. В дополнение к его собственной ближайшей свите, среди которой был его сын, лейтенант Джонсон (впоследствии сэр Джон), в экспедиции его сопровождал отряд солдат и отряд воинов племени ирокезов. Находясь на Ниагаре, сэр Уильям отмечает:

Автор уже признал свою признательность Арчибальду Джонсону, эсквайру из Нижней Канады, за оригинал этого очень интересного дневника, который, как мы надеемся, найдет большее применение в другой работе.

"Понедельник, 10 августа. Никус из Канаджохари, индеец, прибыл сюда и сообщил мне, что несколько человек из его замка умерли от злокачественной лихорадки; и что вся семья Бранта была больна тем же заболеванием, за исключением старухи. Он также сказал мне, что слышал по дороге от нескольких индейцев, что я должен был быть уничтожен или убит по пути в Детройт; и что индейцы, несомненно, были полны решимости восстать и пасть против англичан, поскольку несколько тысяч оттавцев и других народов согласились присоединиться к Пяти нациям в этом плане или заговоре".

Никус Хэнс — другое имя и человек, отличный от Никуса Бранта, об этом Никусе неоднократно упоминается в предыдущих официальных дневниках сэра Уильяма. Следующие цитаты приводятся в качестве любопытных иллюстраций индийских обычаев:

"Форт Джонсон, 22 мая 1757 года. Сэр Уильям поговорил с Никусом Хэнсом, он же Тайкарихого, вождем племени канаджохари, который пришел навестить его, и сказал ему, что, поскольку он очень обеспокоен потерей своей (по словам Хэнса) матери, которая недавно умерла, он ожидает, что тот избавит его от беспокойства, отправившись на войну и захватив либо пленника, либо скальп, чтобы положить в ее комнату или вместо него, как это обычно бывает у индейцев. После этого сэр Уильям наградил его очень хорошим черным поясом, чтобы исполнить его просьбу. Тайкарихого поблагодарил сэра Уильяма за беспокойство, которое он разделял в связи с потерей своей матери, принял пояс и пообещал, что по возвращении домой соберет своих молодых людей и передаст им пояс сэра Уильяма и его просьбу". [Вручение пояса таким образом было своего рода поручением сформировать группу по снятию скальпов против сил или поселений врага.—Автор.]

Аналогичного характера носит следующая выдержка из Дневника:

"Олбани, 18 мая 1758 года. Капитан. Джейкоб Хед из отряда стокбриджских индейцев принес в жилище сэра Уильяма четыре французских скальпа, которые его двоюродный брат, вождь другого отряда упомянутых индейцев, отобрал у врага за несколько дней до этого, и вышеупомянутый Джейкоб рассказал следующее:

"*Брат Варрагиягей*: Этот скальп (тот, к которому привязан черный пояс, раскрашенный) Я хотел бы, возможно, передать ее дяде моей жены, старому Никусу из Канаджохари, чтобы он заменил ее мать, которая была его сестрой.

"Этот скальп (имеется в виду другой скальп на той же палке с привязанным к нему пучком черного вампума) я посылаю вышеупомянутому человеку взамен Юсени, которая была женой Тарагери.

"Этот скальп (имеется в виду отдельный скальп на палке с пучком черного вампума) мой кузен, капитан Джейкоб, дарит взамен старого короля Канаджохари Хендрика. [Убит в 1755 году в битве при Лейк-Джордже.—*Автор*.]

"Этот скальп (имеется в виду маленький скальп, перевязанный пучком вампума) мой упомянутый кузен отдает взамен сына Никуса, который был убит в битве у Озера под вашим командованием".

Однако нет необходимости приводить множество ссылок на непосредственно рассматриваемый вопрос. Цель уже сделанных заключалась в том, чтобы развеять сомнения, если это возможно, и установить факт относительно непосредственного происхождения Тайенданеги, известного как Джозеф Брант; хотя, как полагают, случайная история, обязательно включенная в эти выдержки, не была полностью лишена интереса. И хотя этот факт нигде не утверждается положительно, все же есть много оснований предполагать, что он был сыном Никуса Бранта, чье индейское имя, согласно сэру Уильяму Джонсону, было *Арохьядека*; но которое семья сообщила автору как *Теховагвенгарагвин*. Из приведенных отрывков видно, что Никус Брант был выдающимся деятелем Канаджохари и знаменитостью, между которым и сэром Уильямом существовали тесные дружеские отношения. Когда баронета вызывали в Канаджохари по делам или отдохнуть, он располагался "в доме Бранта", как было отмечено в его собственном Дневнике. Также хорошо известно, что после кончины леди Джонсон (событие, произошедшее за несколько лет до периода, о котором мы сейчас пишем, и до того, как он получил титул баронета в Лейк-Джордже) сэр Уильям взял в свой дом в качестве жены Мэри Брант, или "мисс Молли", как ее называли, с которой он жил до своей кончины в 1774 году и от которой у него было несколько детей. Это обстоятельство так упоминается миссис Грант в ее восхитительной книге, о которой уже шла речь: "Овдовев в расцвете сил, он связал себя с индийской девушкой, дочерью сахема, которая обладала необычайно приятным характером и хорошим пониманием; и независимо от того, была ли она когда-либо официально замужем за ним в соответствии с нашими обычаями или нет, продолжала жить с ним в большом союзе и привязанности всю свою жизнь". Сам баронет неоднократно упоминает об этой индианке в своих личных дневниках. Во время его экспедиции в Детройт появляются записи о получении известий из дома и о том, что он написал "Молли". Он всегда доброжелательно отзывался о ней, *ex gr*:—

"*Среда, 21 октября* Встретил сэра Роберта Дейверса и капитана Этерингтона, которые передали мне пачку писем от генерала Амхерста. . . . Капитан Этерингтон сказал мне, что у Молли родилась девочка: что в моем доме, где они пробыли два дня, все в порядке".

Но вернемся к этим отступлениям. Молли, как уже говорилось, была сестрой Тайенданеги; и оба, согласно сообщению Лондонского журнала за 1776 год, самому раннему печатному свидетельству на эту тему, были внуками одного из вождей могавков, посетивших Англию

полвека назад. То, что его отец был вождем, также было приведено в доказательство несколькими авторитетными источниками; к этому можно добавить Биографический словарь Аллена, где этот факт положительно утверждается. Таким образом, исходя из такого объема свидетельств, прямых и косвенных, рискованно, но очень мало предположить, что Джозеф Брант, согласно заявлению доктора Стюарта, был не только скромного и плебейского происхождения, но и самого благородного происхождения среди своей нации.

Президент Аллен связан узами брака с семьей покойного президента Уилока, и у него были прекрасные возможности для установления вероятной истины.

О ранней юности Джозефа нет никаких сведений, кроме того, что он был очень молод, когда впервые вступил на тропу войны. В одном из источников, на которые уже делались ссылки, [FN-1] утверждается, что, достигнув тринадцатилетнего возраста, он присоединился к воинам своего племени под командованием сэра Уильяма Джонсона и присутствовал при достопамятной битве при Лейк-Джордж, в которой французы потерпели поражение, а их командир, барон Дискау, был смертельно ранен. Могавков повел в бой их знаменитый король, храбрый старый Хендрик, который был убит. [FN-2] Именно эта победа заложила фундамент военной славы сэра Уильяма и в награду за нее ему было присвоено звание баронета. Сообщается, что, рассказывая подробности этого кровавого сражения доктору Стюарту, молодой воин признал, "Что это было первое сражение, при котором он присутствовал, и когда началась стрельба, его охватила такая дрожь, что ему пришлось ухватиться за небольшое молодое деревце, чтобы не упасть; но что после нескольких выстрелов к нему вернулось умение пользоваться своими конечностями и душевное равновесие, чтобы поддержать репутацию храброго человека, в чем он был чрезвычайно честолобив". Без сомнения, он был воином по натуре. "Мне нравится, - сказал он однажды в последующей жизни, когда разговор зашел о музыке, - хорошо играть на клавесине, а еще лучше на органе; но больше всего мне нравятся барабан и труба, потому что они заставляют мое сердце биться быстрее".

[FN-1] Христианский регистр.

[FN-2] Был созван военный совет. 8 сентября. Было предложено отправить отряд навстречу врагу. Когда Хендрику назвали это число, он ответил— "Если они должны сражаться, их слишком мало; если они должны быть убиты, их слишком много". Когда было предложено отправить отряд тремя группами, Хендрик взял три палки и сказал: "Сложите их вместе, и вы не сможете их сломать; берите их одну за другой, и вы сделаете это легко". Совету Хендрика последовали, и результатом стала победа.—Холмс.

[FN-3] Письмо Т. Кэмпбелла Ахьонвэгу,

Президент Аллен утверждает, что у отца Тайенданеги было трое сыновей, служивших в армии сэра Уильяма Джонсона в 1756 году. Из них Джозеф, вероятно, был самым младшим, поскольку в битве при Лейк-Джордже в 1755 году ему было всего тринадцать. Действительно, молодой воин; но он вполне мог быть там даже в таком нежном возрасте, поскольку, судя по всем дошедшим до нас рассказам, он, должно быть, был юношей необычайной предприимчивости,

рано обещавшим проявить те выдающиеся качества, которые были развиты в ходе жизни, полной разнообразных и важных действий.

Юный воин также сопровождал сэра Уильяма во время Ниагарской кампании 1759 года и, как говорят, проявил выдающуюся храбрость в блестящих достижениях баронета после того, как главное командование перешло к нему в результате смерти генерала Придо. Генерал Придо, командовавший экспедицией, был убит случайным взрывом когорны 20 июля, вскоре после начала осады; но сэр Уильям разумно и энергично проводил в жизнь план своего поверженного начальника. 24 июля г-н Д'Обри подошел к крепости с большим войском, чтобы снять осаду. Последовало ожесточенное сражение в открытом поле, которое привело к победе британского оружия и оружия провинций. Французы начали бой с большой стремительностью, но сэр Уильям был хорошо подготовлен к их приему. После получасовой упорной борьбы французы сломались, и судьба дня была решена. Бегство французов было кровавым и катастрофическим на протяжении пяти миль, на этом расстоянии Д'Обри и большинство его офицеров были взяты в плен. Индейцы вели себя в этом случае необычайно хорошо, и Брант был среди них. На следующий день баронет так энергично проводил свои операции, что форт был взят со всеми его военными припасами и примерно шестьюстами пленными. Этим ударом французы были отрезаны от своего проекта поддержания линии укрепленных коммуникаций с Луизианой.

Усилия сэра Уильяма Джонсона по улучшению морального и социального положения своих соседей-могавков были не последним из его похвальных подвигов среди этого храброго и рыцарственного народа. Оказав помощь в строительстве церквей и поиске миссионеров среди них, по просьбе преподобного мистера Киркланда и других, он отобрал несколько молодых ирокезов и отправил их в "Moor Charity School", основанную в Лебаноне, штат Коннектикут, под непосредственным руководством преподобного доктора Элеазера Уилока, впоследствии президента Дартмутского колледжа, основой которого, после перевода, стала эта школа. Среди отобранных таким образом молодых людей был юный Тайенданеги, многообещающий брат "Мисс Молли".

Точный год, в котором он был таким образом передан под опеку доктора Уилока, в настоящее время установить невозможно. Сама школа была открыта для приема индийских учеников, по общему признанию, как индийская миссионерская школа, в 1748 году; первый индийский ученый, Самсон Оккам, был принят в нее пятью годами ранее.[FN-1] Утверждалось, что Джозеф был принят в школу в июле 1761 года, когда ему, должно быть, было девятнадцать лет, и на этот счет была процитирована записка его наставника. Однако, по словам доктора Стюарта, [FN-2] он был всего лишь мальчиком, когда его впервые отправили в Ливан; и вскоре выяснится, что запись доктора Уилока, скорее всего, была неверной. Несомненно, в тот год он учился в школе и, весьма вероятно, собирался покинуть ее, поскольку три года спустя его обнаружат обосновавшимся в его родной долине и занятым совсем другими занятиями.

[FN-1] Успех Доктора у него был сильным стимулом для основания школы. Оккам был рукоположен в сан священника в 1759 году; впоследствии он стал миссионером среди онейд, куда его сопровождал сам сэр Уильям. Впоследствии индийский проповедник составил и опубликовал сборник религиозных гимнов.

[FN-2] Хотя из-за отсутствия других источников относительно молодого вождя в этот период его жизни необходимо использовать данные доктора Стюарта, все же это, очевидно, не очень точно. Например, он отправляет Тайенданегию доктору Уилоку в *Дартмут*; в то время как школа в этом месте была открыта только в 1770 году, в этот период или только через год после того, по тому же решению, вождь жил в своем собственном доме с женой и детьми в Канаджохари.

В тот период переписка между доктором Уилоком и сэром Уильямом по поводу школы была довольно активной, и Джозеф сам был нанят агентом по набору в нее рекрутов. Так, в письме баронета Доктору, датированном 17 ноября 1761 года, он говорит— "Я поручил Джозефу поговорить от моего имени со всеми хорошими мальчиками, которых он сможет увидеть, и побудить их принять щедрые предложения, которые им сейчас сделаны; что он обещал сделать и вернуться как можно скорее, и это без лошадей". Однако существует вероятность, что он поступил в школу сразу после своего возвращения из Ниагарской кампании в 1759 году. Без сомнения, он покинул его до того, как сэр Уильям написал только что процитированное письмо, и, будучи нанят в какой-то индейской миссии, получил указание заинтересовать собой жителей леса в интересах этого учреждения. Следует признать, что сам он недолго оставался в школе. Более того, по словам доктора Стюарта, он мало преуспел в учебе в этой семинарии, "научившись читать в Новом Завете, но очень безразлично, и писать, но очень мало". Тот факт, однако, что преподобный Чарльз Джеффри Смит, миссионер племени ирокезов, взял Тайенданегию в качестве переводчика в следующем году (1762) и дал ему отличную характеристику, дает гораздо более благоприятное представление о его успехах в учебе во время учебы в школе; как и следующий отрывок из воспоминаний его учителя: "Сэр Уильям Джонсон, управляющий делами индейцев в Северной Америке, был очень дружелюбен к замыслу мистера Уилока и по его просьбе в разное время посылал в школу нескольких мальчиков того же возраста. Ирокезы должны быть проинструктированы. [FN-1] Одним из них был прославленный с тех пор Джозеф Брант; который, *получив образование*, был особенно замечен сэром Уильямом Джонсоном и нанят им в государственном бизнесе. Он был очень полезен в развитии цивилизации своих соотечественников и долгое время был военным офицером, пользующимся большим влиянием среди индейцев Верхней Канады". [FN-2] Тайенданегию сопровождали в "Школе мавров" [FN-3] несколько других молодых людей из племени ирокезов, и два делавара поступили в школу до него. Одного из спутников Тайенданегии звали Уильям, полукровка, который, как предполагалось, был сыном его покровителя. Только двое из этого числа остались, чтобы получить награды будущего колледжа. Остальные, нетерпеливые к школьным ограничениям и получающие больше удовольствия от охоты на дичь, чем от литературных почестей, любящие родные леса больше, чем солнечные поля, и предпочитающие натягивать тетиву лука и пускать стрелу, а не перелистывать страницы Ливия или Кордерия, вернулись к своему состоянию охотников примерно через два года. Тайенданегию, вероятно, покинул школу в то же время. Говоря о школе, он с большой остротой рассказывал анекдот об "Уильяме", которому, как он утверждал, сын мистера Уилока однажды приказал оседлать его лошадь. Парень отказался, заявив, что, поскольку он сын джентльмена, выполнение такой черной работы было бы не в его характере. - Ты знаешь, - спросил младший Уилок, - что такое джентльмен? "Да, - ответил Уильям. — Джентльмен - это человек, который держит скаковых лошадей и пьет мадеру, а этим ни ты, ни твой отец не занимаетесь, поэтому седлай лошадь сам!" [FN-4]

[FN-1] Когда фонд школы был расширен благодаря щедрости графа Дартмута и других в Англии, и такая же школа была перенесена из Коннектикута, в ней было 24 ученика, 6 из которых были индейцами. Среди бумаг Джонсона есть письмо президента Уилока, написанное сэру Уильяму в 1772 году, в котором он знакомит двух своих индийских учеников с баронетом.—Автор.

[FN-2] М^с"Жизнь Уилока" Клэр, страница 27.

[FN-3] Назван так по имени своего основателя, мистера Джошуа Мура, из Мэнсфилда, Коннектикут.

[FN-4] Christian Recorder. Этот анекдот напоминает автору другой, который, как он слышал, с большим ликованием рассказывал о себе выдающийся член Конгресса штата Кентукки. Когда его впервые избрали, он сказал, что никогда не пересекал Аллегени и очень опасался, что его невежество и деревенщина будут слишком очевидны, когда он начнет общаться с джентльменами. Он слышал, что джентльмены любят шампанское, которого он никогда не пробовал. Но он сказал, что на первом званом обеде после его прибытия в резиденцию правительства он избавился от смущения. Впервые попробовав игристый ликер, он обнаружил, что ему это нравится. Поэтому он знал, что создан для джентльмена! И он стал очень приятным и образованным джентльменом.

Чрезвычайные обстоятельства приграничной страны не позволили Тайенданегеа долго оставаться связанным с мистером Смитом в миссии. Он снова был призван на тропу войны, как явствует из следующего абзаца в одном из первых отчетов преподобного мистера Киркланда преподобному доктору Уилоку в отношении христианских миссионеров и учителей, работающих в Шести странах:

Преподобный Сэмюэл Киркланд, отец президента Киркланда, ныне покойный профессор Гарвардского университета и более сорока лет миссионер среди Шести наций, главным образом онейдас. Он был сыном преподобного Дэниела Киркланда из Норвича (Коннектикут), где он родился в 1742 году. Его образование было начато в школе доктора Уилока, а его университетский курс проходил в Принстоне, который он окончил в 1765 году. Впервые он начал свою работу среди сенека в 1766 году, выучив язык ирокезов во время учебы в колледже. Он часто занимался правительством в различные индийские операции и умер в Париже, графство Онейда, в марте 1808 года.

"Джозеф Брант, индеец-могавк из известной в этой стране семьи, получил образование у мистера Уилока и достиг таких успехов, что преподобный Чарльз Джеффри Смит (молодой джентльмен, который из любви ко Христу и душам людей посвящает свою жизнь и такое состояние, которого достаточно, чтобы содержать себя и переводчика, полностью этому славному служению) взял его к себе переводчиком, когда три года назад отправился со своей миссией к могавкам. Но в то время разразилась война между индейцами-тыловиками и англичанами, и мистеру Смицу пришлось вернуться; но Джозеф задержался и вышел с отрядом против индейцев и был полезен на войне; в которой он вел себя так подобающе христианину и солдату, что снискал большое уважение. Теперь он ведет достойную жизнь и старается учить своих бедных братьев Божьим заповедям, к которым, по-видимому, сильно стремится его собственное сердце. Его дом - убежище для миссионеров в этой дикой местности ". [FN]

[FN] Рассказ об Индийской благотворительной школе, опубликованный доктором Уилоком в 1767 году, стр. 35.

Ни конкретная война, в которой тогда участвовал молодой вождь, ни время кампании не указаны в приведенном выше отрывке. Однако отрывок, содержащийся в письме сэра Уильяма Джонсона доктору Уилоку, датированном 25 апреля 1764 года, дает ключ к искомой информации: "Дж. только что вернулся из похода против врага, который оставил свои города, из которых три были сожжены, с четырьмя деревнями, состоящими в общей сложности примерно из двухсот домов, построенных из прямоугольных бревен, и огромным количеством зерна и т. Д. Отряды сейчас преследуют врага". Таким образом, ранней весной 1764 года молодой Брант вернулся с войны, которая тогда подходила к концу. Сама война не могла быть ничем иным, как войной против великого вождя оттоевеи Понтиака, который в 1763 году предпринял попытку лишить англичан озерной страны, недавно приобретенной в результате завоевания у французов. Понтиак был, безусловно, самым грозным вождем, с которым английским колонистам приходилось бороться со времен падения Филиппа. Он объединил великие индейские племена северо-запада почти как один человек и в 1763 году повел тридцать шесть вождей с их отрядами воинов против Детройта, после того как захватил несколько отдаленных западных постов. Хорошо продуманная стратегия, своевременно раскрытая британскому командующему индианкой, почти полностью подчинила себе и эту важную должность. Потерпев неудачу в плане получения доступа с помощью военной хитрости и уничтожения гарнизона, Понтиак осадил форт, атаковав его с большой яростью. Он долгое время находился в осаде, как и форт Ниагара и форт Питт. Только осенью 1763 года англичане смогли перебросить помощь в Детройт, в выполнении чего были задействованы некоторые воины племени ирокезов. В течение того лета произошло несколько серьезных столкновений с воинами Понтиака, в которых индейцы, преданные делу Англии, сражались с большой храбростью. Судно, перевозившее припасы в Детройт, также подверглось яростному нападению отряда из 350 индейцев в лодках на озере, но они были храбро отбиты. В каких конкретно боях во время этого соревнования участвовал Тайенданегеа, не указывается. Но он был на войне, и его мужественный и предприимчивый дух служил лучшим доказательством того, что он не избежал опасного поста и не смог достичь его из-за недостатка активности. Захватив Детройт на год, более того, французы, с которыми он был в союзе, утратив свою власть в Америке, Понтиак запросил мира при приближении генерала. Брэдстрит из Питтсбурга, во главе 3000 человек. [FN]

[FN] Понтиак был убит в 1779 году, во время войны между Айовцами и Оттавами. Он был великим человеком.

В 1765 году Тайенданегеа, ранее бывший женатым на дочери вождя племени онейда, поселился в Канаджохари, как явствует из письма преподобного. Теофилус Чемберлен, один из миссионеров Шести наций, преподобному доктору Уилоку, написано из Канаджохари и датировано 17 июля того же года. Поговорив об обнадеживающем состоянии индийской школы и перспективе открытия еще одной, мистер Чемберлен сказал: "Сейчас я нахожусь в доме Джозефа Бранта, мне очень плохо из-за дизентерии, которая преследует меня почти неделю. Иногда езда верхом под дождем, переход через тропинки, чтобы продвинуться вперед, и

ночевка на холодной земле прошлой ночью довели меня почти до тошноты; но мой бизнес поддерживает во мне жизнь. Джозеф Брант чрезвычайно добр".

Три года спустя он все еще вел мирную жизнь в том же месте, как мы узнаем из следующей записи в дневнике мистера Ральфа Уилока, которого послали в Онейду сменить мистера Киркланда, поскольку этот джентльмен был болен:

"18 марта 1768 года. У моего старого друга Джозефа Бранта я встретил одного из вождей племени онондага (которого, в порядке возвышения, называют Мудрецом), когда он возвращался в свое племя со своей женой и ребенком; и с помощью Джозефа Бранта я смог поговорить с ним и донести свое послание до его народа".

В течение трех последующих лет не было получено никакой определенной информации о его образе жизни. Однако, поскольку в стране царил мир, он, вероятно, вел спокойную жизнь дома, за исключением тех случаев, когда совершал случайные деловые визиты к индейцам под руководством сэра Уильяма Джонсона. Более того, весьма вероятно, что в то время он мог быть связан с английскими епископальными миссиями к могавкам, начавшимися в долине Могавков еще в 1702 году и продолжавшимися вплоть до начала войны за независимость. Поскольку несколько лет назад один из миссионеров нанял Тайенданегеа в качестве переводчика; и поскольку преподобный доктор Джон Огилви, предшественник доктора Барклая в этой миссии, был занят в 1769 году пересмотром, расширением и перепечаткой молитвенника могавков, включающего дополнительные отрывки из Священного Писания, некоторые случайные молитвы и индийские переводы нескольких псалмов, весьма вероятно, что Тайенданегеа мог быть нанят в качестве помощника в этой работе, поскольку он был неравнодушен к упражнениям подобного рода.

В 1771 году преподобный мистер Стюарт руководил школой в Форт-Хантере, в тридцати милях ниже Канаджохари. Почтенный друг автора, все еще живущий в Олбани, утверждает, что, будучи учеником школы доктора Стюарта примерно в то время, у него была возможность часто видеть Тайенданегею в этом месте, и завязалось с ним знакомство, которое продолжалось, прерванное только Революционной войной, до смерти воина. Затем у него сложилось превосходное мнение о молодом вожде в отношении талантов и хорошего нрава. Считается, что благодаря проницательности его сестры Молли и влиятельному положению, которое она занимала в семье сэра Уильяма, в дополнение к его собственным талантам и проницательности, он много работал дома у баронета, выполняя разнообразные обязанности, связанные с его важным официальным положением. Он также часто участвовал в дальних посольствах к западным племенам, и его таланты и такт лесного дипломата были качествами, присущими его характеру на протяжении всей жизни.

[Ф.Н.] Доу Фонда, эсквайр, сын капитана Джеллеса Фонда, который был активным и очень умелым офицером как на индийской, так и на военной службе под командованием сэра Уильяма Джонсона.

Тайенданегеа был трижды женат, дважды овдовев перед Революционной войной. Его первые две жены были из племени Онейда. Преподобный доктор Стюарт утверждает, что впервые

познакомился с ним зимой 1771 года. В то время он все еще проживал в Канаджохари, посетив деревню, доктор, по словам Доктора, нашел его удобно устроившимся, в хорошем доме, со всем необходимым для содержания его семьи, состоящей из жены, находящейся на последней стадии чахотки, и двух детей — сына и дочери. Его жена умерла некоторое время спустя, после чего Тайенданегеа отправился в Форт-Хантер и прожил с Доктором значительное время. Затем доктор Стюарт был занят очередной редакцией Индийского молитвенника, и Джозеф помогал ему в выполнении различных дополнительных переводов. Он также помог Доктору перевести часть Деяний Апостолов и краткую историю Библии, а также краткое объяснение церковного катехизиса на язык ирокезов. [FN]

Доктор Стюарт утверждает, что ему было поручено отправиться в Нью-Йорк и опубликовать эти книги за счет Миссионерского общества, но этому помешало начало войны. Он отвез рукописи. в Канаду, а затем передал их полковнику Дэниелу Клаусу, который переправил их в Англию; но, похоже, они никогда не публиковались.

В том же источнике утверждается, что зимой 1772-1773 годов он обратился к доктору Стюарту с просьбой женить его на сводной сестре его покойной жены, но Священнослужитель отклонил ходатайство на основании запрещенных отношений. Брант, однако, оправдал этот поступок во многом в манере белых вдовцов, желающих установить подобную связь; вполне естественно, что факт этих отношений обеспечил бы большую степень нежности и заботы о его детях. Тем не менее епископальный священник настаивал на своем отказе, и менее щепетильный немецкий священнослужитель удовлетворил его желание, совершив церемонию.

[FN] Христианский регистр.

Примерно в тот же период своей жизни Тайенданегеа стал предметом серьезных религиозных впечатлений. Он был привязан к Церкви, был целомудренным и регулярно причащался при совершении Евхаристии; и, судя по его серьезному поведению и тому беспокойству, которое он всегда проявлял, чтобы цивилизовать и обратить в христианство свой народ, на его будущие усилия в этом направлении возлагались большие надежды. В то время никто не сомневался в его искренности; и было приписано противодействующему влиянию ужасного военного ремесла, которым ему посчастливилось впоследствии так активно заниматься, что эти проявления христианской полезности были стерты; полностью искоренены они не были, как будет видно на последующем этапе карьеры этого замечательного человека.

В соответствии с индийским обычаем, в тот период своей жизни, который мы сейчас рассматриваем, он выбрал закадычного друга в лице лейтенанта-провоста, офицера на половинном жалованье, проживающего в долине Могаvk. Те, кто не знаком с индийскими обычаями, вероятно, не осознают интимности или важности, придаваемой этим отношениям. Выбранный друг, по сути, является двойником того, кто его выбирает, и привязанность часто становится романтической; они делятся секретами друг друга и разделяют радости и горести друг друга. По мере приближения революционных волнений. Лейтенант провост был направлен в свой полк и поступил на иностранную службу, к большому сожалению будущего вождя. Его причитания привлекли внимание доктора Стюарта, который посоветовал ему выбрать другого

друга, предложив самому заменить его. Но нет; молодой вождь заявил, что такая передача его чувств невозможна. Он был другом капитана Джона, и другой такой друг не мог существовать одновременно. Лейтенант Провост получил назначение в Вест-Индию; и чтобы заверить его в силе и постоянстве его привязанности, Тайенданега раздобыл целый индийский костюм из самых дорогих мехов, какие только мог достать, который был отправлен ему на Ямайку. Этот инцидент был подробно описан не потому, что сам по себе имеет какую-то особую важность, а как раскрывающий прекрасную черту характера, помимо иллюстрации особенности индийской жизни, которая, возможно, не всем знакома. Теперь внимание читателя займут другие события, в которых вождь могавков будет лишь одним из многих действующих лиц, хотя и редко малоизвестным.

Подобный обычай существовал и у древних греков. Два молодых воина часто брали на себя это братское обязательство, которое принималось с особыми церемониями и сохранялось нерушимым на протяжении всей жизни.

ГЛАВА II.

Ранние симптомы недовольства в Бостоне—Истоки войны за независимость—Первая кровь, пролитая в 1770 году—Волнующее красноречие Джозефа Уоррена—Чувства сэра Уильяма Джонсона—Его влияние на индейцев и немцев и его неприятное положение—Последний визит сэра Уильяма в Англию—Его смерть—Таинственные обстоятельства, сопровождавшие ее—Подозрения в несправедливом самоубийстве—Его сын, сэр Джон Джонсон, унаследовал его титул и поместья—Его зять, полковник Джонсон. Гай Джонсон, на должность генерального суперинтенданта по делам индейцев—Ранняя жизнь сэра Джона—Джозеф Брант назначен секретарем Гая Джонсона—Влияние семьи Джонсонов—Революционные симптомы в округе Трайон, спровоцированные судебными процессами в Новой Англии—Первое собрание вигов округа Трайон—Декларация прав—Первое заседание Конгресса—Последствия его работы—в Англии—Медлительность законодательного собрания провинции Нью-Йорк—Дух народа—Заметки о подготовке в Массачусетсе и т. Д.—Открытые акты восстания в нескольких штатах—Индейцы, раздраженные войной в Вирджинии пограничники в 1774 году—Печальная история Логана—Кампания лорда Данмора и полковника Льюиса—Битва при Канхаве—Речь Логана—Ее подлинность поставлена под сомнение—Мир в Чиликоте—Недовольство индейцев.

Это обычно утверждалось историками, что первая кровь в войне за Американскую революцию была пролита при Лексингтоне; но это не факт. Бостонская резня 1770 года стала началом этого

противостояния, такого страшного в своем начале, такого сомнительного в своем ходе и такого великолепного по своим результатам. Буря уже тогда собиралась в течение нескольких лет, и общественное мнение стало чрезвычайно возбужденным не только в отношении поведения правительства метрополии, но и в отношении языка и манеры поведения офицеров короны, расквартированных в колониях. Более того, когда жители Бостона подверглись тому, что они считали еще большим унижением, расквартировав среди них солдат, раздражение было таким, что для восприятия приближающегося взрыва требовалась лишь небольшая степень прогнозирования. Происшествие на канатном пути Грея 2 марта усилило взаимное раздражение; и резня, последовавшая 5-го, была лишь естественным следствием. Тогда был нанесен первый удар. Город был повергнут в смятение, барабаны били к оружию; и весть, с преувеличениями и приукрашиваниями, свойственными всем тревожным случаям, распространилась по стране с быстротой молнии. Повсюду, на обширной территории старых тринадцати колоний, это вызвало сильную сенсацию и было встречено с негодованием, которое очень ясно предвещало, что кровь только начала литься; и хотя до демонстрации в Лексингтоне прошло пять лет, слишком много нервных ручек и красноречивых языков упражнялось в упражнении, чтобы позволить этим чувствам утихнуть или позволить угаснуть благородному духу свободы, который был пробужден. Такие волнующие речи, как у Джозефа Уоррена, не были произнесены напрасно; и по мере приближения годовщины 5 марта он или его соотечественники все чаще напоминали людям о родственных чувствах — "Голос крови ваших братьев зовет к вам из земли". Предостережение возымело свое действие, и решимость отомстить все глубже и глубже проникала в сердца людей, пока не пришло время.

Сэр Уильям Джонсон был слишком наблюдательным и проницательным человеком, чтобы не заметить знамений времени. Он увидел надвигающуюся бурю, и, как полагают, это вызвало у него сильное беспокойство. Его симпатии, по свидетельству тех, кто его знал, несомненно, были на стороне народа. Он сам был выходцем из массы народа, сам был архитектором своего положения и состояния; и те, кто был знаком с ним и все же пережил его, представляют, что в его душе шла ожесточенная борьба между этими симпатиями и его собственными твердыми принципами свободы, с одной стороны, и его долгом перед своим сувереном, с другой — сувереном, которому он долго и верно служил и который, в свою очередь, осыпал его королевскими благодеяниями. Его владения в долине реки Мохок были обширны, и его влияние через большое количество подчиненных офицеров и многочисленную арендную плату было соответственно велико. Для индейцев, не только Шести наций, но и далеко на западе, которые попали в круг его влияния после завоевания Канады и покорения Понтиака, он был как отец, и они смотрели на него с почтением. Долгое общение с ним и большое уважение к его характеру — который, благодаря своей прямоте, прямолинейности и великодушию, не совсем лишенным грубости, свойственной населению приграничья, был хорошо рассчитан на то, чтобы завоевать привязанность таких людей, — также придали его взглядам силу законного авторитета среди колонистов. Население, помимо индейцев, в нижней части долины Мохок было в основном голландским; в то время как в интересной долине Шохари-Килл и верхнем районе Мохок оно состояло из потомков немецких пфальцграфов, которые были посажены там пятьдесят лет назад. В то время это было не очень разумное население, и имя сэра Уильяма, который был их другом и соратником в мирное время и их предводителем в военное, как и имя короля, было опорой силы. Поэтому было вполне естественно, что их мнения по важным политическим вопросам, волновавшим тогда страну, по большей части отличались от тех, которые высказывал он. Следовательно, когда разразилась гражданская война, лоялистов в этой долине было,

вероятно, больше по отношению ко всему населению, чем почти в любой другой части северных колоний.

В связи с надвигающимися неприятностями, которые каждый здравомыслящий человек не мог не заметить, сэр Уильям посетил Англию в последний раз осенью 1773 года и вернулся следующей весной. Вероятно, он вернулся с несколько окрепшими верноподданническими чувствами. Однако ему не посчастливилось, хорошо это или плохо, увидеть разразившуюся бурю, за близким приближением которой он наблюдал с напряженностью наблюдения, соответствующей величине его собственных личных интересов, которые неизбежно должны были быть затронуты. Он скоропостижно скончался в Джонсон-Холле примерно 24 июня 1774 года.

Его враги — или, скорее, враги короны — сообщили, что он погиб от собственной руки из-за туч, которые, как он видел, затемнили политическое небо; и такое впечатление до сих пор очень широко распространено. Традиция гласит, что в день своей кончины он получил депеши из Англии, которые были вручены ему во время заседания суда и с которыми он немедленно покинул здание суда и направился к своему собственному дому. Впоследствии сообщалось, что эти депеши содержали инструкции ему использовать свое влияние на индейцев в интересах короны в случае военных действий. Другая версия предания гласит, что в тот день, о котором идет речь, он получил депеши из Бостона, цвет лица которых, по его собственному мнению, указывал на близость и неизбежность гражданской войны. В таком случае он понял, что должен либо доказать измену своим принципам, либо выступить против короны; и, чтобы избежать любой альтернативы, широко распространено мнение, что он покончил с собой. [FN-1] Но для такого безжалостного вывода нет справедливых оснований. Это правда, что вечером 24-го он получил депеши из Массачусетса, содержание которых из-за волнения, возможно, ускорило болезнь, к которой был предрасположен его организм. В Джонстауне был напряженный день. Проходило заседание окружного суда, на котором, однако, сэр Уильям отсутствовал, поскольку был занят заключением договора с некоторыми из Шести стран. В ходе своей речи перед индейцами по этому случаю он упомянул о полученных им депешах и заявил им, что между американцами и их королем назревают неприятности, посоветовав им не отказываться от дела последнего, который всегда был добр к ним. "Что бы ни случилось, - сказал баронет, - вас нельзя выбивать из колеи". [FN-2]

[FN-1] Мистер Кэмпбелл в своих "Анналах" поддерживает это мнение. Он говорит— "С его смертью все еще связано что-то загадочное. Он ездил в Англию и вернулся прошлой весной. Во время визита, который он нанес вскоре после этого мистеру Кэмпбеллу, своему близкому другу в Скенектади, разговор зашел о спорах между Колониями и Метрополией. Затем он сказал: *он никогда не доживет до того, чтобы увидеть их в состоянии открытой войны*". — Энн. стр. 12.

[FN-2] Г-жа заявление джентльмена, чей отец был с сэром Уильямом в то утро и присутствовал на Совете по делам индейцев.

Днем того же дня с сэром Уильямом случился припадок. Полковник Джонсон, его сын, отсутствовал в Старом форте, расположенном в девяти милях отсюда. За ним послали нарочного, и, вскочив на резвого английского чистокровного коня, он со всей возможной

поспешностью поскакал в Холл. Его лошадь пала замертво в трех четвертях мили от дома, пробежав более восьми миль за пятнадцать минут. Полковник нанял лошадь у кого-то из стоявших поблизости и направился в Холл. Войдя в комнату, он обнаружил своего отца в объятиях верной прислуги, которая ухаживала за ним. Он поговорил со своим родителем, но ответа не получил; и через несколько минут баронет скончался — вне всякого сомнения, от апоплексического удара. Это было ранним вечером. Пока судьи Суда ужинали в деревне, расположенной в миле от них, молодой индеец из племени ирокезов вошел в их квартиру и объявил о случившемся.

[FN] Ср. заявление полковника Уильяма Фетера, имеющееся у автора. Полковник Ф. еще жив (май 1837 г.)

Титулы и поместья сэра Уильяма унаследовал его сын, сэр Джон Джонсон; но бразды правления в качестве генерального суперинтенданта департамента по делам индейцев перешли в руки зятя сэра Уильяма, полковника Гая Джонсона, который долгое время занимал должность помощника или заместителя старого баронета. Этому офицеру помогал полковник Дэниел Клэнс, который также женился на дочери сэра Уильяма. После смерти своего отца сэр Джон также унаследовал его пост генерал-майора милиции.

О ранней жизни сэра Джона Джонсона известно немного. Он не был так популярен, как его отец, будучи менее общительным и менее знакомым с человеческой природой и побудительными мотивами человеческих поступков. Однако он сопровождал своего отца в некоторых его военных экспедициях и, вероятно, сослужил ему немалую службу. Вскоре после окончания войны во Франции его отец отправил его во главе небольшой экспедиции в могавкский кантон Огквага, [FN-1] арестовать капитана Булла и некоторых других недовольных индейцев, которых обвинили в попытке вовлечь Шесть наций в войну против некоторых других индейцев или, возможно, склонить их на сторону проектов Понтиака. Для этой цели молодой Джонсон отдал под свое командование отборный отряд людей, большинство из которых служили вместе с баронетом против французов. С ним также был отряд индейцев. Экспедиция была организована в некотором роде напоказ — с целью, как предполагалось, подарить эклат молодому командиру. Предприятие увенчалось успехом — Булл и его сторонники были схвачены и доставлены в кандалах в Джонстаун. Оттуда их отправили в Олбани и на некоторое время заключили в тюрьму, но впоследствии все они были освобождены. Перед началом революции сэр Джон женился на мисс Мэри Уоттс из города Нью-Йорк.[FN-2]

[FN-1] Автор столкнулся с большими трудностями, пытаясь определить орфографию этого места. Сейчас обычно пишется Окуага. В журналах Конгресса времен революции оно писалось как Opeaquaga. У некоторых авторов оно пишется как Oghquaga. Покойный высокоинтеллектуальный вождь племени ирокезов Нортон всегда писал его "огквага", и эта орфография была принята автором.

[FN-2] Сестра покойного почтенного Джона Уоттса, который умер в сентябре 1836 года.

Преемники сэра Уильяма Джонсона, однако, не обладали такой степенью моральной власти над населением округа Трайон, будь то индейцы или белые, какой обладал он. Но, тем не менее,

они получили существенную помощь от "мисс Молли", которая была женщиной талантливой и тактичной и обладала большим влиянием среди индейцев, которые были ее собственным народом, Молли, в свою очередь, помогали советы и старания ее брата Джозефа Тайенданеги, который много служил сэру Уильяму в последние годы его жизни и который после смерти баронета был назначен секретарем Гая Джонсона. Однако эти джентльмены (сэр Джон Джонсон, Гай Джонсон и полковник Глаус), жившие в большом великолепии в Джонстауне и по соседству с ним и, таким образом, состоявшие в союзе с семьей могущественного сахема могавков, все еще могли оказывать решающее влияние, особенно среди индейцев. Они также состояли в тесном официальном и политическом союзе с полковником Джоном Батлером, богатым и влиятельным джентльменом из этого графства, и его сыном Уолтером Н. Батлером — имена, ставшие запоминающимися, если не сказать хуже, благодаря связи с некоторыми кровавыми сделками, которые будут подробно рассмотрены в ходе написания настоящей книги.

Но, несмотря на все их влияние — а ни к одной семье в Америке окружающее население никогда не относилось с большим уважением, чем к семье Джонсонов, — они вскоре обнаружили, что принципы, которые сейчас открыто исповедуются в Массачусетсе, не могут быть ограничены пределами этой колонии или даже Новой Англии. Хотя они провозглашались менее открыто, но все же, как воды источника незаметно просачиваются сквозь землю, пока не наберут достаточную силу, чтобы вырваться на поверхность и хлынуть наружу, так было и с принципами Свободы, распространяемыми "бостонскими повстанцами", когда они прокладывали себе путь вверх по долине Мохок; и преемники сэра Уильяма Джонсона вскоре обнаружили, что, хотя они все еще могли рассчитывать среди своих сторонников на большое количество приверженцев, заковка гражданской свободы, тем не менее, действовала глубже, чем они желали или, вероятно, предполагали. Знаменитый "Закон о Бостонском порту", принятый вследствие уничтожения чайной лавки в этой гавани в 1773 году, вступил в силу всего за месяц до смерти сэра Уильяма; а в следующем месяце после его кончины в Палатинском округе состоялось общественное собрание, горячо поддержавшее предложение Массачусетса созвать всеобщий конгресс для взаимных консультаций и выработки рекомендаций по существующему положению политических дел в Колониях. Первоначальный вариант протокола той встречи, написанный рукой полковника, все еще существует. Кристофер П. Йейтс — патриот, который рано вступил в борьбу и служил до конца. Они дышали подлинным духом свободы и как декларация прав вполне заслуживают места среди пылких газет того времени, которые так сильно воздействовали на общественное сознание. После изложения озабоченности и скорби, которые испытывало собрание по поводу закрытия Бостонского порта, и тенденции актов парламента к увеличению доходов в американских колониях, которые они считали ограничением привилегий народа, собрание постановило: 1. Что они признают короля своим законным сувереном, будут проявлять истинную веру и преданность ему и будут ценой своей жизни и состояния поддерживать его на троне его предков и справедливую зависимость Колоний от короны Великобритании. 2. Что они считают величайшим счастьем подчиняться британским законам и будут с радостью подчиняться им, насколько это в их силах, в соответствии с обеспечением конституционных прав английских подданных, *"которые настолько священны, что они не могут допустить их нарушения"*. 3. Что все налоги без их собственного согласия или согласия их представителей были несправедливыми и неконституционными; и акты парламента по этому вопросу были осуждены как очевидные посягательства на права и свободы британских подданных. 4. Что акт о закрытии бостонского порта был произвольным и угнетающим по отношению к жителям, которых они считали

пострадавшими во имя общего дела. 5. Что они объединятся со своими братьями в других местах для облегчения нужд страждущих бедняков Бостона и во "всем, что способствует поддержке наших прав и свобод". 6. Одобряет созыв всеобщего конгресса и пять членов, которые уже были назначены их братьями из Нью-Йорка. 7. Что они будут соблюдать такие правила, которые могут быть согласованы указанным Конгрессом. 8. Назначаю комитет по переписке для этого округа и рекомендую другим округам округа сделать то же самое.

Кристофер П. Йейтс, Исаак Пэрис и Джон Фрей.

Конгресс собрался в Филадельфии в сентябре 1774 года, и после принятия декларации прав и определения того, в чем эти права были нарушены, они согласовали обращение к королю, в котором выразили недовольство Колоний и молились о вмешательстве его Величества для их устранения. Аналогичным образом было принято обращение к народу Британской Америки, а также обращение к народу Великобритании, а также письмо к народу Канады. [FN-1] Затем Конгресс закрылся, чтобы собраться снова в мае 1775 года. Документы, представленные на том августовском собрании, оказали мощное влияние на общественное мнение. Они также были высоко оценены лордом Чатемом в Палате пэров, который заявил, что "При всем его чтении и наблюдении — а это было его любимым занятием — поскольку он читал Фукидида, изучал главные государства мира и восхищался ими — за основательность рассуждений, силу проницательности и мудрость выводов, при таком усложнении обстоятельств ни одна нация или группа людей не могла отдать предпочтение Всеобщему конгрессу в Филадельфии".

[FN-1] Мистер Р. Х. Ли написал обращение к американскому народу, а мистер Джей - к народу Великобритании.

[FN-2] Парламентский реестр.

Провинциальная ассамблея Нью-Йорка была единственным законодательным органом в Колониях, который воздержался от одобрения работы Конгресса - лоялисты этой колонии по целому ряду причин были более многочисленными и влиятельными, чем в любой другой провинции. В Долине Мохок они были особенно ревностны и активны; и семья Джонсонов со своими единомышленниками неустанно прилагали усилия к тому, чтобы отвлечь революционный дух, который слишком явно распространялся повсюду.

Но, подобно горькому растению в овощной фармакопее, принципы свободы только быстрее расцветают под давлением, и искру, вспыхнувшую в Палатинском округе, они не только не смогли погасить, но и мера их собственного принятия привела к тому, что она разгорелась в пламя — а однажды зажженный огонь свободы так же неугасим, как греческий.

Однако в Массачусетсе ближе к концу 1774 года были приняты и другие угрожающие меры, помимо принятия резолюций. Губернатор Гейдж, издавший в октябре приказы о проведении Генеральной ассамблеи, впоследствии отменил их прокламацией. Но новые члены в количестве девяноста человек, настаивая на незаконности прокламации, несмотря ни на что, собрались. Ни губернатор, ни кто-либо другой, его заменяющий, по-видимому, не завершили свою организацию, они объединились в Провинциальный конгресс и отложили заседание до

Согласия. Из Конкорда, после нескольких столкновений с губернатором, они перебрались в Кембридж; и в ходе их заседаний были приняты меры по общественной обороне и организации мелких служащих численностью до двенадцати тысяч человек. Коннектикуту и Нью-Гэмпширу было предложено увеличить это число до двадцати тысяч. Губернатор Гейдж горько жаловался, что указам этого Конгресса беспрекословно подчиняются по всей стране. Не успел истечь год, как была получена королевская прокламация, запрещающая вывоз военных припасов в Америку. Этот документ вызвал всеобщее возмущение. В Род-Айленде и Нью-Гэмпшире люди сразу же схватились за оружие и амуницию в своих общественных местах и гарнизонах, и колониальные власти приняли другие соответствующие меры. В более южных провинциях признаки зависти и недовольства стали проявляться более недвусмысленно. Было проведено собрание военных офицеров Вирджинии под руководством лорда Данмора, на котором были приняты резолюции, заявляющие о лояльности и выглядящие бунтарскими. Провинциальный конгресс Мэриленда одобрил работу Общего конгресса; а в Южной Каролине судья Дейтон в памятном обращении к Большому жюри в Камдене привел дело в движение в этой Колонии. Доктор Франклин, находясь в Лондоне, должен был присутствовать на заседании Комитета по делам плантаций, которому была передана петиция Ассамблеи Массачусетса об отстранении губернатора Хатчинсона и вице-губернатора Оливера. Он поддержал петицию и на следующий день был уволен короной с должности почтмейстера колоний.

Нетрудно представить, что волнение, нарастающее день ото дня и, таким образом, быстро расширяющее круг своего влияния, не могло долго ограничиваться мерами протеста и петициями. Поэтому самым неудачным было то, что как раз в этой ситуации, в то время как все проникательные люди видели по теням, какие события надвигаются, и все хорошие люди заботились о сохранении характера и увеличении физической мощи страны, небольшая группа плохих людей избрала курс, хорошо приспособленный для того, чтобы пробудить зависть у всей индийской расы и довести часть из них до высшей степени гнева и мести. Было очевидно, что Колонии вот-вот померятся силами с одной из сильнейших держав христианского мира и нанесут удар за свободу. Следовательно, истинная мудрость требовала, чтобы тучи индейцев, затемняющие более тысячи миль нашей границы и на Севере образующие промежуточную державу между нашими собственными поселениями и страной предполагаемого врага, были, по крайней мере, склонены к нейтралитету, если не кою. Но некоторые жители Виргинии, живущие на границе, пошли по противоположному пути, и враждебное чувство пробудилось в результате череды неспровоцированных и более жестоких бесчинств, чем могли совершить дикари как таковые. Хорошо информированный читатель сразу догадается, что речь идет о военных действиях на северо-западной границе Виргинии, широко известных как Война КРЕСАПА, начатых при содействии младшего офицера с таким именем, чья беспричинная жестокость спровоцировала их, и одно поразительное событие, благодаря которому имя Логана, знаменитого "вождя минго", стало знакомо каждому американскому слуху. [FN]

Минго, менгве, макуа и ирокезы - это всего лишь разные названия, применяемые к Шести народам.

Войны и завоевания Шести наций были причиной переселения многих семей, среди которых были и выдающиеся, в страны, подвергшиеся их вооружению. Среди них была семья Логана, сына *Шикеллимуса*, выдающегося сахема каюга, который переехал из определенного места

проживания своего собственного племени в Шамокин, или Конестога, в пределах Пенсильвании, где он исполнял обязанности главного вождя Шести народов, проживающих на Саскуэханне. Он был влиятельным и гуманным человеком и одним из первых, кто поддержал введение христианства графом Цинцендорфом. Он был большим другом знаменитого Джеймса Логана, который сопровождал Уильяма Пенна в его последнем путешествии в Америку и который впоследствии прославился в колонии своей ученостью и доброжелательностью. Отсюда и имя знаменитого сына Шикеллима, столь тесно связанное со сценами, которые будут описаны далее.

[FN] *Шикеллимус* был современником знаменитого *Каннассатега*, и известен в книге Колдена "История шести наций" под разными именами *Скиккалами*, *Шикалами* и *Шик Калами*.—Дрейк.

Логан переехал из отцовского домика в Шамокине в страну шаванцев на реке Огайо, где стал вождем. Он был другом белых людей и одним из благороднейших представителей своей расы; не только по праву рождения, но и с учетом своего собственного характера. Во время войн с индейцами, связанных с соперничеством с Францией, которые продолжались в течение значительного времени после завоевания Канады, он не принимал участия, разве что в качестве миротворца.

Обстоятельства, превратившие этого доброго и справедливого человека из искреннего друга в заклятого врага, будут описаны в следующем повествовании: — В апреле или мае 1774 года случилось так, что группа землевладельцев, занимавшихся разведкой земель близ реки Огайо, была ограблена индейцами или притворилась, что была ограблена, несколькими лошадьми. Лидером джобберов был капитан Майкл Кресап. Встревоженные разграблением их собственности или делающими вид, что это так, Кресап и его отряд решили начать войну с индейцами без расследования и, естественно, независимо от вины или невиновности тех, на кого они нападут. В тот же день, столкнувшись с двумя индейцами, Кресап и его люди убили их. Более того, услышав о еще большем отряде индейцев, разбивших лагерь на некотором расстоянии ниже нынешнего города Уилинг, белые варвары направились туда и, завоевав доверие сынов леса притворной дружбой, напали на них и убили нескольких из них, среди которых был член семьи друга белого человека —Логана. [FN]

[Ф.Н.] Доддридж в своей "Истории войн с индейцами" утверждает, что никаких доказательств вменяемой кражи так и не было представлено; и подтверждает свою веру в то, что сообщение было ложным, а индейцы невиновны даже в сравнительно незначительном нарушении границы.

Вскоре после этого ужасного происшествия последовало другое, не менее ужасное. На восточном берегу Огайо, примерно в тридцати милях выше Уилинга, находилось поселение белых, среди лидеров которого были один по имени Дэниел Грейтхауз и другой по имени Томлинсон. Группа индейцев, собравшаяся на противоположном берегу реки, услышав об убийствах, совершенных Кресапом, решила отомстить за их смерть, о чем одна дружелюбная скво предупредила Грейтхауза, посоветовав ему бежать, пока он проводил разведку с целью выяснить их численность. Он переправился через реку с тридцатью двумя людьми под своим

командованием и спрятал их с целью нападения на индейцев; но, обнаружив, что они были слишком сильны для него, он изменил свой план действий, снова переправился через реку и, демонстрируя дружбу, пригласил их на вечеринку. Не подозревая о предательстве, индейцы приняли приглашение, и во время пьянства — некоторые из них были в состоянии алкогольного опьянения — на них напали и хладнокровно убили. Здесь снова пали еще двое из семьи Логан — брат и сестра, причем последние оказались в особо щекотливом положении. Индейцы, оставшиеся на другом берегу реки, услышав шум вероломного нападения, бросились к своим каноэ, чтобы спасти своих друзей. Это движение было предвидено, и меткие стрелки, находившиеся в засаде, перестреляли многих из них в их каноэ и вынудили остальных вернуться.

Эти подлые операции были совершены 24 мая. Вскоре за ними последовало другое возмущение, которое, хотя и было менее масштабным, не было менее жестоким по своему духу, хотя и еще более оскорбительным для чувств индейцев. Упомянутым событием было убийство белым человеком пожилого и безобидного вождя племени Делавер по имени *Белоголовый орлан*. В течение многих лет он больше общался с белыми людьми, чем со своими собственными, чаще всего навещая тех, кто лучше всего развлекал его. В момент своего убийства он находился с визитом в форте к северу от Канхавы и был убит, когда в одиночестве греб на своем каноэ. Говорили, что человек, совершивший убийство, пострадал от рук индейцев, но ему никогда не причинял вреда объект, на который он обрушивал свою месть. Сорвав с него скальп, белый дикарь поместил тело в сидячее положение в каноэ и отправил его по течению вниз по течению. Путешествие мертвого вождя наблюдали многие, которые считали его живым, и во время одной из его обычных экскурсий. Однако, когда об этом стало известно, его народ не замедлил заявить о мести.[FN-1] Примерно в то же время равным образом озлобленные против белых жители шаваньи были вызваны убийством одного из их любимых вождей, *Серебряных Пятки*, который самым добрым образом взялся сопроводить нескольких белых торговцев через леса от Огайо до Олбани, расстояние почти в двести миль.[FN-2]

[FN-1] М^сЦеплялся, как цитирует Дрейк.

[FN-2] Хеквельдер.

Следствием этих неоднократных бесчинств, совершаемых белыми варварами, стало немедленное начало войны с индейцами, первым предводителем которой был Логан, который с небольшим отрядом всего из восьми воинов внезапно и совершенно неожиданно напал на поселение Маскингам и добился полного успеха. В течение лета огромное количество мужчин, женщин и детей пало жертвами томагавков и скальпелей. Логан, однако, хотя и страдал от острого осознания собственной неправоты, по мере сил выступал против практики подвергания заключенных пыткам. В одном случае он так проинструктировал заключенного, обреченного пройти испытание, чтобы дать ему возможность сбежать, не получив серьезных травм. В другом случае он собственноручно перерезал веревку, привязывавшую пленника к столбу, и своим влиянием добился его усыновления в индейскую семью.

Чтобы наказать за эти зверства, спровоцированные, как признают все власти, белыми, губернатор Виргинии лорд Данмор предпринял энергичную кампанию силами численностью от двух до трех тысяч человек. Одиннадцать сотен этих провинциалов, в основном стрелков, и

составлявших большую часть рыцарства Вирджинии, составлявших левое крыло, были переданы под командование генерала Эндрю Льюиса, [FN] с инструкциями выступить прямо на Пойнт-Плезант, в устье Великой Канхавы; в то время как его светлость, двигаясь с правым крылом, должен был пересечь Огайо в более высоком месте и напасть на индейские города у них в тылу. По причинам, которые так и не были удовлетворительно объяснены, хотя и вызвали некоторые разногласия в то время, ожидаемого сотрудничества со стороны лорда Данмора не последовало.

Эндрю Льюис был, по сути, всего лишь полковником; но он командовал дивизией, и поскольку у него был брат Чарльз Льюис, тоже полковник, он был назначен генералом из вежливости и с целью отличить командира от другого полковника.

Генерал Льюис начал свой марш 11 сентября. Его путь лежал напрямик, через непроходимую пустыню, протяженностью сто шестьдесят миль; все припасы армии необходимо было преодолевать на вьючных лошадях. Марш был очень медленным и утомительным — он занял девятнадцать дней. Прибыв на место слияния Канхавы с Огайо или поблизости от него, Льюис прождал восемь или девять дней, чтобы получить известия от лорда Данмора, но не услышал ни звука.

Рано утром 10 октября двое разведчиков Льюиса, находившихся примерно в миле впереди, были обстреляны большим отрядом индейцев; один из разведчиков был убит, а другой бежал в лагерь с разведданными. До восхода солнца оставалось еще полчаса, и было немедленно принято решение двигаться вперед и атаковать. Как раз на восходе солнца были встречены индейцы, шедшие с аналогичным поручением, и завязалось сражение, которое продолжалось с большей или меньшей ожесточенностью в течение всего дня. Виргинцы расположились бивуаком на участке земли между двумя реками, что дало индейцам важное преимущество в позиции, поскольку в случае поражения отступление для первых было бы невозможно, в то время как вторые могли бежать, когда им заблагорассудится. Но не это было целью индейцев. Их численность указывалась по-разному - от восьми до полутора тысяч человек, состоящих из шаванцев, делаваров, минго, вайандотов, кайюга и нескольких других племен, возглавляемых Логаном, которому помогали другие знаменитые вожди, среди которых были *Корнсток*, *Элленипсико*, (его сын) и *Красный Орел*.

Наступление было стремительным с обеих сторон. Полковник Чарльз Льюис возглавил правый фланг вирджинцев и был впереди. Он упал почти при первом обстреле, смертельно раненный, и вскоре после этого скончался, вернувшись в свой лагерь пешком. Виргинцы, как и индейцы, стремились получить любое преимущество, сражаясь под прикрытием деревьев и кустарников; но в первой части сражения преимущество было на стороне индейцев, и два виргинских полка после серьезных потерь, особенно в офицерах, были вынуждены уступить. Полковник Флеминг, командовавший левым полком, хотя и был тяжело ранен в начале боя двумя пулями в руку и одной в грудь, некоторое время храбро удерживал поле боя, подбадривая своих людей и призывая их не терять ни пяди земли, приказал им обойти врага с фланга. Но атака индейцев была энергичной, а их огонь таким яростным, что левые, как и правые, начали сдаваться, когда в самый критический момент полк полковника Филда с большим духом и решимостью вступил в бой, благодаря своевременному вмешательству которого успех дня был восстановлен. Порывистость индейцев была сдержана, и они, в свою очередь, были вынуждены отступить,

отступив, чтобы воспользоваться грубым сооружением из бревен и хвороста, которое они предусмотрительно соорудили специально для этого случая. Полковник Филд был убит в тот момент, когда его доблестный полк изменил ход сражения, и его сменил капитан Айзек Шелби, впоследствии храбрый и выносливый старый губернатор Кентукки.

Индейцы отважно оборонялись грудью, защищая свои позиции почти до наступления ночи. В течение нескольких часов все попытки выбить их были безуспешны; дикари сражались как люди, которым нужно было защищать не только свою землю и дома, но и мстить за жестокие обиды. "Голос могучего Кукурузника часто был слышен днем, перекрывая шум битвы, он взывал к своим воинам: "Будьте сильными! Будь сильным!" И когда из-за повторных атак виргинцев некоторые из его воинов начали колебаться, он, как говорят, вонзил свой томагавк в голову труса, пытавшегося сбежать ". [FN]

[Ф.Н.] Дрейк — который составляет свой отчет об этом энергичном сражении из материалов Уитерса, М.^кКланга и Доддриджа.

Бой продолжался чрезвычайно жарко до двенадцати часов, после чего время от времени затихал, хотя рассеивающий огонь поддерживался большую часть времени в течение дня, ближе к ночи, обнаружив, что каждая последующая атака на линию индейцев впереди лишь ослабляла его собственные силы, не производя сколько-нибудь заметного впечатления на индейцев, и справедливо рассудив, что если последние не будут разбиты до наступления темноты, сражение должно возобновиться по меньшей мере при сомнительных обстоятельствах на следующий день, была предпринята последняя попытка перебросить часть войск в тыл. Для этой службы были выделены три роты во главе с капитаном Шелби. Местность благоприятствовала этому предприятию. Воспользовавшись высокими сорняками и травой на берегу ручья, впадающего в Канхаву, эти роты незамеченными обошли фланги рядов индейцев и, энергично ударив им в тыл, стремительным броском выбили их из строя. Наступила ночь, и индейцы, предположив, что прибыло подкрепление из Виргинии, бежали через Огайо и продолжили отступление к Сциото. Им не доставляло удовольствия снимать много скальпов — в их распоряжение попадали только тела нескольких отставших. В официальном отчете было указано, что они сняли скальпы с нескольких своих воинов, чтобы помешать вирджинцам сделать это. Из тех индейцев, которых убили первыми, виргинцы скальпировали более двадцати. [FN-1] О потерях индейцев так и не было известно. Однако это, должно быть, было тяжело, поскольку в дополнение к убитым и раненым, которых унесли, большое количество убитых было сброшено в реку, и тридцать три их воина были найдены мертвыми на поле боя на следующий день. Потери вирджинцев также были серьезными. Двое их полковников были убиты, четыре капитана, множество подчиненных офицеров и от пятидесяти до шестидесяти рядовых, не считая гораздо большего числа раненых.[FN-2]

[FN-1] Официальный отчет.

[FN-2] Доддридж называет число убитых 75 и раненых 140. В оценке, приведенной в тексте, придерживались мнения Тэтчер. Дрейк утверждает, что в ходе этой акции виргинцы прибегли к военной хитрости, аналогичной той, которая применялась в начале войны индейцев Новой

Англии при Потакете. Виргинцы, прячась за деревьями, выставляли свои шляпы сзади и отводили огонь индейцев; когда шляпа мгновенно падала, воин—индеец, сбивший ее, полагая, что убил владельца, бросался вперед, чтобы снять скальп со своей предполагаемой жертвы - только для того, чтобы пасть от неожиданного удара томагавком.

По прибытии в Чиликот был созван совет индейцев для обсуждения вопроса о том, что делать дальше. Говорили, что Корнсток был против того, чтобы дать сражение у Пойнт-Плезант, но решил сделать все возможное, чтобы добиться отмены решения совета. Потерпев поражение, как он и ожидал, он потребовал от совета: *"Что нам теперь делать? Длинные Ножи приближаются к нам двумя путями. Должны ли мы выйти и сразиться с ними?"* Не получив ответа на этот вопрос, он продолжил: *"Должны ли мы убить всех наших женщин и детей, а затем сражаться до тех пор, пока нас самих не убьют?"* Как и прежде, все хранили молчание; после чего Корнсток вонзил свой томагавк в боевой пост, стоявший посреди совета, и выразительно заметил: *"Поскольку вы не склонны сражаться, я пойду и заключу мир."* Сказав это, он направился в лагерь лорда Данмора, который, спустившись по реке Огайо, теперь приближался к Сциото.

[Ф. Н.] Доддридж.

Тем временем генерал Льюис, похоронив своих убитых и проведя необходимую диспозицию для наступления в сердце индейской страны, двинулся вперед в погоню за врагом, решив уничтожить его. Вскоре после этого он получил встречный приказ от лорда Данмора, которым пренебрег; и только после того, как губернатор посетил Льюиса в его собственном лагере, от него потребовали неохотного повиновения. Тем временем переговоры продолжались, но в условиях недоверия со стороны виргинцев, которые были осторожны и допускали в свой лагерь одновременно лишь небольшое количество индейцев. Главным оратором со стороны индейцев был Корнсток, который не преминул обвинить белых в том, что они являются единственной причиной войны, перечислив провокации, которым подверглись индейцы, и с особой силой остановившись на убийствах, совершенных в семье Логана. [FN] Сам этот высокий вождь отказался явиться на совет. Он был сторонником мира, но его гордый дух не решался просить об этом; и он остался в своей каюте, в меланхолическом молчании размышляя о своих собственных ошибках.

[FN] Корнсток был поистине великим человеком. Полковник. Уилсон, присутствовавший при беседе Вождя с лордом Данмором, вот что говорит о поведении вождя по этому поводу: "Когда он встал, он ни в коей мере не был смущен или обескуражен, но говорил отчетливым и слышимым голосом, без заикания или повторений и с особым акцентом. Его взгляд, обращенный к Данмору, был поистине величественным, но в то же время грациозным и привлекательным. Я слышал первых ораторов Виргинии, Патрика Генри и Ричарда Генри Ли, но никогда не слышал ни одного, чья сила речи превосходила бы силу Корнстока".

Однако лорд Данмор придавал его имени такое большое значение, что был отправлен специальный гонец, чтобы выяснить, присоединится ли он к статьям мирного соглашения. Этим посыльным был полковник Джон Гибсон, офицер армии Данмора, а впоследствии довольно

выдающийся человек. "Вождь минго" не выразил несогласия с условиями, но и не дал своего согласия без красноречивого изложения своих претензий, полностью описав обстоятельства убийства всей своей семьи, чтобы отомстить за зверства, за которые он взялся за топор войны. Его совещание с Гибсоном проходило в уединенном лесу, и по окончании он обратился к нему со знаменитой речью к лорду Данмору, которая стала знакомой везде, где говорят на английском языке:

"Я обращаюсь к любому белому человеку с просьбой сказать, входил ли он когда-нибудь в хижину Логана голодным, и он не давал ему мяса; приходил ли он когда-нибудь холодным и голым, и он не одевал его. Во время последней долгой и кровопролитной войны Логан бездельничал в своей каюте, будучи сторонником мира. Такова была моя любовь к белым, что мои соотечественники, проходя мимо, показывали на меня пальцем и говорили: "Логан - друг белых людей". Я даже думала, что жила бы с тобой, если бы не травмы одного человека. Полковник Кресап прошлой весной хладнокровно и неспровоцированно убил всех родственников Логана, не пощадив даже моих женщин и детей. В жилах ни одного живого существа не течет ни капли моей крови. Это взывало ко мне о мести. Я искал ее; я убил многих; Я полностью утолил свою месть. За свою страну я радуюсь лучам мира; но не тешу себя мыслью, что моя радость - это радость страха. Логан никогда не испытывал страха. Он не повернется на каблуках, чтобы спасти свою жизнь. Кто здесь будет оплакивать Логана? Ни один.

Эта речь всегда считалась одним из самых красноречивых отрывков в английском языке. Мистер Джефферсон заметил по этому поводу— "Я могу оспорить все речи Демосфена и Цицерона, и любого более выдающегося оратора, если Европа представила более выдающегося, чтобы привести хотя бы один отрывок, превосходящий их"; и американский государственный деятель и ученый, [FN-1] едва ли менее прославленный, чем автор этого благородного панегирика, присоединился к этому мнению.[FN-2]

[FN-1] Де Витт Клинтон.

[FN-2] Личная жизнь Тэтчер. Биография. Со всей откровенностью следует заявить, что подлинность этой знаменитой речи была поставлена под сомнение. При первой публикации Заметок Джефферсона родственники и друзья Кресапа подняли шум против обвинения в том, что он убил семью Логана. Среди других аргументов в его защиту утверждалось, что речь, приписываемая Логану, по существу и почти на словах была произнесена перед Генеральной Ассамблеей Вирджинии сахемом по имени Лонан за двадцать лет до даты, назначенной для нее мистером Джефферсоном. Речь, о которой идет речь, была обнаружена в "путешествиях Робина", француза, посетившего Колонии в ранний период Революционной войны. Этот отрывок стоит так в английском переводе "Новых путешествий Робина по Америке": —

Речь дикаря Лонана на Общем собрании, в том виде, в каком она была направлена губернатору Виргинии в 1754 году:

"Лонан больше не будет возражать против заключения предлагаемого мира с белыми людьми. Вы разумны, он никогда не знал, что такое страх, — что он никогда не поворачивался спиной в день битвы. Никто не испытывает большей любви к белым людям, чем я. Война, которую мы вели с ними, была долгой и кровопролитной с обеих сторон. Реки крови текли во всех частях

света, и все же ни к чему хорошему это не привело. Я еще раз повторяю — давайте будем в мире с этими людьми. Я забуду о наших обидах; этого требуют интересы моей страны. Я забуду — но задача действительно трудная! Да, я забуду этого майора, жестоко и бесчеловечно убитого в их каноэ, мою жену, моих детей, моего отца, мою мать и всех моих родственников. Это побудило меня к свершению мести! Я был жесток вопреки самому себе. Я умру довольным, если в моей стране снова воцарится мир, Но когда Лонана больше не будет, который, увы! уронишь слезу в память о Лонане?"

Если дата этой речи верна, претензиям Логана положен конец. Но сходство во многих рукописях между цифрами 4 и 7 настолько велико, что наводит на мысль (несмотря на то, что дневник доктора Бартона за 1808 год утверждает обратное), что ошибка могла быть допущена английским переводчиком. Это мнение подкрепляется сходством между именем, данным Робинем, — *Лонан* — и *Логаном*. Разница заключается в одной-единственной букве и вполне могла быть ошибкой француза, когда он писал идентичную историю Логана. В ходе своего расследования мистер Джефферсон получил записку, написанную Логаном и отправленную в поселение белых, прикрепленную к боевой дубинке, рукой индейского бегуна. Хеквелдер также говорит, что речь была удостоверена полковником Дж. Гибсон и добавляет: "Со своей стороны, я убежден, что это было передано именно так, как это было связано с нами, с той лишь разницей, что это обладало силой и выразительностью на индийском языке, которые невозможно перевести на наш собственный",

Считается, что лорд Данмор искренне желал мира — мы готовы поверить в это из гуманных побуждений, хотя менее сострадательные авторы приписывают его поступок более недостойному чувству. Следовательно, результатом совета был мир. Но легко будет признать, что индейские воины не могли удалиться в свои соответствующие племена и дома с какими-либо особыми дружескими чувствами по отношению к белым людям. Напротив, боль поражения и потеря павших воинов были причинами раздражающих размышлений в дополнение к изначальному и прискорбному ущербу, который они понесли от рук Кресапа и Грейтхауза. Шесть наций, как конфедерация, не принимали участия в войне за границу Вирджинии; но многие из их воинов были вовлечены в нее, особенно кайюги, к которым принадлежал народ Логан, и воины Шести наций, колонизировавших берега Саскуэханны и ее притока Шамокина. Можно разумно предположить, что они вернулись с соревнований только для того, чтобы подольше поразмышлять над своими накопившимися обидами, и в настроении, не слишком склонном поддерживать самые дружеские отношения с Колониями. Одним словом, настроение всей индийской расы, за исключением племени онейда, было испорчено этими событиями 1774 года; самое прискорбное обстоятельство, поскольку в то время быстро происходили события, которые в течение года сделали дружбу народов не только желательной, но и целью огромной важности.

Но прежде чем продолжить прямое повествование, ведущее к этим событиям, было бы неплохо закончить меланхоличную историю Логана, "от которой можно отказаться, не изменив ее мрачных красок". После заключения мира в Чиликоте он впал в состояние глубокой душевной депрессии, заявив, что жизнь была для него мучением. Он в какой-то мере впал в бред; [FN-1] уехал в Детройт и там поддался привычкам к опьянению. В конце концов он стал жертвой той же свирепой жестокости, которая уже сделала его одиноким человеком. Вскоре после заключения договора группа белых убила его, когда он возвращался из Детройта в свою страну.[FN-2]

[FN-1] Биография Аллена. Диктант.

[FN-2] Тэтчер.

ГЛАВА III.

Непреклонный курс материнского правительства—Усилия графа Чатема безрезультатны—Обращение к короне из Нью-Йорка—Экспедиция Лесли в Салем—Дело Лексингтона—Неразумные действия лоялистов округа Трайон—Реакция—Публичные собрания—Семья Сэммонс—Вмешательство Джонсонов—Ссора в Коунаваге—Энергичные заявления в Черри—Вэлли—Противодействие—усилия Джонсонов среди их вассалов—Интриги с индейцами—Массачусетс пытается сделать то же самое—Переписка с индейцами Стокбриджа—Письмо мистеру Киркленду—Его смещение Гаем Джонсоном—Нейтралитет Oneidas—Перехваченная депеша от Бранта в Oneidas—Опасения Гая Джонсона—Переписка—Дальнейшие меры предосторожности Комитетов—Уважение к законам—Письмо Гая Джонсона Комитетам Олбани и Скенектади—Суть ответа.

THE Материнское правительство не ослабило своих принудительных мер, несмотря на усилия графа Чатема, ныне почтенного для своих лет, который после долгого выхода на пенсию снова вернулся к общественной жизни, чтобы использовать свое красноречие и влияние своего великого имени на благо Колоний. Обращение Его светлости к королю с просьбой вывести войска из Бостона, было отклонено подавляющим большинством. Его примирительный законопроект также был отклонен. 26 января, господа. Болланд, Франклин и Ли, Комитет от колоний, которому было поручено представить петицию Континентального конгресса об удовлетворении жалоб, вынесли этот вопрос на рассмотрение Палаты общин, и после ожесточенных дебатов они отказались принять его решающим голосованием. Тем временем подавляющим большинством голосов были приняты законопроекты, запрещающие всем тринадцати колониям, за исключением только Нью-Йорка, Делаверэ и Северной Каролины, вести любую внешнюю торговлю, кроме как с Великобританией и ее зависимыми странами. Восточные штаты также были исключены из промысла Ньюфаундленда. Но, несмотря на то, что из политических соображений Нью-Йорк был таким образом исключен из-под действия ограничительного закона, его местное законодательное собрание в то же время занималось подготовкой меморандума короне об удовлетворении жалоб — факт, о котором министры

вскоре узнали, и не без огорчения. Нью-Йоркское обращение содержало решительное осуждение мер правительства по отношению к колониям и энергичный призыв к возмещению ущерба. "Мы испытываем, - сказали они, - самое горячее желание способствовать сердечному примирению с метрополией, которое может стать постоянным и прочным только путем установления линии парламентской власти и американской свободы на справедливых, равноправных и конституционных основаниях. ... С 1683 года и до окончания последней войны они пользовались законодательным органом, состоящим из трех отдельных ветвей власти: губернатора, Совета и генеральной Ассамблеи; в рамках этих политических рамок представители единообразно осуществляли право своего собственного гражданского правления и отправления правосудия в Колонии. Поэтому с невыразимой скорбью мы в последние годы стали свидетелями мер, принятых британским парламентом, подрывающих ту конституцию, согласно которой добрые люди этой Колонии всегда пользовались теми же правами и привилегиями, которые так высоко и заслуженно ценятся их соотечественниками-подданными Великобритании". Ссылаясь на важнейшую привилегию суда присяжных в окрестностях, они "с ужасом взирают на конструкцию статута 35-го года правления Генриха VIII. как указано в совместном обращении обеих палат парламента в 1769 году, в котором его Величеству рекомендовалось вызвать лиц, виновных в государственной измене, в колонию Массачусетского залива, чтобы их судили в Англии"; и они "в равной степени встревожены последними актами, уполномочивающими его Величество отправлять лиц, виновных в преступлениях в одной колонии, для суда в другой или в пределах королевства Англии". Они жалуются на акт 7-го правления Георга III. требуя от законодательного собрания этой колонии предусмотреть расходы на расквартированные среди них войска; закона, приостанавливающего их законодательные полномочия до тех пор, пока они не выполнят его требования; и закона о Квебеке; считая себя заинтересованными во всем, что может повлиять на их братские колонии; они не могут не сочувствовать бедствиям своих братьев в Массачусетсе, вызванным действием нескольких актов парламента, принятых в отношении этой провинции, и искренне протестуя от их имени. "Мы требуем, - сказали они, - лишь восстановления тех прав, которыми мы пользовались по общему согласию до окончания последней войны; мы желаем не более чем продолжения того древнего правления, на которое мы имеем право в соответствии с принципами британской конституции и которое единственное может обеспечить нам права англичан". Обращение было представлено в Палату общин мистером Берком, но так и не было озвучено. [FN]

[Ф.Н.] Анналы Холмса.

В феврале в Массачусетсе был собран новый провинциальный конгресс, который, предвидя, что правительство метрополии готовится нанести первый удар по этой Колонии, принял дополнительные меры предосторожности и обороны, но с большой мудростью избегал чего—либо вродеоткрытого акта сопротивления. Военные действия едва не начались 26 февраля между Салемом и Дэнверсом из-за противодействия полковника Тимоти Пикеринга и других полковнику Лесли, который был послан в Салем генералом Гейджем для захвата некоторых военных припасов, которые, как ему сообщили, собирались на прежнем месте. Вмешательство мистера Барнарда, министра Салема, предотвратило кровотечение, и Лесли вернулся в Бостон, выполнив поручение без сапог.

Неудачная экспедиция под руководством генерала Гейджа в Конкорд и битва при Лексингтоне 19 апреля послужили сигналом к всеобщему броску к оружию в большинстве колоний. Правда, это не было признано официальным началом военных действий, и провинциальный конгресс Массачусетса направил отчет об этом событии в Великобританию с показаниями, неопровержимо подтверждающими тот факт, что и в Конкорде, и в Лексингтоне стрельба была начата королевскими войсками — сам майор Питкэрн произвел первый выстрел в первом месте. Но хотя это послание сопровождалось обращением к народу Великобритании с неизменными заверениями в лояльности, все же эти заверения были посланы рука об руку с заявлением о том, что они "не будут покорно подчиняться преследованиям и тирании" существующего министерства, и с призывом к небесам о справедливости дела, за которое они были полны решимости умереть или победить. Таким образом, было совершенно очевидно, что о примирении не может быть и речи и что испытание оружия было не за горами. Конечно, раздражение общественного мнения сейчас достигло своего апогея, и те, кто не встал на чью-либо сторону, больше не могли сохранять нейтралитет.

Именно в этот момент, когда Континентальный конгресс собирался вновь, и как раз в тот момент, когда были получены волнующие сведения из Бостона, влиятельные лоялисты округа Трайон, крайне неразумно для себя, предприняли демонстрацию против работы Конгресса прошлой осенью. Было составлено заявление в знак несогласия с этим разбирательством, и для сбора подписей было использовано собрание людей в здании суда в Джонстауне. По этому поводу разгорелись жаркие дискуссии, но инициаторам дела удалось получить имена большинства присяжных заседателей и большей части магистратуры округа.

Присутствовавшие при Дворе виги были возмущены этой процедурой и, вернувшись по домам, поделились своими чувствами с теми из своих соседей, которые придерживались схожих принципов. Были созваны общественные собрания, назначены комитеты в каждом округе и подкомитеты почти в каждой деревне графства.[FN-1] Первое из этих публичных собраний состоялось в доме Джона Видера в Каунаваге. В нем приняли участие около трехсот человек, которые собрались без оружия с целью обсуждения, а также для того, чтобы установить столб свободы — самый ненавистный объект того дня в глазах лоялистов. Среди лидеров вигов в тот раз были Сэмпсон Сэммонс, богатый фермер, проживающий по соседству, и двое его сыновей, Джейкоб и Фредерик. Прежде чем они достигли своей цели - поднятия эмблемы восстания, разбирательство было прервано прибытием сэра Джона Джонсона в сопровождении его шуринов, полковников Клауса и Гая Джонсонов, вместе с полковником Джоном Батлером и большим количеством их слуг, вооруженных мечами и пистолетами. Гай Джонсон поднялся на высокое крыльцо и обратился к народу с пространной речью, причем с большой горячностью. Он подробно останавливался на силе и могуществе короля и пытался показать, насколько глупо выступать против его офицеров или бунтовать против власти его короны. Одного корабля, сказал он, было бы достаточно, чтобы захватить весь военно-морской флот, который мог быть спущен на воду Колониями; в то время как на границах индейцы находились под контролем его Величества, и его оружие поддерживалось цепью укрепленных постов, протянувшихся от залива Святого Лаврентия до Миссисипи. Он был очень резок в своих высказываниях по отношению к недовольным, заставляя их кровь кипеть от негодования. Но они были безоружны и по большей части не готовы, если не сказать нездоровы, к какому-либо акту насилия. В конце концов оратор стал настолько оскорбительным, что Джейкоб Сэммонс, больше не в силах сдерживаться, неосторожно прервал его речь, объявив его лжецом и негодяем. После этого Джонсон схватил Сэммонса за горло и в ответ назвал его чертовым негодяем. Между ними

завязалась потасовка, в ходе которой Сэммонс был сбит с ног заряженным кнутом. Придя в себя после кратковременного оцепенения от удара, Сэммонс обнаружил, что один из слуг Джонсона сидит верхом на его теле. Хорошо направленный удар избавил его от этого бремени, и, вскочив на ноги, он сбросил плащ и приготовился к бою. Два пистолета были немедленно приставлены к его груди, но не разряжены, так как Сэммонс снова был сбит с ног дубинками лоялистов и жестоко избит. Снова поднявшись на ноги, он увидел, что все его друзья-виги сбежали, за исключением семей Фондов, Видеров и Виссеров.[FN-2] Лоялисты также отступили, и Джейкоб Сэммонс вернулся в дом своего отца, неся на своем теле первые шрамы революционного противостояния в графстве Трайон.

[FN-1] Тогда в состав графства Трайон входили все колониальные поселения к западу и юго-западу от Скенектади. Он был взят из округа Олбани в 1772 году и назван в честь Уильяма Трайона, тогдашнего губернатора провинции. В 1784 году название было изменено на Монтгомери. Когда он был сформирован, он охватывал всю ту часть штата, которая лежала к западу от линии, проходящей с севера на юг, почти через центр нынешнего графства Шохари. Он был разделен на пять округов, которые снова были разделены на более мелкие округа. Первым, начинающимся на востоке, был район Мохок, охватывающий Форт-Хантер, Коунавагу, Джонстаун и Кингсборо. Район Канахохари, охватывающий нынешний город с таким названием, со всем югом страны, включая Черри-Вэлли и Харперсфилд, Палатинский округ к северу от реки, и включающий страну, известную под тем же названием, со Стоун-Аравией и др., а также районы Герман-Флэтс и Кингсленд, которые в то время были самыми западными поселениями, а первое теперь известно под тем же названием. Здания округа находились в Джонстауне, где, как упоминалось ранее, находилась резиденция сэра Уильяма Джонсона. —*Анналы Кэмпбелла*.

[FN-2] Рассказы Джейкоба и Фредерика Сэммонсов, предоставленные автору; неоднократные ссылки на оба из них будут сделаны ниже.

Одна из самых масштабных и оживленных таких встреч состоялась в Черри-Вэлли. Оно проводилось в церкви, и люди отнеслись к этой теме с таким энтузиазмом, что привели на собрание своих детей, чтобы они могли усвоить уроки патриотизма, так сказать, у алтаря — освятив таким образом дело, в котором они собирались участвовать, впечатляющими санкциями религии. Оратором на этом мероприятии был переводчик с индийского по имени Томас Спенсер; речь его была грубой, но убедительной; и, увлеченный своей темой, он говорил с такой силой и эффектом, что история его красноречия до сих пор живет в анналах традиции. Результатом этой встречи стало принятие решительной контрдекларации, осуждающей действия лоялистов в Джонстауне и одобряющей в самых недвусмысленных и торжественных выражениях работу Континентального конгресса.

[FN] А также в "Анналах Кэмпбелла"

Эти слушания состоялись в начале мая. Но из письма, адресованного Комитету безопасности Олбани Комитетом Палатинского округа 18 числа того же месяца, явствует, что Джонсонам и их могущественным союзникам в округе Мохок путем угроз, запугивания и привлечения военной силы удалось предотвратить принятие вигами соответствующей декларации. "Этим округом, -

говорит Палатинский комитет, - в течение ряда лет управляла одна семья, несколько ветвей которой все еще упорно отговаривают народ от принятия мер Конгресса, и даже на прошлой неделе на многочисленном собрании округа Могавк появились со всеми своими иждивенцами вооруженными, чтобы выступить против людей, рассматривающих их жалобы; то, что их число было таким большим, а люди безоружными, вселило ужас в большинство из них, и они разошлись". Комитет далее уведомил своих друзей в Олбани, что сэр Джон Джонсон укрепляет Баронский дворец, установив вокруг него несколько вертлюгов; и он провел парад частей полка ополчения, которым он командовал, днем ранее, с целью устрашения, как предполагалось. Также сообщалось, что шотландские горцы, в большом количестве обосновавшиеся в Джонстауне и его окрестностях, которые были католиками, вооружились численностью в сто пятьдесят человек, готовые помочь в подавлении любых народных выступлений в пользу растущего дела Свободы.

С самого начала возникли серьезные подозрения, что Джонсоны, Батлеры и полковник Клаус пытались отбить добрую волю индейцев у колонистов и подготовить их к тому, чтобы в случае открытых военных действий поднять на них топор войны. Тайенданеги, он же Джозеф Брант, как упоминалось ранее, теперь был секретарем полковника Гая Джонсона, суперинтенданта, и его деятельность была непрерывной. Несмотря на свою прежнюю дружбу с мистером Кирклендом, верным миссионером на Онейде, Тайенданега опасался, что его влияние будет использовано для того, чтобы оттолкнуть индейцев от интересов короны и присоединить их к интересам колонистов. Хитрый вождь, соответственно, попытался добиться отстранения мистера Киркленда от занимаемой должности; и по его наущению распутный сахем Онейды предпочел выдвинуть обвинения против министра Гаю Джонсону, суперинтенданту. Между Джонсоном и мистером Кирклендом состоялась переписка по этому вопросу, в которой последний отстаивал себя с силой и достоинством. Более того, народ онейда сплотился в его поддержку почти поголовно, так что суперинтенданту пришлось на время отказаться от идеи его насильственного удаления. [FN]

Переписка, упомянутая в этом отрывке, была обнаружена автором среди неопубликованных бумаг мистера Киркленда, любезно предоставленных ему в пользование президентом Киркленда из Бостона.

Однако справедливость как по отношению к Бранту, так и по отношению к Гаю Джонсону требует заявить, что бдительные взоры бостонцев уже были направлены на важность обеспечения интересов индейцев Шести наций в ожидании любых событий, которые должны были произойти. С этой целью провинциальный конгресс Массачусетса, еще до дела Лексингтона и Конкорда, открыл переписку через мистера Киркленда даже с ирокезами. [FN] Ниже приводится копия письма, адресованного миссионеру Провинциальным конгрессом:—

[Ф.Н.] Жизнь Спаркса и Кор. из Вашингтона, том iii. Приложение.

Преподобному Сэмюэлю Киркланду.

"Конкорд, 4апреля 1775 года.

"Сэр,

"Конгресс провинции счел необходимым обратиться к сахему племени могавков вместе с остальными Шестью нациями по поводу разногласий между Великобританией и американскими колониями. Мы вынуждены принять эту меру, поскольку нам сообщили, что те, кто враждебно относится к нам в Канаде, вмешивались в дела этих стран и пытались подчинить их интересам тех, кто пытается лишить нас наших неоценимых прав и привилегий и подчинить Колонии произвольной власти. Будучи уверены в вашей преданности делу свободы и вашей страны, мы сейчас препровождаем вам прилагаемое обращение и желаем, чтобы вы передали его сахему племени могавков для передачи остальным Шести нациям; и чтобы вы использовали свое влияние на них, чтобы присоединиться к нам в защите наших прав; но если вы не сможете убедить их принять активное участие в этом славном деле, то вы, по крайней мере, убедите их оставаться нейтральными, а не любыми средствами помогать нашим врагам; и поскольку мы затрудняемся вспомнить название организации, которая будет защищать нас. сахем племени могавков, мы предоставили вам обратиться к нему таким образом, какой вы сочтете нужным".

В то время в Стокбридже, в западной части Массачусетса, проживали остатки могикан, или "речных индейцев", как их обычно называли на протяжении большей части прошлого столетия, но в последнее время они стали индейцами Стокбриджа из своей местности. Эти индейцы были останками мухеканиев [FN-1] с реки Гудзон на момент обнаружения. Первоначально они пришли, согласно своим собственным традициям, с дальнего Запада — даже из-за великих озер. То, что таково было их первоначальное местоположение, подтверждается тем фактом, что их язык радикально отличался от языка наррагансеттов и индейцев Новой Англии в целом, а также от языка Пяти народов. Его предки были связаны с индейцами шаванезе и чиппева, что дает дополнительные доказательства того, что они эмигрировали с Запада, пересекли страну делаваров и обосновались на берегах Гудзона, или мохиканниттука, как называлась Северная река. На момент открытия они были могущественным племенем, насчитывавшим тысячу воинов и населявшим страну между Верхним Делавэром и Гудзоном, а также части территории, ныне включенные в состав Массачусетса и Вермонта. Они жили в основном в маленьких городках и деревнях, их главной резиденцией было место расположения нынешнего города Олбани, называемого ими Пемпо—товутут-Мухеканнеу, или Очагомнации. Становясь слабыми и рассеянными по мере увеличения белого населения вокруг и среди них — хотя их число было частично пополнено беженцами из Наррагансеттов и пекодов при завоевании этих народов, — мухекани были собраны вместе в Стокбридже в 1736 году под опекой преподобного Джона Сержанта, который и его сын после него долгое время были духовными наставниками племени. Они всегда были верны англичанам, поскольку активно использовались генералом Ширли для охраны территории между озером Джордж и Монреалем во время французской войны, закончившейся завоеванием Канады. [FN-2]

[FN-1] Это орфография доктора Эдвардса, который долгое время был миссионером среди них в Стокбридже. Хеквелдер говорит, что их настоящее имя было *Махиканни*. Это одна из самых трудных вещей в мире - прийти к какой-либо системе или определенности в отношении индийских названий людей, мест или вещей. Например, на момент написания статьи перед автором были документы, в которых речных индейцев называли *мохеаганами*, *моуриганами*, или *махинганами*, (французскими) *махикандцами*, (голландскими) *мохикконами*, (английскими) *мохукканами*, *махикиндерами*, *шатикуками*, *вабингами*, *мухеакуннуками* и *мохеакунаками*; действительно, писатели разных и даже одних и тех же наций писали больше на слух, чем по правилу, до тех пор, пока наши индийские имена не оказались вовлечены в почти неразрешимую путаницу.

[FN-2] Браун в своей брошюре "История Шохари" приводит необычную традицию в отношении королей могавков, о которой я не нашел других упоминаний. Могавки и речные индейцы когда-то были непримиримыми врагами, первые стали бичом и ужасом последних. Браун утверждает, что последняя битва между мохеаганами и ирокезами произошла на острове Уэнтон, на реке Гудзон, недалеко от Катскилла. Вопрос между ними заключался в том, кому должна принадлежать честь назвать своего короля, или кому должно быть отдано предпочтение в королевских почестях. Обе нации собрали все свои силы на этом острове с целью принятия окончательного решения и вступили в ожесточенное сражение, которое продолжалось в течение всего дня. Ближе к ночи могавки, обнаружив, что мохиганцы, скорее всего, окажутся сильнее их, сочли необходимым прибегнуть к военной хитрости, с этой целью они внезапно обратились в бегство и вечером захватили другой остров. Здесь они разожгли большое количество костров и расстелили свои одеяла на каких-то кустах, собранных и разложенных вокруг них для этой цели, как будто они сами, как обычно, разбили лагерь у своих костров. Последовавшие за ними мохиганцы высадились на остров глубокой ночью и были полностью захвачены обманом. Предположив, что могавки крепко спят под своими одеялами, после переутомления мохиганцы подкрались с величайшей тишиной и, полив одеяла сильным огнем, бросились на них с ножами и томагавками в руках, оглашая воздух своими воплями, когда они принялись рубить одеяла и кусты, а не индейцев под ними. Как раз в момент своего величайшего замешательства и ликования могавки, которые лежали в засаде, распластавшись на земле на небольшом расстоянии, обрушили убийственный огонь на своих врагов, фигуры которых были отчетливо видны при свете их костров, и, стремительно бросившись на них, перебили большую часть, а остальных взяли в плен. Затем был заключен договор, по которому могавки должны были получить короля, а мохиганцы должны были относиться к ним с почтением и называть их "дядями". Хендрик был королем, впервые названным так могавками после этой решающей победы, "который дожил до глубокой старости, — говорит Браун, - и был убит в битве при Лейк-Джордже под командованием сэра Уильяма Джонсона". -Автор.

Отношения стокбриджских индейцев с онейдами стали близкими, и очень возможно, что уже тогда между двумя племенами начались переговоры, которые несколько лет спустя привели к переселению стокбриджских индейцев на Онейду. Как бы то ни было, как бы то ни было, когда беды начали нарастать, провинциальный конгресс Массачусетса направил послание индейцам Стокбриджа, уведомив их о надвигающейся буре и выразив желание развивать хорошее взаимопонимание между ними. Индейцы, в свою очередь, послали капитана Соломона Аххауннауваумута, своего главного сахема, в Конгресс, чтобы дать ответ, и 11 апреля он произнес следующую речь:

"БРАТЬЯ: Мы услышали, что вы сказали в своем письме — мы благодарим вас за это — теперь мы готовим ответ.

"БРАТЬЯ: Помните, когда вы впервые переправились через великие воды, я был великим, а вы были маленькими, очень маленькими. Тогда я принял тебя как друга и держал под мышкой, чтобы никто не мог причинить тебе вреда; с тех пор мы всегда были настоящими друзьями; между нами никогда не было ссор. Но теперь наши условия изменились. Ты стал великим и высоким. Ты достигаешь облаков. Тебя видят по всему миру, а я стал маленьким, очень маленьким. Я не такая высокая, как ты. Теперь ты заботаешься обо мне, и я обращаюсь к тебе за защитой.

"БРАТЬЯ: Мне жаль слышать об этой великой ссоре между вами и Старой Англией. Похоже, что вскоре должна пролиться кровь, чтобы положить конец этой ссоре. Мы никогда до сего дня не понимали причины этой ссоры между вами и страной, из которой вы приехали.

"БРАТЬЯ: Всякий раз, когда я вижу, как течет ваша кровь, вы скоро увидите, что я готов отомстить за кровь моего брата. Хотя я невысокий и очень маленький, я ухвачу твоего врага за пятку, чтобы он не мог бежать так быстро и легко, как будто у него ничего нет по пятам.

"БРАТЬЯ: Вы знаете, что я не так мудр, как вы, поэтому я прошу вашего совета в том, что я сейчас собираюсь сказать. Я подумывал, прежде чем вы приступите к действиям, отправиться на запад и прочувствовать мысли моих индийских братьев, Шести наций, и узнать, какова их позиция — на вашей ли они стороне или на стороне ваших врагов. Если я обнаружу, что они настроены против вас, я попытаюсь переубедить их. Я думаю, они прислушаются ко мне, потому что они всегда обращались сюда за советом относительно всех важных новостей, которые приходят с восходом солнца. Если они прислушаются ко мне, ты не будешь бояться никакой опасности позади себя. Как бы ни были затронуты их умы, ты скоро узнаешь от меня. Теперь я думаю, что таким образом я могу оказать вам больше услуг, чем если немедленно отправлюсь маршем в Бостон и останусь там; может пройти немало времени, прежде чем потечет кровь. [FN] Теперь, как я уже сказал, вы мудрее меня; я оставляю это на ваше усмотрение, приеду ли я немедленно или подожду, пока не услышу, что прольется немного крови".

[FN] Рота минутчиков, состоящая из индейцев Стокбриджа, была организована Конгрессом Массачусетса перед битвой при Лексингтоне. Их оставили на вооружении некоторое время после начала войны, и они спустились вниз и присоединились к лагерю в Кембридже.—*Спец.*

"БРАТЬЯ: Я бы не хотел, чтобы вы подумали из-за этого, что мы отступаем от наших обязательств. Мы готовы сделать все для вашего облегчения и будем руководствоваться вашими советами.

"БРАТЬЯ: Я прошу вас об одном: если вы пошлете за мной сражаться, позвольте мне сражаться по-моему, по-индейски. Я не привык сражаться по-английски, поэтому вы не должны ожидать, что я смогу тренироваться так же, как ваши люди. Только укажи мне, где скрываются твои враги, и это все, что я хочу знать.

Два дня спустя Конгресс направил племени Мохеакуннак следующий ответ через их вождя:

"БРАТЬЯ: Сегодня мы впервые услышали от делегата из Стокбриджа о вашем дружеском ответе на нашу речь, обращенную к вам капитаном Уильямом Гудричем, ответ, который, как нам

сказали, вы немедленно направили нам письмом, которое мы еще не получили. Теперь мы отвечаем:

"Братья: Вы говорите, что когда-то были великими, но теперь вы малы; и что мы когда-то были малыми, а теперь стали великими. Высший Дух повелевает такими вещами. Малы мы или велики, давайте сохранять ясным путь дружбы, который проложили наши отцы и по которому мы оба прошли до настоящего времени. Дружья нечестивых советников нашего Короля напали на нас и пролили немного крови вскоре после того, как мы в последний раз обращались к вам с письмом. Но мы маленькой веточкой убили стольких людей и так напугали их, что они заперлись в нашем великом городе под названием Бостон, который они сделали сильным. Теперь мы сделали наши топоры и все наши орудия войны острыми и блестящими. Все главные советники, которые живут по эту сторону великой воды, заседают в большом Доме Совета в Филадельфии; когда они дадут слово, мы все, как один человек, нападём и изгоним наших врагов из их мощного форта, и будем следовать за ними, пока они не вынут руки из наших карманов и не позволят нам заседать в нашем доме совета, как мы привыкли делать, и как делали наши отцы в старые времена.

"Братья: Хоть вы и малы, но вы мудры. Используйте свою мудрость, чтобы помочь нам. Если ты считаешь, что так будет лучше, иди и выкури свою трубку со своими братьями-индейцами на закате солнца и расскажи им обо всем, что ты слышишь и видишь; и дай нам знать, что говорят их мудрецы. Если кому-нибудь из ваших молодых людей придет в голову посмотреть, что мы делаем, пусть спустятся и поживут среди наших воинов. Мы обеспечим их, пока они здесь.

"Братья: Когда у вас возникнут какие-либо проблемы, приходите и расскажите об этом нам, и мы поможем вам.

"Капитану *Соломону Аххауннаваумуту*, главному сахему *индейцев мохеакуннак*".

Эти документы были представлены таким образом случайно, не только как связанные с основной историей, а также как интересные сами по себе, но и в знак справедливости по отношению к Гаю Джонсону; поскольку в отношении его собственных мер оборонительной подготовки он имеет право воспользоваться всеми фактами, подтверждающими его подозрения в том, что постороннее влияние оказывалось на предметы, находившиеся в ведении его главного управления; и вряд ли можно предположить, что его держали в полном неведении либо о переписке с мистером Кирклендом, либо о переписке с индейцами Стокбриджа, через которых, вероятно, бостонцы получали информацию. в то же время поддерживая сношения с Шестью Нациями. Эти обстоятельства не могли не пробудить живой ревности по отношению к передвижениям белых людей среди индейцев, находящихся под его опекой, и особенно по отношению к мистеру Киркленду. Соответственно, хотя в феврале суперинтендант не смог добиться отстранения мистера Киркленда от занимаемой им должности среди Онейдас, он, тем не менее, достиг этой цели в течение весны, как явствует из письма самого миссионера, адресованного из Черри-Вэлли в Комитет Олбани:

"МИСТЕР КИРКЛЕНД ОБРАЩАЕТСЯ К КОМИТЕТУ ОЛБАНИ.

Вишневая долина, 9 января 1775 года.

"ДЖЕНТЛЬМЕНЫ,

"В настоящее время я очень смущен. Вы, несомненно, слышали, что полковник Джонсон получил приказ от правительства удалить несогласных миссионеров из Шести Наций до тех пор, пока не будут урегулированы разногласия между Великобританией и Колониями; вследствие чего он запретил мне возвращаться к вашему народу в Онейде. С тех пор он обнадежил меня, что я смогу вернуться к ним после закрытия Конгресса; но, честно говоря, я вообще не завишу от его обещаний такого рода. Он, по-видимому, необоснованно ревнует меня, запретил мне говорить хоть слово с индейцами и пригрозил тюремным заключением, если я нарушу закон. Я полагаю, что все, что у него есть против меня, - это подозрение в том, что я объяснил индейцам действия Континентального конгресса, которые ввели их в заблуждение и слишком многое открыли им глаза для целей полковника Джонсона. Я признаюсь вам, джентльмены, что я был виновен в этом, если это можно назвать нарушением. Индейцы узнали, что я получил тезисы докладов упомянутого Конгресса, и настояли на том, чтобы узнать их содержание. Я не мог им отказать, несмотря на мое одеяние, хотя во всех других отношениях я был чрезвычайно осторожен и не вмешивался в дела политического характера. Я полагаю, что мое толкование действий Конгресса ряду их сахемов принесло больше реальной пользы делу страны или делу истины и справедливости, чем принесли бы подарки в размере пятисот фунтов стерлингов".

Мистер Кирклэнд, без сомнения, говорил чистую правду в этом письме. Его влияние среди онейд было велико, и вполне заслуженно. Следовательно, если бы он взялся за эту задачу, то, вне всякого сомнения, мог бы легко убедить индейцев из числа своих лесных подопечных поддержать дело колоний. Но он ничего подобного не сделал; или, по крайней мере, он избегал применения какого-либо дальнейшего влияния, кроме как для того, чтобы убедить их принять нейтральную политику. Это решение, вероятно, было актом их собственной воли, после того как они выслушали интерпретацию материалов Конгресса. Об этом стало известно народу Новой Англии в следующем обращении, переданном Oneidas губернатору Коннектикута Трамбуллу с просьбой, чтобы он распорядился о том, чтобы это было доведено до сведения четырех колоний Новой Англии:

"ИНДЕЙЦЫ ОНЕЙДА ГУБЕРНАТОРУ ТРАМБАЛЛУ.

"Поскольку мои младшие братья из племени индейцев Новой Англии, которые поселились по соседству с нами, сейчас спускаются вниз, чтобы навестить своих друзей и перевезти часть своих семей, оставшихся здесь, — с помощью этого пояса я открываю им широкую дорогу, очищая ее от всех препятствий, чтобы они могли навестить своих друзей и вернуться в свои поселения здесь с миром.

"Мы, онейды, вынуждены прибегнуть к этой мере из-за сложившейся таким образом неприятной ситуации; и мы надеемся, что с Божьей помощью они смогут вернуться с миром. Мы искренне рекомендуем их вашей благотворительной организации на протяжении всего их долгого путешествия.

"Теперь мы обращаемся к вам более непосредственно, наш брат, губернатор и вожди Новой Англии.

"БРАТЬЯ: Мы слышали о прискорбных разногласиях и великом раздоре между вами и Старой Англией. Мы очень удивлены и встревожены в наших умах.

"БРАТЬЯ: Храните свои умы в мире, уважая нас, индейцев. Мы не можем вмешиваться в этот спор между двумя братьями. Ссора кажется неестественной. Вы *два брата одной крови*. Мы не

желаем становиться ни на одну из сторон в подобном соперничестве, поскольку испытываем одинаковую привязанность как к вам, Старой, так и к Новой Англии. Если великий король Англии обратится к нам за помощью, мы откажем ему; если Колонии обратятся, мы откажем. Нынешнее положение вас, двух братьев, ново и непривычно для нас. Мы, индейцы, не можем ни найти, ни вспомнить в традициях наших предков подобный случай или подобную инстанцию.

"БРАТЬЯ: По этим причинам храните свои умы в покое и не обижайтесь, что мы, индейцы, отказываемся участвовать в состязании. Мы за мир.

"БРАТЬЯ: Был ли это пришелец, иностранная нация, который ударил вас, мы должны разобраться в этом вопросе. Мы надеемся, что благодаря мудрому правлению и благоволению Божьему ваши невзгоды вскоре рассеются и темные тучи рассеются.

"БРАТЬЯ: Поскольку мы провозгласили мир, мы желаем, чтобы вы не обращались за помощью к нашим индийским братьям в Новой Англии. Давайте все, индейцы, будем единомышленниками и будем жить друг с другом; а вы, белые люди, сами решайте свои споры между собой.

"БРАТЬЯ: Теперь мы объявили о своих намерениях; пожалуйста, напишите нам, чтобы мы могли узнать ваше. Мы, сахемы, воины и женщины-гувернантки *Онейды*, шлем нашу любовь тебе, брат-губернатор, и всем другим вождям Новой Англии". [FN]

Перевод этого заявления о нейтралитете Онейды был сделан мистером Киркландом для журнала Гордона "История революции". Его подписали *Уильям Суногсис, Никлдиша Ватшаледг, Уильям Канакуэсед, Питер Тайебир, Джимми Текаябир, Никбис Агсенбаре*, то есть подвязка; *Томас Йогтановеа*, то есть распространение росы; *Адам Охенвано, Кведеллис Агверондонгвас*, то есть ломание веток; *Хандеребекс Тегахсвеахдиен*, то есть пояс (из вампума) расширенный; *Джонко Скинендон, Томас Теондита*, то есть упавшее дерево.

Перед врагом-индейцем жители округа Трайон испытывали особый страх. В связи с этим в сообщении Палатинского комитета правительству Олбани, процитированном несколькими страницами ранее, было высказано предположение о том, не было бы целесообразно воспрепятствовать отправке пороха и боеприпасов в долину Мохок, если только они не переданы Комитету для продажи под их контролем. В заключение Комитет заявил, что, хотя их и немного, они полны решимости показать миру, кто предан делу свободы Америки, а кто нет; и в заключение они заявили о своей твердой решимости "привести в исполнение все, что рекомендовано Континентальным конгрессом, и быть свободными или умереть".

Через три дня после обращения с этим сообщением к своим братьям из Олбани, то есть 21 мая, вопрос о том, вмешивался или не вмешивался Гай Джонсон в дела индейцев в ожидании военных действий, был решен перехваченным сообщением Тайенданегеа вождям племени онейда. Письмо, написанное на языке ирокезов, было найдено на тропинке индейцев и, как предполагалось, было потеряно одним из их бегунов. Ниже приводится перевод, являющийся самым ранним сохранившимся образцом сочинения Бранта.

"Написано у Гая Джонсона в мае 1775 г.

"Это ваше письмо, вы, великие или сахемы. Гай Джонсон говорит, что он будет рад, если вы получите эту информацию, Ониидас, о том, как у него сейчас идут дела; и теперь он более

уверен в намерениях жителей Бостона. Гай Джонсон очень боится попасть в плен к бостонцам. Мы, ирокезы, обязаны постоянно следить за ним. Поэтому мы посылаем вам эти сведения, чтобы вы их узнали; и Гай Джонсон уверяет себя и рассчитывает на то, что вы придете к нему на помощь, и что вы непременно будете придерживаться этого мнения. Он не верит, что вы позволите ему страдать. Поэтому мы ожидаем вас через пару дней. Сейчас так много. Мы посылаем только к вам, Онейдас, но потом, возможно, ко всем другим народам. Мы заключаем и ожидаем, что вы проявите беспокойство по поводу нашего правителя Гая Джонсона, потому что мы все едины.

(Подпись) АРЕН КАННЕНЗАРОН, ЙОХАННЕС ТЕГАРИХОГЕ, ДЕЯГОДИАГНАВ. - ДЖОЗЕФ БРАНТ, *Переводчик Гая Джонсона.*"

Внешний вид этого перехваченного сообщения не раскрывает ничего, кроме желания Гая Джонсона укрепить свои внутренние силы для защиты своей личности в случае какой-либо попытки схватить и увезти его. Но местные жители не ставили ему в заслугу искренность. Из Канады через эмиссаров, посланных туда революционными лидерами Массачусетса, была получена информация о том, что тайные агенты короны были разосланы по Шести нациям, чтобы настроить их против Колоний.[FN-1] Отсюда переписка Массачусетского конгресса с мистером Кирклендом и индейцами, уже приведенная; и отсюда также растущее опасение людей, что индейцев собираются разжечь и напустить на них. Следовательно, их недоверие к Джонсону было таково, что они не верили ни в наличие какого-либо умысла против его личности, ни в то, что он действовал под каким-либо предчувствием подобного рода. Однако нет причин сомневаться в том, что Гай Джонсон действительно считал свое положение критическим. Генерал Шайлер не спускал с него глаз; и, вне всякого сомнения, за каждым его движением следили так пристально, что он чувствовал себя очень неудобно.[FN-2]

[FN-1] Искры.

[FN-2] "Следите за передвижениями индийского агента, полковника Гая Джонсона, и предотвращайте, насколько сможете, эффект его влияния на индейцев в ущерб нам". —*Письмо из Вашингтона генералу Дж. Шайлер, июнь 1775 года.*

Неоспоримые доказательства того, что так оно и было, приводятся в прилагаемой переписке. Примерно в то же время Гай Джонсон направил магистратам поселений Верхнего Мохока следующее письмо:

"Гай-Парк, 20 мая 1775 года.

"ДЖЕНТЛЬМЕНЫ,

"Недавно я неоднократно получал сообщения о том, что группа жителей Новой Англии или других стран должна была прийти, чтобы схватить и увезти меня, а также напасть на нашу семью под прикрытием злонамеренных намеков на то, что я намеревался натравить индейцев на народ. Люди здравомыслящие и с характером знают, что моя должность имеет первостепенное значение для укрепления мира между Шестью нациями и предотвращения их вступления в любые подобные споры. Это я осуществил в прошлом году, когда они были сильно раздосадованы нападением на шаванцев, и прошлой зимой я назначил им встречу со мной в

этом месяце, чтобы получить ответ виргинцев. Все люди должны признать, что если индейцы обнаружат, что костер их совета потревожен, а их суперинтендант оскорблен, они жестоко отомстят. Поэтому долг всех людей - предотвратить это и убедить любого, кому это могло быть навязано, в том, что их подозрения и обвинения, которые они собрали против меня, ложны и несовместимы с моим характером и должностью. Я рекомендую вам это как крайне необходимое в настоящее время, поскольку мое уважение к интересам страны и самосохранение вынудили меня укрепить свой дом и вооружить людей для моей защиты, пока эти досужие и нелепые слухи не будут устранены.

"Вы можете передать это письмо тем, кто заинтересован в этих вопросах.

- Да. Джентльмены, Ваш покорный слуга, Дж. Джонсон. "Магистратам и другим лицам Палатина, Канаджохари и Верхних округов". [FN]

[FN] Это письмо переписано с оригинала, находящегося у автора.

Принимая во внимание эти письма — перехваченную депешу Джозефа Бранта и других в Oneidas и письмо Джонсона в Комитет — последний орган принял ряд резолюций, в которых вновь выразили сочувствие страданиям своих братьев в Массачусетсе и других колониях; заявили о своем одобрении действий колоний Новой Англии в условиях существующего кризиса; осудили поведение полковника Джонсона, постоянно держащего при себе вооруженные силы и останавливающего путешественников на королевском тракте, "как произвольное, незаконное, деспотичное и неоправданное": и заявили о своей решимости "никогда не подчиняться никаким произвольным актам какой-либо власти поднебесной или каким-либо незаконным и неоправданным действиям какого-либо человека или группы людей", что бы там ни было.

В дополнение к вышеупомянутому перехваченному письму было установлено, что высшим племенам Шести наций уже были разосланы послания с приглашением спуститься в дом Гая Джонсона. Его собственная внутренняя армия насчитывала пятьсот человек, и теперь он перекрыл всякое свободное сообщение между поселениями верхнего Мохока и Олбани. И хотя округа Палатин, Канаджохари и Германские равнины одобряли работу Континентального конгресса с большим единодушием, они были в значительной степени безоружны и лишены боеприпасов — в округах имелось не более пятидесяти фунтов пороха. В этих обстоятельствах Комитет направил срочное письмо в Олбани, в котором изложил их ситуацию и предположил, не было бы целесообразно установить связь через нижние районы долины силой. Они также посоветовали послать двух надежных гонцов, хорошо знакомых с индийским языком, к высшим народам, чтобы отговорить их, если возможно, от повиновения призыву Гая Джонсона и просветить их относительно истинной природы и причин ссоры с королевским правительством.

Это письмо было отправлено экспресс-почтой, и Комитет Олбани ответил на следующий день, сообщив своим друзьям из верхних округов, что у них нет лишних боеприпасов, и отговорив их от любых попыток возобновить сообщение силой. Соответственно, от этого проекта отказались; но Комитет отправил четырех своих членов в Олбани, чтобы получить информацию о состоянии страны в целом и с инструкциями закупить некоторое количество пороха и свинца — Комитет считал себя ответственным за деньги на покупку. Тем временем они с большой энергией и

успехом продвигали свои меры по внутренней организации, создавая подкомитеты везде, где это было целесообразно, и принимая на себя осуществление законодательной, судебной и исполнительной власти. Были подготовлены секретные статьи о взаимной помощи и обороне, которые, как правило, подписывались вигами; и после того, как Гай Джонсон пригрозил, что, если Комитеты не откажутся от курса, которого они придерживаются, он схватит и заключит в тюрьму некоторых из них, они торжественно обязались освободить любого, кто может быть арестован таким образом, силой, "если только такие лица не будут заключены под стражу в судебном порядке, выданы на законном основании и казнены законным образом".

Здесь достойно не только особого упоминания, но и всякого восхищения то, как всецело эти жители границы придерживались справедливого исполнения законов в самых суровых условиях. На протяжении всей своей деятельности история Комитетов Трайона покажет, что ими руководили чистейшие побуждения патриотизма и высочайшее уважение к моральным принципам. В отличие от грубых жителей большинства приграничных поселений, особенно в условиях, когда магистратура по необходимости почти бессильна, патриоты приграничья округа Трайон были скрупулезны в своей приверженности верховенству законов. Их лидеры также отличались умом; и хотя Северная Каролина оспаривает, не произносила ли она на самом деле декларацию независимости до того, как это было сделано Конгрессом, возвращаясь к первой декларации Палатинского комитета, приведенной в надлежащем месте, можно почти сказать, что пример был взят из Долины Мохок.

Одновременно со своим письмом в магистратуру верхних округов Гай Джонсон отправил другое письмо того же содержания, но с более подробным описанием, мэру, олдерменам и общинам городов Олбани и Скенектади, копия которого приводится ниже. Дата уточняется:—

"ДЖЕНТЛЬМЕНЫ,

"Поскольку мир и счастье страны - это цели, которые каждый порядочный человек должен иметь в сердце, я считаю крайне необходимым уведомить вас, что в течение нескольких дней я был подвергнут большим хлопотам и расходам по укреплению моего дома и содержанию большого отряда людей для защиты моей личности и т. Д.; Получив неоднократные сообщения о том, что либо жители Новой Англии, либо некоторые лица в городе Олбани или Скенектади в значительном количестве приближаются, чтобы схватить и посадить меня в тюрьму на основании смехотворного и злонамеренного сообщения, что я намерен чтобы заставить индейцев уничтожить местных жителей или с той же целью. Абсурдность этого опасения может быть легко замечена здравомыслящими людьми; но поскольку многие легковверные и невежественные люди могут быть введены в заблуждение и склонны поверить в это, и поскольку они уже прислали отчеты, экспертизы и т.д. От находящихся здесь занятых людей, которые, как я могу полностью доказать, полностью лишены всякого основания, долгом всех тех, кто обладает властью или влиянием, стало разуверить общественность и предотвратить последствия, которые я предвижу с очень большим беспокойством и от всего сердца желаю, чтобы они были своевременно предотвращены. Никакие различия в политических идеях никогда не могут оправдать столь экстравагантных мнений; и я вряд ли представлял, что они могли бы завоевать доверие среди любого слоя людей, которые знают мой характер, положение в обществе и большую собственность, которой я располагаю в стране, а также обязанности моей должности, которые заключаются в сохранении спокойствия среди индейцев, выслушивании их жалоб и т.д. И предотвращении их распространения на торговлю и

границы. Этим последним сильно угрожали индейцы из-за прошлогодних беспорядков между виргинцами и шаванцами, во время которых мои усилия помешали Шести нациям принять участие, которое, возможно, повлияло бы на общественность; и я назначил прошлой осенью, что Шесть наций должны прибыть ко мне в этом месяце, чтобы получить, среди прочего, окончательное удовлетворение относительно земель, которые, как говорят, были захвачены виргинцами, которые теперь прислали мне свой ответ. Выполняя этот долг, я также по существу служил обществу; но если я пренебрегу собой и буду покорно взят в плен, то всем, кто хоть что-то знает об индейцах, ясно, что они не будут сидеть спокойно и смотреть, как тушат пожар в их муниципальном совете и отстраняют суперинтенданта от исполнения своих обязанностей, но придут на границы в отместку с силами, достаточными для совершения ужасных опустошений. Следовательно, для общественности, как и для меня, становится столь же необходимым, чтобы моя личность была защищена; но поскольку меры, которые я вынужден предпринять для этой цели, могут привести к распространению дополнительной лжи и, в конце концов, могут предстать перед индейцами в свете, который не идет на пользу общественности, я бы от всего сердца пожелал, джентльмены, чтобы вы могли принять такие меры для устранения этих опасений, которые позволяют мне выполнять свои обязанности (которые не мешают обществу) без защиты вооруженных людей и опасения оскорбления; и поскольку общественность обеспокоена очень заинтересованный в этом, я должен просить вас дать мне ответ как можно скорее.

"Я, джентльмены, Ваш покорнейший слуга, Дж. Джонсон. [FN] "Магистратам и Комитету Скенектади, а также мэру, корпорации и т.д. Олбани. Будет направлено первым".

[FN] Это письмо скопировано с оригинала, найденного автором среди старых бумаг в кабинете государственного секретаря в Олбани.

На это письмо муниципалитет Олбани незамедлительно ответил, выразив свою убежденность в том, что сообщения были совершенно беспочвенны и что они были созданы с целью пробудить враждебные чувства в умах индейцев. Они также предостерегающе наметнули полковнику, что ему не следует опасаться унижения своей личности или ущерба своему имуществу, пока он учится содействовать миру и благосостоянию страны, выполняя свои обязанности суперинтенданта индейцев "с честным сердцем". В заключение они призвали его использовать все средства, которые в его силах, чтобы успокоить индейцев, заверив их, что сообщения не имеют под собой никаких оснований и "что ничто не доставит подданным его Величества в целом большего удовлетворения, чем быть с ними и продолжать жить с ними на самых строгих условиях мира и дружбы".

Однако в целом нет веских оснований сомневаться в том, что Гай Джонсон на самом деле опасался тайного визита янки и, возможно, похищения. Большое влияние его официального положения и двусмысленное поведение породили всеобщее недоверие; а история с "Чаепитием" научила лоялистов тому, что бостонцы были столь же ловки и бесстрашны в хитрости, как и в открытых дерзких действиях. Более того, до получения предыдущих писем было хорошо известно, что он арестовал и обыскал двух жителей Новой Англии, подозрительных, поскольку предполагалось, и, вероятно, не без оснований, что они были отправлены с миссией к индейцам, с которыми было принято запрещать какие-либо контакты, кроме как через его собственное вмешательство. Он также не мог не знать о том факте, что в

этой критической ситуации обладание его личностью могло иметь как большое значение для тех, кто был на грани восстания, так и нанести ущерб службе, к которой его, вероятно, побудили бы его пристрастия.

ГЛАВА IV.

Совет вождей могавков в Гай—парке —Второй совет, созванный Джонсоном в поместье Косби —Направляется туда со своей свитой—Первое полное заседание Комитета округа Трайон—Переписка с Гаем Джонсоном—Совет не проводился—Джонсон продвигается дальше на Запад в сопровождении своей семьи и большинства индейцев—Последующие опасения людей—Сообщение Конгресса Массачусетса—Тикондерога и Краун—Пойнт взяты Итаном Алленом—Скенсборо и Сент—Джонс удивлены—Дальнейшие разбирательства в Массачусетсе-Битва при Банкер-Хилл-Смерть Уоррена-Совет с Онейдами и другими индейцами Тускарорас на Германских равнинах-Речь к индейцам-Последующий совет с Онейдами-Поведение народа по отношению к Гаю Джонсону-Речь к Онейдам и ответ Онейды-Гай Джонсон движется на запад, в Онтарио-Его письмо провинциальному конгрессу Нью-Йорка-Созывает большой индейский совет на Западе-Неблагоприятное влияние на настроения индейцев-Причины их пристрастия к англичанам-Великая, но беспочвенная тревога народа-Гай Джонсон с Брантом и индейскими воинами спускается по реке Святого Лаврентия в Монреаль-Тамошний Совет -сэр Гай Карлтон и генерал Дж. Холдиманд завершает работу по привлечению индейцев на сторону короны.

Совет вождей племени ирокезов состоялся в парке Гая, [FN-1] 25 мая, на котором присутствовали делегаты из округов Олбани и Трайон. Отчеты этого совета очень скудны и неудовлетворительны. Главным вождем племени могавков в то время был *Маленький Абрахам* [FN-2] — брат знаменитого Хендрика, погибшего на озере Джордж в 1775 году. Когда совет был открыт для обсуждения, Маленький Абрахам обратился к ним следующим образом: —

[FN-1] Парк Гая: красивое место прямо на берегу реки Ирокез. Элегантный каменный особняк все еще находится на территории, что наилучшим образом свидетельствует о солидном строительстве.

[FN-2] Маленький Абрахам, скорее всего, был ведущим вождем в Нижнем Замке могавков, а не главным военным вождем.

"Он сказал, что был рад встретиться с ними и услышать, что сообщения о похищении Гая Джонсона, их суперинтенданта, были ложными. Что индейцы не хотят ссориться с местными жителями. Что при жизни сэра Уильяма Джонсона и с тех пор мы были настроены миролюбиво; что индейцы встревожены сообщениями о том, что у нас прекратился выпуск пороха. Мы получаем наши вещи от суперинтенданта. Если бы мы жили так, как живете вы, это не было бы такой большой потерей. Если у нас закончатся боеприпасы, мы перестанем доверять вам. Мы рады слышать, что вы говорите, вы будете общаться свободно, и мы всегда будем прислушиваться к тому, что вы говорите в присутствии нашего суперинтенданта ".

Посоветовавшись друг с другом, делегации от двух окружных комитетов ответили, по существу, что "Они были рады услышать, что те выразили желание сохранить древнюю дружбу, которая существовала между их отцами, они заверили вождей, что сообщения о злонамеренных намерениях против их суперинтенданта были ложными. Они также пообещали вождям, что всякий раз, когда у них возникнет какое-либо дело к ним, они будут встречаться с ними у своих собственных костров совета и в присутствии своего суперинтенданта ".

На что говорящий с ирокезом отреагировал следующим образом:—

"Индейцы рад, что вас не удивляет, что мы не можем тратить кол. Джонсон. Любовь, которую мы питаем к памяти сэра Уильяма Джонсона, и обязательства, которые несут перед ним все Шесть наций, должны заставить нас уважать и защищать каждую ветвь его семьи. Мы объясним эти вещи всем индейцам и надеемся, что вы сделаете то же самое со своим народом ".

Поскольку на этом совете присутствовало очень мало людей и только одно племя индейцев, суперинтендант немедленно распорядился созвать еще одно собрание в западной части графства, для участия в котором он отправился в Германские земли со всей своей семьей и свитой. Его квартира находилась в доме некоего мистера Томпсона в поместье Косби, в нескольких милях выше Флэтса. Утверждалось, что этот второй собор был создан из-за недовольства суперинтенданта первым — вывод, не исключенный из-за отсутствия западных индейцев, которые были приглашены.

2 июня впервые состоялось полноценное заседание Комитета округа Трайон — лоялисты ранее не допустили делегатов из нижнего, или Моговского, округа. [FN] Этот Комитет направил сильное и патриотическое письмо суперинтенданту, официально уведомив его о целях своей организации. Сославшись на притеснения в метрополии, в неоднократных попытках провести в жизнь неконституционные акты парламента и отстаивая свои принципы в отношении налогообложения без представительства — принципы, которые они объявили неоспоримыми, — они признали, что их целью было проконсультироваться относительно наилучших методов спасения страны от опустошения и разорения; "достичь этой цели с помощью Божественного Провидения было их твердой решимостью", подчеркнув: "и если потребуется, мы будем первыми, кто разделит тяжелый труд и опасности на поле боя". Они еще раз обратили внимание на тяжелое положение народа Новой Англии в общем деле и заявили, что у них не хватило бы долга перед своей страной и перед самими собой, если бы они и дальше воздерживались от объявления о своей решимости всему миру. Отвергнув выдвинутые против них обвинения в принуждении людей вступать в их Комитеты и в произнесении предательских тостов, они перешли к обсуждению вопросов более личного характера с самим суперинтендантом. Ниже приводится выдержка из этой части письма:—

[FN] Возможно, кому-то будет интересно назвать имена этой группы людей, которые так часто заявляли о своей готовности рисковать своей жизнью и имуществом, защищая свободы своей страны. (От Палатинского округа) — Кристофер П. Йейтс, Джон Фрей, Эндрю Финк, Эндрю Рибер, Питер Ваггонер, Дэниел М.^сДугал, Джейкоб Клок, Джордж Экер, Джун., Харманус Ван Слайк, Кристофер В. Фокс, Энтони Ван Вегтен. (Округ Канаджохари) — Николас Херкимер, Эбенезер Кокс, Уильям Сибер, Джон Мур, Сэмюэл Кэмпбелл, Сэмюэл Клайд, Томас Генри, Джон Пикард. (Районы Кингсленд и Герман Флэтс) — Эдвард Уолл, Уильям Петри, Джон Петри, Августин Хесс, Фредерик Орендорф, Джордж Венц, Майкл Иттиг, Фредерик Фокс, Джордж Херкимер, Дункан М.^сДугал, Фредерик Хелмер, Джон Фринк. (Округ Мохок) — Джон Морлетт, Джон Бливен, Абрахам Ван Хоум, Адам Фонда, Фредерик Фишер, Сэмпсон Сэммонс, Уильям Шайлер, Фолькерт Видер, Джеймс М^сМастер, Дэниел Лайн - 42. Председателем этого органа был избран Кристофер П. Йейтс. — *"Анналы Кэмпбеллса"*.

"Мы осознаем огромную важность вашей должности суперинтенданта индейцев, и поэтому наш долг - не более чем желание защитить вас при исполнении обязанностей в вашей провинции; и мы с удовольствием встречаемся с вами от имени нас самих и наших избирателей, чтобы поблагодарить вас за встречу с индейцами в верхних частях округа, что, возможно, избавит людей от остатков их страхов на этот счет и предотвратит нарушения правил индейцами по пути в Гай-Парк. И мы умоляем вас приложить все усилия к тому, чтобы убедить индейцев не вмешиваться в спор с метрополией и Колониями. Мы не можем думать, что, поскольку вы и ваша семья владеете очень большими поместьями в этом графстве, вы отрицательно относитесь к свободе Америки, хотя вы можете расходиться с нами во взглядах на способы удовлетворения жалоб. Позвольте нам далее заметить, что мы не можем обойти молчанием прерывание, с которым жители округа Могаук встретились на своем собрании; которое, как нам сообщили, проходило мирно; и бесчеловечное обращение с человеком, единственным преступлением которого была верность своим работодателям и отказ дать отчет о получении определенных бумаг лицам, которые не имели ни малейшего права требовать чего-либо подобного. Мы заверяем вас, что мы очень обеспокоены этим, поскольку таким образом нарушаются два важных права английских подданных, а именно право встречаться и получать всю доступную им информацию".

Полковнику Николасу Херкимеру и Эдварду Уоллу было поручено доставить письмо суперинтенданту, с этой целью они отправились в поместье Косби и оправдали оказанное им доверие. Следующим был ответ полковника Джонсона — мужественный и прямой; и в нем, если он был искренним, конечно, нельзя было найти никакой вины, кроме невежливости в его начале:

"Томпсоны, поместье Косби, 5 июня 1775 года."

"ДЖЕНТЛЬМЕНЫ,

"Я получил документ, подписанный Крисом П. Йейтсом, председателем, от имени упомянутых в нем округов, на который я сейчас должен ответить, и сделаю это кратко, в том порядке, в каком вы изложили вопросы. Что касается письма от каких-то индейцев к Онейдам, я действительно ничего не знал о нем, пока не услышал, что подобное сообщение было каким-то образом получено от индийского посланника, и из того, что я слышал о его содержании, я не вижу в нем

ничего существенного или что могло бы оправдать такие пустые опасения; но я должен заметить, что об этих страхах среди людей говорили задолго до этого, и, боюсь, они были распространены некоторыми злонамеренными людьми с дурной целью.

"Что касается ваших политических взглядов, о которых вы рассказываете в следующем абзаце, у меня нет возможности распространяться о них или о достоинствах дела. Я желаю пользоваться свободой совести и выражать свое собственное суждение, и чтобы все остальные имели такую же привилегию; но, что касается вашего заявления, что вы могли бы отложить рассмотрение дела, если бы существовала хоть малейшая вероятность того, что петиция Генеральной Ассамблеи была бы замечена больше, чем петиция делегатов, я должен, как истинный друг страны, в которой я проявляю большой интерес, сказать, что нынешний спор рассматривается в различном свете в зависимости от образования и принципов затронутых сторон; и что, каким бы разумным это ни казалось значительному числу честных людей здесь, я должен сказать, что нынешний спор рассматривается в различном свете в зависимости от образования и принципов затронутых сторон. петиция делегатов должна заслуживать внимания, она не рассматривается в том же свете в стране, которая не признает никакой власти, не установленной конституцией; и я убеждаю себя, что вы испытываете такое уважение к его Величеству, что вы должным образом учтете королевское заверение, данное в его речи перед парламентом, что всякий раз, когда их конституционные ассамблеи будут представлять ему жалобы американцев, они должны быть полностью учтены. Я слышал, что были предприняты принудительные шаги, чтобы побудить некоторых лиц принять участие в ваших мероприятиях, и поднимались предательские тосты; но я не желаю слишком легко доверять летучим сообщениям и рад слышать, что вы их опровергаете.

"Я рад, что мой созыв Конгресса на границах приносит удовлетворение; это было главным образом моим замыслом, хотя я не могу в достаточной мере выразить свое удивление тем, кто либо по злему умыслу, либо по невежеству неправильно истолковал мои намерения и предположил, что я способен натравить индейцев на мирных жителей этой страны. Интерес нашей семьи к этой стране и к моей собственной значителен, и они были ее лучшими благодетелями; следовательно, любые злонамеренные обвинения в их адрес в высшей степени вредны и должны быть полностью пресечены.

"Должность, которую я занимаю, в значительной степени служит благу и защите этой страны, и от моих частых встреч с индейцами зависят их мир и безопасность; поэтому я не могу не удивляться, обнаруживая попытки помешать мне выполнять мои обязанности и слабость некоторых людей, скрывающих от меня многие вещи, которые, несомненно, необходимы для того, чтобы сделать индейцев довольными; и я готов надеяться, что вы, джентльмены, должным образом рассмотрите это и не поддержите то же самое.

"Вы были сильно дезинформированы относительно происхождения сообщений, которые вынудили меня укрепить свой дом и встать на мою защиту. Джентльмены, я узнал от несомненного источника из Олбани и с тех пор подтвержден письмами от одного из членов Комитета в Филадельфии, что большая группа людей должна была взять меня в плен. Поскольку воздействие, которое это должно было оказать на индейцев, могло иметь опасные последствия для вас (обстоятельство, о котором я не подумал), я был вынужден, ценой больших затрат, принять эти меры. Но многочисленные сообщения о том, что я останавливал путешественников, были ложными во всех деталях, и единственный случай задержания кого-либо был в случае с

двумя жителями Новой Англии, что я полностью объяснил тем из вас, кто принес ваше письмо, и где я действовал строго в соответствии с законом и как должен был поступить мировой судья.

"Я очень сожалею, что такие праздные и вредные сообщения находят какое-либо поощрение. Я полагаюсь на вас, джентльмены, в том, что вы приложите все усилия, чтобы не обесценивать их; и я рад возможности заверить жителей страны, которую я уважаю, что им нечего опасаться моих усилий, но я всегда буду рад продвигать их истинные интересы.

"Я, джентльмены, ваш покорный слуга, Дж. Джонсон".

Этот ответ полковника Джонсона вместе с письменным отчетом о действиях его самого и коллеги и их беседе с Джонсоном был передан Окружному комитету мистером Уоллом. В своем письме в Комитет мистер Уолл высказал несколько жалоб на предосудительное поведение людей — вероятно, по отношению к Джонсону и его последователям, к которым относились с растущим недоверием. Однако характер нарушений, на которые подана жалоба, четко не изложен в сообщении мистера Уолла.

Гай Джонсон недолго оставался в поместье Косби и не стал задерживать там индейский совет, о чем был уведомлен, а сразу же уехал дальше на запад. Его отстранение от должности Томпсона было, таким образом, объявлено Палатинскому комитету мистером Уоллом 8 июня: "Наш народ сильно встревожен ходатайствами полковника Джонсона и не может понять его мотивов того же самого. Осмелимся предположить, что до сих пор вы были [ознакомлены] с тем, что он переехал со своей свитой от мистера Томпсона в Форт Стэнвикс, и ходят слухи, что он намерен продвинуться еще дальше. Мы оставляем вас гадать, каковы могут быть его мотивы".

Эти опасения, безусловно, не были необоснованными. Ибо, хотя письма полковника Джонсона были правдоподобны и, по—видимому, откровенны, когда люди увидели, что он повернулся лицом к западу и движется вверх по долине не только со своей семьей, но и в сопровождении большой свиты своих иждивенцев и большого отряда индейцев могавков, которые в это время покинули свою восхитительную страну, чтобы никогда более мирно не вернуться, — неудивительно, что возникли подозрения относительно его скрытых замыслов.

Это чувство не уменьшилось, когда как раз в это время было получено следующее сообщение от провинциального конгресса Массачусетса через конгресс Нью-Йорка:

"В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ КОНГРЕССЕ,
Уотертаун, 13 июня 1775 года.

"Достопочтенным делегатам Конгресса провинции Нью-Йорк:

"ДЖЕНТЛЬМЕНЫ,

"Принимая во внимание открытое состояние границ колоний, опасность того, что у жителей Канады могут возникнуть неприятные опасения в связи с военными приготовлениями, происходящими в нескольких Колониях, и слухи о том, что есть некоторые признаки того, что они готовятся действовать враждебно, настоящий Конгресс обратился к Достопочтенному Континентальному Конгрессу с просьбой принять такие меры, которые им покажутся надлежащими, успокоить умы канадцев и предотвратить такие тревожные опасения. Мы также получили неприятные сообщения о методах, принятых для того, чтобы вселить в умы индейских племен, прилегающих к этим Колониям, чувства, очень вредные для нас; в частности, нам

сообщили, что полковник Дж. Гай Джонсон приложил немало усилий к тому, чтобы убедить Шесть Наций в том, что это задумано Колониями для того, чтобы напасть на них и отрезать их. Поэтому мы пожелали Достопочтенному Континентальному конгрессу, чтобы они со всей возможной скоростью использовали свое влияние для защиты от зла, замышляемого этим злонамеренным искажением фактов; и мы желаем, чтобы вы присоединились к нам в таком применении.

"Jos. УОРРЕН, президент. Подтверждаю, Сэмюэл ФРИМЕН, секретарь.

{Примечание переписчика: страницы 78 и 79 — противоположные стороны одного листа — на данном этапе, по-видимому, отсутствуют в отсканированной копии работы.}

обеспечить свой нейтралитет в этом соревновании; и они не были полностью безуспешными, хотя большинство из Шести наций в конечном итоге поставили себя на противоположную чашу весов. Разочарованный тем, что в мае в Гай-парке не собрался более полный совет, была организована конференция с Oneidas и Tuscaroras при посредничестве их друга, преподобного мистера Киркланда, которая состоялась в German Flats 28 июня. Индейцев встретили жители этого района, а также делегация из Олбани. Протокол этой встречи не сохранился в полном объеме среди бумаг Комитета округа Трайон. Следующим было обращение жителей к индейцам:—

"БРАТЬЯ: Мы рады видеть вас здесь, чтобы выразить вам свою благодарность. Мы были бы очень рады поговорить с вами в назначенном месте, то есть у вашего управляющего, где в последнее время вы поддерживали огонь своего совета; но поскольку он удалился так далеко от нас, мы не считаем неправильным или неблагоразумным сообщать вам здесь о наших мирных чувствах. Именно в этом месте, братья, это часто делалось; и здесь мы снова возобновляем это и укрепляем старую цепь мира и братской любви.

"БРАТЬЯ: Мы не видим причины вашего недавнего увольнения из совета или ухода суперинтенданта из нашей среды. Мы не причинили ему никакого вреда, и вы хорошо знаете, что никто из нас никогда этого не делал, и вы можете быть уверены, что против него ничего подобного не замышлялось. Он сказал нашим людям, что едет в Томпсонс (поместье Косби), чтобы провести там совет с нашими братьями, представителями Пяти наций. Мы помогли ему собрать провизию, чтобы поддержать вас там, и все, что у нас было, что он хотел. Но он ушел от нас и сказал некоторым нашим людям, что вернется с компанией, которая нам не понравится; что, если это правда, несомненно, его намерения плохие, и он может быть уверен, что какую бы силу он ни привел, мы ее не рассматриваем.

"БРАТЬЯ: Наша нынешняя встреча не вызвана никакими недоброжелательными мыслями, которые мы питаем о вас, или каким-либо страхом перед самими собой. Это исключительно из-за старой дружбы, которая так долго поддерживалась между нами; эту дружбу мы хотим сохранить. Именно эта дружба принесет нам такое же благо. Это так же желательно с вашей стороны, как и с нашей.

"БРАТЬЯ: Мы не можем выразить наше удовлетворение вашим поведением по отношению к нам в связи с вашими поздними разбирательствами с управляющим пунктом перевозки, за которые мы также обязаны вам, и не сомневаемся, что ваше поведение принесет больше пользы, чем любому другому из тех, кто поспешит навлечь на себя беду; что никогда не принесет им никакой

другой пользы, кроме скорби о невинной крови, пролитой по случаю, который их совершенно не касается.

"Братья: Мы особенно надеемся, что вы будете людьми более понимающими, чем другие, благодаря тем преимуществам, которые вы получили в обучении; поэтому мы более открыто доверяем вам, что вы сможете донести до других племен и наций ошибку, в которую они хотят вас ввести, и не сомневаемся, что ваша мудрость и влияние на другие народы будут сопровождаться счастливым успехом, который впоследствии станет благословением для вас и вашего потомства.

"Братья: Того, что мы сказали, должно быть достаточно, чтобы убедить вас, что наше значение заключается в нашем совместном мире и дружбе, в которых, мы надеемся, мы и наши дети сможем пребывать до скончания времен".

Ответ индейцев на это обращение не сохранился. Результатом совета, однако, было получение обещания нейтралитета от большей части собравшихся индейцев. Усилия мистера Киркланда были неизменно направлены на достижение одного и того же гуманного замысла.

Полковник Гай Джонсон, как мы уже видели, ранее покинул нижний район долины Мохок. Он был слишком проницательным человеком, придерживавшимся своих взглядов, чтобы оставаться в Джонстауне бездейтельным наблюдателем событий, неизбежной тенденцией которых могло стать очень скоро поднятие всех тринадцати колоний на вооружение против британской власти, и, уезжая, он предусмотрительно предвосхитил битву при Банкер-Хилл. Но до сих пор его действия были мирными или, скорее, не воинственными в открытую; и вполне вероятно, что возбужденные и ревнивые люди, возможно, не относились к нему во время его хиджры со всем своим заслуженным уважением. Действительно, жалоба мистера Уолла на предосудительное поведение людей уже была отмечена на предыдущей странице. Но не указано, в каком отношении они были оскорбительными. Некоторый свет, однако, возможно, могут пролить на этот предмет следующие записи о совете между жителями округа Аппер, или Кингсленд, и индейцами онейда; из которых будет видно, что жители прекратили поставки, предоставленные полковником Джонсоном для его путешествия:

[FN] Эти заметки написаны довольно несовершенно, очень некомпетентным переписчиком. Автор постарался донести истинный смысл, сохранив как можно больше языкового материала.

Округ Кингсленд. *На совете, созванном по желанию Онейд, 1 июля 1775 года, были произнесены следующие речи:*

К ОНЕЙДАМ.

"Братья: Причина прекращения поставок провизии от мистера Томпсона полковнику Джонсону заключается в том, что мы считаем его нашим врагом; и при всем том он получает от Ниагары

столько, сколько хочет; и мы считаем, что он всего лишь получает информацию отсюда о том, как обстоят дела. Мы сделали для него и его свиты все, что было в наших силах для его снабжения. Мы считаем, что он должен был держать огонь по совету у мистера Томпсона или, самое большее, в форте Стэнвикс. Но вы слышали, братья, что он приведет с собой войска, которые нам не понравятся. Это было причиной, по которой мы прекратили поставки провизии. Но по вашей просьбе, поскольку вы считаете, что это было сделано нехорошо, мы выслушаем ваши мнения по этому поводу. Если мы не будем возложены на вас или на нас, то пропустим мимо ушей все, что ему будет предъявлено".

ОТВЕТ ОНЕЙДЫ.

"БРАТЬЯ: Сегодня воскресенье, и Господь дал шесть дней для работы, а седьмой - для отдыха. Но поскольку случай представился, мы даем вам наш положительный ответ.

"БРАТЬЯ: Мы консультировались по поводу прекращения поставок провизии у мистера Томпсона, и мы не считаем правильным это делать. Если бы это было для его собственной пользы, мы бы не упоминали об этом; но мы знаем, что он призывает Пять Народов, и, возможно, они пострадают от этого. Итак, поэтому, пусть он получит это. За все, что мы сказали, мы можем нести ответственность, но за этот поступок мы не можем.

"БРАТЬЯ: Если мы согласимся с этими вещами, мы все вместе братья; нас оставили бы в покое, и, возможно, оба были бы разочарованы. Мы обязаны заботиться о наших братьях из Пяти наций, так же как и о вас, чтобы впоследствии нас за это не обвинили. Тогда мы не знаем, каковы замыслы полковника Джонсона. Давайте сначала получим доказательства, и как только мы что-то выясним, мы соберемся вместе и обсудим это.

"БРАТЬЯ: Мы должны поступать так, как хотим, чтобы поступали с нами другие; и лучше страдать, чем поступать неправильно.

"БРАТЬЯ: Пока мы братья, не позволяйте нам страдать из-за нехватки провизии, если ее можно добыть (без ваших потерь).) Пока мы принадлежим к Пяти нациям, мы будем помогать друг другу настолько, насколько это в наших силах, чтобы никто не пострадал от этого.

"БРАТЬЯ: Вы оставили это нам, хотя и согласились не оставлять нас одних нести это бремя на наших собственных плечах. Если вы найдете ошибку в нашей речи, можете рассказать об этом".

ВОЗРАЖАТЬ.

"БРАТЬЯ: Поскольку мы услышали вашу речь и хорошо обдумали ее, и поскольку мы пришли к выводу, что другие наши братья могут пострадать из-за нее, мы решили, что всю муку и другие припасы, которые действительно привезены для полковника Джонсона, можно отправить туда без каких-либо посягательств. Но, учитывая, что это может быть использовано не по назначению, мы просим вас оказать нам любезность и ознакомить нас с тем фактом, чтобы мы могли принять необходимые меры для нашего собственного благополучия.

"БРАТЬЯ: Мы очень признательны вам за проявленную к нам братскую любовь и за то, что вы от всего сердца рассказали нам о своем понимании этого вопроса. Мы признаем, что это свидетельство искренней дружбы, которая, как мы надеемся, всегда будет сохраняться между нами".

Пробыв очень недолго в форте Стэнвикс, Гай Джонсон поспешил дальше на запад, в Онтарио, чтобы провести там большой совет с индейцами, вдали от поселений белых; и где, как он утверждал, их действия могли быть независимыми и не стесненными вмешательством колонистов. Именно в Онтарио он получил письмо от провинциального конгресса Нью-Йорка, о котором уже сообщалось, что оно было написано по просьбе Конгресса Массачусетса. Он ответил на это 8 июля письмом, светящимся лояльностью и горько жалующимся на недовольных и тех, кто находится в оппозиции к регулярным правительствам; которые, как заметит читатель, повторил он снова, настраивали индейцев против него. Буква вставляется целиком:—

"Гай Джонсон - ПИТЕРУ ВАН БРУГУ ЛИВИНГСТОНУ.
Онтарио, 8 июля 1775 года.

"Сэр,

"Хотя я получил ваше письмо от провинциального конгресса несколько дней назад, до сих пор у меня не было хорошей возможности ответить на него. Я полагаю, однако, что это дойдет до вас в целости и сохранности, несмотря на то, что вся остальная моя переписка прерывается невежественными наглецами.

"Что касается усилий, о которых вы говорите, по примирению печальных разногласий между Метрополией и этими Колониями, будьте уверены, я горячо желаю их увидеть; пока, к сожалению, я не смог обнаружить никаких попыток такого рода, кроме попыток ассамблеи, единственных истинных законных представителей народа; а что касается лиц, которые, по вашим словам, официально нарушают (в моем квартале) режим и меры, которые вы считаете необходимыми для этих благотворных целей, я действительно незнаком с ними. Если вы имеете в виду меня, то, должно быть, вам грубо навязались. Однажды я действительно с неохотой пошел по просьбе нескольких видных жителей на одно из народных собраний, которое, как я обнаружил, было созвано странствующим кожевенником из Новой Англии и проводилось другими, если возможно, более презрительно. Поэтому у меня не было особого желания возвращаться к таким людям или обращать внимание на их абсурдность. И хотя я не склонен думать, что вы, джентльмены, замыслили что-либо против меня, все же совершенно очевидно, что такие замыслы были. Об этом я получил ясный отчет экспресс-почтой от друга из Олбани, который вскоре был подтвержден письмами из других источников, в частности, письмом от джентльмена из Комитета в Филадельфии, капитана ваших новобранцев, которое было довольно обстоятельным; и с тех пор я получал подобное от многих других. Я также обнаружил, что были намеренно использованы подлые инструменты, чтобы смутить умы индейцев, помешать обычному выполнению моих обязанностей и помешать им получить сообщения, которых они давно ожидали от меня. Вдаваться в мельчайшие подробности всей распространяемой лжи и всех препятствий, с которыми я столкнулся, хотя это не могло не удивить любого джентльмена, склонного не принимать их во внимание, намного превысило бы рамки письма или время, которым я располагаю, поскольку сейчас я завершаю свой Конгресс,

полностью к моему удовлетворению, с 1340 воинами, которые прибыли сюда, в единственное место, где они могли беспрепятственно вести дела или получать услуги; и которые очень недовольны, обнаружив, что товары, за которыми я был вынужден послать в Монреаль, были вынуждены быть возвращены торговцем, чтобы предотвратить его оскорбили, или на его собственность вторглось заблуждающееся население. Что их боеприпасы были остановлены в Олбани — лица, упомянутые в этом сообщении, занятые закупкой провизии для Конгресса, были оскорблены, и все мои письма, а также даже некоторые пустяковые предметы для использования на моем собственном столе, были прекращены. И в этот момент мэр Олбани заверил меня, что на днях он был поднят с постели у некоего мистера Томпсона над Герман Флэтс неким Херкимером и пятнадцатью другими людьми, которые преследовали его в поисках любой вещи, которая у него могла быть для меня. Вы можете быть уверены, сэр, что это далеко не приятно индейцам — что это могло бы уже давно привести к очень неприятным последствиям, если бы сострадание к обманутому народу не заняло места во всех других соображениях; и что бессильные усилия миссионера (который утратил свою честь, как обещал мне) по отношению к части одного из их племен являются обстоятельством, которое, каким бы незначительным оно ни было, усиливает их негодование.

"Я был бы вам очень признателен за ваши обещания не финансировать любые попытки против меня и т. Д., Если бы они, по-видимому, не предпринимались на условиях согласия с Континентальными или провинциальными конгрессами или даже Комитетами, сформированными или подлежащими формированию, многие решения которых могут противоречить моей совести, долгу или лояльности. Я надеюсь, что всегда буду проявлять больше гуманности, чем способствовать уничтожению невинных жителей Колонии, к которой я всегда был горячо привязан, - заявление, которое должно казаться вполне соответствующим характеру человека чести и принципов, который ни в коем случае не может пренебрегать теми обязанностями, которые с ними связаны, как бы они ни отличались от взглядов, принятых сейчас во многих частях Америки.

"Я искренне желаю скорейшего прекращения нынешних проблем, и я,

Сэр, Ваш покорнейший слуга, Г. Джонсон. "П. В. Б. Ливингстон, эсквайр.

"В этом сезоне у меня будет возможность встретиться с индейцами моего департамента в разных местах". [FN]

[FN] Это письмо было скопировано автором с оригинала, находящегося в Государственном департаменте, Олбани.

Полковника Джонсона в его отъезде сопровождали Джозеф Брант, или Тайенданега, его секретарь, а также полковник Джон Батлер и его сын Уолтер. Из предыдущего письма читатель, вероятно, понял, что им удалось созвать очень большой совет в Онтарио. Однако большую часть присутствовавших индейцев, вероятно, составляли каюги и сенека. Теперь это были самые многочисленные из Шести наций, хотя могавки по-прежнему стояли во главе конфедерации. Прежде последнее упомянутое племя было самым многочисленным и могущественным в кантоне; но вскоре после основания колонии Нью-Йорк французам удалось склонить значительную часть могавков вернуться в Канаду, откуда они первоначально пришли,

после разрыва вассальной зависимости, в которой они находились у алгонкинов. Более того, их близость к белым сопровождалась неизменным и, казалось бы, неизбежным в отношении их расы эффектом уменьшения их численности. Вдобавок ко всему, их воинственный характер и дерзкая свирепость, подвергавшие их более частым опасностям, чем те, с которыми сталкивались объединенные с ними кантоны, еще больше способствовали этому неравномерному уменьшению численности. [FN]

Среди рукописей сэра Уильяма Джонсона я нашел перепись северных и западных индейцев от реки Гудзон до великих озер и Миссисипи, проведенную в 1763 году. Воинов-могавков было тогда всего 160; онейдас - 250; тускарорас - 140; Онондага - 150; Каюга - 200; Сенека - 1050. Всего 1950. Согласно расчетам британского агента, несколько племен, должно быть, увеличились между окончанием войны во Франции и началом Американской революции, поскольку было подсчитано, что во время последнего сражения у англичан на вооружении было 300 ирокезов, 150 онейд, 200 тускарора, 300 онондагов, 230 кайюга и 400 сенека.—Автор.

Неизвестно, сохранился ли какой-либо отчет об этом соборе, хотя речи, которыми обменивались участники, несомненно, были записаны, поскольку такова была всеобщая практика общения с индейцами. Но не существует никаких сомнений в том, что суперинтенданту удалось еще больше отвратить чувства подавляющего большинства индейцев от американцев, если бы они немедленно не вступили в ряды захватчиков. Также, при беспристрастном рассмотрении всех обстоятельств их дела и положения, неудивительно, что их склонности были благоприятны короне. Напротив, удивительно, что полковнику Джонсону не удалось захватить с собой также "Онейду" и "тускарорас"; и он, вероятно, сделал бы это, если бы не благотворное, хотя и косвенное влияние мистера Киркланда и их благородного вождя, проникательного Шенандоа — всегда теплого и непоколебимого друга колонистов. Что касается этих индейцев, то следует учитывать, что в то время они находились в союзе с Великобританией в течение более чем ста лет. Во всех войнах со своими непримиримыми врагами алгонкинами, действовавшими в союзе с французами, Шести нациям помогали англичане или они сражались бок о бок с ними. В течение долгих лет сэр Уильям Джонсон был их советником и другом. Его семья была в определенной степени связана с главным кантоном конфедерации, и они консультировались с ним по всем деловым или особо важным вопросам, как с оракулом. Они получали свои припасы через него и его агентов, и было естественно, что после его кончины их привязанность к нему перешла к его преемнику на этом посту, который также был его зятем. Более того, мисс Молли была женщиной с глубоким пониманием и умелым менеджментом. И, как мы уже видели, она и сам полковник Гай опирались на мощную помощь Тайенданеги, который сочетал преимущества образования с врожденной проникательностью своей расы. Вдобавок ко всему, дело считалось если не отчаянным, то, по крайней мере, сомнительным, в то время как непросвещенных индейцев учили произносить имя короля с большим почтением и верить в его всемогущество. Они считали офицеров Короны своими лучшими друзьями; и было вполне естественно, что они цеплялись за ту великую цепь, которую они так долго старались поддерживать между собой.

Уже отмечалось, что до сих пор полковник Гай Джонсон не совершил ни одного акта реальной враждебности. Однако, пока этот совет проводился в Онтарио, вся долина Мохок была охвачена тревогой из-за сообщений о том, что он готовит экспедицию, чтобы вернуться к ним и

опустошить страну огнем и мечом. 11 июля полковник Херкимер написал из Канаджохари Палатинскому комитету, что сегодня утром он получил достоверные сведения о том, что Гай Джонсон готов выступить против них с отрядом из восьмисот или девятисот индейцев и что атака будет начата из леса ниже Литтл-Фоллс, на северном берегу реки. Поэтому он предложил немедленно послать в Олбани за соответствующим количеством людей. Комитет немедленно отправил срочное письмо в Скенектади и Олбани с просьбой об упомянутой помощи, "чтобы предотвратить эти варварские предприятия" и дать им возможность "успешно противостоять своим бесчеловечным врагам, чтобы они не были убиты, как невинные и беззащитные овцы перед хищными волками".

Из-за положительного характера разведданных и таинственных передвижений Гая Джонсона и его последователей у жителей были веские причины для тревоги; особенно потому, что сэр Джон Джонсон [FN—1] оставался в Холле в Джонстауне, имея в своем распоряжении большое количество лоялистов, сделавших свой замок (поскольку Холл теперь был укреплен) их штаб-квартирой, - которые, в случае такого перемещения его шурина с запада, несомненно, были бы готовы присоединиться к индейцам в этом предприятии и вместе с ними обоими смогли бы захватить поселения. в разрушении одним ударом. Поэтому были предприняты все возможные приготовления к их защите, но тревога оказалась беспочвенной; и после того, как Гай Джонсон завершил свои дела в Онтарио, он вернулся в Освиг, где вскоре после этого созвал еще один совет и заключил мирный договор, по которому ему удалось еще больше отдалить индейцев от колоний. Подробности этого собора никогда не публиковались в письменной форме; но некоторые интересные ссылки на него будут встречаться в индийской речи несколькими страницами позже. [FN-2]

[FN-1] Сэр Джон Джонсон занимал должность бригадного генерала милиции.

[FN-2] Следующий отрывок из "Истории революции" Рамзи, по-видимому, относится к этому собранию индейцев в Освего. В течение того года не было никакой другой встречи, к которой могло бы относиться это уведомление Рамзи. Полковник Джонсон неоднократно совещался с индейцами и пытался повлиять на них, чтобы они взялись за топор войны, но они упорно отказывались. Чтобы заручиться их сотрудничеством, он пригласил их на пир бостонца и выпить его крови. В индийском стиле это означало не что иное, как отведать жареного быка и выкурить трубку вина на общественном приеме, который был устроен с целью склонить их к сотрудничеству с британскими войсками. Колониальные патриоты делали вид, что понимают это в буквальном смысле. По их способу объяснения, это было удобным инструментом для воздействия на страсти народа ".

Из Освиги Гай Джонсон переправился в Канаду, а оттуда спустился по реке Святого Лаврентия в Монреаль в сопровождении большого числа вождей и воинов Шести наций, которые были приглашены на собеседование с сэром Гаем Карлтоном и сэром Фредериком Холдимандом — оба этих выдающихся офицера находились в то время в этом городе — и были склонены ими встать на защиту короля.

Часто утверждалось, особенно британскими историками, что сэр Гай Карлтон был против привлечения индейцев к участию в конкурсе из соображений гуманности. Таковым, однако, не было на самом деле. Брант неоднократно утверждал в "загробной жизни", в произнесенных им

речах, копии которых до сих пор сохранились, что по их первому приезду в Монреаль генерал Карлтон предложил им поступить на службу. В речи, произнесенной Вождем в 1803 году, в которой кратко излагается история службы могавков в той войне, встречаются следующие отрывки, касающиеся обсуждаемого сейчас вопроса: "Мы жили в бывшей резиденции Гая Джонсона, когда пришло известие, что началась война между народом короля и американцами. Мы почти не обратили внимания на это первое сообщение, но через несколько дней мы услышали, что пятьсот американцев идут, чтобы схватить нашего суперинтенданта. Такие новости встревожили нас, и мы немедленно посоветовались, какие меры необходимо принять. Мы сразу же вспомнили о завете наших предков как союзников королю и сказали: "Нам не следует нарушать его, что бы с нами ни случилось". Действительно, прошло много времени с тех пор, как губернатор (сэр Гай Карлтон) сказал нам: "Я призываю вас продолжать оставаться верными королю и не нарушать торжественное соглашение, заключенное вашими предками; ибо ваше собственное благополучие тесно связано с тем, что вы продолжаете быть союзниками его Величества". Он также сказал гораздо больше в том же духе; и наши умы были тем более сосредоточены на этом. твердо решили, поскольку мы признали, что в конечном итоге для наших семей и для нас самих было бы лучше всего остаться под защитой короля, с какими бы трудностями нам ни пришлось столкнуться. ... В июле 1775 года в Монреале был созван совет, на котором присутствовали Семь Наций (или каунавага), а также мы, Шесть Наций. По этому случаю генерал Халдиманд рассказал нам, что случилось с подданными короля, и сказал: "Сейчас самое время вам помочь королю. Война началась. Помогите королю сейчас, и вы увидите, что это вам на руку. Идите сейчас и сражайтесь за свое имущество, и все, что вы потеряете из своего имущества во время войны, король возместит вам, когда воцарится мир. Вот суть того, что сказал генерал Холдиманд. Затем к нам присоединились индейцы Каунавага. Мы сразу же взялись за дело всерьез и сделали все возможное во время войны".

Речь Бранта, из которой взят предыдущий отрывок, была написана на языке могавков и никогда им самим не переводилась на английский. Это важный документ, раскрывающий новый факт в отношении поведения сэра Гая Карлтона, и, соответственно, он был переведен для настоящей работы. Строгая историческая точность часто достигается медленно; но, после всех выводов из заслуг генерала Карлтона, впоследствии лорда Дорчестера, останется достаточно действительно превосходного и великого, чтобы оставить ему репутацию, которой могло бы гордиться большинство общественных деятелей.

ГЛАВА V.

Заседание второго Континентального конгресса—Меры обороны—Декларация—Национальный пост—Организация индийского департамента—Обращение к Шести нациям—Созванный в Олбани Совет—Предварительные консультации в Германских квартирах—Выступления Онейд и других—Перерыв в Олбани—Краткое интервью с комиссарами—Конференция и обмен речами с албанцами—Заседания большого совета—Речи комиссаров—Ответы индейцев—Завершение большого совета—Возобновление конференции с участием албанцев—Выступление Комитета Олбани—Ответ индейцев—Раскрытие работы Гая Джонсона в Олбани. Освего—Окончание слушаний—Эпидемия среди индейцев—Небольшая выгода от совета—Слушания в округе Трайон возобновлены—Сомнительное положение Нью-Йорка—Симптомы недовольства делом народа—Сэр Джон Джонсон—Шериф Уайт смещен народом—Королевские власти заменены назначениями от народа—Драка в Джонстауне—Первый выстрел из пистолета в Сэмпсона Сэммонса—Уайт повторно назначен Трайоном—Его бегство—Работа Комитета—Оппозиция тори—Замыслы сэра Джона Джонсона и сэра Гая Карлтона—Письмо и депутация сэру Джону—Заклученные за политические преступления отправлены в тюрьму—Письмо от провинциального конгресса—Могавки начинают боевые действия в Сент—Джонсе—Речь канадцев с объяснениями—Индейцы ходатайствуют об освобождении заключенных—Обзор хода революции в других частях колоний—Заседания парламента—Сожжение Фалмута—Нападение на Канаду—Итан Аллен схвачен—Экспедиция Арнольда—Осада Квебека—Падение Монтгомери—Индейцы Каунавага и Делавер.

THE Второй Континентальный конгресс, состоящий из делегатов, собрался в Филадельфии 10 мая. Поскольку военные действия фактически начались, и было хорошо известно, что крупные подкрепления британской армии были на пути из Англии, не было потеряно времени на подготовку к государственной обороне. Заявив, что они "желают восстановления гармонии, некогда существовавшей между метрополией и Колониями", они решили снова представить "смирненную и исполненную долга петицию его Величеству"; подготовили обращения к народу Великобритании; к народу Канады; и к ассамблее Ямайки; проголосовали за немедленное оснащение 20 000 человек; проголосовали за привлечение трех миллионов по аккредитивам для ведения войны; и, после выдвижения Джона Адамса, назначили Джорджа Вашингтона, из Вирджинии, главнокомандующим. 4 июля Конгресс осудил два акта парламента предыдущей сессии, ограничивающие торговлю в Колониях, как "неконституционные, репрессивные и жестокие"; а 6 июля они согласились с манифестом, "излагающим причины и необходимость того, чтобы они взяли за оружие". После энергичной, но сдержанной преамбулы, в которой излагался исторический взгляд на происхождение, прогресс и поведение колоний, а также на меры британского правительства после заключения мира 1763 года; и после красноречивого перечисления причин, вызвавших столкновение, и провозглашения их уверенности в получении иностранной помощи в случае необходимости и в конечном успехе; более того, отвергая любое намерение разорвать связь между метрополией и Колониями; декларация продолжалась: "Мы самым торжественным образом, перед Богом и всем миром, ЗАЯВЛЯЕМ, что, прилагая максимум энергии к тому, чтобы добиться успеха". из тех сил, которыми наделил нас наш милосердный Создатель, из оружия, которое наши враги вынудили нас взять в руки, мы будем, несмотря ни на какие опасности, с неослабевающей твердостью и упорством использовать для сохранения наших свобод; будучи единодушно решенными умереть СВОБОДНЫМИ ЛЮДЬМИ, а не жить РАБАМИ". Они заявили, что сложат оружие тогда, когда военные действия прекратятся со стороны агрессоров, и не раньше. Полагаясь на милосердие Беспристрастного Судьи и Правителя Вселенной и умоляя его о благодати защитить и провести

их через конфликт, они назначили 20 июля отмечаться как день публичного унижения, поста и молитв с этой целью. Это было всеобщее соблюдение, и это был первый национальный пост, когда-либо объявленный в Новом Свете. [FN]

[Ф.Н.] Анналы Холмса.

Но среди всех трудных обязанностей, требующих внимания Конгресса, важность бдительного наблюдения за индейцами признавалась всеми. Положение Шести наций, а также их способность творить зло не могли не поразить всеобщее внимание. Они служили полезным барьером между английскими поселениями и французами в Канаде во время предыдущих войн и часто активно привлекались в качестве вспомогательных сил. Их положение и их полезность теперь были бы точно такими же у американцев и англичан в Канаде. Поэтому было сочтено, что первоочередной задачей, если возможно, является помешать им встать на сторону англичан — однако, не с целью использования их оружия нами; поскольку, несмотря на проявленное Конгрессом Массачусетса намерение использовать индейцев и фактическое привлечение индейцев Стокбриджа в качестве вспомогательных сил, тем не менее, Конгресс страстно желал сохранить их нейтралитет в отношениях между Англией и Колониями и в мире между собой и со всеми. Поэтому с целью более пристального наблюдения и более эффективных действий в отношении отношений страны с индейцами 12 июля был учрежден Департамент по делам индейцев с тремя подразделениями: Северным, Средним и Южным, и для каждого были назначены уполномоченные, "обладающие полномочиями вести переговоры с индейцами в их соответствующих департаментах, сохранять мир и дружбу и предотвращать их какое-либо участие в нынешних беспорядках". Комиссарами Северного департамента были генерал-майор Филип Шайлер, майор Джозеф Хоули, мистер Тюрбо Фрэнсис, мистер Оливер Уолкотт и мистер Волкерт П. Доу. Была согласована форма обращения к нескольким племенам индейцев во всех департаментах, которая могла быть изменена по мере необходимости для адаптации к местным условиям. Это обращение было составлено в манере индийских речей и содержало краткую историю колоний, а также о возникновении и прогрессировании трудностей между ними и метрополией. В ходе выступления индийцев проинформировали о характере и целях начавшегося затем соревнования, а также настоятельно порекомендовали сохранять нейтралитет. Конгресс сказал— "Мы желаем, чтобы вы услышали и восприняли то, что мы вам сейчас сказали, и чтобы вы прислушались к тому, что мы сейчас собираемся сказать. Это семейная ссора между нами и Старой Англией. Вас, индейцев, это не касается. Мы не хотим, чтобы вы поднимали топор войны против королевских войск. Мы хотим, чтобы вы оставались дома и не присоединялись ни к одной из сторон, но держали топор войны глубоко зарытым. От имени всего нашего народа мы просим и желаем, чтобы вы любили мир и поддерживали его, любили и сочувствовали нам в наших бедах; чтобы путь оставался открытым для всего нашего и вашего народа, чтобы проходить и возвращаться без помех ". В заключение Конгресс сказал— "Давайте оба будем осторожны в нашем поведении по отношению друг к другу в этом критическом положении дел. Этот остров сейчас дрожит: ветер свистит почти со всех сторон ... Давайте укрепим наши умы и заткнем уши от ложных слухов ... Давайте будем осторожны с тем, что мы принимаем за правду, если только ее не произносят мудрые и добрые люди. Если между нами, Двенадцатью Соединенными Колониями, и вами, Шестью Нациями, когда-либо возникнет что-либо неприятное, что нанесет ущерб нашему миру, давайте немедленно примем меры для устранения этой брешы. Исходя из нынешнего положения наших дел, мы считаем

мудрым и целесообразным разжечь небольшой костер совета в Олбани, где мы могли бы услышать голоса друг друга и более полно раскрыть друг другу свои мысли ". [FN]

[FN] Обращение к индейцам длинное, его можно найти в Приложении.

Таковы были лишь некоторые пункты обращения, которое было честной и искренней попыткой помешать дикарям принимать какое бы то ни было участие в соревновании. Комиссары Северного департамента не теряли времени даром, принимая меры в соответствии с его мудрым духом и политикой. С этой целью было назначено заключение договора с Шестью народами в Олбани в августе месяце, и все племена были приглашены принять в нем участие. Накануне дня собрания двое уполномоченных, мистер Доу и полковник Фрэнсис, встретились с несколькими вождями и воинами на предварительном совете в Германских квартирах, на котором присутствовало мало людей. Эта конференция была проведена 15 и 16 августа. Полковник Фрэнсис открыл совет, изложив цели, ради которых двенадцать Объединенных колоний пригласили предлагаемое общее собрание в Олбани, на котором они теперь просили присутствовать все Шесть наций и их союзников. Они добавили: "Когда мы встретимся с вами, нашими братьями из Шести наций, и вашими союзниками в Олбани, мы вновь разожжем костер совета, который наши предки и ваши ранее разжигали в этом месте, и там сядем и вместе обсудим нынешнее положение двенадцати Объединенных колоний, и раскроем вам свое мнение по этому поводу. У нас есть важные вопросы, которые мы должны сообщить вам, нашим братьям из Шести Наций, и вашим союзникам, которые не могут быть раскрыты до тех пор, пока в Олбани не будет зажжен костер совета и мы не соберемся в полном составе ". Отметив, что на совете присутствовало мало людей. Полковник Фрэнсис в своей речи призвал их направить общее приглашение всем Шести нациям прибыть в Олбани; и он предложил, чтобы они также послали пригласительные пояса коунавагам в окрестностях Монреаля вместе с индейцами Семи наций на реке Святого Лаврентия. Полковник Фрэнсис завершил свою "беседу" следующим образом:

"БРАТЬЯ: Поскольку многие озорные и злобно настроенные люди могут пытаться пробудить в ваших умах чувства, враждебные вашим братьям из двенадцати Объединенных колоний, мы просим вас заткнуть уши и укрепить свой разум против любых подобных злых и ложных сообщений; и если среди вас появятся такие лжецы и обманщики, которые попытаются отравить ваши умы, будьте уверены, что они такие же ваши враги, как и враги ваших братьев из двенадцати Объединенных колоний вместе взятых, которые теперь будут усиливаться в Олбани.

-Ремень."

На это *Канагуэса*, сахем Онейды, ответил:—

"БРАТЬЯ: Теперь вы открыли свои умы. Мы услышали ваши голоса. Ваши речи далеки от того, чтобы быть презренными. Но поскольку день уже на исходе, мы откладываем ответ до завтра, поскольку мы устали от долгого заседания совета. Мы думаем, пришло время немного выпить, и вы должны помнить, что двенадцать Объединенных колоний - это великая организация.

Заседание совета было перенесено на 16—е число, *Туахогвандо*, сахем Онейда, выступил со следующим ответом на речь членов комиссии:-

"БРАТ СОЛИХОАНИ, [FN] и наши Братья из Олбани, присутствуйте! Сейчас мы собрались на Германских равнинах, где вы разожгли костер совета, а вчера созвали нас вместе и рассказали нам, откуда вы прибыли и чьей властью, а именно властью двенадцати Соединенных колоний, вы открыли нам свое дело".

[FN] Имя, данное индейцами полковнику Фрэнсису.

"БРАТЬЯ: Теперь присутствуйте. По милости Божьей мы дожили до этого дня, и Шесть наций сейчас в полном составе собрались в этом месте, где мы выкуриваем трубки в знак дружбы и любви. Мы рады слышать ваши голоса. Вы пришли пригласить нас в Олбани, на праздничный костер совета мира.

"БРАТЬЯ: Мы благодарим вас за это приглашение. Оно полностью одобряется нами. Вот мы, представители всех племен Шести Народов. Будет сделано так, как ты сказал.

"БРАТЬЯ: Вы пожелали, чтобы все наши сообщники получили это приглашение. Это не может быть сделано в течение одного года, поскольку мы простираемся очень далеко и вряд ли сможем созвать крайние части нашей конфедерации на эту запланированную встречу. Но успокойте свои умы. Когда этот Конгресс закончится и пожар в совете будет разожжен, мы ознакомим всех наших союзников с тем, что произошло. Это ответ всех Шести Наций, которые сейчас здесь представлены от каждого племени.

"БРАТЬЯ, СОБЕРИТЕСЬ! Вчера вы сказали, что разумно отнеслись к тому, что наша конфедерация распространилась и на Каунавагу, и вы просили нашей помощи, чтобы переслать этот ваш пояс приглашения каунавагам и семи племенам в этом квартале.

"БРАТЬЯ: Храните свои умы в покое. Нам, Шести нациям, трудно удовлетворить эту просьбу. По этой причине мы очень смущены. Сейчас там находится человек, который будет тревожить ваши умы и никогда не согласится на их приход, и будет воздействовать на их умы другим способом. [FN] Он твоей собственной крови".

[FN] Гай Джонсон, несомненно, был тем человеком, о котором шла речь.

"БРАТЬЯ: Храните свои умы в покое. Мы, представители Шести наций, обладаем разумом каунавагов и семи племен в этом квартале. В нашем центральном доме советов, когда это происходило, они обратились к нам из Шести наций следующим образом: "Вы лучше способны поддерживать мир, чем мы; поэтому мы доверяем вам наши решения". По этим причинам мы советуем вам пересмотреть ваше прошение к нам, поскольку мы настолько смущены, что не можем его удовлетворить. Возможно, вы скажете нам, когда закончится предполагаемый вами костер совета: "Братья, вы, представители Шести наций, ознакомьте всех своих союзников и соратников с тем, что произошло у этого костра совета мира"; и мы сделаем это с большой осторожностью и точностью. Теперь, братья, вы видите, как мы смущены, и поэтому даем вам этот совет.

-Пояс возвращен."

На это полковник Фрэнсис ответил:—

"БРАТЯ ШЕСТИ НАЦИЙ: Нас очень беспокоит тот факт, что в настоящее время вы не можете передать этот пояс нашим друзьям в Канаде. Мы выслушали ваши доводы и с сожалением обнаружили, что один из наших кровников уже там, пытаюсь отвлечь их внимание от нас, когда мы не желаем им ничего, кроме мира. Поскольку в Канаде очень много англичан, мы не знаем, кого вы имеете в виду. Поэтому мы будем рады, если вам укажут именно на этого человека ".

На эту просьбу сахем могавков. Маленький Авраам ответил:

"БРАТЯ: Мы считаем само собой разумеющимся, что вы все знаете именно того человека, которого мы имеем в виду. Мы сказали, что он вашей крови. Мы не видим необходимости указывать на него более определенно".

Времена были критические, а жители долины чрезвычайно подозрительно относились к передвижениям индейцев, и последние не совсем были лишены опасений, что по пути в Олбани их может постигнуть какое-нибудь несчастье. Поэтому Тиахогвандо обратился к совету по этому вопросу следующим образом:—

"БРАТ Солихоани, и наш Брат из Олбани: Мы считаем само собой разумеющимся, что вы призвали нас на совет мира и полной дружбы; и вы взяли нас за руку. Поскольку есть люди с разными взглядами, и некоторые из них могут быть настроены недоброжелательно, мы хотим, чтобы вы предупредили свой народ, чтобы они не оскорбляли нас на пути к вашему огню совета мира. Если пренебречь этой осторожностью, может случиться какое-нибудь несчастье, поскольку из-за нынешнего положения дел все люди уже не встречаются так по-братски, как раньше. Было бы несчастливо, если бы наш костер совета был раздавлен какими-нибудь проказниками. Мы предостерегли вас, чтобы, пока мы движемся в мире и тишине, нас не встревожил удар, нанесенный нам в тыл. Поэтому мы хотим, чтобы вы начали, даже на этом совете, публиковать свои предостережения неразумным и неуправляемым людям. Этим поясом мы заявляем вам, наши Братя, что дорога открыта для прохождения и повторного прохождения, и свободна от всех затруднений, через Шесть Наций, как это было в течение долгого времени. Поэтому мы желаем, чтобы у нас была такая же открытая дорога к намеченному вами костру совета в Олбани ". [FN]

Поскольку мистер Кирклэнд присутствовал на этом совете, речи индейцев, несомненно, были им переведены.

Полковник Фрэнсис ответил: —

"БРАТЯ ШЕСТИ НАЦИЙ:Этим поясом вы хотите, чтобы мы расчистили дорогу в Олбани, чтобы никто из наших людей не причинил вам вреда. Дорога в Олбани для вас будет такой же ясной, как для нас дорога в страну Шести наций. Двенадцать Объединенных колоний дали нам огромную власть над белыми людьми. Мы назначим белых людей, которые говорят на вашем языке и любят ваши народы, чтобы они в безопасности доставили вас в Олбани и снабдили провизией в пути. Завтра утром мы отправимся в Олбани, чтобы подготовить все необходимое для разжигания там большого костра совета.

Совет уполномоченных Северного департамента собрался в Олбани 23 августа (за исключением майора Хоули, который отказался от своего назначения из-за плохого состояния здоровья) и принял необходимые меры для заключения договора. Гражданским властям Олбани было направлено приглашение нанести сахемам и воинам комплиментарный визит вместе с Комиссарами, которое было принято. Аналогичным образом был назначен комитет из видных джентльменов Олбани, который должен был присоединиться к поздравительному визиту 24-го. По прибытии в апартаменты вождей к ним обратились следующим образом: —

"БРАТЬЯ ШЕСТИ НАЦИЙ: Мы, депутаты, назначенные двенадцатью Объединенными колониями, потомки Кведара и джентльмены города Олбани, поздравляем вас с вашим прибытием сюда. Они рады видеть тебя в добром здравии и благодарят Великого Бога за то, что он позволил нам встретиться".

В ходе этого интервью сахемы намекнули на желание проконсультироваться с муниципальными чиновниками города Олбани, прежде чем они встретятся с комиссарами на официальном совете. По-видимому, между индейцами онейда и албанцами имели место дипломатические переговоры и обмен послами; и теперь вожди желали провести с ними совещание. Уполномоченные, желая ублажить индейцев, удовлетворили просьбу; и албанцы назначили комитет, состоящий из Уолтера Ливингстона, Джереми Ван Ренсселера и Сэмюэля Стрингера, для принятия соответствующих мер. Интервью состоялось в тот же вечер, когда *Сигнагерат*, вождь племени онейда, открыл заседание речью весьма необычной длины для индейца. Он начал с выражения своего удовлетворения по поводу того, что, разворошив золу, чтобы разжечь старый костер совета, они обнаружили несколько оставшихся искр. Затем он упомянул о ходе предыдущей консультации в "Герман Флэтс", коснувшись поведения Гая Джонсона при высылке их миссионеров и других вопросов. Упомянутое собрание, по-видимому, было частичным советом, на который албанцы послали депутацию, целью которой было посредством демонстрации некоторых древних поясов напомнить индейцам о прежнем мирном договоре с Кведаром и отговорить их от участия в существующей ссоре. То, что было сказано депутатами от Олбани на упомянутом совещании, но о котором, по-видимому, не сохранилось никаких записей, теперь по существу было повторено вождем племени онейда в соответствии с индейской манерой ведения своих советов. Затем он перешел к ответу *последовательно*; исходя из этого обстоятельства, вероятно, что пожар в бывшем совете был разгребен до того, как его рассмотрение было доведено до конца. Прозвучавший теперь ответ был решительно и решительно миролюбивым. Вождь признал, что "злые птицы" были заняты распространением неприятных слухов и что Гай Джонсон или его агенты прилагали усилия, чтобы заставить их отказаться от своего нейтралитета — по крайней мере, таков был вывод из речи; но он снова и снова протестовал против решимости Шести наций не вмешиваться в полемику и только призывал колонистов держать путь в свою страну открытым, чтобы они могли проходить и возвращаться без помех. Что касается отстранения их миссионера, вожди заявили, что Гай Джонсон сделал это в соответствии с "поясом", полученным от губернатора Гейджа. Он выразил величайшее уважение мистеру Киркленду; но в то же время, учитывая обстоятельства дела, предположил, что, в целом, мистеру К. не лучше ли было бы пока оставить их, пока буря не утихнет.

Когда речь была закончена, албанский комитет поблагодарил их за нее и пообещал дать ответ после завершения большого совета с участием комиссаров Двенадцати колоний.

Этот совет начал свои заседания на следующий день — 25 августа. Спикер Онейды, выступавший накануне вечером, весьма уместно открыл совет, после чего члены Комиссии, прежде чем официально перейти к делу, предложили всем им сесть и вместе выкурить трубку мира. К этому предложению присоединились, и клевета пошла по кругу. По окончании этой церемонии уполномоченные открыли свою миссию очень уместной и эффектной речью, напомнив индейцам о некоторых древних заветах дружбы с колонистами и повторив им часть речи *Каннассатого*, старого и популярного сахема Шести наций, чье имя и характер пользовались у них большим почтением, произнесенной тридцать лет назад на большом совете, проходившем в Ланкастере. [FN] Призыв состоял в том, чтобы объединиться между собой, а также в мире и дружбе с колонистами.

Брат Каннассатого присутствовал при этом событии и хорошо запомнил его слова.

Затем заседание совета было перенесено на 26-е число, когда члены Комиссии представили обращение Конгресса, о котором особое упоминание было сделано на предыдущей странице. Обсуждения в индийских советах проходят медленно. Их язык состоит из длинных и запутанных соединений, а необходимость обдуманных и тщательных толкований, чтобы сказанное и объясненное запечатлелось в памяти индейцев, которые не обладают преимуществом письменного языка, делает этот процесс утомительным. Таким образом, все двухдневные заседания потребовались мистеру Киркленду для изложения и толкования "выступления" в Конгрессе, которое было поручено комиссарам. В конце один из руководителей заявил, что в обращении не было "ничего, кроме приятного и хорошего". Но, поскольку предложенные вопросы были очень важными, они попросили провести на следующий день отдельное обсуждение между собой, пообещав на следующий день, 27 августа, дать свой ответ. Однако только 31 августа индейцы были готовы обнародовать результаты своих собственных тайных советов. Их ответ был произнесен *Маленьким Абрахамом*, сахемом могавков Нижнего замка. Это была умелая речь, совершенно миролюбивая. Но было одно заявление, которое трудно согласовать с признанной правдивостью индейцев, поскольку оно противоречило хорошо известному курсу Гая Джонсона и соглашению, которое к тому времени уже было заключено Брантом и его последователями с сэром Гаем Карлтоном и генералом Холдимандом в Монреале. Мы ссылаемся на заявление Литтла Абрахама о том, что Джонсон посоветовал им занять и сохранять нейтральную позицию на недавнем совете Освего. Действия Бранта и Гая Джонсонов в Монреале, вероятно, тогда еще не происходили в долине Мохок. И все же Гай Джонсон, должно быть, лукавил или говорил "раздвоенным языком" с теми индейцами, которых он считал дружественными Колониям, иначе Маленький Абрахам не совершил бы такой большой ошибки.

В ходе своей речи вожди выразили сильную привязанность к сэру Джону Джонсону как к сыну их старого друга сэра Уильяма, который родился среди них и по материнской линии был голландцем. [FN] Они желали, чтобы что бы ни стало причиной войны. Сэра Джона можно было бы не трогать. Та же просьба была также высказана от имени их миссионера, преподобного мистера Стюарта, который, по их словам, был послан к ним королем; а также потому, что он

никогда "не вмешивался в гражданские дела", а был намерен только "наставить их на пути к небесам".

Мать сэра Джона была немкой, но в долине Мохок немцев и по сей день обычно называют голландцами.

В заключение своей речи Абрахам воспользовался случаем, чтобы затронуть некоторые внутренние вопросы между ними и жителями Олбани. Он обвинил их в том, что они отняли у ирокезов два участка земли, не заплатив за это даже за трубку. Индейцы хотели, чтобы Двенадцать Колоний восстановили эти земли и снова передали их в мирное владение. "Если вы откажетесь сделать это, - сказал он, - мы сочтем перспективу плохой; потому что, если вы победите, вы возьмете нас за руки и уведете всех отсюда". Говоря так, он говорил с духом пророчества!

Когда "Маленький Абрахам" закончил, *Туахогвандо*, Онейда, произнес короткую речь на тему продолжавшегося в то время кровавого и ожесточенного спора между Коннектикутом и Пенсильванией по поводу территории Вайоминг, полный отчет о котором последует в надлежащем месте. Индейцы признали, что земля была передана ими Пенсильвании в качестве бесплатного подарка — Великий Дух не позволил им продать эту страну. В ходе своих выступлений вожди просили возобновить торговлю с индейцами как в Олбани, так и в Скенектади, и чтобы кто-нибудь был назначен охранять древо мира в Олбани и поддерживать огонь совета.

1 сентября уполномоченные представили свой ответ, примирительный по своему характеру и согласный с основными просьбами индейцев. Они также проинформировали вождей, что назначили генерала Шайлера и мистера Доу поддерживать огонь. Так закончился совет с участием представителей колоний. "Незаконченное дело" с албанцами было возобновлено на следующий день — 2 сентября, — для чего в пресвитерианской церкви был сформирован совет. Также присутствовали комиссары Соединенных колоний. После того, как были соблюдены все формальности, Комитет Олбани подробно обратился к индейцам. В ходе своей речи они особо упомянули совет в Освиге и деятельность Гая Джонсона в этом месте, в отношении которых, по их словам, они не получали определенных советов и о которых они хотели бы быть полностью и недвусмысленно проинформированы. Что касается земельного вопроса, затронутого индейцами, Комитет заявил, что, по их предположению, речь шла о землях в Тикондероге. Это был вопрос между индейцами и корпорацией Олбани, тогда как они были комитетом от народа и не могли рассматривать этот вопрос. Однако они напомнили индейцам, что этот вопрос поднимался ранее и был решен Колониальной ассамблеей. Они также дали им понять, что индейцы не были той стороной, у которой были основания для жалоб в этом вопросе.

Ответ индейцев передал Маленький Абрахам. Отказавшись от земельного вопроса, он перешел к ответам на заданные им вопросы, касающиеся совета Освего. "Мы полагаем, - сказал он, - что Бог накажет нас, если мы что-нибудь скроем от вас". Следующие отрывки цитируются из ответа Авраама:

"Братья: Сделки по этому договору были очень публичными. Там были жители Шаванезе и несколько человек из Детройта. Мистер Джонсон сказал нам, что огонь, разожженный там, был

огнем мира; что все белые люди были подданными короля и что, казалось, они были пьяны. Он сказал, что все белые люди были пьяны и что Божий суд навис над ними; но он не знал, на чью сторону он падет. Мистер Джонсон далее сказал нам, что нынешний совет был разожжен из-за нынешнего спора, и попросил нас не вмешиваться, поскольку они были братьями; и умолял нас сидеть тихо и поддерживать мир. Вот что сказал нам полковник Джонсон на том совете. Он также сказал, что положил глаз на мистера Киркленда; что тот уехал в Филадельфию и вдоль морского побережья; что он стал великим солдатом и лидером. "Это ваш священник?" - спрашивает он. "Вы думаете, ваш священник заботится о ваших душах? Нет. К тому времени, как он приедет в Филадельфию, он будет великим воином, а когда вернется, то станет вождем всех Пяти народов".

"Братья: Присутствовали пять человек из Детройта, пятеро из Каунаваги и двое из шаванцев. Полковник Джонсон сказал им, что к тому времени, когда он вернется из Канады, все их люди будут там, и тогда он разожжет костер совета; и он также хотел бы, чтобы они не принимали никакого участия в этом споре, поскольку это была ссора между братьями. Он также сказал им, что направляется к губернатору Канады, который придерживается иного мнения, чем он, но поговорит с ним. И далее он сказал, что расскажет индейцам Каунавага то же самое, что сказал нам, и с этой целью пожелал, чтобы двое представителей каждого народа могли пойти и послушать это. Он также пожелал, чтобы мы рассмотрели, каким путем мы будем вести нашу торговлю — вверх по этой реке или из Канады. В то же время он заверил нас, что мы не должны страдать от нехватки товаров, поскольку мы не были вовлечены и не имели никакого отношения к нынешнему спору. Он также сказал что-то о пожарах в совете. Он сказал, что есть два огня, на которые тебе следует смотреть; и если они позовут тебя в Олбани, не ходи, потому что они обманут тебя и расскажут тебе великое множество замечательных историй. Мы очень рады, что ваши формулировки так хорошо согласуются с формулировками полковника Джонсона".

Этот отчет о действиях Гая Джонсона в Освиге был, безусловно, неожиданным и полностью расходился с характером его поведения до отъезда из долины Мохок и во время его продвижения на запад. Едва ли возможно, что он не принял окончательного решения относительно курса, которым он мог бы в конечном итоге следовать, и что его цель не была окончательно определена до его встречи с Карлтоном и Холдиманом в Монреале. И совершенно очевидно, что его представления об индийском нейтралитете, даже если бы он их придерживался, были очень быстро отброшены.

Однако с произнесением последней упомянутой речи Абрахама совет был закрыт; и хотя Шайлер и Доу были назначены поддерживать огонь в очаге совета, все же вскоре пепел был сгребен — и никогда больше не будет вскрыт в Олбани, поскольку это был последний большой индейский совет, когда-либо проводившийся в этом городе. [FN]

[FN] Как упоминалось во Введении к настоящему тому, интересные материалы, о которых в тексте даны лишь общие сведения, никогда ранее не публиковались полностью. Их важность — их внутренний интерес - и тот факт, что это был последний большой совет конфедерации, когда-либо проводившийся в Олбани, побудили автора изначально разместить все это в тексте. Но считалось, что их большой объем слишком затруднил бы повествование. Поэтому они были

перенесены в Приложение. Это был первый замысел автора сократить выступления, но вскоре была предпринята попытка доказать, что в процессе их сила и дух будут утрачены. См. Приложение.

Результат был в высшей степени удовлетворительным для комиссаров и, по-видимому, для индейцев, которые были хорошо обеспечены в течение трех недель, проведенных в Германских равнинах и Олбани. Более того, при отъезде их щедро одарили подарками, и они распрощались с проявлениями большой доброй воли.

Однако, к большому сожалению, вскоре после их возвращения из Олбани среди них возникло эпидемическое заболевание в форме крайне злокачественной лихорадки. Это была болезнь, с которой они никогда не сталкивались, и от нее погибло огромное количество людей. Особенно сильно пострадал кантон могавков Шохари. Действительно, они были почти истреблены.[FN-1] У небольшого числа выживших сложилось впечатление, что Великий Дух наслал на них мор в гнев за то, что они не встали на сторону Короля. Поэтому они последовали за своими братьями из долины Мохок, которые бежали в Канаду вместе с Гаем Джонсоном. При последующих вторжениях в поселения округа Трайон эти индейцы шохари, которые таким образом дезертировали из-за порыва суеверия, были одними из самых дерзких и жестоких.[FN-2] Следует также иметь в виду, что, в конце концов, совет включал лишь неадекватное и частичное представительство Шести наций, за исключением онейда и низшего клана могавков. Большая группа воинов-могавков, возглавляемая Тайенданегеа, покинула страну; и самые влиятельные из племен онондага, кайюга и сенека также сопровождали Бранта и Гая Джонсонов в Монреаль; и события, произошедшие не так давно, доказали, что Олбанский договор преследовал очень мало целей. Бездействие в разгар войны несовместимо с природой или привычками индейцев.

[FN-1] Письмо Джона М. Брауна о ранней истории Шохари.

[FN-2] Idem.

Тем не менее, на данный момент эти разбирательства не прошли даром для дела страны. Условия мира и нейтралитета освободили население округа Трайон от опасений непосредственной опасности извне; и Комитет безопасности, следовательно, получил возможность направить их внимание не только на более эффективную организацию поселений для обороны, но и на гражданское правительство округа.

Но, несмотря на прекрасный дух, проявленный до сих пор большинством жителей внутренних районов Страны, а также при всех неблагоприятных обстоятельствах, которые мы рассматривали, — несмотря на решительный тон формулировок, использованных при осуждении притеснений короны, — еще не было полной уверенности в том, что колония Нью-Йорк выступит против королевской власти. Губернатор Трайон, пользовавшийся популярностью в Колонии, недавно был отозван из Северной Каролины и снова назначен губернатором Нью-Йорка; и он прилагал все свои силы, чтобы отвлечь ее от дела Союза, при поддержке военного корабля "Азия", стоявшего тогда в гавани и командовавшего городом Нью-Йорк с помощью своих орудий. Капитан "Азии" пригрозил разрушить город, если генералу Ли, который в то время приближался с армией с востока, будет позволено войти в него; и таковы были масштабы

террора и сила интриг, что недовольство делом Союза начало открыто проявляться на провинциальном конгрессе. Действительно, были недвусмысленно произнесены признания в намерении встать под королевский штандарт. Эти неблагоприятные явления стали еще более угрожающими после обнаружения секретной переписки, из которой было установлено, что правительство метрополии готовится послать флот в Гудзон и оккупировать Нью-Йорк и Олбани своими армиями. [FN] Об этих планах сэр Джон Джонсон, вероятно, был хорошо осведомлен, и надежда на их осуществление, возможно, побудила его задержаться, наблюдая за знаменами времени, после ухода своего шурина и его армии последователей. У сэра Джона также было множество арендаторов, в основном лоялистов; и шотландские колонисты, в большом количестве обосновавшиеся в Джонстауне и его окрестностях, о которых упоминалось ранее, также были лоялистами и составляли для него респектабельную силу, на которую он мог положиться в случае крайней необходимости.

[Ф.Н.] Вашингтонская жизнь Маршалла.

Однако голландское и немецкое население долины составляли в основном виги; как и к этому времени подавляющее большинство всего белого населения не только долины Мохок, но и Шохари, Черри-Вэлли и других поселений в южной части этого широко раскинувшегося графства. Генеральный комитет выполнял свои функции с таким же усердием и энергией. Жители были зачислены и организованы в ополчение; Комитет сместил шерифа Александра Уайта [FN-1] и назначил на его место полковника Джона Фрея; и, одним словом, они взяли на себя как гражданскую, так и военную юрисдикцию над большей частью страны, над которой они временно взяли на себя управление. Уайт с самого начала стал особенно ненавистен вигам. Под каким-то пустяковым предлогом он арестовал вига по имени Джон Фонда и отправил его в тюрьму. Его друзья в количестве пятидесяти человек под предводительством Сэмпсона Сэммонса ночью пришли в тюрьму и освободили его силой. Из тюрьмы они направились к жилищу шерифа и потребовали его сдачи. Уайт выглянул из окна второго этажа и, вероятно, узнав лидера толпы, спросил— "Это ты, Сэммонс?" "Да", - последовал быстрый ответ, после чего Уайт выстрелил из пистолета в крепкого вига, но, к счастью, не пострадал. Пуля просвистела мимо его головы и ударилась в дверной косяк. Это был первый выстрел, произведенный в ходе Революционной войны к западу от Гудзона. На это немедленно ответили выстрелом из сорока или пятидесяти мушкетов в шерифа, но единственным результатом была легкая рана в груди — как раз достаточная, чтобы потекла кровь. Двери дома были взломаны, и Уайт был бы схвачен, но в этот момент сэр Джон выстрелил из пистолета в холл. Было известно, что это послужило сигналом для его приближенных и шотландских сторонников сплотиться с оружием в руках; и поскольку за очень короткое время они могли собрать силы в пятьсот человек, виги сочли наиболее благоразумным разойтись. Однако они снова собрались в Каунаваге и послали депутацию к сэру Джону с требованием выдать им Уайта. [FN-2] Это требование, конечно, не было выполнено.

[FN-1] Первый столб свободы, установленный в долине Мохок, был установлен на Германских равнинах, и Уайт с группой лоялистов срезал эмблему восстания.

[FN-2] CP. рассказ Джейкоба Сэммонса.

После его увольнения, как уже упоминалось, по воле народа "в его суверенном качестве" Уайт был вновь назначен губернатором Трайоном; но Окружной комитет не позволил ему вновь приступить к исполнению служебных обязанностей. Напротив, народное негодование против него было настолько велико, что он был вынужден бежать, повернувшись лицом к Канаде, в сопровождении белого человека по имени Питер Боун и двух или трех индейцев. Его преследовали до пристани Джессапа на реке Гудзон, где дом, в котором он жил, был окружен, а беглый шериф взят в плен. Оттуда его отвезли в Олбани и заключили в тюрьму. Вскоре после этого он был условно-досрочно освобожден и покинул страну.

Рассказ Джейкоба Сэммонса.

Требования времени требовали быстрых и энергичных действий; и Комитет, по-видимому, состоял из людей, точно соответствующих описанию. Они арестовывали подозрительных лиц, судили их, одних штрафовали, других сажали в тюрьму, а третьих казнили. В их обязанности также входило сохранение мира в критический период среди смешанного населения приграничья, всегда более или менее склонного к проявлению нетерпения в условиях ограничения законом и, конечно, требующего контроля сильной руки. И все же эти высокие обязанности, как правило, исполнялись с большим удовлетворением для общества — лоялисты, конечно, за исключением, — и их резолюции и декреты были с готовностью приняты их избирателями. Их влияние также успешно использовалось для привлечения друзей на народное дело, решая колеблющихся и утверждая нерешительных. [FN]

[FN] Анналы Кэмпбелла.

К этим разнообразным обязанностям добавлялась необходимость бдительно следить за действиями сэра Джона Джонсона, чья позиция и поведение были в равной степени двусмысленными, и многочисленных лоялистов, которыми он был окружен. Эти люди чинили всевозможные препятствия на пути Комитета, и ни один способ досадить и поставить их в неловкое положение не остался неиспробованным. Они старались подорвать доверие людей к Комитету; сами созывали публичные собрания и выбирали контркомитеты; то пытались выставить Комитеты вигов на посмешище, то снова обвиняли их в незаконном и тираническом поведении.[FN-1] Следствием было взаимное раздражение — иногда между ближайшими соседями; и взаимное зарождение враждебных чувств между друзьями, которые встали под противоположные знамена. Эти зарождающиеся соседские ссоры привели в ходе последовавшего за этим противостояния к некоторым из самых ожесточенных и кровавых личных конфликтов, которые когда-либо отмечались в анналах гражданской войны. Несколько членов Комитета впоследствии сыграли выдающуюся роль на поле боя; многие из них пожертвовали своими поместьями, а некоторые из них пали. Среди них Кристофер П. Йейтс, первый председатель, сопровождал генерала Монтгомери в качестве добровольца в Тикондерогу и Канаду, а затем сформировал корпус рейнджеров и командовал им.[FN-2] Судьба Николаса Херкимера хорошо известна, хотя его смерть вызовет новый и дополнительный интерес в ходе этого повествования.[FN-3]

[FN-1] Idem.

[FN-2] *Анналы Кэмпбелла*.

[FN-3] Следующая выдержка взята из письма Государственного комитета безопасности, датированного декабрем 1775 года, подписанного Джоном М.^ККессоном, секретарем Провинциального конгресса: "Этот Конгресс поручил мне заверить вас в высоком уважении, которое они питают к вашему бдительному, благородно настроенному Окружному комитету". Следующее было от генерала Шайлера летом 1776 года: "Правильность вашего поведения и ваши щедрые усилия на благо вашей страны дают вам право на благодарность каждого из ее друзей; пожалуйста, примите мою самую искреннюю". *Анналы Кэмпбелла*.

Что касается сэра Джона, то ситуация теперь быстро приближалась к кризису. 7 сентября Комитет направил письмо провинциальному конгрессу в Нью-Йорке, осуждая его поведение и поведение его единомышленников, особенно горцев, которых, как говорили, собралось около двухсот человек и которые вигов "ежедневно возмущали, провоцировали и угрожали им". Они добавили— "У нас есть большие подозрения и мы почти уверены, что сэр Джон поддерживает постоянную переписку с полковником Гаем Джонсоном и его партией". [FN]

Впоследствии было установлено, что такая переписка велась через индейцев, которые передавали письма в наконечниках своих томагавков и в украшениях, которые носили на себе. Индейцы также привозили порох из Канады. —*Анналы Кэмпбелла*.

Как только Конгресс Двенадцати Объединенных колоний согласился с Декларацией, или манифестом, упомянутым в начале настоящей главы, провозглашающим миру причины и необходимость обращения к оружию, все, даже робкие и колеблющиеся, почувствовали, что Англия и Колонии теперь находятся не в положении родителей и детей, а в положении двух наций, юридически находящихся в состоянии войны. Поэтому патриоты округа Трайон начали более внимательно и с большей уверенностью присматриваться к поведению сэра Джона, о замыслах которого, как было видно, у них с самого начала возникли серьезные подозрения. Более того, действия сэра Гая Карлтона, генерал-губернатора Канады, которому было поручено собрать и вооружить всех людей в пределах этой провинции и вести войну на суше и на море против "всех врагов, пиратов или мятежников, как в провинции, так и за ее пределами", чтобы "схватить их и предать смерти или сохранить им жизнь по своему усмотрению", теперь создавали большое беспокойство на северной границе, откуда ожидалось грозное вторжение. Поскольку управление северным департаментом было поручено генералам Шайлеру и Монтгомери, которые в настоящее время направляли войска на Монреаль и Квебек, Комитет округа Трайон решил немедленно и досконально изучить намерения сэра Джона Джонсона. С этой целью 26 октября они написали ему следующее письмо:—

*"Палата комитета округа Трайон,
26 октября 1775 года.*

"Достопочтенный СЭР,

"Поскольку мы находим особые основания быть уверенными в вашем мнении по вопросам, изложенным ниже, мы просим вас, чтобы вы, пожалуйста, поделились с нами своими чувствами

по этому поводу в нескольких строках через наших посланников, носителей настоящего письма, господ. Эбенезер Кокс, Джеймс М.^сМастер и Джон Джеймс Клок, члены нашего Комитета.

"Мы хотим знать, разрешите ли вы, чтобы жители Джонстауна и Кингсборо объединились в компании, согласно постановлениям нашего Континентального конгресса, для защиты дела нашей страны; и готов ли ваша честь лично оказать содействие с той же целью.

"Также, претендуете ли вы на прерогативу нашего окружного суда и тюрьмы и будете ли препятствовать работе Комитета, чтобы использовать те же публичные дома для наших нужд и служения общему делу?

"Мы не сомневаемся, что вы выполните наши разумные просьбы и тем самым обяжете,

Достопочтенный сэр, Ваши покорные слуги. По приказу Комитета, НИКОЛАС ХЕРКИМЕР, Председатель. *"Достопочтенному сэру Джону Джонсону, Джонсон-холл."*

Упомянутая в письме депутация лично явилась к сэру Джону, чтобы получить его ответ, суть которого они доложили Комитету устно следующим образом, а именно:

"1. Ознакомившись с нашим письмом, сэр Джон ответил, что считает наши просьбы весьма необоснованными, поскольку он никогда никому не отказывал в использовании здания суда или тюрьмы и до сих пор не будет отрицать этого в целях, для которых были построены эти дома; но он считает, что здание суда и тюрьма являются его собственностью до тех пор, пока ему не будет выплачено 700 фунтов стерлингов - сумма, выделенная из его кармана на их строительство.

"2. Что касается объединения своих арендаторов в компании, он никогда не запрещал им и не должен был этого делать, поскольку они могут пользоваться своим удовольствием; но мы могли бы избавить себя от хлопот, поскольку он уверен, что они этого не сделают.

3. Что касается его самого, то он сказал, что, прежде чем он подпишет какое-либо соглашение или поднимет руку на своего Короля, он предпочел бы, чтобы ему отрубили голову.

Далее он ответил, что если бы мы каким-либо образом незаконно использовали тюрьму, он был бы против этого, а также он упоминает, что было использовано много нечестных средств для расширения ассоциации и объединения людей; поскольку заслуживающие доверия джентльмены в Нью-Йорке сообщили ему, что они были вынуждены объединиться, иначе они не смогли бы там жить; и что он был проинформирован авторитетным источником, что аналогичным образом две трети жителей Канаджохари и Герман-Флэтс были вынуждены подписать устав; и, по его мнению, жители Бостона являются открытыми мятежниками, и другие колонии присоединились к ним ".

Сразу же после получения этого отчета Комитет решил вынести на обсуждение вопрос о заполняемости тюрьмы. Поэтому они распорядились, чтобы двое из их заключенных, по имени Льюис Клемент и Питер Боуэн, [FN] которые были приговорены к определенным срокам заключения за политические преступления, были немедленно доставлены в тюрьму под охраной под командованием капитана ДЖЕЙКОБА СИБЕРА, с инструкциями, что если тюремщик откажется поместить их в строгий режим на указанное время, или если сэр Джон воспротивится им, тогда капитан Сибер должен был доставить их в дом "нашего избранного нового верховного

шерифа Джона Фрея, эсквайра. который немедленно проинформирует об этом нашего председателя для получения дальнейших указаний".

[FN] Последующий документ наводит на мысль, что эти заключенные были индейцами, хотя это и не указано столь четко.

Сэр Джон не позволил Комитету вступить во владение тюрьмой, и им пришлось оборудовать частный дом в качестве временной тюрьмы; в то время как некоторые из их заключенных были отправлены в Олбани, а другие - в Хартфорд для безопасного содержания. [FN] Комитет проинформировал Провинциальный конгресс о своих действиях по этому вопросу, от которого в ответ они получили следующее сообщение:—

[FN] Анналы Кэмпбелла.

"Dec. 9th. Конгресс сегодня приступил к рассмотрению вашего письма от 25 октября и придерживается мнения, что ваше обращение к сэру Джону Джонсону с просьбой дать ему ответ, позволит ли он своим арендаторам объединяться в компании и объединяться со своими братьями в вашем графстве, согласно решениям Континентального конгресса, для защиты наших свобод, было неподобающим по отношению к нему и слишком снисходительным с вашей стороны, поскольку это был вопрос, который должным образом относился к вашей провинции; и мы не сомневаемся, что вы компетентны в этом, поскольку у вас есть линия поведения, предписанная вам Конгрессом. Что касается вашего второго вопроса, примет ли он какое-либо активное участие в споре, существующем в настоящее время между Великобританией и ее колониями, мы считаем его очень уместным и благодарим вас за информацию по этому вопросу.

Что касается третьего вопроса, мы полагаем, что он не имеет никаких прав на здание суда и тюрьму в графстве, поскольку нам достоверно известно, что его отец, сэр Уильям Джонсон, при жизни передал то же самое двум джентльменам, находящимся в доверительном управлении, для использования в вашем графстве. Однако, поскольку попытка использовать то же самое для содержания под стражей лиц, враждебных нашей стране, может привести к плохим последствиям, мы просим разрешения рекомендовать вам найти какое-нибудь другое место, которое может заменить тюрьму. И даем вам наш совет не приставать к сэру Джону до тех пор, пока он будет бездействовать, и не препятствовать завершению мер, необходимых для приведения их в исполнение.

"Мы крайне сожалеем, что мистер Уайт своим неосторожным поведением справедливо нанес вам оскорбление. Лучший совет, который мы можем дать вам в этом неприятном деле, заключается в том, что если вы считаете, что его дальнейшее пребывание на своем посту будет опасно для ваших свобод, то разрешите исполнять обязанности его заместителей. И чтобы вы составили петицию, заставили подписать ее как можно больше жителей вашего округа и представили губернатору Колонии, указав, что людям в целом очень неприятно, что он должен исполнять эту должность, и помолившись о том, чтобы его уволили, а на его место поставили человека, который был бы приемлем для жителей вашего округа.

"Мы с уважением, джентльмены, Ваши самые покорные Слуги По приказу, Натл. Вудхалл, Президент. *"Николасу Херкимеру, эсквайру. Председатель и Комитет округа Трайон."*

Первый акт явной враждебности со стороны индейцев во время этого ожесточенного и кровавого противостояния был совершен осенью текущего года. Генерал Шайлер был вынужден временно покинуть северную армию из-за плохого состояния здоровья, командование перешло к генералу Монтгомери, который во второй раз наступал на Сент-Джонс и захватил крепость, а сэр Гай Карлтон был отбит полковником Уорнером при Лонгейле при его попытке пересечь реку Святого Лаврентия и выдвинуться к ней на помощь. Похоже, что либо в первом, либо во втором нападении на Сент-Джонс, либо в обоих случаях американцам противостояли некоторые индейцы племени ирокезов — несомненно, те, кто сопровождал Гая Джонсона в Канаду. Следовательно, 27 октября Комитет округа Трайон "единогласно постановил, что следует направить письмо сахемам замка Канаджохари в связи с возвращением и нынешним пребыванием в их Замке некоторых индейцев из Канады, которые враждебно действовали против нас и сражались против наших объединенных сил возле форта Сент-Джон, а не предоставлять убежище таким реальным врагам среди них".

Копия письма, написанного во исполнение этой резолюции, не сохранилась. Однако в документах Комитета отмечается, что сахемы и воины замка Канаджохари лично предстали перед ними и дали следующий ответ на их протестующее послание:—

"Братья: Мы благодарны вам за то, что вы открыли нам свои сердца, и мы считаем правдой все, что вы нам написали. Мы живем вместе, джентльмены, и мы приложим все усилия, чтобы ответить вам на все содержание вашего письма, насколько мы сможем его вспомнить.

"Братья: Мы еще не забыли о нашем соглашении, заключенном в Олбани. Это было не так давно, мы все еще помним это. Хотя мы и не изложили это письменно, это все еще в нашей памяти. Мы очень хорошо помним, что было двенадцать губернаторов, с которыми мы договорились, и мы проложили ровную дорогу в Шесть Стран, в Бостон и Филадельфию.

"Братья: Мы, а также сенека и другие представители Шести Наций, были очень рады пройти тот путь, по которому мы шли и будем идти. Все это мирно и очень хорошо. Народы были очень рады прокладыванию этой хорошей дороги, и все это мирно. Но мы боимся, что вы первыми поднимете тревогу на берегу моря - потому что вы уже сражаетесь. Они проложили эту хорошую дорогу, но они не будут надеяться, что мы прольем на ней кровь. Вы сказали в своем письме, что не можете сдерживать свою молодежь, но мы думаем, что вы являетесь их хозяевами и могли бы приказывать им. Некоторые из наших молодых людей сейчас находятся в Канаде, и, возможно, их убьют; но если так и будет, наши сердца не будут болеть из-за этого.

"Среди них здесь есть несколько молодых людей, которых мы могли бы убедить остаться и не вмешиваться в боевые действия белых людей; но некоторые все же ушли, и мы рады видеть их снова, потому что они поступили развратно, уехав.

"Братья: Шесть наций сейчас говорят об этой хорошей дороге и радуются; но если они, возможно, пройдут по этой дороге и увидят немного пролитой на ней крови, тогда они будут удивлены.

"Братья: Мы вместе заключили очень крепкое соглашение о дружбе, и мы умоляем вас не нарушать его из-за какого-то зла, совершенного некоторыми, кто был развращен. Мы надеемся, что на данный момент вы откажетесь от этого".

Комитет ответил им по существу, что если бы те из их молодых людей, которые первыми пролили кровь своих белых братьев, вернулись, раскаиваясь в своем поведении, они должны были сначала пойти в Комитет и выразить им свое сожаление. Однако один из них, по имени Уильям Джонсон, был далек от этого, напротив, хвастался своими враждебными действиями и смело выступал против дела американцев.

30 октября, по просьбе некоторых вождей замка Ирокезов, Джону Марбattu было поручено провести с ними совещание в связи с тюремным заключением Клемента и Боуэна. Марбatt пишет в своем письме генералу Херкимеру, председателю Комитета:

"Главы замка ирокезов встретили меня у Абрахама Квакенбуша и обратились ко мне с речью. Они сказали, что все мы братья, все выросли вместе и надеялись, что таковыми мы и останемся. Они сказали, что им очень жаль двух своих братьев, Льюиса Клемента и Питера Боуэна, и они хотели бы, чтобы их выписали. Им было так тяжело видеть своих братьев в заточении, что они не могли успокоиться. На что я сказал им, что существует закон; и если кто-то из наших братьев преступит закон, он должен ожидать наказания по закону. Я сказал им, что любого, кто ведет себя [хорошо], вообще не следует беспокоить. Но они умоляли, чтобы, поскольку они совершили это, [оскорбленные] до вступления закона в силу, они могли быть освобождены от должности; и если они когда-нибудь снова нарушат закон, им нечего будет сказать против их наказания. Они сказали мне, что хотят отправиться на охоту и не могут уйти из дома довольными, пока этот вопрос не будет решен. Они хотели, чтобы я дал им ответ до следующей субботы. Джентльмены, я надеюсь, что вы уладите этот вопрос ради мира. Ваше согласие очень обяжет вашего друга и покорного слугу" и т.д.

Только что приведенная речь индейцев канаджохари при внимательном рассмотрении может показаться несколько двусмысленной. Тем не менее, оно не было воинственным; и, если рассматривать его в связи с предыдущим письмом, разумно предположить, что могавки, оставшиеся в своих древних замках, еще не решили отказаться от своего обязательства соблюдать нейтралитет.

Таков был ход Революции в графстве Трайон вплоть до конца 1775 года. Беглый взгляд на еще не отмеченные современные события, происходящие в других местах, завершит историю года. Битва при Банкер-Хилле подняла к оружию всю Новую Англию; и ко времени прибытия генерала Вашингтона для принятия командования, в течение первой недели июля, британские войска были настолько надежно заперты в Бостоне, что были вынуждены посылать небольшие суда на большое расстояние за припасами. Чтобы пресечь этот вид прибрежной торговли, колонии Массачусетс, Род-Айленд и Коннектикут оснастили каждая по два небольших крейсера, прежде чем Конгресс внес предложение о военно-морском вооружении. Первое признание наступательной враждебности против метрополии содержалось в акте Массачусетского конгресса о оснащении военно-морского флота; и среди первых плодов был захват капитаном Мэнли из Марблхеда большого британского артиллерийского брига, груженного несколькими изящными медными артиллерийскими орудиями, большим запасом стрелкового оружия, инструментов и утвари всех видов военного назначения и т. Д. Три дня спустя капитан Мэнли захватил еще три британских корабля, груженных военными припасами. В то же время Южная

Каролина энергично готовилась к войне, но в провинции было не более 3000 фунтов пороха. Однако, оснатив быстроходное парусное судно, они смогли перехватить судно снабжения у Сент-Огастина и своевременно пополнить свои запасы - только 15 000 фунтов пороха. Августин. Тем временем дела колоний продолжали оставаться ведущей и наиболее волнующей темой дебатов в британском парламенте. Лорд Норт, который, как теперь известно, действовал на протяжении всей этой великой борьбы скорее повинаясь решительным требованиям короля, чем в соответствии со своими личными пожеланиями, настаивал на самых решительных мерах принуждения. Генерал Конвей, полковник Латтерелл, мистер Джеймс Гренвилл, герцог Графтон и лорд Литтлтон высказались за уступку Колониям и высказались за отмену всех законодательных актов, касающихся спорных вопросов с Колониями, после 1763 года. Министры утверждали, что с таким же успехом они могли бы признать независимость колоний сразу. Мистер Берк в течение этого сезона произнес свою большую речь об американских делах и представил свой примирительный билль, предлагая "отказаться от налогообложения, ни в коем случае не вмешиваясь в вопрос права. Оно сохраняло право взимать пошлины для регулирования торговли; но собранные таким образом деньги должны были поступать в распоряжение нескольких генеральных ассамблей. Пошлина на чай должна была быть отменена и объявлена всеобщая амнистия". Это предложение, хотя и было воспринято с большей благосклонностью, чем другие, было отклонено; администрация придерживалась политики отправки крупных морских и сухопутных сил против Колоний, сопровождаемой предложениями пощады при надлежащем подчинении.[FN-1] Континентальный конгресс, однако, все еще продолжал свои усилия по предотвращению окончательного разделения; и было принято другое обращение к королю, в котором он умолял вмешаться его королевскую власть, чтобы избавить их от мучительных страхов и зависти и восстановить гармонию путем принятия таких мер, которые привели бы к постоянному примирению. Эта петиция, подписанная Джоном Хэнкоком, была представлена в парламент 7 декабря и послужила поводом для нескольких ходатайств об умиротворении — все они были отклонены.[FN-2]

[FN-1] "Анналы Холмса", Пар. Регистрация.

[FN-2] Idem.

Военные действия осени были в основном ограничены экспедицией против Канады. Правда, лорд Данмор своим противодействием придал несколько дополнительных импульсов революционному духу в Виргинии; а враг еще больше разозлил народ Новой Англии, сожгв город Фалмут в северо-восточной части Массачусетса. Получив своевременное уведомление, люди бежали из города, который подвергся яростной бомбардировке, и 139 жилых домов и 278 складов были сожжены. Вторжение генералов Шайлера и Монтгомери в Канаду уже было случайно упомянуто. Генерал Шайлер издал соответствующее воззвание к жителям Канады при вступлении на эту территорию; но из-за плохого состояния здоровья он был вынужден передать командование генералу Монтгомери. Сент-Джонс сдался 3 ноября; но пока продолжалась осада. Полковник Итан Аллен с тридцатью восемью своими парнями с Зеленых гор был схвачен и в кандалах отправлен в Англию. Однако Аллен заслужил свою участь за свою опрометчивость и неподчинение приказам. Тем не менее, он был очень близок к захвату Монреаля с небольшим отрядом, который он возглавил заранее, как впоследствии признал один из британских офицеров.

[FN] То же самое.

Форт в Чамбли перешел в руки Монтгомери вместе с большим количеством военных припасов, которые были очень полезны; среди них были три тонны пороха. Следующим Монреаль был взят провинциалами - генерал Карлтон сбежал в лодке с заглушенными веслами в Три Реки, откуда поспешил в Квебек. Монтгомери со своей маленькой армией поспешил последовать за ним туда, где его прибытия ожидал полковник Арнольд с более чем 700 новоанглийскими пехотинцами и стрелками, с которыми он оказал невероятную услугу, пройдя неисследованный лес от Кеннебека до устья Шодьер. Объединив силы Арнольда со своими собственными, Монтгомери 1 декабря осадил Квебек. Его артиллерия, однако, была слишком легкой, чтобы произвести какое-либо впечатление на его стены, и в конце концов было решено, если возможно, взять город комбинированным штурмом с двух направлений — одной дивизией командовал Монтгомери, а другой - Арнольд. Это предприятие было предпринято 31 декабря, и год завершился поражением обеих дивизий и падением Монтгомери.

Успех, которым было отмечено американское оружие в начале канадской кампании, произвел сильное впечатление на индейцев Каунавага. Канадцы, как правило, были крайне неохотно вовлечены в противоестественное соперничество [FN-1] и были решительно склонны поддерживать дело колоний; и, несмотря на прибытие Бранта и могавков в Монреаль и просьбы губернатора Карлтона, коунаваги уже в августе отправили депутацию генералу Вашингтону в Кембридж, заявив о своей готовности помочь американцам в случае экспедиции в Канаду. [FN-2] Это заверение было выполнено. В письме сэра Гая Карлтона генералу Гейджу, написанном в августе, которое было перехвачено, канадский губернатор сказал— "Многие индейцы перешли к ним (американцам), и большое количество канадцев с ними . . . У меня были надежды продержаться этот год, хотя я кажусь покинутым всем миром, если бы дикари оставались стойкими. Я не могу винить этих бедных людей за то, что они обезопасили себя, поскольку они видят множество врагов под рукой и никакой помощи ни с какой стороны, хотя прошло уже четыре месяца с тех пор, как их операции против нас впервые начались ". [FN-3] Однако последующие неудачи американцев изменили хозяев этих индейцев, и вскоре их обнаружили враждующими в рядах короны.

[FN-1] Письмо Вашингтона президенту Конгресса, 4 августа 1775г.

[FN-2] Письмо Вашингтона генералу. Шайлер.

[FN-3] Искры.

Но не все индейцы присоединились к британскому стандарту. Несмотря на то, что годом ранее делавары участвовали в войне при Крезапе, они отказались от просьб британских эmissаров и сенека принять участие вместе с ними в этом противостоянии. Для обсуждения этого вопроса в Питтсбурге состоялось собрание индейцев, на котором присутствовала избранная депутация сенека. Капитан *Белые Глаза*, разумный и энергичный воин ленапе, смело заявил, что не станет ввязываться в войну, чтобы уничтожить народ, рожденный на одной земле с ним самим. Американцы, по его словам, были его друзьями и братьями, и ни одна нация не должна диктовать ему или его племени курс, которым они должны следовать. [FN]

[Ф.Н.] Хеквельдер.

ГЛАВА VI.

Лорд Данмор—Взгляд на Юг—Подозрительное поведение сэра Джона Джонсона—Поведение тори в округе Трайон—Генерал. Шайлер по указанию Конгресса вторглась в этот округ и разоружила тори—Предварительная миссия в Нижние Могавки—Послание к ним—Их недовольство и ответ—Марш Шайлер—Встреча с индейцами в Скенектади—Интервью и речи—Продвижение Шайлер—Письмо сэру Джону Джонсону—Интервью—Переговоры о капитуляции—Предложенные условия—Шайлер продвигается к Коунаваге—К ней присоединяется ополчение округа Трайон—Дальнейшая переписка с сэром Джоном—Интервью с индийскими посредниками—Скорректированы условия капитуляции—Шайлер марширует в Джонстаун—Сэр Джон, его семья и горцы разоружены—Войска прочесывают страну, чтобы привести лоялистов—Разочарование по поводу предполагаемого склада военного снаряжения Тори —Возвращение Шайлера в Олбани—Резолюция Конгресса—Дополнительные проблемы с сэром Джоном—Подготовка к его захвату—Экспедиция полковника Дж. Дейтона—Бегство баронета и его сторонников в Канаду — Их страдания— И последующее поведение —Как рассматривалось нарушение его условно-досрочного освобождения.

ТнеРассвет Нового года был озарен пожаром в Норфолке по приказу лорда Данмора, королевского губернатора Вирджинии. Его светлость ранее удалился со своими приверженцами во флот; и этот акт вандализма был направлен в отместку вигам этого района за то, что они отказали в снабжении ливерпульского военного корабля. Люди сами разрушили ближайшие к воде здания, чтобы лишить корабли даже этих источников снабжения. После некоторого плавания у побережья Вирджинии и повсюду получая отпор — некоторые из его кораблей были вытеснены на берег, а их команды захвачены и заключены в тюрьму колонистами, — его светлость был вынужден уничтожить те из своих судов, которые не были пригодны для плавания, и сам искать убежища во Флориде и Вест-Индии. Другим инцидентом, неблагоприятным для королевского оружия, стало поражение провинциалов под командованием генерала Мура генерала М.^c Дональда (по поручению губернатора Мартина) в его попытках привести Северную Каролину к повиновению. Битва, приведшая к этому поражению, была доблестно разыграна у моста Мур-Крик полковниками Касвеллом и Лиллингтоном, командовавшими примерно 1000 бойцами "минут" и ополчением. Большое

количество оружия попало в руки жителей Провинции, и поражение, столь же неожиданное и решающее, сильно подорвало дух лоялистов в этой части.

Возвращаясь к истории долины Мохок; хотя осень предыдущего года в этом регионе прошла спокойно, все же в начале зимы подозрительное поведение сэра Джона Джонсона вызвало немалую тревогу; она усилилась, как будет показано в дальнейшем, ложными заявлениями, распространяемыми человеком, который, в конце концов, оказался самозванцем. Более того, таков был дух времени и взаимная зависть, что более чем вероятно, что меры сэра Джона были согласованы вследствие честно лелеемых опасений, которые, по всей вероятности, были вызваны тем же самым или родственным обманом. Во всяком случае, сэр Джон был активно занят оборонительными приготовлениями с целью, как считалось, возведения укреплений вокруг баронского дворца. Его приверженцев, как мы видели, было много, особенно среди шотландских горцев, несколькими сотнями которых он был окружен; и распространились слухи, что в дополнение к этим сооружениям, которые он возводил, гарнизон из трехсот индейцев должен был быть направлен на поселения при первой возможности.

Несомненно, тори этого региона активно готовились поддержать королевское дело, и весьма вероятно, что они тайно записывались на королевскую службу. Информация на этот счет была представлена Конгрессу в декабре. Человек по имени Коннелл также заявил, что значительное количество оружия, боеприпасов и других предметов военного назначения было собрано и спрятано тори в Джонстауне, чтобы быть использованным, когда наступит подходящий момент для действий. Факты, раскрытые Коннеллом, были подтверждены его показаниями; после чего Конгресс принял резолюцию, предписывающую проинформировать генерала Шайлера об этих обстоятельствах и просящую его принять самые быстрые и эффективные меры для обеспечения безопасности указанного оружия и военных складов; для разоружения лоялистов, ареста их лидеров и принятия таких мер в целом, которые могут быть сочтены необходимыми для обеспечения спокойствия на границе. Эта резолюция была получена генералом Шайлером в Олбани в начале января, и не было потеряно времени на согласование мер по ее выполнению.

[FN] Сумма в сорок долларов была выделена Конгрессом на эту цель; и Специальному комитету, ведающему этим вопросом, было приказано пересчитать золото и серебро в казначействе и переслать их генералу Шайлеру под охраной!—*Vide Jour. Con.*

Генерал Шайлер, не имевший в то время в своем распоряжении войск, столкнулся с необходимостью связаться с подкомитетом безопасности округа Олбани, с этой целью, чтобы не стало известно о деле, которое ему поручили, он предварительно принес им клятву хранить тайну. Сначала они были в замешательстве, придумывая предлог для необходимых приготовлений к экспедиции; но своевременное получение письма и аффидевита (вероятно, от Коннелла) из округа Трайон, содержащих отчеты, в точности соответствующие чрезвычайной ситуации, дало достаточно оснований для вызова милиции. Генерал Шайлер сначала предположил, что сил в триста человек при помощи, которую они, несомненно, получают от виггов округа Трайон, будет вполне достаточно. Однако было решено, чтобы произвести более сильное впечатление на лоялистов, против которых они действовали, выступить с отрядом в семьсот человек.

Тем не менее, чтобы сохранить доброжелательность индейцев Нижнего замка Могавк и не заставить их врасплох или не вызвать ненужной тревоги, мистер Бликер, переводчик с индийского, проживающий в Олбани, был отправлен в замок 15-го числа с поясом и следующим посланием индейцам:

[FN] Могавки Нижнего замка вместе с Маленьким Абрахамом не были уведены Тайенданеги и Гаем Джонсоном.

"БРАТЬЯ: Я послан комиссарами Соединенных колоний, чтобы сообщить вам, что братья Олбани получили информацию о том, что несколько человек в Джонстауне и его окрестностях заняты вербовкой людей, которые перережут нам глотки, и проводят другие враждебные приготовления, чтобы помочь в порабощении этой страны, а также предотвратить и перекрыть пути сообщения на Запад. Ваши братья из Олбани в связи с этим тревожным событием собрали своих воинов и теперь отправляют их вверх по реке, чтобы выяснить достоверность этого сообщения и действовать в соответствии с ним так, как они сочтут нужным.

"БРАТЬЯ: Не пугайтесь этих приготовлений; ничто не направлено против вас; наша собственная безопасность и свобода побуждают нас к этой мере; вы можете быть совершенно уверены, что мы неизменно сохраняем наше дружеское расположение к вам и ожидаем, что вы, согласно обещаниям, которые вы дали нам в Олбани, не примете участия в нынешней борьбе.

"БРАТЬЯ: Прошлым летом мы обещали вам, что сэра Джона и его семью не будут трогать, пока он не примет никаких мер против нас. Мы все еще придерживаемся этого мнения; и если он действовал как честный человек, ему не нужно бояться никакой опасности.

"БРАТЬЯ: Чтобы приготовления и поход в вашу страну не встревожили Шесть Наций, мы желаем, чтобы вы отправили нескольких своих молодых людей с этой речью к концу Палаты Шести наций, чтобы в их умах не возникло беспокойства".

Индейцы были отнюдь не в восторге от предполагаемого вторжения в Долину, ожидая, вероятно, пагубных последствий для своего собственного народа и, возможно, вреда сэру Джону, к которому они были искренне привязаны. После должного обсуждения мистер Бликер был отправлен обратно с поясом, содержащим следующий ответ Комиссарам, или, другими словами, генералу Шайлеру: —

"БРАТЬЯ: этот пояс мы представляем Комиссаров двенадцати Соединенных колоний и наши братья из Олбани, и желание их в том, что войска, которые подходили не должно быть так быстро; что, возможно, режим может быть указано, чтобы он поселился в более простой манере, которую, возможно, на случай, если войска придумал, это могут быть средства для остановки вверх по дороге, и, возможно, создать нервозность в их головах, как они, и Сэр Джон, как бы одна кровь, и что вообще должен делать все от него зависящее, чтобы его заселили без войско, идущее вверх; что он был мудрым человеком, и его мысли, мыслящий, чтобы он поселился, назначив трех или четырех человек, чтобы обращаться с сэром Джоном об этом, что они сохраняют ремень послал Комиссаров до тех пор, как он слышал от комиссаров, и на случай, если войска не пришли, то они бы ремень вперед, к другим народам; но если они пришли, то они бы держать же в руках; что трое из их страны должны немедленно отправиться к сэру Джону, и его желание молчать и быть в мире; и что в случае какого-либо в Джонстауне, которые

были Тори, они бы поселить их, и заставить их оставаться мирным. Что все беспокойство в умах сэра Джона и других жителей Джонстауна проистекает из сообщений, которые они получают от жителей Олбани; что оттуда ежедневно поступают сообщения о том, что жители Новой Англии приближаются, чтобы уничтожить сэра Джона и его имущество ".

Сопровождая это послание, скво также взяли тему в свои руки и вручили переводчику пояс со следующим посланием от своего имени:—

"Братья, комиссары Соединенных колоний и народ Олбани, мы вручаем вам этот пояс и настоящим возобновляем соглашение, заключенное прошлым летом; и мы просим, чтобы здесь не было никаких беспорядков и чтобы указанное соглашение не было нарушено; чтобы в случае подхода войск это могло вызвать большое беспокойство, поскольку они и сэр Джон были одной крови; и чтобы в случае, если сэра Джона потревожат, это могло затронуть их кровь, и мы просим указать какой-нибудь другой способ, которым это беспокойство может быть улажено ".

Генерал Шайлер, однако, не стал дожидаться возвращения своего гонца от индейцев, а 16-го числа направился в Скенектади во главе сильного подразделения ополчения в сопровождении генерала Тен Брока, полковника Варика и нескольких других офицеров. Ополченцы выступили с большой готовностью, несмотря на суровую погоду и плохие дороги. Вечером по прибытии в Скенектади генерал Шайлер был встречен депутацией могавков во главе с Маленьким Абрахамом, который в очень надменном тоне обратился к нему следующим образом:—

Официальный отчет генерала Шайлера, из документа которого составлен весь рассказ об этой экспедиции. Считается, что этот документ никогда еще не публиковался полностью и лишь недавно был обнаружен в Вашингтоне Питером Форсом, эсквайром. который любезно оказал автору услугу в его использовании.

"Мы намеревались поехать в Олбани, чтобы поговорить с вами; но, слава Богу, он дал нам возможность встретиться с вами здесь, поскольку нам нужно сообщить вам кое-что".

На что генерал Шайлер ответил с соответствующей краткостью: —

"Я очень рад видеть вас здесь, и я буду рад услышать, что скажут Братья, поскольку мои уши всегда открыты для них".

После чего Абрахам обратился к генералу и его помощникам следующим образом:—

"Братья: Недавно вы прислали к нам четырех человек, которые прибыли к нам утром в прошлое воскресенье. [FN] Они сказали нам, что были посланы вами к нам, чтобы проинформировать нас о тех военных приготовлениях, которые велись в этом квартале. Ими вы даете нам понять, что сочли неразумным посылать к нам вооруженных людей, предварительно не уведомив нас. Подобным же образом, братья, ваши посланцы сообщили нам о причинах вашего прихода таким образом. Вы сообщили нам, что слышали о нескольких мужчинах, воплощенных у сэра Джона в Джонстауне. Вы также сказали нам, что, как только они завершат строительство своего корпуса, они намеревались уничтожить поселения вверх и вниз по реке. Вы сообщили нам, что направляетесь сюда, чтобы выяснить достоверность этого сообщения, а также кто именно выдавал коммиссионные и каковы были их планы. В то же время вы заверили нас, что нам, Шести

нациям, не было причинено никакого вреда, поскольку прошлым летом мы публично заявили, что не примем участия против вас в вашем споре с великим Королем из-за Великой Воды.

[FN] Вождь моговков, по-видимому, здесь ссылается на посольство в их замке за несколько дней до того, которое совершил мистер Бликер, не упомянутое генералом Шайлером. Или, возможно, в сообщении, переданном переводчиком, была указана неправильная дата.

"Братья: Вы сказали нам, что приедете, чтобы выяснить истинность этого сообщения, и вы также заверили нас, что вы не будете первым агрессором и что мы сами будем виноваты, если прольется кровь. Вы сказали нам, что сначала ознакомите Нижний замок с проектом, чтобы они послали письма в Верхний замок, а они - в Онейду, а они - в Онондагу, и так по всем Шести Странам.

"Братья: Мы поблагодарили ваших посланников за обращенную к нам речь, и мы бы подумали об этом некоторое время, прежде чем ответить им соответствующим образом. Братья, немногие из нас, кто следит за новостями, собрались по этому случаю на совет. Мы поблагодарили ваших посланцев за то, что они первыми сообщили нам о ваших планах. Мы сказали, что нам известно о соглашении, которое было заключено со всеми двенадцатью Соединенными колониями. На той встрече, вы помните, было решено убрать все препятствия с пути мира, сохранить его, чтобы мы могли проходить и возвращаться, не испытывая раздражения.

"Братья: Вы сказали нам, что пришли выяснить правдивость сообщения, что могло бы быть сделано 4 или 6 без какой-либо опасности при проведении расследования. Мы предложили вам прислать шесть человек, чтобы выяснить истинность этого вопроса, поскольку было бы стыдно прерывать их, поскольку ни один человек не был бы настолько подл, чтобы чинить им какие-либо препятствия. Что касается отправки вашего пояса вперед, мы подумали сохранить его до тех пор, пока не узнаем, было ли принято наше предложение или нет. И мы желаем, чтобы вы обдумали этот вопрос и оставили свои войска дома, и дали нам знать, что вы думаете; и если после рассмотрения наших предложений вы не согласитесь с ними, тогда вы дадите нам знать, что вы намерены делать. Они также послали вам сообщение, что, когда они услышат от вас, принимаете ли вы наши предложения, мы тогда поступим так, как вы пожелаете, отправив новости.

"Братья: Мы ожидали ответа на наши предложения; но ответа не последовало, пока женщина, вернувшаяся из Олбани, не сообщила нам, что эти приготовления действительно ведутся и что войска действительно маршируют по стране. Затем мы, братья, приняли этот вопрос во внимание и решили, что лучше всего, чтобы с вами встретилась компания, и вы видите, как мы в этот день, братья, прибыли. Мы пришли, братья, умолять вас проявлять хорошую осторожность и благоразумие в том, что вы делаете. Мы умоляем вас, братья, помнить о соглашении, которое было заключено с двенадцатью Соединенными колониями во время нашей беседы прошлым летом, поскольку тогда мы обязались открыть путь к миру и сохранить его незапятнанным кровью. В то же время проявилось нечто иного характера. Вы заверили нас, братья, что, если в нашем районе найдутся враждебные нам люди, вы будете относиться к ним как к врагам. Тогда Шесть наций предположили, что это выражение указывало на сына сэра Уильяма. Тогда мы особенно желали, чтобы он не пострадал, поскольку это было не в его власти повредить делу; и чтобы, следовательно, к нему не приставали. Тогда Шесть наций заявили, что они не будут

интересоваться вашими операциями в других частях света, но особенно хотели бы, чтобы этот путь был свободен от крови. И теперь, братья, мы повторяем это снова; мы умоляем вас быть осторожными и не проливать никакой крови на этом пути, и тем более, братья, поскольку только сегодня Шесть наций провели столь приятную беседу с Колониями, и наши вожди сейчас охотятся в лесах, и им и в голову не приходит, что есть какая-либо перспектива того, что этот путь осквернен или будет осквернен кровью.

"Мы сообщили вам, братья, что слышали о женщине, что вы продвигаетесь вперед и что у вас есть пушка. Затем мы приняли это во внимание. Нам показалось странным, что в страну ввезли пушки, поскольку двенадцать Соединенных колоний так недавно открыли путь к миру. Как вы, наверное, помните, этот путь был открыт прошлой весной, и Шесть стран согласились сохранить его открытым. Затем мы подумали, что могло бы повлиять на двенадцать Объединенных колоний, чтобы они открыли этот путь, и, судя по нынешнему виду, это как будто было задумано так, чтобы пушка прошла беспрепятственно.

"БРАТЬЯ, СОБЕРИТЕСЬ! Это была ваша просьба и вопрос, согласованный двенадцатью Соединенными колониями, о том, чтобы мы не заботились ни о чем, кроме мира; поэтому, братья, поскольку мы намерены соблюдать это соглашение, мы выразили себя, как указано выше, и как братья, мы не заботимся ни о чем, кроме мира. Мы рассматриваем себя как посредников между двумя сторонами; поэтому, братья, поскольку ваши посланцы заявили, что вы не будете агрессорами, мы сообщили об этом сэру Джону и искренне просили его не быть агрессором или средством пролития крови; и в то же время заверили его, что если мы обнаружим, что агрессором будет он, мы больше не будем обращать на него внимания; и точно так же сказали ему, что если наши Братья из Соединенных колоний будут агрессорами, мы должны обращаться с ними таким же образом. Это то, что мы сказали сэру Джону, поскольку считаем себя посредниками между обеими сторонами и, как мы уже говорили ранее, желали, чтобы он не был агрессором. На что сэр Джон ответил, что мы очень хорошо знаем его характер и что он не собирался становиться агрессором. Он заверил нас, что не будет агрессором, но если люди придут, чтобы лишить его жизни, он сделает все, что в его силах, поскольку закон природы оправдывает каждого человека стоять на своей собственной защите.

"Согласно новостям, которые мы слышали, похоже, что сэр Джон хотел перекрыть путь мира в этом квартале; но это невозможно, чтобы он сделал это, поскольку у него была всего лишь горстка друзей; но, братья, если эта компания, которая сейчас проходит мимо, поднимется и случится что-нибудь плохое, мы будем считать, что вы перекрыли путь.

"Вам, братья, было доложено, что сэр Джон, по-видимому, ведет военные приготовления и возводит крепость вокруг своего дома; но, братья, поскольку мы живем так близко от него, мы, безусловно, должны знать об этом, если будет сделано что-либо подобного рода, тем более что мы так часто бываем там из-за нашего отца, священника, который иногда совершает богослужение в этом месте. Мы никогда не видели там никаких враждебных приготовлений; там нет ни пушек, ни чего-либо в этом роде, и все остается в том же состоянии, в каком было при жизни сэра Уильяма.

"БРАТЬЯ: Мы бы ничего от вас не скрывали. Было бы неправильно использовать обман, да мы и не собираемся этого делать. Умы наших советников очень опечалены; и они огорчены этой чертой характера тех, кого мы можем назвать нашими воинами; среди нас есть люди иного склада ума, как и среди вас, Братья. Наши советники, помня о соглашении, которое мы прошлым летом

заключили с нашими Братьями, Двенадцатью Колониями, все это время настоятельно призывали наших воинов к миру и сдерживали их, когда появлялись противоположные настроения. Наши умы очень огорчены, обнаружив, что кто-то из наших воинов придерживается иных настроений. До сих пор мы были в состоянии сдерживать их и надеемся, что все еще сможем это делать, поскольку ситуация сейчас не доведена до крайности; но если это произойдет, наши воины не будут сдерживаться, потому что они сочтут себя обманутыми, если эта военная сила войдет в страну.

"Мы заявили вам, братья, что не будем обманывать и что мы намерены открыто и свободно высказать вам свои мысли. Мы, сахемы, всегда внушали воинам миролюбивые чувства, и до сих пор они были послушны нам, хотя часто ходили слухи, что их следует беспокоить; и все же до сих пор нам удавалось успокоить их умы. Но теперь, братья, приближение такого большого отряда тревожит умы наших воинов. Они полны решимости, братья, пойти и присутствовать при вашей беседе с сэром Джоном, и полны решимости увидеть и услышать все, что должно быть там совершено; и если затем окажется, что эта сторона доведет дело до крайности, мы не сможем нести ответственность ни за что, что может произойти. Но что касается нас, братья, советники полны решимости всегда упорно идти по пути мира.

"БРАТЬЯ, СОБЕРИТЕСЬ! Хотя я закончил то, что намеревался сказать, все же я добавлю еще кое-что. Когда весть о вашем приближении достигла нашего города, это вызвало большое замешательство; некоторые были готовы взяться за оружие, заметив, что сообщения о недружественном настроении Колоний теперь подтвердились. Я умолял их, братья, на несколько дней успокоить свои умы. Я сказал им, что сам поеду в Олбани и выясню, в чем дело; я был настолько уверен в собственной невинности, что никакое враждебное появление не могло остановить меня, каким бы грозным оно ни было. Поэтому я пожелал, чтобы они сидели спокойно до моего возвращения, которое может произойти через два дня, если я поеду в Олбани. Таково, братья, нынешнее положение нашего народа. Они ждут, какие новости я принесу".

"БРАТЬЯ: Когда я обратился с просьбой к воинам, чтобы они сидели тихо до моего возвращения, они сказали мне, что так и сделают, чего они сейчас ожидают, и ничего не будут предпринимать, пока я не вернусь. Но, братья, после моего возвращения я повторю им речь, с которой вы сейчас обратитесь ко мне, и если кто-нибудь из наших людей все еще будет настаивать на том, чтобы присутствовать при вашей беседе с сэром Джоном, мы надеемся, братья, что вы не будете плохо думать о нас как о советниках, поскольку не в нашей власти управлять ими так, как нам заблагорассудится. *Если они уйдут и случится что-нибудь плохое, мы просим знать, братья, какого обращения можем ожидать мы, те, кто остается дома в мире.*

"БРАТЬЯ: Это все, что мы хотели сказать. Это бизнес, который привел нас к краху, и теперь мы ожидаем ответа, который донесет до нашего народа ".

На что генерал Шайлер дал следующий ответ:

"БРАТЬЯ НАРОДА ИРОКЕЗОВ: Мы, уполномоченные, назначенные Конгрессом, и ваши братья из Олбани и Скенектади, уделили большое внимание речи, с которой вы выступили перед нами. Теперь мы хотим, чтобы вы открыли свои уши и внимательно выслушали то, что мы хотим сказать в ответ.

"БРАТЬЯ: Нам было приятно слышать ваше заявление о том, что вы будете свободно высказывать свое мнение. Мы заверяем вас, что сделаем то же самое и ничего не скроем от вас из того, что у нас на уме.

"БРАТЬЯ: Мы надеялись, что послание, которое мы отправили вам через мистера Бликера, успокоит ваши умы и убедит вас в отсутствии враждебных намерений против вас или каких-либо других индейцев; ибо, если бы они были, мы не отправили бы вам это послание и не снабдили бы вас порохом, как мы сделали прошлым летом и еще раз на днях.

"БРАТЬЯ: Нам чрезвычайно жаль, что вы не выполнили нашу просьбу направить речь, которую мы послали вам через мистера Бликера, Шести нациям так, как мы требовали.

"БРАТЬЯ: Вы сказали нам, что пяти или шести человек было бы достаточно, чтобы отправиться в Джонстаун и выяснить, что там происходит, и что этим людям ничего не грозит, поскольку было бы стыдно помешать им. Мы признаем, братья, что было бы позором, если бы мы послали их и им помешали; но у нас есть все доказательства того, что многие люди в Джонстауне и его окрестностях в течение значительного времени готовились привести в исполнение нечестивые замыслы злых советников короля.

"БРАТЬЯ: Совершенно верно, что прошлым летом Соединенные колонии пообещали, что путь в страну индейцев будет оставаться открытым. Они снова повторяют это обещание; и хотя по специальному распоряжению Конгресса эта группа войск сейчас выступает маршем, все же это делается не для того, чтобы перекрыть путь, а для того, чтобы держать его открытым и не дать людям в Джонстауне и его окрестностях перекрыть сообщение между нами и нашими братьями из Шести наций, а также другими нашими братьями, живущими выше по реке.

"БРАТЬЯ: Хотя мы и раньше наблюдали, что люди, живущие в Джонстауне и его окрестностях, ведут враждебные приготовления против нас, все же мы не прольем ни капли их крови, если они не откажутся прийти к соглашению, благодаря которому мы можем быть в безопасности, или если они не выступят против нас с оружием в руках. Мы не имеем в виду, что кто-либо из наших воинов должен ступить на какую-либо из земель, которыми владеете вы, или на земли Шести Наций, если только наши враги не найдут там убежища; за ними мы полны решимости следовать, куда бы они ни пошли. Мы еще раз повторяем, что у нас нет с вами разногласий, и мы ожидаем, что вы не будете вмешиваться в это семейное состязание, но останетесь в стороне как равнодушные зрители, согласные с помолвкой Шести стран, заключенной с нами прошлым летом по их собственной просьбе.

"БРАТЬЯ: Прошлым летом мы заверяли вас, что, поскольку у нас не было ссор ни с какими индейцами, мы не тронем и волоса с их голов; однако, когда наши воины были в Сент-Джонсе, на них напали индейцы. Двое из вашего племени и некоторые другие были убиты. Вы никогда не винили нас за это, потому что вы хорошо знали, что наши жизни дороги нам; мы имеем право убить любого человека, который попытается убить нас. Поэтому вам не следует удивляться, если мы примем все меры предосторожности, чтобы не быть уничтоженными друзьями злых советников короля.

"БРАТЬЯ: Через некоторое время нас могут призвать отправиться сражаться с нашими врагами на востоке, которых нанимают злые советники короля; и можете ли вы считать разумным, что мы должны оставить группу людей, которые являются нашими врагами, в любой части страны, в такой ситуации, чтобы иметь возможность убивать наших жен и детей и сжигать наши дома в

наше отсутствие? Оставили бы вы своих жен и детей в такой ситуации? Мудрость, с которой вы вели свои дела, убедила нас, что вы этого не сделаете; и все же мы настолько осторожны, чтобы не пролилось крови, что отправим письмо сэру Джону, приглашая его встретиться с нами на дороге между этим местом и его домом, в чем мы не сомневаемся, но все будет улажено мирным путем; и чтобы у него не было никаких опасений, мы теперь заверяем вас, что, если мы не придем к соглашению, ему будет позволено благополучно вернуться в свой собственный дом.

"Братья: Мы благодарим вас за то, что вы ничего не скрыли от нас, и мы заверяем вас, что мы презираем обман так же сильно, как и вы; и поэтому мы сейчас открыто выскажем свое мнение по поводу того, что вы сказали относительно поведения, которого намерены придерживаться ваши воины. У нас нет возражений, более того, мы хотим, чтобы вы и они присутствовали, чтобы услышать, что мы предложим сэру Джону и людям в Джонстауне и его окрестностях, которые являются нашими врагами; но мы умоляем вас сказать своим воинам, что, хотя у нас нет с ними разногласий, все же, если мы окажемся перед неприятной необходимостью сражаться с нашими врагами, и ваши воины присоединятся к ним и будут сражаться против нас, мы поступим так же, как поступили при Сент-Джонсе, отразим удар силой.

"Братья: Вы спросили нас, должны ли ваши воины уйти и если случится что-нибудь плохое, какого обращения можете ожидать вы, оставшиеся дома в мире?

"Братья: На договоре, заключенном в Олбани прошлым летом, присутствовали вы и ваши воины, и вы, и они совместно пообещали оставаться нейтральными и не вмешиваться в эту ссору. Поэтому, если ваши воины сейчас поднимут оружие против нас, мы должны рассматривать это как нарушение договора в той мере, в какой он касается замка нижний Могаук; на это нарушение мы пожалуемся нашим Братьям, другим нациям, и в то же время передадим этот вопрос нашему великому совету в Филадельфии, чье решение будет нашим будущим руководством.

"Братья: Мы удивлены, что у вас остались хоть малейшие сомнения относительно наших дружеских намерений по отношению к вам после множества примеров нашей любви и дружбы, которые мы привели вам; но мы должны приписать это злонамеренным инсинуациям наших общих врагов, которые ничего так сильно не желают, как нарушения древнего завета, который так долго существовал между нами.

"Братья: Вы заметили, что не обращаете внимания на ту сторону, которая должна быть первым агрессором. Мы не можем быть агрессорами, потому что, если бы у наших врагов в Джонстауне и его окрестностях не было злых намерений против нас, мы никогда бы даже не зашли так далеко с армией. Тот, кто поднимает оружие против другого, хотя он еще не нанес удара, должен рассматриваться как агрессор, а не тот, кто пытается предотвратить удар.

"Братья: Сейчас мы свободно и полностью раскрыли вам наши мысли. Мы надеемся, что вы запомните то, что мы сказали, и повторите это своим братьям, советникам и воинам; и, чтобы вы не были не в состоянии запомнить каждую часть этой речи, вы можете попросить ваших Братьев Ка-рагх-куа-дирхона и Ти-зе-де-рон-де-рон, [Дина и Бликера] переводчиков сопровождать вас, если это будет вам угодно.

"Братья: Ваши женщины прислали нам пояс. Мы просим вас заверить их в нашем уважении и умолять их не допускать, чтобы ваши воины делали что-либо, что имело бы малейшую

тенденцию вызвать наше негодование или нарушить ту гармонию, которая, как мы желаем, будет существовать до скончания времен ".

На это индейцы дали следующий краткий ответ: —

"БРАТ ШАЙЛЕР, ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК, ПРИМИ УЧАСТИЕ! Сегодня вечером мы услышали то, что вы хотите сказать, и мы рады этому и благодарим вас за это.

"Все, что нам было сказано. Брат, было нам совершенно приятно.

"Я не буду пытаться, брат, давать конкретный ответ на все, что нам было сказано. Действительно, в данное время это было бы неприлично.

"Мы очень рады, брат, что ты решил написать сэру Джону с просьбой о встрече с ним в надежде на мирное соглашение.

"БРАТ: Вы упомянули, что вам было бы приятно, если бы присутствовали воины и советники, или сахемы.

"БРАТ: Мы, сахемы, будем присутствовать, хотя нам придется сделать это с риском для наших жизней.

"БРАТ: Мы были бы рады, если бы вы сообщили нам о времени и месте вашей беседы с сэром Джоном. Вы также сказали нам, что, если это будет для нас приемлемо, ваши переводчики должны позаботиться о том, чтобы повторить произнесенную вами речь, которая также является приемлемой для нас; и мы желаем, чтобы они могли пойти с нами, поскольку таким образом можно предотвратить все ошибки.

"БРАТ: Вы можете быть уверены, что мы используем все наше влияние на наших воинов, чтобы успокоить их умы. Вы также можете быть уверены, что наши сестры используют все свое влияние для достижения той же цели".

Генерал Шайлер снова заверил их в своих мирных намерениях и в том, что с ними не должно случиться ничего неприятного. Он также сообщил им, что, если они пожелают принять участие в экспедиции в Джонстаун или присутствовать на предполагаемой встрече с сэром Джоном в качестве посредников, они должны быть защищены в этом качестве. Договорившись об этом, они отправились в путь той же ночью. В то же время сэру Джону Джонсону было отправлено письмо, копия которого приводится ниже:

"ГЕНЕРАЛ ШАЙЛЕР СЭРУ ДЖОНУ ДЖОНСОНУ.
СКЕНЕКТАДИ, 16 января 1776 года.

"Сэр,

"В связи с полученной информацией о том, что в части графства Трайон были сформированы планы наиболее опасного посягательства на права, свободы, собственность и даже жизни тех верных подданных его Величества в Америке, которые выступают против неконституционных мер его министерства, мне приказано направить группу людей в это графство для приведения в исполнение определенных решений моего начальства и противодействия этим опасным планам.

"Руководствуясь гуманными побуждениями, сэр, я желаю выполнить свои приказы самым мирным образом, чтобы не пролилась кровь. Поэтому я прошу вас, пожалуйста, встретиться со мной завтра в любом месте на моем пути в Джонстаун, куда я намереваюсь затем отправиться. С этой целью я настоящим даю вам честное слово, что вы и те лица, которые по вашему выбору будут сопровождать вас, пройдут целыми и невредимыми до места, где вы сможете встретиться со мной, а оттуда обратно к месту вашего проживания.

"Рутгерс Бликер и Генри Глен, эсквайры. податели сего - джентльмены, которые имеют право на ваше самое пристальное внимание, которое, я осмелюсь сказать, они испытают, и от которых я ожидаю, что вы удостоите меня ответа на это письмо.

"Будьте добры заверить леди Джонсон, что, каким бы ни был результат того, что сейчас происходит, она может быть совершенно уверена, что ей не будет нанесено никакого унижения.

"Я, сэр, Ваш покорный слуга, доктор философии. Шайлер. *"Сэру Джону Джонсону, баронету"*.

Генерал Шайлер возобновил свой марш утром 17—го - его силы постоянно увеличивались, пока к наступлению ночи их численность не превысила трех тысяч. Проехав около шестнадцати миль от Скенектади, экспедиция была встречена сэром Джоном в сопровождении нескольких его ведущих друзей среди шотландцев и еще двух или трех человек. Результатом беседы стало предложение генералом Шайлером сэру Джону и его приближенным следующих условий:

"Условия, предложенные достойным Филипом Шайлером, эсквайром, генерал-майором армии тринадцати Соединенных колоний и командующим департаментом Нью-Йорк, сэру Джону Джонсону, баронету, и всем таким другим лицам в графстве Трайон, которые продемонстрировали свои намерения поддержать министерство его Величества в приведении в исполнение неконституционных мер, на которые так справедливо жалуются американцы и для предотвращения которых они были вынуждены прибегнуть к ужасной необходимости применения оружия.

Первое: сэр Джон Джонсон под честное слово немедленно сдаст все пушки, вооружение и другие военные припасы, какого бы рода они ни были, которые могут находиться в его собственном владении или которые по его приказу были переданы во владение каким бы то ни было лицам, прямо или косвенно, или которые, насколько ему известно, могут быть спрятаны в любой части указанного графства. Что он должен отличить все такие военные запасы любого рода, которые принадлежат Короне или были предоставлены с целью вооружения индейцев или жителей округа Трайон, от тех, которые могут быть частной собственностью, с тем, чтобы можно было провести надлежащую инвентаризацию последних предметов, чтобы то же самое можно было восстановить или возместить их стоимость, когда закончится это злополучное состязание.

Второе: генерал Шайлер, из личного уважения к сэру Джону и из уважения к его рангу, соглашается, что сэр Джон сохранит для своего личного пользования полный комплект доспехов и столько пороха, сколько может оказаться достаточным для его домашних нужд.

В-третьих, сэр Джон Джонсон должен остаться под честное слово в любой части округа Трайон, которую он выберет, к востоку от округа ... если Достоятельный Континентальный конгресс не

сочтет необходимым перевести его в какую-либо другую часть этой или любой другой Колонии; в этом случае он должен немедленно выполнить такие распоряжения, которые они сочтут целесообразными отдать для этой цели.

В—четвертых: шотландские жители указанного графства должны, без каких-либо исключений, немедленно сдать все имеющееся у них оружие, какого бы рода оно ни было; и что каждый из них должен торжественно пообещать, что впредь, в продолжение этого злополучного противостояния, они никогда не возьмут в руки оружие без разрешения Континентального конгресса или своих генеральных офицеров; - и для более точного выполнения этой статьи генерал настаивает, чтобы они немедленно передали ему шестерых заложников по его собственному выбору.

В-пятых: те из других жителей округа Трайон, которые заявили о своем неприятии мер Соединенных колоний, также должны сдать свое оружие, какого бы рода оно ни было, и вступить в аналогичное сражение, как это предусмотрено в предыдущей статье, как в отношении их будущего поведения, так и количества заложников.

В-шестых: Все одеяла, саваны и другие индейские принадлежности, принадлежащие короне и предназначенные в качестве подарков индейцам, должны быть переданы комиссару, назначенному генералом Шайлером, в присутствии трех или более вождей племени могоавков, с тем чтобы то же самое могло быть роздано индейцам с целью укрепления древней дружбы между ними и их братьями из Соединенных колоний, для чего они и должны были быть предоставлены.

"В—седьмых, если сэр Джон Джонсон и люди, упомянутые в вышеупомянутых статьях, будут справедливо соблюдать и выполнять то, что от них требуется, Генерал от имени Континентального конгресса обещает и обязуется, что ни сэр Джон Джонсон, ни кто-либо из этих людей не будут подвергаться насилию со стороны других жителей упомянутого графства или кого-либо из жителей тринадцати Соединенных колоний; но что, напротив, они будут защищены в тихом и мирном пользовании своей собственностью; -единственная цель настоящего договора состоит в том, чтобы предотвратить ужасное насилие со стороны других жителей указанного графства или кого-либо из жителей тринадцати Соединенных колоний. последствия гражданской войны между теми, кто должен быть братьями. Что все оружие, которое будет сдано в соответствии с предыдущими статьями, должно быть оценено присяжными оценщиками. Что, если у Континентального конгресса возникнет необходимость в нем, оно может быть изъято. Если нет, они будут переданы соответствующим владельцам, когда это несчастливое состязание подойдет к концу".

В ходе беседы. Сэр Джон заверил генерала Шайлера, что индейцы поддержат его и что многие из них уже находятся в Джонсон-Холле с этой целью. В свою очередь, его заверили, что, несмотря на отвращение к пролитию крови, если предложенные условия не будут приняты, сила будет противопоставлена силе без различия лиц и что последствия сопротивления будут самыми серьезными. В заключение сэр Джон попросил до вечера следующего дня рассмотреть эти предложения, просьба была удовлетворена, и баронет откланялся.

Примерно через час после его ухода Абрахам и еще один ирокез появились в квартире генерала Шайлера. Узнав о том, что сказал сэр Джон относительно того, что индейцы были с оружием в руках в Холле для его защиты, Абрахам объявил эту историю неправдивой и повторил свои

заверения в том, что могавки вмешаются только в качестве посредников. Генерал ответил, что он надеется, что они этого не сделают, но в то же время он подчеркнуто заверил их, что, если они это сделают, он ни минуты не будет колебаться и уничтожит каждого, кто выступит против него с оружием в руках.

На следующий день (18-го) генерал Шайлер двинулся вперед к Кангнаваге, в четырех милях от Джонстауна, где к нему присоединились полковник Херкимер и ополчение округа Трайон. Примерно в 6 часов пополудни был получен следующий ответ сэра Джона на предложенные ему условия:

"Условия, предложенные сэром Джоном Джонсоном, баронетом, и жителями Кингсборо и прилегающих окрестностей достопочтенному Филипу Шайлеру, эсквайру. Генерал-майор армии тринадцати Объединенных колоний и командующий департаментом Нью-Йорк.

"*Первое:* Что сэр Джон Джонсон и остальные джентльмены ожидают, что все такое оружие любого рода, являющееся их собственностью, может оставаться в их распоряжении; все остальное оружие должно быть передано такому лицу или лицам, которые могут быть назначены для этой цели; что касается военных запасов, принадлежащих короне, у сэра Джона их нет.

"*Во-вторых:* Ответ дан в первом.

"*В-третьих:* сэр Джон ожидает, что он не будет ограничен рамками какого-либо определенного графства, а будет волен ехать, куда ему заблагорассудится.

"*В-четвертых:* жители Шотландии сдадут свое оружие, какого бы рода оно ни было, и каждый из них торжественно пообещает, что впредь, во время продолжения этого злосчастного противостояния, они никогда не возьмут в руки оружие без разрешения Континентального конгресса или своих высших должностных лиц. Заложников они дать не в состоянии — ни один человек не имеет власти над другим или достаточной власти, чтобы доставить таковых. Следовательно, эта часть статьи должна быть опущена или включена вся целиком — женщины и дети должны быть востребованы, поскольку это требование настолько бесчеловечно, что мы надеемся, что генерал обойдется без него.

"*В-пятых:* Ответ дан в четвертом,

-*В-шестых:* у сэра Джона нет ни одеял, ни саванов, ни других подарков, предназначенных для индейцев.

"*В-седьмых:* Если вышеуказанные предложения будут приняты и подписаны генералом, сэр Джон и упомянутые лица будут полагаться на гарантии защиты, данные генералом.

[Подпись] Джон Джонсон, Аллан М.^кДонелл. "*Достопочтенному Филипу Шайлеру, генерал-майору*"

Этот ответ был во всех отношениях неудовлетворительным, как явствует из прилагаемого письма генерала Шайлера в ответ:—

"ГЕНЕРАЛ ШАЙЛЕР СЭРУ ДЖОНУ ДЖОНСОНУ, БАРОНЕТУ.
КОУНАВАГА, 18 января, 8 часов вечера 1776 года.

"ДЖЕНТЛЬМЕНЫ,

"Господа. Адамс и М.^кДонелл доставили мне ваш ответ на мои предложения от вчерашнего числа. Наименьшее внимание к предложенным мной статьям по сравнению с вашим должно убедить вас в том, что вы пропустили ответы на некоторые из них, и, следовательно, то, что вы мне прислали, очень несовершенно, а также неудовлетворительно. Я отказываюсь указывать на некоторые несоответствия в ваших предложениях, поскольку все они являются исключительными, за исключением последнего.

Поэтому я должен повиноваться своим приказам и еще раз повторяю, что при их исполнении я буду строго соблюдать законы человечности; в то же время заверяю вас, что при малейшем сопротивлении я не отвечаю за последствия, которые могут быть самыми ужасными.

"Если леди Джонсон находится в Джонсон-холле, я бы хотел, чтобы она удалилась (и поэтому приложила паспорт), поскольку я без промедления отправлю туда свои войска.

Однако у вас, возможно, еще есть время пересмотреть этот вопрос, и с этой целью я даю вам время до 12 часов сегодняшней ночи, после чего я не получу никаких предложений; и я послал к вам мистера Роберта Йейтса, мистера Глена и мистера Дьюера, чтобы они выслушали окончательные предложения, которые вы должны внести. Это снисхождение я делаю не по какому-либо иному мотиву, кроме как для предотвращения кровопролития, насколько это возможно осуществить, не подвергая риску безопасность Графства и не будучи виновным в нарушении позитивных приказов, которые я получил от Достопочтенного Континентального конгресса.

"Я, джентльмены, с должным уважением, Ваш покорный слуга, ДОКТОР ФИЛОСОФИИ. ШАЙЛЕР. "Сэр^у Джон^у Джонсон^у и мистеру Аллану М.^кДонеллу."

Сразу же после того, как предыдущее письмо было отправлено в Холл, сахемы Нижнего замка со всеми своими воинами и несколько человек из Верхнего Замка нанесли визит генералу Шайлеру, прибывшему в его покои прямо из резиденции баронета. Они сообщили генералу, что сэр Джон изложил им суть условий капитуляции, которые были предложены. Сэр Джон, по их словам, заявил им, что все, чего он желает, - это защиты своей семьи и друзей от оскорблений и бесчинств буйствующих людей, и запротестовал, что у него нет недружественных намерений против страны. Поэтому индейцы умоляли генерала принять условия, предложенные сэром Джоном. Генерал сказал вождям, что он не может принять эти условия, и указал на возражения. Он также проинформировал их о содержании письма, которое он только что передал в Зал. Индейцы, по-видимому, были удовлетворены этими причинами и принятым курсом, но просили, чтобы, если ответ сэра Джона по-прежнему будет неудовлетворительным, генерал дал ему время до 4 часов утра, чтобы у них было время пойти и "потрясти его головой", как они выразились, "и привести его в чувство". Они также просили об этом в качестве дополнительного одолжения, чтобы генерал Шайлер не высылал сэра Джона из страны. Они извинились за угрозы своих собственных воинов, утверждая, что это было связано с тем обстоятельством, что они не присутствовали на Олбанийском мирном договоре; и снова повторили заверения, что они никогда не поднимут оружие против колоний. В ответ. Генерал Шайлер похвалил индейцев за их миролюбивые намерения и сообщил им, что он должен удовлетворить их просьбу, хотя поведение сэра Джона было настолько предосудительным, что у него были основания держать его в плену. Генерал сказал им, что его причины для удовлетворения просьбы были двоякими: во—первых, показать любовь американцев к индейцам и убедить их, что они могут получить, прося в качестве одолжения, то, чего они не могли получить, требуя в качестве права. Во-

вторых, что, оставив сэра Джона среди них, они могли бы своим примером и советом побудить его изменить свое поведение.

Однако в продлении времени до 4 часов не было необходимости, поскольку следующий ответ от сэра Джона был получен в 12 часов, то есть в полночь:

"Ответы на условия, предложенные достопочтенным Филипом Шайлером, эсквайром. Генерал-майор армии тринадцати Соединенных колоний, командующий департаментом Нью-Йорк, сэру Джону Джонсону, баронету, жителям Кингсборо и прилегающих окрестностей.

- Первая и вторая статьи согласованы, за исключением нескольких любимых фамильных гербов.

Третье: сэр Джон Джонсон, давший честное слово не братья за оружие против Америки и понимающий, что замысел этой военной операции направлен не на что иное, как на устранение зависти, которую, к несчастью, несправедливо внушают ему его соотечественники, ни в коем случае не может думать о том, чтобы подчиниться этой статье во всей ее широте, хотя ради сохранения мира и устранения любых подозрений в неправомерном влиянии он соглашается не отправляться в западные районы Германских равнин и Кингсленда. Он ожидает привилегии отправиться в любую другую часть континента к югу от этого графства.

"В-четвертых: Согласовано, за исключением той части статьи, которая касается передачи заложников. После того, как жители Шотландии сложат оружие, генерал может взять любых шестерых пленных из их числа по своему выбору, без сопротивления. Они ожидают, однако, что взятые таким образом пленники будут поддерживаться в соответствии с их соответствующими званиями и что они могут иметь привилегию отправиться в любую часть провинции Нью-Джерси или Пенсильвания, которую может назначить Генеральный или Континентальный конгресс. Они также ожидают от гуманности генерала, что будут приняты меры для содержания жен и детей заключенных в соответствии с их жизненным положением. Тем не менее, ради содействия гармонии в стране они не разорвут этот договор только по этой причине, при условии, что генерал считает, что он не может проявлять дискреционные полномочия в этом вопросе; в этом случае они полагаются на влияние генерала на Континентальный конгресс, который, как они сами не могут убедить, будет невнимателен к голосу человечества или к чувствам родителей, которые могут быть разлучены со своими семьями. Ожидается, что тем, на чью долю может выпасть попадание в плен, будет предоставлено несколько дней на то, чтобы уладить свои дела и, если они джентльмены, надеть табельное оружие.

"Пятое: ни сэр Джон Джонсон, ни шотландские джентльмены не могут брать на себя никаких обязательств перед какими-либо другими лицами, кроме тех, на кого они могут иметь влияние. Они также не могут знать имен всех таких людей, которые проявили отвращение к мерам Соединенных колоний. Они дают свое слово и честь, что, насколько это зависит от них, жители сложат оружие и вступят в аналогичное сражение с шотландскими жителями. В силах генерала найти тех, кто ему неприятен, и взять в плен столько, сколько ему заблагорассудится. Они также не должны воспринимать ссору кого-либо из таких людей как свою собственную.

Шестое: сэр Джон дает честное слово, что у него нет одеял, саванов или других подарков, принадлежащих короне, предназначенных для индейцев; и поэтому это требование не может быть выполнено.

"Седьмое: если вышеупомянутые предложения будут приняты и подписаны генералом, сэр Джон и упомянутые лица будут полагаться на гарантии защиты, данные генералом. Но поскольку сбор оружия будет невозможен до двенадцати часов следующей субботы, все мужчины, упомянутые в вышеупомянутых статьях, будут затем проследованы парадом по Джонстауну и продемонстрируют свое оружие в присутствии таких войск, какие назначит генерал.

[Подпись.] Джон Джонсон, Аллан М.^кДонелл. *"Джонсон-Холл, 18 января 1776 года"*.

Индейцы все еще находились в штаб-квартире генерала Шайлера, когда эта депеша была получена от сэра Джона, и, узнав, что дело, вероятно, разрешится мирным путем, они удалились с теплыми выражениями удовлетворения. Вслед за этим в Зал было отправлено следующее письмо:

"ГЕНЕРАЛ ШАЙЛЕР СЭРУ ДЖОНУ ДЖОНСОНУ.
КОУНАВАГА, 19 января 1776 года.

"Чувства генерала Шайлера как джентльмена побуждают его согласиться с тем, что сэр Джон Джонсон может сохранить несколько любимых фамильных гербов — он составляет их список.

"Генерал также согласится, чтобы сэр Джон Джонсон мог продвинуться на запад до округов Герман-Флэтс и Кингсленд в этом Графстве, а также в любую другую часть этой Колонии к югу и востоку от указанных Округов, при условии, что он не зайдет ни в один портовый город. Генерал, однако, считает, что, если частные дела сэра Джона потребуют от него поездки в какую-либо из других старинных английских колоний, ему будет предоставлена поощровка, и он обратится в Конгресс с просьбой об отпуске.

"Генерал возьмет в плен шестерых жителей Шотландии, поскольку они предпочитают это, чем идти в качестве заложников. Неизменным правилом Конгресса и всех его должностных лиц было обращаться с заключенными с величайшей гуманностью и проявлять все должное уважение к рангу. Он не может определить, в какие места Конгресс может пожелать их направить. Пока они отправятся в Рединг или Ланкастер в Пенсильвании. Он также не может давать никаких обещаний в отношении содержания женщин и детей. Его человечность, несомненно, побудит его рекомендовать Конгрессу обратить внимание на то, что было запрошено по этому вопросу. Генерал Шайлер ожидает, что все жители Шотландии любого ранга, которые не прикованы к своим постелям из-за болезни, придут со своим оружием и доставят его в субботу в 12 часов. Если это условие не будет добросовестно выполнено, он будет считать себя отстраненным от любых обязательств, заключенных с ними.

"Генерал Шайлер никогда не отказывал джентльмену в оружии.

"Заключенные, которые могут быть взяты, должны быть немедленно доставлены в Олбани, где генерал разрешит им остаться на разумный срок для улаживания их семейных дел.

"Если условия, предложенные генералом Шайлером 17-го сентября, принимаются с вышеуказанными требованиями, сторонами будут составлены и подписаны достоверные копии, одна из которых будет вручена сэру Джону и мистеру М.^сДонеллу за подписью генерала. Чтобы не тратить время впустую, генерал желает, чтобы сэр Джон и мистер М.^сДонелл немедленно прислали ответ.

"При всем уважении, он остается покорным слугой сэра Джона и мистера М.^к Донелла, доктора философии. ШАЙЛЕР"

Сэр Джон согласился с этими условиями, и в тот же день генерал Шайлер выступил маршем в Джонстаун, предварительно выделив несколько отрядов своих войск для прочесывания местности и привлечения недовольных, не понимающих договоренностей с баронетом. В тот же день сэр Джон передал имевшееся у него оружие и боеприпасы, количество которых оказалось намного меньшим, чем ожидалось. В субботу, 20-го, генерал Шайлер провел парад своих войск в 12 часов пополудни, чтобы принять капитуляцию горцев, которые в количестве от двухсот до трехсот человек вышли на фронт и сложили оружие. Когда они были захвачены, шотландцев отпустили с увещеванием сохранять миролюбие и с заверением в защите, если они это сделают.

Затем внимание генерала было направлено на обнаружение и захват секретного склада оружия и боеприпасов, информацию о котором предоставил Коннелл. Двое из лиц, названных в его показаниях под присягой, были задержаны, но они самым недвусмысленным образом отрицали, что им что-либо известно по этому вопросу. Затем Коннелла вызвали для очной ставки с ними, но они по-прежнему настаивали на своей невинности и объявили его лжесвидетелем. Затем Коннелла с несколькими офицерами послали указать место, где, как он утверждал, было спрятано оружие. Он проводил их к пруду с водой, в центре которого находился небольшой островок, или насыпь, в которой, по его словам, было зарыто оружие. Снег и лед были немедленно убраны, а насыпь скрыта. Коннелл подробно описал, каким образом оружие было спрятано под землей; но вскоре выяснилось, что земля в последнее время не была потревожена, если вообще когда-либо была; и в конце концов, ко всеобщему удовлетворению, было установлено, что этот парень был подлым самозванцем. Генерал Шайлер вернулся в Каунавагу в тот вечер. В два следующих дня из разных частей страны прибыло более сотни тори. Полковнику Херкимеру было поручено завершить разоружение недовольных и принять заложников, а генерал со своей разношерстной армией двинулся обратно в Олбани. В своих письмах Конгрессу, а также генералу Вашингтону он говорил о тревоге и хлопотах, которые он испытал, пытаясь предотвратить столь большое количество людей, собранных внезапно, без дисциплины и к тому же сильно раздраженных, от эксцессов. Однако в этих усилиях он преуспел гораздо лучше, чем, при данных обстоятельствах, можно было разумно ожидать. Перед своим возвращением генерал отправил мистера Дина, переводчика с индийского, с поясом и обращением к шести нациям, которое не сохранилось. Так закончилась экспедиция в Джонстаун.

Генерал Шайлер направил полный отчет о своей работе Конгрессу, которым была принята специальная резолюция с благодарностью ему за верность, благоразумие и оперативность, с которыми он оказал столь достойную службу. Была также принята вторая резолюция, столь любопытно составленная и содержащая такой остроумно вставленный намек офицерам и ополченцам, сопровождавшим генерала Шайлера в этой экспедиции, что она заслуживает сохранения. Это было в следующих словах:—

"Постановлено, что жизнерадостность и готовность помочь тем, кто сопровождал генерала Шайлера в его походе в графство Трайон, и их полезные услуги в этой экспедиции выявили такой патриотический дух, что есть надежда, что никто из них не позволит своим соотечественникам заподозрить, что ими двигали какие-либо низменные мотивы, требующие

денежного вознаграждения, особенно когда они были заняты пресечением беспорядков в их собственном районе ".

Резолюции были приложены к генералу Шайлеру в лестном письме от президента Хэнкока, в котором, среди прочего, он говорит: "С большим удовольствием сообщаю вам, что благоразумие, рвение и темперамент, проявленные в вашей последней экспедиции, встретили самое теплое одобрение Конгресса".

По какой-то необъяснимой причине сэр Джон Джонсон не соблюдал ни соглашение о нейтралитете, ни обязательства по условно-досрочному освобождению. Или, если он держался в рамках письма, его поведение было таким, что вновь пробудило подозрения у людей, и генерал Шайлер счел это фактическим нарушением духа данного им условно-досрочного освобождения - не принимать участия в войне против Колоний. Фактически, информация, полученная генералом Шайлером, убедила его в том, что сэр Джон тайно подстрекает индейцев к военным действиям и, таким образом, может причинить много вреда на границах. Чтобы предотвратить такое бедствие, Шайлер сочла целесообразным обезопасить личность сэра Джона и еще раз подавить растущий дух недовольства в окрестностях Джонстауна, особенно среди горцев. С этой целью, в мае месяце, после событий, уже описанных в настоящей главе, генерал Шайлер направил полковника Дейтона с частью своего полка, находившегося в то время на пути в Канаду, для осуществления этого предприятия. [FN-1] Однако в Олбани было большое количество лоялистов, с которыми сэр Джон состоял тогда и впоследствии в тесной переписке. Поэтому неудивительно, что он получил своевременное уведомление об этих приготовлениях к своему второму аресту в ожидании прибытия Дейтона. Таков был факт; и, поспешно собрав большое количество своих арендаторов и других лиц, недовольных делом колонистов, баронет был готов к немедленному бегству при приближении жителей Континента. Эта цель была успешно выполнена. Полковник Дейтон прибыл в Джонстаун вечером, после чего сэр Джон и его приближенные немедленно направились в леса по дороге Сакандага. [FN-2] Не зная, овладели ли его друзья-роялисты озером Шамплейн или нет, беглецы не осмелились отправиться этим путем в Монреаль; и сэр Джон, соответственно, был вынужден углубиться в леса между верховьями Гудзона и Святого Лаврентия. Имея лишь короткий период подготовки к своему бегству, отряд был весьма плохо снабжен для такой кампании. Их провизия вскоре иссякла; от путешествия у них разболелись ноги, и время от времени некоторых из них оставляли в дикой местности, чтобы индейцы, посланные для этой цели, выбрали их и доставили сюда.

[FN-1] Примечание о жизни и трудах Вашингтона Спаркса в т. iv. стр. 409-410.

[FN-2] Есть некоторые основания предполагать, что экспедиция, возглавляемая индейцами племени могавков, была отправлена из Монреаля специально для того, чтобы увезти сэра Джона или спасти его от шпионажа американцев. В одной из речей Бранта, произнесенной много позже, когда он рассказывал о подвигах могавков в войне за независимость, встречается следующий отрывок: "Затем мы всей группой отправились в город, находившийся тогда во владении врага, и спасли сэра Джона Джонсона, бесстрашно проведя его по улицам". Брант, как мы сейчас увидим, во время этого спасения сам находился в Англии, как и Гай Джонсон.

После девятнадцати дней тяжелых лишений баронет и его сторонники прибыли в Монреаль в плачевном состоянии, испытав все страдания, которые, казалось, возможно вынести человеку.

Его отъезд из родительского дома был настолько стремительным, а средств передвижения у него не хватало, что железный сундук с самыми ценными из его семейных бумаг был поспешно закопан в саду. Семейная Библия, содержащая единственную запись о браке его отца и матери и, конечно же, единственное письменное свидетельство его собственной легитимности, также была оставлена. [FN-1] Те бумаги, которые были найдены, были изучены полковником Дейтоном в соответствии с его приказами; "и леди Джонсон была перевезена в Олбани, где ее удерживали в качестве своего рода заложницы за мирное поведение ее мужа. Она написала генералу Вашингтону, жалуюсь на это задержание и прося его вмешательства для ее освобождения; но главнокомандующий оставил этот вопрос на усмотрение генерала Шайлера и Комитета Олбани ". [FN-2] Полковник Дейтон несколько недель находился в Джонстауне со своими войсками и на какое-то время обеспечил спокойствие в стране.

[FN-1] После конфискации имущества сэра Джона мебель зала была продана с аукциона в Форт-Хантере. Покойный лейтенант. Губернатор Нью-Йорка Джон Тейлор приобрел несколько предметов мебели и, среди прочего, Библию, упомянутую в тексте. Поняв, что в нем содержится семейная летопись, которая может представлять большую ценность для сэра Джона, мистер Тейлор написал вежливую записку сэру Джону, предлагая ее восстановить. Некоторое время спустя посыльный от баронета потребовал Библию, чье поведение было настолько грубым, что могло вызвать оскорбление. "Я пришел за Библией сэра Уильяма, - сказал он, - и вот четыре гинеи, которые она стоила". Библия была доставлена, и посыльного спросили, что за послание прислал сэр Джон. Ответ был таким: "Заплатите четыре гинеи и возьмите книгу!" — *Письмо Джона Тейлора Купера (внука вице—губернатора) автору.*

[FN-2] Искры.

Сэр Джон был немедленно произведен в полковники на британской службе и получил в командование два батальона, состоящих из тех, кто сопровождал его в бегстве, и других американских лоялистов, которые впоследствии последовали их примеру. Их называли королевскими зелеными. В январе следующего месяца он пробрался в Нью-Йорк, находившийся тогда во владении британских войск. С этого периода он стал не только одним из самых активных, но и одним из злейших врагов своих соотечественников из всех, кто участвовал в этом соревновании, и неоднократно становился бичом своих бывших соседей. Он, несомненно, был принципиальным лоялистом, иначе вряд ли рискнул бы, как он это сделал, и в конечном итоге проиграл владения, более обширные и справедливые, чем, вероятно, когда-либо принадлежали одному владельцу в Америке, за исключением Уильяма Пенна. Но непосредственная причина, по которой он нарушил клятву чести, неизвестна. Каким бы необъяснимым это ни было, этот поступок всегда рассматривался как пятно на репутации баронета. Оно было проведено Конгрессом провинции Нью-Йорк, как видно из прилагаемой выдержки из письма, адресованного этим органом генералу Вашингтону сразу после его бегства: "Мы полагаем, что не может существовать никаких сомнений в том, находится ли дело сэра Джона Джонсона в пределах вашей непосредственной осведомленности. Он занимал должность бригадного генерала ополчения и, как говорят, еще одну должность генерал-майора. То, что он позорно нарушил свое условно-досрочное освобождение, очевидно, но было бы правильнее вернуть его или обменять, зависит исключительно от благоразумия вашего превосходительства ". Его поместья были, разумеется, конфискованы Провинциальным

конгрессом Нью-Йорка и в свое время проданы под руководством Комитета этого органа, занимающегося подобными вопросами.

ГЛАВА VII.

Возобновленная история Бранта—Выдвинут на пост вождя Конфедерации—Способ назначения вождей и сахемов—Отправляется в Англию—Прибывает в Лондон—Принят с особым вниманием—Знакомится с Джеймсом Босуэллом и другими—Соглашается поддержать королевское дело и возвращается в Америку—Крадется через страну в Канаду—Любопытное предполагаемое письмо президенту Уилоку—Битва при Кедах—Трусость майора Баттерфилда—Бесчинства индейцев—История капитана Дж. М.^с Кинстри, которого Брант спас от костра —Возмущение Вашингтона, народа и Конгресса—Резолюции о возмездии—Взаимные жалобы на обращение с заключенными—Убийство генерала. Гордон—Возмущение возмущением—Индийская депутация в Филадельфии—Речь к ним—Конгресс принимает решение о привлечении индийских войск—Шайлер выступила против—Обзор инцидентов войны в других местах—Сокращение армии—Эвакуация Бостона англичанами—Катастрофическое завершение канадской кампании—Плачевное состояние армии—Гуманность сэра Гая Карлтона—Взгляд на Юг—Декларация независимости—Дух округа Трайон—Вишневая долина—Укрепления в Форт—Стэнвиксе—Американская армия движется на Нью—Йорк—Прибытие британского флота и армии—Битва при Лонг—Айленд—Вашингтон эвакуирует Нью—Йорк—Битва при Уайт-Плейнс—Отступает через Нью—Джерси —За ним следует Корнуоллис—Поражение Арнольда на озере Шамплейн—Падение Род-Айленда—Битва при Трентоне.

THE Развитие событий вновь делает необходимым более заметное появление индийского героя революционной войны на сцене боевых действий. Тайенданегеа теперь был повышен до положения главного военного вождя конфедерации [FN-1] — офицера, согласно древним обычаям Шести наций, все поголовно происходившего от ирокезов. [FN-2] Как или каким образом. Брант достиг этого достоинства, история нам не сообщает. Хендрик, последний из вождей могавков, носивший королевский титул короля, пал под командованием сэра Уильяма Джонсона на озере Джордж двадцать лет назад. Ему наследовал Малыш Абрахам, чье имя часто встречается на предыдущих страницах и которого некоторые авторы называют братом Хендрика. Но независимо от того, был ли таков факт или нет, больше его имя в истории войны не упоминается. Он был неизменно дружелюбен к колонистам; и поскольку он отказался покинуть долину вместе с Тайенданегеей и большинством народа— сопровождавших Гая Джонсона в его бегстве, предпочтя остаться с племенем в Нижнем Замке, — не исключено, что Брант силой

обстоятельств занял пост верховного вождя. Сэр Уильям Джонсон сообщает нам, что сахемы каждого племени Шести народов обычно избирались на публичном собрании вождей и воинов, когда в результате смерти или иным образом возникала вакансия. Они были отобраны из числа старейших воинов за их здравый смысл и храбрость и одобрены всем племенем, после чего они были выбраны сахемами. Военная служба была главной рекомендацией для этого звания; но в некоторых случаях признавалось своего рода наследование должности. [FN-3] Мы видели, что Тайенданегеа происходил из семьи вождей, и его рождение, возможно, способствовало его возвышению. Его семья и официальные связи с Джонсонами, чье имя по-прежнему оставалось столь влиятельным среди индейцев, также, без сомнения, способствовали его продвижению по службе. Но мистер Стюарт, отрицающий, что семья Тайенданеги была примечательна каким-либо превосходством в своей деревне, утверждает, что его влияние было приобретено благодаря его незаурядным талантам и умению быть советником и политиком; таким образом, он подавил всякое сопротивление и зависть и, наконец, приобрел такое влияние, что даже в час действия и опасности он был способен править и направлять своих воинов так же безоговорочно, как если бы он был рожден их генералом.

[FN-1] Я знаю, что несколько авторов отказали капитану Бранту в достоинстве "Главного вождя", и особенно преподобный мистер Стюарт, который говорит, что он не был военным вождем по рождению и не так часто командовал, как предполагалось. Однако ближе к концу этой работы из речи вождя племени Сенека будет видно, что Тайенданегеа был главным вождем конфедерации, несмотря на противоположное утверждение мистера С.

[FN-2] Очерки древней истории Шести наций Дэвида Кьюсика. Кьюсик сам был индейцем из племени тускарора.

[FN-3] Письма сэра Уильяма Джонсона к Артуру Ли—вид Лондонских философских трудов.

Это исследование, однако, не имеет большого значения. Тот факт, что теперь он стал главным сахемом, неоспорим; и с этого момента нынешней истории Джозеф Тайенданегеа становится одним из главных персонажей, вовлеченных в ее развитие. Обычно его называли другим именем Джозеф Брант, или "капитан Брант" — титул "Капитан" был высшей военной наградой, известной индейцам; и это, более того, было военным званием, фактически присвоенным ему в армии Короны. В большей части своей переписки, желая соблюдать формальности и писать выдающимся людям, он привык писать свое имя "Джозеф БРАНТ—*Тайенданегеа*"; последнее было его законным индийским именем.

В предыдущей главе было показано, что Тайенданеги сопровождал Гая Джонсона из долины Мохок сначала на запад, в Онтарио, оттуда обратно в Освиго, а оттуда в Монреаль, где генералы Карлтон и Холдиманд заручились его услугами и услугами его воинов и быстро пришли к соглашению, что они возьмутся за топор войны во имя короля. Для ведения пограничной войны офицеры короны едва ли могли привлечь более ценного вспомогательного персонала. Одинаково отличающийся своим обращением, активностью и храбростью — обладающий, с точки зрения роста и симметрии лица, преимуществом перед большинством мужчин даже среди его собственной хорошо сложенной расы — высокий, прямой и величественный, с видом и осанкой человека, рожденного командовать, [FN-1] — будучи, так сказать, человеком войны с детства, [FN-2] — его имя было опорой силы среди воинов дикой природы. Еще более

обширным было его влияние, оказанное тем обстоятельством, что он много работал на государственной службе департамента по делам индейцев при сэре Уильяме Джонсоне, который часто направлял его с посольствами к племенам конфедерации и к тем, которые были еще более отдаленными, к великим озерам и рекам северо-запада, благодаря чему его знания обо всей стране и народе были точными и обширными.

[FN-1] Письмо генерала П. Б. Портера автору.

[FN-2] Ему было всего тринадцать лет, когда он участвовал в битве при Лейк-Джордже.

Неизвестно, посетил ли вождь после заключения договора с сэром Гаем Карлтоном индейскую страну шести наций летом 1775 года. Вероятно, нет; поскольку осенью того же года или в начале следующей зимы он предпринял свой первый визит в Англию. Какова была точная цель этого визита, не сообщается. Однако весьма вероятно, что, несмотря на соглашение, столь поспешно заключенное в Монреале, проницательный вождь, возможно, счел благоразумным сделать паузу, прежде чем заходить слишком далеко в открытых враждебных действиях против Колоний. Племя онейда, очевидно, склонялось к тому, чтобы поддержать колониальную сторону конфликта, если таковая имелась; речные индейцы уже встали на ту же сторону; капитан делаваров Уайтхайз решил придерживаться нейтралитета; а коунавага или, по крайней мере, некоторые из их ведущих вождей были в лагере Вашингтона. Ко всему этому можно добавить тот факт, что в то время американское оружие превосходило все, что было до него в Канаде. Этих обстоятельств, безусловно, было достаточно, чтобы заставить вождя колебаться относительно курса, продиктованного истинной мудростью. Его пристрастия, несомненно, с самого начала склонили его поддержать дело короля. Более того, на протяжении всей жизни он утверждал, что древние заветы его народа обязывали его поступать именно так. В дополнение к этому были прочные узы крови, товарищества и благодарности, которыми он был связан с семьей и интересами Джонсонов. Тем не менее, блестящие успехи, с которых американцы начали кампанию в Канаде, представили другой взгляд на дело, который, безусловно, заслуживал серьезного рассмотрения. Находясь в таком положении, вождь, возможно, счел свое положение настолько затруднительным, что побудил его посетить метрополию и лично предстать перед "Великим королем", как индейцы называли британского монарха, прежде чем он окончательно решит, действительно ли выходить на поле боя или нет. Совершив это путешествие, он получил бы дополнительное преимущество, изучив ресурсы и мощь метрополии, и, таким образом, смог бы лучше определить для себя, увенчается ли успех в конце концов оружием его Величества, или же из-за чрезмерно скрупулезного соблюдения древнего условия союза ему не следует вместе со своим народом бросаться на верную гибель.

Но независимо от того, рассуждал он таким образом или нет, несомненно, что он отплыл в Англию в конце 1775 года и прибыл в Лондон в начале 1776 года в сопровождении капитана Тайса, офицера английского происхождения, родившегося в Америке и проживавшего по соседству с народом ирокезов.

Удалось найти лишь очень краткий отчет об этом его первом визите в Англию. Однако всегда говорили, что его не только хорошо принимали, но и что за его обществом ухаживали джентльмены высокого ранга и положения — государственные деятели, ученые и богословы. В его облике было мало от дикой свирепости его народа; и когда, как он обычно делал, он надевал

европейскую одежду, ничто, кроме его цвета, не отличало его от других людей. По его первому приезду в британскую столицу его проводили в гостиницу под названием "*Лебедь с двумя шеями*". Вскоре ему предоставили другое жилье, более соответствующее его рангу индийского короля; но он сказал, что обитатели гостиницы относились к нему с такой добротой и вежливостью, что он предпочел остаться там во время своего пребывания в Лондоне; и он соответственно так и поступил.

Лондонский журнал за июль 1776 года.

Хотя он был одет по европейскому обычаю, он не был лишен великолепного костюма, соответствующего обычаям его собственной нации, в котором он появлялся при Дворе, а также во время государственных визитов и церемоний. Джеймс Босуэлл находился в тот период в зените своей славы, и, по-видимому, между ним и вождем могавков установились близкие отношения, поскольку последний позировал для его картины по просьбе этого интереснейшего из эгоистов. Во время того же визита он также позировал Ромни, одному из самых выдающихся художников своего времени, для графа Уорика. Он, конечно, был нарисован в своей родной одежде, и картина высоко ценилась. Томагавк, который он носил в Лондоне, был очень красивым изделием, отполированным до высочайшей степени; на нем была выгравирована первая буква его христианского имени с его ирокезским наименованием, таким образом: "*Дж. Тайенданегея*."

[FN] фронтиспис настоящего тома взят с последней упомянутой картины.

{TN} {Вышеупомянутый фронтиспис не включен в эту отсканированную версию книги.}

Он пробыл в Англии недолго, но вместе с капитаном Тайсом отплыл по возвращении в конце марта или начале апреля [FN-1] и прибыл на побережье недалеко от гавани Нью-Йорка после очень короткого перехода. Будучи полностью преисполнен решимости выполнить свои условия, достигнутые с генералом Карлтоном, и взяться за топор войны во имя короны, он был осторожно и тайно высажен где-то в окрестностях Нью-Йорка, откуда совершил очень опасное путешествие в Канаду — разумеется, ему пришлось пробираться сквозь враждебно настроенное население, пока он не смог спрятаться в лесах за Олбани. Однако в Англии он принял меры предосторожности, чтобы удостовериться в сохранности своего тела в случае катастрофы или своей гибели в любом из предполагаемых сражений, купив золотое кольцо на палец, на котором было выгравировано его имя. [FN-2]

[FN-1] В лондонском журнале *Universal Magazine* за июль 1776 года говорится, что он отплыл в Америку в мае. Но, должно быть, в дате была допущена ошибка, поскольку Брант, как вскоре выяснится, в том месяце участвовал в битве при Кедрах над Монреалем.

[FN-2] Это кольцо он носил до самой смерти. Его вдова хранила его как драгоценную реликвию в течение четырех лет, когда оно было потеряно. Однако, как это ни странно, прошлым летом (1836 г.) идентичное кольцо было найдено маленькой девочкой на вспаханном поле недалеко от

Веллингтон-сквер, когда достопочтенная королева Индии была в гостях у своей дочери, образованной дамы полковника Керра. Пожилая вдова старого вождя была вне себя от радости, что снова обрела этот сувенир после того, как он был утерян двадцать шесть лет назад.

Каковы были конкретные аргументы, адресованные ирокезу в британской столице, или каким образом на него произвела впечатление идея о том, что оружие короля, в конце концов, одержит победу в Колониях, неизвестно. Несомненно, однако, что какие бы сомнения он ни питал, они были самым эффективным образом рассеяны; поскольку, прощаясь, он, как было понятно, от всего сердца поклялся поддержать королевское дело и пообещал выйти на поле боя с тремя тысячами воинов своей расы. [FN]

[FN] Похоже, что полковник Гай Джонсон, должно быть, посетил Англию одновременно или почти одновременно с Брантом. Возможно, они ушли вместе, хотя Джонсон вернулся не так скоро. Генерал Вашингтон объявил о своем прибытии на Стейтен-Айленд из Англии 6 августа 1776 года в письме, написанном президенту Конгресса 8 августа. В книге Данлэпа "История американской сцены" имя Гая Джонсона упоминается в 1778 году как одного из менеджеров старого Королевского театра на Джон-стрит. Все актеры были любителями, офицерами британской армии; и плоды их выступлений использовались в благотворительных целях. Несчастный майор Андре был одним из актеров и художником-постановщиком. Ниспадающая занавеска, нарисованная им самим, использовалась много лет после его смерти.

Однако было бы не более чем справедливо позволить капитану Бранту говорить самому за себя в отношении принципа, которым он руководствовался при принятии своего решения. В письме, написанном им сэру Эвану Непину, заместителю государственного секретаря, когда он находился в Англии после заключения мира 1783 года, он сказал: "Когда я присоединился к англичанам в начале войны, это было исключительно из-за обязательств моих предков перед королем. Я всегда рассматривал эти обязательства или заветы между королем и индийскими народами как нечто священное; поэтому меня не должны были пугать угрозы мятежников в то время; уверяю вас, у меня не было другого взгляда на это, и это было моим реальным делом с самого начала".

Под "угрозами" в этом письме заместителю госсекретаря Брант, вероятно, имел в виду не что иное, как усилия, предпринятые американцами, чтобы помешать ему присоединиться к королевскому штандарту и сохранить нейтралитет индейцев. В связи с этими усилиями существует фрагмент неписаной истории, которая, правдива она или нет, характерна для пронизательности и сухого саркастического юмора шефа. Сообщается, что в начале 1775 года, когда еще считалось сомнительным, на чьей стороне будут могавки, и когда, конечно, было очень желательно выяснить взгляды Бранта по этому вопросу, к президенту Уилоку обратились в качестве посредника для общения со своим бывшим учеником. Доктор, согласно традиции, написал ему длинное послание по поводу положения в "таймс" и изложил Бранту те соображения, которые, по-видимому, могли привлечь его на свою сторону или, скорее, обеспечить его нейтралитет, если не дружбу, к колонистам. Брант ответил очень остроумно. Среди прочего, он упомянул о своем прежнем жилище у Доктора — вспомнил счастливые часы, проведенные им под его крышей, — и особенно упомянул свои молитвы и семейные обряды, к которым он прислушивался. Он сказал, что никогда не сможет забыть эти молитвы; и один отрывок, в частности, повторялся так часто, что он никогда не мог изгладиться из его памяти.

Среди других просьб его доброго наставника было то, "чтобы они могли жить как хорошие *подданные* — бояться Бога и чтить короля".

Если раньше среди колонистов существовали сомнения относительно направления русла, по которому текли его наклонности, то после прочтения этого письма их, несомненно, не осталось. Но сцены более волнующего характера сейчас требуют внимания.

Ближе к концу достопамятной канадской кампании, — так блестяще начатой, так успешно проводимой в течение многих месяцев и все же так катастрофически завершенной, — когда разбитые остатки американских войск отступали перед войсками сэра Гая Карлтона, первые потерпели печальную катастрофу у "Кедров", мыса, далеко вдающегося в реку Святого Лаврентия, примерно в сорока милях выше Монреаля, который был занят полковником Беделлом с тремя сотнями девяноста провинциальными войсками и двумя полевыми орудиями. Генерал Карлтон руководил наступлением на этот пост с британской базы в Освегачи под командованием капитана Форстера во главе одной роты регулярных войск и отряда индейцев численностью около шестисот человек. Последними командовал Тайенданегеа. При появлении противника перед американскими укреплениями полковник Беделл немедленно отправился в Монреаль за помощью, оставив "Кедры" под командованием майора Баттерфилда. Полковник (впоследствии генерал) Арнольд, который в то время командовал Монреалем, еще не эвакуированным американцами, немедленно отправил майора Шербурна с сотней человек к Кедрам и приготовился последовать за ним с гораздо большими силами. Однако тем временем майор Баттерфилд, который, как считалось, мог бы легко отстоять позицию, был запуган угрозой противника, что, если осада продолжится и кто-либо из индейцев будет убит, в случае окончательной капитуляции британский командующий не сможет предотвратить всеобщую резню, и согласился на капитуляцию, в результате которой весь гарнизон станет военнопленным. Майор Шербурн приблизился на следующий день, не получив никакой информации об изменении обстоятельств, пока не оказался в четырех милях от поста, где 20 мая подвергся нападению индейцев и после острого столкновения был вынужден сдаться по собственному усмотрению. Как только Арнольд получил информацию об этих событиях, он выступил против врага, затем в Водрей, во главе семисот человек, с целью наказать врага и вернуть пленных. "Готовясь к сражению, он получил флаг в сопровождении майора Шербурна, который дал ему самые убедительные заверения, что, если он будет упорствовать в своем замысле, капитан Форстер будет совершенно не во власти помешать своим дикарям следовать своим ужасным обычаям и освободиться от своих пленников, предав всех смерти. Угроза этой резни уже была, и майор Шербурн подтвердил эту информацию. Под влиянием этой угрозы Арнольд отказался от своей цели и согласился на картель, по которому пленники были переданы ему; он согласился, среди прочего, не только доставить как можно больше британских солдат в обмен на них, но и на то, что они должны немедленно вернуться в свои дома". [FN]

[Ф.Н.] Вашингтонская жизнь Маршалла.

Это несчастье или, возможно, правильное сказать, поведение офицеров, чьей трусости оно было приписано, стало источником глубокого унижения для генерала Вашингтона, и он выразил свою досаду в нескольких письмах, написанных вскоре после этого. Обвиняли не только Баттерфилда — полковник Беделл был отнесен к той же категории осуждаемых. [FN] Главнокомандующий также был возмущен поведением капитана Форстера, прибегнувшего к

обманным и крайне неоправданным средствам для получения заложников для ратификации договора об обмене.

[FN] "Если рассказы о поведении полковника Беделла и майора Баттерфилда правдивы, они, безусловно, сыграли роль, заслуживающую самого образцового внимания. Я надеюсь, что вы примете надлежащие меры и назначите хорошие суды, чтобы привлечь их и всех других должностных лиц, которые были или будут виновны в ненадлежащем поведении, к суду; чтобы они могли быть наказаны в соответствии со своими проступками. Наши неудачи у Кедров были вызваны, как сказано, исключительно их низким и трусливым поведением и не могут быть приписаны никакой другой причине". —*Письмо Вашингтона генералу Шайлеру*, 10 июня 1776 г.

Имя капитана Бранта не упоминается ни в одной из книг в связи с этими операциями в "Кедрах". Однако есть положительные свидетельства того, что он не только был там, но и эффективно действовал после капитуляции майора Шербурна, чтобы контролировать индейцев и предотвратить массовое убийство пленных. Среди этих последних был капитан Джон М.^сКинстри, [FN-1] который в тот раз командовал ротой. Судя по его рассказу о битве, майор Шербурн попал в засаду, и бои были жестокими. Командование капитана М.^сКинстри вступило в ожесточенный бой с отрядом индейцев, перед которым его войска несколько раз были вынуждены отступать. Однако, собравшись с духом, индейцы неоднократно по очереди отступали; и таким образом соответствующие партии последовательно оттеснялись друг от друга, взад и вперед, в зависимости от сомнительной и изменчивой судьбы того времени, пока американцы не были подавлены численностью и вынуждены сдаться; капитан М.^сКинстри, будучи раненым, упал рядом с деревом и был там схвачен. Впоследствии он выяснил, что индейцы отметили его как жертву, которые на самом деле провели обычные приготовления к тому, чтобы умертвить его пыткой огнем; и что он был спасен личными усилиями капитана Бранта, который в сотрудничестве с некоторыми гуманными английскими офицерами собрал кошелек и купил быка, которого индейцы зажарили для своего веселья вместо доблестного пленника. С капитаном М.^сКинстри обращались по-доброму, пока он был пленником, и у него завязались близкие отношения с Брантом, которые продолжались до смерти вождя. Брант никогда не посещал Гудзон после революции, не проведя несколько дней с полковником М.^сКинстри в поместье; [FN-2] и во время своего последнего визита, примерно в 1805 году, в компании со своим другом, который, как и он сам, был членом братства, он посетил масонскую ложу в городе Гудзон, где его присутствие привлекло большое внимание.

[FN-1] Покойный полковник М.^сКинстри из поместья Ливингстона.

[FN-2] Письмо автору от Джорджа М.^сКинстри, эсквайра из Клаверака.

Но вернемся. Поведение майора Баттерфилда в "Кедрах" также подверглось суровому осуждению в Конгрессе, и его капитуляция была объявлена резолюцией "позорной капитуляцией". В то же время должное внимание было отдано майору Шербурну за храбрость, проявленную им самим и его войсками, которые только "в конце концов сдались по абсолютной необходимости". Более того, несмотря на вмешательство капитана Бранта, предотвратившего массовое убийство, и спасение капитана М.^сКинстри, Конгрессу было доложено о таких

безобразиях, что они вызвали ряд возмущенных резолюций по этому вопросу. В преамбуле к этим резолюциям говорилось, что сразу после капитуляции пленники были переданы индейцам; их багаж разграблен, у них отобрали одежду, и несколько человек из их числа были убиты; а один из них, который был только ранен, изжарился заживо. Исходя из того обстоятельства, что капитан М.^с Кинстри был ранен и назначен для пыток, хотя, как мы уже видели, его спас капитан Брант, вполне вероятно, что Конгресс был дезинформирован относительно фактического достижения такой цели в лице любого заключенного. Однако, принимая во внимание этот факт, поведение врага было осуждено в самых решительных выражениях — Конгресс заявил о праве требовать компенсации за зло, причиненное заключенным лично и имуществу; а в отношении убийства заключенных индейцами, потребовав, чтобы виновники этих убийств были переданы в их руки для достойного наказания, как условие, предшествующее обмену пленными. В отношении пыток пленных была также принята резолюция, осуждающая "как единственное средство остановить массовую резню людей" возмездие в виде наказания того же рода и степени, которое должно быть применено к такому же количеству пленных противника в каждом последующем случае бесчинств.

Эти резолюции были, по сути, отказом подтвердить договор об обмене пленными, заключенный генералом Арнольдом, и именно так расценили командующие офицеры в Канаде. Следствием этого стало потворство многочисленным преступлениям и взаимным обвинениям со стороны как американского, так и британского командования. Действительно, жалобы на жестокое обращение с пленными, попавшими в их руки, были поданы противником несколько месяцев назад, особенно в случае с полковником Итаном Алленом и его товарищами по плену. Аллен был схвачен генералом Прескоттом, который, в дополнение к другим унижениям, жестоко выгнал его и отправил как обычного преступника в Англию. Впоследствии Прескотт был схвачен американцами и обращался со значительной строгостью в отместку за жестокое обращение с Алленом. Это вызвало протест со стороны генерала Хоу, который, когда ему напомнили о случае с Алленом, отказался от какой-либо ответственности в связи с этой операцией, поскольку это произошло в округе за пределами его конкретного командования. Дело "Кедров" вызвало сильнейшее возмущение не только в Конгрессе и среди народа, но и в армии. "Бесчеловечное обращение с целым и убийство части нашего народа, несомненно, было вопиющим нарушением той веры, которую все цивилизованные нации должны считать священной, и которая была основана на самом диком варварстве". [FN-1] Вскоре после этого счет был частично уравновешен дьявольским злодеянием, совершенным американским скаутским отрядом по соседству с Сент-Джонсом. Это было преднамеренное убийство лейтенантом, возглавлявшим отряд, бригадного генерала британской армии Гордона. Генерал Гордон ехал один и при полном обмундировании из Лапрайри в Сент-Джонс. Лейтенант и его группа попали в засаду в пределах британских позиций, и когда генерал проходил мимо, первый бессмысленно и варварски выстрелил ему в тело. Хотя рана была смертельной, генерал поскакал дальше и быстро добрался до Сент-Джонса, где скончался. [FN-2] Этот прискорбный инцидент вызвал такой же взрыв негодования среди британских офицеров, как и дело "Кедров" среди американцев. Генерал Карлтон воспользовался случаем, чтобы выступить с резким, хотя и коварным заявлением, которое Вашингтон в письме президенту Конгресса назвал "в высшей степени неподобающим характеру солдата и джентльмена". Хотя обмен пленными не был произведен в соответствии с договоренностью, достигнутой с Арнольдом, Карлтон все же отпустил американских пленников на свободу при условии их возвращения в свои собственные

дома, где они останутся в качестве заключенных. Каждому из заключенных была вручена копия его коварного воззвания.

[FN-1] Письмо Вашингтона президенту Конгресса, 15 июля 1776г.

[FN-2] Примечание в томе iv "Жизни Спаркса и переписки с Вашингтоном".

Не предполагалось, что в битве при Кедрах участвовало какое-либо значительное число индейцев Шести наций, кроме могавков и родственного им племени каунавага, или Семи наций Канады, как они предпочитали себя называть. Действительно, на той стадии борьбы Шесть наций были далеки от единодушия в противостоянии Колониям; и в то самое время, когда происходили эти события, депутация от четырех наций находилась в Филадельфии с мирной миссией при Конгрессе. О прибытии этой депутации было объявлено собранию 24 мая. 11 июня они были представлены Палате представителей в порядке подготовки к отъезду, и президент обратился к ним со следующими словами:—

"Братья: Мы надеемся, что дружба между вами и нами будет крепкой и продлится до тех пор, пока будет светить солнце и течь вода, чтобы мы и вы могли быть одним народом, иметь одно сердце и быть добрыми друг к другу, как братья.

"Братья: Король Великобритании, прислушиваясь к злым советам некоторых своих глупых молодых людей, разгневан на нас, потому что мы не позволим ему отобрать у нас нашу землю и все, что у нас есть, и отдать это им; и потому что мы не будем делать все, что он нам прикажет; и препятствовал его народу доставлять нам товары, но мы позаботились о том, чтобы получить их в таком количестве, что надеемся, сможем удовлетворить ваши потребности, как раньше.

"Братья: Мы прикажем всем нашим воинам и юношам не причинять вреда вам или кому-либо из ваших сородичей; и мы надеемся, что вы не позволите никому из ваших юношей присоединиться к нашим врагам или причинить нам какое-либо зло, чтобы не случилось ничего, что могло бы вызвать ссору между нами.

"Братья: Мы хотим, чтобы вы приняли несколько предметов первой необходимости, которые мы вам подарим, в знак нашего расположения к вам".

После вручения подарков индийские депутаты выразили желание назвать имя президента Конгресса. Разрешение на это было получено, вождь племени онондага встал и приветствовал Президента именем Ка-ран-дуа-ан, или *Великое Дерево*; под этим именем Джон Хэнкок впоследствии стал известен среди Шести народов.

Хотя на первый взгляд из этих резолюций может показаться, что Конгресс все еще настаивает на гуманной политике удержания индейцев в состоянии нейтралитета, однако искренность и правда требуют иного описания. Как бы здравомыслящие моралисты ни осуждали применение этого вида силы в цивилизованной войне, и как бы сильно Конгресс ни оказывал свое влияние в предыдущем году, чтобы помешать индейцам выйти на поле боя от имени кого-либо из воюющих сторон, от этой политики отказались. 25 мая 1776 года Конгресс постановил, "что в высшей степени целесообразно привлечь индейцев на службу Соединенным колониям"; и они уполномочили главнокомандующего использовать в Канаде и в других местах численность, не превышающую двух тысяч человек, предложив им "вознаграждение в размере

ста долларов за каждого офицера, получившего назначение, и тридцати долларов за каждого рядового королевских войск, которых они возьмут в плен в стране индейцев или на границах этих колоний". Конгресс также разрешил генералу Вашингтону нанять индейцев Пенобскота, Сент-Джонса и Новой Шотландии, которые предложили свои услуги и должны были получать то же жалованье, что и континентальные солдаты. [FN]

[Ф.Н.] Жизнь Спаркса и Кор. из Вашингтона, том. iv, Приложение. [Мистер Спаркс, по-видимому, ошибся относительно непосредственных мотивов Конгресса изменить свою политику в отношении Индии в настоящее время. Он предоставляет своим читателям самим сделать вывод, что эта мера была возмездием за поведение британцев и индейцев у Кедров. Но такого не могло быть на самом деле. Битва при Кедрах произошла 20 мая, а эти резолюции были приняты 25 мая — до того, как новости в те дни могли дойти до Филадельфии.]

Неизвестно, был ли кто-либо из этих восточных индейцев когда-либо на самом деле нанят на американскую службу. Что касается использования северных индейцев, Вашингтон немедленно вступил в переписку с генералом Шайлером по этому вопросу и оказал на него давление с целью приведения резолюций в исполнение. Последний, однако, был против этой меры — так же, как и в первый раз. Ему не нравилось использовать такие силы ни при каких обстоятельствах, утверждая, что они были слишком непостоянны и неуверенны, чтобы позволить кому-либо обоснованно полагаться на них в момент чрезвычайной ситуации. В той конкретной ситуации, особенно когда наши войска, разбитые и рассеянные, бежали, как беглецы, из Канады, он считал шансы заполучить индейских вспомогательных сил чрезвычайно малыми; и что касается предписанного количества (две тысячи), генерал намекнул в одном из своих писем главнокомандующему, что было бы хорошо, если бы Конгресс снизошел до того, чтобы сообщить ему, где можно найти такое количество индейских воинов, еще не состоящих на службе у врага. Короче говоря, мнение генерала Шайлера с самого начала было правильным: колонии не могли ожидать существенной помощи от индейцев; и какую бы помощь они ни получили, она, несомненно, обойдется дороже, чем можно было бы получить. Так доказали события. Но, хотя британцы больше всего выиграли от найма индийцев, не они одни виноваты в их использовании. Пока, конечно, что касается принципов и намерений, американцы по справедливости имеют право на должную долю порицания. [FN]

[FN] Искры.

Возвращаясь к совпадающим событиям, происходившим в других частях страны, следует отметить, что Главнокомандующий часто оказывался в не самых многообещающих обстоятельствах. В свой первый приезд в лагерь перед Бостоном, годом ранее, он нашел только "материалы для хорошей армии", но не саму организованную армию. Войска были в основном недисциплинированными; и, взяв в руки оружие, чтобы сражаться за свободу, было нелегко привить им те привычки подчинения, которые неизбежно превращают солдата в простую машину, приводимую в движение по воле его командира. Таким образом, первой целью генерала Вашингтона было привести войска в состояние дисциплины. Но другая трудность заключалась в том факте, что из-за коротких сроков призыва срок службы большей части армии истекал в ноябре и декабре. К этому добавилось неприятное открытие, что всего пороха,

имевшегося в его распоряжении, едва хватало на то, чтобы снабдить человека девятью патронами. Более того, ощущалась общая нехватка походного снаряжения и одежды, да и вообще всего, что было необходимо как для комфорта, так и для эффективности армии. Но Небеса, по своей милости, казалось, возложили на человека командование всеми остальными, наиболее способными справиться с чрезвычайной ситуацией и преодолеть ее. Недостаток боеприпасов у него был искусно и эффективно скрыт от врага; и хотя после увольнения тех из его войск, которые не захотели вновь записаться в армию, в конце декабря (1775 г.) у него осталось не более 9650 человек, он все же ухитрился поддерживать себя и удерживать врага в осажденном Бостоне в течение всей зимы. "Возможно, на страницах истории нет такого случая, - писал он Конгрессу, - как наш. Удерживать пост на расстоянии мушкетного выстрела от противника в течение шести месяцев без**боеприпасов** в то же время расформировать одну армию и набрать другую на расстоянии двадцати с лишним британских полков - это, вероятно, больше, чем когда-либо предпринималось ". [FN]

[Ф.Н.] Анналы Холмса.

Влияние главнокомандующего побудило Континентальный конгресс принять решение о создании армии численностью 75 000 человек, подлежащей зачислению сроком на три года или во время войны. Однако только в январе их удалось убедить предложить вознаграждение за поступление на военную службу; и даже тогда ряды не были быстро заполнены. В конце февраля все действующие силы американцев составляли не более 14 000 человек, не считая 6000 человек массачусетского ополчения. Наступление на Бостон планировалось в феврале генералом Вашингтоном; но мнение его высших офицеров, выраженное на военном совете, было категорически против такого движения, и от этого предприятия неохотно отказались. Устав от бездействия, следующим проектом американского командующего было овладение Дорчестерскими высотами - позицией, господствующей над городом Бостон, занятие которой вынудило бы генерала Хоу либо попытаться овладеть им американцами, либо эвакуировать город. Предприятие было настолько хорошо спланировано, что было осуществлено генералом Томасом с полным и блестящим успехом в ночь на 4 марта. Отвлекая внимание противника бомбардировкой его позиций в другом направлении, движение осталось незамеченным. Поскольку погода была мягкой, американские войска получили возможность энергично возводить оборонительные сооружения, которые на следующее утро поразили генерала британской армии своим внезапным появлением и масштабом. Тяжелая атмосфера способствовала увеличению высоты работ и усилению удивления противника. Сэр Уильям Хоу немедленно предпринял приготовления, чтобы выбить американцев с их новой и, по его мнению, опасной позиции; с этой целью в тот же вечер были отправлены две тысячи отборных солдат для переправы; но сильная буря расстроила его план. На следующее утро генерал Хоу созвал военный совет, на котором было решено эвакуировать город как можно скорее. Это решение было приведено в исполнение 17-го числа погрузкой всей британской армии и отплытием флота — сначала в Галифакс, но в конечном итоге, как показали события, в Нью-Йорк. В тот же день генерал Вашингтон с триумфом вступил в Бостон и был встречен всеобщим одобрением народа как его избавитель. Так был город, который первым поднял знамя восстания, первым обрадовался окончательному отступлению своих угнетателей. Да и захватчикам не посчастливилось когда-либо снова ступить туда.

На Севере действия армии провинции были гораздо менее благоприятными. Завоевание Канады было любимым проектом Конгресса, и с этой целью были предприняты все возможные усилия в рамках скудных средств Колоний. Но падение Монтгомери омрачило это предприятие, которое так и не рассеялось. Полковник, ныне генерал Арнольд, держался под Квебеком всю зиму и до поздней весны всего лишь с горсткой людей, насчитывавших в свое время не более пятисот человек боеспособного состава. Но подкрепления прибывали медленно; канадцы по целому ряду причин — главной из которых, без сомнения, было плохое обращение со стороны недисциплинированных солдат — стали относиться к американцам менее дружелюбно, чем вначале, несмотря на миссию господ Дж. Франклин, Чейз и Кэрролл в сопровождении католического священника умиротворили их; и по прибытии генерала Вустера в его штаб, примерно 1 апреля, Арнольд получил отпуск и принял командование в Монреале. Генерал Томас, который был назначен командующим армией в Канаде после подвига на Глостер-Хайтс, прибыл к Квебеку 1 мая, где он обнаружил армию в тысячу девятьсот человек, из которых менее тысячи были боеспособны, и триста из них, имея право на увольнение, отказались выполнять свой долг. У них было всего сто пятьдесят бочек пороха и провизии на шесть дней. Хорошо зная, что с открытием навигации. Ожидаемое подкрепление сэра Гая Карлтона должно было прибыть, обстоятельства, в которые он был поставлен, были в целом настолько неблагоприятными, что генерал Томас, с согласия военного совета, решил снять осаду 5 мая и занять более подходящую позицию выше по реке. Американский командующий намеревался перевезти больных в Три-Риверс; но 6-го числа, еще до того, как были согласованы все меры по отступлению, прибыл британский флот с подкреплением. Генерал Карлтон немедленно предпринял вылазку во главе тысячи человек; чтобы противостоять ему, у генерала Томаса было в наличии не более трехсот человек. Таким образом, не оставалось другого выхода, кроме поспешного отступления для всех, кто мог уйти, оставив больных и военные припасы врагу. Генерал Томас повел свой маленький отряд обратно к устью Сореля, где он заболел оспой и умер. К армии беглецов в этом месте присоединилось большое подкрепление под командованием генерала Салливана. Перед тем, как генерал Карлтон покинул Квебек, из Сореля в Трехречье была предпринята экспедиция против генерала Фрейзера под руководством генерала Томпсона и полковника Сент-Клера. Попытка оказалась безуспешной; с этого времени катастрофа следовала за катастрофой, пока из-за совокупности причин поражения, болезней и неподчинения американцы 18 июня не оказались полностью вытесненными из Канады; британская армия следовала за ними по пятам так близко, что немедленно занимала различные посты по мере их последовательной эвакуации.

Американцы, однако, все еще сохраняли контроль над озером Шамплейн и заняли укрепления на его берегах, командование которыми теперь было возложено Конгрессом на генерала Гейтса, проявив большую и очевидную несправедливость по отношению к генералу Шайлеру. [FN-1] Гейтс сначала разместил свою штаб-квартиру в Краун-Пойнте, но вскоре после этого отвел свои войска с этого поста и отступил к Тикондероге. Этот шаг был предпринят по совету и с согласия совета старших офицеров, но вопреки пожеланиям полевых офицеров. Главнокомандующий был крайне недоволен таким перемещением Гейтса, полагая, что отказ от этого поста по своим последствиям будет равнозначен оставлению озер Джордж и Шамплейн и всех преимуществ, которые можно извлечь из этого. [FN-2] В ответ на озабоченность, выраженную Вашингтоном по этому поводу. Генерал Гейтс утверждал, что Краун-Пойнт был неприступен силами, находившимися в то время под его командованием, и его нельзя было успешно защитить даже с помощью ожидаемого подкрепления. Более того, добавил генерал,

этим подкреплениям нельзя было позволить подойти ближе к Краун-Пойнту, чем к Скенсборо, поскольку "это означало бы лишь нагромождение одного госпиталя на другой". [FN-3] Анналы катастрофической войны едва ли представляют более плачевную картину, чем та, которую демонстрируют американцы, бежавшие из Канады. В дополнение к оспе армия была поражена другими болезнями, вызванными переохлаждением, нуждой и ослаблением дисциплины. Флотилии лодок поднимались вверх по озеру, нагруженные больными и умирающими; и даже те, о которых изо дня в день сообщалось, что они годны к несению службы, представляли собой лишь изможденный скелет армии. "Все в этой армии, - сказал генерал Гейтс в уже цитированном письме, - заражено чумой: одежда, одеяла, воздух и земля, по которой они ходят. Чтобы избавить нас от этого зла, в Форт-Джордже был открыт госпиталь общего профиля, [FN-4] где сейчас находится от двух до трех тысяч больных, и куда немедленно отправляется каждый инфицированный человек. Но эта забота и предостережение не уничтожили болезнь здесь окончательно; несмотря на это, она постоянно вспыхивает". [FN-5]

[FN-1] Назначение Гейтса на пост командующего этим департаментом с самого начала было неприемлемо для офицеров Нью-Йорка, и его собственный курс не был слишком примирительным по отношению к ним. В течение нынешнего лета подполковнику Гансворту, храброму и заслуженно популярному офицеру, служившему в полку полковника Ван Шейка, а затем командовавшему фортом Джордж в верховьях одноименного озера, было доложено, что генерал неуважительно отзывался об этом полку, а также о полках полковников Винкупа и Фишера. Его письма полковнику Гансворту были излишне резкими и прагматичными, настолько, что справедливо оскорбляли. Раздраженный таким обращением, Гансворт написал Гейтсу энергичное письмо, в котором коснулся нескольких вопросов, по которым он был огорчен письмами и разговорами этого офицера. Он потребовал проведения судебного расследования и признал свою решимость с разрешения генерала. Шайлер, отказаться от командования постом.—*МИСС письма Гейтса и полковника. Гансворт находится во владении автора.*

[FN-2] Письмо Вашингтона генералу. Гейтсу, 19 июля 1776г.

[FN-3] письмо быт. Ворота в Вашингтон в ответ на это 28 июля. Оспа, которая была столь фатальной для канадских войск, теперь вспыхнула в Краун-Пойнте и Тикондероге — чуму намеренно вызвал негодяй, называющий себя доктором Баркером. Этот факт изложен в письме генерал-адъютанта Северного департамента полковнику Гансворту, датированном 24 июля из Тикондероги. "Злодей, - говорится в письме, - путем частных прививок в армии в значительной степени вызвал те страдания, до которых нас довело это инфекционное заболевание". Баркер был арестован и отправлен в Олбани.—*Письмо полковника Трамбулла полковнику. Гансворт.*

[FN-4] В верховьях озера Джордж.

[FN-5] Искры.

Таково было плачевное состояние, в котором армия, столь недавно одержавшая победу, была изгнана из того, что на самом деле было завоеванной страной, полностью потерянной из-за неправильного управления и нехватки армии на основе постоянного призыва. К этому добавилась еще одна скрытая трудность. Много пленных попало в руки врага в Квебеке и во

время последующего отступления. По отношению ко всему этому поведение сэра Гая Карлтона было в высшей степени политичным. С ними обращались с величайшей заботой и человечностью, и в их уши было влито столько тонкого яда лести, смешанного с добротой, что к их возвращению под честное слово, которое в настоящее время было разрешено британским командующим, отнеслись с опаской. [FN-1] Однажды большое количество заключенных, прибывших в Краун-Пойнт из Сент-Джонса на судне, предоставленном сэром Гаем Карлтоном, перед посадкой посетил полковник Джон Трамбулл, генерал-адъютант Северного департамента. По проявленным ими чувствам и тону их разговора полковник Трамбалл сразу понял, что было бы неразумно позволять им высаживаться на берег или поддерживать хотя бы малейшие контакты со страждущими войсками гарнизона. Он немедленно доложил об этом факте генералу и посоветовал, чтобы упомянутые пленники были отправлены прямо в Скинборо и разосланы по домам, не позволяя им смешиваться с войсками в этом месте. Предложение было принято. [FN-2]

[FN-1] "Хотя генерал Карлтон согласился с суровым обращением с Итаном Алленом, тем не менее с пленными, попавшими в его руки, обращались во всех отношениях так же хорошо, как с британскими солдатами, за исключением необходимых ограничений содержания. Об этом говорилось в письме в Вашингтон от майора Мейгса, когда он вернулся по условно-досрочному освобождению следующим летом. Солдаты были заключены в иезуитский колледж, а офицеры - в семинарию. Последним после снятия осады разрешили гулять в большом саду, примыкавшем к их квартирам. Примерно в середине мая майор Мейгс оставил в Квебеке триста заключенных. Когда они были освобождены для обмена, генерал Карлтон снабдил их предметами одежды, в которых им не хватало. Рассказывали, что когда некоторые из его офицеров заговорили с ним об этом акте, как о необычной степени снисхождения к военнопленным, он ответил: "Поскольку мы тщетно пытались заставить их признать нас братьями, давайте, по крайней мере, отошлем их прочь, настроенных относиться к нам как к двоюродным братьям". Получив информацию о том, что многие люди, страдающие от ран и различных расстройств, прятались в лесах и темных местах, опасаясь, что, если они появятся открыто, их схватят как заключенных и будут жестоко обращаться; он издал прокламацию, приказывающую сотрудникам милиции разыскивать таких людей, доставлять их в больницу общего профиля и обеспечивать им всю необходимую помощь за государственный счет. Он также пригласил всех таких людей добровольно явиться и получить необходимую им помощь, заверив их, "что, как только их здоровье восстановится, они смогут беспрепятственно вернуться в свои соответствующие провинции". —*Искры*,

[FN-2] Беседы автора с distinguished полковником Трамбуллом, пока эти страницы находились в стадии редактирования.

Не были перечислены и все трудности, с которыми пришлось столкнуться офицерам. Дух недовольства был гораздо более распространенным, чем обычно предполагают те, кому остается созерцать сцены, через которые прошли их отцы, и разочарования, с которыми они были вынуждены бороться. Бременем многих писем генерала Шайлера, а также писем других офицеров в течение всего этого сезона была частота дезертирства в ряды врага.

Взглянув на мгновение на положение дел на юге, мрачная картина несколько рассеивается. Экспедиция генерала Клинтона и сэра Питера Паркера по взятию Чарльстона потерпела явную неудачу. Защита полковником Моултри форта, носящего его собственное имя, была одним из самых доблестных подвигов во всем сражении и помогла рассеять уныние, вызванное бедствиями, которые мы описали на севере. Именно в этом месте прославленный сержант Джаспер подал сигнал о себе, когда древко флага было сбито выстрелом, прыгнув с парашюта форта на берег, схватив флаг и, среди непрекращающейся стрельбы флота, подняв его и снова водрузив на вал. [FN]

Анекдоты Гардена об американской революции.

Но величайшим событием года, результаты которого сейчас находятся на рассмотрении, стала Декларация независимости, предложение о которой было внесено в Конгресс Ричардом Генри Ли из Вирджинии 7 июня, а сама Декларация была торжественно принята 4 июля. Эта мера сразу же отрезала всякую надежду на примирение с метрополией и всякую перспективу прекращения войны, если только не произойдет полной победы с оружием в руках той или иной стороны. Такое заявление было событием, которого изначально не ожидали, даже если бы и желали, массы людей; хотя оно, несомненно, с самого начала входило в расчеты отважных лидеров движения в Бостоне. Кроме того, это было значительно ускорено поведением самого британского правительства во время предыдущей сессии парламента, актом которого американцы были объявлены лишенными королевского покровительства; столь широко ошибочным был Конгресс предыдущего года, который закрыл заседание в сильных надеждах на то, что разногласия между двумя странами вскоре будут урегулированы к их взаимному удовлетворению. В то же время правительство метрополии прилагало все усилия, чтобы сокрушить Колонии одним ударом. Для этой цели должны были быть задействованы 25 000 британских военнослужащих в дополнение к 17 000 немецких наемников, купленных у ландграфа Гессен-Кассельского, герцога Брауншвейгского и графа Ханаа. Предполагалось, что эти войска вместе с канадскими новобранцами, американскими лоялистами и индейцами составят силы вторжения численностью в 55 000 человек. При таких предстоящих приготовлениях против них со стороны колонистов не было времени для бездействия; и поскольку в соответствии с Заявлением они выбросили ножны меча, который был обнажен пятнадцать месяцев назад, у них не было другого выхода, кроме сопротивления до конца.

[Ф.Н.] Вашингтонская жизнь Маршалла, том i, глава iv.

Возвращаясь на короткое время к собственно истории Долины Мохок, можно предположить, от имени ее патриотически настроенного населения, что новое отношение страны не было ни неожиданным, ни нежелательным. Напротив, будучи одним из первых, кто предложил разделение, великий акт 4 июля нигде не был принят так сердечно, как вигами округа Трайон. Они также не дрогнули в своих намерениях поддержать дело, за которое взялась страна, несмотря на все бедствия в начале сезона или те, что последовали за ним. Однако в их собственной части страны бегство сэра Джона Джонсона и его приближенных было единственным важным инцидентом, произошедшим в тот памятный год. Тем не менее, не было ослабления бдительности или подготовки к худшему на тот случай, если военная буря, так долго

бушующая вдалеке, действительно обрушится на эти поселения. Границы во все времена были подвержены внезапным вторжениям дикарей, и необходимо было постоянно держать разведывательные отряды на чеку. Вишневая долина, являющаяся основным поселением к югу от Могавка и лежащая непосредственно на линии сообщения между замками могавков и индийским постом в Огкваге, [FN-1] была особенно уязвима. Таким образом, в начале нынешнего лета была организована рота рейнджеров под командованием капитана Роберта М.^сКина. Поскольку общественная служба требовала присутствия капитана и его небольшого отряда в другом месте, жители решительно протестовали Комитету безопасности против перемещения этого отряда, но безрезультатно. Затем они обратились к провинциальному конгрессу Нью-Йорка и убедительным и красноречивым обращением добились размещения среди них еще одной роты рейнджеров под командованием капитана Уинна. [FN-2] Эти статьи были написаны со знанием дела и с энергией серьезных людей. Уже тогда они получили через своих миссионеров намеки на то, что сэр Джон Джонсон и полковник Джон Батлер подстрекают индейцев напасть на них; и уже рассеянные поселенцы в других, более новых местах прибывали в Вишневую долину в поисках защиты. Опасаясь также внезапных вторжений групп охотников за скальпами, престарелые и те, кто по другим причинам был освобожден от военной службы, теперь организовались в роту для защиты поселения.

[FN-1] Как и в случае с большинством других индийских имен, существует проблема соблюдения правильной орфографии этого места. Пишется *Оквага*, *Oghquaga*, а иногда *Онеаквага*. Брант и Джон Нортон, однако, имели обыкновение произносить это слово по буквам *Огквага*. Я выбрал последний метод, поддержанный лучшими авторитетами.—Автор.

[FN-2] Имена членов Комитета Вишневой долины, которые взяли на себя инициативу в этих вопросах, были: Джон Мур, Сэмюэл Клайд, Сэмюэл Кэмпбелл, Сэмюэл Данлоп, Джеймс Скотт, Роберт Уэллс, Джеймс Ричи и Джеймс Мур.

В течение сезона Конгресс дал указание генералу Шайлеру укрепить форт Стэнвикс и возвести другие укрепления в соответствующих местах вдоль реки Мохок. Полковники Ван Шейк и Дейтон ранее находились в округе Трайон с подразделениями регулярных войск — первый в Джонстауне, а второй в Германских квартирах. На полковника Дейтона была возложена обязанность продолжать работы в форте Стэнвикс, для чего ополчению округа Трайон было приказано прийти ему на помощь. Место этой военной обороны было рано улучшено, став одним из самых важных внутренних постов Колоний. Первоначально он был построен в начале 1758 года, во время французской войны 1755-61 годов, генералом Стэнвиксом, с целью командования перевалочным пунктом между рекой Мохок и Вуд-Крик, ведущими в озеро Онейда, а оттуда в озеро Онтарио, у реки Освего. [FN-1] В разных точках узкой полосы земли между двумя уже упомянутыми реками было несколько других укреплений, таких как Форт Булл и Форт Ньюпорт; первый возвышался над ручьем примерно в трех милях от нас. Это были сильные редуты, но форт Стэнвикс представлял собой сравнительно грозное сооружение, так как был защищен от бомб, имел порт для вылазки и крытый путь к ручью Спринг. В совокупности эти сооружения обеспечивали надежную защиту ключа от Верхней Канады до долины Мохок, а также служили сигналом к защите, которую они обеспечивали индийской торговле. Но, хотя главная крепость была возведена за огромные по тем временам деньги — 266 400 долларов, все же начало Революционной войны застало все в руинах. Полковник Дейтон, похоже, добился

лишь небольшого прогресса в восстановлении форта, поскольку выяснится, что другие офицеры руководили работами в начале следующего года, и они были далеки от завершения, когда впоследствии в них вмешались разношерстные силы генерала Сент-Леджера. Полковник Дейтон, однако, счел целесообразным изменить его название в честь генерала, командующего Северным департаментом, и впоследствии, по окончании войны, он был известен как Форт Шайлер. [FN-2]

[FN-1] На реконструкцию этой работы Вашингтон рано указал генералу Шайлеру и настоятельно призвал его к этому.

[FN-2] Был еще один форт Шайлер, построенный на месте нынешней Утики во время старофранцузской войны и названный так в честь полковника Шайлера, дяди революционного генерала Филипа Шайлера. В истории их часто путают, и изменение названия форта Стэнвикс было в равной степени ненужным и неразумным.

Беглый взгляд на другие военные события сезона завершит историю года. Предвидя при эвакуации Бостона генералом Хоу, что его следующим пунктом атаки будет Нью-Йорк, главнокомандующий направил генерала Ли с частью армии, чтобы привести Лонг-Айленд и гавань Нью-Йорка в состояние обороны. Вскоре после этого последовал и сам Вашингтон, обосновавший свою штаб-квартиру в городе. Присоединившись к своему брату, лорду Хоу, в качестве командующего флотом в Галифаксе, генерал, впоследствии сэр Уильям Хоу, со своим подкреплением прибыл с Сэнди—Хук - последнее 25 июня, а первое 12 июля. Генерал Клинтон прибыл примерно в то же время из неудачного предприятия против Чарльстона вместе с адмиралом Хотэмом. Объединенные силы противника теперь составляли около 24 000 человек, включая гессенцев.

Лорд и сэр Уильям Хоу были облечены полномочиями в качестве уполномоченных вести переговоры с Колониями о примирении. Об их мирных намерениях было объявлено еще до возобновления военных действий, и всем, кто воспользуется королевским милосердием и вернется к своей верности и долгу, были даны обещания помилования. Однако их предложения были сочтены слишком исключительными как по содержанию, так и по форме, чтобы им уделялось хоть малейшее внимание.

22 августа британская армия высадилась на Лонг-Айленде, в Грейвсенде. Американская армия в это время, состоявшая из 15 000 человек под командованием генерала Салливана, стояла лагерем в окрестностях Бруклина. Битва при Лонг-Айленде, которая была жестокой, хотя и безрезультатной, для американских войск под командованием Салливана и лорда Стирлинга, произошла 27 августа. В этой операции потери противника оценивались по-разному - от 300 до 450 человек. Потери американцев были гораздо более значительными. Генерал Вашингтон признал, что их было 1000, но, как полагают, речь шла только о потерях регулярных войск. Генерал Хоу заявил о 1097 пленных, среди которых были генералы Салливан, Стирлинг и Вудхалл. 30-го числа американцы совершили виртуозное отступление через Ист-ривер в Нью-Йорк. [FN-1] Противник немедленно принял меры для нападения на Нью-Йорк; и его передвижения были настолько быстрыми и умелыми, что на совете генеральских офицеров немедленная эвакуация была сочтена единственным средством спасения армии. Британский флот был разделен на две эскадры, одна из которых вошла в Восточную, а другая - в Северную

реку. Под прикрытием первого сэр Генри Клинтон переправился с Лонг-Айленда и высадился в Киппс-Бей с такой быстротой, что американцы в беспорядке бежали. Действительно, эвакуация напоминала скорее бегство, чем отступление; вся тяжелая артиллерия, военные припасы, обоз и провизия попали в руки врага. Большая часть американских вооруженных сил в то время состояла из ополченцев, поведение которых было невыносимо скандальным. Они дезертировали не только небольшими группами, но и ротами и эскадронами, когда только могли; и их поведение перед лицом врага, или, скорее, когда они убегали от лица врага, было самым трусливым. Настолько беспорядочным было их поведение, и настолько по-трусливому они вели себя, улетая от сэра Генри Клинтона, что даже сам Вашингтон потерял терпение и был возбужден до степени крайнего раздражения. В письме из Гарлем-Хайтс другу. Генерал Грин сказал, что две бригады ополчения бежали от примерно пятидесяти человек, оставив главнокомандующего на земле в восьмидесяти ярдах от врага, настолько раздосадованного поведением своих войск, что он искал смерти, а не жизни. [FN-2] Его попытки остановить их были бесплодны. Он выхватил шпагу и пригрозил проткнуть их насквозь, а также взвел курок и защелкал пистолетами. [FN-3] Но все его усилия были напрасны. В письме Президенту Конгресса по поводу этого позорного поведения ополчения главнокомандующий заявил, что, если бы его вызвали высказать свое мнение под присягой, он должен был бы сказать, что ополчение принесло службе больше вреда, чем пользы.

[FN-1] Во время операций на Лонг-Айленде и в Нью-Йорке капитану Бранту удалось перебраться из Канады и присоединиться к королевским войскам. Он был с губернатором Трайоном во Флэтбуше. Покойный мистер Джон Уоттс, шурин сэра Джона Джонсона, часто говорил о прогулке с губернатором. Трайон, полковник Эсгилл и Брант гуляют по фруктовому саду в той деревне. Во время прогулки Брант сорвал с дерева сырое яблоко, которое, попробовав, выбросил, скривив лицо и воскликнув: "Оно горькое, как пресвитерианское!"

[FN-2] Искры.

[FN-3] Гордон.

Генерал Грин настоятельно настаивал на уничтожении города огнем — мера, впоследствии столь эффективно принятая графом Ростопчиным, губернатором древней столицы Московии, с целью остановить карьеру Наполеона, — чтобы лишить врага возможности разместить в нем свои зимние квартиры. Его доводы в пользу этой меры были вескими, и она, несомненно, должна была быть принята. Считалось, что Вашингтон придерживается того же мнения, тем более что две трети собственности, которую предлагалось уничтожить, принадлежали нескрываемым лоялистам. Но Конгресс не допустил такой жертвы; [FN-1] и 15 сентября город был в полном распоряжении врага — генерал Вашингтон удалился с армией в Кингсбридж. Из-за численного превосходства и дисциплины британских и немецких войск американцы не смогли встретить их в полевых условиях, и была принята политика эвакуации и отступления. Последовала череда передвижений, маневров исражений в Вестчестере, завершившихся, на данный момент, ничейной битвой при Уайт-Плейнс 18 октября. [FN-2] Затем Вашингтон разделил свою армию и с частью переправился в Нью-Джерси, оставив 7500 военнослужащих в Норт-Касле под командованием генерала Ли. Следующей катастрофой для американского оружия стало падение форта Вашингтон 16 ноября после храброй обороны полковника Магоу, несмотря на отказ части его войск занять оборону. [FN-3] Эта крепость была атакована с

большой отвагой с четырех сторон под предводительством генералов Книпхаузена, Мэтьюза, Корнуоллиса и лорда Перси. Полк полковника Роулингса в тот раз вел себя с большим воодушевлением; и полковник Магоу не отказался бы от своего поста, если бы не поведение недовольных. [FN-4] После падения форта Вашингтон лорд Корнуоллис переправился в Нью-Джерси с 6000 человек с целью атаки форта Ли, которым в то время командовал генерал Ли. Но средств этого умелого офицера было недостаточно для защиты поста от столь неравных сил; жители Нью-Джерси в то время были намерены скорее заключить соглашение с врагом, чем оказать эффективную помощь; [FN-5] и гарнизон был спасен эвакуацией. Генерал Вашингтон занял пост в Ньюарке; но падение фортов Вашингтон и Ли вместе с уменьшением его собственных сил из-за истечения срока службы его людей вынудили его быстро отступить через Нью-Джерси на другой берег Делавэра, за которым так внимательно следил лорд Корнуоллис, что авангард преследователей часто сталкивался с тылом преследуемых.

[FN-1] Письмо Вашингтона президенту Конгресса, а также письмо от генерала. Грин.—Видео Спаркса.

[FN-2] Индейцы Стокбриджа сражались вместе с американцами в этой битве. Они храбро сражались и жестоко пострадали.

[FN-3] Письмо Вашингтона своему брату Джону Огастину Вашингтону, датированное Хакенсаком 19 ноября 1776 года.

[FN-4] Idem.

[FN-5] "Поведение Майков было самым позорным. Вместо того чтобы встать на защиту своей страны и оказать помощь нашей армии, они делают свои заявления так быстро, как только могут. Если бы майки оказали нам хоть какую—то поддержку, мы могли бы выстоять при Хакенсаке, а затем и при Брауншвейге; но те немногие ополченцы, которые были при оружии, сами распустились и оставили жалкие остатки армии делать из этого все, что в наших силах". - *Письмо Вашингтона своему брату Джону Августину Вашингтону, 18 ноября 1776 г.*

В дополнение к этой череде катастроф сэр Гай Карлтон появился на озере Шамплейн с флотилией, превосходящей флотилию американцев под командованием генерала Арнольда, и которая, казалось, возникла словно по волшебству. Последовали два морских сражения, 11 и 13 октября, которые проходили с неустрашимой храбростью, [FN-1] но привели к поражению Арнольда, уничтожению его флотилии и овладению противником озером и Краун-Пойнт. В начале декабря Род-Айленд также попал в его руки. Силы главнокомандующего в то же время насчитывали всего от двух до трех тысяч человек, и едва ли новый рекрут замещал тех, срок службы которых истекал. И даже те рекруты, которые были снаряжены, были так плохо снабжены офицерами, что почти лишили надежды сформировать армию, от которой можно было ожидать каких-либо эффективных услуг. [FN-2]

[FN-1] Генерал. Гейтс написал полковнику. Тен Эйк, из Тикондероги, 13 октября— "Помолвка началась 11-го и продолжается по сей день. Флот противника намного превосходит наш, и мы

ведем непрерывный бой. Все наши офицеры ведут себя с величайшим воодушевлением". — *МИСС письмо, имеющееся у автора.*

[FN-2] "Различные штаты, невзирая на квалификацию офицера, ссорятся из-за назначений и выдвигают тех, кто не годится на должность чистильщика обуви, из местных приверженцев того или иного члена Ассамблеи". — *Письмо из Вашингтона своему брату, 19 ноября 1776г.*

Хуже всего то, что в штатах Нью-Йорк и Нью-Джерси царил дух недовольства, который не только препятствовал достижению целей верховного главнокомандующего, но и угрожал самым плачевным последствиям для дела. Хотя в Олбани и его окрестностях было много стойких вигов, в этом регионе было много бдительных лоялистов, которые продолжали поддерживать переписку с врагом на протяжении почти всего соревнования. Летом этого года. Генерал Шайлер раскрыл опасный заговор в окрестностях Олбани и арестовал некоторых главарей. Во время осенних операций армии в Нью-Йорке и его окрестностях лишь с величайшим трудом удалось удержать большие части колеблющейся армии при исполнении служебных обязанностей, в то время как другие большие части либо уходили массами, либо оказывались неверными, пока оставались. Поведение ополчения в Форт-Вашингтоне было отмечено. Генерал Грин написал 5 ноября, что ополчение Нью-Йорка под командованием полковника Хоукса Хэя фактически отказалось выполнять свои обязанности. Они сказали, что генерал Хоу пообещал им мир, свободу и безопасность; и это было все, чего они хотели. [FN]

[FN] Искры—Жизнь и Кор. из Вашингтона.

Это лишь некоторые из разочарований, с которыми столкнулся главнокомандующий. Позаимствуя его собственный выразительный язык из частного письма своему брату, процитированного в предыдущем примечании: "Вы не можете составить себе представления о запутанности моего положения. Я полагаю, ни у кого из людей никогда не было большего выбора трудностей и меньшего количества средств, чтобы выпутаться из них ". Тем не менее, последнее солнце того года не скрылось за такой глубокой пеленой мрака, как ожидалось. На севере генерал Карлтон, занявший Краун-Пойнт после разгрома флотилии Арнольда, вернулся в Канаду, не предприняв никаких дальнейших действий; и перед концом года главнокомандующий имел удовольствие объявить, что вместо того, чтобы подражать дурному примеру других, континентальные полки из Восточных Штатов согласились остаться на шесть недель позже срока их призыва. [FN-1] В дополнение к этому были смелое возвращение Вашингтона на Трентон и его блестящая победа над войсками Гессена в этом месте утром 26 декабря. "Это хорошо продуманное и успешное предприятие возродило подавленный дух колонистов и произвело немедленный и радостный эффект в пополнении американской армии". [FN-2]

[FN-1] Письмо из Вашингтона командующему в Морристауне, 30 декабря.

[FN-2] Анналы Холмса.

ГЛАВА VIII.

Продолжение движения в Нью—Джерси—Ликвидация совета—пожар в Онондаге—Округ Трайон—Миссия полковника Харпера в Огквагу—Семья Харперов—Приключение в поселении Джонстон—Поимка Доброго Питера и его группы—Переход Тайенданегеа из Канады в Огквагу—Интервью с преподобным мистером Джонстоном—Сомнительный курс Бранта—Лихорадочное положение людей—Экспедиция генерала Херкимера в Унадиллу—Примечательная встреча Херкимера и Бранта—Обдуманый акт предательства — Настороженность вождя—Совещание внезапно прекращено—Закончилось бурей—Брант уходит в Освиго—Там Большой совет—Индейцы в целом присоединяются к королевскому штандарту—Наступление Бранта на Вишневу долину—Как потерпел поражение—Смерть лейтенанта Вормвуда.

HAVING Обезопасив своих пленников на пенсильванской стороне реки Делавер, генерал Вашингтон обосновался в Трентоне. Но ему недолго разрешалось беспрепятственно владеть им. Собрав свои силы, Корнуоллис быстро продвигался к столице Нью-Джерси, куда он прибыл 2 января. Ближе к вечеру завязалась небольшая стычка, но обе армии расположились лагерем на ночь, не вступая в генеральное сражение — их разделял только ручей Ассумпунк—Крик - и, очевидно, обе ожидали сражения утром. Силы противника, однако, были слишком велики, чтобы американский главнокомандующий мог рискнуть предпринять какие-либо действия. Таким образом, ловким и виртуозным движением оставив свои костры горящими. Генералу Вашингтону удалось уйти незамеченным и проникнуть в тыл противника. Последовала битва и победа при Принстоне, и американская армия двинулась к Морристауну, в то время как Корнуоллис поспешил обратно в Нью-Брансуик, а оттуда в Нью-Йорк — различные подразделения британских войск, которые были рассеяны по Нью-Джерси, были повсюду разбиты.

Возвращаясь после этого экскурса к отношениям Нью-Йорка с индейцами, следует отметить одно событие, характер которого не поддается объяснению. Среди рукописей, сохранившихся в семье героя Орискани, [FN-1] есть речь вождей племени Онейда полковнику Элмору, офицеру, который в начале текущего года командовал фортом Шайлер, объявляющая об окончательном тушении великого пожара совета шести наций в Онондаге. Как центральная нация конфедерации, их генеральные советы с незапамятных времен проводились в замке Онондага, в котором, выражаясь их собственным образным языком, всегда поддерживался огонь ихсовета. Эти советы собирались ежегодно для обсуждения внешних отношений и всех вопросов, представляющих национальный интерес. Они состояли из вождей, делегированных от каждого члена федеративной республики, и иногда насчитывали до восьмидесяти сахемов в ассамблее. [FN-2] Какими средствами было совершено это событие — было ли бедствие результатом эпидемии или войны — речь Онейдаса не сообщает нам; хотя она объявляет о

гибели большого числа воинов онондага в связи с катастрофой. Тем не менее, сделка окутана мраком настолько густым, что затрудняет расследование. Ниже приводится речь: —

[FN-1] Полковник, впоследствии генерал Херкимер.

[FN-2] "Национальный совет принимал во внимание войну и мир, дела народов-данников и их переговоры с французскими и английскими колониями. Все их действия проводились с большой обдуманностью и отличались порядком, благопристойностью и торжественностью. В красноречии, достоинстве и по всем признакам глубокой политики они превзошли собрание феодальных баронов и, возможно, немногим уступали великому амфикионийскому совету Греции". —*Де Уилт Клинтон*.

"Форт Шайлер, 19 января 1777 г.

Речь вождей Онейды полковнику Дж. Элмор.

"БРАТ: Нас послали сюда вожди онейда вместе с онондагами. Они прибыли в нашу деревню вчера. Они сообщили нам печальную новость о том, что пожар на большом совете в Онондаге потушен. Мы потеряли из их города смертью девяносто человек, среди которых три главных сахема. Мы, оставшаяся часть племени онондага, сообщаем нашим братьям, что в столице Шести Наций больше нет огня совета. Тем не менее, мы полны решимости использовать наши слабые усилия для поддержания мира через конфедеративные нации. Но пусть это будет учтено, что огонь совета потушен. Для нашего благополучия важно, чтобы это было немедленно доведено до сведения генерала Шайлера, а также до наших братьев ирокезов. Чтобы осуществить это, мы передаем этот пояс Текеянедонхотте, полковнику Элмору, командующему фортом Шайлер, который направлен сюда генералом Шайлером для решения всех вопросов, касающихся мира. Поэтому мы просим его направить эти разведданные в первую очередь генералу Херкимеру, прося его сообщить об этом в ближайший к нему замок Могавков, а затем майору Фонде, прося его немедленно сообщить об этом в Нижний замок Могавков. Затем пусть пояс будет передан генералу Шайлеру, чтобы он мог знать, что наш огонь совета потушен и больше не может гореть ". [FN]

[FN] Переписано автором с оригинального варианта, переданного генералу Херкимеру полковником Элмором.

Этот уникальный документ достоин сохранения не только как подлинный, но и как единственный зарегистрированный отчет об этом событии. Однако в нем содержится тайна, которую сейчас невозможно разгадать. Тем не менее, поскольку известно, что той зимой в стране онондага не происходило никаких военных действий, наиболее правдоподобным предположением было бы приписать смертность, науказанную в речи, какому-то эпидемическому заболеванию, которое могло охватить их, как это произошло с кантоном Шохари восемнадцать месяцев назад.

В графстве Трайон, которое сейчас требует нашего главного внимания, к концу зимы среди жителей снова возникло сильное беспокойство, особенно в отдаленных поселениях к югу от Мохока, из-за сообщений о скоплении индейцев в Огваге. Тот факт, что их численность в тот

момент увеличивалась, был удовлетворительно подтвержден, и Конгресс провинции Нью-Йорк направил туда полковника Джона Харпера из Харперсфилда, чтобы выяснить их намерения. Приняв все необходимые меры предосторожности, чтобы не застать врасплох и быть готовым к любой чрезвычайной ситуации, разместив офицеров своего полка ополчения *всостоянии покоя*, полковник Харпер отправился на выполнение своей миссии в сопровождении только одного белого человека и одного индейца. Он прибыл 27 февраля и был хорошо принят индейцами, которые проявили совершенно дружелюбное расположение к нему самому, а также к поселениям. Будучи далеки от того, чтобы проявлять какие-либо воинственные намерения, они выразили свое сочувствие бедам страны и заявили о своей решимости не принимать участия в полемике. Убедившись в искренности их заявлений, хотя последующие события показали, что они, должно быть, лицемерили, полковник Харпер организовал праздник и подарил им быка, которого зажарили по этому случаю. [FN]

[FN] Анналы округа Трайон.

Полковник Джон Харпер был одним из четырех братьев — Уильяма, Джона, Александра и Джозефа Харперов, которые вместе с восемнадцатью другими поселились в 1768 году на участке земли, впоследствии получившем название Харперсфилд. После возвращения с этой миссии он некоторое время командовал одним из небольших фортов в Шохари. Однажды, в марте или апреле этого года, он в одиночку совершил поездку из Шохари через леса в Харперсфилд, а оттуда, возвращаясь, направился дальше на запад, к верховьям Саскуэханн. Поднимаясь на холм, он внезапно увидел приближающуюся группу индейцев. Поскольку они обнаружили его, любая попытка улететь была бы тщетной. Они бы его сбили. Надев поверх военной формы шинель, он не сделал попытки избежать встречи, и, проходя мимо, полковник и индейцы обменялись приветствиями. В одном из индейцев он узнал Питера, могавка, которого раньше видел в Окваге. Они, однако, не узнали его; но по его манере речи предположили, что он лоялист, и под этим впечатлением сообщили ему тот факт, что их целью было отрезать "поселение Джонстон", маленькую шотландскую колонию на восточном берегу Саскуэханн, недалеко от Унадилы, или Анакакуа, как иногда называли это место. Получив эту информацию, он изменил курс и, поспешив обратно в Харперсфилд, собрал пятнадцать решительных мужчин, с которыми бросился в погоню за мародерами. В дополнение к оружию полковник приказал каждому человеку из своего маленького отряда запастись провизией на два дня и веревкой. В течение следующей ночи, спускаясь по долине реки Шарлотт, они заметили костер, у которого разбили лагерь индейцы. Остановившись на некоторое время, чтобы освежиться и подготовиться к схватке, полковник и его люди теперь подкрадывались к врагу с предельной осторожностью. Уже почти рассвело, и индейцы погрузились в глубокий сон — их оружие было сложено посреди их маленького лагеря. Они были тщательно удалены Харпером и его спутниками в качестве меры предосторожности. Когда настал момент действовать, выделив каждому своего человека, веревки были приготовлены, и каждый индеец, еще не успев окончательно проснуться, обнаружил себя связанным и в руках врага. Спящий Гулливер не был более надежно защищен от досадной сети лилипутов. Но Питер и его спутники не были связаны лилипутскими узами, и им пришлось иметь дело с другой расой людей. Когда рассвело, Питер обнаружил своего похитителя. "Фу!" - воскликнул он. "Полковник Харпер!— Почему я не узнал вас вчера?" Доблестный полковник проследовал со своими пленными в Олбани и сдал их

начальнику участка. Это было смелое и хорошо выполненное достижение - и тем лучше, что оно было бескровным.

Хотя, как мы уже видели. Полковник Харпер расстался с индейцами в Окваге в самых дружеских отношениях, однако вскоре после этого у этого непостоянного народа проявились признаки иного характера, первой вспышкой которого стало движение Питера, столь своевременно обнаруженное и пресеченное. Тайенданегеа также появился среди них весной, отделившись от Гая Джонсона, между которым и им самим возникли некоторые трудности. Разведанные об отъезде вождя из Канады и марше через всю страну в Окквагу с большим отрядом воинов были получены Комитетом округа Трайон в начале мая из форта Шайлер и доведены до сведения Провинциального конгресса его председателем Исааком Пэрисом. Немалое дополнительное беспокойство в то же время было вызвано духом, заметным среди тори. Многие из тех лоялистов, которые уехали годом ранее с сэром Джоном Джонсоном, тем не менее оставили своих жен и детей в отдаленных поселениях, с которыми они, очевидно, поддерживали связь; в то время как скаутские отряды, как тори, так и индейцев, бродили по северным окраинам графства. [FN]

[FN] МИСС документы в кабинете государственного секретаря, Олбани.

Присутствие хитрого вождя в Оккваге не улучшило миролюбивый настрой туземцев, как будет показано в дальнейшем; хотя сам Брант до сих пор не совершил ни одного враждебного акта в пределах провинции Нью-Йорк. Более того, факт его участия в битве при Кедрах, по-видимому, не был известен в Долине Могавков, поскольку они все еще не были уверены, намеревался ли он поднять топор войны в этом состязании или нет.

Но эта неопределенность длилась недолго. В июне месяце 1777 года вождь могавков поднялся по реке Саскуэханна из Окваги в Унадиллу в сопровождении семидесяти или восьмидесяти своих воинов и попросил о встрече с преподобным мистером Джонстоном и офицерами местного ополчения. Он заявил, что целью его визита было закупить провизию, в которой его народ сильно нуждался. И таковы были их потребности, что, если мирные средства не помогут, индейцам придется добывать их силой.

[FN] Тунадилла - индейское название этого места, и уместность такого изменения неочевидна.

Беседой воспользовались для того, чтобы разузнать у вождя о его будущих намерениях — был ли он сторонником мира или войны; и его ответы были гораздо менее трудными для разгадки, чем загадка Сфинкса. Он жаловался на жестокое обращение, которому, как он утверждал, подверглись некоторые из ирокезов, которые остались после бегства большей части нации, со стороны вигов. Могавки, сказал он, были свободны, как воздух, которым они дышали, и были полны решимости оставаться таковыми; и они не могли смириться с тем, что кто-либо из их братьев был схвачен и заключен в тюрьму, как это было в Замке. Он потребовал, чтобы они были отпущены на свободу и получили разрешение на выдворение из страны. Что касается вопроса о мире или войне, он сказал, что могавки всегда были воинами — что их соглашение с королем было очень прочным, и они не были такими злодеями, чтобы нарушить свой завет.

[FN] Вероятно, по подозрению в ведении переписки с врагом.

Визит продолжался два дня, в течение которых индейцев хорошо снабдили провизией, а при отъезде им разрешили забрать немного живого крупного рогатого скота и овец. Однако жители, рассеянные и немногочисленные, довольно удаленные от какого-либо значительного поселения, больше не чувствовавшие себя в безопасности в своих домах, искали защиты в местах с большей безопасностью — главным образом в Черри-Вэлли, месте их первого проживания, откуда они переехали несколькими годами ранее в долину Саскуэханны. Некоторые из рассеянных поселенцев в районе Унадилли бежали на немецкие равнины, а другие, вероятно, в старые города на Гудзоне.

Индийские силы капитана Бранта продолжают увеличиваться в Огкваге, и беспокойство людей растет с каждым сообщением из той стороны, поэтому генерал Херкимер [FN-1] решил отправиться туда и добиться встречи. С этой целью генерал отправил туда гонца и пригласил вождя встретиться с ним в Унадилле, одновременно двинувшись вперед сам во главе примерно трехсот местных ополченцев из полков полковников Кокса, Клока и Айзенлорда, хорошо вооруженных и обеспеченных. Точная цель, с которой генерал добивался этого интервью с Брантом, по сей день остается скорее предметом догадок, чем уверенности. Несколько разрозненных фрагментов переписки Херкимера, попавших в руки автора, показывают, что это не было внезапным движением; напротив, с генералом Шайлером, полковником Ван Шейком, полковником Харпером и другими консультировались по этому вопросу. По ходатайству Херкимера 15 июня полковник Ван Шейк был направлен ему на помощь со ста пятьюдесятью солдатами, с которыми он направился в Вишневу долину, но не смог продвинуться дальше из-за нехватки провизии. Генерал Шайлер также должен был прибыть туда лично, на случай, если его присутствие будет сочтено необходимым. [FN-2] По видимости, экспедиция была мирной; [FN-3] но масштабы подготовки и физическая мощь экспедиции придавали движению двусмысленный характер; впрочем, не в большей степени, чем поведение Бранта в течение всей весны, поскольку его действия были таковы, что держали умы людей в состоянии лихорадочного возбуждения и постоянной неуверенности. Таким образом, 10 июня полковник Харпер срочно направил генералу Херкимеру письмо с просьбой о поставке боеприпасов в ожидании немедленного вражеского вторжения войск Бранта в долину Шохари-Килл. 13-го Комитет Вишневой долины написал генералу еще более тревожное письмо. Согласно этому заявлению, Брант в связи с некоторыми лоялистами Унадилли проложил тропу прямо через лес к Эзопу, по которой тори графств Ольстер и Ориндж должны были присоединиться к его силам в Окваге; в этом месте вождь хвастался, что вскоре он не будет бояться подхода трех тысяч человек. [FN-4] С другой стороны. Майор Фонда написал 19 июня, что посольство вождей и сахемов народов каюга и сенека отправилось в Огквагу, чтобы выразить Тайенданегеа протест против дальнейших военных действий, последний решил прислушаться к их советам и отступить в страну каюга. В соответствии с этой политикой было добавлено, опираясь на авторитетные источники, что вождь племени ирокезов собственноручно освободил пленника, сказав похитителям, что они действовали неправильно. [FN-5]

[FN-1] Осенью 1776 года Провинциальный конгресс Нью-Йорка назначил трех бригадных генералов народного ополчения, одним из которых был полковник Николас Херкимер. Семья

Херкимер была одной из первых, кто поселился в German Flats, и это имя есть среди имен первоначальных патентообладателей — не *Херкимер*, однако, что является искажением, — а *Эргемор*, которая была истинно немецкой фамилией. *Письмо Л. Форда автору.*

[FN-2] Письма полковников Ван Шейка, Таппера и других среди документов генерала. Документы Херкимера.

[FN-3] Письмо Л. Форда, эсквайра автору.

[FN-4] МИСС письмо Сэмюэля Клайда генералу Херкимеру.

[FN-5] Г-жа письмо майора Джеллеса Фонда, среди бумаг Херкимера.

Таково было неопределенное положение вещей, когда рассматриваемая экспедиция была начата. Брант и Херкимер были ближайшими соседями и личными друзьями до того, как начались неприятности, и, возможно, генерал все еще лелеял веру в то, что он все же может оторвать смуглого воина от дела, за которое тот взялся, но, тем не менее, возможно, не был склонен отступать. Возможно, он не замышлял ничего большего, чем вывести его из двусмысленного положения. Возможно, также, если представится возможность, он намеревался захватить его лично. Но какими бы ни были эти предположения, будет видно, что был по крайней мере один момент, когда он обдумывал более решительный курс.

Резиденция генерала Херкимера находилась недалеко от Небольшого водопада Могавк, недалеко от реки. Его особняк, построенный из кирпича, до сих пор стоит. Ферма Бранта, на которой он проживал, когда разразилась революционная буря, находилась недалеко от Верхнего Индийского замка, примерно в трех милях ниже дома Херкимера. Ферма расположена прямо на берегу реки и в настоящее время представляет большую ценность. Я посетил это место осенью 1835 года. От его последнего знатного владельца не осталось никаких других памятников, кроме подвала его дома и яблонь, которые росли перед его дверью. Они были крепкими и в полном расцвете сил.—*Автор.*

Прошла целая неделя после прибытия генерала Херкимера в Унадилью, прежде чем появился капитан Брант. Он прибыл в окрестности лагеря Генерала в сопровождении пятисот воинов. Остановившись, он отправил гонца к генералу Херкимеру с сообщением, желая, чтобы его проинформировали о цели его визита. Генерал Херкимер ответил, что он просто пришел повидаться и побеседовать со своим братом, капитаном Брантом. Сообразительный посыльный поинтересовался, все ли эти люди тоже желают поговорить с его начальником? Однако он сказал генералу, что передаст свой разговор своему начальнику, но тот приказал ему непересекать поле, на краю которого они стояли, и удалился. Но вскоре с помощью курьеров была достигнута договоренность о встрече. Сцена, показанная во время этого интервью, по рассказам тех, кто при нем присутствовал, была новой и впечатляющей. Теперь противоборствующие стороны расположились лагерем на расстоянии двух миль друг от друга. Примерно на полпути между их лагерями был возведен временный навес, достаточно обширный, чтобы вместить около двухсот человек. По взаимному соглашению их оружие должно было быть оставлено в их соответствующих лагерях. Вскоре после согласования предварительных условий и завершения вышеупомянутых приготовлений сам вождь ирокезов появился на опушке дальнего леса и несколько осторожно приблизился к указанному месту,

уже занимавшему Херкимер, в сопровождении капитана Булла (тори) Уильяма Джонсона (сына сэра Уильяма от сестры Бранта Мэри), подчиненного вождя ирокезов, индианки, а также примерно сорока воинов. После недолгих переговоров генерал Херкимер образовал круг, в который вошли Брант и генерал вместе с другим индейским вождем и двумя офицерами Херкимера. После обмена несколькими замечаниями вождь, не сводя орлиного взгляда со своего гостя, поинтересовался причиной оказанной ему такой чести. Генерал Херкимер ответил, как и в случае с *"авангардным курьером"*, что он прибыл к нему с дружеским визитом. "И все они тоже прибыли с дружеским визитом?" ответил вождь. "Все хотят увидеть бедных индейцев; это очень любезно". добавил он, саркастически скривив губы. Генерал Херкимер выразил желание идти вперед, к деревне, но вождь сказал ему, что он уже достаточно близко и что он не должен двигаться дальше.

[FN] Г-жа изложение фактов, собранных Л. Фордом, эсквайром

Затем генерал попытался завязать разговор с ирокезом о трудностях в отношениях с Англией, чтобы выяснить его чувства и намерения. Конференция теперь стала серьезной и оживленной, хотя поначалу вождь давал Херкимеру уклончивые и пророческие ответы. Однако на вопрос, заданный ему напрямую, он, наконец, ответил: "Что индейцы были заодно с королем, как и их отцы; Что королевские пояса все еще были у них, и они не могли нарушить свое обещание; Что генерал Херкимер и его последователи присоединились к бостонскому народу против своего суверена; Что, хотя бостонцы были полны решимости, король все же смирил их; Что генерал Шайлер был очень умен по отношению к индейцам во время Германо—Равнинного договора, [FN-1] но в то же время не мог позволить себе ни малейшего предмета одежды; И что, хотя бостонцы были полны решимости, король смирил их". наконец, что индейцы раньше воевали с белыми людьми, когда все они были объединены; и поскольку теперь они были разделены, индейцы не были напуганы ". [FN-2]

[FN-1] Перенесено в Олбани.

[FN-2] Анналы округа Трайон.

Полковник Кокс, находившийся в свите генерала Херкимера, затем сделал несколько замечаний, суть которых заключалась в том, что если таково твердое намерение индейцев, то больше ничего говорить не нужно. Но его поведение или некоторые выражения, произнесенные полковником, которые не сохранились, оскорбили шефа. Он был чрезвычайно раздражен; [FN-1] и по сигналу воинов, сопровождавших его на небольшом расстоянии, они побежали обратно в свой лагерь, а вскоре после этого появились снова со своими ружьями, несколько из которых были разряжены, в то время как пронзительный боевой клич разносился по лесу. Тем временем, однако, объяснениями или иным образом, вождя успокоили, а его воинов держали на должном расстоянии, хотя требование генерала Херкимера о сдаче некоторых тори было категорически отклонено. Конференция завершилась соглашением между сторонами встретиться снова в 9 часов утра следующего дня. Генералу Херкимеру и его войскам было запрещено продвигаться дальше, и они, как и прежде, расположились лагерем. [FN-2]

[FN-1] Рукописное изложение Джозефа Ваггонера, находящееся во владении автора.

[FN-2] Idem.

На следующее утро генерал Херкимер отозвал в сторону одного из своих самых надежных людей, по имени Джозеф Ваггонер, с целью конфиденциально сообщить ему о деле огромной важности, в отношении которого было предписано соблюдать строжайшую секретность. Затем он сообщил Ваггонеру, что выбрал его и еще троих человек для выполнения высокого и важного задания, требующего оперативности, мужества и решительности. По словам генерала, его замысел состоял в том, чтобы лишить жизни Бранта и трех его сопровождающих при возобновлении их визита в то утро. Для этой цели он должен положиться на Ваггонера и трех его помощников, которые по прибытии вождя и его друзей в круг, как и накануне, выберут каждого своего человека и по согласованному сигналу застрелят их на месте. Есть что-то настолько отвратительное — такое низкое и подлое - в этом проекте преднамеренного предательства, что его трудно согласовать с известным характером генерала Херкимера. И все же это дано на основании письменного свидетельства самого Ваггонера, чья репутация была столь же респектабельной. Патриотически настроенный ветеран, разрабатывая такой план, вероятно, убедил себя в том, что предполагаемыми жертвами были всего лишь индейцы и что в чрезвычайной ситуации, сложившейся в стране, было бы оправданно творить зло, чтобы могло прийти добро. Это был, однако, в высшей степени предосудительный план — едва ли менее оправданный, чем убийство Екатериной Медичи нескольких вождей гугенотов, которые были приглашены в Париж под видом дружбы накануне Варфоломеевской резни и вероломно унесены ядом; и равный по своей преднамеренной жестокости, хотя и в меньших масштабах, последующему предательству Али-паши Египетского по отношению к мамелюкам, которых он заманил в крепость Каира, и которые были предательски уничтожены ядом. убит. Несмотря на то, что Брант был индейцем, неизвестно, вменялся ли ему какой-либо акт предательства; и он встретился с Херкимером по его собственному приглашению. Предательство его доверия при тех обстоятельствах легло бы пятном на характер провинциалов, которое не смогли бы смыть все воды Могавка.

Однако, к счастью, замысел не был приведен в исполнение. Неизвестно, подозревал ли осторожный вождь что-либо в нечестной игре. Но несомненно, что его предосторожность и манера держаться, когда он прибыл в апартаменты Херкимера, были таковы, что сорвали намеченную цель. Войдя в круг, сопровождаемый, как и прежде, он с достоинством выпрямился и обратился к генералу Херкимеру со следующими словами: "Со мной пятьсот воинов, вооруженных и готовых к битве. Вы в моей власти; но поскольку мы были друзьями и соседями, я не воспользуюсь вашим преимуществом". [FN-1] Сказав эти слова, по сигналу из прилегающего леса выскочило множество его вооруженных воинов, все раскрашенные и готовые к нападению, как гласил хорошо известный боевой клич, но слишком ясно провозглашенный. Шеф продолжил беседу, посоветовав генералу возвращаться к себе домой, поблагодарил его за вежливость, позволившую проделать такой долгий путь, чтобы повидаться с ним, и сказал, что, возможно, когда-нибудь он ответит на этот комплимент. Тем временем, сказал он, он вернется в свою деревню, а пока генерал может быть уверен, что индейцы не предпримут никаких военных действий. Затем он попросил разрешить преподобному мистеру Стюарту, английскому миссионеру в Форт-Хантере, удалиться в Канаду, как и жене полковника Батлера. На эти просьбы генерал Херкимер согласился, хотя последнее не было выполнено. Затем он подарил индейцам десять или дюжину голов крупного рогатого скота, на которых они набросились и без

промедления забили. [FN-2] Сам Брант гордо отвернулся и скрылся в лесу, в то время как генерал Херкимер свернул свои палатки и вернулся по своим следам в долину Могавка.

[FN-1] Рукопись Ваггонера.

[FN-2] Idem.

Так завершилась эта в высшей степени необычная конференция. "Было начало июля, и утро было удивительно ясным и прекрасным. Но едва затихло эхо боевого клича, как небеса почернели, и сильная буря вынудила каждую сторону искать ближайшее укрытие. Люди, менее суеверные, чем многие неграмотные йомены, которые, опираясь на свое оружие, были свидетелями событий того дня, впоследствии не могли не вспоминать о буре, если не как о предзнаменовании, то по крайней мере как о символе тех кровавых расправ, с которыми эти индейцы и их сообщники впоследствии обрушились на жителей этой злополучной границы". [FN]

[FN] Анналы округа Трайон.

Это была последняя конференция, проведенная с враждебно настроенными ирокезами. Их вождь очень скоро после этого отозвал своих воинов из Саскуэханны и объединил их с силами сэра Джона Джонсона и полковника Джона Батлера, которые концентрировали тори и беженцев в Освиго. Примерно в то же время офицеры британского министерства по делам индии созвали генеральный совет шести наций, который должен был состояться в этом месте; и вполне вероятно, что Брант прибыл на этот пост со своими воинами по этому случаю. По словам Рамзи, приглашения на этот совет были разосланы Гаем Джонсоном, индейцев попросили собраться, "чтобы съесть плоть и выпить кровь бостонца". Однако этот язык понимался фигурально — подразумевалось зажаривание быка и пир.

Когда совет был собран, дело открыли британские уполномоченные, которые сообщили вождям, что их целью при созыве собрания было заручиться их помощью в усмирении мятежных колоний, население которых восстало против доброго короля, своего повелителя, и собиралось отнять у него большую часть его богатств и владений. В качестве стимула поступить на службу им было обещано обильное вознаграждение. Вожди в ответ, или, скорее, те из них, кто не желал вступать в войну, проинформировали британских офицеров о договоре в Германских равнинах и Олбани, по которому они обязались не принимать участия в конфликте, и участники этого соглашения повторили свою решимость соблюдать договор и не поднимать топор войны против своих белых соседей.

[FN] Единственный отчет об этом великом индейском совете (помимо простого заявления о том, что такой совет был проведен), который автору удалось обнаружить, - это рассказ Мэри Джеемисон, белой женщины, которая, будучи захваченной в плен близ Питтсбурга в 1755 году, ребенком, после того как ее родители были убиты, была воспитана индейцами и фактически стала одной из них во всем, кроме своего рождения и цвета лица. Она вышла замуж за индейца,

дожила до очень преклонного возраста и умерла среди них. Она присутствовала на этом соборе; и из того факта, что правдивость других частей ее интересного повествования подтверждается другими авторитетами, ее заявление может быть воспринято как по существу правильное. Жизнь этой замечательной женщины, умершей всего несколько лет назад, была опубликована Джеймсом Д. Бемисом из Канандайгуа. В дальнейшем мы будем несколько раз ссылаться на это.

Дискуссии затянулись, и мольбы уполномоченных не возымели никакого действия против решимости индейцев сохранять свою добрую волю до тех пор, пока они не справятся со своей алчностью, "сказав им, что население колоний малочисленно и будет легко покорено; и что из-за своего неповиновения королю они справедливо заслуживают всех наказаний, которым белые люди и индейцы могли их подвергнуть. Король, - говорили они, - был богат и могуществен, как деньгами, так и подданными. Его рома было так же много, как воды в озере Онтарио, а его людей так же много, как песков на его берегу; и индейцев заверили, что если они окажут помощь в войне и будут упорствовать в своей дружбе с королем до ее конца, они никогда не будут нуждаться в товарах или деньгах ". [FN] Победенные их настойчивой назойливостью и более прямыми и ощутимыми призывами к их чувствам, в богатой демонстрации безвкусовых предметов, рассчитанных на то, чтобы удовлетворить их фантазии, индейцы доказали, что изменили своему обещанию верности Колониям и заключили союзный договор. с Великобританией — обязуются поднять топор войны против мятежников и продолжать служить его Величеству до тех пор, пока они не будут усмирены.

[FN] Жизнь Мэри Джеймсон, написанная в 1823 году.

По завершении договора каждому индейцу подарили костюм, медный котелок, ружье, томагавк и нож для снятия скальпов, некоторое количество боеприпасов, золотую монету и обещание награды за каждый скальп, который они принесут. "Таким образом, богато одетые и снаряженные, индейцы вернулись в свои дома после двухнедельного отсутствия, полные огня войны и нетерпеливого ожидания встречи со своими (новоявленными) врагами".

[FN] Медные чайники, полученные в Освего сенеками (к племени которых принадлежала Мэри) по случаю, упомянутому в тексте, все еще использовались в этой стране вплоть до 1823 года.

С того дня Тайенданегеа был признанным вождем Шести наций, и вскоре он стал одним из вдохновителей разношерстных сил, задействованных Великобританией в ее попытках вернуть долину Мохок и досаждать другим поселениям того, что тогда составляло Северо-западную границу. Независимо от того, проводил ли он кампанию или разведывательный отряд, в решающем сражении или вылазке, этот хитрый и бесстрашный вождь, несомненно, был одним из самых эффективных, поскольку он был одним из самых храбрых из тех, кто участвовал в сражении. Сочетая с природной твердостью и проницательностью своей расы преимущества образования и цивилизованной жизни, — приобретая которые, он ничуть не утратил своей активности или выносливости, - он стал самым грозным пограничным врагом, с которым приходилось бороться жителям Провинции, и его имя наводило ужас на страну. Его движения

были одновременно такими тайными и такими быстрыми, что казалось, он почти облечен силой вездесущности.

Считается, что первая из его враждебных демонстраций в колонии Нью-Йорк была предпринята в мае месяце, предшествовавшем беседе с генералом Херкимером; хотя из околоокеанских контактов, которые поддерживались с ним еще несколько недель, этот факт не был тогда достоверно известен. Заселение Вишневой долины было начато в 1739 году; и из-за некоторых угрожавших индейцам волнений отряд войск был размещен там еще в 1763 году. Но никаких военных сооружений возведено не было, и разразившаяся революционная война сделала это место беззащитным. Однако, пока Брант собирал своих воинов в Огкване, жители вспомнили о необходимости обороны. Но, не имея средств для проведения каких-либо масштабных работ, дом полковника Сэмюэля Кэмпбелла был выбран как самый большой, прочный и наиболее подходяще расположенный для военных целей. Вокруг этого здания была насыпана грубая насыпь из бревен и земли, настолько увеличенная в размерах, что включала в себя также два больших амбара. Все эти здания были укреплены и снабжены пуленепробиваемыми дверями и ставнями. Внутри ограды также были возведены небольшие блочные дома, и в это место в минуты опасности и тревоги бежали жители в поисках защиты. Было объявлено военное положение, и никому не разрешалось ни входить в поселение, ни покидать его без разрешения.

Ближе к концу мая, вскоре после того, как эти меры предосторожности были приняты, Бранту пришла в голову идея совершить нападение на поселение с целью либо убить, либо взять в плен основных жителей, особенно бдительных членов Комитета. На предыдущей странице было указано, что среди мер предосторожности, принятых в предыдущем году, освобожденные от воинской обязанности организовались в добровольческую роту. Военная лихорадка, конечно, передавалась от отца к сыну; и поскольку население значительно увеличилось за счет прибытия дальних поселенцев в поисках безопасности, было собрано значительное количество мальчиков, которые сформировали кадетский корпус, не имевший лучшего вооружения, чем деревянные мечи и пистолеты. Случилось так, что эти юные солдаты маршировали по эспланаде перед домом полковника Кэмпбелла в тот самый час, одним ярким солнечным утром, когда Брант и его отряд воинов, тайно прибывший из Окваги, осматривали пост под прикрытием густых зарослей, окаймляющих вершину холма примерно в миле от них. Поскольку обзор ему несколько загораживал кустарник, шеф принял парней *занастоящих* солдат. Заметив подобие ранее описанного укрепления, капитан Брант отвел свой отряд в удобное укрытие недалеко от дороги, ведущей к реке Мохок, и там устроил засаду с целью получения такой информации, которая могла случайно оказаться у него на пути. Недалеко от того места, где вождь лежал, укрывшись за большим камнем, "дорога вилась вдоль края утеса, нависающего над каменистой ложиной глубиной в сто пятьдесят футов. Эта пропасть была затенена вечнозелеными растениями, и вся сцена была темной даже в полдень. Дикость этого места усиливалась из-за того, что горный поток низвергался в мрачную пропасть, называемую индейцами водопадом Текахарава".

[FN] Анналы округа Трайон.

Случилось так, что утром того дня лейтенант Вормвуд, многообещающий молодой офицер из Палатина, из богатой семьи, был отправлен в Вишневую долину с информацией властям о том, что на следующий день отряд из полка ополчения полковника Клока выступит на их защиту.

Лейтенант был ближе к вечеру. Вормвуд отправился в обратный путь к "Ирокезу" в сопровождении доставщика некоторых донесений по имени Питер Ситц. Садясь на лошадь в деревне, он бросил свой чемодан, заметив, что ему не нужно брать его, так как он должен вернуться на следующее утро со своей компанией. Он был хорошо оседлан и богато одет "в костюм из бархата пепельного цвета, который привлек много внимания во время его пребывания здесь"; и многие люди оставались у дверей, любуясь благородной осанкой молодого патриота, пока он не скрылся за гребнем холма в направлении Текахаравы. Едва, однако, топот копыт затих у них в ушах, как из долины донесся мушкетный залп — за ошеломляющим выстрелом быстро последовала лошадь солдата, возвращавшаяся во весь опор, седло было обагрено кровью. Подозрения самого неприятного свойства сразу же вспыхнули в умах людей, и была немедленно направлена группа для расследования обстоятельств. Той ночью они вернулись безуспешно, но на следующее утро тело Вормвуда было найдено за вышеописанной скалой, скальпированное и безжизненное. Позже выяснилось, что, когда Вормвуд и Ситц приблизились к скале, их окликнули, но вместо ответа они пришпорили своих лошадей и попытались проехать мимо. Будучи обстрелянным, лейтенант Вормвуд упал раненым, как и лошадь Ситца. Индейцы бросились вперед из своей засады, и Ситц был взят в плен; в то время как доблестный офицер был скальпирован собственной рукой Бранта. Говорят, что вождь оплакивал смерть этого молодого человека. Они были не только знакомыми, но и друзьями; и в него открыли огонь, предположив, что он офицер континентальной армии. Депеши, доставленные Ситцем, были двойными, и, к счастью, у него хватило присутствия духа уничтожить подлинные и передать поддельные документы своим жестоким похитителям. Обманутый таким образом относительно реальной силы в Черри-Вэлли, Брант отступил, не совершив больше никаких враждебных действий. Полковник Клок прибыл в Вишневую долину на следующее утро в сопровождении убитого горем отца убитого офицера, которого оплакивали все, кто его знал.

[FN] Анналы округа Трайон,

Другим совпадающим событием, которое является подходящим завершением настоящей главы, стала трагическая гибель великого вождя племени Шаванез, *Корнстока*, и его доблестного сына, *Эллинипсико*; обоих будут помнить как храбрых индейских вождей в битве при Канхаве, последнем сражении Кресапской войны, в 1774 году; и теперь оба они были так же подло убиты белыми людьми, как и семья Логана. Обстоятельства, сопутствовавшие этой грязной сделке, были таковы: — Корнсток после поражения своих воинов при Пойнт-Плезанте и последующего заключения мирного договора с лордом Данмором стал искренним другом колоний; и в то время как индейцы Северо-Запада в целом готовились взяться за оружие против англичан, он прилагал все усилия, чтобы не допустить какого-либо участия своей нации в этой борьбе. Но влияние британских агентов и пример окружающих индейских народов были настолько сильны в умах шаванцев, что Корнсток понял, что его мирные усилия, скорее всего, окажутся тщетными. При таких обстоятельствах он отправился в форт, который был возведен в Пойнт-Плезант после битвы при Канхаве, чтобы изложить суть дела командующему офицеру — капитану Арбаклу - и воспользоваться его советом. В этой миссии его сопровождал молодой вождь Делаверов по имени *Редхок*, который также сражался бок о бок с ним в войне при Кресапе. Подробно описав положение дел с индейцами на северо-западе и откровенно признав, что по уже указанным причинам он не сможет помешать шаванцам взяться за топор

войны за корону, комендант форта счел целесообразным задержать старого вождя вместе с его делаварским товарищем в качестве заложников за хорошее поведение их народа. Они остались не по своей воле — мало предвидя ожидавшую их судьбу — и предоставили всю информацию об индейцах и их стране, которую могли пожелать американцы.

Обеспокоенный затянувшимся отсутствием отца, Эллингпико, его сын, отправился в погоню и выследил его до форта, где у них состоялась дружеская встреча. К несчастью, на следующий день после прибытия молодого воина в Пойнт-Плезант двое белых мужчин, пересекавших Канхаву в охотничьей экспедиции, были обстреляны несколькими отставшими индейцами, и один из них, по имени Гилмор, был убит. Другой сбежал. Как только стало известно о смерти Гилмора, поднялся крик о мести, и группа головорезов собралась под командованием капитана Холла — не для того, чтобы преследовать и наказать виновных в убийстве, а для того, чтобы напасть на дружелюбных и миролюбивых индейцев в форте. Вооружившись и взведя курки ружей, они направились прямо к маленькому гарнизону, угрожая смертью любому или всем, кто воспротивится их гнусным замыслам. Кто-то из друзей вождей заложников попытался предупредить их заранее о приближающейся опасности, но разъяренная толпа, вероятно, слишком близко следовала по пятам за гонцом, чтобы позволить им сбежать. Говорят, что Эллингпико, услышав шум снаружи, был несколько взволнован. Не таков ветеран Корнстока. Он слишком часто сталкивался со смертью на тропе войны, чтобы бояться ее приближения сейчас. Заметив волнение своего сына, он спокойно заметил: *"Сын мой, Великий Дух счел нужным, чтобы мы умерли вместе, и послал тебя с этой целью. Такова его воля, и давайте подчинимся,"* Разъяренная толпа теперь ворвалась в квартиру жертв; Корнсток упал, пронзенный семью пулями, и умер без борьбы. Сын, послушавшись увещаний отца, хладнокровно встретил свою судьбу и был застрелен прямо на сиденье, на котором сидел. Ред-хок, молодой делавар, умер с меньшей стойкостью. Он спрятался, но был обнаружен и убит. Другой дружественный индеец, находившийся в то время в форте, был также убит, и его тело было искалечено варварами таким образом, который опозорил бы дикарей любой другой комплекции. "Так, - говорит индийский хронист, - в 1774 году погиб могущественный Кукурузник, сахем шаванцев и король Северной конфедерации — вождь, отличавшийся многими великими и хорошими качествами. Он был склонен всегда оставаться другом белых людей, поскольку всегда выступал за достойный мир. Но когда несправедливость его страны вызвала его на битву, он стал громом войны и заставил своих врагов почувствовать тяжесть его руки. Его благородная осанка, его великодушная и бескорыстная привязанность к Колониям, его стремление сохранить границы Виргинии от опустошения и смерти - все это было направлено на то, чтобы завоевать к нему уважение других; в то время как несвоевременный и вероломный характер его смерти вызвал глубокое и длительное чувство сожаления, проникшее в сердца даже тех, кто был врагами его нации, и возбудило справедливое негодование всех по отношению к его бесчеловечным убийцам".

"Индийские хроники" [Ф. Н.] Уизерса, цитируемые Дрейком,

Тот факт, что такая грязная сделка могла произойти на любом регулярно установленном посту, свидетельствует о печальном недостатке военной дисциплины. Команда Арбакла, однако, должна была быть небольшой, поскольку он не только воспротивился совершению бесчинства, но и совершил вылазку в компании с другим капитаном, по имени Стюарт, с целью перехватить

негодяев и помешать осуществлению их замысла. Но все увещевания были напрасны. Разъяренные нападавшие, бледные и дрожащие от ярости, приставили свои винтовки к груди этих офицеров, угрожая им немедленной смертью, если они встанут у них на пути. Было сказано, что Корнсток предчувствовал свою смерть в то утро, когда она произошла. Был созван совет для рассмотрения какого-то важного дела, связанного, вероятно, с делами индейцев, поскольку старый вождь принимал участие в обсуждениях. В ходе одной из своих речей, произнесенных по этому случаю, он с ударением сказал совету: *"Когда я был молод, каждый раз, отправляясь на войну, я думал, что, возможно, больше не вернусь; но я все еще был жив; Теперь я в ваших руках; вы можете убить меня, если захотите. Я могу умереть только один раз, и мне все равно, умру ли я сейчас или в другое время."*[FN]

[Ф.Н.] "Войны с индейцами" Доддриджа, стр. 238-240.

Индийская биография нашей страны содержит лишь несколько дополнительных фактов, касающихся жизни этого храброго и справедливого человека. У него был сын, известный среди белых как *Волк*, чье имя было несколько заметно связано с более ранними событиями Революции. Волк вместе с тремя другими был заложником в Уильямсбурге, штат Вирджиния, во время посадки лорда Данмора на борт британского флота. После побега его светлости он попросил и добился встречи с Волком и его сообщниками на борту его корабля; во время которой он объяснил им причины своего бегства и призвал их тоже бежать, как единственное средство спастись от ярости революционеров. Приняв этот совет, они по возвращении на берег ушли в лес. Следующая ночь выдалась на редкость темной. Один из спутников Волка отделился от своих собратьев и пропал. Остальные вскоре после этого вернулись в Уильямсбург, где были хорошо приняты жителями. Что дальше постигло Волка или дом Корнстока, неизвестно.

ГЛАВА IX.

Подготовка Великобритании к ведению войны—Указания на Севере—Сомнительная позиция и поведение генерала Хоу—Позор для американцев—Перехваченная переписка—Генерал Хоу отплывает в Чесапик—С триумфом входит в Филадельфию—Бергойн приближается с Севера—Политика в отношении Индии—Сэр Гай Карлтон—Ложные оценки силы Тикондероги—Бергойн прибывает в Краун—Пойнт—Устраивает пир индейцам—Захватывает Тикондерогу—Проводит внешние укрепления—Укрепляет Шугар—Хилл—Крепость, эвакуированную Сент—Клером—

Отступление американцев — Сражения близ Скинборо и у Форт—Энн—Бургойн входит в долину Гудзона—Шайлер без средств отступает из форта Эдвард—Ужас народа-Жестокость индейцев-История мисс М^сКреа-Всеобщее бегство населения-Миссис Энн Элиза Бликер — Героизм миссис Шайлер—Попытка убийства генерала Шайлера.

ПОТЕРПЕВ неудачу в своих попытках подавить восстание в течение предыдущего года, правительство метрополии решило проявить еще большую энергию в настоящем. С этой целью в Канаде были организованы мощные силы, командование которыми было передано сэру Гаю Карлтону — между прочим, самому способному британскому генералу в то время или впоследствии в Америке — и передано генералу Бергойну — офицеру, также обладавшему неоспоримыми достоинствами, — чей дух предприимчивости и жажду военной славы невозможно было превзойти. Целью этой северной армии было открыть сообщение между Канадой и Нью-Йорком, отрезав таким образом Новую Англию, которую министерство справедливо считало очагом Революции, от всякого сообщения со Средними Штатами; в то время как сэр Уильям Хоу с армией в 16 000 человек должен был уйти из Нью-Джерси, одновременно двинуться к Чесапику и овладеть Средними Штатами; и таким образом, как надеялись, заставить всех вернуться к своей верности.

Однако в течение нескольких месяцев сомнения нависали над намерениями противника, замыслы которого были так искусно завуалированы, что на долгое время почти парализовали усилия американцев. Отступление Карлтона с озера Шамплейн предыдущей осенью, даже после того, как озеро оказалось в его власти, а Краун-Пойнт - в его владении, наводило на сомнения, планировалось ли серьезное вторжение с этой стороны. Напротив, у всех сложилось впечатление, что экспедиция Бергойна была направлена против Бостона; и что сэр Уильям Хоу, чьи передвижения в Нью-Джерси были загадочны до недоумения, должен был сотрудничать в попытке вновь подчинить себе Новую Англию. Считается, что само британское правительство внесло свой вклад в отвлечение внимания Конгресса и американского командующего, распространив сообщения о том, что Бостон должен был стать следующим пунктом атаки. Артуру Ли, находившемуся в то время в Бордо, сообщили об этом конфиденциально, и он, не теряя времени, сообщил о таком предполагаемом намерении Секретному комитету Конгресса, который, в свою очередь, передал аналогичную информацию Главнокомандующему, а также законодательному собранию Массачусетса. Последствия этих отвлекающих факторов были печальными для американцев. Подготовке к обороне Севера уделялось меньше внимания, чем было бы уделено в противном случае; в то время как Массачусетс, опасаясь, что все его силы потребуются для собственной обороны, приступил к набору войск для собственной защиты за счет основной армии, из которой была удержана квота рекрутов. [FN]

Письма из Вашингтона за май, июнь и июль 1777 года.

Однако еще до конца июня замыслы противника в отношении Севера стали очевидны. Человек из Канады, арестованный как шпион и доставленный к генералу Шайлеру, заявил на допросе, "что британские войска приближаются к Сент-Джонсу и должны были наступать через озеро Шамплейн под командованием генерала Бургойна; а также что отряд британских войск, канадцев и индейцев, должен был проникнуть в страну через Освего и долину Мохок. Он добавил много подробностей, касающихся численности и устройства британской армии,

которые в конце концов оказались почти точными, но о которых ранее не было получено никаких разведданных или которые многие ожидали". [FN]

[Ф.Н.] Искры—Заметка из журнала Life и Кор. из Вашингтона, том iv.

Действия генерала Хоу все еще оставались двусмысленными даже после того, как Бергойн начал свое наступление на Север, что усугубляло замешательство Вашингтона. И для того, чтобы более определенно ввести американского командующего в заблуждение относительно его истинных намерений. Генерал Хоу написал Бергойну фальшивую депешу на предмет восхождения по Гудзону, чтобы присоединиться к нему, податель которой намеренно попал в руки американцев, притворяясь, что направляется в Канаду. Неспособный, следовательно, определить, не входило ли это в его планы (хотя перехваченная депеша была воспринята с большим подозрением) или, с другой стороны, не могло ли быть целью Хоу пройти в обход Чесапика и оттуда нанести удар по Филадельфии, американский генерал был вынужден бездействовать, наблюдая за его передвижениями, укрепляя, тем временем, в меру своих сил, свои позиции в горной местности — не имея возможности выделить какое-либо большое количество войск на помощь генералу Шайлеру, командовавшему в то время Северным департаментом. И даже после того, как генерал Хоу погрузил свои войска и высадился в Сэнди—Хук, эвакуировав Нью-Джерси 30 июня [FN-1], Вашингтон все еще сомневался, не собирается ли он вернуться с приливом и пройти вверх по реке ночью. [FN-2] Такое, однако, не входило в план британского командующего. Его пунктом назначения, когда он покинул гавань Нью-Йорка, были Чесапик и Филадельфия; и последнее направление кампании, указанное в начале настоящей главы, было настолько успешным, что после ряда побед над войсками генерала Вашингтона, начавшихся при Брендивайне и закончившихся при Джермантауне, генерал Хоу овладел столицей Пенсильвании и обосновался в ней.

[FN-1] Приятным свидетельством здравых религиозных взглядов Вашингтона является то, что он твердо верил в непосредственное вмешательство Провидения в управление делами людей. Его письма изобилуют отрывками, которые можно было бы процитировать, свидетельствующими о его способности распознавать перст Провидения и его готовности сделать признание. Так, в отношении отъезда генерала Хоу из Нью—Джерси он говорит: "Эвакуация Джерси в это время, по-видимому, является своеобразным знаком Провидения, поскольку у жителей есть возможность сохранить свои урожаи сена и зерна, последнее из которых, по всей вероятности, постигла бы та же участь, что и многие фермерские дома, если бы оно было достаточно зрелым, чтобы загореться". —*Письмо Вашингтона генерал-майору Дж. Армстронг, 4 июля 1777 г.*

[FN-2] "Если бы мы были уверены, что ген . Если бы Бургойн приближался к Тикондероге со всей своей армией, я бы ни минуты не колебался, заключив, что это следствие заранее согласованного плана с генералом . Хау, и что последний должен сотрудничать с ним, направив все свои силы вверх по Норт-Ривер и нацелив удар в первую очередь и немедленно на Хайлендс". —*Письмо Вашингтона президенту Конгресса, 2 июля.* И снова, в нескольких письмах подряд, после высадки армии генерала Хоу со Стейтен-Айленда, Вашингтон говорил о замешательстве, в котором его держали меняющиеся маневры флота. 22 июля он писал: "Я не могу дать вам какой—либо определенный отчет об операциях генерала Хоу. Его поведение

вызывает недоумение и смущение сверх всякой меры; таковы и сведения, которые я получаю. В какой—то момент корабли стоят по направлению к Норт-Ривер; через некоторое время они поднимаются вверх по проливу; и через час после этого они снимаются с Крючка ". - *Письмо генералу Шайлеру*. Флот действительно отплыл к мысам Виргинии 23 июля.

Но "гербу Бергойна" сопутствовала совсем иная судьба. Регулярные войска под его командованием, английские и немецкие, насчитывали более семи тысяч человек, к которым добавилось большое количество американских и канадских лоялистов, а также много сотен индейцев; вид войск, которые, по мнению британских историков, сэра Гай Карлтон использовал неохотно, в то время как генерал Бергойн, как утверждалось, не испытывал подобных угрызений совести. Всегда считалось добродетелью Карлтона и ставилось в заслугу его гуманности то, что вместо того, чтобы нанять индейцев, он смирился с несправедливостью, заключавшейся в том, что командование этой экспедицией, по праву принадлежащей ему, было возложено на офицера, который не имел права руководить предприятием. Возможно, из его более глубокого знания характера индейцев верно, что у него сложилась такая оценка их услуг, что он несколько менее оптимистично, чем другие, оценивал их ценность. Его опыт не мог не научить его степени их бесполезности на войне, капризности их характера, их несговорчивости и непостоянству. Он должен был знать, что их представления о войне полностью отличались от представлений цивилизованных наций; по причине чего, несмотря на их свирепость и невероятные примеры пассивной доблести, которые они иногда демонстрируют в случаях, соответствующих их собственным мнениям, они, тем не менее, были совершенно равнодушны к тем воинственным обычаям, которые считаются почетными, великодушными и справедливыми в современной службе цивилизованных людей, и смотрели на них с презрением. Он не мог не знать о том факте, что цель и замысел большинства войн, в которых участвуют индейцы, состоят не столько в том, чтобы побеждать мужественно и в открытом бою, сколько в том, чтобы убивать и разрушать на свой особый манер. Одним словом, этот опытный офицер очень хорошо знал, что служба индейцев ненадежна, их алчность ненасытна, их вера во все времена сомнительна, а их действия жестоки до варварства. Тем не менее, как мы уже убедительно показали, он был одним из первых, кто обратился за помощью к альянсу и заручился услугами Бранта и его могавков, когда они прибыли в Монреаль в 1775 году. Таким образом, похвалы, оказанные сэру Гаю Карлтону по этому поводу за счет Бергойна, были столь же незаслуженны одним, сколь несправедливы по отношению к другому. Верно, марш Бергойна был пролит кровью, которую благородный офицер не хотел бы проливать таким образом; но поступь Карлтона могла бы быть столь же оптимистичной, если бы командование было доверено ему.

[FN] Однако справедливо по отношению к этому доблестному, но неудачливому офицеру заявить, что он сделал все, что было в его силах, чтобы сдержать бесчинства и варварство индейцев. На совете и военном пиршестве, которые он устроил им близ Краун-Пойнта, он попытался объяснить им законы цивилизованной войны; и потребовал от них, чтобы они убивали только тех, кто противостоит им с оружием в руках; что старики, женщины, дети и пленники должны быть защищены от ножа или топора даже в пылу битвы. Но это ни к чему не привело.

Вероятно, никогда в то время не существовало армии равной численности, лучше укомплектованной, чем у Бергойна. Бронебойная артиллерия, в частности, была, пожалуй,

лучшей из всех, когда-либо выделенных армии, немногим превосходящей нынешнюю по численности, и какое-то время победа, казалось, зависела от его знамен.

Следует помнить, что генерал Карлтон прошлой осенью овладел озером Шамплейн и укреплениями в Краун-Пойнте. Таким образом, первым объектом для атаки, представившимся генералу Бергойну, была Тикондерога, расположенная в горном ущелье— через которое воды озера Джордж впадают в озеро Шамплейн. Этой крепостью в то время командовал генерал Сент-Клер, и американцы считали ее очень надежным постом. Главная крепость, руины которой до сих пор сохранились в мрачном и суровом виде, была расположена на участке суши, который с трех сторон окружен водой, заполненной камнями. Большая часть южной стороны была покрыта глубоким болотом; и там, где оно заканчивалось, в северо-западной четверти, старые французские линии служили защитой. Эти линии были укреплены дополнительными работами и блок-хаусом. У американцев были другие оборонительные сооружения и блокпосты в направлении Лейк-Джорджа, а также два новых блокпоста и некоторые другие сооружения справа от французских позиций. Еще большие усилия были приложены к укреплению высокого круглого холма на восточном берегу залива напротив, известного как гора Индепенденс. На вершине этой горы, представляющей собой плоскогорье, американцы возвели звездный форт, окружавший большой квадрат казарм, хорошо укрепленных и снабженных артиллерией. Подножие горы, с западной стороны выступающее в воду, было прочно укреплено до самого ее края, а окопы укреплены тяжелой артиллерией. Эти нижние сооружения поддерживались и прикрывались батареей, расположенной примерно на полпути вверх по склону горы, и были соединены мостом через залив, который был построен с большим трудом и затратами. [FN-1] Эти и другие оборонительные сооружения были признаны достаточными для обеспечения безопасности поста. Сам главнокомандующий, хотя укрепления и не подвергались его личной проверке, составил весьма ошибочное мнение об их прочности или, возможно, правильное выразиться, о естественных преимуществах позиции и обороноспособности укреплений. [FN-2] Фактически, его уверенность в "Пост" была такова, что, судя по его переписке, мысль о ее потере вряд ли приходила ему в голову.

[FN-1] Лондонский журнал "Юниверсал", апрель 1782г.

[FN-2] "Я рад узнать из вашего письма Конгрессу, что в Тикондерогу переброшен значительный запас провизии. Поскольку это так, я не вижу причин опасаться, что она может попасть в руки врага за короткое время, даже если они соберут все свои силы в точку; но если они разделят их для проведения различных атак, о которых вы упоминаете, у генерала Сент—Клера, по всей вероятности, будет возможность действовать в обороне; и если он не добьется полного успеха, он может нанести им такой значительный урон, что они не смогут атаковать его в ходе его действий; к которым, я осмелюсь сказать, он всегда обеспечит отступление в случае несчастного случая". *Письмо Вашингтона генералу Шайлеру, 2 июля 1777 г.*

Но во всех своих работах американские инженеры упустили из виду высокий пик, или гору, называемую Шугар-Хилл, расположенную к югу от моста, на мысе у слияния вод озер Джордж и Шамплейн. Первоначально предполагалось и считалось само собой разумеющимся, что гребень Сахарного холма был не только неприступен, но и слишком удален, чтобы иметь какую-либо пользу для прикрытия главной крепости. Это мнение было ошибкой, на которую в предыдущем году обратил внимание офицеров полковник Джон Трамбулл, в то время генерал-

адъютант Северного департамента. Когда полковник Трамбулл высказал это предположение, над ним посмеялись из-за беспорядка; но вскоре он доказал большую точность своего собственного видения, сделав пушечный выстрел до вершины; и впоследствии взобрался на вершину в сопровождении полковников Уэйна и Арнольда. [FN] Со стороны американцев было преступным пренебрежением, что оплошность не была немедленно исправлена путем создания в этом месте работы, которая заняла бы весь пост.

[FN] Беседы автора с полковником Джоном Трамбуллом, а также его неопубликованные мемуары, к которым автор имел доступ.

Генерал Бергойн прибыл в Краун-Пойнт 21 июня; и после встречи и угощения индейцев, попытки проинструктировать их о правилах и принципах цивилизованной войны и проведения других необходимых приготовлений — не забыв разослать манифест, который, как он предполагал, посеет ужас в Северных колониях, — он с большой осторожностью двинулся к захвату Тикондероги, куда прибыл 2 июля. Самым необъяснимым образом американцы немедленно бросили все свои работы в направлении Лейк-Джорджа — подожгли блокпосты и лесопилки; и без вылазки или других помех позволили противнику под командованием генерал-майора Филлипса овладеть очень выгодным постом Маунт-Хоуп, который, помимо опасного господства над их линиями, полностью перерезал их сообщение с Лейк-Джорджем. Единственное оправдание для столь раннего оставления этого важного пункта было найдено в том факте, что у генерала Сент-Клера не было достаточных сил, чтобы укомплектовать всю свою оборону.

Одним из первых объектов, привлечших внимание британского командующего, была незанятая точка Шугар-Хилл. Он был немедленно осмотрен, и его преимущества оказались настолько велики, что были немедленно приняты меры для его заселения. К его вершине была проложена извилистая дорога, построена батарея, и туда перевезли пушки для ее обслуживания. При таких обстоятельствах, чувствуя себя окруженным со всех сторон и батареи, готовые обрушиться на него не только со всех сторон, но и сверху, и не имея, кроме того, и половины войск, достаточных для выполнения своих задач, св. 5 июля Клер поспешно созвал военный совет, и было единогласно принято решение об эвакуации как единственной альтернативе чрезвычайной ситуации. [FN]

[FN] "Эвакуация Тикондероги и горы Индепенденс - это событие огорчения и неожиданности, которое не было воспринято и не укладывалось в рамки моих рассуждений. Я не знаю, на каком принципе это было основано, и я бы предположил, что это еще труднее объяснить, если бы гарнизон составлял пять тысяч человек, в приподнятом настроении, здоровых, хорошо снабженных провизией и боеприпасами, а восточное ополчение шло им на помощь, как вы упомянули в своем письме от 9 числа в Совет безопасности Нью-Йорка". — *Письмо Вашингтона генералу Шайлеру*, 15 июля 1777 г. Истина, однако, заключается в том, что фактическая сила и состояние армии Сент-Клера были повсеместно переоценены — как офицерами на расстоянии, так и общественностью. Взоры нации были обращены на этот пост; и когда весть об отступлении распространилась по всему миру, разочарование было крайним; и громкий голос жалобы и порицания в адрес несчастного генерала раздавался с одного конца континента до другого. Но,

несмотря на "огорчение" и "удивление", столь остро испытываемые Главнокомандующим в связи с потерей этого важного поста, его сильное чувство справедливости вмешалось, чтобы защитить несчастного командира от неслыханного осуждения. 13 июля он написал генералу Шайлеру, что генерал Сент-Клер обязан был ради себя настоять на возможности изложить причины эвакуации из Тикондероги, но в то же время сказал— "Я не буду осуждать или даже выносить порицание офицеру, которого не выслушали". Время, однако, показало, что он сыграл роль рассудительного и умелого офицера; но волнение момента было так велико, вызванное огорчением, с одной стороны, и тревогой — с другой, что все были слепы и глухи к истинным причинам дела и даже к смягчающим обстоятельствам. *"Жизнь гонвернера Морриса" Спаркса.*

Воспользовавшись таким многообещающим преимуществом, британский командующий двинулся вперед на отступающую армию с такой энергией, что отступление превратилось почти в разгром. Американцы, однако, выстояли между Скинсборо и Форт-Энн в ожесточенном сражении, но после долгих ожесточенных боев снова были вынуждены отступить. Последовало еще одно сражение у форта Анна с таким же результатом; и победоносный британец вступил в долину Гудзона и овладел фортом Эдвард, который, слабый и необорудованный, также был эвакуирован при его приближении генералом Шайлером.

Эти передвижения британского командующего были совершены с одинаковой энергией и стремительностью; и таково было замешательство американцев во время их бегства, что генералу Шайлеру не было отправлено срочных сообщений о катастрофе, чтобы подготовить его к приближению победителей. Действительно, этому офицеру пришлось несколько дней оставаться без каких-либо сведений от Сент-Клера, за исключением нескольких смутных слухов об эвакуации. [FN-1] Во время этого напряженного ожидания генерал Шайлер написал по этому поводу главнокомандующему, который, в свою очередь, выразил свое изумление тайной, которая, казалось, нависла над делами крепости. В какой-то момент Вашингтон был вынужден поверить, что Сент-Клер и весь гарнизон попали в плен, а в другой - что слух об эвакуации был совершенно ложным; и что молчание, объяснить которое было невозможно, возникло из-за того обстоятельства, что американцы были заперты в своих работах. [FN-2] Но это сомнение продолжалось недолго. Несмотря на то, что наступление противника в Форт-Энн было отбито, полковник Лонг, командовавший этим блокпостом, немедленно эвакуировал его, вопреки прямому приказу генерала Шайлера; и сам Шайлер во главе всего полутора тысяч человек в форт-Эдварде, "без провианта, с небольшим количеством боеприпасов, не более пяти выстрелов на человека, не имея ни пуль, ни свинца, чтобы их изготовить — и страна в глубочайшем смятении" [FN-3], был вынужден также отступить в направлении Олбани. Удар был тяжелым, но главнокомандующий обладал душой, равной любому кризису. За его успехами не последовало чрезмерного подъема духа; и неблагоприятные тучи судьбы, столь часто омрачавшие перспективы американского вооружения, не повергли его в уныние. [FN-4] Действительно, каждое последующее бедствие было всего лишь очередным испытанием его морального величия, ибо он возвышался над ними всеми.

[FN-1] Письмо генерала Шайлера генералу Вашингтону, 9 июля 1777г.

[FN-2] Ответное письмо от генерала Вашингтона.

[FN-3] Письмо Шайлер в Вашингтон.

[FN-4] "Этот insult действительно тяжелый и сильно огорчил нас. Но, несмотря на то, что ситуация в настоящее время имеет мрачный аспект, я надеюсь, что энергичное противодействие остановит продвижение армии генерала Бергойна, и что уверенность, полученная от его успеха, подтолкнет его к принятию мер, которые по своим последствиям будут благоприятными для нас. Мы никогда не должны отчаиваться. Наша ситуация и раньше была бесперспективной, а теперь изменилась к лучшему; надеюсь, так будет и впредь. Если возникают новые трудности, мы должны прилагать новые усилия и соразмерять наши усилия с требованиями времени". —*Письмо из Вашингтона генералу Шайлеру, 15 июля 1777 г.*

Однако ничто не могло сравниться с ужасом, который эти события вызвали среди жителей не только Северного Нью-Йорка, но и штатов Новой Англии. Более того, ужас усилился из—за сообщений об убийствах и жестокости дикарей, поскольку все усилия генерала Бергойна отговорить их от совершения их жестоких злодеяний оказались безрезультатными. Обуздать их он не мог; и британские писатели того времени признавали, что как друзья королевского дела, так и его враги в равной степени становились жертвами их неизбирательной ярости. Было даже установлено, что британские офицеры были обмануты своими вероломными союзниками и купили скальпы своих собственных товарищей.

Среди других примеров жестокости хорошо известное убийство мисс Джейн М.^сКреа, произошедшее в начале кампании, наполнило общественное сознание ужасом. Каждое обстоятельство этой неестественной и кровавой сделки— вокруг которой по сей день сохраняется меланхолический интерес, в равной степени усиливало ее интерес и масштабность. Существовало множество версий этой кровавой истории. Генерал Гейтс, которому на данном этапе самым несправедливым образом было поручено заменить генерала Шайлера в командовании Северным департаментом, яростно атаковал генерала Бергойна в газетах по поводу этих безобразий. Обвинив британского командующего в подстрекательстве к убийству пленных и резни женщин и детей путем выплаты индейцам оговоренной цены за скальпы, Гейтс в письме, адресованном генералу Бергойну, так отзывался о деле, которое сейчас особо рассматривается: "Мисс М.^сКреа, юная леди, приятная на вид, с добродетельным характером и дружелюбным нравом, помолвленная с офицером вашей армии, была вместе с другими женщинами и детьми вывезена из дома недалеко от Форт—Эдварда, унесена в лес, где с нее сняли скальп и искалечили самым ужасным образом". . С двумя родителями и их шестью детьми обошлись с такой же бесчеловечностью, когда они спокойно отдыхали в своем собственном счастливом и мирном жилище. Несчастливая участь мисс М.^сКреа была особенно усугублена тем, что она была одета для встречи своего обещанного мужа, но встретила своего убийцу, нанятого вами. Более сотни мужчин, женщин и детей погибли от рук негодяев, которым, как утверждается, вы заплатили кровью".

Генерал Бергойн ответил и с негодованием отверг обвинение в том, что он каким-либо образом поощряет бесчинства индейцев. Он утверждал, что с самого начала отказался платить за скальпы и сообщил об этом индейцам на их совете. Единственная награда, которую он им давал, была за доставленных пленных, и, приняв этот курс, он надеялся поощрить более гуманный способ ведения войны с их стороны. В этом письме Бергойн сказал: "Я бы не стал осознавать поступки, которые вы осмеливаетесь приписать мне, ради всего американского континента, хотя богатство миров находится в его недрах, а на его поверхности - рай". [FN-1] Что касается несчастной судьбы мисс М.^сКреа, генерал Бергойн заметил: "Ее падение не требовало той трагической демонстрации, которую вы постарались ему придать, чтобы я испытывал к нему

такое искреннее отвращение и оплакивал его, насколько это возможно для самых нежных из ее друзей. Этот поступок не был преднамеренным варварством. Напротив, два вождя, которые увезли ее с целью обеспечения безопасности, а не насилия над ее личностью, поспорили, кто должен быть ее охранником, и в порыве дикой страсти у того, из рук которого она была вырвана, несчастная женщина стала жертвой. Узнав об этом событии, я вынудил индейцев передать убийцу в мои руки; и хотя наказание его в соответствии с нашими законами или принципами справедливости было бы, возможно, беспрецедентным, его, несомненно, постигла бы позорная смерть, если бы я не был убежден, исходя из своих обстоятельств и наблюдений, вне всякого сомнения, что помилование на условиях, которые я представил и которые они приняли, было бы более эффективным, чем казнь, для предотвращения подобных злодеяний. За исключением приведенного выше примера, ваши сведения о жестокости индейцев ложны". [FN-2]

[FN-1] Пока эти страницы проходили через прессу, автор наткнулся на письмо, написанное из Монреаля и опубликованное в "*Летописце*" за 1777 год, в котором говорилось, что группа индейцев вернулась в Монреаль в состоянии крайнего недовольства из-за строгости дисциплины по отношению к ним Бергойна и его отказа мириться с их способом ведения войны или выплачивать им обычную награду за скальпы. Далее было заявлено, что они обратились к сэру Гаю Карлтону со своими жалобами — им их старый "Отец" нравился гораздо больше, чем новый.

[FN-2] Смотрите "Жизнь Маршалла в Вашингтоне", том. I, приложение.

Британский командующий, несомненно, старался извлечь максимум пользы из своих аргументов, и в отношении мисс М.^кКреа его заявление было гораздо ближе к истине, чем заявление генерала Гейтса. Фактические обстоятельства дела, лишенные романтики, были таковы: мисс М.^кКреа принадлежала к семье лоялистов и обручилась с молодым беженцем по имени Джонс, подчиненным офицером британской службы, который продвигался вместе с Бергойном. Желая поскорее овладеть своей невестой, он отправил небольшой отряд индейцев доставить ее в лагерь британцев. Ее семья и друзья были категорически против того, чтобы она ехала с таким эскортом; но ее привязанность пересилила благоразумие, и она решилась на рискованное приключение. Она выехала верхом со своими смуглыми спутниками. Семья жила в деревне Форт-Эдвард, откуда они проехали не более полумили, прежде чем ее проводники остановились напиться у источника. Тем временем нетерпеливый влюбленный, который не заслуживал ее объятий за то, что доверил свою защиту таким рукам, вместо того чтобы отправиться туда самому, отправил вторую партию индейцев с тем же поручением. Индейцы встретились у источника; и прежде чем марш возобновился, на них напал отряд провинциалов. По окончании перестрелки тело мисс М.^кКреа было найдено среди убитых — с томагавком, скальпированным телом, привязанным к сосне, но стоявшим у источника как памятник кровавой сделке. Имя юной леди начертано на дереве, ствол которого покрыт толстыми шрамами от пуль, полученных им в перестрелке. На нем также стоит дата 1777. "Традиция сообщает, что индейцы разделили скальп, и каждая сторона отнесла половину его агонизирующему любовнику". [FN] Установленной причиной ее убийства было следующее. Обещанной наградой за то, что она доставит ее в целости и сохранности своему жениху, был бочонок рома. Руководители двух партий, посланных за ней мистером Джонсом, поссорились

из-за ожидаемой компенсации. Каждый претендовал на это; и в порыве страсти, чтобы положить конец спору, один из них ударил ее своим топором.

Тур Силлимана из Хартфорда в Квебек. Посмотрите также Маршалла, Гордона и других.

История была достаточно болезненной в соответствии с простыми фактами дела, и ее изложение вызывало трепет ужаса везде, где бы оно ни происходило, — расширенное и приукрашенное, как это, несомненно, было в процессе, каждым писателем, который мог усилить красноречие повествования или пафос его катастрофы.

По мере продвижения захватчиков жители разбегались в диком ужасе. Ужасы войны, какими бы смягченными они ни были законами и обычаями цивилизации, во все времена достаточно ужасны; но когда к ним добавляется свирепая жестокость толпы дикарей, только те, кто был знаком с американской пограничной войной, могут составить адекватное мнение о ее зверствах. Среди беглецов, изгнанных из своих мирных жилищ в связи с нынешним событием, была миссис Энн Элиза Бликер, леди, которая была несколько известна как одна из первых поэтесс нашей страны. Она была дочерью мистера Брандта Шайлера из города Нью-Йорк и женой Джона Дж. Бликера, эсквайра, из Нью—Рошели, чья предприимчивость вкупе с любовью его супруги к диким лесным пейзажам побудили его сменить место жительства среди людных мест на уединенную плантацию в долине Томаника - горного ручья, впадающего в реку Хусик, примерно в двадцати милях от Олбани. Резиденция мистера Бликера находилась непосредственно на марше Бергойн, при приближении которого он поспешил в Олбани, чтобы поселиться там. обеспечить жильем его семью. Но через несколько часов после его отъезда миссис Бликер, сидя за столом, получила разведданные о том, что враг с "томагавком" и брандом находится в двух милях от ее дома. Единственной альтернативой было немедленное бегство. Взяв на руки одного из своих детей и схватив другого за руку, она отправилась пешком в сопровождении только молодой мулатки, оставив свой дом и все его содержимое в добычу индейцам. Дороги были забиты экипажами, нагруженными женщинами и детьми, каждый из которых думал о своей собственной безопасности; так что никакой помощи получить было нельзя, и единственным выходом для нее было смешаться с толпой беглецов и участвовать в общей панике и бедствии. Однако, пройдя пешком около пяти миль, ей удалось раздобыть место для детей в повозке, которая облегчала ей переход. На следующее утро ее встретил муж, который проводил ее до Олбани, а оттуда вниз по Гудзону до Ред-Хука, где по дороге умер один из ее детей. [FN]

[FN] Факты об этом инциденте из жизни миссис Бликер взяты из биографических очерков американских поэтов Кеттела. Мемуары миссис Б. вместе с ее стихами были опубликованы много лет назад, но я тщетно искал экземпляр в библиотеках и у Бликеров.—*Автор.*

Среди этой сцены опустошения и страха была еще одна женщина, чей гордый дух не дрогнул. Это была жена генерала Шайлера. Загородная резиденция генерала находилась в его поместье в Саратоге, стоявшем на берегу реки. При приближении Бергойна миссис Шайлер отправилась в Саратогу, чтобы забрать их мебель. Ее экипаж сопровождал всего один вооруженный человек верхом. В двух милях от своего дома она столкнулась с толпой охваченных паникой людей,

которые рассказали ей о трагической судьбе мисс М.^ККреа и, напомнив ей об опасности дальнейшего продвижения перед лицом врага, убедили ее вернуться. Ей еще предстояло пройти через густой лес, в котором даже тогда могли скрываться какие-нибудь дикие отряды в поисках добычи. Но к этим благоразумным советам она не прислушивалась. "Жена генерала, - воскликнула она, - не должна бояться!" И, продвигаясь вперед, она достигла своей цели. [FN]

[FN] Я узнал об этом инциденте, а также о том, что касается генерала, который следует далее по тексту, от миссис Джеймс Кокран из Освиге, которая была младшей дочерью генерала Шайлера.—Автор.

Однако, прежде чем особняк был эвакуирован, самому генералу едва удалось избежать покушения от руки дикаря, который проник в дом с этой целью. Вечером, когда генералу уже пора было ложиться спать, служанка, войдя из холла, увидела отблеск света, отраженный от лезвия ножа в руке какого-то человека, темные очертания которого она различила за дверью. Слугой был чернокожий раб, у которого хватило присутствия духа не подать виду, что он сделал это открытие. Пройдя прямо через дверь в комнату, где генерал все еще стоял у камина, она с беззаботным видом притворилась, что раскладывает предметы, стоявшие на каминной полке, в то время как вполголоса сообщила своему хозяину о своей находке, а вслух сказала: "Я позову стражу". Генерал мгновенно схватил его за руки, в то время как верный слуга поспешил выйти через другую дверь в длинный зал, на полу которого лежала расшатанная доска, скрипевшая под его шагами. Судя по шуму, который она производила, быстро топоча по доске, индеец — что он и доказал — предположил, что филистимляне напали на него в большом количестве, выскочил из своего укрытия и убежал. Однако его преследовала охрана и несколько дружелюбно настроенных индейцев, прикомандированных к генералу Шайлеру, они были настигнуты и взяты в плен. Вzbешенные его предательством, дружественные индейцы решили предать его смерти, и генералу с большим трудом удалось отвлечь их от их цели.

Последствия инцидентов, которые мы подробно описали, и других описаний дикой жестокости, не все из которых, как безосновательно представлял генерал Бергойн, были обширными и мощными. Крик о мести был всеобщим; и был поднят дух, который быстро принес американскому оружию большие преимущества.

ГЛАВА X.

Экспедиция против долины Мохок из Освиго — Уныние людей в округе Трайон — Письмо Джона Джея — Арест нескольких недовольных — Бегство других в Канаду — Жалобы Шайлер на трусость людей — Сильное разочарование — Провозглашение генерала Херкимера — Письмо Томаса Спенсера — Подход Сент-Леджера — Осторожность и план его похода — Дневник лейтенанта. Берд — Форт Стэнвикс захвачен — Полковник Гансеворт принимает командование — Его плачевное состояние — К Гансеворту присоединился Уиллетт — История капитана Грегга — Положение гарнизона — Прибытие Сент-Леджера — Его провозглашение — Положение Бергойна становится критическим — Дело Беннингтона — Генерал Херкимер с ополчением округа Трайон продвигается на помощь Гансеворту — Битва при Орискани — Кровопролитная с обеих сторон — Беспримерная храбрость капитана Гарденье — Майор Уоттс — Недовольство индейцев — Вылазка и успех полковника Уиллетта — Смерть и характер генерала Херкимера.

Одновременно с наступлением Бергойна на север Нью-Йорка полковник Барри Сент-Леджер был отправлен из Монреаля по пути Святого Лаврентия и озера Онтарио в Освиго, чтобы там соединиться с индейцами и лоялистами под командованием сэра Джона Джонсона и капитана Бранта. Из Освиго Сент-Леджер должен был проникнуть через озеро Онейда и Вуд-Крик к реке Мохок с целью по прибытии в Олбани пересечь оттуда Бургойн. Всеобщая тревога, вызванная приближением Бургойна с Севера, значительно усилилась в округе Трайон, когда были получены сведения о предполагаемом вторжении индейцев и лоялистов с Запада, новости об этом движении впервые были доведены до жителей сахемом-полукровкой из племени онейда по имени Томас Спенсер, который прибыл с ними прямо из Канады, куда он отправился в качестве тайного эmissара для получения информации. Спенсер заявил, что он присутствовал на совете, проводившемся в индийском замке Кассассенни, на котором председательствовал полковник Клаус. [FN-1] По словам родственника Томаса. Полковник Клаус настойчиво убеждал индейцев присоединиться к экспедиции в долину Мохок с Запада, хвастаясь силой армии под командованием Бургойна, которая выступила против Тикондероги, и количеством индейцев с ними, перед которыми, как он заверил их, Тикондерога падет. "Да, - сказал полковник Клаус, - Тикондерога моя. Это правда: вы можете положиться на это, и ни один выстрел не будет произведен". Достаточно странно, хотя и невероятно в то время, что предсказание, как мы видели, исполнилось буквально. "То же самое, - добавил суперинтендант, - верно и для форта Шайлер. Я уверен, что когда я подойду к этому форту и командир увидит меня, он тоже не сделает ни выстрела, а сдаст форт мне ". Сахем Онейда далее сообщил народу, что сэр Джон Джонсон и полковник Клаус находились тогда в Освиго со своими семьями, с семьями индейцами и четырьмя сотнями регулярных войск. На одном из островов выше Освегачи также находилось шестьсот тори, готовившихся присоединиться к ним; и полковник Батлер должен был прибыть в Освего 14 июля с Ниагары, чтобы провести совет с участием Шести наций, каждой из которых он предложил бы присоединиться к ним и нанести удар по американцам. [FN-2] Вслед за этим Томас завершил свое сообщение следующей речью:—

[FN-1] Полковник Дэниел Клаус, шурин сэра Джона Джонсона, либо заменил Гая Джонсона на посту суперинтенданта по делам индейцев в Канаде, либо был назначен его заместителем.

[FN-2], несомненно, относящийся к Большому совету, отчет о котором приведен в главе VIII.

"БРАТЯ: Пришло ваше время проснуться, а не спать дольше; или, наоборот, с Фортом Шайлер все пройдет так же, как уже прошло с Тикондерогой.

"БРАТЬЯ: Поэтому я желаю, чтобы вы были воодушевлены и поощряли друг друга идти на помощь форту Шайлер. Поднимайтесь и покажите себя мужчинами, чтобы защитить и спасти свою страну, пока не стало слишком поздно. Отправляйтесь расчищать кустарник вокруг форта и пошлите отряд рубить деревья в Лесном ручье, чтобы остановить то же самое.

"БРАТЬЯ: Если вы не придете скоро, без промедления, на помощь этому месту, мы не сможем долго оставаться на вашей стороне; ибо, если вы оставите этот форт без помощи и враг овладеет им, мы будем страдать, как и вы, в ваших поселениях, и будем уничтожены вместе с вами. Мы подозреваем, что ваши враги вступили в бой с индейцами, и до сих пор ежедневно пытаемся нанести удар и сражаться против вас; а генерал Шайлер всегда отказывается, чтобы мы брали в руки оружие во имя страны.

"БРАТЬЯ: Я могу заверить вас, что, как только закончится речь Батлера в Освиго, они намерены немедленно выступить маршем через всю страну в Олбани. Вы можете сами рассудить, что если вы не попытаетесь сопротивляться, мы будем вынуждены присоединиться к ним или бежать из наших Замков, поскольку мы не можем помешать им в одиночку. Мы, добрые друзья страны, придерживаемся мнения, что если в форте Шайлер появится больше сил, враг не двинется из Освиго, чтобы вторгнуться на эти границы. Вы можете быть уверены, что мы готовы помочь вам, если вы тоже приложите некоторые усилия".

Совет верной Онейды не был ни достаточно своевременным, ни поддержан жителями с достаточной оперативностью. Действительно, следует признать, что по мере того, как буря войны надвигалась, собираясь сразу с разных сторон и ежедневно угрожая обрушиться на них со все возрастающей яростью, многие из йоменов, которые до сих пор вели себя благородно, начали колебаться. Дух недовольства также был более широко распространен среди поселений, чем можно было предположить по предыдущему патриотическому поведению людей, в то время как измена таилась во многих местах, где о ней меньше всего подозревали. По этому поводу и с особым упором на настроения и поведение населения в округе Трайон Джон Джей, заседавший в то время в Конгрессе штата в Кингстоне, направил следующее письмо губернатору Моррису, члену Совета безопасности, который в то время находился с генералом Шайлером на Севере:—

"ДЖОН ДЖЕЙ - ГУБЕРНАТОРУ МОРРИСУ".

"Кингстон, 21 июля 1777 года.

"Дорогой Моррис,

"Ситуация в округе Трайон одновременно постыдна и вызывает тревогу. Такое крайнее уныние, о чем свидетельствуют письма, которые мы получили оттуда, позорит человеческую природу. Бог знает, что делать с ними или для них. Если бы они одни интересовались своей судьбой, я был бы за то, чтобы оставить их повозку в болоте, пока они сами не возьмутся за руль.

"У Шайлера здесь есть свои враги, и они используют эти вещи ему во вред. Подозрения в том, что он был причастен к эвакуации Тикондероги, распространились широко; и двадцать мелких обстоятельств, которые, возможно, являются ложными, сфабрикованы, чтобы придать окраску этому предположению. [FN] Мы могли бы пожелать, чтобы в ваших письмах были абзацы для публики. Мы молчим, потому что нам нечего сказать; и люди подозревают худшее, потому что мы ничего не говорим. Их любопытство должно постоянно удовлетворяться, иначе они будут чувствовать себя неловко. На самом деле, я не удивляюсь их нетерпению, поскольку последние

события на Севере вызвали тревогу и подозрения. У меня нет времени добавить что-либо еще, кроме того, что я искренне ваш и т.д.

"Джон Джей."

[FN] В тексте уже упоминалась несправедливость, допущенная по отношению к генералу Шайлеру в течение этого памятного года. Вероятно, в армии не было ни одного офицера, за исключением одного главнокомандующего, которого враг считал бы столь серьезным препятствием для успеха своего оружия. В Новой Англии против него существовало узкое предубеждение. Провал канадской кампании был совершенно несправедливо приписан ему в 1776 году, и с такой же несправедливостью падение Тикондероги теперь было приписано его собственной небрежности соотечественниками. Враг не замедлил воспользоваться этими предрассудками и беспочвенными обвинениями, и с помощью тори были применены самые хитрые и коварные средства, чтобы подорвать доверие общественности к его честности и способностям. Они раздували пламя подозрительности до тех пор, пока оно не стало всеобщим и открыто не было признано. Комитеты, города и округа собрались и приняли резолюции, выражающие ему свое недоверие, и по этому вопросу были рассмотрены как Конгресс, так и Законодательное собрание провинции Нью-Йорк. Генерал Шайлер, более истинного патриота, чем он, более серьезного и активного сотрудника государственной службы, не было, был хорошо осведомлен об этих движениях. Комитету провинциального конгресса, который официально сообщил ему об обвинениях, он дал ответ, достойный храброго и великодушного солдата. Характер этого ответа будет понятен из одного—единственного предложения: "Мы должны терпеть капризы, ревность и зависть наших заблудших друзей и жалеть их".

Еще 10 апреля полковник Роберт Ван Ренсселер написал другу, что председатель окружного комитета обратился к нему с просьбой о помощи его ополчения для подавления восстания лоялистов в Боллстоне; но состояние его собственного полка было таково, что он был вынужден отклонить просьбу. Дух недовольства стал настолько распространенным среди его людей, что многие из них принесли клятву хранить тайну и верность Великобритании. Однако он добавил, что семнадцать злодеев были арестованы бдительностью офицеров и затем находились в заключении; и была выражена надежда, что удастся обнаружить всех. [FN-1] В начале следующего месяца остатки римско—католических шотландских поселенцев в окрестностях Джонстауна сбежали в Канаду вместе с некоторыми лоялистами-немцами - все во главе с двумя мужчинами по имени М.^c Дональд, которым генерал Шайлер разрешил навестить их семьи. Тот факт, что жены и семьи скрывающихся лоялистов поддерживали с ними связь и обеспечивали их существование на окраинах поселений, предполагал их арест и высылку в безопасное место в количестве четырехсот человек — мера, которая была одобрена генералом Херкимером и его офицерами. [FN-2] Постоянно поступали тревожные сообщения различного характера, и жители были сверх всякой меры измотаны необходимостью часто выполнять воинские обязанности — действовать в качестве разведчиков и разведывательных групп; и стоять, некоторые из них, в качестве часовых вокруг своих полей, в то время как другие выполняли эту работу. Ни один район не чувствовал себя в безопасности, и все опасались, что индейцы разорят всю страну; в то время как группы недовольных постоянно ускользали, чтобы пополнить ряды врага. При таких обстоятельствах, в тот самый момент, когда их призвали усилить форт Шайлер, Комитеты Палатина и Шохари, чувствуя, что они недостаточно сильны даже для самообороны, обратились

к Совету безопасности в Олбани с просьбой направить дополнительные силы для их защиты. Мистер Пэрис неоднократно писал на эту тему. Комитет Шохари 17 июля очень откровенно написал, что "недавние преимущества, достигнутые врагом, возымели такой эффект, что многие, кого считали друзьями государства, отступили. Наше положение, - добавил он, - плачевно - за исключением тех, кто искал защиты у врага. Мы полностью открыты для индейцев и тори, которых мы ожидаем каждый час напасть на нас. Часть нашего ополчения находится в форте Эдвард; и из тех немногих, кто здесь, многие не желают брать в руки оружие для самозащиты, поскольку они не в состоянии выстоять против такого количества врагов. Поэтому, если ваша честь не предоставит нам немедленную помощь численностью около пятисот человек, мы должны либо стать добычей врага, либо также принять меры защиты ". [FN-3] 18 июля генерал Шайлер написал достопочтенному Дж. Пьер Ван Кортландт из Саратоги, и снова 21-го числа из Форт-Эдварда, с тем же результатом. "Я чрезвычайно огорчен, - говорит он, - духом малодушия, царящим в графстве Трайон. Я полагаю, что многое из этого следует приписать неверности ведущих персон того квартала. Если бы у меня была тысяча регулярных войск, в дополнение к тем, что сейчас наверху и на марше, я бы рискнул оставить только каждого третьего ополченца и отправил бы их вниз. Суть информации полковника Харпера была передана около месяца назад. Вследствие чего я послал полковника Ван Шейка в округ Трайон с таким количеством войск, какое смог собрать. После неподобающего соглашения, заключенного генералом Херкимером, [FN-4] эти войска были отведены назад; но как только мне сообщили о марше, я приказал им оставаться в округе Трайон, где они находятся до сих пор, и я направил полк полковника Вессона для их усиления. Но если мне будет позволено судить о настроении генерала Херкимера и Комитета округа Трайон по их письмам ко мне, ничто не удовлетворит их, если я не введу в этот квартал всю армию. При всем уважении к лучшему суждению Совета Безопасности, я ни в коем случае не могу считать благоразумным идти на открытый разрыв с дикарями в настоящее время. Жители округа Трайон уже слишком склонны сложить оружие и принять любые условия, которые враг может им предоставить. Половина ополчения из этого (Трайон) Округ и соседний штат Массачусетс мы были вынуждены распустить; но все должно уйти. Прилагаю вам отчет о заседании совета генеральных офицеров, состоявшемся в этом месте 20-го числа. Вы поймете, что мы были вынуждены позволить некоторым ополченцам вернуться на свои плантации. Остальные пообещали остаться еще на три недели — то есть, если они решат вернуться раньше, что, несомненно, произойдет и на что у них есть много причин ". [FN-5]

[FN-1] МИСС документы в Государственном департаменте, Олбани.

[FN-2] Г—жа документы в Государственном департаменте, Олбани-Письмо Исаака Пэриса.

[FN-3] МИСС переписка канцелярии секретаря провинциального конгресса, Олбани.

[FN-4] Вероятно, имеется в виду интервью Херкимера и Бранта в Унадилле.

[FN-5] МИСС Кор. Совет безопасности —офис секретаря, Олбани.

Жалобы генерала Шайлера были небезосновательны, как читатель уже убедился. Действительно, как регулярные войска, так и ополчение округа Трайон, казалось, на данный момент утратили все высокие качества солдат или граждан. Из двухсот ополченцев, которым

было приказано собраться и присоединиться к гарнизону форта Шайлер, подчинилась только часть; в то время как две роты регулярных войск, получив аналогичные приказы, поступили на службу с большой неохотой и не без различных оправданий — жалуясь, что служба в разведывательных отрядах сделала их непригодными для гарнизонной службы. В условиях такого уныния это было время особого испытания для офицеров и Комитетов безопасности. Округ Трайон рано встал на защиту свободы, и, по-видимому, с большим единодушием, чем любой другой округ штата; и массовое дезертирство, или преступная апатия, которую мы только что рассматривали, было совершенно неожиданным. Но приближался кризис, необходимость которого вскоре вынудила их встретиться. Соответственно, 17 июля генерал Херкимер издал патриотическое воззвание к жителям графства, объявляя о скоплении противника в Освиге, "христиан и дикарей", численностью в две тысячи человек, с намерением вторгнуться на границу, и призывая людей *в массовом порядке* быть готовыми в любой момент выступить на поле боя с оружием и амуницией при приближении врага. Те, кто был здоров в возрасте от 16 до 60 лет, были призваны на действительную службу; в то время как лицам старше 60 лет или инвалидам было приказано вооружиться для защиты женщин и детей в любом месте, где они могли быть собраны в целях безопасности. Что касается недовольных и тех, кто может отказаться подчиняться приказам, то в прокламации указывалось, что они должны быть арестованы, их оружие должно быть изъято, а сами они должны быть взяты под охрану, чтобы присоединиться к основной группе. Всем членам Комитета и всем тем, кто по причине занимаемых ранее должностей был освобожден от службы, было предложено отправиться на место встречи и помочь в отражении нападения врага; "не сомневаясь, что Всемогущая Сила, по нашим смиренным молитвам и искреннему доверию к Нему, милостиво поддержит наше оружие в битве за наше правое дело, и победа не может не быть на нашей стороне".

[FN] Анналы округа Трайон.

Индейцы онейда, которые были искренне настроены поддержать дело Соединенных Штатов, но которые, в соответствии с гуманной политикой Конгресса и советами генерала Шайлера, решили сохранить свой нейтралитет, наблюдали за приближающимся вторжением из Освиге с немалой долей опасения. Курс, который они наметили для себя, как им было хорошо известно, был воспринят с неудовольствием их братьями-ирокезами, в то время как другие члены их конфедерации были явно склонны встать на сторону своего "Дяди". Более того, живя в непосредственной близости от форта Шайлер, где должен был быть нанесен первый удар Сент-Леджера, они были немало обеспокоены перспективой того, что могло случиться с ними самими. Поэтому бдительный Томас Спенсер 29 июля отправил в Комитет следующее письмо, которое было получено 30—го:

[FN] В Шести нациях моговков - главное племя - называли "Дядюшками". Онейды были "старшими братьями" и т. Д.

- На собрании вождей они сказали мне, что осталось всего четыре дня от срока, установленного королевским войскам для подхода к форту Шайлер, и они считают вероятным, что они будут здесь раньше.

"Вожди желают, чтобы командиры форта Шайлер не превращали это в Тикондерогу, но они надеются, что вы проявите мужество.

"Они хотят, чтобы генерал Шайлер получил это как можно скорее и послал сюда хорошую армию; в Нью-Йорке нечего делать; мы думаем, что там есть люди, которых нужно щадить — мы ожидаем, что дорога к жителям перекрыта отрядом, идущим через лес; мы будем окружены, как только они появятся. Возможно, это наш последний совет, поскольку эти солдаты являются частью тех, кто должен соблюдать международный договор. Отправьте это в Комитет — как только они это получат, пусть ополченцы поднимутся и придут в Форт Шайлер.

"Завтра мы отправляемся в Трехречье на подписание договора. Мы ожидаем встречи с воинами, и когда мы приходим туда и заявляем, что выступаем за мир, мы ожидаем, что к нам отнесутся равнодушно и отошлют прочь".

[FN] Место слияния рек Онейда, Сенека и Освего — не "Трех рек" в Канаде.

"Пусть все войска, которые придут в форт Шайлер, будут осторожны на марше, так как есть отряд индейцев, чтобы перекрыть дорогу ниже форта, около 80 или 100 человек. Мы слышали, что они должны доставить свои пушки вверх по Фиш-Крик. Мы слышали, что навстречу врагу идет 1000 человек. Мы не советуем — армия слишком велика, чтобы так мало людей могло защитить Форт — мы посылаем пояс из 8 рядов, чтобы подтвердить правдивость того, что мы говорим.

"Мне кажется вероятным, что войска близки к освобождению, надеются, что все друзья, которые любят свои семьи, не отступят, а приложат все усилия; поскольку один решительный удар обеспечил бы дружбу Шести наций и почти освободил бы эту часть страны от вторжений врага". [FN]

[FN] МИСС письмо среди бумаг генерала Гансворта. Томас Спенсер был кузнецом, который жил среди кайюга и пользовался большой любовью индейцев. *Письмо генерала Шайлера полковнику Дейтону—документы Гансворта.*

Уверенность в том, что захватчики, таким образом, приближаются, серьезность призывов Комитета к патриотизму народа, влияние заявления немецкого генерала, который был гораздо лучшим человеком, чем офицером, если не считать единственного атрибута храбрости; и, прежде всего, положительное существование общей опасности, от которой не было спасения, - все это в совокупности было обстоятельствами, не лишенными своего эффекта. И хотя пробил одиннадцатый час, все же ополчение и все, к кому был обращен призыв к оружию, теперь начали действовать с такой готовностью и проявлением духа, которые значительно компенсировали непатриотичные, если не сказать трусливые, симптомы, уже замеченные.

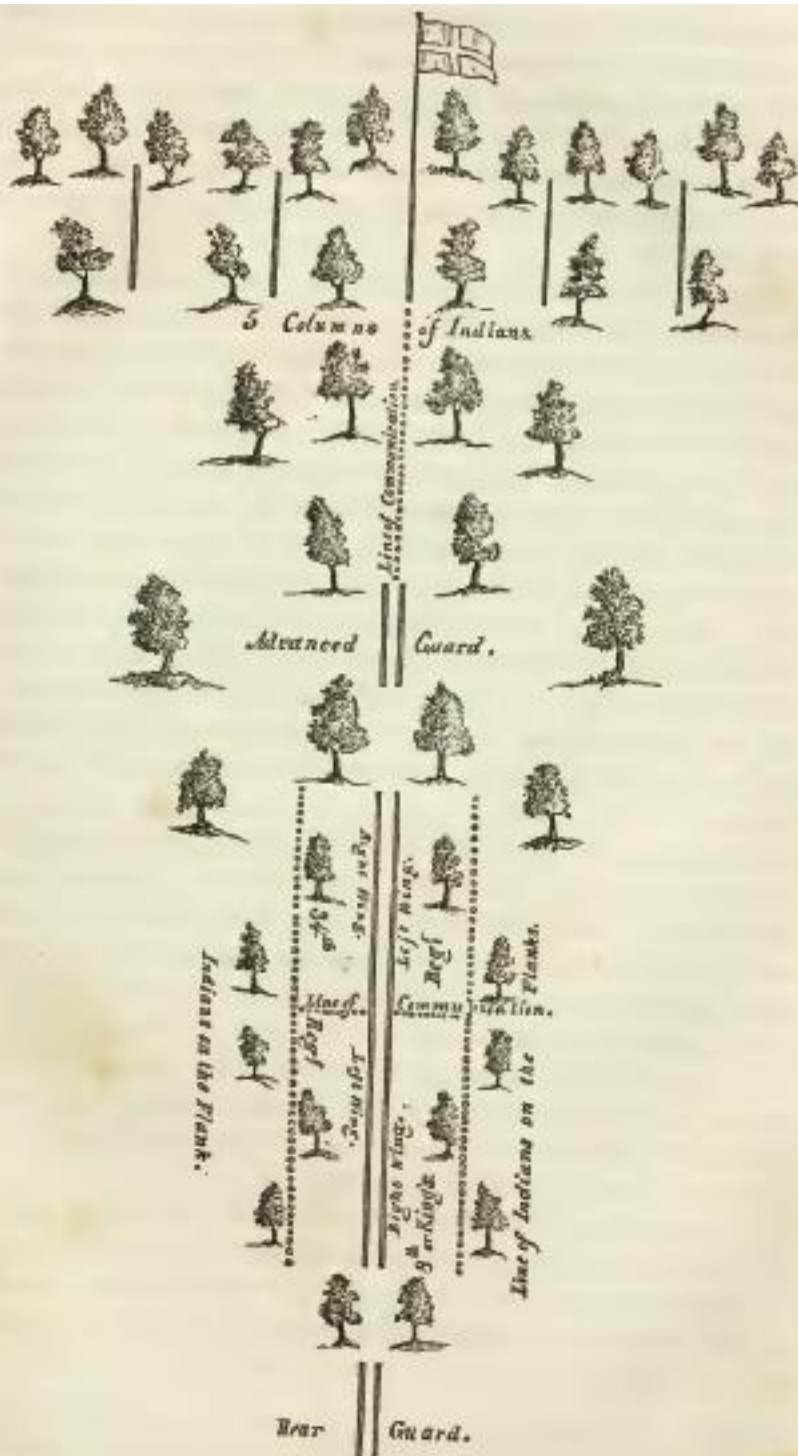
Тем временем, завершив организацию в Освиго, генерал Сент-Леджер начал свой марш на форт Шайлер, двигаясь уже указанным маршрутом, хотя и с большой осмотрительностью. Название этого места встречи уже неоднократно упоминалось на предыдущих страницах. Его положение было важным, и это было известное место во время предыдущих войн Колонии. Река с тем же названием, которая здесь впадает на север в озеро Онтарио, является истоком рек

Онейда и Сенека, через которые и их притоки она соединяется с цепочкой небольших озер, носящих названия Онейда, Казеновия, Сканателес, Оваско, Каюга, Сенека и Канандайгуа. Его устье, конечно, образует естественный выход в богатую местность, окружающую эти озера, в которой вплоть до периода современной истории находились главные города четырех из пяти индейских народов. Во время войн между францией и Пятью нациями Освего неоднократно оккупировался армиями первых. Именно здесь высадился граф Фронтенак во время своего вторжения в страну Онондага в 1692 году, и тогда или впоследствии на западном берегу реки было возведено значительное военное сооружение. Во время войны с Францией, которая была прекращена в Америке из-за завоевания Канады, он находился под оккупацией провинциалов и англичан. Экспедиция, предназначенная для спуска по реке Святого Лаврентия на Монреаль, была собрана в этом месте в 1759 году, после падения Ниагары, под командованием генерала Ширли и сэра Уильяма Джонсона. Армия стояла здесь лагерем несколько недель и, наконец, распалась, так и не приступив к своей главной цели — из-за, как намекает сэр Уильям Джонсон в своем личном дневнике, недостатка энергии со стороны Ширли. После перехода Квебека и Монреаля в руки англичан батальон 55-го полка был расквартирован в Освиге под командованием майора Дункана, брата героя военно-морского флота Кампердауна. Новое и гораздо более грандиозное сооружение было построено на Восточном или Северо-восточном мысу, образованном впадением реки в озеро. Новая позиция была гораздо лучше выбрана для строительства крепости, чем старая; и, в конечном счете, еще до того, как американцы лишили ее британцев, она превратилась в сооружение несколько устрашающей силы и размеров. Местность здесь одна из самых красивых, какие только можно вообразить; и за два или три года, в течение которых майор Дункан командовал, благодаря разведению большого сада, устройству и благоустройству площадки для боулинга и других увеселительных заведений она превратилась в маленький рай в глуши. [FN]

[FN] Смотрите восхитительную книгу миссис Грант "Воспоминания американской леди", главы с xlv по xlvii. включительно.

В общей сложности армия Сент-Леджера насчитывала тысячу семьсот человек, включая индейцев. Этими последними командовал Тайенданега. Порядок их марша, прекрасно нарисованный и раскрашенный, был впоследствии взят из секретера командующего генерала и будет найден на следующей странице, точно скопированный и выгравированный. Наступление основных сил, как будет видно, было сформировано из индейцев, маршировавших пятью индейскими колоннами, то есть одиночными рядами, на большом расстоянии друг от друга и на четыреста шестьдесят шагов впереди строя. От этих колонн индейцев отходили шеренги на расстоянии часто нескольких шагов друг от друга, образуя линию сообщения с передовым охранением линии, которое находилось в ста шагах впереди колонны. Правый и левый фланги были прикрыты индейцами на расстоянии ста шагов, образуя таким же образом линии сообщения с основными силами. Королевский полк двигался слева колонной индейцев, в то время как 34-й полк двигался в том же порядке справа. Арьергард был сформирован из регулярных войск, в то время как авангард, состоящий из шестидесяти стрелков, выделенных из полка Королевской зелени сэра Джона Джонсона, возглавлял шурина сэра Джона, капитан Уоттс. Каждому корпусу было также приказано иметь десять отборных стрелков в разных частях своей линии, на случай атаки, которые будут выдвинуты вперед к любому заданному пункту, как того потребуют обстоятельства. [FN]

[FN] МИСС инструкции, найденные среди захваченных бумаг Сент-Леджера.

Из этих чрезвычайных мер предосторожности вполне можно сделать вывод, что генерал Сент-Леджер, который, вероятно, действовал во многом по совету сэра Джона Джонсона и провинциальных беженцев, которые, должно быть, были лучше всех знакомы со страной и характером врага, с которым им предстояло столкнуться, немало опасался внезапного нападения на марше.

В дополнение к уже указанным мерам, за день или больше вперед был отправлен отряд из 8-го полка с несколькими индейцами под командованием лейтенанта Берда. Этот офицер решительно продвигался вперед, но был несколько раздражен неподчинением и независимыми действиями своих союзников. Следующие выдержки из его личного дневника не только расскажут о его собственных затруднениях, но и проиллюстрируют характер индийских воинов, действующих совместно с регулярными войсками: —

[FN] МИСС Дневник лейтенанта. Генри Берд, захваченный у генерала Сент-Леджера полковником. Гансворт.

"*Вторник, 28 июля 1777 г.* — Пройдя две мили и не обнаружив никаких дикарей, я прождал их два часа. Прибывшие шестнадцать Сенек направились к Трем Рекам [FN] — ждали там два часа — приближалось семьдесят или восемьдесят Мессесогов, я предложил двигаться вперед. Они украли двух быков из обоза армии и не стали продвигаться вперед, а остались пировать. Я продвинулся без индейцев на семь миль дальше - всего на девятнадцать миль. Всю ночь выставлял четырех часовых из сержантского караула из двенадцати человек — сменялся каждый час—наведывался каждые полчаса. Все пожары потушили в 9 часов".

[FN] Место слияния рек Онейда, Сенека и Освего.

"*Среда*— Отправились в путь на следующее утро в шесть, дождавшись дикарей до этого времени, хотя таковые не появились. Приказал лодкам держать семьдесят удочек друг за другом — половина людей держала оружие в руках, в то время как другая половина гребла. Приказал, чтобы на любой из лодок, по которым будет открыт огонь, люди прыгали на берег. Остальным поддерживать их во время всего похода. Гребли всю ночь. Разбили лагерь в девятимильной точке.

"*Четверг, 30 июля.* — С двадцатью семью Сенеками и девятью Мессесогоми присоединился к вечеринке мистера Хайра. [FN] С нами было много дикарей, которые направились к Вуд-Крик, пройдя пятнадцать миль..."

[FN] Лейтенант. Волосы —впоследствии убиты.

-*Пятница.* — Дикари намеревались послать отряды в форт Стэнвикс, но не двигаться дальше всем скопом. Я созвал совет вождей — сказал им, что мне приказано подойти поближе к форту, — что, если они пойдут со мной, я буду доволен; но если они не пойдут, я возьму белых людей под свое командование и продолжу путь сам. Мессесогои сказали, что пойдут со мной. Сенека сказали, что я обещал прислушаться к советам их вождей — что это их способ

действовать осторожно. Я ответил, что я имел в виду только сражение в буше, но что я сообщил им о своих намерениях в бывшем лагере, чтобы помешать им [имеются в виду американцы] остановить ручей и окружить их форт. Но поскольку я обещал прислушаться к их советам, я зашел так далеко, что подождал до следующего утра - и тогда, конечно, выступил бы на рассвете. После небольшой консультации они, казалось, остались довольны тем, что я сказал, и сказали, что пошлют большую разведку, чтобы подготовить путь. Соответственно, восемь подростков или двадцать человек отправились в путь этим вечером ".

Генерал Шайлер приказал командиру форта Стэнвикс воспрепятствовать судоходству по реке Вуд-Крик путем вырубки в ней деревьев.

Однако 2 августа Берд ответил своему генералу, что никакие дикари не пойдут с ним в наступление, за исключением Энрикеса, могавка, и еще одного из Шести народов, его старого знакомого. Далее в письме говорится: "Этих двоих, сэр, я надеюсь иметь честь представить вам. Дикарь, известный под именем commodore Брэдли, был главной причиной того, что они не продвинулись вперед сегодня. Двенадцать Мессезог подошли через два или три часа после моего отъезда. Их, вместе с пятнадцатилетним разведчиком, о котором я имел честь упомянуть в моем последнем письме, достаточно, чтобы окружить форт Стэнвикс, если вы окажете мне любезность настолько, что не отдадите обратного приказа. [FN]"

[FN] Ср. оригинал письма, среди бумаг Гансворта.

Сент—Леджер получил это письмо в тот же день в Найн-Майл-Пойнт, откуда немедленно отправил следующий ответ:

- ГЕНЕРАЛ СЕНТ-ЛЕДЖЕР ЛЕЙТЕНАНТУ. БЕРД.
Найн-Майл-Пойнт, 2 августа 1777 года.

-Сэр,

"Я сию минуту получил ваше письмо, содержащее отчет о ваших операциях с момента вашего отделения, которые, как я с большим удовольствием сообщаю, были разумными и энергичными; ваше решение об осаде форта Стэнвикс совершенно правильное; и чтобы дать вам возможность сделать это с большим эффектом, я выделил Джозефа [Тайенданега] и его корпус индейцев для усиления вас. Вы заметите, что я не добьюсь ничего, кроме посвящения; и в случае, если враг, соблюдая осторожность и рассудительность, с которыми это сделано, предложит капитулировать, вы должны сказать им, что вы уверены, что я хорошо расположен выслушать их; это делается не для того, чтобы лишить молодого солдата какой-либо чести, а для того, чтобы присутствием войск предотвратить варварство и резню, которые когда-либо будут происходить там, где индейцы составляют такую превосходящую часть отряда; я выступлю отсюда в одиннадцать часов и буду рано после полудня у входа в ручей.

"Я, сэр, ваш самый тупой. и покорный слуга. БАРРИ СЕНТ-ЛЕДЖЕР. - *Лейтенант. Берд, 8-я регата.*
[FN]"

[FN] Рукопись оригинала письма, найденная среди бумаг Гансворта, содержит также "Анналы Кэмпбелла".

Капитальный ремонт форта был произведен лейтенантом. Берд немедленно—Брант прибыл к нему на помощь в то же время. Но результат последовавшей осады доказал, что британский командующий жестоко просчитался в настроении гарнизона форта Стэнвикс, ожидая скорой капитуляции. Тем не менее, его благоразумный приказ, целью которого было предотвратить ненужное жертвоприношение жизни от рук его индийских союзников, рассчитывающих, конечно, на легкую победу, был не менее похвален по этой причине.

Ситуация в самом форте Стэнвикс - или, скорее, в форте Шайлер, как его теперь следует называть, — в следующий раз требует внимания. В начале года, как мы уже видели, этим постом командовал полковник государственной службы Элмор. Срок полномочий этого офицера истек в апреле, полковник Питер Гансевоорт, также из войск штата, был назначен преемником полковника Элмора приказом генерала Гейтса от 26 числа того же месяца. Несмотря на труды полковника Дрейтона по ремонту сооружений в предыдущем году, полковник Гансворт нашел их в таком ветхом состоянии, что они были не только неоправданны, но и несостоятельны. Между этим офицером и генералом Шайлером завязалась оживленная переписка по этому вопросу, из которой явствует, что, не говоря уже о плачевном состоянии его обороны с учетом перспективы вторжения с Запада, его положение было в других отношениях достаточно плачевным. У него было лишь небольшое количество людей, и многие из них были больны из-за нужды. [FN-1] Вдобавок ко всему, ответственность за отношения с Индией была возложена на него специальным приказом генерала Шайлера от 9 июня. [FN-2]

[FN-1] Письма среди бумаг Гансворта.

[FN-2] "Вы будете поддерживать дружеские отношения с индейцами и не позволите произносить перед ними речи лицам, не работающим в департаменте по делам индейцев; и когда у вас будет возможность поговорить с ними, пусть ваша речь будет написана, а копия передана мне, чтобы уполномоченные могли быть проинформированы о каждой сделке с этими людьми". —*Письмо Шайлер полковнику Гансворту*. Полковник Г., не теряя времени, держал совет с теми вождями и воинами, которые все еще оставались дружелюбными, и, похоже, полностью завоевал их доверие. По этому случаю он произнес разумную речь, но в ней нет ничего, требующего дальнейшего обсуждения.

Вскоре после этого полковнику Маринусу Уиллетту было приказано присоединиться к гарнизону форта Шайлер со своим полком, и самым удачным был выбор такого офицера, как Уиллетт, для сотрудничества с таким другим офицером, как Гансевоорт; поскольку все навыки, энергия и мужество обоих были необходимы в данной ситуации. Само сооружение первоначально представляло собой квадратный форт с четырьмя бастионами, окруженный рвом значительной ширины и глубины, с потайным ходом и гласисом по трем его углам; другой был достаточно защищен низкой, болотистой почвой. Перед воротами был подъемный мост, перекрытый выступающим углом, приподнятым перед ним на гласисе. В центре рва был возведен ряд перпендикулярных частоколов, а ряды горизонтальных частоколов были закреплены вокруг валов под амбразурами. Но после окончания войны с Францией форт пришел в упадок; ров был засыпан, а частоколы сгнили и обвалились; [FN-1] также не было достигнуто никакого

надлежащего прогресса в его ремонте. Немедленные усилия, энергичные и неустанные, были необходимы для ремонта, или, скорее, для обновления и реконструкции сооружений и приведения их в состояние обороны на случай, если с этой стороны последует давно ожидаемое вторжение. Более правильное представление о плачевном состоянии почты вплоть до начала июля можно получить из прилагаемого письма:—[FN-2]

[FN-1] Рассказ Уиллетта.

[FN-2] Копия ср., сохранившаяся среди бумаг генерала Гансворта.

"Полковник ГАНСВОРТ ГЕНЕРАЛУ ШАЙЛЕРУ.

Форт Шайлер, 4июля, 1777 года.....

"Сэр,

"Проведя тщательный анализ состояния гарнизона, я считаю своим долгом сообщить вашему превосходительству о наших нынешних обстоятельствах. Капитану Маркизи оказывается всяческая помощь, позволяющая ему выполнять такие работы, которые считаются абсолютно необходимыми для обороны гарнизона. Солдаты постоянно находятся в работе — даже те из них, которые застают врасплох, сразу же начинают уставать. Но я не могу скрыть от вашего превосходительства невозможности полностью выполнить все важные задачи, указанные в приказах, отданных командиру станции, без дальнейшей помощи. Отправка достаточного количества наблюдательных групп, вырубка леса в Вуд-Крик, расчистка дороги из форта Дейтон, которая во многих местах настолько запутана, что становится непроходимой, и в то же время ведение внутренних дел гарнизона - это задачи величайшей важности, которые следует, по возможности, рассмотреть немедленно. Но хотя никакие усилия, совместимые с обстоятельствами, в которых мы находимся, и необходимые для удовлетворения вашего превосходительства в отношении всех этих интересных вопросов, не будут опущены, я очень хорошо понимаю, что не в наших силах преодолеть некоторые серьезные препятствия без подкрепления. Прилагаемый отчет и трудности, возникающие из-за растущего числа враждебных индейцев, покажут вашему превосходительству обоснованность моего мнения. Чтобы быстро и эффективно перекрыть Вуд-Крик, потребуется сто пятьдесят человек; такое же количество потребуется для охраны людей, работающих на рубке и транспортировке леса. Такое сокращение нашей численности, вместе с меньшими сокращениями разведывательных отрядов, едва ли оставило бы человека в гарнизоне, который, следовательно, мог бы быть легко застигнут врасплох ничтожным отрядом противника. Число враждебно настроенных индейцев увеличивается. В ходе событий прошлой недели появились только двое. Вчера отряд по меньшей мере из сорока человек, предположительно эмиссаров Батлера, напал на энсина Спорра с шестнадцатью рядовыми, которые от усталости рубили дерн примерно в трех четвертях мили от форта. Один солдат был доставлен мертвым и бесчеловечно искалеченным; двое были доставлены ранеными — один из них легко, а другой смертельно. Шесть рядовых и мистер Спорр пропали без вести. Два отряда были немедленно отправлены преследовать врага, но они вернулись, так и не сумев догнать его. Этот успех, без сомнения, побудит их выслать большее количество войск; а разведданные, которые они, возможно, получают, вероятно, поторопят основные силы, предназначенные действовать против нас в этих краях. Наши запасы сильно уменьшаются из-за порчи говядины и того количества, которое приходится время от

времени отдавать индейцам. Ее хватит не более чем на шесть недель. Ваше превосходительство, вероятно, заметит, ознакомившись с возвращением капитана Сэвиджа о состоянии артиллерии, что некоторых предметов первой необходимости очень не хватает. Поскольку большое количество огнестрельных пуль не подходит для запорных устройств, нам было бы очень полезно иметь несколько форм для пуль разных размеров для отливки других. Наш запас пороха абсолютно мал; требуется тонна, в дополнение к тому, что у нас есть, поскольку для дробы, имеющейся у нас под рукой, требуется наименьшее количество. Мы, несмотря на все трудности, приложим все усилия, насколько это в наших силах; и если вашему превосходительству будет угодно приказать о скорейшем подкреплении достаточным запасом провизии и боеприпасов, чтобы мы могли выдержать осаду, мы, я надеюсь, с Божьего благословения сможем дать хороший отчет о любых силах, которые, вероятно, выступят против нас".

Картина достаточно мрачная; и она стала еще более мрачной из-за ошибок инженера, француза, который работал на генерала Шайлера и которого в конечном итоге сочли необходимым арестовать и отправить обратно в штаб. Полковник Уиллетт с самого начала сомневался в способностях Маркизи, и после его увольнения работа продолжалась по большей части под его непосредственным руководством.

Рассказ Уиллетта.

Гарнизону пришлось столкнуться и с другими трудностями. Когда разношерстные силы Сент-Леджера были собраны в Освиге, готовясь к его спуску на Могавк, индейцы, как уже было видно из письма Гансворта, начали появляться разведывательными отрядами в окрестных лесах. Поэтому необходимо было соблюдать предельную осторожность при выезде из форта, даже на короткое расстояние. Именно в этот критический период произошел известный инцидент с капитаном Греггом и его верной собакой, о котором полковник Гансворт дал следующий краткий отчет:

"Полковник. ГАНСЕВОРТ ГЕНЕРАЛУ . ШАЙЛЕР, (ОТРЫВОК.)

Форт Шайлер, 26 июня 1777 г.

"С сожалением сообщаю вашей чести, что капитан Грегг и капрал Мэдисон из моего полка вчера утром вопреки приказу устроили стрельбу. Кажется, они вышли сразу после завтрака, и примерно в 10 часов капрал Мэдисон был убит и с него сняли скальп. Капитан Грегг был ранен в спину выстрелом из томагавка и с него сняли скальп, и он все еще жив. Он сообщает мне, что несчастье случилось около десяти часов утра. Он посмотрел на часы после того, как с него сняли скальп. Он увидел только двух индейцев. Он находился примерно в полутора милях от форта, и его обнаружили только в два часа дня. Я немедленно выслал отряд и приказал доставить его в форт сразу после трех часов, а также труп Мэдисона. Грегг в полном здравии и говорит твердо и сердечно, несмотря на то, что его выздоровление сомнительно".

[FN] Рукопись первоначального проекта среди бумаг полковника. Гансворта.

В поведении полковника Гансворта было мало романтики, и он рассказал об инциденте с военной лаконичностью. Эта история, однако, часто рассказывалась с различными дополнениями, особенно в отношении верного пса раненого солдата, чьей ласковой пронизательности он, как говорят, был обязан своим открытием, если не своей жизнью. Согласно рассказу президента Дуайта, похоже, что Грегга и его спутницу склонили к фатальному неповиновению приказам тучи голубей, появившиеся в соседнем лесу. Сразу же после их падения индейцы бросились к ним за скальпами, которые они забрали, одновременно нанеся каждому удар по голове своими томагавками. Капрал был убит выстрелом, но капитан Грегг был только ранен. Однако, симулируя смерть, у него хватило присутствия духа подвергнуться последующей пытке, не выдав себя ни стоном, ни дрожью мускула. Индейцы немедленно удалились, капитан Грегг подполз к своему бездыханному товарищу и положил его голову ему на плечо; в то время как его верный пес побежал к месту неподалеку, где двое мужчин занимались рыбной ловлей, и своими умоляющими взглядами и многозначительными действиями убедил их последовать за ним к тому месту, где лежал его раненый хозяин. Поспешив в форт, рыбаки сообщили о том, что они видели, и отряд солдат был немедленно отправлен на место, тела раненых и мертвых были быстро доставлены в гарнизон, как мы видели из официального отчета полковника. Капитан Грегг был тяжело ранен, независимо от того, что с него сняли скальп; и его состояние долгое время было критическим.

[FN] В истории утверждалось, что Сент-Леджер поощрял эти отдельные убийства, назначая большие суммы за скальпы. Говорят, что ценой, которую он заплатил, было двадцать долларов; но его послание лейтенанту Берд, процитированное ранее, не подтверждает обвинение в такой бесчеловечности. Эта депеша была частным документом, более того, написанным не для красного словца или для эффекта, и поэтому должна быть принята как подлинная. Она была найдена среди полковников. Документы Гансворта.

Дружественные индейцы, в основном, если не исключительно, Онейды, хотя по—прежнему действовали и говорили от имени Шести наций, обратились с соболезнованием к полковнику Гансворту по этому поводу, на что последний дал соответствующий ответ, который единственный сохранился и гласит следующее:

"БРАТЯ-ВОИНЫ ШЕСТИ НАЦИЙ: Я благодарю вас за вашу хорошую беседу.

"БРАТЯ: Вы говорите нам, что сожалеете о жестоком обращении с капитаном Греггом и убийстве одного из наших воинов; что вы немедленно преследовали бы убийц, если бы генерал Шайлер, генерал Гейтс и французский генерал не пожелали, чтобы вы не принимали никакого участия в этой войне; и что вы подчинились их приказам и полны решимости это сделать. Я высоко оцениваю вашу добрую волю и намерение.

"БРАТЯ: Вы говорите, что послали гонца к Шести нациям, чтобы сообщить им о случившемся, и что вы ожидаете, что некоторые из ваших вождей разберутся в этом деле и попытаются найти убийц. Вы хорошо поработали. Я буду рад выкурить трубку с вашими начальниками и надеюсь, что они сделают то, что сказали.

"БРАТЬЯ: Я надеюсь, что зло было совершено не кем-либо из наших добрых друзей из нации Онейда, а Тори, которые являются врагами как для вас, так и для нас, и которые готовы убить вас самих, ваших жен и детей, если вы не будете такими же злыми, как они.

"БРАТЬЯ: Когда ваши вожди убедят меня, что индейцы Шести народов непричастны к этому злодейству, и воспользуются средствами, чтобы найти убийц и предать их правосудию, вы можете быть уверены, что мы укрепим цепь дружбы и примем вас как наших добрых братьев. Я не допущу, чтобы кто-нибудь из наших воинов причинил тебе вред.

Обращение содержало два или три дополнительных абзаца, касающихся других тем. Капитан Грегг выздоровел и вернулся к своим обязанностям; прослужив до конца войны, он прожил много лет после этого.

Другой трагический инцидент произошел почти в то же время. Около полудня 3 июля, день был совершенно ясный. Полковник Уиллет был вырван из своей сиесты звуком мушкетной стрельбы. Пospешив к парапету гласиса, он увидел маленькую девочку, бегущую с корзинкой в руке, а по ее груди стекала струйка крови. При расследовании фактов выяснилось, что девушка с двумя другими людьми собирала ягоды менее чем в двухстах ярдах от форта, когда они были обстреляны отрядом индейцев, и двое из них были убиты. К счастью, та, кому оставалось только рассказать эту историю, была лишь слегка ранена. Одна из убитых девушек была дочерью инвалида, много лет прослужившего в британской артиллерии. Он имел право на место в больнице Челси, но предпочел остаться возделывать небольшой участок земли в Форт-Стэнвиксе, чем снова пересечь океан. [FN]

Рассказ Уиллетта.

К середине июля индейцы, слонявшиеся вокруг форта, стали такими многочисленными и дерзкими, что вызывали большое раздражение. Большие отряды солдат могли выходить за границу только в самых экстренных случаях; и даже один из них подвергся нападению, несколько человек из его состава были убиты и ранены, а командовавший им офицер взят в плен. Силы гарнизона в то время насчитывали около пятисот пятидесяти человек, плохо обеспеченных, как мы уже видели, как провизией, так и боевым снаряжением. К счастью, однако, 2 августа, в самый день взятия форта наступающей армией Сент-Леджера под командованием Тайенданеги и Берда, подполковник Меллон из полка полковника Уэстона прибыл с двумя сотнями человек и двумя батальонами провианта и военных припасов. Не теряя ни минуты, они доставили эти припасы в форт. Промедление действительно было бы опасным, ибо в тот момент, когда в форт прибыли последние грузы, враг появился на опушке леса, так близко от лодок, что командовавший ими капитан стал их пленником. [FN]

Рассказ Уиллетта.

Под командованием полковника Гансворта теперь насчитывалось всего семьсот пятьдесят человек; и после проверки было установлено, что у них есть провизия на шесть недель — с запасом боеприпасов, достаточным для стрелкового оружия. Но пушек у них было катастрофически мало — их едва хватало на девять выстрелов в сутки в указанный период.

Перед фортом стояла осаждающая армия, и ее гарнизон был без флага! Но поскольку необходимость - мать изобретательности, они недолго пребывали в такой нужде. Белые полосы были вырезаны из амуниционных рубашек; синие - из камуфляжного плаща, захваченного у врага; в то время как красные были получены из такого хлама одежды этого оттенка, который имелся под рукой. [FN] И, вооружившись таким образом, началась знаменитая оборона форта Шайлер.

[FN] То же самое.

Таково было состояние форта Шайлер в начале памятной осады 1777 года — события с сопутствующими обстоятельствами, составляющего важную черту в войне на северной границе Революции, полковник Сент-Леджер [FN-1] сам прибыл к форту 3 августа со всеми своими силами — разношерстным сборищем британских регулярных войск, вспомогательных войск Гессена, лоялистов Нью-Йорка, обычно называемых "зелеными Джонсона", вместе с большим количеством канадцев и индейцев под командованием Тайенданеги. Сэр Джон Джонсон и полковники Клаус и Батлер [FN-2] также участвовали вместе с ним в экспедиции. Утром того же дня в форт был отправлен флаг с копией довольно помпезного воззвания от Сент-Леджера, которое, вероятно, предполагалось, из-за его хвастливых угроз и щедрых обещаний, могло произвести сильное впечатление на гарнизон. "Силы, вверенные моему командованию, предназначены для действий согласованно и на основе общего принципа с многочисленными армиями и флотами, которые уже демонстрируют в каждом квартале Америки мощь, справедливость и, при надлежащем обращении, милосердие короля". Так началось провозглашение. После осуждения "противоестественного восстания" как уже ставшего "фундаментом для совершеннейшей системы тирании, которую Бог в своем неудовольствии на какое—то время допустил над непокорным и упрямым поколением", и обвинения в том, что "произвольное тюремное заключение, конфискация имущества, преследования и пытки, беспрецедентные в инквизициях Римской церкви, были среди ощутимых чудовищ, подтверждавших утверждение", — и после осуждения "профанации религии" и других "шокирующих действий" гражданских властей и мятежных комитетов, прокламация продолжалась: "воодушевленный этими соображениями; во главе войск в полном здравии, дисциплине и доблести; преисполненный решимости наносить удары там, где это необходимо, и стремящийся щадить, когда это возможно, я этими подарками приглашаю и увещаю всех людей во всех местах, куда может указать прогресс этой армии, и, с благословения Божьего, я распространю его далеко, поддерживать такое поведение, которое может оправдать меня в защите их земель, жилищ и семей ". Целью его обращения было обеспечить безопасность, а не грабеж; он предлагал работу тем, кто присоединится к его знаменам; безопасность немощным и трудолюбивым; и оплату монетами за все припасы, которые люди доставят в его лагерь. В заключение он сказал— "Если, несмотря на эти усилия и искреннее стремление осуществить их, неистовая враждебность сохранится, я надеюсь, что буду оправдан в глазах Бога и людей, осудив и приведя в исполнение месть государства против своевольных изгоев. Посланцы справедливости и гнева ждут их на поле боя; и разруха, голод и все сопутствующие ужасы, которые должно вызвать вынужденное, но необходимое выполнение воинского долга, преградят им путь к возвращению ". [FN-3]

[FN-1] Из книг трудно определить, каков был в то время точный ранг Святого Леджера. Обычно его называли бригадным генералом. Некоторые современные авторы называли его полковником Сент-Леджером. Но в депешах генерала Бергойна лорду Джорджу Джермейну от 20 августа 1777 года он неоднократно именуется подполковником Сент-Леджером. Биссетт также называет его полковником Сент-Леджером. Но, тем не менее, он подписал свое имя бригадного генерала в письме полковнику. Гансворту от 9 августа.

[FN-2] В начале войны Джон Батлер был подполковником полка ополчения округа Трайон, в котором Гай Джонсон был полковником, а Джеллс Фонда - майором. Сэр Джон был произведен в генералы после смерти своего отца.

[FN-3] Полностью прокламацию см. В Приложении № III. Это копия, или почти копия, прокламации, почти одновременно изданной генералом Бергойном, объявившим о своем наступлении со стороны озера Шамплейн.

Однако этот манифест не произвел никакого эффекта ни тогда, ни впоследствии. Осаду ожидали, и храбрый гарнизон, офицеры и рядовые, подсчитали цену и решили защищать крепость до последнего. Соответственно, активные боевые действия начались утром следующего дня. Индейцы, прятавшиеся за зарослями кустарника и пнями деревьев, немало досаждали людям, которые были заняты возведением брустверов со своими ружьями. Несколько человек были ранены; и было сочтено необходимым немедленно разместить снайперов в подходящих точках, чтобы они высматривали возможности и открывали ответный огонь. 5-я была проведена почти таким же образом, с добавлением того, что противник выпустил несколько снарядов, несколько из которых упали в пределах форта, а несколько - в казармах. "Вечером этого дня, вскоре после наступления темноты, индейцы, которых было по меньшей мере тысяча человек, рассредоточились по лесу, полностью окружив форт, и подняли ужасный вой, который продолжался с перерывами большую часть ночи". [FN]

Рассказ Уиллетта.

Начав таким образом свои операции, полковник Сент-Леджер нашел способ передать разведданные генералу Бергойну, ни на секунду не предвидя печальных обстоятельств, в которые уже оказался вовлечен главнокомандующий северными силами, хотя и на полпути к победе. Постоянно преследуемый побежденными врагами; неспособный раздобыть припасы, кроме как отправив их обратно в Форт Джордж, на службе в котором его войска были уже сильно утомлены; из Канады прибыло менее трети его лошадей; дороги были чрезвычайно плохими и из-за проливных дождей стали практически непроходимыми; имея под рукой провизии всего на четыре дня; хвастливый генерал, который хвастался в британской столице, что с десятью тысячами человек он может в свое удовольствие пройти маршем через всю мятежную страну, уже оказался в незавидном положении. Но, узнав о наступлении генерала Сент-Леджера, он немедленно и справедливо рассудил, что быстрое продвижение вперед на этом критическом этапе будет иметь первостепенное значение. Если отступающие американцы продолжают движение вверх по реке Мохок с целью освобождения форта Шайлер, то в случае успеха Сент-Леджера против этого места они окажутся между двух огней; или, возможно, Бергойн предполагал, что, если американцы предпримут такое движение, он все же может бросить свою армию между ними и Олбани и таким образом вынудить их либо принять генеральное

сражение, либо ударить вправо и, переправившись через Гудзон выше по течению, обеспечить себе отступление в Новую Англию. Если, с другой стороны, американцы бросят форт Шайлер на произвол судьбы, а сами отступят к Олбани, он утверждал, что страна могавков, конечно, будет полностью открыта для него; его соединение с Сент-Леджером установлено, и объединенная армия будет вольна выбирать направление своих будущих операций. [FN] Но его припасов было недостаточно для такой масштабной операции, а его армия была слишком слаба, чтобы позволить ему поддерживать такую сеть постов, которая позволила бы ему ежедневно доставлять их с склада на Лейк-Джордж. Таким образом, с целью получения немедленной помощи и открытия нового источника снабжения, особенно скота, из верхних поселений Новой Англии, была спланирована экспедиция в Беннингтон, место складирования провизии для провинциальных войск, которая была передана отряду гессенских войск под командованием полковника Баума для исполнения. Явный провал этой экспедиции был рассчитан еще больше на то, чтобы смутить и подавить захватчиков; в то время как блестящий успех ополчения под командованием генерала Штарка в том случае, доказавший, что ни английские, ни немецкие войска не были непобедимы, возродил упавший дух обескураженных; вновь вселил в людей уверенность в конечном успехе; и стал источником всеобщего ликования.

Лондонский журнал Universal Magazine.

Развитие событий возвращает нас в нижнюю часть долины Могавк. Как только о наступлении Сент-Леджера на форт Шайлер стало известно Комитету и офицерам округа Трайон, генерал Херкимер, в соответствии с процитированным выше заявлением, вызвал ополчение под своим командованием на поле боя с целью выступить на помощь гарнизону. Несмотря на уныние, царившее в начале лета, на призыв благородно откликнулись не только ополченцы, но и джентльмены графства и большинство членов Комитета, которые отправились на поле боя либо в качестве офицеров, либо в качестве рядовых добровольцев. Страхи, которым так часто и так недавно потворствовали, казалось, исчезли с прибытием захватчика, и вскоре генерал оказался во главе от восьмисот до тысячи человек, все они были полны решимости действовать и не терпели промедления. Местом их встречи был Форт Дейтон, (Немецкие равнины) в верхней части долины Мохок — и самой красивой. Полки состояли из полковников Клока, Вишера, Кокса и одного или двух других, дополненных добровольцами и офицерами-добровольцами, которые продвигались вперед, как будто были полны решимости во что бы то ни стало восстановить репутацию графства. Действительно, их действия были слишком стремительными, поскольку они поспешили вперед в своем марше без порядка или предосторожностей, без соответствующих фланговых отрядов и без разведки местности, по которой им предстояло пройти. 4-го числа они двинулись из форта Дейтон, а 5-го достигли окрестностей Орискани, [FN-1] где разбили лагерь. С этого момента генерал Херкимер отправил вперед экспресс [FN-2], чтобы проинформировать полковника Гансворта о его приближении и согласовать меры сотрудничества. О прибытии курьерского поезда в форт должны были возвестить три последовательных пушечных залпа, звук которых, как предполагалось, будет отчетливо слышен в Орискани, всего в восьми милях отсюда. Однако возникли задержки, так что гонцы добрались до форта только к десяти или одиннадцати часам следующего утра; до этого в лагере противника было необычно тихо, и гарнизон заметил, что часть их войск движется вдоль опушки леса вниз по реке, в направлении ручья Орискани. [FN-3] Согласованные сигналы были поданы немедленно; [FN-4] и поскольку предложение Херкимера состояло в том, чтобы

прорваться к форту, полковник Гансевурт немедленно принял меры для отвлечения внимания противника, совершив вылазку из форта на вражеский лагерь, для чего были выделены двести человек, состоящих наполовину из Гансевурта и наполовину из массачусетских войск, и одно полевое орудие — железная трехфунтовая пушка. Осуществление этого предприятия было поручено полковнику Уиллетту. [FN-5]

[FN-1] Вероятно, на месте Уайтстауна. В одном из рассказов MS., имеющих у автора, говорится, что они переправились через реку в старом форте Шайлер (ныне Утика).

[FN-2] Адам Хенер в сопровождении двух других мужчин.

[FN-3] Письмо полковника Уиллетта губернатору штата Коннектикут Трамбуллу.

[FN-4] РУКОПИСЬ капитана Генри Сибера, находящаяся во владении автора. Смотрите также рассказ Уиллетта.

[FN-5] Письмо Уиллетта губернатору Трамбаллу. Офицерами, служившими в этом отряде, были капитан Ван Беншотен и лейтенант Стоквелл, возглавлявшие авангард; капитаны Аллен (из Массачусетса) Бликер, Джонсон и Свартваут; лейтенанты Дифендорф, Конин, Богардус, М.^к Кленнер и Болл; прапорщики Чейз, Бейли, Льюис, Деннистон, Мэги и Арнент. Арьергардом командовал майор Бадлам.

Похоже, что утром того дня, то есть 6 августа, у генерала Херкимера возникли опасения относительно целесообразности дальнейшего продвижения без предварительного получения подкреплений. Его офицеры, однако, были полны решимости продвигаться вперед. Было проведено совещание, в ходе которого некоторые офицеры проявили большое нетерпение по поводу любой задержки, в то время как генерал по-прежнему убеждал их оставаться на местах до подхода подкрепления или, по крайней мере, до тех пор, пока из форта не поступит сигнал о вылазке. Последовали громкие слова, во время которых полковники Кокс, Пэрис и многие другие прямо в лицо называли своего командира консерватором и трусом. Храбрый старик спокойно ответил, что считает себя поставленным над ними как отец и что у него не было желания втягивать их в какие-либо затруднения, из которых он не мог бы их вытащить. Горя, как им теперь казалось, желанием встретиться с врагом, он прямо сказал им, что они обратятся в бегство при первом его появлении. [FN-1] Но его увещевания были тщетны. Их шум усилился, и их упреки повторялись до тех пор, пока, уязвленный обвинениями в трусости и недостатке верности делу, [FN-2] и несколько раздраженный этим, генерал немедленно не отдал приказ— "Марш вперед!" [FN-3] Едва были услышаны эти слова, как войска издали крик и двинулись, или, скорее, бросились вперед. Они маршировали шеренгами в два ряда, впереди шел передовой отряд, прикрывая фланги с каждой стороны. [FN-4]

[FN-1] Путешествия президента Дуайта, том iii. стр. 192.

[FN-2] Ср. заявление Джорджа Уолтера, находящееся у автора; также Генри Сибера.

[FN-3] Заявление Адама Миллера, имеющееся у автора.

[FN-4] Большинство авторов утверждали, что даже эти обычные меры предосторожности не были соблюдены. Миллер и Уолтер, однако, оба утверждают этот факт.

К 10 часам они быстро продвинулись вперед всего на две или три мили, [FN-1] гвардейцы, как спереди, так и с флангов, были внезапно сбиты, лес огласился боевыми кличами свирепого врага, и в одно мгновение большая часть дивизии оказалась посреди грозной засады. Полковник Сент-Леджер, как оказалось, услышав о наступлении генерала Херкимера, чтобы предотвратить атаку в своих укреплениях, выделил подразделение Зеленого полка сэра Джона Джонсона под командованием шурина сэра Джона, майора Уоттса, полковника Батлера со своими рейнджерами и Джозефа Бранта с сильным отрядом индейцев, чтобы перехватить его приближение. [FN-2] С истинно индийской проницательностью Тайенданегеа выбрал позицию, превосходно подходящую для его цели, которая заключалась в том, чтобы заманить американцев, которые, как он хорошо знал, приближались не в очень хорошем боевом порядке, в засаду. Местность благоприятствовала его замыслу. Тропу, которую пересекал Херкимер со своим недисциплинированным отрядом, пересекал глубокий овраг, "полукругом уходящий на Восток и имеющий северное и южное направление. Дно этого оврага было болотистым, и дорога пересекала его с помощью дамбы. Земля, таким образом, частично окруженная оврагом, была возвышенной и ровной. Засада была устроена на возвышенности к западу от оврага". [FN-3]

[FN-1] Поле боя находится примерно в двух милях к западу от Орискани и в шести от Уайтсборо.

[FN-2] Во всех отчетах об этом сражении, попавших в поле зрения автора, за исключением отчета полковника Уиллетта, сэр Джон Джонсон назначен британским командующим в этом сражении. Он вообще не участвовал в этом, как выяснится несколькими страницами позже. Даже осторожный и любознательный президент Дуайт впадает в ошибку и повторяет ее во всем своем отчете.

[FN-3] Анналы Кэмпбелла.

Враг ловко расположился по кругу, оставив открытым лишь узкий участок для пропуска незадачливых провинциалов при их приближении. Эта стратегия увенчалась успехом. Не подозревая о присутствии противника, Херкимер со всей своей армией, за исключением арьергарда, состоявшего из полка полковника Вишера, оказался окруженным при первом же обстреле - враг закрыл брешь в тот момент, когда о себе стало известно. Таким ранним завершением окружения обозы с багажом и боеприпасами, которые только что спустились в овраг, были отрезаны и отделены от основных сил, как и полк полковника Вишера, все еще находившийся на восточной стороне оврага; которые, как и предсказывал их генерал, мгновенно и бесславно бежали, оставив своих товарищей на произвол судьбы. Однако часть индейцев преследовала их, и они, вероятно, пострадали более жестоко, чем пострадали бы сами, если бы в трудную минуту оказались рядом со своими товарищами, чтобы победить или пасть.

Приведенная в непоправимый беспорядок внезапностью нападения и разрушительной силой огня, который велся со всех сторон, дивизия на какое-то время оказалась под угрозой уничтожения. При каждом удобном случае дикари, прячась за стволами деревьев, бросались

вперед с ножами и томагавками, чтобы обеспечить уничтожение тех, кто падал; и многочисленными и ожесточенными были столкновения, которые завязывались врукопашную. Ветеран Херкимер упал, раненый, в начале боя — мушкетная пуля прошла навывлет и убила его лошадь, а его собственная нога была раздроблена чуть ниже колена. [FN-1] Однако генерала посадили в седло, прислонив к стволу дерева для поддержки, и таким образом он продолжал отдавать приказы о сражении. Полковник Кокс и капитаны Дэвис и Ван Слейк были убиты по несколько человек незадолго до начала сражения; и резня в их прорванных рядах от ружей тори и копий и томагавков индейцев была ужасной. Но даже в этой плачевной ситуации раненый генерал, его люди падали вокруг него, как листья, а лес оглашался ужасными воплями дикарей, высоким и диким звоном перекрывавшими шум битвы, вели себя с величайшей твердостью и хладнокровием. Бой длился около сорока пяти минут в большом беспорядке, прежде чем жители провинции построились в кольцо, чтобы отразить атаки противника, который концентрировался и приближался к ним со всех сторон. [FN-2] С этого момента сопротивление провинциалов стало более эффективным, и противник попытался атаковать штыком. Стрельба на время прекратилась, если не считать разрозненных выстрелов из мушкетов со стороны индейцев; и когда штыки скрестились, сражение превратилось в смертельную схватку, рука к руке и нога к ноге. Однако никогда храбрые люди не выдерживали атаки с таким бесстрашием, и враг на мгновение, казалось, отступил - как раз в тот момент, когда дело смерти было остановлено сильным ливнем, который внезапно обрушился на сражающихся с большой яростью. Буря бушевала более часа, в течение которого противник искал такое укрытие, какое только можно было найти среди деревьев на почтительном расстоянии; ибо они уже серьезно пострадали, несмотря на преимущества в их пользу.

[FN-1] Счет мисс Уолтон.

[FN-2] Первое движение такого рода было сделано Джейкобом Сибером без приказа, согласно повествованию Генри Сибера.

Во время этой приостановки сражения у обеих сторон было время осмотреться и принять такие новые диспозиции, какие им нравились для атаки и защиты, при возобновлении кровопролитного конфликта. Жителям провинции под руководством своего генерала посчастливилось овладеть выгодным участком местности, на котором его люди построились в круг и, когда ливень прекратился, стали ожидать передвижения противника. В начале сражения индейцы, всякий раз, когда они видели ружье, из которого стрелял ополченец из-за дерева, бросались на него и ранили томагавками, прежде чем он успевал перезарядить его. Чтобы противодействовать такому способу ведения войны, двое мужчин расположились за единственным деревом, один стрелял только по очереди, другой, как и раньше, придерживал огонь до тех пор, пока не подбегут индейцы. [FN-1] Вскоре бой возобновился, и из-за новой расстановки сил и хладнокровного применения огня ополченцев, образовавших основное кольцо, индейцам пришлось серьезно пострадать; настолько сильно, что они начали уступать, когда майор Уоттс [FN-2] подошел с подкреплением, состоящим из другого отряда "Зеленых Джонсона". [FN-3] Эти люди были в основном лоялистами, которые бежали из округа Трайон, а теперь вернулись с оружием в руках против своих бывших соседей. Как никакие ссоры не бывают такими ожесточенными, как семейные, так и никакие войны не бывают такими жестокими и страстными, как те, что называются гражданскими. Многие провинциалы и

зеленые были знакомы друг с другом; и по мере того, как они сближались настолько, что открывались возможности для взаимного признания, соревнование становилось, если это возможно, более смертельной схваткой, чем раньше. Взаимные обиды, чувства ненависти и мести бушевали в их сердцах. Провинциалы стреляли по ним, когда они продвигались вперед, а затем, выскакивая, как разъяренные тигры, из своих укрытий, атаковали их штыками и прикладами мушкетов, или обе стороны при более тесном контакте душили друг друга и вытаскивали ножи; нанося удары, а иногда и буквально умирая в объятиях друг друга.

[FN-1] Анналы Кэмпбелла.

[FN-2] Брат покойного почтенного Джона Уоттса из Нью-Йорка.

[FN-3] Кэмпбелл. Противник, как и на марше из Освиге, выставил линию часовых на небольшом расстоянии друг от друга, протянувшуюся от укреплений Сент-Леджера до места боевых действий; так что обмен сообщениями мог осуществляться быстро и в любое удобное время.

Наконец вдалеке от форта послышалась стрельба - звук, столь же желанный для провинциалов, сколь и ошеломляющий врага. Однако, воспользовавшись намеком, полковник Батлер *предпринял* военную уловку, которая едва не оказалась фатальной. Это была внезапная отправка со стороны форта отряда зеленых, замаскированного под американские войска, в расчете на то, что они могут быть приняты гарнизоном в качестве своевременного подкрепления. Лейтенант Джейкоб Сэммонс был первым, кто заметил их приближение в направлении отряда людей под командованием капитана Джейкоба Гарденье — офицера, который в тот памятный день проявил чудеса доблести. Заметив, что у них американские шляпы, Сэммонс сообщил капитану Гарденье, что из форта подходит подмога. Быстрый глаз капитана уловил уловку, и он ответил— "Это не так; они враги; разве вы не видите их зеленые мундиры!"

[FN-1] Они продолжали наступать, пока Гарденье не окликнул их, и в этот момент один из его собственных солдат, заметив знакомого и приняв его за друга, выбежал ему навстречу и протянул руку. Это было воспринято, но не по-дружески, поскольку доверчивого парня оттащили в линию противника и сообщили, что он пленник. Он не сдался без борьбы, во время которой Гарденье, наблюдавший за действием и результатом, прыгнул вперед и ударом своего копья поверг захватчика в пыль и освободил его. [FN-2] Другие враги немедленно набросились на него, из которых он убил второго и ранил третьего. Трое переодетых зеленых набросились на него, и одна из его шпор запуталась в их одежде, он был сброшен на землю. Однако, все еще сопротивляясь с почти нечеловеческой силой, оба его бедра были пригвождены к земле штыками двух нападавших, в то время как третий приставил штык к его груди, как будто хотел проткнуть его насквозь. Схватив этот штык левой рукой, внезапным рывком он повалил его владельца на себя, где держал его как щит от рук других, пока один из его собственных людей, Адам Миллер, [FN-3] наблюдавший за борьбой, не бросился ему на помощь. Когда нападавшие повернулись к своему новому противнику, Гарденье вскочил со своего места; и хотя его рука была сильно поранена из-за того, что он схватился за проткнувший ее штык, он схватил свое копье, лежавшее рядом с ним, и быстро, как молния, вонзил его в острие в боку противника, с которым он был сжат. Мужчина упал и испустил дух — оказалось, что это лейтенант М.^c Дональд, один из офицеров-лоялистов из округа Трайон. Все это произошло за гораздо меньшее время, чем обязательно требуется для данного отношения. Во время борьбы кто-то из его людей крикнул Гарденьеру— "Ради бога, капитан, вы убиваете своих собственных людей". Он

ответил— "Это не наши люди — они враги — отстреливайтесь!" Последовал смертельный огонь со стороны провинциалов, в ходе которого погибло около тридцати зеленых и много индейских воинов. Стороны снова бросились друг на друга со штыками и копьями, сцепившись и сражаясь со страшной яростью; в то время как треск стрел и лязг стали смешивались со всеми ужасными звуками войны и смерти, а дикие вопли, более отвратительные, чем все остальные, представляли сцену, которую легче представить, чем описать. [FN-4] Непревзойденная сила духа и храбрость капитана Гарденье придали бодрости его людям, некоторые из которых также проявили чудеса доблести. Случилось так, что во время *рукопашной схватки*, в которой противоборствующие стороны смешались в большом замешательстве, трое зеленых Джонсона ворвались в круг провинциалов и попытались взять в плен капитана Дилленбека. Этот офицер заявил, что его никогда не возьмут живым, и это было не так. Один из трех нападавших схватил его за пистолет, но он внезапно вырвал его у него и ударил прикладом. Второго он застрелил насмерть, а третьего проткнул штыком насквозь. [FN-5] Но в момент его триумфа, которым мог бы гордиться даже могучий Гектор или любой из сыновей Саруи, пуля повергла этого храбреца в пыль.

[FN-1] Рукописный рассказ Уильяма Гарденье, находящийся во владении автора.

[FN-2] Idem.

[FN-3] Тот самый, чей личный рассказ уже цитировался.

[FN-4] Рукопись Уильяма Гарденье. Именно по поводу этих индивидуальных подвигов красноречивый гувенер Моррис так говорил в своем обращении к Нью-Йоркскому историческому обществу: "Позвольте мне напомнить, джентльмены, насколько вы помните, о том кровавом поле, на котором пал Херкимер. Там были найдены индеец и белый человек, родившиеся на берегах Мохока, их левая рука была вцеплена друг другу в волосы, правая сжимала в смертельной хватке нож, вонзенный друг другу в грудь; так они лежали, нахмурившись".

[FN-5] Джордж Уолтер описывает этот инцидент в своем повествовании, имеющемся у автора. Уолтер сам был свидетелем этого факта, когда лежал, раненный двумя пулями, рядом с генералом Херкимером.

Такой конфликт, как этот, не мог продолжаться долго; и индейцы, видя, с каким рвением провинциалы продолжают бой, и обнаружив, что их самих, к сожалению, стало меньше, теперь подняли удаляющийся крик "*Уна!*" и разбежались во все стороны под крики и ура оставшихся в живых провинциалов и ливень пуль. Более того, обнаружив после обстрела форта, что их присутствие необходимо в другом месте, зеленые и рейнджеры поспешно отступили, оставив победоносное ополчение округа Трайон хозяевами поля боя. [FN]

[FN] Поразительный факт, что каждый историк, писавший о битве при Орискани, записал ее как поражение провинциалов, начиная с Маршалла и Рамзи, не говоря уже о британских хронистах. Таким же было впечатление и у автора, пока он не предпринял настоящее расследование. Сам капитан Брант в разговоре с Сэмюэлем Вудраффом, эсквайром, признал, что они были

победителями; и все письменные показания, которые автору удалось раздобыть у выживших в том сражении, подтверждают то же самое.

Так закончилось одно из самых жестоких и, по численности участников, одно из самых кровопролитных сражений войны за независимость. Несмотря на победу, потери провинциалов были очень тяжелыми; и у округа Трайон Лонг были причины скорбеть в тот день. Полковник Пэрис был взят в плен врагом, а затем убит индейцами. Несколько других пленников также были убиты дикарями после того, как их привели в апартаменты полковника Батлера; и, как было сказано, с молчаливого согласия самого полковника, если не с разрешения в выражениях. Но общий характер этого должностного лица запрещает такое вменение. [FN-1] Майор Джон Фрей из полка полковника Клока также был ранен и взят в плен; и чтобы показать более чем дикую ярость, пылающую в груди людей, вовлеченных в конфликт по этому поводу, можно добавить позорный факт, что его собственный брат, находившийся на британской службе, пытался покончить с собой после того, как он прибыл в лагерь Батлера. Майор увидел, что его брат приближается с угрожающим видом, и крикнул— "Брат, не убивай меня! Ты что, не узнаешь меня?" Но разъяренный брат бросился вперед, и майора спасло только вмешательство других. [FN-2] Общее число убитых провинциальных ополченцев составило двести человек, не считая раненых и пленных. Таково, по крайней мере, было американское сообщение. В заявлениях британцев утверждалось, что четыреста американцев были убиты и двести взяты в плен. [FN-3]

[FN-1] Покойный доктор Мозес Янглав из Гудзона, округ Колумбия, был хирургом бригады генерала Херкимера. В этом бою он был взят в плен сержантом полка сэра Джона Джонсона. После своего освобождения он дал показания, в которых изложил множество вопиющих варварств, совершенных как индейцами, так и тори по отношению к заключенным, которые в тот день попали в их руки. Они были жестоко замучены, некоторые из них убиты; и, как у Доктора были основания полагать, некоторые из них впоследствии были доставлены на остров в озере Онтарио и съедены. В это трудно поверить. См. Показания доктора Янглава, Приложение № IV.

[FN-2] Г-жа заявление Якоба Тиммермана, имеющееся у автора.

[FN-3] "5-го числа я узнал от разведывательных отрядов на реке Мохок, что отряд из тысячи ополченцев выступил в поход, чтобы снять осаду. Получив подтверждение этой новости, я в ту же ночь двинул большой отряд индейцев с несколькими отрядами, чтобы устроить им засаду на марше. Они попали в нее. Была одержана самая полная победа. На поле боя полегло более четырехсот человек, среди которых были почти все главные зачинщики восстания в этой стране". —*Письмо полковника Сент-Леджера генералу Бергойну, 11 августа 1777 г.*

Сохранив за собой контроль над полем боя, выжившие немедленно приступили к сооружению грубых носилок, на которые переносили раненых. От сорока до пятидесяти из них, среди которых был командующий генерал, были устранены таким образом. Храбрый старик, несмотря на утреннюю неосторожность — неосторожность, позволившую ему совершить преждевременное движение под диктовку своих подчиненных, — благородно доказал свою храбрость в течение дня. Несмотря на ранение, как мы видели, в самом начале, он держался в течение шести часов боя, в самых тяжелых обстоятельствах, с силой духа и хладнокровием, достойными всякого восхищения. Его пример также не остался безрезультатным в поддержании его войск среди опасностей, которым они подвергались. Однажды во время

битвы, когда он сидел в седле, поднятом на небольшой пригорок, ему посоветовали выбрать менее уязвимое место, и он ответил— "Я встречу с врагом лицом к лицу". Таким образом, "окруженный несколькими людьми, он продолжал твердо отдавать свои приказы. В этой ситуации и в пылу нападения он намеренно достал из кармана трутницу, раскурил трубку и курил с большим самообладанием". [FN-1] В тот момент, когда солдаты укладывали его на носилки, прилаживая одеяла к шестам, подошли трое индейцев и были мгновенно застрелены безошибочными выстрелами из винтовок троих ополченцев. Это были последние выстрелы в том бою. [FN-2]

[FN-1] Кэмпбелл. Офицер, служивший в генеральном штабе во время битвы при Лейпциге, рассказал автору об очень похожем инциденте в поведении старого Блюхера. Он не был ранен, но сидел на пригорке, отдавая приказы и покуривая трубку, в то время как пушечные ядра вспахивали землю вокруг него.

[FN-2] Рассказ Джейкоба Сэммонса, ср. Офицеры ополчения округа Трайон, убитые или раненые в этом бою, были следующими: —В полку полковника Фредерика Вишера капитаны Джон Дэвис и Сэмюэл Петтингилл убиты; майор Блаувельт и лейтенант. Грош взят в плен и о нем больше ничего не слышали; капитан Джейкоб Гарденье и лейтенант. Сэмюэль Гарденье ранен. В полку полковника Джейкоба Клока майор Джон Эйзенлорд, майор Ван Слейк и капитан Эндрю Дилленбэк убиты; капитаны Кристофер Фокс и Джон Бредбег ранены; Бригадный майор Джон Фрей ранен и взят в плен. В полку полковника Питера Беллинджера были убиты майор Энос Клепсэттл, капитан Фредерик Хелмер и лейтенант. Петри. Подполковник Фредерик Беллинджер и Генри Вальдрадт были взяты в плен. В полку полковника Эбенезера Кокса полковник Кокс и лейтенант. Полковник. Хант был убит; капитаны Генри Дифендорф, Роберт Крауз и Джейкоб Боумен были убиты. Капитан Джейкоб Сибер и лейтенант. Уильям Сибер смертельно ранен. Хирург Мозес Янглав был взят в плен. Среди убитых добровольцев, не принадлежащих к ополчению, были Исаак Пэрис (в то время член законодательного собрания), Сэмюэл Биллингтон, Джон Дайгерт и Джейкоб Снелл, члены Комитета безопасности. Пал также капитан Грейвс, но к какому полку он принадлежал, автор не установил.

Потери противника в этом сражении были такими же, если не более серьезными, как у американцев. Зеленые и рейнджеры сэра Джона Джонсона и полковника Батлера, должно быть, сильно пострадали, хотя в отчетах того времени не было приведено никаких сведений о пострадавших. Майор Уоттс был тяжело ранен и остался на поле боя, как и предполагалось, среди убитых. О его смерти сообщил полковник Уиллетт в своем письме губернатору Трамбаллу и другие официальные лица. Но это был не факт. Оправившись от обморока, вызванного потерей крови, через несколько часов после боя, ему удалось доползти до ручья, где, утолив жажду, он избежал скорой смерти, и в течение двух или трех дней был найден несколькими индейскими разведчиками и доставлен в лагерь Сент-Леджера. [FN-1] Но с индейцами обошлись наиболее грубо, они потеряли почти сотню воинов, некоторые из которых были сахемами в большом фаворе. Фредерик Сэммонс, отправленный в дальнюю разведку перед битвой, вернувшись через несколько дней, пересек поле боя, где, по его словам, "я увидел самое шокирующее зрелище, которое когда-либо видел. Индейцы и белые люди смешались друг с другом, точно так же, как они были оставлены, когда смерть впервые завершила свою работу. Многие тела также были разорваны на куски дикими зверями ". [FN-2]

[FN-1] Это заявление в отношении майора Уоттса было получено от покойного мистера Джона Уоттса из Нью-Йорка, его брата. Как упоминалось в тексте, Сент-Леджер в своем официальном отчете не указал количество своих убитых и раненых. Полковник Батлер, однако, написал сэру Гаю Карлтону: "Из жителей Нью—Йорка капитан М^сбыл убит, капитан Уоттс опасно ранен и один младший офицер. Из рейнджеров капитаны Уилсон и Хэйр убиты, а один рядовой ранен. Индейцы сильно пострадали, имея тридцать три убитых и двадцать девять раненых; сенека потеряли семнадцать человек, среди которых было несколько их главных воинов, и имели шестнадцать раненых. В течение всего сражения индейцы проявляли величайшее рвение к делу его Величества; и если бы они не действовали чересчур поспешно, вряд ли хоть один мятежник из их отряда спасся бы бегством. Большинство ведущих повстанцев отрезаны от боевых действий, так что каких-либо дальнейших попыток с этой стороны ожидать не стоит. Капитан Уоттс из королевских нью-йоркских войск, многие приятные качества которого заслуживали лучшей участи, лежал раненый в трех местах на поле боя за два дня до того, как его нашли". —*Парламентский реестр*.

[FN-2] Ср. рассказ Фредерика Сэммонса, находящийся во владении автора.

Утверждалось, что индейцев удалось убедить присоединиться к этой битве лишь с большим трудом, и только после того, как они были вынуждены пожертвовать разумом ради своих appetitов. Было совершенно очевидно, что во время акции многие из них находились в состоянии алкогольного опьянения. Следствием этого стало то, что они пострадали серьезнее, чем когда-либо прежде. [FN-1] Согласно повествованию Мэри Джемисон, индейцы (по крайней мере, сенека) были вовлечены в кампанию обманом. "За ними послали посмотреть, как британцы расправляются с мятежниками. Им сказали, что они не хотят сражаться, а просто посидеть, выкурить трубки и посмотреть. Сенека подошли к мужчине; но, вопреки их ожиданиям, вместо того, чтобы курить и наблюдать, они были вынуждены сражаться за свои жизни; и в конце битвы были полностью разбиты с большими потерями убитыми и ранеными".

[FN-1] Дневник генерала Линкольна.

[FN-2] Жизнь Мэри Джемисон.

Всеми силами индейцев командовал лично Тайенданегеа — "великий капитан шести наций", как его тогда называли, — и поскольку кайюги теперь также присоединились к могавкам в союзе с армией Англии — онондага проводили сомнительную политику, но на самом деле всегда действовали против провинциалов, — у него, должно быть, были большие силы на поле боя. Только из сенека тридцать шесть человек были убиты и множество ранено. Спустя долгие годы капитан Брант привык говорить о страданиях своих "бедных могавков" в том сражении. Действительно, суровость, с которой с ними обошлись в тот раз, сделала их угрюмыми и несговорчивыми на оставшуюся часть кампании; и несчастные пленники были первыми, кто своей кровью оправдал их негодование. "Наш город, - говорит Мэри Джемисон, - продемонстрировал сцену настоящей скорби и огорчения, когда наши воины вернулись и рассказали о своих несчастьях, а также заявили о реальных потерях, которые они понесли в

сражении. Траур был чрезмерным и выражался самыми скорбными криками, визгом и завываниями, а также неподражаемой жестикуляцией".

[FN] В записях мистера Сэмюэля Вудраффа о его беседах с Брантом, упомянутых во введении, отмечается как признание последнего, что "он и его ирокезы были вынуждены бежать в рассеянном состоянии по лесу, все страдая от усталости и голода, прежде чем они прибыли в безопасное место. Их отступление началось с наступлением темноты. Их преследовал отряд Онейды, сражавшийся вместе с генералом Херкимером. Ночь была темной и пасмурной. Измученный дневными трудами и опасаясь, что его может настигнуть преследующая его Онейда, Брант взобрался на ветвистое дерево и, устроившись в его кроне, с некоторым нетерпением стал ждать рассвета." Очевидно, что в этом утверждении есть некоторая ошибка. Поле битвы находилось не более чем в пяти милях от окопов Сент-Леджера, и сражение закончилось в 2 часа пополудни. Судья У., вероятно, перепутал это сражение с другим — возможно, с сражением при Чемунге.

К сожалению, генерал Херкимер так неосмотрительно выстроил свой марш-бросок, что при атаке его люди оказались не в состоянии поддержать друг друга; и еще к несчастью, он вообще выступил в поход задолго до того, как мог ожидать согласованного сигнала к отвлечению в его пользу в результате вылазки полковника Уиллетта. Более того, сильный ливень, вызвавший приостановку сражения, также привел к задержке вылазки почти на час. Однако операция была предпринята, как только это стало практически возможным, и не только имела полный успех, но и была проведена с таким умением и духом доблестным офицером, которому она была доверена, что вызвала аплодисменты самого противника. [FN-1] В дополнение к двум сотням человек, выделенным для этой службы, под командованием полковника Уиллетта, как уже говорилось, было добавлено еще пятьдесят для охраны уже упомянутого легкого трехфунтового орудия. Сэтими войсками и этим своим единственным вооружением полковник Уиллетт, не теряя ни минуты, после прекращения дождя предпринял вылазку. Поскольку вражеские часовые находились прямо в поле зрения форта, были необходимы самые быстрые передвижения. Часовые были оттеснены, и его передовой отряд атаковал, прежде чем он успел сформировать свои войска. Сэр Джон Джонсон, чей полк находился не более чем в двухстах ярдах от авангарда, поскольку было очень тепло, находился в своей палатке, сняв в данный момент пальто, и не успел надеть его, как на его лагерь напали. Более того, стремительность движений Уиллетта и стремительность атаки были таковы, что сэр Джон не смог привести свои войска в порядок, и их единственным спасением было бегство. Индейский лагерь находился рядом с лагерем сэра Джона и, в свою очередь, был захвачен с такой же быстротой. Большая часть индейцев и отряд из полка сэра Джона в самый момент этого неожиданного нападения на их жилища участвовали в битве при Орискани. Те, кто остался позади, теперь отступили сами — сэр Джон и его люди — к реке, а индейцы — в их естественное убежище, в лес, - войска полковника Уиллетта открыли по ним яростный огонь во время их бегства. Количество добычи, найденной во вражеском лагере, было так велико, что Уиллетту пришлось спешно послать в форт за повозками, чтобы вывезти ее. Семь из этих машин трижды загружались и разгружались в форте, в то время как маленький отважный провинциальный отряд удерживал контроль над лагерями. Среди захваченной таким образом добычи, состоящей из лагерного снаряжения, одежды, одеял, припасов и т. Д., Были пять британских штандартов, багаж сэра Джона Джонсона со всеми его бумагами, багаж ряда других офицеров с докладными записками,

журналами и справочниками, содержащими всю информацию, желательную для осажденных. [FN-2] В то время как полковник Уиллетт возвращался в форт, полковник Сент-Леджер, находившийся на противоположном берегу реки, попытался перехватить его. Позиция Уиллетта, однако, позволила ему выстроить свои войска таким образом, чтобы вести полный огонь по противнику спереди, в то же время он был окружен огнем небольшого полевого подразделения. Расстояние между ними составляло не более шестидесяти ярдов; и хотя Сент-Леджер не отступал, открывая ответный огонь, его прицел, тем не менее, был настолько безумным, что не возымел никакого эффекта. Нападавшие вернулись в крепость с триумфом, не потеряв ни одного человека — британские флаги были подняты на древке под американским, - и люди, взобравшись на парапеты, издали три самых сердечных приветствия, какие когда-либо выкрикивало такое же количество голосов. Среди пленных, уведенных победителями, был лейтенант Синглтон из полка сэра Джона Джонсона. Несколько индейцев были найдены мертвыми в их лагере, а другие погибли при переправе через реку. Потери противника, особенно в припасах и обозе, были велики; в то время как само дело имело еще большее значение из-за нового духа патриотического энтузиазма, которым оно воодушевило маленький гарнизон. [FN-3] За этот рыцарский подвиг Конгресс принял благодарственную резолюцию и поручил генеральному комиссару военных складов приобрести элегантный меч и преподнести его полковнику Уиллетту от имени Соединенных Штатов.

[FN-1] Лондонский универсальный журнал, 1782.

[FN-2] "Среди других вещей, взятых у врага, были несколько связок бумаг и пачка писем, принадлежащих нашему гарнизону, которые они забрали у нашего ополчения, но еще не вскрыли. Здесь я нашел одно письмо для себя; там же были бумаги, принадлежащие сэру Джону Джонсону и нескольким другим офицерам противника, с письмами к генералу Сент-Леджеру, командующему войсками. Эти письма оказали нам некоторую услугу". — *Письмо полковника Уиллетта губернатору Трамбаллу*.

[FN-3] В этом отчете о вылазке автор использовал почти тот же язык, что и сам brave полковник в своем повествовании. Поскольку он руководил этим делом и, конечно же, был наиболее квалифицирован для его описания, автору не оставалось ничего лучшего, как воспользоваться его собственными словами. При отслеживании хода осады часто будет необходимо опираться на один и тот же бесспорный источник.

Генерал Херкимер недолго пережил это сражение. Его перевезли в его собственный дом [FN-1] недалеко от реки Мохок, в нескольких милях ниже Литтл-Фоллс; где его нога, раздробленная на пять или шесть дюймов ниже колена, была ампутирована примерно через десять дней после битвы молодым французским хирургом из армии генерала Арнольда вопреки совету личного медицинского советника генерала, покойного доктора Петри. Но операция была проведена неумело, [FN-2] и его сопровождающие сочли невозможным остановить кровотечение. Полковник Уиллетт позвонил генералу вскоре после операции. Он сидел в своей постели с трубкой во рту, курил и разговаривал в прекрасном расположении духа. Он умер в ночь после этого визита. Его друг, полковник Джон Рофф, присутствовал при ампутации и подтвердил, что перенес операцию с необычайной стойкостью. Он также был с ним в момент его смерти. Кровь продолжала течь — врача поблизости не было — и, будучи сам доволен тем, что время его отъезда приближается, ветеран распорядился принести ему Святую Библию. Затем он

развернул его и прочитал в присутствии тех, кто окружал его постель, со всем самообладанием, на какое был способен любой человек, тридцать восьмой псалом, применив его к своей собственной ситуации. [FN-3] Вскоре после этого он скончался; и вполне можно усомниться в том, что летописи человечества представляют более поразительный пример христианского героизма — спокойного, обдуманного и стойкого в смертный час, - чем представлен в этом замечательном случае. О ранней истории генерала Херкимера известно мало. Уже говорилось, что его семья была одной из первых немцев, обосновавшихся в долине Могавк. А массивный каменный особняк, все еще стоящий в районе German Flats, свидетельствует о его ранней роскоши. Он был необразованным человеком и, если это возможно, разбирался в письмах даже хуже генерала Патнэма, что говорит о многом. Но, тем не менее, он был человеком сильного ума, лишенным некоторых необходимых качеств полководца, но обладавшим самым хладнокровным и бесстрашным мужеством. Все эти черты ярко проявились в короткой и кровавой экспедиции в Орискани. Но он, должно быть, был хорошо знаком с этой самой важной из всех книг — Библией. Самый эрудированный библеист, будь то мирянин или священнослужитель, не смог бы выбрать отрывок из Священного Писания, более подходящий к ситуации умирающего солдата, чем тот, к которому он сам спонтанно обратился. Если бы Сократ умер как философ, а Руссо - как неверующий сентименталист. Генерал Херкимер умер как христианский герой. Конгресс принял резолюцию с просьбой к губернатору и совету Нью-Йорка воздвигнуть за счет Соединенных Штатов памятник в память об этом храбром человеке стоимостью в пятьсот долларов. Эта резолюция была передана губернатору Нью-Йорка Джорджу Клинтону в письме, из которого цитируется следующий отрывок: "Каждый знак отличия, вручаемый памяти таких выдающихся людей, которые пожертвовали своими жизнями за свободу и счастье своей страны, отражает подлинную честь тех, кто отдает дань уважения; и, открывая перед другими перспективу славы и бессмертия, вдохновляет их идти тем же путем". Губернатор Клинтон, таким образом, написал Комитету округа Трайон по этому случаю: "Прилагаю к вам письмо и постановления Конгресса о возведении памятника в память о вашем покойном доблестном генерале. В то время как я вместе с вами оплакиваю это дело, я проникнут должным чувством великой и справедливо заслуженной чести, которую Континент в данном случае оказал памяти этого храброго человека ". Таковы были чувства уважения к заслугам и памяти покойного, которые питали великие люди того времени. С тех пор прошло шестьдесят лет, и "Вестник Конгресса" является единственным памятником, а сама резолюция - единственной надписью, которая до сих пор свидетельствует о благодарности республики ГЕНЕРАЛУ НИКОЛАСУ ХЕРКИМЕРУ.

[FN-1] Все еще стоящий, 1837 год.

[FN-2] Полковник. Заявление Роффа — ср., находящееся у автора.

[FN-3] Заявление полковника Роффа, имеющееся у автора.

ГЛАВА XI.

Осада форта Шайлер продолжается — Принудительное письмо заключенных полковнику. Гансворт—Сент. Леджер призывает гарнизон сдаться—Отказ Гансворта—Обращение сэра Джона Джонсона к жителям округа Трайон—Секретная экспедиция полковника Уиллетта и майора Стоквелла—Шайлер приказывает Арнольду прийти на помощь Гансворту—Уиллетт направляется в Олбани—Арест Уолтера Батлера и других на немецких квартирах—Судим и признан виновным как шпион—Отсрочен—Отправлен в Олбани—Побеги—Прокламация Арнольда—Продвижение осаждающих—Беспокойство гарнизона—Внезапное бегство Сент—Леджера и его помощников силы—Хитрость Арнольда—История почтенного Йоста Шайлера—Веселье и озорство индейцев—Прибытие Арнольда в Форт—Трофеи победы—Общественная оценка заслуг Гансворта—Обращение к его солдатам—Его повышение—Обращение его офицеров.

Хотя противник фактически потерпел поражение при Орискани, он заявил, как мы видели, о победе. В каком-то смысле это правда, достижение принадлежало им. Они предотвратили продвижение американцев на помощь форту; и при отступлении американцы не смогли продолжить преследование. Тем не менее поле боя было выиграно и удержано ими. [FN-1] Однако, воспользовавшись своим сомнительным успехом и хорошо зная, что, вероятно, должны пройти дни, прежде чем гарнизон сможет узнать обо всех обстоятельствах сражения и его исходе, Сент-Леджер, не теряя времени, попытался ложными заявлениями принудить осажденных к капитуляции. Таким образом, в ту же ночь сражения, в 9 часов, полковник Беллинджер и майор Фрей, находясь в лагере Сент-Леджер в качестве пленников, были вынуждены направить полковнику Гансворту записку, в которой сильно преувеличивались бедствия дня и настоятельно требовалась капитуляция. В этом письме они говорили о поражении при Орискани, о невозможности получить дальнейшую помощь снизу, о грозных силах Сент-Леджера вместе с его артиллерийским эшелоном, сообщали о вероятном факте, что Бургойн и его армия были тогда перед Олбани, и заявляли, что дальнейшее сопротивление приведет только к "неизбежному разорению". [FN-2] Письмо было передано полковнику Гансворту генерал-адъютантом Сент-Леджера, полковником Батлером, который, доставляя его, высказал устное требование о капитуляции. Полковник Гансворт ответил, что он не даст ответа на устный вызов, если только его не вызовет сам полковник Сент-Леджер, но только под дулом его пушки.

[FN-1] В некоторых сообщениях того времени утверждалось, что войскам, сражавшимся с Херкимером, было приказано отступить из-за вылазки Уиллетта. Это обстоятельство, однако, не меняет существенных фактов дела. Победа была той же.

[FN-2] Копию этого письма, написанного под давлением, смотрите в Приложении № V.

На следующий день к гарнизону обратился белый флаг с просьбой допустить полковника Батлера и двух других офицеров в форт в качестве носителей сообщения для командира. Получив разрешение, эти офицеры с завязанными глазами были проведены в форт и приняты полковником Гансвортом в его столовой. Окна комнаты были закрыты, зажжены свечи; также был накрыт стол, на котором были расставлены легкие закуски. Полковники Уиллетт и Меллен присутствовали на собеседовании вместе со столькими американскими офицерами, сколько могло разместиться в каюте их командира. После того, как офицеры расселись и вино было разлито по кругу, майор Анкром, один из посыльных, обратился к полковнику Гансворту по существу следующим образом: —

"Полковник Сент-Леджер, офицер, командующий армией, которая в настоящее время окружает этот гарнизон, поручил мне сообщить коменданту, что полковник с большим трудом убедил индейцев согласиться на то, что, если гарнизон без дальнейшего сопротивления будет сдан вместе с принадлежащими ему общественными припасами армии, осуществляющей наступление, офицерам и солдатам будет передан весь их багаж и частная собственность. И для того, чтобы у гарнизона были достаточные гарантии на этот счет, полковник Батлер сопровождает меня, чтобы заверить их, что ни один волос не упадет с головы ни одного из них". (Здесь, повернувшись к полковнику Батлеру, он сказал: "Я думаю, именно это выражение они использовали, не так ли?" — на что полковник ответил: "Да".) "Мне также поручено напомнить коменданту, что поражение генерала Херкимера должно лишить гарнизон всех надежд на помощь, тем более что генерал Бергойн сейчас находится в Олбани; так что рано или поздно форт должен попасть в наши руки. Полковник Сент-Леджер из искреннего желания предотвратить дальнейшее кровопролитие надеется, что эти условия не будут отклонены, поскольку в этом случае он не в силах будет выдвинуть их снова. Индейцы с большим трудом согласились на нынешнее соглашение, поскольку оно лишит их той добычи, на которую они всегда рассчитывают в подобных случаях. Если, таким образом, нынешние условия будут отклонены, то не во власти полковника будет удержать индейцев, которые очень многочисленны и очень раздражены, не только от разграбления имущества, но и от гибели, вероятно, большей части гарнизона. Действительно, индейцы настолько чрезвычайно разозлены и подавлены потерями, которые они понесли в ходе последних боевых действий, убив нескольких своих любимых вождей, что они угрожают — и полковник, если не будут приняты нынешние меры, не сможет помешать им привести свои угрозы в исполнение, — пройти маршем по стране и уничтожить поселение вместе с его жителями. В этом случае не только мужчины, но и женщины и дети испытают на себе печальные последствия своей мести. Мы горячо надеемся, что эти соображения произведут должное действие и побудят коменданта, приняв предложенные сейчас условия, уберечь себя от сожалений в будущем, когда будет слишком поздно".

Эта необычная речь, конечно, была произнесена экспромтом, как и следующий ответ полковника Уиллетта с одобрения полковника Гансворта:

- Правильно ли я вас понял, сэр? Я думаю, вы сказали, что происходите от британского полковника, который является командующим армией, оккупирующей этот форт; и судя по вашей форме, вы офицер британской службы. Вы произнесли длинную речь по случаю вашего визита, которая, если отбросить все излишества, сводится к следующему— вы пришли от

британского полковника к коменданту этого гарнизона, чтобы сказать ему, что если он не передаст гарнизон в руки вашего полковника, он пошлет своих индейцев убивать наших женщин и детей. Прошу вас подумать, сэр, что их кровь будет на вашей голове, а не на нашей. Мы выполняем свой долг; этот гарнизон вверен нам, и мы позаботимся об этом. После того, как вы выйдете из него, вы можете обернуться и посмотреть на него снаружи, но никогда не надейтесь войти снова, если только вы не придете пленником. Я считаю сообщение, которое вы привезли, унижительным для британского офицера и ни в коем случае не заслуживающим уважения для британского офицера. Со своей стороны, я заявляю, что, прежде чем я соглашусь передать этот гарнизон такому отряду убийц, из которого, по вашим собственным словам, состоит ваш отряд, я бы позволил наполнить мое тело щепками и поджечь, как, как вы знаете, иногда практиковалось, такими ордами убийц женщин и детей, которые принадлежат к вашей армии".

Полковник Уиллетт отмечает в своем повествовании, откуда взяты эти факты, что во время выступления он смотрел британскому майору прямо в лицо; и то, что он говорил с ударением, не подлежит сомнению. Чувства, содержащиеся в этом ответе, были встречены всеобщими аплодисментами провинциальных офицеров, которые, отнюдь не будучи запуганными угрозами гонцов, сразу же прониклись мыслью, что такие настойчивые попытки добиться капитуляции могли быть результатом сомнений со стороны самого врага в его способности либо выдержать осаду, либо взять укрепления штурмом. Перед окончанием интервью майор Анкром попросил разрешить английскому хирургу, который был с ним, навестить британских раненых в гарнизоне, и эта просьба была удовлетворена. Майор Анкром также предложил перемирие на три дня, на что также согласился полковник Гансворт — вероятно, с большей готовностью из-за его скудных запасов боеприпасов.

9 августа полковник Гансворт отказался признавать какие—либо устные послания британского командующего, полковник Сент—Леджер передал суть речи майора Анкрома в форме письма, в котором протестовал против того, что передача такого послания не предполагала унижения — послания, на котором категорически настаивали индейцы, — и официально возобновил требование о капитуляции, добавив, что индейцы становятся чрезвычайно нетерпеливыми, и если предложение будет отклонено, отказ будет иметь очень фатальные последствия не только для гарнизона, но и для всего населения. вся страна реки Мохок. [FN]

[FN] См. Приложение, № VI.

Ответ полковника Гансворта был написан с солдатской краткостью следующими словами:

"Полковник. ГАНСЕВОРТ - полковнику СЕНТ-ЛЕДЖЕРУ.
Форт Шайлер, 9августа 1777 года.

"Сэр,

"Я получил Ваше письмо от сегодняшнего дня, в ответе на которое сообщаю, что я твердо решил с силами, находящимися под моим командованием, защищать этот форт до последней крайности от имени Соединенных Американских Штатов, которые направили меня сюда защищать его от всех своих врагов.

"Имею честь быть, сэр, Вашим почтенным гостем. покорный слуга, ПИТЕР ГАНСЕВООРТ, *полковник, командующий фортom Шайлер*. "Gen. Барри Сент-Леджер." [FN]

[FN] Скопировано автором с оригинального черновика, найденного среди бумаг Гансворта.

Потерпев неудачу в этих попытках принудить к капитуляции, осаждающие четыре дня спустя прибегли к другому средству. Это было обращение к жителям округа Трайон, подписанное сэром Джоном Джонсоном, полковником Клаусом и полковником Джоном Батлером, аналогичное по своему содержанию устным и письменным посланиям Сент-Леджера полковнику Гансворту. Обращение начиналось с решительных заявлений о стремлении к восстановлению мира, с обещания прощения и забвения прошлого, несмотря на многочисленные и тяжкие обиды, нанесенные подписавшим, при надлежащем представлении народа. Им тоже угрожали разрушительными действиями победоносной армии и негодованием индейцев за потери, которые они понесли при Орискани, в случае отклонения этого призыва. Что касается гарнизона форта Шайлер, то его более длительное сопротивление было названо "ослиным упрямством", и жителям долины Могавк было настоятельно рекомендовано послать депутацию из своих главных бойцов, чтобы заставить гарнизон немедленно сделать то, к чему их вскоре вынудят, — сдаться. Если они не сдадутся, снова была повторена угроза, что индейцы предадут смерти каждую душу. [FN] Гонцы были отправлены с этим документом в округ Трайон, но без всякой благой цели; в то время как, как вскоре выяснится, некоторые из этих гонцов попали в серьезные затруднения из-за своего поручения.

[FN] См. Приложение, № VII. Я нашел этот документ только в "*Летописце*" за 1777 год, стр. 451.

Но если успех полковника Уиллетта в блестящем выполнении боевой вылазки 6-го числа, несомненно, давал ему право на похвалы, которые он получил, то еще более рискованное предприятие, предпринятое им несколько дней спустя, по мнению как друзей, так и врагов, заслуживало еще больших аплодисментов. Артиллерия осаждающих была недостаточно тяжелой, чтобы произвести какое-либо впечатление на укрепления, и были все основания полагать, что гарнизон мог бы продержаться до тех пор, пока не будет получена помощь, если бы стало известно о его положении. Полковник Уиллетт был не только хорошо знаком, но и чрезвычайно популярен в округе Трайон; и предполагалось, что, если он лично проявит себя среди ополченцев этого округа, несмотря на степень их страданий во время последней экспедиции, он все же сможет собрать силы, достаточные для снятия осады. Поэтому у него возник смелый план пройти ночью в компании с другим офицером через вражеские укрепления и, невзирая на опасность, исходящую от рыскающих дикарей, пробраться примерно через сорок или пятьдесят миль затонувших болот и непроходимых лесов, чтобы поднять население графства и принести помощь. [FN-1] Выбирает майора Стоквелла в качестве своего компаньона. Полковник Уиллетт предпринял экспедицию 10-го числа и покинул форт в десять часов вечера того же дня, каждый из них был вооружен только копьем и снабжен лишь небольшим запасом крекеров и сыра, небольшой фляжкой спиртного, а во всем остальном не обременен даже одеялом. Сбежав с места вылазки, они поползли на четвереньках по краю болота к реке, которую они пересекли, переползая по бревну, и им удалось уйти незамеченными вражескими часовыми, хотя они и прошли совсем рядом с ними. Их первое наступление было в густом лесу,

в котором, окутанные густой темнотой, они потеряли направление и обнаружили, что двигаться дальше невозможно. Находясь в таком состоянии неопределенности, собачий лай мало добавил им комфорта, поскольку он сообщил им, что они находятся недалеко от нового лагеря индейцев, разбитого после вылазки несколькими днями ранее. Поэтому они были вынуждены стоять совершенно неподвижно в течение нескольких часов, пока не появилась утренняя звезда, указывающая им путь. Пройдя сначала несколько миль в северном направлении, а затем на восток, они проложили зигзагообразный маршрут, время от времени применяя индейский метод сокрытия своего следа, идя по руслам ручьев и наступая на камни вдоль берега реки. Так они ехали весь следующий день, не сделав ни одной остановки. С приближением ночи они не осмелились зажечь свет, а улеглись спать, обняв друг друга. Продолжая свое путешествие 12-го числа, когда их небольшой запас провизии был исчерпан, они питались малиной и ежевикой, которых нашли в изобилии на поляне, образовавшейся из-за неожиданного выпадения. Освеженные таким образом, они двинулись вперед с новыми силами и в ускоренном темпе и прибыли в форт Дейтон в три часа дня. [FN-2]

[FN-1] Британский журнал Universal.

[FN-2] "Полковник Уиллетт был настолько успешен во всех своих передвижениях, что индейцы, веря, что он обладает сверхъестественной силой, дали ему имя Дьявол". —Кэмпбелл.

Полковник и его друг получили сердечный прием от полковника Уэстона, чей полк в то время отвечал за форт Дейтон, и от которого он получил приятные сведения о том, что, узнав о катастрофе генерала Херкимера. Генерал Шайлер приказал генералам Арнольду и Ларнеду с массачусетской бригадой выступить на помощь полковнику Гансворту. После этого полковник Уиллетт немедленно поехал верхом в Олбани, чтобы встретиться с генералом Арнольдом, который должен был командовать экспедицией, и через четыре дня сопровождал Арнольда обратно в форт Дейтон, где собирались войска. Первый нью-йоркский полк был присоединен к бригаде генерала Ларнеда, которая все еще находилась в тылу, подвозя тяжелый багаж и припасы.

Во время кратковременного отсутствия Уиллетта в Олбани в окрестностях форта Дейтон произошел инцидент, показывающий, что если он был активен в своих попытках доставить помощь в форт, то противник, с другой стороны, не бездействовал. Примерно в двух милях выше форта Дейтон проживал мистер Шумейкер, недовольный джентльмен, который состоял в миротворческой комиссии его Величества. Прослышав о тайном собрании тори в доме этого джентльмена, полковник Уэстон направил туда отряд войск, который застал собравшихся врасплох и взял их всех в плен. Среди них был лейтенант Уолтер Н. Батлер из армии Сент-Леджера, который с четырнадцатью белыми солдатами и таким же количеством индейцев [FN-1] тайно посетил немецкие равнины по призыву сэра Джона Джонсона, Клауса и старшего Батлера, упомянутых на предыдущей странице, с целью убедить робких и недовольных жителей отказаться от дела Провинции и записаться в королевскую армию перед фортом Шайлер. Батлер был в разгаре своей речи перед собранием в момент неприятного сюрприза. Генерал Арнольд распорядился о военно-полевым трибунале и привлек его к суду как шпиона. [FN-2] В этом трибунале полковник Уиллетт исполнял обязанности судьи-адвоката. Лейтенант был признан виновным и получил смертный приговор; но благодаря заступничеству нескольких офицеров, которые знали его еще во время учебы на юридическом факультете в Олбани, его

жизнь была спасена отсрочкой приговора. Однако его перевезли в Олбани и заключили в тюрьму строгого режима до весны следующего года. Когда генерал маркиз де Лафайет принял командование Северным департаментом, друзья семьи Батлер, как утверждалось, из-за его плохого состояния здоровья, ходатайствовали о смягчении наказания в виде тюремного заключения. Затем он был помещен в частный дом и содержался под охраной, но вскоре после этого совершил побег — как сообщалось, из—за предательства - и впоследствии был признан одним из самых жестоких бичей прекрасной долины, которая дала ему жизнь.

[FN-1] Летописец за 1777 год, стр. 395.

[FN-2] Летописец утверждает, что Батлер пришел "заключить перемирие с жителями округа". Но если бы он действительно нес флаг, это не могло быть защитой для такой миссии — поскольку таковой не являлось.

Обращение Джонсона, Клауса и Батлера, таким образом, было доведено до сведения жителей графства, и Арнольд выпустил прокламацию из форта Дейтон с целью противодействия их влиянию. В нем в суровых выражениях говорилось о Сент-Леджере и его разношерстной армии — осуждались те из людей, которых его искусство могло соблазнить записаться под знамена короля, — но обещалось прощение всем, будь то американцы, дикари, немцы или британцы, которые могли бы вернуться к своему долгу перед Штатами. [FN]

[FN] См. Приложение, № VIII.

Тем временем полковник Сент-Леджер со значительной энергией проводил свои операции перед фортом. Все попытки запугать гарнизон потерпели неудачу, и командир проявил непокорный дух, Сент-Леджер "начал приближаться со всех ног и образовал две параллели, вторая из которых привела его к краю гласиса; но ружейный огонь из тайного хода очень затруднил его дальнейшее продвижение". Огонь его орудий не производил никакого эффекта, его единственным средством досаждать гарнизону было метание снарядов; но они оказались столь незначительными, что давали обескураживающую перспективу успеха. Однако, продвинувшись вперед на сто пятьдесят ярдов, нельзя отрицать, что в гарнизоне начало проявляться некоторое беспокойство. Не зная о судьбе полковника Уиллетта и майора Стокуэлла, полностью отрезанные от всякой связи извне, ежедневно истощая запасы провизии и не имея определенной надежды на облегчение, некоторые офицеры начали шепотом говорить о целесообразности спасения гарнизона от повторения трагедии в Форт-Уильям-Генри, приняв предложенные Сент-Леджером условия капитуляции. Не таков командир. Хорошо взвесив обстоятельства дела, он пришел к обдуманному решению на случай, если не получит помощи извне, когда его провизия будет почти исчерпана, совершить ночную вылазку и прорубить себе путь через лагерь осаждающих или погибнуть при попытке.

Рассказ Уиллетта.

К счастью, необходимости приводить в исполнение это смелое решение не возникло. Осада продолжалась до 22 августа, когда внезапно, без какой-либо причины, известной гарнизону, осаждающие свернули свой лагерь и отступили в такой спешке и беспорядке, что оставили свои палатки вместе с большей частью своей артиллерии, походного снаряжения и поклажи. Какова была причина этого неожиданного бегства хвастливого и почти победоносного врага, было проблемой, которую они не смогли решить внутри гарнизона, хотя от этого их радость от своего освобождения не стала меньше. Впоследствии выяснилось, что паника, вызвавшая это желанное и неожиданное изменение положения гарнизона, была вызвана *военной уловкой*, примененной к силам Сент-Леджера генералом Арнольдом, который несколько дней ожидал в форте Дейтон прибытия подкреплений и припасов. [FN-1] Но, услышав, что Сент-Леджер приблизился на небольшое расстояние к форту, Арнольд 22 августа решил во что бы то ни стало продвигаться вперед и ввязаться в сражение, а не видеть, как гарнизон пал жертвой. [FN-2] С этой целью утром 23-го он возобновил свой марш к форту Шайлер и прошел расстояние в десять миль от форта Дейтон, когда его встретил курьер от полковника Гансворта с отрядным известием, что осада снята. Причина этого внезапного перемещения оставалась такой же большой загадкой для полковника и его гарнизона, как и бегство войска Бен-Хадада из-под Самарии к царю Израиля, когда сирийский монарх слышал сверхъестественный стук колесниц и ржание коней во дни пророка Елисея. Арнольд, конечно, был в меньшем неведении. Обстоятельства были таковы:—

[FN-1] "Я написал вам 21—го числа из германских квартир, что, судя по лучшим разведанным, которые я смог получить о численности противника, она намного превосходит нашу; в то же время я приложил вам копию резолюций военного совета и просил вас прислать мне подкрепление в тысячу легких войск". —*Письмо Арнольда генералу Гейтсу, 23 августа 1777 г.* - "Я задержался из-за плохих дорог, ожидая некоторого багажа и боеприпасов, а также ополченцев, которые не пришли." получилось не с тем настроением, которого я ожидал. Сейчас они присоединяются ко мне в большом количестве. Несколько дней освободят вас". — *МИСС письмо Арнольда полковнику Гансворту, 22 августа 1777 г.*

[FN-2] Процитированное выше письмо Арнольда генералу Гейтсу. Видеозапись "Летописец", 1777, стр. 444.

Среди партии тори и индейцев, захваченных в плен у Шумейкера под командованием лейтенанта Батлера, было необычное существо по имени Достопочтенный Йост Шайлер. Его место жительства находилось недалеко от Литтл-Фоллс, где в то время проживали его мать и брат по имени Николас. Достопочтенный Йост Шайлер был одним из самых грубых и невежественных людей в долине, казалось, едва ли наполовину далеким от идиотизма; и все же в его характере была немалая доля пронизательности. Живя на крайней границе цивилизации, он больше общался с индейцами, чем с белыми; и традиция утверждает, что они относились к нему с тем таинственным почтением и трепетом, которые им внушают дураки и сумасшедшие. Находясь в таком положении и составленный таким образом, достопочтенный Йост частично примкнул к делу роялистов, хотя, вероятно, подобно ковбоям Вест-Честера, его действительно мало заботило, на чьей стороне он служит или грабит; и если бы он был похитителем несчастного Андре, то уравнивал бы вероятности относительно наилучшего способа обратить добычу в свою пользу. Как бы то ни было, как бы то ни было, Хон-Йост был схвачен вместе с

Уолтером Батлером и, как и он, подвергся пожизненному заключению, признан виновным и приговорен к смертной казни. Его мать и брат, узнав о его положении, поспешили в форт Дейтон и умоляли генерала Арнольда сохранить ему жизнь. Старуха сильно напоминала цыганку по своему характеру, а красноречие и пафос, с которыми она умоляла сохранить жизнь ее сыну, надолго запомнились в неписаной истории Долины Могавк. Какое-то время Арнольд был неумолим, и женщина почти обезумела от горя и страсти из-за своего своенравного сына. Николас также приложил все усилия для защиты своего брата. Наконец генерал Арнольд предложил условия, на которых его жизнь должна быть сохранена. Условия были таковы, что почтенный Йост должен был поспешить в форт Шайлер и так встревожить лагерь Сент-Леджера, чтобы заставить его снять осаду и бежать. Осужденный-предатель с радостью принял это предложение, и его мать предложила себя в качестве заложницы за добросовестное выполнение его поручения. Арнольд, однако, отказался взять женщину в качестве заложницы, предпочитая и настаивая на том, чтобы Николас был оставлен для этой цели. На это последний с готовностью согласился, заявив, что он совершенно готов поклясться своей жизнью, что почтенный Йост выполнит свои обязательства в полной мере. Поэтому Николаса поместили в тюрьму, в то время как почтенный Йост отправился в лагерь полковника Сент-Леджера, договорившись с одним из индейцев онейда, дружественных американцам, помочь ему в этом предприятии. Перед его уходом было произведено несколько выстрелов сквозь одежду Шайлера, чтобы могло показаться, что ему чудом удалось спастись; и индеец из племени онейда, выбрав обходной путь к форту Шайлер, должен был проникнуть в лагерь противника с другой стороны и помочь Хон-Йосту посеять желаемую панику. Эмиссар сначала появился среди индейцев, которые находились в очень подходящем состоянии духа, чтобы подвергнуться воздействию именно такого персонажа. Они были угрюмы и недовольны еще со времен битвы при Орискани — ни обещанного им успеха, ни добычи не было, и ранее они получали какие-то смутные и неопределенные сведения о приближении Арнольда. Они точно так же только что проводили пау-вау, или фактически были созваны на одно из них, с целью проконсультироваться с Манитто относительно сомнительного предприятия, в котором они были задействованы, когда прибыл почтенный Йост. Хорошо зная их характер, он сообщил им свои сведения самым таинственным и внушительным образом. Указывая на свою изрешеченную одежду, он доказал им, насколько незначительным было его спасение от приближающейся армии повстанцев. Когда его спросили о численности войск, которые Арнольд вел против них, он загадочно покачал головой и указал вверх, на листья деревьев. Весть быстро распространилась по лагерям и, достигнув ушей командира, за почтенным Йостом послали в палатку самого Сент-Леджера. Здесь его допросили, и он сообщил, что генерал Арнольд с двумя тысячами человек был так близко, что настигнет их в течение двадцати четырех часов. Он поведал Сент-Леджеру жалостливый рассказ о своем пленении, суде и приговоре к виселице. Как он утверждал, по пути на казнь, обнаружив, что его не очень тщательно охраняют, он воспользовался возможностью совершить побег, думая, в худшем случае, что он может только умереть, и лучше быть застреленным, чем повешенным. В него действительно был выпущен град пуль, но, к счастью, они только повредили его одежду, как мог видеть генерал. [FN-1] Тем временем прибыл посланец онейды с поясом и подтвердил индейцам все, что сказала Шайлер; добавив, что американцы не имели желания причинять вред индейцам и были намерены только атаковать британские войска и рейнджеров. Пробираясь к лагерю осаждающих, хитроумный Онейда встретился с двумя или тремя отставшими от него знакомыми индейцами, которым он рассказал о своем деле и заручился чьей помощью в осуществлении замысла. Эти проникательные ребята заглядывали в лагерь

индейцев в разных местах и высказывали тревожные предположения, таинственно качая головами и намекая, что птица принесла им важную весть. [FN-2] Они говорили о том, что на них быстро надвигалось большое количество воинов, и использовали все косвенные методы, чтобы посеять панику в умах собравшихся вокруг них слушателей. Вскоре индейцы начали подавать признаки бегства, и Сент-Леджер тщетно пытался их успокоить. Он созвал совет их вождей, надеясь, что благодаря влиянию сэра Джона Джонсона и полковников Клауса и Батлера ему все же удастся удержать их. Другие сообщения о еще более ужасающей тенденции распространились не только среди индейцев, но и в другом лагере, в первом говорилось, что "военнопленные сказали, что они должны уйти"; и часть из них ушла до того, как совет разошелся. Результатом стало всеобщее и поспешное бегство. Было заявлено, что в начале отступления индейцы веселились за счет своих белых союзников, поднимая крик о том, что американцы напали на них, а затем смеялись над беспочвенным террором, вызванным таким образом. [FN-3] Согласно отчету, полученному Гордоном от преподобного мистера Киркланда, между полковником Сент-Леджером и сэром Джоном Джонсоном произошла стычка, первый упрекнул последнего в дезертирстве индейцев, в то время как баронет обвинил своего командира лишь в безразличном ведении осады. Это было в серых сумерках, когда двое сахемов, стоявших на небольшом возвышении недалеко позади и слышавших обмен резкими репликами между ними, положили конец неприятному разговору, подняв крик: *"они идут!—они идут!"* И Сент-Леджер, и сэр Джон возобновили отступление со всей возможной поспешностью, услышав такой сигнал тревоги. В этом случае их войска действовали столь же проворно, побросав свои рюкзаки и оружие и избавившись от всех препятствий для быстрого шага; в то время как индейцы, наслаждаясь паникой и замешательством, повторяли эту шутку по дороге, пока не достигли озера Онейда. Считается, однако, что Сент-Леджер начал опасаться не только американцев, опасаясь опасности со стороны своих собственных темноволосых союзников не меньше, чем приближающейся армии Арнольда. Британские власти заявляют, что индийцы на самом деле разграбили несколько лодок, принадлежащих их собственной армии; отнимая у офицеров все, что им нравилось. В нескольких милях от лагеря они сначала сняли оружие, а затем прикончили собственными штыками всех тех британских, немецких и американских солдат, которые были отделены от основных сил. [FN-4] Таким образом, угрозы жестокой мести, посланные полковником Сент-Леджером гарнизону, в какой-то степени были адресованы его собственной армии. Достопочтенный Йост Шайлер сопровождал летучее воинство до устья Вуд-Крик, где дезертировал и в тот же вечер направился обратно в форт Шайлер, передав полковнику Гансворту свою первую информацию о продвижении Арнольда. [FN-5] Из форта Шайлер достопочтенный Йост вернулся на Немецкие равнины. Явившись в Форт-Дейтон, его брат был выписан, к невыразимой радости его матери и их родственников. Но он проявил себя убежденным тори и воспользовался первой представившейся возможностью, которая была в октябре, чтобы вместе с несколькими своими соседями перебежать к врагу и присоединиться к войскам сэра Джона Джонсона. [FN-6]

[FN-1] Летописец за 1777 год—с. 447-448.

[FN-2] Путешествия президента Дуайта, том iii. стр. 195-197.

[FN-3] Путешествия президента Дуайта, том iii. стр. 195-197.

[FN-4] Британский журнал Universal. Действительно, отчет Сент-Леджера об этом катастрофическом отступлении, адресованный генералу Бергойну из Освиго 27 августа, очень точно соответствует американским отчетам, на основе которых было составлено настоящее повествование. Он утверждает, что индейцы вероломно напали на своих друзей и стали более грозными, чем враг, которого они должны были ожидать. Однако он не оставляет места для предположения, что между ним и сэром Джоном Джонсоном были какие—либо разногласия, называя его "своим доблестным коадьютором" и т.д. и высоко оценивая его усилия, направленные на то, чтобы заставить индейцев снова встретиться с врагом, а также усилия полковников Клауса и Батлера.

[FN-5] Письмо полковника Гансворта генералу Арнольду.

[FN-6] После завершения конкурса Хон-Йост вернулся в долину Могавков и жил там до своей смерти, которая произошла примерно двадцать лет назад.

Немедленно по получении депеши полковника Гансворта, извещающей об отступлении Сент-Леджера. Генерал Арнольд выдвинул вперед отряд из девяти сот человек с приказом, если возможно, настичь беглецов и сделать их бегство еще более катастрофическим. На следующий день сам Арнольд прибыл в форт, где его встретили артиллерийским салютом и радостными криками храброго гарнизона. Он, конечно, обнаружил, что Гансворт предвосхитил его план нанести удар в тыл летящему врагу и привел нескольких пленных вместе с большим количеством добычи. [FN-1] Их паника была настолько велика и стремительность их бегства была такой, что они бросили свои палатки, провизию, артиллерию, боеприпасы, все свое лагерное снаряжение и большое количество других предметов, увеличивающих ценность добычи. [FN-2]

[FN-1] Письмо Арнольда генералу Гейтсу, 24 августа 1777г.

[FN-2] Среди других статей был личный кабинет самого Сент-Леджера, содержащий его личные бумаги, некоторые из которых были использованы автором при написании этой и предыдущих глав.

Так закончилась осада форта Шайлер, или форта Стэнвикс, как всегда предпочитала называть его общественность. Сент-Леджер поспешил со своими рассеянными силами обратно в Освего, а оттуда в Монреаль. С этого поста он направился к озеру Шамплейн, пройдя то же самое до Тикондероги, с целью присоединиться к армии Бургойна. Обнаружив, что противник покинул территорию между фортом и озером Онтарио и что посту не может угрожать непосредственная опасность с этого направления, полковник Гансворт воспользовался возможностью навестить своих друзей в Олбани и в резиденции правительства штата, тогда только что организованного в Кингстоне. Прием был самым сердечным, как явствует не только из свидетельств современников, но и из следующего скромного обращения к своим сослуживцам по гарнизону, когда он вернулся, чтобы возобновить свое командование:

"Я был бы несправедлив к вам, если бы не засвидетельствовал вашего хорошего поведения за то время, что вы находились в этом гарнизоне, и особенно во время осады врагом. Поверьте мне, что я впечатлен правильным пониманием поведения, которым вы оказали важную услугу своей стране и снискали себе бессмертную честь. Ничто не может сравниться с удовольствием,

которое я испытал после моего отсутствия, услышав и получив общественное одобрение нашей страны за наши услуги, которое является и должно быть для каждого солдата полной и достаточной компенсацией за то же самое. Позвольте мне поздравить вас с успехом американского оружия как на Юге, так и на Севере. Каждый день заканчивается победой Америки; и я нисколько не сомневаюсь, что в этой кампании мы эффективно установим Независимость Соединенных Штатов и тем самым обеспечим себе права и свободы, за которые мы так благородно боролись ". [FN]

[FN] Скопировано автором с оригинальной рукописи. Оно было спрятано среди бумаг полковника со следующей надписью: "Лаконичное обращение к моим товарищам—офицерам и солдатам после нашего успеха в форте Стэнвикс".

В качестве доказательства ценности, придаваемой заслугам полковника при защите форта Шайлер, вскоре после этого он был повышен в должности по линии штата до звания бригадного генерала, в то время как его доблесть была дополнительно вознаграждена присвоением Конгрессом звания полковника армии Соединенных Штатов. [FN-1] При увольнении из полка офицеры вручили ему нежное письмо с поздравлениями по случаю повышения, смешанное с выражением сожаления по поводу потери полком "столь достойного покровителя". На что полковник ответил соответствующим благодарственным письмом. [FN-2] Жители округа Трайон, конечно, были рады, что удар, направленный, как предполагал враг, с безошибочной уверенностью против них, был предотвращен. Они жестоко пострадали в кампании; но еще оставалось достаточно ее сыновей, чтобы немало пополнить ряды генерала Гейтса; и они горячо стремились встать под его знамена, хотя обстоятельства тогда не требовали от них долгого пребывания на поле боя.

[FN-1] Кажется, в этой комиссии было что-то особенное. В письме, которое полковник Гансворт написал совместно Уильяму Дьюеру и губернатору Моррису, копия которого сохранилась среди его бумаг, он отмечает: "Конгресс оказал мне честь, назначив меня полковником-комендантом форта Шайлер. Я расценил бы как одолжение, если бы вы сообщили мне, буду ли я получать какое-либо жалованье за это поручение, кроме как как полковник третьего полка нью-йоркцев; а если нет, я был бы рад, если бы вы постарались, чтобы мне что-нибудь разрешили, поскольку мое нынешнее жалованье не компенсирует мои столовые напитки, которые, как вы вполне можете себе представить, являются чем-то значительным в качестве командира. Я не стремлюсь зарабатывать деньги на своих комиссионных, но я мог бы не желать из-за них утонуть, как я вынужден сделать сейчас. Комиссия, которую Конгресс направил мне как *коменданту форта Шайлер*, подчиняет меня в такой же степени вышестоящим офицерам, как и любого другого. Если таково было намерение Конгресса, назначение является необязательным. Если нет, я хочу, чтобы Конгресс изменил состав комиссии ".

[FN-2] Ниже приводится копия обращения, упомянутого в тексте: "достопочтенный сэр: Исходя из справедливого понимания того поведения, которое до сих пор столь ярко демонстрировало почет третьего Нью-Йоркского полка и привлекало общественное внимание, мы поздравляем вас с тем, что те характеристики, которые так ярко выделяют джентльмена и солдата, благодаря вашей личной храбрости были заслуженно отмечены нашей истекающей кровью страной. Хотя

мы радуемся вашему продвижению по службе, все же мы не можем не сожалеть о потере столь достойного покровителя. Чтобы процветание, увенчавшее ваше поведение победой, все еще продолжалось, - это искреннее желание и молитва, уважаемый сэр, ваших самых послушных и смиренных слуг". Оно было подписано двадцатью шестью офицерами. Полковник Гансворт ответил следующим образом: "Джентльмены, Ваше вежливое обращение по поводу моего повышения заслуживает моей самой искренней благодарности. Я надеюсь, что у меня никогда не будет недостатка в благодарности третьему Нью-Йоркскому полку, которые своей твердостью и дисциплиной были главными виновниками моего продвижения по службе. Поэтому, джентльмены, пожалуйста, примите мои самые теплые пожелания процветания корпуса, чтобы все их добродетельные усилия по защите их истекающей кровью страны увенчались честью и успехом, о чем всегда будут искренне молиться, джентльмены, ваши самые благодарные, покорные слуги".

В октябре следующего года, когда сэр Генри Клинтон поднимался вверх по Гудзону с целью либо оказания помощи, либо сотрудничества с Бергойном, генерал Гейтс приказал полковнику Гансворту отправиться в Олбани, чтобы принять командование крупными силами, которые в то время концентрировались в этом месте. К счастью, как будет показано в последующих главах, у него не было возможности испытать свою доблесть в новом и временном командовании.

ГЛАВА XII.

Повторение вторжения в Бургойн—Генерал Шайлер снова заменен Гейтсом—Причины этой несправедливости—Битва при Стиллуотере—Обе армии закрепляются—Битва и победа на высотах Бемуса—Похороны генерала Фрейзера—Отступление Бургойна—Трудности, с которыми ему приходится сталкиваться, возрастают—Его капитуляция—Встреча Бургойна и Гейтса—Поведение Гейтса по отношению к генералу. Вашингтон — Благородное поведение генерала Шайлера.

ТНЕ Временное умиротворение Западной части штата, наступившее в результате событий, повествование о которых мы только что завершили, дает возможность вернуться к вторжению в Бергойн, которое было прервано на полпути к победе, сдерживаемое, правда, неожиданными и все возрастающими трудностями, пока не было остановлено серьезным делом Бенningтона, которое до сих пор было случайно прекращено. Однако, переместив сцену с верховьев Мохока в верхние районы Гудзона, генерал Гейтс снова оказывается командующим Северным департаментом — генералом Шайлером, чьим мудрым мерам и неутомимым усилиям страна была в основном обязана остановкой наступления при Бургойне, и во время чьего командования победа при Беннингтоне была одержана генералом Старком, — который был

самым несправедливым образом смещен с должности по прямому решению Конгресса. В течение текущего года имело место очень неразумное, недостойное и капризное вмешательство Конгресса в руководство этим департаментом. 25 марта, без объяснения причин, генерал Гейтс заменил генерала Шайлера, своего вышестоящего офицера, приказом Конгресса; а 22 мая, без какого-либо явно выраженного мотива, генерал Шайлер был восстановлен в командовании этим департаментом. [FN-1] Опять же, 1 августа Конгрессом было решено, что генерал Шайлер должен отправиться в штаб, в то время как главнокомандующему той же резолюцией было предписано приказать такому генералу, которого он сочтет нужным, принять командование вместо Шайлера. На следующий день после принятия этой резолюции генерал Вашингтон получил письмо от делегации Новой Англии в Конгрессе, в котором предлагалось назвать имя генерала Гейтса как офицера, который, скорее всего, восстановит гармонию, порядок и дисциплину и облегчит наши дела в этом квартале. [FN-2] В предыдущей главе мы упоминали о предубеждениях, существующих против генерала Шайлера, и о их причинах. Теперь они стали настолько сильными, и Восточные штаты, в частности, были настолько враждебны к его продолжительному пребыванию на посту командующего, что даже его друзья согласились с целесообразностью, хотя и не со справедливостью его смещения. [FN-3] Сам генерал Шайлер, однако, остро ощущал дискредитацию того, что был отозван в самый критический и интересный период кампании; когда труд и активность по подготовке к устранению причиненных им бедствий были им потрачены впустую; и когда, как он заметил, была предоставлена возможность для того сопротивления и возмездия, которые могли бы принести славу нашему оружию. [FN-4]

[FN-1] Мемуары генерала Уилкинсона, том i, стр. 163.

[FN-2] Жизнь Спаркса и Кор. из Вашингтона, том v. стр. 14. Оригинал этого письма в Вашингтон написан рукой Сэмюэля Адамса и подписан следующими именами в том порядке, в котором они здесь стоят, а именно: Джон Адамс, Натаниэль Фолсом, Сэмюэл Адамс, Генри Марчант, Элбридж Джерри, Элифалет Дайер, Уильям Уильямс.

[FN-3] Маршалл.

[FN-4] Выступление канцлера Кента перед Нью-Йоркским историческим обществом, декабрь 1828 г. Клевета, направленная против Сент-Клера и Шайлер в связи с падением Тикондероги, была настолько грубой, что в ее распространение невозможно поверить. Этих офицеров обвинили в предательстве страны, действовавших заодно с врагом, а невежественных и легковых заставили поверить, что они получили огромное сокровище в виде серебряных шаров, выпущенных Бергойном по лагерю Сент-Клер и по его приказу подобранных и переданных Шайлеру в Форт Джордж. Уилкинсон, который был генерал-адъютантом Гейтса, утверждает, что уважаемые люди очень серьезно расспрашивали его об этом факте! Респектабельные люди поддерживали эту клевету в целях разжигания фракций, и следствием этого стало всеобщее дезертирство в начале лета, так что в свое время численность северной армии сократилась менее чем до трех тысяч, а ополчения — менее чем до тысячи трехсот человек, и они не подлежали никакому эффективному сдерживанию.

Главкомандующий не обратил внимания на консультативное послание делегатов от Новой Англии, но в уважительном письме президенту Конгресса отказался от чести произвести отбор.

[FN] Если бы он таким образом не извинился, не будет самонадеянностью намекать, что под влиянием особой позиции, которую Гейтс уже тогда начал занимать, и действуя, как всегда поступал Вашингтон, по суровому велению совести, он сделал бы выбор, отличный от того, который был предложен ему представителями Востока и который в конечном итоге возобладал.

[FN] "В то же время, когда я выражаю свою благодарность за высокий знак доверия, который Конгресс был рад оказать мне своей решимостью, разрешив мне направить офицера для командования Северной армией, я хотел бы, чтобы меня освободили от назначения. Для этого можно было бы назвать множество причин, которые, я убежден, придут Конгрессу в голову после размышления. Северный департамент в значительной степени рассматривался как отдельный и, что более странно, находившийся под их руководством; и офицеры, командующие там, всегда подчинялись их назначению. Я никогда не вмешивался дальше, чем просто для того, чтобы давать советы и оказывать такую помощь, которая была в моих силах, по заявкам этих офицеров. Нынешняя ситуация в этом департаменте деликатная и критическая, и выбор офицера для командования может повлечь за собой очень интересные и важные последствия".
—*Письмо Вашингтона президенту Конгресса, 3 августа 1777 г.*

Генерал Гейтс, однако, присоединился к северной армии только 19 августа; и поскольку не было указано время, в течение которого он должен был явиться в штаб, генералу Шайлеру было разрешено оставаться на Севере, с одобрения как Конгресса, так и главнокомандующего, до завершения кампании капитуляцией британского командующего и его армии. Его усилия на благо своей страны не стали менее активными, а советы - менее щедрыми из-за несправедливости, которой была уязвлена его гордость. [FN]

[FN] "Рвение, патриотизм, настойчивость и благотворные меры генерала Шайлера подняли дух страны и победили предубеждения, возбужденные против него хитростью, интригами и очернительством". —*Мемуары Уилкинсона.*

После эвакуации форта Эдвард, [FN-1] как упоминалось в предыдущей главе, генерал Шайлер спустился вниз по реке к Стиллутеру 3 августа и начал укреплять там свой лагерь 4-го. Непродуманная экспедиция Бергойна на Беннингтон под командованием полковника Баума 16-го числа лишила его одной шестой части его боеспособных сил. Только примерно через месяц после этого, в течение которого американская армия была значительно усилена в Стиллутере, Бергойн снова был готов к наступлению. Наконец, ценой почти невероятного труда доставив из форта Джордж запас провизии на тридцать дней и перебросив через Гудзон лодочный мост, британский командующий со своей армией переправился через реку 13 и 14 сентября и расположился лагерем на высотах и равнинах Саратоги. В ночь на 17-е Бергойн расположился лагерем в четырех милях от американской армии; и около полудня 19-го числа двинулся против нее в полном составе - последняя тем временем продвинулась навстречу противнику на три мили выше Стиллутера. Бургойн лично командовал своим правым крылом, прикрываемым генералом Фрейзером и полковником Брейманом, с гренадерами и легкой пехотой, которые были размещены на нескольких возвышенностях справа. Фронт и фланги прикрывали индейцы, провинциалы и канадцы. Левым крылом противника и артиллерией командовали генералы Филлипс и Ридзель, которые продвигались по большой дороге. Полковник Морган, который

был выделен для наблюдения за их передвижениями и преследования их по мере продвижения, вскоре соединился со своими пикетами перед их правым флангом, резко атаковал их и загнал внутрь. Сильный корпус был немедленно направлен противником против Моргана, который после оживленного сражения, в свою очередь, был вынужден уступить. Полку было приказано прийти на помощь Моргану, стрелки которого были, к сожалению, рассеяны яростью атаки, битва возобновилась примерно в час дня и в течение трех часов, хотя и с редкими паузами, поддерживалась духом — командиры с обеих сторон поддерживали и усиливали свои соответствующие отряды. К четырем часам сражение перешло в руки генерала Арнольда с девятью континентальными полками и корпусом Моргана, полностью уничтожившего все правое крыло противника. [FN-2] Сражение, начавшееся в первый раз случайно, теперь приняло самый упорный и решительный характер. Оно продолжалось еще четыре часа — солдаты часто вступали в рукопашную. Наступление ночи положило конец сражению — американцы отступили в свой лагерь, но не по другой необходимости, а из-за темноты. Противник был обеспечен артиллерией, но территория, занятая американцами, не позволяла использовать полевые орудия. Колебания в ходе сражения были частыми в течение дня, и хотя британская артиллерия попадала в руки американцев при каждой очередной атаке, последние не могли ни направить ее на врага, ни отбросить его. "Дерево помешало последнему, а отсутствие спичек - первому, поскольку запас пуха неизменно уносили, а быстрота переходов не позволяла американцам успеть его достать". [FN-3]

[FN-1] Именно во время перестрелки перед фортом Эдвард, когда американцы спасались бегством от отряда из тридцати или сорока индейцев, покойный генерал Мэтью Кларксон из Нью-Йорка - в то время майор Кларксон и помощник генерала Арнольда — был ранен пулей, которая прошла сквозь мышечную оболочку горла. В то время предполагалось, что рана смертельна, но вскоре он поправился.

[FN-2] Холмс, который следует за Стедманом. Генерал Уилкинсон отрицает, что Арнольд во многом участвовал в этом сражении. Он говорит: "19-го числа ни одного генерала не было на поле боя до вечера, когда генералу Ламеду было приказано уйти. Примерно в то же время, когда генералы Гейтс и Арнольд стояли перед центром лагеря, прислушиваясь к перезвону стрелкового оружия, полковник Морган Льюис, заместитель генерального квартирмейстера, вернулся с поля боя и, отвечая на вопрос генерала, доложил о нерешительном ходе боевых действий, на что Арнольд воскликнул: "клянусь Богом, я положу этому конец," и, пришпорив свою лошадь, ускакал во весь опор. Полковник Льюис немедленно заметил генералу Гейтсу: "Вам лучше приказать ему вернуться, действия идут хорошо, и он может каким-нибудь необдуманном поступком натворить бед". Меня немедленно отправили, догнали и отправили Арнольда в лагерь". — *Мемуары, том i, глава vi.*

[FN-3] Мемуары генерала Уилкинсона, том i, глава vi.

Генерал Уилкинсон, в то время генерал-адъютант, который сам участвовал в сражении и чей отчет о нем является лучшим из написанных, поддерживает замечание, сделанное выше, о том, что сражение было совершенно случайным; ни один из противоборствующих генералов не планировал атаку в то время, и все же, из-за взаимного неправильного понимания целей друг друга, они целый день были вынуждены обороняться; ограничиваясь территорией, занятой сначала случайно, "и ни один не предпринял ни одного маневра во время одного из самых

продолжительных, жарких и упорных сражений, которые велись в Америке". . Генерал Гейтс полагал, что его противник намеревался напасть на него, и обстоятельства, казалось, оправдывали подобный вывод со стороны Бергойна; и, поскольку густота леса скрывала позиции и передвижения обеих армий от противника, разумная осторожность обязывала соответствующих командиров охранять все доступные для атаки пункты. Если бы любой из генералов был должным образом осведомлен о расположении своего противника, серьезный удар мог быть нанесен либо слева от американской армии, либо справа от противника; " но хотя сражающиеся дюжину раз в течение дня меняли позицию, сражение было прекращено с наступлением темноты на том же месте, где оно началось. [FN-1] Немногие действия были более примечательными, чем это, как по силе атаки, так и по упорству сопротивления. [FN-2]

[FN-1] Idem.

[FN-2] Стедман. Потери американцев убитыми и ранеными составили от трехсот до четырехсот человек. Среди первых были полковники Колберн и Адамс, а также несколько других ценных офицеров. Потери британцев составили от шестисот до тысячи человек убитыми, ранеными и пленными.

Обе армии оставались на прежних позициях до начала октября - каждая окопалась в пределах линий и редутов, которые на наиболее подходящих позициях были усилены батареями. Инженером, руководившим американскими работами на высотах Бемуса, был знаменитый польский патриот Тадеуш Костюшко, который также служил в том же качестве на Тикондероге.

Действия 19 сентября снова существенно уменьшили силы Бергойна, к которым добавились большие и возрастающие трудности с получением припасов и постоянные неприятности, которым он подвергался со стороны американских разведчиков и еще более крупных отрядов, которые атаковали его пикеты, обходили его с флангов и отрезали его группы фуражиров. К 4 октября его запасы настолько сократились, что солдаты были переведены на короткое довольствие, а его положение в других отношениях становилось настолько критическим, что, ничего не услышав от сэра Генри Клинтон, сотрудничества которого из Нью-Йорка он ждал со времени битвы 19 октября, от идеи наступления отказались, и вместо этого были проведены обсуждения относительно целесообразности отступления. Этого можно было добиться, только сначала выбив американцев, чьи силы, дисциплинированные и недисциплинированные, теперь намного превосходили численностью его собственные, с их постов на высотах. 4 октября Бергойн послал за генералами Филлипсом, Ридеселем и Фрейзером, чтобы проконсультироваться с ними о наилучших мерах, которые следует принять. Его план состоял в том, чтобы немедленно атаковать и попытаться обойти левое крыло американцев; но другие генералы рассудили, что было бы опасно оставлять свои запасы под такой слабой защитой, как восемьсот человек, согласно предложению их командира. 5-го было проведено второе совещание, на котором генерал Ридзель положительно заявил, что положение армии стало настолько критическим, что они должны либо атаковать и форсировать укрепления Гейтса и таким образом добиться благоприятного изменения ситуации, либо переправиться через Гудзон и отступить к Форт-Джорджу. Фрейзер одобрил последнее предложение, а Филлипс отказался высказать свое мнение. Генерал Бергойн, которому мысль об отступлении была крайне нежелательна, заявил, что 7-го числа произведет рекогносцировку как можно ближе к левому флангу американцев с целью выяснить, можно ли его атаковать с какой-либо

перспективой успеха. После этого он либо атакует армию Гейтса, либо отступит маршрутом в тыл Баттенкиллу. Это было его окончательное решение, и диспозиция была составлена соответствующим образом. [FN]

Мемуары мадам баронессы де Ридезель.

Во второй половине дня 7-го генерал Бергойн вывел полторы тысячи человек для проведения предполагаемой разведки, которую он возглавил сам в сопровождении генералов Филлипса, Ридезеля и Фрейзера. Они двинулись тремя колоннами к левому крылу американских позиций, вышли на пшеничное поле, построились в шеренгу, а затем начали скошивать пшеницу на фураж. Движение было своевременно обнаружено, центральный передовой отряд американцев взялся за оружие; сигнал тревоги был повторен по всей линии, и войска вернулись на посты оповещения. Полковник Уилкинсон, находившийся в этот момент в штабе, был направлен выяснить причину тревоги. Он проследовал на расстояние шестидесяти или семидесяти метров от противника, выяснил их положение и вернулся; сообщив генералу Гейтсу, что они добывают продовольствие; пытаясь также разведать левый фланг американцев и точно так же, по его мнению, предлагая бой. После короткой консультации. Гейтс сказал, что пойдет им навстречу; и полковнику Моргану, чей стрелковый корпус был сформирован перед центром, было приказано "начать игру". [FN-1] Однако по его собственному предложению Моргану было разрешено обойти противника справа кружным путем, в то время как бригада Пура должна была атаковать его слева. [FN-2] Движение было выполнено превосходно; войска Нью-Йорка и Нью-Гэмпшира атаковали фронт и левое крыло противника с большой стремительностью; в то время как, верный своей цели, Морган, как раз в критический момент, хлынул, как поток, с холма и атаковал противника справа спереди и с фланга. Атака вскоре была с большой решимостью продолжена по всему фронту противника. Майор Эклэнд во главе гренадеров с большой стойкостью отразил атаку Пура. [FN-3] Но справа от него легкая пехота, пытаясь сменить фронт, под яростным натиском полковника Дирборна была вынуждена отступить под плотным огнем и в большом беспорядке. Они были переформированы графом Балкаррасом за забором в тылу их первой позиции; но, будучи снова с большой дерзостью атакованы спереди и с флангов превосходящими силами, сопротивление стало тщетным, и вся линия, которой командовал лично Бургойн, сдалась и предприняла поспешное и беспорядочное отступление в свой лагерь, [FN-4] Правая часть Бургойна уступила первой, отступление которой прикрывали легкая пехота и часть 24-го полка. Левое крыло при отступлении неизбежно было бы разорвано на куски, если бы не вмешательство тех же войск, оказавших ему ту же услугу, которую несколькими мгновениями ранее они оказали правому. Это отступление произошло ровно через пятьдесят две минуты после первого выстрела - противник оставил на поле боя две двенадцатифунтовые и шесть шестифунтовых пушек, потеряв более четырехсот офицеров и рядовых убитыми, ранеными и взятыми в плен, и среди них цвет его офицеров, а именно: генерала Фрейзера, майора Эклэнда, [FN—5] сэра Фрэнсиса Кука и многих других.

[FN-1] Генерал Бергойн впоследствии заявил Уилкинсону в разговоре, что его целью в тот день была только разведка и заготовка фуража, и что через полчаса, если бы Уилкинсон не разгадал его мотивы и на него не напали, он закончил бы свои наблюдения и вернулся в свой лагерь.

[FN-2] Мемуары Уилкинсона.

[FN-3] Холмс.

[FN-4] Мемуары генерала Уилкинсона.

[FN-5] Idem. Генерал Уилкинсон приводит интересный случай, касающийся майора Экланда. Преследуя летящего врага, проходя над убитыми и ранеными, он услышал голос, восклицающий— "Защитите меня, сэр, от этого мальчика!" Повернув голову, он увидел мальчика лет тринадцати-четырнадцати, намеренно целившегося в раненого офицера, лежавшего под углом к изгороди. Цель мальчика была достигнута — офицер оказался храбрым Экландом, командовавшим гренадерами, и был ранен в обе ноги. Его немедленно отправили в штаб. История майора Экланда стала известна всем еще до того, как они покинули детскую, благодаря интересному рассказу леди Харриет, его жены, которая служила в армии и которая через два дня после битвы прибыла в американский лагерь под флагом, чтобы присоединиться к своему мужу. Инцидент, судя по полученным украшениям, был трогательным и романтичным. Однако, если отбросить поэзию и свести ее к простым фактам, согласно заявлению покойного генерала Дирборна, которое он разрешил Уилкинсону опубликовать в своих мемуарах, роман не был настолько уж экстраординарным, чтобы его не могла разыграть любая другая хорошенькая женщина, любившая своего мужа при тех же обстоятельствах. Майора Экланда уже отправили в Олбани, когда леди Харриет прибыла в лагерь генерала Гейтса. С ней обошлись со всей возможной вежливостью и разрешили последовать за ним и присоединиться к нему. Майор Экланд был доблестным офицером и великодушным противником. Находясь в Нью-Йорке после условно-досрочного освобождения, он делал все, что было в его силах, чтобы способствовать обращению с выдающимися американскими заключенными. После своего возвращения в Англию он пожертвовал своей жизнью, защищая честь Америки. После того, как он собрал полк, на ужине с участием военных мужество американцев было поставлено под сомнение. Он решительно отверг обвинение. Последовали громкие слова, в ходе которых Экланд выдал ложь непосредственно подчиненному офицеру по имени Ллойд. Следствием стала встреча, в ходе которой он был убит выстрелом в голову. Леди Харриет лишилась рассудка и оставалась невменяемой два года; после чего она вышла замуж за джентльмена по имени Бруденелл, который сопровождал ее от лагеря Бургойн в Саратоге до лагеря Гейтс в поисках ее раненого мужа.

Едва британские войска вошли в свои порядки, как американцы под предводительством генерала Арнольда ринулись вперед и под ужасающим огнем картечи и мушкетной стрельбы атаковали их укрепления на всем их протяжении справа налево. Ближе к концу дня укрепления противника были прорваны левым флангом американцев, возглавляемым лично Арнольдом, который с несколькими своими людьми действительно проник в укрепления; но так как его лошадь была убита, а сам генерал тяжело ранен в ногу, они были вынуждены отступить, а наступление темноты побудило их отказаться от атаки. [FN-1] Тем временем слева от отряда Арнольда массачусетские войска под командованием полковника Брукса добились еще большего успеха, обойдя противника справа и взяв штурмом укрепления, занятые немецким резервом. Полковник Брейман, их командир, был убит, и его корпус, уменьшенный до двухсот человек и горячо теснимый со всех сторон, был вынужден отступить. Это преимущество было сохранено американцами; и темнота положила конец сражению, столь же блестящему и

важному для континентальных вооруженных сил. Большое количество врагов было убито, а двести взято в плен. Потери американцев были незначительными. [FN-2]

[FN-1] После битвы 19 сентября и до той, которая сейчас рассматривается, у Арнольда возникли некоторые трудности с Гейтсом. Завязалась острая переписка, в ходе которой первый потребовал разрешения присоединиться к главнокомандующему в Пенсильвании. Следствием было то, что 7-го Арнольд оказался без какого-либо командования. Он был чрезвычайно раздражен своим положением, но, приказывали ему или нет, его нельзя было удержать от участия в боевых действиях. Его поведение было очень странным, и Уилкинсон и другие обвинили его в тот день в состоянии алкогольного опьянения. Так это или нет, но до окончания акции он был в самом разгаре и осуществлял командование. Он проявил себя глупо и самонадеянно перед немецкой дивизией; и именно без приказа он собрал нескольких отчаянных последователей, с которыми проник во вражеский окоп, где и получил свое ранение.

[FN-2] Холмс.

Утром 8-го числа, перед рассветом, противник оставил свои позиции и пробрался на равнину, где находились его провиантские запасы; но был вынужден остановиться до вечера, потому что его госпиталь нельзя было вывести раньше. [FN-1] Американцы немедленно двинулись вперед и овладели заброшенным лагерем. Бургойн сосредоточил свои силы на нескольких высотах, которые были сильными по своей природе, и прикрытых спереди оврагом, идущим параллельно окопам его бывшего лагеря, беспорядочный огонь артиллерии и стрелкового оружия продолжался в течение всего дня — особенно со стороны вражеских снайперов и провинциалов, которые были размещены в укрытиях оврага, что делало их огонь раздражающим для каждого человека, попадающего в поле их зрения. [FN-2] Именно выстрелом одного из этих скрывающихся отрядов генерал Линкольн поздно вечером получил тяжелое ранение в ногу, когда ехал рядом с линией фронта.

[FN-1] Воспоминания баронессы де Ридесель. Об этой даме. Генерал Уилкинсон говорит— "Я не раз видел, как ее очаровательные голубые глаза наполнялись слезами при описании ее страданий. С двумя маленькими детьми она сопровождала своего мужа, генерал-майора барона де Ридеселя, из Германии в Англию, из Англии в Канаду и от последнего места до окончания кампании генерала Бургойнча, в ходе которой она пережила больше, чем ужасы могилы в их самом ужасном проявлении ". Ее мемуары были опубликованы в Берлине в 1800 году. Они полны интереса. Некоторые из печальных сцен, сопровождавших завершение кампании Бергойна, так красочно описаны баронессой и представляют собой такие поразительные иллюстрации ужасов войны, что автор отважился перенести несколько страниц в Приложение к настоящему тому. См. Приложение № IX.

[FN-2] Мемуары генерала Уилкинсона.

Доблестный Фрейзер, смертельно раненный накануне, скончался в 8 часов утра 8-го числа. Вечером в день своего падения, когда стало ясно, что он не сможет оправиться, он послал за генералом Бергойном и попросил, чтобы его похоронили в 6 часов следующего вечера на гребне холма, на котором был сооружен бруствер. На Бергойна подали жалобу за то, что,

выполняя эту просьбу, он задержал свое отступление и тем самым способствовал несчастьям своей армии. Как бы то ни было, просьба умирающего солдата была соблюдена в точности. В назначенный час тело было перенесено на указанный холм в сопровождении генералов и их свиты; заупокойную службу прочел капеллан; и труп предали земле, в то время как ядра американской пушки летали вокруг собравшихся скорбящих и над ними. [FN]

[FN] Баронесса Ридезель, из чьих вдохновенных мемуаров почерпнуты обстоятельства этих похорон, утверждает, что генерал Гейтс впоследствии протестовал, заявив, что если бы он знал, что происходит, он немедленно прекратил бы огонь. Должно быть, это было торжественное зрелище, и сам генерал Бергойн описал его со своим обычным красноречием и удачностью выражений: "Непрекращающаяся канонада во время церемонии; ровная поза и неизменный голос, с которым капеллан совершал богослужение, хотя часто был покрыт пылью, которую выстрел поднимал во все стороны от него; немая, но выразительная смесь чувствительности и негодования на каждом лице; эти предметы до конца жизни останутся в памяти каждого человека, который присутствовал. Сгущающиеся сумерки дополняли пейзаж, и в целом это придавало характер тому моменту, который мог бы стать одним из лучших сюжетов для карандаша мастера, когда-либо выставлявшихся в этой области. На опрос и на верную страницу более важного историка, доблестный друг! Я веряю твою память. Пусть там твои таланты, твои мужские добродетели, их прогресс и период их существования найдут должное признание; и пусть они долго живут, долго после того, как хрупкие записи моего пера будут забыты!" —*Отчет экспедиции из Канады, & с. и с. стр. 169.*

По движениям в лагере противника было очевидно, что он готовится к отступлению; но американские войска, находясь в припадке радости, вызванном их победой, забыли взять с собой и съесть свои пайки — к тому же, изрядно утомленные двухдневными нагрузками, отступили в свой лагерь, который утром оставили стоять. Отступление было, действительно, единственной альтернативой, оставшейся у британского командующего, поскольку теперь было совершенно ясно, что он не сможет прорваться сквозь американскую армию, и его запасы были сокращены до кратковременного рациона на пять дней. Соответственно, он начал свое отступление той же ночью, но задержался по пути; так что 10-го числа он все еще был недалеко от Саратоги, где занял позицию. Во время этого отступления он приказал сжечь попутно фермерские дома, среди которых был элегантный особняк генерала Шайлера с его мельницами и хозяйственными постройками. Такое поведение со стороны британского командующего было расценено как позорное и ненужное. [FN]

[FN] "Жестокость, которой отмечено отступление вашей армии, когда по пути она сжигала дома джентльменов и фермеров, почти не имеет прецедентов среди цивилизованных наций; они не должны пытаться разорить тех, кого не смогли победить; их поведение выдает скорее мстительную злобу монаха, чем великодушие солдата". —*Письмо Гейтса Бергойну, 12 октября 1777 г.*

Хорошо зная, что дальнейшее отступление с целью, по возможности, добраться до своего склада в Форт-Джордже и спастись бегством через озера было теперь единственным способом, к которому Бергойн мог прибегнуть для спасения разбитых остатков своей армии, Гейтс, не

теряя времени, перебросил несколько сильных отрядов войск ему в тыл. Дивизия численностью в тысячу четыреста человек была размещена на высотах напротив брода у Саратоги; две тысячи - в тылу, чтобы предотвратить его отступление к форту Эдвард; и полторы тысячи - у брода еще выше. Опасаясь, что его полностью запрут, Бергойн послал вперед отряд ремесленников для ремонта мостов; но они, хотя и были усиленно охраняемы, были поспешно отброшены назад. Затем его мысли были направлены на открытие прохода через форт Эдвард; но американцы уже восстановили свои силы в этой работе и были хорошо обеспечены артиллерией. Таким образом, окруженный трудностями, которые возрастали; с каждым часом его боеспособные силы сокращались менее чем до трех тысяч пятисот человек, — американская армия увеличивалась с каждой минутой и теперь образовывала почти полное кольцо вокруг него, — измотанный со всех сторон, особенно меткими стрелками, которые вертелись вокруг него, — Бергойн был поставлен перед необходимостью заключить соглашение с генералом Гейтсом, что и было сделано с единодушного согласия общего совета его офицеров. Предварительные приготовления вскоре были скорректированы, и 17 октября королевская армия сдала военнопленных. На момент начала кампании армия Бургойна насчитывала девять тысяч двести тринадцать человек. Число сложивших оружие составляло пять тысяч семьсот пятьдесят два человека. Все или почти все его союзники-индейцы покинули его за несколько дней до этого.

В тот же день, когда статьи капитуляции были приведены в действие, Бургойн со своими генеральскими офицерами был принят в квартире генерала Гейтса и угощен им за обедом. Их приняли с предельной вежливостью и с уважением, подобающим храбрым, но неудачливым людям. Беседа была безудержной, приветливой и свободной. [FN-1] Действительно, поведение Гейтса на всем протяжении, после того как условия капитуляции были скорректированы, было отмечено равной деликатностью и великодушием, как признал сам Бергойн в письме графу Дерби. В этом письме пленный генерал особо упомянул одно обстоятельство, которое, по его словам, превосходило все, что он когда-либо видел или читал о подобном случае. Дело было в том, что, когда британские солдаты вышли из своего лагеря к месту, где они должны были сложить оружие, *не было видно ни одного человека из американских войск* — генерал Гейтс приказал всей своей армии скрыться с глаз долой, чтобы никто из них не был зрителем унижения британских войск и не нанес ни малейшего оскорбления побежденным. Это было проявлением утонченной деликатности, воинского великодушия и вежливости, свидетельствовавшей о высшей чести победителя; офицеры Бергойна говорили о нем в самых одобрительных выражениях. [FN-2]

[FN-1] Мемуары баронессы де Ридесель. Уилкинсон так описывает первую встречу Бергойна с Гейтсом: "Генерал Гейтс, предупрежденный о приближении Бергойна, встретил его во главе своего лагеря — Бергойн в богатой королевской форме, а Гейтс в простом синем сюртуке; когда они приблизились почти на длину меча, они натянули поводья и остановились. Затем я назвал имена джентльменов, и генерал Бергойн, грациозно приподняв шляпу, сказал — "Удача войны. Генерал Гейтс сделал меня вашим пленником", на что завоеватель, вежливо отдав честь, быстро ответил: "Я всегда буду готов засвидетельствовать, что это произошло не по вине вашего превосходительства".

[FN-2] Летописец 1777 года, страницы 482, 83. В письме, опубликованном в этом сборнике событий Американской революции, в то же время говорилось, что "несколько человек из Новой

Англии пожелали на полчаса заполучить Бергойна в свои руки. Когда их спросили, с какой целью, они сказали, что не причинят ему никакого вреда; они только вымазуют его дегтем и перьями и заставят встать на крышку одной из его собственных пустых бочек из-под говядины и прочитать его собственное воззвание". -481, 82. Если это предложение вообще было сделано, то, должно быть, было просто спортивной выходкой шутника.

Возможно, генерал Гейтс не был виноват в том, что его назначили командующим Северными войсками как раз в тот благоприятный момент, когда поражение при Бургойне больше не было проблемой. Конгресс отправил его в участок, и он хорошо выполнил свой долг. Но не менее верно и то, что лавры, завоеванные им, должна была пожать Шайлер. Генерал (затем полковник) Уилкинсон, который был не только активным офицером в той кампании, но и членом собственной военной семьи Гейтса, представил этот вопрос в его истинном аспекте. Он утверждает, что армия Бургойна не только была практически выведена из строя потерей тяжелого отряда, артиллерии и обоза, а также поражением гессенцев при Беннингтоне до прибытия Гейтса, но и что отпор Сент-Леджеру у форта Шайлер расстроил его планы, в то время как безопасность на западной границе была восстановлена, и вызванная этим паника утихла. Он также утверждает, что после неудач на Севере, несправедливо приписываемых ему, и до прибытия Гейтса рвение, патриотизм и благотворные меры генерала Шайлера победили предубеждения, возбужденные против него; что благодаря поражению Баума и Сент-Леджера Шайлер смог сконцентрировать все свои континентальные силы и противопоставить их основным силам врага; и что благодаря ему, также до прибытия Гейтса, друзья революции были вновь воодушевлены и воодушевлены на мужественное сопротивление, в то время как приверженцы королевского дела были побеждены. запуганный, он погрузился в молчание и бездействие. Исходя из этих неоспоримых предпосылок, будет не более чем справедливым выводом сказать, "что та же сила, которая позволила Гейтсу подчинить британскую армию, произвела бы аналогичный эффект по приказу генерала Шайлера; поскольку в операциях кампании не было задействовано ни единого примера профессионального мастерства, и триумф американского оружия был достигнут благодаря физической силе и доблести войск, находящихся под защитой и руководством БОГА СРАЖЕНИЙ".[FN]

Мемуары Уилкинсона, том i, глава V.

Разгоряченный своим случайным успехом, или, скорее, успехом, сопутствовавшим его случайному положению, Гейтс не стал носить свои почести с какой-либо примечательной кротостью. Напротив, его отношение даже к главнокомандующему было далеко от почтительного. Он даже не написал в Вашингтон по этому поводу, пока не прошло значительное время. В первом случае Уилкинсона отправили с депешами в Конгресс, но он прибыл в резиденцию этого органа только через пятнадцать дней после подписания статей о капитуляции; и еще три дня ушло на приведение в порядок его документов, прежде чем они были представлены. [FN-1] Первое упоминание, которое Вашингтон делает о поражении при Бергойне, содержится в письме, написанном его брату 18 октября — новость была сообщена ему губернатором Клинтоном. Он снова рассказал об этом событии 19-го числа в письме, адресованном генералу Патнэму. 25-го числа в письме, адресованном этому офицеру, он подтверждает получение от него *копии статей капитуляции*, добавив, что это было первое

достоверное сообщение, которое он получил об этом деле, и что он начал испытывать беспокойство и почти подозревать, что предыдущие сообщения были преждевременными. И только 2 ноября Гейтс соизволил сообщить главнокомандующему хоть слово по этому вопросу, да и то лишь вскользь, как будто это было делом второстепенной важности. [FN-2]

[FN-1] Искры. "Именно по этому случаю один из членов внес в Конгресс предложение о том, чтобы они сделали полковнику Уилкинсону комплимент в виде пары шпор".

[FN-2] Idem. Все, что Гейтс сказал по этому поводу в упомянутом письме, заключалось в этих нескольких словах: "Поскольку Конгрессу было предложено немедленно передать им копии всех моих депеш, я уверен, что ваше превосходительство уже давно получили все хорошие новости отсюда". За два дня до этого в письме, адресованном Гейтсу, Вашингтон высказал один из тех мягких и достойных упреков, которые так похожи на него самого. В этом письме, написанном в связи со специальной миссией полковника Гамильтона на Север, главнокомандующий сказал: "Пользуясь случаем, я имею удовольствие поздравить вас с выдающимся успехом армии, находящейся под вашим командованием, в принуждении генерала Бергойна и всех его сил сдаться в плен". . . . "В то же время я не могу не сожалеть, что дело такого масштаба и столь интересное для наших общих операций дошло до меня только в виде доклада или по каналу писем, не содержащих той достоверности, которой требовала важность этого дела, и которая была бы воспринята строчкой под вашей подписью, излагающей простые факты". - *Письма Вашингтона, том V. страницы 104, 112, 113, 124, 125.*

Генерал Шайлер находился в лагере вместе с Гейтсом во время капитуляции, хотя и без какого-либо личного командования; и когда Бергойн со своими генералами прибыл в Олбани, они были гостями Шайлера, который отнесся к ним с большим гостеприимством. Баронесса де Ридес с большим чувством говорит о доброте, которую она получила от генерала Шайлера по ее первому прибытию в лагерь генерала Гейтса, а затем от рук миссис Шайлер и ее дочерей в Олбани. Вежливость его манер и рыцарское великодушие его характера, несмотря на то, что он страдал от масштабов и серьезности понесенных им материальных потерь, засвидетельствованы самим генералом Бергойном в его речи в 1778 году в британской палате общин. Там он заявил, что по его приказу "очень хороший жилой дом, превосходящий большие склады, большие лесопилки и другие хозяйственные постройки общей стоимостью, возможно, в 10 000 фунтов стерлингов", принадлежавший генералу Шайлеру в Саратоге, был уничтожен пожаром за несколько дней до капитуляции. Далее он сказал, что одним из первых, кого он увидел после подписания конвенции, был генерал Шайлер; и, выражая ему свое сожаление по поводу события, произошедшего с его имуществом, генерал Шайлер пожелал ему "больше не думать об этом, и что случай оправдывает это в соответствии с принципами и правилами войны. Он сделал больше, - сказал Бергойн. - он послал адъютанта [FN-1] проводить меня в Олбани, чтобы, как он выразился, обеспечить лучшее жилье, чем мог бы найти незнакомец. Этот джентльмен проводил меня в очень элегантный дом и, к моему великому удивлению, представил миссис Шайлер и ее семье. В этом доме я оставался все время своего пребывания в Олбани, где для меня и моих друзей был накрыт стол более чем на двадцать персон и были сделаны все другие возможные проявления гостеприимства". [FN-2]

[FN-1] Покойный полковник Ричард Варик, в то время военный секретарь генерала. Шайлер.

[FN-2] Парламентская история, том хіх. стр. 1182 — цитируется канцлером Кентом в его выступлении перед Нью-Йоркским историческим обществом.

ГЛАВА XIII.

Попытка сэра Генри Клинтона сотрудничать с Бергойном—Штурм фортов Клинтон и Монтгомери—Сожжение Эзопа—Обзор военных операций в других местах—Экспедиция в Пикскилл—От правительства. Трайон—Данбери—Продвижение сэра Уильяма Хоу в Пенсильвании—Битва при Брендивайне—Резня в Паоли—Битва при Джермантауне—Смерть графа Донопа—Убийство капитана Дейца и семьи в Берне—Джон Тейлор—Леди Джонсон приказано покинуть Олбани—Раздражение сэра Джона—Попытки похитить мистера Тейлора—Индеец и белый человек, подкупленные для убийства генерала Шайлера—Новые тревоги в округе Трайон—Обращение Конгресса к шести нациям—Обращение не возымело действия—Статьи конфедерации—Конец года.

Одновременно с событиями, кратко описанными в предыдущей главе, сэр Генри Клинтон предпринял экспедицию из Нью-Йорка на Север, о которой уже упоминалось вскользь. Очевидным намерением сэра Генри было сменить генерала Бергойна; но это было предпринято слишком поздно, чтобы оказать ему какую-либо помощь; факт, признанный самим сэром Генри, который извинил задержку, заявив, что он не мог предпринять это раньше, не оставив оборону Нью-Йорка слишком слабо защищенной. Эта экспедиция состояла примерно из трех тысяч человек, сопровождаемая флотом под командованием коммодора Хотэма, который в начале октября двинулся вверх по реке Гудзон и должен был, в первую очередь, атаковать форты Монтгомери и Клинтон, расположенные недалеко от южной границы нагорья. Эти крепости были построены главным образом для того, чтобы помешать кораблям противника подняться по реке, и не были пригодны для обороны с тыла. Ими командовал губернатор Клинтон при содействии генерала Джеймса Клинтона, его брата.

Письмо из Вашингтона генералу Патнэму, 19 октября 1777 г.

Войска противника были высажены в Стоуни-Пойнт, в двенадцати милях ниже фортов. Небольшой передовой отряд американцев был встречен и атакован около 10 часов утра 6 октября, когда находился в двух с половиной милях от форта. Этот отряд, конечно, был загнан внутрь, отразив огонь противника. [FN-1] Подойдя на расстояние мили к фортам, сэр Генри

разделил свои войска на две колонны; одна, состоящая из девятисот человек под командованием подполковника Кэмпбелла, предназначалась для атаки на форт Монгомери; другая, под непосредственным командованием сэра Генри Клинтона, должна была штурмовать укрепленный пост Форт Клинтон. [FN-2] Убедившись, что противник продвигается к западному склону горы, чтобы атаковать его с тыла, губернатор Клинтон приказал направить отряд численностью более ста человек под командованием полковника Дж. Лэмб, вместе с медным полевым орудием и еще пятьюдесятью людьми, должен был заблаговременно занять сильную позицию. Вскоре они вступили в ожесточенный бой, и им на помощь был отправлен другой отряд такой же численности. Они продолжали резко атаковать наступающую колонну противника своими полевыми орудиями и были вынуждены уступить дорогу только под ударом штыка, вонзившегося в их полевое орудие, прежде чем они бросили его. В этом предварительном столкновении потеря сэра Генри была тяжелой.

[FN-1] Письмо губернатора Клинтона Комитету безопасности, 7 октября 1777г.

[FN-2] Холмс.

Быстро продвигаясь вперед, оба форта через несколько минут были энергично атакованы со всех сторон. Огонь не прекращался в течение дня примерно до пяти часов, когда показался приближающийся флаг, и подполковнику Ливингстону было приказано принять его. Офицер был предъявлен с требованием сдаться, как он утверждал, чтобы предотвратить пролитие крови. Он также не стал бы обращаться с ними, за исключением случаев капитуляции гарнизона, как с военнопленными, и в этом случае он был уполномочен заверить их в хорошем обращении. Предложение было отвергнуто "с презрением", [FN-1] примерно через десять минут атака была возобновлена и продолжалась до наступления темноты, когда противник прорвал американские линии и редуты в обоих фортах, и гарнизоны, полные решимости не сдаваться, начали пробиваться оттуда с боем. Последняя атака врага была отчаянной, но американцы, как ополченцы, так и регулярные войска, сопротивлялись с большим мужеством, и, воспользовавшись темнотой, многие из них спаслись бегством. Сам губернатор Клинтон спасся, перепрыгнув в темноте через пропасть и прыгнув в лодку, на которой его увезли. Его брат был ранен и взят в плен. Из британских войск были убиты подполковник Кэмпбелл и граф Грабовский, польский дворянин, нанятый добровольцем под командованием сэра Генри. Потери американцев убитыми, ранеными и пропавшими без вести были заявлены в двести пятьдесят человек. Потери британцев были заявлены в двести человек, но считалось, что они были намного больше, чем у американцев. [FN-2]

[FN-1] Письмо губернатора Клинтона Совету безопасности, из которого в основном почерпнуты факты этого дела.

[FN-2] "Я полагаю, что благодаря храбрости гарнизона форта Монгомери сэр Генри Клинтон добыл победу немалой ценой. Генерал Кэмпбелл, несомненно, был убит. Об этом они упоминают в своем официальном отчете, но называют его подполковником пятьдесят второго полка. Он был генералом в американском истеблишменте, так указано в одной из официальных книг, попавших в наши руки". —*Письмо из Вашингтона генералу Патнэму.*

[Спаркс поправляет главнокомандующего в этом пункте, полагая, что генерал Кэмпбелл был другим человеком, который находился на Стейтен-Айленде в то время, о котором идет речь.]

7-го числа в форт Констительюшн был отправлен приказ о капитуляции, подписанный совместно сэром Генри Клинтоном и коммодором Хотэмом; [FN-1] но флаг был обстрелян и возвращен. Чтобы отомстить за оскорбление, была немедленно предпринята атака, но по прибытии в форт на следующий день там не было противника для штурма — произошла эвакуация, настолько поспешная, что победителю досталась значительная добыча. [FN-2] Сэр Генри Клинтон не двинулся дальше, но сильный отряд его армии под командованием генерала Воана преследовал "Энтерпрайз" во главе с коммодором Хотэмом до самого Эзопа, [FN-3] уничтожив по пути несколько судов. У Эзопус-Крик стояли две небольшие батареи и вооруженная галера, на которых, однако, было установлено всего шесть или семь орудий. Их было легко заставить замолчать. Затем генерал Воган произвел высадку, прошел маршем к городу и превратил его в пепелище. В этом месте было скоплено большое количество запасов, которые, конечно же, были уничтожены. Разочарованный, однако, катастрофическим завершением кампании Бергойна, сэр Генри Клинтон быстро вернулся в город.

[FN-1] Расположен в Вест-Пойнте.

[FN-2] Письмо коммодора Хотэма сэру Уильяму Хоу. "Общее количество пушек, захваченных в трех фортах, составляет шестьдесят семь, а также большое количество провизии, боеприпасов и всевозможных припасов".

[FN-3] Древнее голландское название Кингстона, нынешнего города в графстве Ольстер, штат Нью-Йорк. Это был большой и богатый город в глубине страны, построенный почти полностью из камня, на богатой и красивой равнине примерно в трех милях от реки. Голые стены многих домов, разрушенных генералом Воаном, простояли без ремонта в течение пяти или шести лет.

Но война в этом году была плодотворной в военных событиях в других частях конфедерации, некоторые из основных из которых могут быть надлежащим образом рассмотрены на данном этапе настоящей главы. В марте месяце, после возвращения британских войск из их беспопытной экспедиции через Джерси в Нью-Йорк, полковник Берд был направлен против Пикскилла с пятью сотнями человек с целью уничтожения американских запасов, размещенных в этом месте. Генерал М.^c Дугалл, командовавший небольшой охраной на складе, при приближении войск, которым у него не было сил сопротивляться, поджег склады и отступил. Аналогичная экспедиция с той же целью была направлена против Данбери в конце апреля, состоящая из двух тысяч человек под командованием генерал-майора Трайона. Высадившись в Компо-Крик, между Норуолком и Фэрфилдом, марш губернатора Трайона к месту назначения практически не встретил сопротивления. Большое количество провизии — говядины, свинины и муки — было собрано американцами в этом месте, которое охранялось всего около сотни ополченцев и континентальных войск. Не имея возможности противостоять врагу, полковник Хантингтон отступил на соседнюю высоту и стал ждать подкрепления. Город Данбери и склады были сожжены 26 апреля. Во второй половине дня и следующей ночью генералы Вустер, Арнольд и Силлиман собрали столько сил ополчения, сколько смогли, с целью помешать отступлению противника на следующее утро. С тремя сотнями человек Вустер храбро атаковал его с тыла в 11 часов 27-го, в то время как Арнольд с еще пятью сотнями ожидал его прибытия в

Риджуэе. Вустер пал, смертельно раненный, и его войскам пришлось уступить дорогу. В Риджуэе Арнольд около часа вел перестрелку с врагом, но не смог ни выстоять, ни помешать им остаться в этом месте на ночь. 28-го марш противника был возобновлен, как и перестрелка генерала Арнольда, которая продолжалась до 5 часов пополудни; когда, приблизившись к своим кораблям, американцы бесстрашно атаковали, но были отброшены и разбиты. Немедленно погрузившись на корабль, губернатор Трайон вернулся в Нью-Йорк с потерей ста семидесяти человек. Потери американцев составили сто человек. Эти грабительские вылазки были пресечены американцами под командованием полковника Мейгса, которые совершили блестящую экспедицию против Саг-Харбора, где противник собрал большое количество припасов. Гвардия была захвачена врасплох — место взято штыком - склады уничтожены, включая двенадцать транспортных судов, — и полковник Мейгс вернулся через Пролив в Гилфорд, не потеряв ни одного человека.

Уничтоженное имущество состояло из восемнадцати домов; восьмисот бочек свинины и говядины; восьмисот бочек муки; двух тысяч бушелей зерна и семнадцати сотен палаток.

После возвращения британских войск из Нью-Джерси сэр Уильям Хоу позволил им оставаться на Стейтен-Айленде почти до середины лета, когда, как читатель видел в предыдущей главе, он сел на корабль с шестнадцатью тысячами человек и отплыл в Чесапикский залив. 24 августа он высадился в Элктоне, откуда, после того как к нему присоединились генералы Грант и Книппхаузен, он направил свой марш на Филадельфию. Предвидя замысел британского командующего, Вашингтон бросился со всеми своими силами между сэром Уильямом и Филадельфией с целью перехватить его и вовлечь в генеральное сражение. Катастрофическая битва при Брендивайне произошла 11 сентября. Потери американцев составили триста человек убитыми и шестьсот ранеными и взятыми в плен. У противника было около ста убитых и четыреста раненых. В то время как генерал Вашингтон с основной армией отступал через Шайлкилл, генерал Уэйн был оставлен в Паоли с пятнадцатью сотнями человек с целью настичь врага и нанести ему удар в тыл. Но, несмотря на врожденную бдительность этого офицера, ночью он был застигнут врасплох и обращен в бегство генералом Греем, который был выделен для этой цели с двумя полками из линии фронта противника и легким корпусом. Генерал Уэйн попытался укрыться на возвышенном участке леса, имевшем пространство в несколько акров, на котором его войска расположились бивуаком на ночь, как и предполагалось, в полной безопасности. Наступление противника было настолько осторожным, что застало американцев врасплох. Руководствуясь светом их костров, неприятелю удалось без шума отрезать их аванпосты и пикеты, а затем ворваться в спящий лагерь, не стреляя из ружей и полагаясь только на штык. Триста человек были убиты, многие из которых были пронзены штыками, когда они спали в своих палатках. Но, хотя и удивлены. Генерал Уэйн был хладнокровен и владел собой; и, как признавал сам противник, "благодаря своей разумной диспозиции" в момент тревоги ему удалось отвести остатки своих войск. [FN]

[FN] Около двадцати лет назад гражданские солдаты из окрестностей Паоли благочестиво собрали останки всех храбрецов, погибших в тот раз, какие только смогли найти, и похоронили их на поле резни. Над ними был воздвигнут небольшой курган, обнесенный стеной и

окруженный простым мраморным памятником — квадратным блоком с урной наверху, на каждой из сторон которого нанесены надписи следующего содержания:

ПЕРВОЕ: "Посвящается памяти патриотов, которые на этом месте пали жертвой британского варварства во время борьбы за независимость Америки в ночь на 20 сентября 1777 года".

ВТОРОЕ: "Здесь покоятся останки пятидесяти трех американских солдат, которые стали жертвами хладнокровной жестокости во время хорошо известной резни в Паоли, находясь под командованием генерала Дж. Энтони Уэйн, офицер, чье военное поведение, храбрость и человечность были одинаково заметны на протяжении всей войны за независимость".

ТРЕТЬЕ: "Зверская резня, в память о которой установлен этот камень, была учинена британскими войсками под непосредственным командованием генерал-майора Дж. Серый".

ЧЕТВЕРТОЕ: "Этот мемориал в честь революционного патриотизма был воздвигнут 20 сентября 1817 года республиканскими артиллеристами округа Честер при содействии их сограждан".

На этом интересном поле проводится ежегодный военный парад. Название — *The Paoli* — происходит от знаменитой таверны, расположенной в двух милях отсюда, на Грейт-Ланкастер-роуд, которая была основана одновременно с борьбой корсиканцев за независимость и названа в честь неудачливого руководителя этого предприятия. Он до сих пор носит то же название. — *Дневник посещения автором поля Брендивайна.*

Генерал Вашингтон занял пост на восточном берегу Шайлкилла, примерно в шестнадцати милях от Джермантауна. Генерал Хоу двинулся на Джермантаун со своей основной армией, куда он прибыл 26 сентября. 27 сентября лорд Корнуоллис без сопротивления овладел Филадельфией. 4 октября произошла битва при Джермантауне, в ходе которой противник заявил, что американцы потерпели поражение, хотя на самом деле это было сражение вничью. Это действие было вызвано попыткой главнокомандующего произвести что-то неожиданное. Выяснив положение противника, американцы шли всю ночь и прибыли в Джермантаун на рассвете. Враг был атакован с двух сторон, в обеих из которых американцы добились успеха. Действительно, противник, как впоследствии выяснилось, был повергнут в такое смятение и беспорядок и охвачен такой паникой, что было решено отступать к Честеру. Но утро было таким чрезмерно темным и туманным, что ни преимущества, достигнутые американцами, ни замешательство противника не могли быть замечены. Это обстоятельство, скрывая от американцев истинное положение противника, вынуждало главнокомандующего действовать с большей осторожностью и меньшей поспешностью, чем он мог бы пожелать; и, что было еще более прискорбно, оно позволяло держать различные дивизии американцев в неведении о передвижениях друг друга и мешало им действовать согласованно. Это также заставляло их принимать друг друга за врага. В этой ситуации считалось небезопасным слишком далеко продвигаться через укрепленную деревню, находясь в такой густой дымке, что она граничила с абсолютной темнотой. Следствием стало отступление американцев в тот самый момент, когда победа была налицо вих пользу. Акция длилась два часа, и бои были жестокими — потери американцев составили около ста человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Среди убитых был храбрый генерал Нэш из Северной Каролины. Однако, какими бы серьезными ни были действия, противнику от этого события лучше не стало; в то время как результат был расценен Вашингтоном "скорее как прискорбный, чем вредный". [FN]

Этот краткий отчет о битве при Джермантауне взят из писем Вашингтона президенту Конгресса, его брату и губернатору Трамбуллу. Генерал Вашингтон объяснял успехи сэра Уильяма Хоу в Пенсильвании и последовавшие за ними его собственные бедствия апатией и недовольством жителей этого штата. В одном из своих писем по этому поводу он говорит: "Северная армия перед капитуляцией генерала Бергойна была усилена более чем тысячей сотнями ополченцев, которые закрыли единственную дверь, через которую Бергойн мог отступить, и отрезали все его припасы. Насколько отличается наш случай! Недовольство значительной части жителей этого штата, вялость других и внутренняя рассеянность в целом были среди больших и непреодолимых трудностей, с которыми я столкнулся, и в немалой степени способствовали моим затруднениям в этой кампании". — *Письмо Вашингтона Лэндону Картеру, 27 октября 1777 г.* Во многих других письмах главнокомандующего, написанных зимой и весной 1778 года, жалуются на поведение жителей Пенсильвании, снабжавших врага в Филадельфии провизией, особенно из округа Бакс. В письме майору. Генералу Армстронгу из этого штата, датированном Вэлли Фордж 27 марта, он говорит: "Положение дел в этом штате печальное и тревожное. Мы ежедневно получаем доказательства того, что большинство людей в этом квартале удерживаются от снабжения врага лошадьми и всем необходимым только из-за страха наказания; и, хотя я привел ряд суровых примеров, я не могу положить конец сношениям".

Но все преимущества, полученные таким образом противником, были более чем уравновешены поражениями при Сент-Леджере и почти одновременным захватом Бургойна и его хорошо оснащенной армии на Севере. Другим обстоятельством, обрадовавшим друзей американского оружия, было отражение нападения графа Донопа на Ред-Бэнк. Граф, храбрый и опытный офицер, пал, смертельно раненный, и около 400 человек из его войска были убиты. Лавры, завоеванные полковником Кристофером Грином, американским командующим, в том случае были не менее почетны из-за необходимости, которая вынудила его впоследствии покинуть пост при приближении Корнуоллиса со значительно превосходящими силами.

[FN] Граф Доноп скончался от ран через три дня после сражения в доме недалеко от форта. Незадолго до своей смерти он сказал месье Дюплесси, французскому офицеру, который постоянно сопровождал его во время болезни: "Это ранний конец благородной карьеры. Я умираю жертвой своего честолюбия и алчности моего государя". — *Путешествия маркиза Шастеллюкса.*

Но ни падение Бургойна, ни бегство Сент-Леджера не избавили приграничные поселения за Олбани от их опасений. Хотя опасность широкомасштабного вторжения была меньше, все же разведчики и отряды тори и индейцев, охотящихся за скальпами, постоянно околачивались на их окраинах; и так коварны были враги и так скрытны их передвижения, что ни один район, даже самые густонаселенные деревни, не чувствовали себя в безопасности от тех внезапных и кровавых вторжений, которые отмечены в анналах индейских войн. Очень скоро после взятия Бургойна в окрестностях Олбани произошло событие весьма прискорбного характера. Перед началом войны в городе Берн была организована рота ополчения численностью восемьдесят пять человек под командованием капитана Болла. В начале боевых действий капитан с шестьюдесятью тремя своими людьми перешел на сторону врага. Покинутый таким образом своим командиром, командование остатками роты перешло к прапорщику Питеру Дейцу. Все они встали на защиту страны и для безопасности своего поселения построили небольшой

частокол в месте, ныне называемом Бобровой плотиной. Вскоре Дейтц был произведен в капитаны, а его брат Уильям Дейтц - в лейтенанты. При приближении к Бургойну они двинулись к Саратоге и присоединились к армии Гейтса. Здесь капитан был убит случайным выстрелом из ружья одного из своих людей. Уильям Дейтц немедленно занял вакантное место и оказал такую хорошую услугу в ходе кампании, что специально навлек на себя месть тори и индейцев. Воспользовавшись первой же возможностью выплеснуть свою ненависть, группа из них проникла в поселение Берн, где они застали капитана врасплох и взяли в плен в его собственном доме. Затем они вывели его во двор, привязали к столбу ворот, а затем последовательно вывели его отца и мать, его жену и детей и намеренно убили их всех у него на глазах! Капитана самого отвезли пленником на Ниагару, где он в конце концов пал жертвой их жестокости. [FN-1] Более хладнокровного и дьявольского варварства в анналах этого экстраординарного соревнования не встречается. Это было сравнимо только с поведением тори впоследствии в Вайоминге и превзойдено утонченной жестокостью, проявленной французским офицером во время одной из ранних войн с индейцами по отношению к несчастному пленнику из отдаленного племени Дионондади, о чем рассказывает Ла Потери. [FN-2]

[FN-1] Ежемесячный журнал Олбани, проводимый покойным Горацио Г. Спаффордом, 1815 год.

[FN-2] Посмотрите "Канаду" Колдена и "Историю Нью-Йорка" Смита.

Примерно в тот же период в Олбани и его окрестностях произошли другие инциденты, которые считаются заслуживающими внимания. Во время бегства сэра Джона Джонсона из Джонстауна его супруга оставалась дома и была немедленно или вскоре после этого перевезена в Олбани. Именно в этом году г-н Джон Тейлор, [FN] после выполнения нескольких важных конфиденциальных услуг под руководством генерала Шайлера, был назначен членом Совета безопасности Олбани. Он был человеком большой проницательности, обдуманном в формировании своих целей и решительным в их исполнении, когда повзрослел. Виги Олбани на протяжении всего соревнования испытывали сильное раздражение со стороны местных лоялистов; время от времени обнаруживалось, что многие из них, должно быть, состояли в переписке с врагом. Следовательно, обязанности Совета Безопасности были более тяжелыми, требующими неусыпной бдительности и неустанной деятельности, а также твердости и энергии в одних случаях и большой деликатности в других. Бдительный, хотя и общий надзор обязательно осуществлялся за сообществом в целом, в то время как более пристальное внимание уделялось характеру и поведению большого числа людей, составляющих это сообщество. Мистер Тейлор во всех отношениях соответствовал своему положению, и ему необычайно повезло как в обнаружении, так и в пресечении злонамеренных махинаций приверженцев короны.

Упомянутый здесь джентльмен много времени находился на государственной службе, а иногда и в качестве добровольца в армии, во время революционной войны, и почти постоянно участвовал в общественной жизни, затем в государственных советах, вплоть до своей смерти в течение нескольких лет. Девять лет он был вице-губернатором и некоторое время исполняющим обязанности губернатора штата; на этот пост он был впервые избран в 1813 году. Его жизнь

была скорее полезной, чем блестящей; но он был убежденным патриотом и умер смертью христианина в 1829 году в возрасте 87 лет.

Среди его первых открытий было важное обстоятельство, что леди Джонсон находилась в активной и частой переписке со своим мужем и что возможности, предоставляемые конфиденциальными агентами, и ее могущественные связи позволяли ей держать врагов с обеих сторон — в Нью-Йорке и Канаде — в курсе не только передвижений и замыслов друг друга, но также и положения американских дел. В этих обстоятельствах г-н Тейлор предложил Совету резолюцию, предписывающую ее немедленное выдворение из этой части страны. Предложение было воспринято с неодобрением и встретило большое противодействие в Совете. Некоторым членам совета, по-видимому, не хватило твердости, необходимой для принятия такого решения, поскольку они предвидели негодование и возможную месть баронета, услышавшего, что с его супругой обошлись почти грубо; в то время как другие, вероятно, сочли, что эта предосторожность либо бесполезна, либо что вряд ли стоит таким образом вести войну с женщиной. Убежденный, однако, в опасности ее более длительного пребывания в этой части страны, мистер Тейлор настаивал на ее высылке так настойчиво, что в конце концов добился своего, взяв на себя исполнение приказа.

Сэр Джон, крайне раздраженный такой мерой, воспользовался флагом, чтобы предупредить инициатора резолюции, что, если обстоятельства войны приведут этого джентльмена в его распоряжение, он должен быть немедленно отдан на растерзание дикарям. Ответ члена городского совета был характерен для этого человека: "Если мистеру Тейлору посчастливится заполучить в свои руки сэра Джона Джонсона, с ним, несомненно, будут обращаться как с джентльменом". Впоследствии враг предпринял несколько попыток, вероятно, под руководством сэра Джона, взять этого джентльмена в плен. Поскольку у него был обычай часто выезжать верхом на тренировку и часто по дороге, ведущей в Скенектади, в компании, как правило, со своим близким другом на всю жизнь, майором Попхэмом, который в то время состоял в семье военного генерала Джеймса Клинтона, небольшой отряд индейцев-разведчиков под руководством капитана Бранта однажды был посажен в засаду на этой дороге, в том месте, где, как предполагалось, он обязательно проедет. Однако по воле провидения и по причинам, которые никогда не объяснялись и, возможно, не были известны им самим, в упомянутое утро друзья сократили время поездки и развернулись, не миновав засаду, хотя и приблизились к ней на расстояние удара. Один из индейцев, впоследствии взятый в плен, заявил, что мистера Тейлора легко могли застрелить, но им было приказано взять его живым.

Впоследствии был принят другой, еще более смелый план по поимке проникательного члена Комитета, с этой целью отряд противника был фактически введен не только в город Олбани, но и на чердак собственной конюшни мистера Тейлора, расположенной позади его дома на берегу реки. Кроме того, чтобы облегчить им бегство с предполагаемым пленником, было раздобыто каноэ, пришвартованное у кромки воды. Их план состоял в том, чтобы проникнуть в дом ночью, бесшумно схватить его и унести прочь. Один из слуг случайно вышел во двор после того, как семья удалилась отдыхать, и затаившиеся враги решили, что настало время для штурма. Но, готовясь к прыжку, онислишком рано встревожили слугу, и ему удалось вернуться в дом, запереть дверь на засов и своевременно предупредить. Коварный замысел, конечно, был сорван. [FN]

Факты, изложенные в этом заявлении относительно леди Джонсон и мистера Тейлора, были почерпнуты из подробного биографического очерка последнего, написанного его оставшимся в живых другом, почтенным майором Уильямом Попхэмом, а также из письма, адресованного автору генералом Джоном Т. Купером.

Это были не единственные враждебные попытки, направленные примерно в тот же период против отдельных лиц в Олбани; генерал Шайлер снова был выбран в качестве жертвы даже покушения. Страдая от их разочарования в свержении Бергойна, которому столь существенно способствовали энергия и усилия Шайлер, был составлен заговор с целью либо захватить, либо уничтожить его. С этой целью тори подкупили белого человека, которому генерал покровительствовал и который уже тогда состоял у него на службе, совершить это грязное дело, а также одного из дружественных индейцев, чей клан в течение многих лет охотился на его владениях в Саратоге во время сезона рыбной ловли на Рыбном ручье, протекавшем через его ферму, и в котором тогда добывалось огромное количество рыбы. [FN-1] Чтобы достичь своей цели, двое убийц заняли свою позицию под прикрытием в долине примерно в полумиле от владений генерала, через которую, как они предварительно убедились, он вскоре должен был пройти. Вскоре они заметили его приближение верхом. Когда он приблизился, они тщательно прицелились; когда внезапным движением индеец вскинул ружье своего товарища с восклицанием: *"Я не могу убить его; я слишком часто ел его хлеб!"* [FN—2]

[FN-1] В указанный период промысел сельди в Фиш-Крик был значительным. Индейцы собирали их в больших количествах, сушили и растирали в порошок, который смешивали с кукурузной мукой и упаковывали в ящики из коры для будущего употребления.

[FN-2] Факты, сообщенные автору миссис Джеймс Кокран из Освего.

В начале осени жители Унадилы и прилегающих поселений в этом направлении снова умоляли коменданта форта Шайлер прислать отряд войск для защиты от другой экспедиции, которую, как сообщили им Oneidas, полковники Джонсон и Батлер собирались совершить пешком в Освиго. Проект, согласно новостям, полученным от Oneidas, предусматривал одновременное высаdkу тори и индейцев в пяти различных точках, охватывающих все основные поселения к западу от Скенектади. Эти неприятные вести были в некоторой степени подтверждены обнаружением большого разведывательного отряда противника на реке Сакондага, к северу от Джонстауна.

Ближе к концу октября тревога усилилась, когда в замок Канаджохари прибыл экспресс, извещавший, что через несколько дней сэр Джон Джонсон вернется в Освиго с шестью сотнями регулярных войск и большим отрядом индейцев. Было заявлено, что сэру Джону удалось поднять с оружием в руках двадцать два индейских народа против колонистов. Они собирались послать пояс Онейдам, и в случае их отказа взяться за топор войны вместе со своими братьями во имя короля, они сами должны были подвергнуться нападению в качестве первой меры вторжения. Эти факты были немедленно доведены до сведения генерала Шайлера письмом от 25 октября, в котором также сообщалось о бегстве в ряды сэра Джона Джонсона почтенного Йоста Шайлера и двенадцати или четырнадцати его соседей в Фолл-Хилле и в его окрестностях, как указывалось ранее. В письме содержался решительный призыв к дополнительным силам для защиты долины — с заверением, что в случае отсутствия

дальнейших средств обеспечения безопасности большая часть жителей настолько пала духом, что, вероятно, сложит оружие; другими словами, бросится под защиту короля.

[FN] МИСС письмо генералу Шайлеру, офис госсекретаря, Олбани.

Но, несмотря на всю тревогу, эти угрожающие признаки в течение оставшейся части 1777 года не привели ни к чему серьезному. Тем не менее Конгресс не желал, чтобы год заканчивался, не предприняв еще одной попытки вернуть Шесть наций с британской службы, по крайней мере, до состояния нейтралитета, если не более того. С этой целью 3 декабря Комитетом по делам индейцев было сообщено и принято следующее обращение к индейцам этих стран. Оно приводится в таком порядке из—за его красноречия и непревзойденного совершенства среди документов, связанных с индийской дипломатией республики:

"ОБРАЩЕНИЕ КОНГРЕССА К ШЕСТИ НАЦИЯМ.

"БРАТЯ, САХЕМЫ И ВОИНЫ: Великий совет Соединенных Штатов привлекает сейчас ваше внимание. Откройте ваши уши, чтобы вы могли услышать, и ваши сердца, чтобы вы могли понять.

"Когда люди по ту сторону великой воды без всякой причины стремились уничтожить нас и послали свои корабли и своих воинов сражаться против нас и отнять наше имущество, вы могли бы разумно ожидать, что мы попросим вас о помощи. Если мы будем поработаны, вы не сможете освободиться. Ибо наша сила больше вашей. Если бы они не пощадили своих братьев из той же плоти и крови, пощадили бы они вас? Если они сожгут наши дома и опустошат наши земли, сможете ли вы быть в безопасности?

- Но, БРАТЯ, мы действовали по совершенно другим принципам. Отнюдь не желая, чтобы вы рисковали своими жизнями в нашей ссоре, мы посоветовали вам оставаться спокойными и непринужденными. Мы даже умоляли вас оставаться бесполоыми и в тени ваших деревьев и на берегу ваших ручьев курить свою трубку в безопасности и довольстве. Несмотря на давление наших врагов, когда их корабли препятствовали нашим поставкам оружия, пороха и одежды, мы не забывали о ваших нуждах. Из того, что было необходимо для нашего собственного использования, мы с радостью отдали вам часть. Мы могли бы сделать больше, если бы это было в наших силах.

"БРАТЯ, КАЙЮГИ, СЕНЕКИ, ТУСКАРОРЫ И ИРОКЕЗЫ: Откройте свои уши и выслушайте наши жалобы. Почему вы прислушались к голосу наших врагов? Почему вы позволили сэру Джону Джонсону и Батлеру ввести вас в заблуждение? Почему вы помогли генералу Сент-Леджеру и его воинам с другой стороны великой воды, предоставив им свободный проход через вашу страну, чтобы досадить нам; что, как вы, так и мы торжественно обещали, не должно быть осквернено кровью? Почему вы допустили, чтобы так много ваших народов присоединились к ним в их жестокой цели? Является ли это достойной оплатой за нашу любовь и доброту, или вы подозревали, что мы были слишком слабы или слишком трусливы, чтобы защитить нашу страну, и присоединились к нашим врагам, чтобы вы могли получить свою долю добычи? Что было достигнуто этим неспровоцированным предательством? Что, кроме стыда и бесчестья! Ваши глупые воины и их новые союзники потерпели поражение и были отброшены назад во всех кварталах; и многие из них справедливо заплатили за свою опрометчивость своими жизнями.

Нам жаль, что наша древняя цепь союза, до сих пор такая прочная и блистательная, была разорвана такими жалкими и слабыми инструментами, как сэр Джон Джонсон и Батлер, которые не осмеливаются показаться среди своих соотечественников; и Сент-Леджером, незнакомцем, которого вы никогда не знали! Что стало с духом, мудростью и справедливостью ваших народов? Возможно ли, чтобы вы променяли свою древнюю славу и нарушили самые торжественные договоры на несколько одеял, немного рома или пудры? Что подобные мелочи могут вызвать у вас искушение срубить крепкое дерево дружбы, посаженное нашими общими предками в глубоких недрах земли в Онондаге, вашем центральном костре совета? Это дерево, которое поливали и лелеяли их дети до тех пор, пока ветви почти не достигли небес! С таким же успехом мы могли ожидать, что крот перевернет огромные горы Аллегейни или что птицы в небе будут пить воды Онтарио!

"Братья, кайюги, сенеки, онондаги и ирокезы: Загляните в свои сердца и будьте внимательны. Ты во многом виноват, и сильно обидел нас. Прояви мудрость вовремя. Извинись и исправь свои ошибки. Великий совет, хотя кровь наших друзей, павших от ваших томагавков на немецких равнинах, громко кричит против вас, все же будет терпелив. Мы не желаем вас уничтожать. Долгое время мы жили в мире, и мы по-прежнему желаем зарыть топор войны и смыть кровь, которую некоторые из вас так несправедливо пролили. Пока время не истекло, мы хотим выкурить с вами клевету дружбы у вашего центрального костра в Онондаге. Но, братья, запомните хорошенько то, что мы вам сейчас скажем. Пусть это утонет глубоко, как морское дно, и никогда не будет забыто ни вами, ни вашими детьми. Если вы когда—нибудь снова возьмете в руки топор войны, чтобы ударить нас — если вы присоединитесь к нашим врагам в битве или совете — если вы сообщите им информацию, или поощряете, или позволите им пройти через вашу страну, чтобы досаждать или ранить кого-либо из наших людей - мы будем смотреть на вас как на наших врагов и обращаться с вами как со злейшими из врагов, которые под покровом дружбы скрывают свои дурные замыслы и, подобно затаившейся гадюке, только ждут возможности ранить нас, когда мы совершенно не готовы.

"Братья: Верьте нам, которые никогда не обманывают. Если, после всех наших добрых советов и всех наших усилий по предотвращению этого, мы должны будем взяться за топор войны, кровь, которая будет пролита, тяжелым грузом ляжет на ваши головы. Рука тринадцати Соединенных Штатов не коротка. Это достигнет самых отдаленных уголков страны Шести Наций; и пока на нашей стороне справедливость, добрый Дух, которому мы служим, позволит нам наказать вас и лишит вас возможности причинять нам дальнейшие неприятности.

"Братья, Онейдас и Тускарорас: Прислушайтесь к тому, что мы хотим сказать вам в частности. Наши сердца радуются тому, что у нас нет причин упрекать вас вместе с остальными Шестью нациями. Мы испытали вашу любовь, крепкую, как дуб, и вашу верность, неизменную, как истина. Ты крепко держал древнюю цепь завета и сохранил ее свободной от ржавчины и разложения, блестящей, как серебро. Подобно храбрым людям, ради славы вы презирали опасность; вы отстаивали дело своих друзей и рисковали своими жизнями в наших битвах. Пока солнце и луна продолжают дарить свет миру, мы будем любить и уважать вас. Как наши верные друзья, мы будем защищать вас и всегда будем заботиться о вашем благополучии, как о своем собственном.

"Братья Шести Наций: Откройте свои уши и слушайте внимательно. Мы уже давно объяснили вам нашу ссору с людьми по ту сторону великой воды. Помните, что наше дело правое; вы и ваши

предки давно видели, что мы связаны с этими людьми дружбой. Благодаря нашему труду и прилежанию они расцвели, как деревья в лесу, и стали чрезвычайно богатыми и гордыми. В конце концов, ничто не могло удовлетворить их, если только мы, подобно рабам, не дадим им власть над всем нашим имуществом. Поскольку мы не хотели уступать такому позорному рабству, они взялись за топор войны. Вы видели, как они покрывали наши берега своими кораблями, а часть нашей страны - своими воинами; но вы не видели нас смущенными; напротив, вы знаете, что мы стояли твердо, как скалы, и сражались как люди, заслужившие свободу. Ты знаешь, что мы победили Сент-Леджера и покорили Бургойна и всех их воинов. Наши вожди и воины сейчас сражаются с остальными нашими врагами, и мы верим, что Великий Дух вскоре отдаст их в нашу власть или позволит нам изгнать их всех далеко за пределы великих вод.

"Братья: Поверьте нам, что они чувствуют свою собственную слабость и что они неспособны подчинить себе тринадцать Соединенных Штатов. Иначе почему они не оставили наших индийских братьев в покое, как они сначала обещали и как мы хотели сделать? Почему они пытались хитрыми речами, ложью и искажениями фактов, крепкими напитками и подарками ожесточить умы и затемнить понимание всех наших индийских друзей на этом великом континенте, от Севера до Юга, и побудить их поднять топор войны против нас без какой-либо провокации? Чероки, как и некоторых из вас, убедили напасть на наш народ. Мы перенесли войну в их страну и сражались с ними. Они увидели свою ошибку, они раскаялись, и мы простили их. Соединенные Штаты добры и милосердны и желают мира со всем миром. Поэтому мы обновили нашу древнюю цепь соглашений с их нацией.

"Братья: шаванцы и делавары ежедневно дают нам доказательства своего доброго расположения и привязанности к нам и готовы помочь нам в борьбе со всеми нашими врагами. Чикасо входят в число наших верных друзей. И чокто, хотя и находятся далеко от нас, отказались прислушаться к уговорам наших врагов, отвергли все их предложения о коррупции и продолжают вести мирный образ жизни. Крики также являются нашими постоянными друзьями. Обойлако, их великий вождь, и остальные их сахемы и воины в знак своей искренней дружбы подарили великому совету орлиный хвост и гремучую ловушку. Они пожелали, чтобы эти знаки были показаны Шести нациям и их союзникам, чтобы убедить их в том, что Крики находятся в мире с Соединенными Штатами. Поэтому мы поручили нашим уполномоченным передать их в ваши руки. Пусть их увидят все страны вашего альянса и сохраняют в вашем центральном доме совета в Онондаге.

"Братья, САХЕМЫ и воины ШЕСТИ НАЦИЙ: Прислушайтесь к нашему совету. Давайте, родившиеся на одном великом континенте, любить друг друга. Наши интересы совпадают, и мы должны быть единым народом, всегда готовым помогать и служить друг другу. Кем являются люди, живущие по ту сторону великих вод, для любого из нас? Они приходят сюда не ради нас, а для удовлетворения собственной гордости и алчности. Теперь их дело - убивать и уничтожать наших жителей, разорять наши дома и фермы. Мы верим, что скоро наступит день, когда мы избавимся от них навсегда. Сейчас самое время ускорить и закрепить это счастливое событие. Давайте тогда, с этого момента, возьмемся за руки и сердца в защите нашей общей страны. Давайте восстанем как один человек и прогоним наших жестоких угнетателей. Впредь пусть никто не сможет разлучить нас. Если кто-то из наших людей причинит вам вред, сообщите нам об этом, и вы можете рассчитывать на полное удовлетворение. Если кто-то из ваших причинит нам боль, будьте готовы исправить допущенную ошибку или наказать агрессора. Прежде всего, заткните

свои уши от лжецов и обманщиц, которые, подобно ложным метеорам, стремятся сбить вас с пути истинного и посорить нас. Не думайте о нас ничего дурного, пока не приложите все усилия, чтобы узнать правду. Огонь нашего совета в Пенсильвании всегда горит ясно и ярко. Наши уполномоченные и агенты находятся рядом с вашей страной. Мы не будем ослеплены ложными сообщениями или ложными выступлениями.

"БРАТЯ: О том, что может быть еще необходимо в это время для нашего общего блага, вы узнаете от наших уполномоченных, которые заседают у нашего костра для совещаний в Олбани. Слушайте, что они говорят, и храните это в своих сердцах. Прощайте".

Это обращение не возымело никакого эффекта. Одним из несчастий, постигших бедность страны в период этого кризиса, было то, что Конгресс не смог заручиться дружбой индейцев путем столь щедрого распределения подарков, которые они имели обыкновение получать от суперинтендантов короны и которые они все еще могли получать от британского правительства в Монреале или через него. В начале предыдущего года Тайенданегеа насмеялся над генералом Херкимером в Унадиле по поводу бедности континентального правительства, которое, по его словам, было не в состоянии предоставить индейцам одеяло. Этот факт был слишком верен, и чиновники короны не замедлили воспользоваться им, не только взывая к их алчности, но и осыпая подарками более щедрыми, чем когда-либо. Так, Гай Джонсон в одной из своих речей перед Шестью странами Запада задал им важные вопросы: "Способны ли они" (повстанцы, как он, вероятно, их называл) "дать вам что-либо большее, чем кусок хлеба и стакан рома? Готовы ли вы пойти с ними и позволить им делать из вас лошадей и быков, запрягать вас в тачки и угнать всех нас в рабство?" Таким образом, хотя американцы были не в состоянии снабдить индейцев всем необходимым для жизни, в поставках которого они привыкли полагаться на белого человека, они обнаружили в Монреале множество магазинов, широко открытых при их приближении. И в этих обстоятельствах, за единственным исключением онейда и слабой группы тускарора, все усилия Конгресса по установлению их дружбы или даже склонению их к нейтралитету оказались тщетными.

Так закончились военные действия 1777 года. По завершении пенсильванской кампании британская армия разместилась на зимние квартиры в Филадельфии, а американская - в Вэлли-Фордж. 15 ноября Конгресс принял то, что сейчас называется *старыми* "Статьями Конфедерации и вечного союза" между тринадцатью колониями; а 22 числа того же месяца было решено, что все предложения о заключении договора между Соединенными Штатами и Великобританией, несовместимые с независимостью первой, должны быть отклонены. Аналогичным образом, далее было решено, что никакая конференция не должна проводиться ни с какими уполномоченными со стороны Великобритании, если только, в качестве предварительной меры, флоты и армии этой державы не будут выведены.

ГЛАВА XIV.

Союзный договор с Францией—Политика Франции—Инциденты зимы—Планируемая экспедиция против Сент—Джонса—Лафайет назначен командующим Севером—Провал предприятия из—за нехватки средств—Разочарование и огорчение Лафайета—Неприятные указания в отношении западных индейцев—Индейский совет в Джонстауне, На котором присутствовал Лафайет—Его слушания—И результат—Награда, предложенная майору Карлтону—Письмо Лафайета—Он уходит в отставку из Северного департамента—Возвращение лоялистов к их семьям—Без сопротивления—Их агрессия—Пленные, доставленные в Канаду—Их судьба—Повторно —появление Бранта в Окваге и Унадилье—Анекдот Бранта—Сравнительная жестокость тори и индейцев—Убийство семьи—Разоблаченное положение людей—Капитан М^{си}Кин—Бросает Бранту вызов—Сожжение Спрингфилда—Первая битва в Шохари.

ТНЕОткрытие 1778 года было ознаменовано событием, вызвавшим всеобщую радость среди людей. Американские государственные деятели справедливо рассудили, что, страдая от потери, которую Франция понесла в результате войны, закончившейся в 1763 году, своих обширных североамериканских владений, правительство этой страны было бы не прочь помочь в аналогичном расчленении территории Великобритании. Таким образом, с целью установления дружественных отношений с Францией и получения от нее помощи, если это возможно, в 1776 году ко двору Версаля были направлены уполномоченные с планом заключения договора о дружбе и торговле, который должен был быть представлен этому правительству. Тем не менее, прошло более года, в течение которого уполномоченные [FN-1] прилагали все усилия, чтобы добиться признания независимости Соединенных Штатов, но безуспешно. Было очевидно, что Франция взирала на восстание американских колоний с тайным удовлетворением; но она была настолько ослаблена предыдущим сражением, что ей требовалось время для отдыха и восстановления сил. Следовательно, с момента прибытия Комиссаров во французскую столицу в декабре 1776 года и до конца 1777 года они жили "отложенной надеждой". Это правда, что американцы получили большую помощь от Франции в поставках оружия и боеприпасов; и хотя открыто это не разрешалось, все же американские каперы нашли средства тайно распоряжаться своими трофеями во французских портах. Тем не менее, правительство щедро заявляло о дружбе с Англией, хотя и давало американцам конфиденциальные заверения в сочувствии и максимальной помощи. Неблагоприятный результат кампании Бургойна, сведения о котором были получены в Париже в начале декабря, стал подходящим средством положить конец этой нерешительной политике со стороны Версальского двора. Чувства французского народа к Англии больше нельзя было скрывать, поскольку это известие вызвало такую всеобщую радость, как если бы победа была одержана их собственным оружием. [FN-2] Следствием этого стало то, что 6 февраля французское правительство заключило договоры о дружбе, торговле и союзе с Соединенными Штатами на принципах самой совершенной взаимности и равенства. Французский кабинет ясно предвидел, что эта мера вскоре приведет к войне между ними и Англией, и действовал в расчете на такие последствия. Действительно, мсье Жирар, один из французских государственных секретарей, на своих совещаниях с американскими комиссарами имел откровенность признать, что они действовали не только ради Соединенных Штатов, но и потому, что считали момент благоприятным для того, чтобы унизить свою надменную соперницу, содействуя расчленению

ее империи. Следовательно, король решил не только признать независимость Соединенных Штатов, но и поддержать ее - без ожидания компенсации. [FN-3]

[FN-1] Комиссарами были Бенджамин Франклин, Сайлас Дин и Артур Ли. Первоначально мистер Джефферсон был назначен одним из комиссаров; но, отклонив назначение, вместо него был выбран мистер Ли.

[FN-2] Письмо уполномоченных.

[FN-3] Маршалл.

Известие о заключении договора с Францией было получено в Соединенных Штатах только поздней весной. [FN-1] Тем временем зимой в северной части Нью-Йорка произошли другие обстоятельства, заслуживающие упоминания в настоящем повествовании. Первым среди них был известный проект генерала Гейтса по второму спуску в середине зимы в Канаду. В ноябре, после поражения Бергойна, при реорганизации Военного совета, Гейтс, на пике своей популярности, был поставлен во главе его в качестве президента. Он недолго пробыл в Йорктауне, [FN-2] где в то время заседал Конгресс, прежде чем у него возник проект организации вторжения в Канаду по льду озера Шамплейн с целью уничтожения запасов и судоходства противника в Сент-Джонсе; и, возможно, нанесения внезапного удара по Монреалю. Впоследствии было слишком хорошо установлено, что состояние северной армии, с которым Гейтсу, безусловно, следовало быть знакомым, ни в коем случае не было таким, чтобы оправдывать проведение какого-либо наступательного предприятия. Тем не менее победоносный командующий Севером имел возможность добиться голосования Конгресса, направляющего экспедицию, [FN-3] проведение которой было поручено маркизу де Лафайету. Этот доблестный молодой дворянин горел желанием отличиться в отдельном отряде, и этот проект открыл перед ним перспективу реализации самой дорогой его сердцу цели.

[FN-1] Это событие было отмечено в американском лагере 7 мая в стиле, соответствующем его важности — общий приказ о праздновании был отдан главнокомандующим. Оно начиналось следующим образом: "Поскольку Всемогущему Правителю Вселенной было угодно защитить дело Соединенных Американских Штатов и, наконец, воспитать нам могущественного друга среди князей земли, утвердить нашу свободу и независимость на прочном фундаменте, нам подобает выделить день для благодарного признания божественной доброты и празднования важного события, которым мы обязаны его божественному вмешательству". Представление было строго военным, и в письмах того дня оно описывается как чрезвычайно блестящее. Проявленная радость была неподдельной и невыразимой. Главнокомандующий публично обедал со всеми офицерами своей армии. "Когда его превосходительство откланялся, раздались всеобщие хлопки и громкие возгласы "ура", которые продолжались до тех пор, пока он не проехал четверть мили, за это время в воздух взлетели тысячи шляп. Его превосходительство обернулся со своей свитой и несколько раз прокричал "ура"". —*Письмо офицера.*

[FN-2] Йорк, в Пенсильвании.

Но ни при зарождении, ни в процессе созревания предприятия с главнокомандующим никто не консультировался; и первое известие, которым он располагал об этом проекте, было получено из письма генерала Гейтса, приложенного к другому письму маркизу, в котором сообщалось о его назначении командующим. Неуважение к главнокомандующему, с которым молодой солдат был связан крепчайшими узами дружбы и уважения, было настолько очевидным, что маркиз сначала колебался, принимать ли командование. Не уменьшило его нежелания и то подозрительное обстоятельство, что генерал Конвей, основной инструмент фракции Гейтса в заговоре против Вашингтона, был назначен его заместителем. Однако, воспарив над всеми эгоистичными соображениями, Вашингтон посоветовал маркизу принять доверие, оказанное ему Конгрессом. Поэтому Лафайет отправился из лагеря в Вэлли-Фордж в Йорк, чтобы получить более подробные сведения о цели и деталях предприятия. План организации легких, но боеспособных сил для внезапного нападения на Сент-Джонс и уничтожения флотилии, которая передала противнику командование на озере Шамплейн, и нанесения такого дальнейшего ущерба, какой мог быть нанесен в ходе быстрой кампании, был полностью раскрыт ему. Гейтс пообещал достаточное количество людей и средств; и, заручившись услугами барона де Калба для участия в экспедиции — офицера старше по званию, чем Конвей, который обязательно должен был стать его заместителем в командовании, — маркиз принял это назначение.

[FN] "Я очень признателен за вашу вежливую просьбу высказать мое мнение и дать совет относительно экспедиции в Канаду и других мероприятий. В данном случае, поскольку я не знаю ни масштабов поставленных целей, ни средств, которые могут быть использованы для их достижения, не в моей власти выносить какие-либо суждения по данному вопросу. Я могу только искренне пожелать, чтобы ему сопутствовал успех, поскольку это может способствовать общественному благу, а также ради личной чести маркиза де Лафайета, к которому я испытываю особое уважение". — [*Письмо Вашингтона Гейтсу, 27 января 1778 г.*] "Я не скажу больше о канадской экспедиции, кроме того, что она подходит к концу. Я никогда не был ознакомлен ни с одним обстоятельством, связанным с этим". — *Письмо Вашингтона генералу Армстронгу из Пенсильвании.*

Полный больших надежд, предвидя блестящее предприятие и с нетерпением ожидая возможности проявить себя в отдельном отряде, маркиз среди всех суровых зимних условий двинулся в Олбани, чтобы сразу поступить на службу, и, по-видимому, с такой уверенностью, как будто он совершил подвиг. Печальным, однако, было его разочарование положением дел по прибытии в Олбани. Конвей, прибывший туда за три дня до него, сразу заверил его, что экспедиция совершенно невозможна. Такого же мнения придерживались генералы Шайлер, Линкольн и Арнольд, двое последних из которых были задержаны в Олбани из-за незаживающих ран, полученных на полях Саратоги. Действительно, ему не пришлось долго ждать, чтобы выяснить у квартирмейстера, комиссара и генералов-суконщиков, что существует прискорбная нехватка почти всего необходимого, от чего он ожидал изобилия. Численность войск была совершенно недостаточной. Считалось, что три тысячи боеспособных людей - это наименьшая сила, которой будет достаточно, и это количество было обещано. Но едва ли можно было собрать тысячу двести человек, пригодных для несения службы, и большая часть из них была слишком обнажена даже для летней кампании. [FN-1] Их жалованье было сильно

просрочено; и офицеры, и рядовые были одинаково непригодны к службе. [FN-2] Первоначально предполагалось доверить планируемую экспедицию генералу Старку, чья доблесть в битве при Беннингтоне сделала его чрезвычайно популярным среди народа; и предполагалось, что он может сразу вывести на поле боя достаточное количество своих горцев, чтобы нанести успешный удар. [FN-3] Старк был приглашен в Олбани, и Джеймс Дуэйн был направлен туда из Конгресса, чтобы посоветоваться с ним по этому вопросу. Но стимул, предложенный Конгрессом в виде вознаграждения, зависящего только от успеха, был сочтен недостаточным; и когда мистер Дуэйн представил этому органу информацию об обстоятельствах, схема была изменена и расширена по предложению генерала Гейтса в соответствии с планом, который должен был осуществить маркиз.

[FN-1] Письмо Лафайета генералу Вашингтону, датированное Олбани 13 февраля 1778г.

[FN-2] 19 февраля Джеймс Дуэйн написал губернатору Клинтону о неосуществимости предприятия, поскольку маркиз не смог найти ни войск, ни приготовлений. В своем письме мистер Дьюан писал о маркизе: "Его рвение к этой стране, которому он придавал значение даже с энтузиазмом, и его горячее стремление к славе побуждают его желать, чтобы экспедиция осуществилась; но он слишком тактичен, чтобы предпринимать ее опрометчиво или без вероятных оснований для успешного исхода. Я должен упомянуть вашему превосходительству об одном обстоятельстве, которое свидетельствует о щедрости его характера. Он решил, войдя в Канаду, снабдить свою армию за счет своих личных счетов во Франции на сумму в пять или шесть тысяч гиней и представить эту сумму Конгрессу в качестве доказательства своей любви к Америке и правам человеческой природы".

[FN-3] "Я должен был найти генерала Старка с большим отрядом, и действительно, генерал Гейтс сказал мне: *"Генерал Старк сожжет флот до вашего прибытия."* Что ж, первое письмо, которое я получаю в Олбани, от генерала Старка, который желает знать, "какое количество людей, откуда, на какое время и для какого рандеву я хочу, чтобы он собрал". —*Письмо Лафайета Вашингтону.*

Внимательно изучив положение дел и средства, находящиеся в его распоряжении, и посоветовавшись с несколькими способными капитанами в Олбани, молодой солдат с невыразимым огорчением увидел, что препятствия непреодолимы. Выражаясь языком другого, равносильным горькой сатире, намеренной или нет— "только генералы были приведены в готовность"; [FN-1] и доблестный маркиз был вынужден отказаться от предприятия, не имея даже жалкой привилегии предпринять попытку. У него, безусловно, были серьезные основания не только для досады, но и для отвращения — поскольку ему посоветовали объявить своему двору о степени доверия, оказанного ему Конгрессом, доверив ему таким образом отдельное командование такой важности — разумеется, ни на мгновение не подозревая, что генерал Гейтс мог быть настолько неосведомлен о действительном положении в департаменте, из которого его так недавно перевели. [FN-2]

[FN-1] Маршалл.

[FN-2] История этого неудачного проекта была почерпнута главным образом из длинного письма Джеймса Дуэйна губернатору Клинтону, находящегося в распоряжении автора. По пути в Олбани маркиз навестил мистера Дьюана и был сопровождаем им туда.

Маркиз с горечью написал своему самому близкому другу, главнокомандующему, о том, что он назвал своим "удручающим и нелепым положением". "Я послан, - сказал он, - с большим шумом, во главе армии, совершать великие дела. Весь континент, Франция и, что самое худшее, британская армия будут в напряжении. Насколько они будут обмануты, насколько мы будем осмеяны, вы можете судить по тому откровенному отчету, который вы получили о состоянии наших дел ". Из содержания письма, которое мы цитируем, совершенно очевидно, что маркиз подозревал, что его намеренно оторвали от общества Вашингтона с каким-то злобещим умыслом: "Осмелюсь сказать, есть вещи, в которых я обманываюсь. Некий полковник находится здесь не просто так". . . . "Я уверен, что перед моими глазами сгущаются тучи. Однако есть моменты, в которых я не могу обмануться". . . . "Они прислали мне более двадцати французских офицеров. Я не знаю, что с ними делать. Я в растерянности, не знаю, как действовать, и, по правде говоря, я сам не знаю, для чего я здесь ". И снова, ближе к концу письма, он говорит: "Я полагаю, что фактический план состоит в том, чтобы вывести меня из этой части континента и генерала Конвея в качестве главнокомандующего под непосредственным руководством генерала Гейтса. Как они это осуществят, я не знаю, но будьте уверены, что-то в этом роде появится. Вы ближе, чем я, и каждый честный человек в Конгрессе - ваш друг; поэтому вы можете предвидеть и предотвратить зло в сто раз лучше, чем я ".

[FN] Письмо Лафайета Вашингтону, датированное Олбани 23 февраля 1778 г. —Vide Sparks, Кор. из Вашингтона, том v, Приложение.

Поскольку истинное положение дел в Олбани было доведено до сведения Конгресса, было решено поручить маркизу приостановить экспедицию и в то же время заверить его, "что Конгресс высоко ценит его благоразумие, активность и рвение; и что они были полностью убеждены, что с его стороны или со стороны сопровождавших его офицеров не было бы недостатка ни в чем, чтобы придать экспедиции максимально возможный эффект". [FN]

[FN] Секретный журнал, 2 марта, цитируется Sparks.

Но вернемся к делам индейцев в долине Мохок. В начале года были заметны различные неприятные симптомы, указывающие на подготовку новой и более масштабной войны с индейцами, чем ожидалось в любой предыдущий момент. С дальнего Запада была получена информация об общем настрое народов в районе великих озер и верховьев Миссисипи присоединиться к мохокам, кайюгам, онондагам и сенекам против Соединенных Штатов. Главным вдохновителем этих угрожаемых движений был Джозеф Брант, чья зимняя квартира находилась в центральной и удобной точке Ниагары. Не бездействовали также сэр Джон Джонсон и его помощники Клаус и Батлер, в то время как британский командующий в Детройте полковник Гамильтон в то же время оказывал мощное влияние на окружающие лес народы. Таким образом, в начале года возникли большие опасения за безопасность границ от Мохока до Огайо. Тем не менее, с Шестью нациями Конгресс решил предпринять еще одну попытку

примирения — хотя бы для обеспечения их нейтралитета. Соответственно, 2 февраля были приняты резолюции, предписывающие провести совет с участием этих стран в Джонстауне, в графстве Трайон. Генерал Шайлер и Волкерт П. Доу были назначены уполномоченными для этой цели, а губернатору Клинтону было предложено назначить специального уполномоченного для присутствия на этом мероприятии. В соответствии с этим ходатайством на эту должность был назначен Джеймс Дуэйн. Резолюции Конгресса предписывали комиссарам "говорить с индейцами на языке, подобающем представителям свободных, суверенных и независимых штатов, и таким тоном, который убедил бы их в том, что они считают себя таковыми". [FN] На усмотрение комиссаров было оставлено решить, будет ли разумно настаивать на том, чтобы они взяли в руки оружие от имени Штатов, или же довольствоваться усилиями по обеспечению их нейтралитета.

[FN] Журналы Конгресса. том iv. страница 63.

Было указано, что совет должен быть созван между 15 и 20 февраля; но индейцы собирались так медленно или неохотно, что слушания начались только 9 марта. Присутствовал ли на нем генерал Шайлер, неизвестно. Маркиз де Лафайет, который в то время временно командовал Северным департаментом, сопровождал мистера Дуэйна в Джонстаун и присутствовал на совете. На соглашение было собрано более семисот индейцев, в том числе онейда, тускарора, онондага, несколько ирокезов и три или четыре кайюги; но ни одного сенека, который был, безусловно, самой могущественной нацией. Напротив, у них хватило смелости послать сообщение, изобразив большое удивление, "что, пока наши томагавки торчат у них в головах, их раны кровоточат, а из глаз текут слезы из-за потери их друзей на немецких квартирах, комиссарам следует подумать о том, чтобы пригласить их к мирному договору!"

[FN] Орискани, что означает. Цитата взята из рукописного письма Джеймса Дуэйна.

Слушания были открыты обращением Конгресса, составленным в соответствии с духом уже цитированных резолюций, в котором утверждалась мощь Соединенных Штатов и их великодушное поведение по отношению к Шести нациям - и недвусмысленно обвинялись они в неблагодарности, жестокости и предательстве, которыми были вознаграждены их мирные успехи и за которые требовалось возмещение. От этого обвинения в предательстве Онейда и Тускарора были не только с честью освобождены, но, напротив, им аплодировали за их твердость и честность и заверили в дружбе и защите.

Вождь онондага выступил от имени виновных племен. Он оправдал себя и своего брата сахема, возложив вину на молодых и сильных головой воинов, которые, по его словам, не прислушивались к разумным советам, иллюстрируя их собственные внутренние трудности теми, которые время от времени возникали среди населения Государств, и которые порой оказывалось невозможным подавить. Он также рассказал о трудностях, с которыми им пришлось столкнуться, противостоя влиянию Батлера и других лиц на службе короне, приобретенному с помощью взяточничества и других подобных ухищрений.

Вождь племени онейда отвечал за свой народ и тускарора с духом и достоинством, которые не опозорили бы римского сенатора. Он трогательно сетовал на вырождение недружественных

племен; предсказал их окончательное уничтожение; и заявил о твердой и неизменной решимости племен, которые он представлял, при любой опасности крепко сохранять верность договору с Соединенными Штатами и быть похороненным с ними в одной могиле или вместе с ними наслаждаться плодами победы и мира. Он полностью продемонстрировал искренность этих заявлений, пожелав, чтобы Соединенные Штаты воздвигли в своей стране крепость и разместили в ней небольшой гарнизон для их защиты. Обещание на этот счет было дано, в заключение Онейда торжественно заверил, что две нации, от имени которых он выступал, всегда будут готовы сотрудничать с Соединенными Штатами против всех их врагов.

Впоследствии в частной беседе члены Oneidas предостерегли членов Комиссии от доверия к онондагам, которых они считали врагами Соединенных Штатов, несмотря на их кажущееся раскаяние в прошлом. Племя Онейда заявило, что у них нет ни малейшего сомнения в том, что онондага, кайюга и сенека возобновят военные действия ранней весной; что полковник Батлер снова овладеет Освиго, который он усилит; и они умоляли уполномоченных быть готовыми к этим событиям.

В своем ответе индейцам комиссары снова похвалили онейду и тускарора за их верность и мужество. Другие страны, по их словам, были представлены недостаточно, чтобы оправдать заключение с ними договора. Но они, тем не менее, распорядились, чтобы на следующий день в Онондаге был проведен еще один совет этих племен, на котором должно быть публично выдвинуто требование Соединенных Штатов о возмещении прошлых обид и потребован четкий ответ. Их увещевали, что дело Соединенных Штатов правое; что рука Соединенных Штатов может дотянуться до самого отдаленного уголка страны сенека; и что они верят, что Добрый Дух, которому они служат, позволит им наказать всех своих врагов и лишит их возможности причинять им дальнейший вред. [FN]

[FN] Неопубликованное письмо Джеймса Дуэйна губернатору Клинтону с отчетом о его миссии, находящееся у автора.

Жители округа Трайон, многие из которых были зрителями на совете, были весьма довольны ходом заседания; и предполагалось, что моральный эффект будет благоприятным не только для онейда, но и для онондага — эти племена тесно связаны смешанными браками; но члены комиссии покинули совет в полном убеждении, что от сенека, кайюга и большей части ирокезов следует ожидать ничего, кроме мести за своих потерянных друзей и запятнанную славу в Орискани и форте Шайлер; тем более что враг был так обильно снабжен средствами коррупции, в то время как Соединенные Штаты были не во власти настолько, чтобы обеспечить своих лучших друзей всем необходимым для жизни, даже в ходе торговли. [FN-1] Тем не менее, чтобы, насколько это возможно, частично восстановить свое утраченное господство над индейцами посредством торговли, уполномоченные этого департамента вскоре после этого были уполномочены Конгрессом открыть торговое заведение в Форт-Шайлере. Но неадекватность этого положения должна быть очевидна из того факта, что скудная казна правительства позволяла выделить на этот важный объект сумму не большую, чем десять тысяч долларов. [FN-2]

[FN-1] Неопубликованное письмо Джеймса Дуэйна губернатору Клинтону, цитировавшееся ранее.

[FN-2] Журналы Конгресса, том iv. стр. 256.

Находясь в Джонстауне во время этого визита, полковник Кэмпбелл и другие прислуживали маркизу де Лафайету, чтобы привлечь его внимание к сложной ситуации в долине Черри. Следствием этого стал приказ о возведении форта в этом месте. Инженеру было поручено выполнить эту обязанность, и отрядам войск было приказано прибыть как в это место, так и в Шохари. За предыдущий год в долине реки Шохари-килл были построены три небольших укрепления, названных Верхним, Средним и Нижним фортами. Эти сооружения представляли собой просто земляные и деревянные валы, насыпанные вокруг нескольких прочных жилых домов, построенных из камня, в которые помещали женщин и детей в моменты особой опасности. Церковь была цитаделью Нижнего форта, и все они были укомплектованы небольшими группами солдат, у каждого было по одному полевому медному оружию. Маркиз также руководил возведением форта в стране Онейда по просьбе индейцев этой нации.

Из сообщений, приносимых каждым западным бризом, было слишком очевидно, что все эти меры предосторожности в этом направлении были необходимы. Для Джонсонов и их приверженцев восстановление Долины Могавка было задачей первостепенной важности; и они следили за каждой возможностью продвинуться в этом районе, что сулило хотя бы малейший шанс на успех. Даже когда маркиз присутствовал с индийскими комиссарами в Джонстауне, было хорошо известно, что не кто иной, как британский полковник, племянник сэра Гая Карлтона, носящий то же почетное имя, скрывался в этих окрестностях в качестве шпиона. Были предприняты все усилия для его ареста; и, чтобы побудить ополчение и индейцев быть начеку, маркиз предложил награду в пятьдесят гиней из своего собственного кошелька, как явствует из прилагаемого письма полковнику Дж. Гансворту:—

"МАРКИЗ ДЕ ЛАФАЙЕТ ПОЛКОВНИКУ. ГАНСЕВУРТУ.
Джонстаун, 9 марта 1778 года.

"Сэр,

"Поскольку поимка полковника Карлтона имеет величайшее значение, я хотел бы, чтобы вы приложили все усилия, которые в ваших силах, чтобы его задержали. Я попросил полковника Ливингстона, который его знает, передать вам все сведения, которые он может сообщить, и присоединить к ним те, которые я получил от другого шпиона, об одежде и фигуре Карлтона. Вы можете посылать столько отрядов, сколько вам заблагорассудится, и каждый туда, куда сочтете нужным, и делать все возможное, чтобы найти его. Осмелюсь сказать, он знает, что мы преследуем его, и не имеет в виду ничего, кроме побега, которому я умоляю вас помешать всеми средствами. Вы можете пообещать от моего имени *пятьдесят гиней звонкой монетой*, помимо всех денег, которые они смогут найти о Карлтоне, любому отряду солдат или индейцев, которые доставят его живым. Поскольку теперь каждый знает, за чем мы посылаем, в стране нет никаких неудобств, за которые обещана награда, чтобы стимулировать индейцев.

"Я имею честь быть. Сэр, Ваш покорнейший слуга, генерал-майор ЛАФАЙЕТ. "*Полковник. Гансворт, Ком'т. Форт Шайлер.*[FN]

[FN] Это письмо скопировано с оригинала, находящегося среди бумаг Гансворта.

Условие, содержащееся в этом письме, что для получения права похитителя на обещанную награду Карлтон должен быть доставлен живым, соответствует хорошо известной при жизни гуманности прославленного друга свободы человечества, написавшего его. Но поиски оказались безрезультатными, Карлтон был активным и умелым партизанским офицером, и его так и не схватили. Маркиз сохранял командование на Севере только до середины апреля, когда ему было приказано отправиться в штаб, и Гейтс снова принял командование департаментом.

В июне месяце лоялисты, бежавшие в Канаду с сэром Джоном Джонсоном в количестве ста человек и выше, совершили подвиг, столь же смелый и примечательный, что, естественно, наводит на мысль о расследовании, где в то время находились виги округа Трайон; и чем они занимались? Инцидентом, о котором идет речь, было возвращение тех же самых лоялистов к своим семьям, которых им было разрешено собрать вместе и с которыми им разрешили уехать в страну, а также на действительную службу к врагу. И это было еще не все. Их действиям не только не было оказано сопротивления, но по пути они фактически совершили акты вопиющей враждебности, уничтожили имущество и взяли нескольких заключенных. Завершив свои приготовления, они двинулись на север от Форта Хантер через Буш Фонда, захватив по пути туда четырех пленников [FN-1], а в Буш Фонда - еще пятерых. [FN-2] Отсюда они направились через великое болото к рыбному дому сэра Уильяма Джонсона на Сакондаге, захватив по пути человека по имени Мартин и еще одного по имени Харрис, а в рыбном доме захватив храброго парня по имени Соломон Вудворт и еще четырех человек. [FN-3] Они сожгли дом и хозяйственные постройки Годфри Шоу в этом месте и ушли со своими пленниками, оставив женщин и детей без крова. Высадившись на Сакондаге в легких каноэ, предварительно пришвартованных в этом месте специально для этой цели, они спустились на двадцать пять миль к Гудзону, а оттуда, через озера Джордж и Шамплейн, благополучно добрались до Сент-Джонса. На следующий день после своего пленения Вудворту удалось совершить побег. В Сент-Джонсе Джон Шоу и еще четверо были выданы индейцам, которые доставили их в свою деревню в Канаде. К ним не относились точно как к военнопленным; и Шу с тремя своими товарищами вскоре после этого сбежал и вернулся домой. [FN-4] Из Сент-Джонса верный отряд проследовал вниз по реке Святого Лаврентия в Квебек, где остальные заключенные содержались в строгих условиях около четырех месяцев. Часть из них умерла, а остальных отправили в Галифакс, а оттуда обменяли через Бостон. Это массовое возвращение тори в свои покинутые дома и его успех являются одним из самых экстраординарных инцидентов, хотя сами по себе они сравнительно неважны, которые произошли во время войн в стране могавков. [FN-5]

[FN-1] Мистер Кашель и его сын, и мистер Маринас и его сын.

[FN-2] Джон Патнэм-младший, мистер Солсбери, мистер Райс, мистер Джозеф Скотт и мистер Боумен.

[FN-3] Годфри Шоу и трое его сыновей, Джон, Стивен и Джейкоб.

[FN-4] Осенью 1780 года янг Шу снова был схвачен разведывательным отрядом индейцев и тори в лесу по соседству с Боллстоном и по наущению одного из последних, по имени Джон Паркер,

был немедленно убит. Вскоре после этого Паркер сам был взят в качестве шпиона капитаном ополчения Бернеттом — доставлен в Олбани, предстал перед судом, признан виновным и казнен.

[FN-5] Факты, касающиеся этой экспедиции, были собраны и предоставлены автору Джоном Дж. Шоу из Нортгемптона, штат Нью-Йорк

С открытием сезона активных операций — хотя сам он никогда не бездействовал — Тайенданегеа снова вернулся в свои прежние места обитания на Саскуэханне — Огквагу и Унадилью. Вскоре он проявил себя активным и внушающим страх партизаном. Независимо от трудностей или расстояния, везде, где можно было нанести какой-либо выгодный удар, Джозеф Брант обязательно был рядом. Более того, нередкими были случаи, когда отдельные люди и даже целые семьи на окраинах поселений исчезали без какого-либо ведома со стороны тех, кто остался, о том, что рядом с ними находился враг. "Дымящиеся руины их жилищ, обугленные кости мертвых и растерзанные туши домашних животных были единственными свидетельствами о причине катастрофы, пока возвращение пленника или разоблачения какого-нибудь пленника, взятого у врага, не дали более определенной информации". [FN] Но нет веских доказательств того, что Брант сам участвовал в тайных убийствах или нападениях на отдельных людей или семьи; и есть много оснований полагать, что дурные чувства многих лоялистов побудили их самих совершать еще более чудовищные поступки и побуждали группы индейцев, которыми они часто руководили, совершать еще большие варварства, чем совершили бы дикари, будь они предоставлены самим себе.

[FN] Анналы Кэмпбелла.

В подтверждение вышеизложенного мнения капитана Бранта можно привести следующий инцидент, произошедший летом текущего года. Парень из округа Шохари по имени Уильям М.^сКоун, в одиночестве сгребавший сено на лугу, случайно обернувшись, заметил совсем рядом с собой индейца. Пораженный своим опасным положением, он поднял грабли для защиты, но его страхи были мгновенно рассеяны дикарем, который сказал — "Не бойся, молодой человек, я не причиню тебе вреда". Затем он спросил у юноши, где проживает лоялист по имени Фостер. Юноша указал ему нужное направление и спросил индейца, знает ли он мистера Фостера. "Я частично знаком с ним, - последовал ответ, - поскольку однажды видел его у ручья на полпути". [FN—1] Затем индеец поинтересовался именем парня и, получив информацию, добавил: "Вы сын капитана М.^кКоуна, который, я полагаю, живет в северо-восточной части города; я очень хорошо знаю вашего отца; он живет по соседству с капитаном М.^кКином; я очень хорошо знаю М.^кКина, и он тоже очень хороший парень". Ободренный фамильярной речью индейца, юноша отважился в свою очередь спросить его имя. Поколебавшись мгновение, его довольно нежеланный посетитель ответил: "Меня зовут Брант!" - Что? Капитан Брант? - нетерпеливо спросил юноша. "Нет, я его двоюродный брат", - последовал ответ, но сопровождавшийся улыбкой и взглядом, которые ясно разоблачали явный обман. Это был не кто иной, как сам ужасный Тайенданегеа. [FN-2]

[FN-1] Ручей Боуменс, на полпути между Вишневой долиной и рекой Мохок.

[FN-2] Анналы округа Трайон.

С другой стороны, следующее трагическое обстоятельство, приводимое на основании того же неоспоримого источника, подтверждает утверждение о том, что тори часто были более жестокими, чем их свирепые сообщники. В то время как отряд врагов рыскал по границам Шохари, индейцы убили и сняли скальпы с матери и большой семьи детей. "Они только что завершили работу смерти, когда пришли несколько лоялистов партии и обнаружили младенца, сладко дышащего в своей колыбели. Индейский воин, известный своим варварством, подошел к колыбели с поднятым топором. Младенец взглянул ему в лицо и улыбнулся; естественные чувства восторжествовали над свирепостью дикаря; топор выпал из его руки, и он уже собирался наклониться, чтобы обнять невинного, когда один из лоялистов, проклиная его за человечность, проткнул его штыком и, прикованный таким образом, поднял его, борясь в предсмертных муках, восклицая: *"это тоже мятежник!"*"

Чтобы защититься от этих болезненных операций, было бы достаточно только самой образцовой бдительности. Охранялись не только их жилища, но и те, кто трудился в полях, поскольку сами были вооружены за своими плугами, подобно работникам пророка, восстанавливавшим стены Иерусалима. Эта бдительность также не ограничивалась каким-либо конкретным местом. Жители по всей границе, от Саратоги, к северу от Джонстауна, и на запад до Германских равнин, оттуда на юг до Унадиллы, а оттуда на восток, пересекая Саскуэханну, вдоль реки Шарлотт до Харперсфилда, а оттуда обратно до Олбани, обязательно были вооруженными йомедами, которые следили за собой и по очереди караулили друг друга; их ежедневно беспокоили противоречивые слухи; теперь о приближении врага ночью предупреждали ярким пламенем соседского дома; или они были вынуждены внезапно бежать из города. его приближение в то время и в том направлении, которого меньше всего ожидали. Таково было продолжительность человеческого существования на границах всего этого района страны с весны 1777 года до окончания состязания в 1782 году.

Первое движение самого Бранта в этом сезоне (1778 г.) было направлено против поселения Спрингфилд, небольшого городка в верховьях озера Отсего, расположенного прямо к западу от Черри-Вэлли, примерно в десяти милях. Те из мужчин, кто не улетел, были взяты в плен. Затем вождь сжег все поселение, за исключением единственного дома, в который он собрал всех женщин и детей и оставил их невредимыми.

В июне месяце поступило сообщение, что Брант, силы которого увеличивались у Унадиллы, укрепляет этот пост; и жители Вишневой долины послали капитана М.^СКина с небольшим патрулем в том направлении для наблюдения. Прибыв в дом примерно в двадцати пяти милях от этого места, М.^ККину сообщили, что Брант был там в тот день с пятьюдесятью мужчинами и, вероятно, вернется вечером. М.^ККин сначала был склонен завладеть домом и попытаться его защитить — его отряд состоял всего из пяти человек, не считая его самого. Но, в конце концов приняв более благоразумное решение, он вывел "свои силы" до наступления ночи и вернулся домой, так и не разведав позицию вождя в Унадилле. Во время своего путешествия он написал Бранту письмо, в котором упрекал его за хищническую систему ведения войны, которой он был занят, и вызывал его либо на поединок один на один, либо встретиться с ним равным количеством людей и дать решающий бой, "добавив, что если он приедет в Вишневую долину, они превратят его из *Бранта* в *гуся*". Это рыцарское послание было прикреплено к палке и помещено на индейской тропинке. Ни одно современное почтовое отделение не смогло бы

передать письмо с большей скоростью и безопасностью. "Содержание" было "отмечено" Брантом в письме, адресованном мистеру Парсиферу Карру, лоялисту, живущему примерно в пятнадцати-двадцати милях к северу, в поселении Унадилла, которому вождь написал за провизией. Он также попросил мистера Карра разрешить двум или трем его людям присоединиться к нему, а также прислать ему несколько ружей и немного боеприпасов, добавив: "Теперь я намерен сражаться с жестокими повстанцами так хорошо, как только смогу". В постскриптуме он намекнул, что жители Вишневой долины, хотя и очень смелы в выражениях, сочтут себя ошибочными, называя его "гусем". Неизвестно, оказал ли вызов капитана М.^кКина и каламбур с именем вождя какое-либо влияние на его последующее поведение в этой части страны.

2 июля на верхнем берегу реки Коблскилл произошло решительное сражение между отрядом регулярных войск и ополчением Шохари под командованием капитана Кристиана Брауна и большим отрядом индейцев. Там было двадцать два ополченца и тридцать регулярных войск, последними командовал лейтенант, имя которого не сохранилось. Индейцев, по их собственным данным, было четыреста пятьдесят человек. Они одержали победу — американцы отступили, потеряв четырнадцать человек убитыми, восемь ранеными и двоих пропавших без вести. Индейцы сожгли несколько домов, убили и истребили всех лошадей и крупный рогатый скот, которых не смогли отогнать, и, кроме того, захватили значительную добычу. Они оставались в лесу, примыкающем к полю битвы, один день и две ночи, перевязывая раненых и упаковывая свою добычу, с которой они ушли целыми и невредимыми. [FN]

[FN] Единственный отчет об этом сражении, который автору удалось обнаружить, содержится в брошюре Джона М. Брауна "История Шохари". Он утверждает, что это произошло за день до резни в Вайоминге, но датирует это 1776 годом, а не 1778 годом, что, несомненно, было истинной датой.

С тех пор, вплоть до окончания войны, поселения Шохари постоянно подвергались нападениям бродячих банд врага, пока, наконец, они не были полностью опустошены грозным вторжением. Главным из этих поселений была долина Шохари-килл, вдвойне привлекательная красотой своих пейзажей и плодородием почвы, которая уже тогда была густо заселена. Но, хотя часто приходится страдать от жестокого удара томагавком, справедливость, тем не менее, требует признать, что первая кровь была пролита в этой долине и первый акт варварства был совершен белым человеком над телом индейского сахема.

Обстоятельства, приведшие к возмущению, были таковы: на ранней стадии конкурса офицеры короны предприняли очень напряженные усилия, чтобы обуздать народные настроения и сохранить лояльность жителей Шохари. С этой целью не только регулярное ополчение поселений, но и все мужское население, способное носить оружие, должно было встретиться с королевскими уполномоченными в доме капитана Джорджа Манна, лоялиста с большим богатством и влиянием, чтобы принести присягу на верность. Они собирались с оружием в руках, и их день за днем держали на параде, пока они медленно собирались к месту встречи, повинаясь требованию. Те, кто в душе были лоялистами, с готовностью приняли присягу; но большое нежелание было проявлено со стороны тех, чьи пристрастия совпадали с вигами. Однако им угрожали муками и наказаниями в виде ареста, конфискации и смертной казни в случае отказа; так что по большей части они подчинились требованию Уполномоченных и

принесли присягу на верность короне. Сразу же после принесения присяги шляпа подданного была украшена куском алой ткани; в то время как некоторые из тех, кто наиболее сильно желал продемонстрировать свою лояльность, носили алые шапочки. Видными представителями последнего класса были Людвиг Снайдер из поселения Дуанесбург [FN] и сахем-ирокез по имени Питер Никус, который оскорблял вигов, размахивая своим томагавком и время от времени издавая боевой клич.

[Ф.Н.] Снайдер впоследствии отрекся от лояльного дела и добросовестно исполнил свой долг виги.

Но было несколько отважных духов, на которых ни угрозы офицеров его Величества, ни угрозы сопровождавших их индейцев не возымели никакого действия. Они категорически отказались принести присягу. Главными среди них были Николас Стернберг и Уильям Дейц, которые покинули парад вечером первого или второго дня и вернулись по домам, после того как роялисты жестоко осудили их как мятежников и предателей и пригрозили ночным визитом тори и индейцев. Чтобы избежать ареста, Штернберг вечером ушел в лес, оставив свою семью в большой тревоге, хотя рабы, которых у него было большое количество, вызвались защищать свою госпожу и детей. Но преследования не последовало, и оба отрекшихся вернулись на парад на следующий день, полные решимости, конечно, должным образом соблюдать действующие законы, но в равной степени полные решимости не приносить присягу на верность; хотя миссис Стернберг со слезами умоляла своего мужа не подвергать свою безопасность и жизни своей семьи более длительному отказу. Более того, она пошла дальше; и, обратившись к Библии, добрая женщина показала ему отрывок, в котором всем мужчинам предписывается "бояться Бога и почитать Короля". Но Штернберг, как и пуритане, верил, что "противостояние тиранам - это послушание Богу", так же безоговорочно, как и цареубийцы, высекавшие это бессмертное чувство на скале Нью-Хейвена; и он был непреклонен в своих намерениях.

Однако, к счастью, в течение дня дела приняли совсем другой оборот. Примерно в середине дня капитан Манн собрал тех, кто принял присягу и получил красный значок. Их было сто и выше, и они были выстроены перед собственным домом капитана, чтобы выполнить свои боевые упражнения, когда их внимание привлек топот коней вдалеке. Еще мгновение, и по шоссе со стороны Олбани галопом пронеслось облако всадников с обнаженными мечами, ярко сверкающими на солнце. Этими неожиданными посетителями оказались капитан Вудбейк и двести кавалеристов, целью приближения которых было разогнать королевское собрание и провозгласить правительство республики. Их прибытие было крайне некстати для капитана Манна, которого прервали посреди верноподданнической речи, в которой он восхвалял своих солдат-граждан за их верность и угрожал тем, кто откажется носить значок своего суверена, местью, быстрой и неотвратимой. При приближении кавалерии капитан Манн бросился наутек и обратился в бегство; в то время как его верные последователи, многие из которых надели вышеупомянутые знаки отличия и по принуждению расписались в королевском призывном списке, либо последовали его примеру, либо выбросили свои красные шапки и с максимальной возможной поспешностью сорвали со своих шляп алые нашивки. Капитан Вудбейк немедленно отдал приказ схватить Манна и доставить к нему — живым, если возможно, но если нет — нет. Многие бросились в погоню, в то время как тех, кто остался на земле, выстроили в шеренгу, и

капитан Вудбейк зачитал им прокламацию, объявляющую конец королевской власти — объявляющую действия королевских уполномоченных недействительными - и освобождающую народ от только что принесенной присяги на верность на том основании, что по законам ни Божьим, ни человеческим обязательными являются клятвы, данные по принуждению. Похвалив тех, кто отказался принять присягу за их патриотизм, он сообщил им, что должен быть назначен Комитет безопасности, который временно будет наделен гражданской и военной властью округа, и до тех пор, пока путем выборов или иным образом правительство не будет организовано более регулярным образом. Николас Стернберг и Уильям Дейтц были вслед за этим назначены Вудбейком в качестве указанного Комитета и устно наделены всеми необходимыми полномочиями для управления округом; и людям было предписано повиноваться.

Таким образом, дела правительства были улажены, и всем командирам было приказано отправиться в погоню за капитаном Манном, а часовые были расставлены на разных наблюдательных пунктах. Среди них был старший сын мистера Штернберга Ламберт, который стоял рядом со стогом пшеницы, защищенный соломенной крышей на четырех столбах. Был строгий приказ: если Манн не сдастся, он должен быть расстрелян. Ближе к вечеру, при приближении порыва грома, юный Штернберг, которому было всего шестнадцать лет, взобрался на вершину пшеничного стога в поисках укрытия, где, к своему великому удивлению, наткнулся на верного капитана. Юноша сразу сообщил ему, что он должен сдаться или будет расстрелян. Капитан взмолился о пощаде, заявив, что не осмелится сдаться Вудбейку, потому что это отнимет у него жизнь. Юноша повторил, что его приказы были четкими, и он должен сдаться или быть застрелен. Но Манн жил по соседству с его отцом — всегда был добр к нему — и его сердце сжалось при мысли о том, чтобы лишить его жизни. Затем он предложил капитану выстрелить из своего мушкета в качестве сигнала тревоги, чтобы другие могли прийти и схватить его. Но Манн возразил против этого с такой же серьезностью. Теперь он устрашающе гремел и сверкал, в то время как дождь лил проливными потоками. Поэтому, воспользовавшись удобным случаем и воспользовавшись конфликтом стихий, а также тем, что действовало в душе его молодого соседа, так внезапно оказавшегося во враждебном расположении против него, Манн ухитрился выскочить из своего укрытия и, соскользнув по одному из столбов барака, совершил побег на кукурузное поле, а оттуда в лес. Молодой солдат выстрелил, как и положено по долгу службы, но, несомненно, обрадовался, что выстрел не возымел эффекта.

[FN] Такие сооружения в новых странах, где амбары недостаточно велики, чтобы хранить продукты, называются бараками.

На следующий день, получив информацию о том, что в окрестностях Миддлберга, в нескольких милях выше по долине, скрывается отряд индейцев, капитан Вудбейк направился туда со своим кавалерийским эскадром. Единственным замеченным индейцем был вышеупомянутый сахем Питер Никус, который был обнаружен в зарослях орешника и немедленно повержен на землю выстрелом, сломавшим ему бедро. В него одновременно выстрелили из нескольких пистолетов, но безрезультатно; затем солдаты спешили и, подбежав к раненому индейцу, бесчеловечно разрубили его на куски своими мечами. Таким образом, Питер Никус был первой жертвой Революции в долине Шохари-килл, и не похоже, что он сам был виновен в каком-либо акте явной враждебности.

Все поиски капитана Манна были на тот момент безрезультатными. Ему удалось бежать в горы, где он оставался пятнадцать дней; но в конце концов вмешательство друзей вынудило его сдаться при условии, что он не получит телесных повреждений. После этого его перевезли в Олбани и держали в заключении до конца войны. [FN]

Имущество капитана Манна не было конфисковано, и ему разрешили вернуться и вновь вступить во владение своим поместьем, где он жил и умер как верный гражданин республики. Все семьи, упомянутые в этом повествовании, были очень уважаемыми, и их потомки до сих пор живут в этой части страны. Факты, изложенные на четырех последних страницах, взяты автором из письменного рассказа сына Николаса Штернберга. Она была нарушена в надлежащем хронологическом порядке, поскольку была получена только после того, как эта глава попала в руки печатника.

ГЛАВА XV.

История Вайоминга—Взгляд на его историю—Кровавая битва между шаванцами и делаваками—Граф Цинцендорф—Противоречивые претензии и титулы индейцев—Конкурирующие земельные компании Коннектикута и Пенсильвании—Убийство Тадеусунда—Первая колония Коннектикута, разрушенная индейцами—Споры относительно их титулов—Конкурирующие колонии, основанные в Вайоминге—Гражданские войны в Вайоминге—Смелое приключение капитана Огдена—Свирепые страсти народа—Поселенцы Коннектикута преобладают—Рост поселений—Присоединен к Коннектикуту—Начало революции—Жители, подстрегаемые предыдущей ненавистью, принимают чью—либо сторону—Арест подозреваемые лица в январе—Отправлены в Хартфорд—Пагубные последствия—Враг появляется на окраинах поселений весной—Вторжение полковника Джона Батлера и индейцев—Полковник Зебулон Батлер готовится противостоять им—Взяты два форта—Полковник З. Батлер идет навстречу врагу—Битва при Вайоминге—Американцы побеждены—Бегство и резня—Форт Вайоминг осажден—Робость гарнизона—Авторитет Зебулона Батлера не выдержан—Он сбегает из форта—Полковник Деннистон вынужден капитулировать—Разрушение Долины—Варварство тори—Брант не участвует в экспедиции—Кэтрин Монтур—Бегство беглецов—Экспедиция полковника Хартли вверх по Саскуэханне—Полковник Зебулон Батлер возвращает себе Вайоминг и восстанавливает форт—Стычки с индейцами—Конец истории Вайоминга.

ТНЕМеланхоличная история Вайоминга стоит следующей в хронологическом порядке. На самом деле это не имеет прямого отношения к истории долины Могаук, но, тем не менее, тесно связано с этой историей, хотя всегда считалось одним из самых выдающихся событий в пограничной истории революционного противостояния. Более того, его важность как раздела *индийской* части этого состязания такова, что оправдывает этот эпизод, если его вообще можно так назвать. Во время этой борьбы было много сражений, гораздо более важных, чем дело в Вайоминге, как по своему размаху, так и по результатам; и многие сцены характеризовались не меньшей, если не большей жестокостью. Но в силу целого ряда обстоятельств, как предшествовавших, так и последовавших за битвой, случилось так, что ни одно событие, связанное с войнами аборигенов в нашей стране, не выделяется так ярко, как это. Шестьдесят лет прошло с тех пор, как разыгралась трагедия в Вайоминге; самих актеров больше нет; и все же само упоминание об этом событии вызывает холодок в каждом юном сердце, в то время как сам театр действия стал классическим и освященным бессмертными номерами одного из самых одаренных бардов своего времени. Пока существует английская поэзия, вымышленную историю о ГЕРТУДЕ из Вайоминга будут читать, восхищаться и плакать; и тысячи людей в каждом грядущем поколении будут принимать прекрасный вымысел за правду, в то время как фактические подробности, изложенные добросовестным историком, отвергающим преувеличения Рамзи и Гордона и их коллег-писателей революционной эпохи, вместе с составителями более современными, которые не потрудились выяснить правду, могут рассматриваться как слишком банальные и неважные для внимания.

Вайоминг - это название красивого участка долины Саскуэханна, расположенного в северо-восточной части штата Пенсильвания. Он имеет двадцать пять миль в длину и около трех в ширину и расположен глубоко между двумя параллельными горными хребтами, поросшими дубами и соснами. Пейзаж вокруг дикий и живописный, в то время как саму долину можно было бы выбрать для другого рая. [FN]

[FN] Вайоминг - это искаженное название, данное этому месту индейцами штата Делавэр, которые называли его *Могавауаме*. Это сложное слово; *Maughwau* означает большой или обширная, и *wate* равнины или луга; так что название можно перевести как "*Большие равнины*". На языке Шести наций Вайоминг назывался *Сгахонтовано*, или "*Большие равнины*". "*Гаонто*" означает на их языке большой участок земли без деревьев.—*История Вайоминга Чепмена*.

Обладание этой долиной было целью не только честолюбия или алчности белого человека. Он был предметом споров и полем ожесточенных сражений различных индейских племен во времена белого человека, но до того, как им овладели; и судя по обнаруженным там остаткам укреплений, настолько древних, что самые большие дубы и сосны пустили корни на крепостных валах и в окопах, он, должно быть, когда-то был средоточием власти и, возможно, великолепного двора, отличавшегося рыцарством, вкусом и красотой — расы людей, сильно отличавшихся от индейцев, известных нам со времен открытия Колумба. Именно здесь великодушный граф Цинцендорф разбил свою палатку, начав свои христианские труды среди шаванцев, и здесь он был спасен от убийства благодаря провиденциальному вмешательству ядовитой рептилии. Первоначально он находился на территории ленни ленапе, или индейцев штата Делавэр; но на него претендовали Шесть наций по праву завоевания. В 1742 году в

Филадельфии состоялся большой совет вождей и воинов Шести наций и делаваров из-за трудностей, связанных с правом собственности на определенные земли, лежащие в пределах форкса Делавэра, которые, как утверждали владельцы Пенсильвании, Уильям Пенн купил у делаваров, но которые делавары все еще сохраняли за собой, в то время как на владение претендовали Шесть наций. Губернатор Пенсильвании, объяснив совету положение дел, напомнил вождям Шести наций, что, поскольку они всегда требовали от правительства Пенсильвании выдворять таких белых, которые вторгались на их земли, теперь правительство ожидает, что Шесть наций выдворят индейцев с земель, которые оно приобрело. Старый Каннассатого был главным духом делегации ирокезов по этому случаю; и, после должного рассмотрения, он огласил решение своих товарищей-вождей. Он в самых резких выражениях упрекнул делаваров в их нечестности и двуличии, в том, что они сначала продали землю, которая им не принадлежала, и даже затем сохранили ее за собой. Он насмеялся над ними за их униженное положение, за то, что его народ завоевал их и сделал женщинами, и после возмущенной филиппики приказал им покинуть спорную территорию и переехать в Вайоминг или Шамокин.

"История Вайоминга" Чэпмена.

Команды Шести наций не должны были подвергаться сомнению или игнорироваться окружающими индейскими народами на том этапе их истории, и клан делаваров, занимавший спорную землю, немедленно переселился в Вайоминг, который затем частично занял клан шаванцев. Но последние в то время были дружелюбны к Шести нациям, и им позволили сохранить за собой западный берег реки, в то время как делавары обосновались на восточном берегу и построили свой город Моуваувам — исток Вайоминга.

Но непосредственная близость двух кланов или частей наций не добавляла им счастья. Они питали взаимную ревность; и не прошло много времени, как их враждебность переросла в настоящую вражду по малейшему поводу. Наконец, появился повод для более серьезной войны. С началом военных действий между французскими и американскими колониями, в ходе так называемой старофранцузской войны, шаванцы встали на сторону французов, в то время как Шесть наций и делавары перешли на сторону англичан. Тем не менее, две индейские общины в Вайоминге фактически не брались за оружие в *той* противостоянии до тех пор, пока не произошел инцидент, который, как полагают, можно отнести за самую незначительную причину войны, когда-либо зафиксированную в истории. Однажды, когда воины делавэра охотились в горах, случилось так, что их женщины и дети собирали фрукты на берегу реки ниже их города. Пока они занимались этим, группа шаванских женщин и детей переплыла на своих каноэ реку и присоединилась к ним. Утром ребенок из Шаванезе поймал большого кузнечика — вероятно, у этого вида крылья разноцветные, — и между детьми возникла ссора из-за обладания насекомым. Вскоре в этой ссоре начали участвовать матери, следствием чего стала битва с амазонками. Делаварские скво утверждали, что шаванцы не имели права вторгаться на их берег реки; и после того, как несколько человек были убиты с обеих сторон, последних, которые были более слабой стороной, загнали в каноэ и в их собственные дома.

По возвращении воинов соответствующих племен оба приготoвились отомстить за обиды, причиненные их женам и детям. Захватчиками были шаванцы, но на берегу реки их встретили делавары, не чуравшиеся боя, которые упрямо препятствовали их высадке из своих каноэ.

Большое количество людей было убито, в основном из племени шаванец, прежде чем они добрались до берега. Однако в результате примерно в миле ниже города Делавэр разгорелась яростная и кровопролитная битва, в которой с обеих сторон погибло несколько сотен человек. Шаванцы, чьи силы были сильно ослаблены при высадке, в конце концов были разбиты и вынуждены спасаться бегством, насколько могли, потеряв половину своего числа. Следствием этого поражения стала немедленная эвакуация долины, которую они покинули, чтобы присоединиться к большей части своей нации на реке Огайо. Для делаваров, которые были угнетены и лишены гражданства ирокезами или шестью народами, победа имела огромное значение — она вновь утвердила их характер храбрых воинов, хотя только много лет спустя их бывшие завоеватели отменили право считаться женщинами.

"История Вайоминга" Чепмена.

Тем не менее, в то время, когда граф Цинцендорф начал миссию Объединенных братьев в этой долине, юрисдикция была признана принадлежащей Шести нациям; и последнее дало графу официальное разрешение проповедовать Евангелие среди них. Его встретило многочисленное посольство их вождей, от которых он получил приветственную речь, которая сразу же заложила основу хорошего взаимопонимания между ними. [FN] Но, несмотря на это признанное превосходство ирокезов во времена сэра Уильяма Джонсона, соперничающие и противоречащие друг другу притязания индейцев на титул были причиной соперничающих переговоров между белыми земельными спекулянтами и обеими индейскими нациями, которые в конце концов стали причиной многих и очень серьезных бед, как сейчас будет показано.

[Ф.Н.] Хеквельдер. Случай со змеей, упомянутый на предыдущей странице, заключался в следующем: Некоторые индейцы, завидуя намерениям графа поселиться среди них, решили его убить. Цинцендорф был один в своей палатке, сидел на охапке сорняков, служившей ему постелью, и писал, когда убийцы приблизились, чтобы выполнить свое кровавое поручение. Была ночь, и прохладный сентябрьский воздух сделал необходимым разведение костра для его комфорта. Занавеска из одеяла была единственной защитой входа в его палатку. Жар его костра вытащил большую гремучую змею из соседнего кустарника, и рептилия, чтобы насладиться приятным теплом, медленно заползла в палатку и незамеченной прошла по ноге святого человека. Снаружи все было тихо, если не считать отдаленного шума реки на порогах в миле внизу. В этот момент индейцы тихо приблизились к двери его палатки и, осторожно отодвинув занавеску, созерцали почтенного человека, слишком глубоко погруженного в свои мысли, чтобы заметить ни их приближение, ни змею, распростертую перед ним. При виде подобного зрелища даже сердца дикарей содрогнулись от мысли совершить варварский поступок, и они поспешно вернулись в свой вигвам и сообщили своим товарищам, что *Великий Дух* защитил незнакомца, ибо они нашли его без двери, кроме одеяла, и видели, как большая гремучая змея проползла по его ногам, не пытаясь причинить ему вреда ". Это обстоятельство произвело в судьбе Пола такие же серьезные изменения, как и случай с гадюкой после кораблекрушения. Граф вскоре завоевал доверие индейцев; и это событие, вероятно, существенно способствовало тому, что впоследствии многие из них приняли христианскую религию.—Чепмен - это Он. Вайоминг.

Первое движение к созданию белой колонии в долине Вайоминг было предпринято Коннектикутом в 1753 году. Справедливо считалось, что эта часть страны первоначально принадлежала старой Плимутской компании, пожалованной Джеймсом I. В 1620 году. Граф Уорик и его партнеры приобрели право Плимутской компании на территорию Коннектикута и земли за пределами Нью-Джерси, на запад, "от моря до моря", в определенных пределах, на которые претендовал Коннектикут в соответствии с этим грантом. Но как только была создана компания для основания колонии в Вайоминге — под названием *Саскуэханна Компани*, — Пенсильвания предпочла заявить права на ту же территорию на основании гранта от Карла II. Уильяму Пенну в 1681 году, охватывающий весь иск Коннектикута; и конкурирующая ассоциация, получившая название *Делавэрская компания*, была организована аналогичным образом, чтобы урегулировать его. Поначалу борьба каждого из них заключалась в том, чтобы обойти другого в приобретении титула индейца. В то время было признано, что исконными собственниками являются Шесть наций; и, хотя старый король Хендрик был окружен со всех сторон, он некоторое время отказывался передавать территорию какой-либо из сторон. В конечном счете, однако, Шесть наций были проданы компании Саскуэханна, и в 1755 году была основана колония Коннектикут. Но из-за войн с Францией и индейцами их поселенцы были вынуждены вернуться в Коннектикут, и препятствий стало так много, что только в 1762 году им удалось закрепиться.

Жители Пенсильвании немедленно приготовились выступить против поселенцев из Коннектикута. Было составлено и передано в Англию дело, по которому мистер Пратт, генеральный прокурор (впоследствии лорд Кэмден), вынес заключение в пользу преемников Пенна. Коннектикут также направил на рассмотрение дело и, со своей стороны, получил столь же благоприятное заключение от выдающегося юрисконсульта. При таком раскладе разногласий на молодое поселение обрушилась катастрофа, которая положила конец предприятию на несколько лет. До сих пор отношения между колонистами и индейцами носили самый мирный характер. Старый вождь делаваров Тадеускунд, принявший христианскую религию, был их другом среди своего народа. Но в 1758 году он нанес оскорбление некоторым из Шести наций, отряд которых под видом дружбы в апреле 1763 года пришел к делаварам и убил почтенного вождя, подожгв его жилище, в котором он и сгорел. Индейцы обвинили в убийстве авантюристов из Коннектикута. Но эмигранты, не подозревая, что против них поднимается буря, оставались в воображаемой безопасности. Они никого не обидели; и чтобы развеять любые подозрения, которые в противном случае могли бы возникнуть у индейцев, они даже не позаботились о том, чтобы снабдить себя оружием для самозащиты. Следствием стало внезапное разрушение их поселения отрядом индейцев штата Делавэр 15 октября. Нападение было совершено на город, когда мужчины работали в полях. Около двадцати человек были убиты, а несколько попали в плен. Те, кто мог, мужчины, женщины и дети, бежали в леса и горы, откуда они были вынуждены лицезреть печальное зрелище своих охваченных пламенем жилищ и индейцев, убегающих с остатками их небольшого имущества. Их бегство через непроходимый лес к Делавэру, без еды и подходящей одежды от суровой осенней погоды, было в какой-то степени болезненным. Но даже на этом их путешествие не закончилось, поскольку им еще предстояло вернуться в Коннектикут, обездоленным и пешком.

[FN] Тадеускунд был известным вождем штата Делавэр. До 1750 года он был известен среди англичан под именем *Честный Джон*. Он был крещен моравцами, но отличался

нерешительностью и непостоянством. Он был слишком увлечен военной стезей, чтобы стать последовательным последователем тихоокеанских моравцев. Поэтому, когда он увидел возможность проявить себя как воин, он оставил свою веру, чтобы вновь принять ее в соответствии со своей политикой. В войне он склонялся на сторону французов, но в 1758 году способствовал заключению мира между несколькими индейскими народами, что вызвало недовольство Шести наций.

В 1668 году Делавэрская компания воспользовалась договором, заключенным Холденом в Форте Стэнвикс, и приобрела у тех же Шести наций, которые продали Коннектикутской компании, ту жетерриторию Вайоминга. Пенсильванцы немедленно вступили во владение; и когда с наступлением следующей весны колонисты Коннектикута вернулись с рекрутами, они обнаружили, что эти земли заняты другими людьми, которые возвели блокгауз и вооружились для обороны под руководством Амоса Огдена и Чарльза Стюарта, которым Джон Пенн предоставил в аренду участок земли в центре долины с явной целью вытеснения коннектикутских претендентов. Это было новое и неожиданное положение вещей. Несколько ведущих людей колонии Коннектикут были заманены в блокгауз, арестованы и отправлены в отдаленную тюрьму. Но новобранцы прибывали из Коннектикута, они, в свою очередь, строили оборонительные сооружения и продолжали свои колониальные труды.

Летом 1769 года губернатор Пенсильвании предпринял приготовления к тому, чтобы силой изгнать незваных гостей, как они считали, жителей Коннектикута; и на территорию был направлен отряд вооруженных людей численностью в двести человек. Колонисты приготовились к осаде; но один из их лидеров был взят в плен и отправлен в тюрьму в Филадельфии после демонстрации сопротивления, и у них не было никаких средств защиты, кроме стрелкового оружия, они капитулировали и согласились покинуть территорию, за исключением семнадцати семей, которые должны были остаться и убирать урожай. Но не успели колонисты уехать, как пенсильванцы под предводительством Огдена разграбили всю колонию, уничтожив их хлебные поля, убив их скот и разорив все поселение; так что семнадцать семей были вынуждены бежать от голода.

В феврале месяце 1770 года колонисты Коннектикута сплотились и двинулись маршем на Вайоминг под предводительством человека по имени Лазарус Стюарт. Они захватили дом Огдена и его артиллерийское орудие во время его отсутствия. Но по возвращении он собрал своих друзей, и между двумя сторонами начались военные действия, которые велись с переменным успехом в течение нескольких недель. За это время произошло боестолкновение, в ходе которого несколько человек были убиты и ранены с обеих сторон. Дом Огдена, который был укреплен, подвергся осаде и, наконец, был взят - после нескольких дней канонады и разрушения огнем одного из его блокгаузов с припасами. По условиям капитуляции коннектикутская сторона разрешила Огдену оставить шестерых человек на попечение о его оставшемся имуществе. Но поведение Огдена в предыдущем году не было забыто, *изакон талиониса* был приведен в исполнение жестко и быстро.

В сентябре следующего года против поселенцев Коннектикута был направлен отряд в сто пятьдесят человек под командованием капитана Огдена, как его теперь называли. Он застал поселение врасплох, когда рабочие были на полях за работой, а женщины и дети - в форте. Многие мужчины, тем не менее, добрались до форта и приготовились защищать его; но он был взят штурмом ночью — женщины и дети были варварски растоптаны ногами, — и все поселение

было разграблено и разрушено на следующий день с более чем индейской алчностью. Колонисты были взяты в плен и отправлены в отдаленные тюрьмы. Так поселение снова распалось. Но триумф Огдена был недолгим. В декабре форт снова был захвачен капитаном Стюартом во главе нескольких ланкастерцев, объединившихся с поздними колонистами. Несколько мужчин нагишом бежали в леса; но большая часть вместе с женщинами и детьми, проживавшими в целях безопасности в домах, построенных внутри крепостных валов, были взяты в плен. Те, кто был лишен своего имущества, были изгнаны из долины.

Стороны в этих спорах, которые не могли не породить все самые ожесточенные страсти в природе человека, превратив то, что могло бы стать вторым Эдемом, театром борьбы, разлада и "ненависти, порожденной адом", сражались, конечно, как они и утверждали, под юрисдикцией соответствующих государств, к которым они якобы принадлежали. Гражданские власти Пенсильвании часто вмешивались; и после поджога блокпоста Огдена были предприняты попытки арестовать нескольких членов коннектикутской партии за поджог. Стюарт был задержан, но вскоре после этого был спасен.

После взятия форта в декабре Верховный суд Пенсильвании еще раз выдал ордер на его арест, и шериф был отправлен вместе с отрядом, следовавшим за ним по пятам; но гарнизон не впустил его. Форт был обстрелян отрядом под руководством шерифа, и при ответном огне один из огденов (Натан) был убит. Вслед за этим шериф отвел свои силы на ночь. Но едва стемнело, как Стюарт и сорок его людей вышли из крепости, оставив гарнизон всего из двенадцати человек, который капитулировал на следующее утро. Награда в триста фунтов была предложена губернатором Пенсильвании за арест Стюарта. За форт поручили Амосу Огдену, который убедил большинство своих бывших соратников вернуться вместе с ним.

В июле следующего года этот важный пост снова был обречен перейти из рук в руки. В колонию вторгся капитан Зебулон Батлер с более чем семьюдесятью людьми. К ним присоединился Стюарт и его партия, и они немедленно завладели землями, в то время как Огден со своими людьми в количестве восьмидесяти двух человек удалился в новый форт Вайоминг, который они только что построили, и приготовился к сопротивлению. Соревнование теперь приобретало большее значение, чем когда-либо. Батлер и Стюарт сразу же окружили крепость, и прибывшие из Коннектикута рекруты дали им возможность возвести редуты и открыть окопы для регулярной осады. Этот новый форт был возведен прямо на берегу реки. Поняв, что он, таким образом, полностью заперт, Огден решился на смелое предприятие: ночью покинуть свой гарнизон и поплыть вниз по реке мимо укреплений и часовых противника, чтобы вернуться в Филадельфию за помощью. Чтобы лучше обезопасить свой побег, с помощью веревки он пустил по реке следующий за ним сверток, который, будучи наиболее заметным предметом, естественно, привлек бы внимание и подвергся бы обстрелу противника, если бы был обнаружен. *Военная уловка* оказалась полностью успешной. Обманчивый объект действительно привлек внимание осаждающих и был обстрелян ими; хотя сам Огден находился в непосредственной опасности, так как его шляпа и одежда были изрешечены пулями. Тем не менее, он сбежал в Филадельфию и имеет право на то, чтобы совершить один из самых смелых и трудных индивидуальных подвигов в истории.

В связи с этими новостями правительство приказало направить на помощь форту Вайоминг отряд в сто человек под командованием полковника Ашера Клейтона. Они должны были быть разделены на две дивизии и двинутся к форту с разных направлений. Капитан Дик с одной

дивизией двинулся к форту с вьючными лошадьми, нагруженными провизией для ста человек. Однако, оказавшись по соседству с ним, он попал в засаду, устроенную войсками Батлера и Стюарта, и огонь привел его в замешательство. Двадцати двум из отряда удалось проникнуть в форт, а остальные, с четырьмя вьючными лошадьми, нагруженными провизией, попали в руки Батлера. Осада продолжалась и велась с большой энергией до 14 августа, когда, исчерпав свои припасы, полковник Клейтон, противник, капитулировал, оговорив, что его войска вместе с Огденом и его отрядом должны уйти из Вайоминга. Огден был ранен во время осады, а вторым выстрелом был убит другой офицер по имени Уильям Ридьярд, на которого опирался первый, потерявший сознание от потери крови.

Президент Пенсильванской ассоциации собственников жаловался на поведение народа Коннектикута во время этих военных действий, а губернатор Трамбалл отрицал какую-либо связь с делами Вайоминга со стороны штата, которым он руководил. Но поскольку жители Коннектикута продолжали направлять в поселение подкрепления, пенсильванцы отвели свои силы и в течение сезона больше не предпринимали попыток вторгнуться на территорию.

Теперь поселенцы требовали защиты Коннектикута, правительство которого попыталось выступить посредником между народом Вайоминга и правительством Пенсильвании, но безуспешно. Тем временем жители Колонии приступили к организации правительства и пользовались почти всеми атрибутами суверенитета. Было объявлено, что общие законы Коннектикута вступили в силу; но что касается их местного законодательства, то они организовали чистую демократию — жители всех их городов и поселков собирались вместе, как в древних Афинах, и сами принимали свои законы. Законодательное собрание Коннектикута распространило на них свою широкую эгиду, создало новый округ под названием Уэстморленд и присоединило его к графству Личфилд в метрополии штата. Зебулон Батлер и Натан Деннистон были назначены мировыми судьями, и народ направил по одному представителю в законодательное собрание Коннектикута. Правительства Коннектикута и Пенсильвании продолжали войну прокламаций и указов по этому вопросу, в то время как численность населения и масштабы поселения росли с беспрецедентной быстротой.

Так продолжалось до 1775 года, когда, сразу после начала военных действий между Колониями и британскими войсками в Лексингтоне, старая вражда между поселенцами конкурирующих компаний внезапно вспыхнула снова. Новое поселение одного было атаковано ополчением другого, один человек был убит, несколько ранены, а других взяли в плен и увезли в отдаленную тюрьму. Другие безобразия были совершены в других местах, и, конечно, все яростные страсти — все горькие чувства ненависти и мести между соперничающими сторонами, претендующими на землю и юрисдикцию, — вспыхнули с новой силой. Поселения каждого из них расширились за пять лет мира, что, конечно, умножило число участников конфликта; так что, когда жители Вайоминга взялись за оружие, в перспективе возникла более грозная гражданская война, чем когда-либо, в тот момент, когда каждая рука должна была напрячься для общего дела всей страны. [FN]

В то время поселения состояли из восьми тауншипов, а именно: Лакавана, Эксетер, Кингстон, Уилксбарре, Плимут, Нантикок, Хантингтон и Салем; площадь каждого составляла пять квадратных миль. В шести поселках было довольно много жителей; в двух верхних - сравнительно немного, они были разбросаны по всему миру.—*Летописец Алмона за 1778 год.*

Конгресс, который сейчас заседал, применил свои полномочия посредством посреднических резолюций. Но безрезультатно. Вмешательство было повторено и снова проигнорировано. Тем временем пенсильванцы вывели на поле боя семьсот человек, которые двинулись маршем против Вайоминга под руководством полковника Планкетта. Но при подъеме на западный берег Саскуэханны, когда они подошли к узкому ущелью, естественно защищенному скалистым выступом, их продвижение было внезапно остановлено мушкетным залпом. Мгновением позже захватчики разглядели, что скалистые парапеты были покрыты людьми, ошестинившимися оружием, готовыми к тирольской защите в виде обрушивающихся на врага камней, если их огнестрельного оружия окажется недостаточно, чтобы отразить его нападение. Захваченный таким образом внезапно и эффективно врасплох, Планкетт отступил со своими войсками за скалистый выступ для совещания. Затем он попытался пересечь реку и возобновить свой марш на другом берегу. Но и здесь жители Вайоминга оказались слишком расторопны для него. Захватчики были так горячо встречены отрядом, находившимся в засаде на другой стороне, что были вынуждены отступить и больше не пытались сплотиться.

Так завершилась последняя военная демонстрация правительства провинции Пенсильвания против долины Вайоминг. Однако никогда еще гражданская война не бушевала с такой искренней ненавистью между сторонами — даже во время кровавых конфликтов между гвельфами и гибеллинами, — как между приверженцами соответствующих земельных компаний в только что рассмотренных столкновениях. Поэтому самым неудачным было то, что ссора вспыхнула с новой силой именно в тот момент, когда для общей обороны требовались услуги всех в равной степени — особенно на границе, подверженной ежедневным вторжениям индейцев.

И это было не единственное зло. Поскольку люди почти во всех частях страны сильно расходились во мнениях по важному спорному вопросу между метрополией и Колониями, было естественно ожидать, что те из этих противоборствующих партий, которые придерживались дела роялистов, будут питать двойную вражду к тем республиканцам, которые ранее выступали против них с оружием в руках. Эти враждебные чувства были, конечно, взаимными; и поскольку многие приверженцы Делаверской компании и, возможно, некоторые из представителей обеих фракций рано бежали к врагу и записались под знамена сэра Джона Джонсона и полковника Джона Батлера, нетрудно объяснить особую свирепость, которой отличалось поведение тех беженцев, которые вернулись с оружием в руках против своих бывших воинственных соседей. [FN]

Этот краткий очерк предварительной истории Вайоминга, тем не менее, вызвал более длительное отступление, чем предполагалось; но он показался необходимым для вывода чего-то вроде справедливой гипотезы, с помощью которой можно судить об особенностях битвы при Вайоминге и последовавшей за ней резни.

Население поселений Вайоминга в начале войны насчитывало пять тысяч душ. Среди них на службу Соединенным Штатам были зачислены три роты регулярных войск. Их ополчение, регулярно пополнявшееся, насчитывало тысячу сто человек, способных носить оружие, и из этого отряда триста поступили в армию; [FN] их земля была такой плодородной, а люди такими трудолюбивыми, что они могли поставлять большие запасы провизии для армии. Весной текущего года оттуда для армии было отправлено три тысячи бушелей зерна. Как и в других

пограничных поселениях, был принят тот же план наблюдения за разведчиками и группами охотников за скальпами противника, и соблюдалась предельная бдительность; в то время как обычные гарнизонные службы поочередно несли гражданские солдаты в нескольких укреплениях, защищавших их долину.

[FN] Смотрите "Историю Вайоминга" Чепмена — также Мемориал законодательному собранию Коннектикута.

Отдельные партии тори и индейцев провели несколько слабых демонстраций, которые рыскали по поселениям летом предыдущего года, пока Сент-Леджер осаждал форт Шайлер; но после нескольких стычек с жителями они разошлись, и последние оставались нетронутыми до конца года. Тем не менее, впечатление, что некоторые из тори, которые были вооружены против них или которые сыграли важную роль в натравливании на них индейцев, все еще скрывались поблизости и замыслили зло, не оставляло людей совсем спокойными; и в январе месяце 1778 года были арестованы двадцать семь подозреваемых жителей. Девять из них были освобождены после допроса за отсутствием достаточных доказательств, оправдывающих их задержание; в то время как остальные восемнадцать были отправлены в Хартфорд, штат Коннектикут, и заключены в тюрьму. Девять человек, которые были уволены первыми, немедленно перебежали к врагу, и за ними последовали те из их предполагаемых сообщников, которые впоследствии были освобождены в Коннектикуте. Вполне естественно, что эти действия еще больше ожесточили чувства этих лоялистов по отношению к вигам, и вскоре эффект был замечен в поведении тори и индейцев, время от времени патрулирующих их границы.

Однако на какое-то время вызванные таким образом опасения были развеяны несколькими миролюбивыми посланиями от индейских народов, расположенных глубже во внутренних районах страны, которые прислали группы гонцов с заверениями в стремлении к миру. Но эти заверения были обманчивы. Вместо того чтобы быть посланниками мира, в марте от одного из них, находившегося в состоянии алкогольного опьянения, было выяснено, что их задача состояла в том, чтобы развлекать людей и рассеивать их страхи, пока велись приготовления к нападению на них. Этот индеец и его товарищи-воины были немедленно арестованы и помещены в тюрьму, в то время как женщины из отряда были отправлены обратно с флагом. Тревога была также передана рассеянными и отдаленными поселенцам, некоторые из которых жили в тридцати милях вверх по реке, которые после этого немедленно искали большей безопасности в более густонаселенных городах. В апреле и мае поселения начали подвергаться более серьезному нападению более крупных партий тори и индейцев, которые держались на их границах и совершали частые набеги на них с целью грабежа — отнимая у людей, по мере возможности, живой скот, зерно и другие предметы снабжения. В июне было совершено несколько еще более дерзких убийств. Шестеро из этих жертв были матерью и ее пятеро детей, которые, несомненно, были убиты из-за неправильного представления о ее характере, поскольку эта женщина была женой одного из тори, арестованного в январе. Дома и плантации убитых, конечно, были разграблены, все ценное, что смогли унести мародеры. [FN]

Ближе к концу июня британские офицеры, командовавшие на Ниагаре, решили нанести удар по этим поселениям; с этой целью около трехсот белых мужчин, состоящих частично из регулярных войск, но в основном из лоялистов-беженцев, под командованием полковника Джона Батлера, вместе с примерно пятью сотнями индейцев двинулись в том направлении. Прибыв в Тиога-Пойнт, Батлер и индейские вожди [FN-1] раздобыли поплавки и плоты, на которые погрузили свои войска, и, спустившись по реке Саскуэханна, высадились в месте, называемом Три острова, откуда они прошли около двадцати миль и, пересекши пустыню, вошли в долину Вайоминга через расщелину в горе у ее северной оконечности. [FN-2] 2 июля они без сопротивления овладели двумя небольшими фортами, первый из которых назывался фортом Эксетер. Говорили, что гарнизон состоял в основном из тори, которые предательски сдали его врагу. Другим был форт Лакавана, где враг столкнулся с некоторым сопротивлением. Но вскоре оно было осуществлено, магистрат по имени Дженкинс был убит вместе со своей семьей, а несколько других, в основном женщины и дети, взяты в плен. Один из этих фортов был сожжен. [FN-3] В другом, собственное название которого было Форт Уинтермут, полковник Джон Батлер разместил свою штаб-квартиру.

[FN-1] Трудно с уверенностью установить, из каких племен или наций происходили эти индейцы. Из примечания, сделанного несколькими страницами позже, будет видно, что есть основания предполагать, что они были из Детройта и возглавлялись офицером британской службы. Конечно, среди них не было сколько-нибудь выдающихся вождей.

[FN-2] Вашингтонская жизнь Маршалла.

[FN-3] Летописец.

Жители, получив известие о приближении захватчиков, собрались в укреплениях четырьмя милями ниже, названных фортом Сорок, поскольку в какой-то период предшествующих волнений в Колонии их занимали сорок человек. Полковник Зебулон Батлер, чье имя несколько раз упоминалось в предыдущем обзоре истории Вайоминга, командовал примерно шестьюдесятью регулярными войсками, и теперь он прилагал все усилия, чтобы собрать ополчение поселений. Но в своем официальном донесении он жаловался, что, поскольку женщины и дети бежали в несколько фортов, которых было семь на расстоянии десяти миль вдоль долины, мужчины, которых было слишком много, останутся здесь, чтобы позаботиться о них. Тем не менее, ему удалось собрать около трехсот ополченцев, и 1 июля он начал свой марш навстречу врагу совместно с вышеупомянутыми регулярными войсками под командованием капитана Хьюитта. Во время своего первого наступления они столкнулись с разведкой индейцев, из которых убили двоих. Эти дикари только что убили девять человек, работавших на кукурузном поле. [FN-1] Не имея провизии, полковник Зебулон Батлер [FN-2] был вынужден отступить к форту Сорок, пока его ополчение добывало припасы. 3-го числа они снова собрались, и был созван военный совет. Сразу после того, как стало известно о передвижениях противника в Вайоминге, в штаб генерала Вашингтона были отправлены гонцы за помощью, полковник З. Батлер хотел дождаться подкрепления. Но его офицерам и солдатам не терпелось испытать свои силы. [FN-3] Гонцы отсутствовали уже так долго, что предполагалось, что они были отрезаны, и, следовательно, генерал Вашингтон не знал об их положении. В этом случае никакое подкрепление не могло прибыть к ним вовремя, чтобы

спасти их долину от разорения; и поскольку силы противника с каждым днем увеличивались, было сочтено разумным атаковать его немедленно.

[FN-1] Полковник З. Письмо Батлера.

[FN-2] Необходимо повторить христианские имена обоих дворецких, чтобы избежать путаницы — это фамилии обоих командиров противника.

[FN-3] Маршалл.

Пока этот вопрос обсуждался, прибыли пять офицеров континентальной армии, которые, услышав весть о готовящемся вторжении, отказались от своих чинов и поспешили домой, чтобы защитить свои семьи. Они ничего не слышали о гонцах и намекнули, что нет никакой надежды на скорую помощь. Дискуссии были оживленными; но опасение, что в случае более длительной задержки враг станет слишком силен для них и, таким образом, получит возможность пронестись по их долине и уничтожить их урожай, было настолько сильным, а ополченцы были настолько уверены в возможности встретиться с врагом и победить его, что полковник Батлер уступил и выступил вперед во главе почти четырехсот человек. Полковник Деннистон, его бывший сотрудник в комиссии по охране мира, является его заместителем.

[Ф. Н.] Чэпмен.

Это было сделано для того, чтобы совершить быстрое движение и застать врага врасплох. Приблизившись на расстояние двух миль к форту Уинтермут, [FN-1] небольшая разведывательная группа была выслана вперед для наблюдения. Они убедились, что враг пьянствует в своих хижинах в полной безопасности; но по возвращении им не повезло, и они наткнулись на индейского разведчика, который немедленно выстрелил и поднял тревогу. [FN-2] Провинциалы быстро продвигались вперед; но британцы и индийцы были готовы встретить их — "их линия была сформирована на небольшом расстоянии перед их лагерем, на равнине, поросшей соснами, дубами-кустарниками и подлеском, и простиралась от реки до болота у подножия горы". [FN-3] Оказавшись в поле зрения противника, американцы, которые до этого маршировали единой колонной, мгновенно выстроились в линию равной протяженности и атаковали справа налево одновременно. [FN-4] Правым флангом американцев командовал полковник Зебулон Батлер, в отличие от полковника Джона Батлера, командовавшего левым флангом противника. Полковник Деннисон командовал левым флангом американцев, и ему противостояли индейцы, формировавшие правый фланг противника. [FN-5] Битва началась примерно на расстоянии сорока стержней, без особых ожесточенных боев в начале, поскольку заросли кустарника препятствовали обзору. Ополченцы хорошо выдерживали огонь в течение короткого времени, и по мере того, как они продвигались вперед, справа от противника произошло некоторое отступление. К несчастью, как раз в этот момент в тылу американского левого фланга раздался ужасающий боевой клич индейцев - индейский вождь провел большой отряд своих воинов через болото и преуспел в обходе фланга Деннисона. Одновременно по рядам американцев был открыт сильный и разрушительный огонь; и среди неразберихи полковник Деннисон приказал своим людям *"отступить"*, чтобы избежать окружения и выиграть время, чтобы снова привести своих людей в порядок. Это указание было ошибочно

принято за приказ "отступить", после чего вся линия обороны прорвалась, и все усилия их офицеров восстановить порядок оказались тщетными. На этом этапе сражения, и во время этого сражения, в основном пали американские офицеры. Бегство было всеобщим. Индейцы, побросав ружья, бросились вперед со своими томагавками, производя ужасное опустошение — отвечая топором на крики о пощаде — и добавляя ко всеобщему ужасу те ужасающие вопли, которые придают дикой войне удешаженный ужас. Враг был настолько бдителен в этом кровавом преследовании, что менее шестидесяти американцев избежали либо винтовки, либо томагавка. Из офицеров ополчения погибли один подполковник, один майор и десять капитанов, шесть лейтенантов и два прапорщика. Полковник Дерки и капитаны Хьюитт и Рэнсом также были убиты. Некоторым из беглецов удалось спастись, переплыв реку, а другим — сбежав в горы. Когда весть о поражении распространилась по долине, большая часть женщин и детей, а также те, кто остался позади, чтобы защитить их, также побежали в леса и горы; в то время как те, кто не смог спастись таким образом, искали убежища в Форт-Вайоминге. Индейцы, очевидно, утомленные преследованием и резней, прекратили преследование и отправились забирать добычу побежденных.

[FN-1] Форт был назван так в честь владельца земли, на которой он был построен, и прилегающей территории - выдающегося тори по имени Уинтермут. Он принимал активное участие в разрушении долины и, причинив поселению весь вред, какой только мог, переехал в Канаду. Во время войны с Англией в 1812-15 годах, когда британцы осаждали форт Эри, сын старого мистера Уинтермута, лейтенант вражеской службы, был убит добровольцем из окрестностей Вайоминга. Молодой Уинтермут производил разведку одного из американских пикетов, когда он был сбит упомянутым добровольцем, который нес ту же службу против пикета противника. Доброволец вернулся в форт, принес в качестве трофея оружие и офицерские чины убитого им офицера.

[FN-2] Чэпмен.

[FN-3] Маршалл.

[FN-4] Письмо полковника З. Батлера.

[FN-5] Чэпмен.

Утром 4-го, на следующий день после сражения, полковник Джон Батлер с объединенными британскими и индийскими силами появился перед фортом Вайоминг и потребовал его сдачи. Жители, как внутри форта, так и за его пределами, в этой чрезвычайной ситуации не проявили мужества, став мужественными людьми в невзгодах. Они были настолько запуганы, что сдались без боя; большое количество людей разбежалось, а те, кто остался, чуть ли не предали полковника Зебулона Батлера, своего командира. [FN-1] Британский полковник Батлер прислал несколько флагов, требуя безоговорочной капитуляции своего тезки-противника и немногих еще оставшихся континентальных войск, но предлагая пощадить жителей от их имущества. Но с американским полковником победитель не хотел вести переговоры ни на каких условиях; и вслед за этим народ вынудил полковника Деннисона выполнить условия, от которых отказался его командир. [FN-2] Следствием было то, что полковнику Зебулону Батлеру удалось сбежать из форта с остатками роты регулярных войск капитана Хьюитта, [FN-3] а полковник Деннисон

подписал условия капитуляции. В них оговаривалось, что поселенцы должны быть разоружены, а их гарнизон уничтожен; что все заключенные и общественные запасы должны быть выданы; что собственность "людей, называемых тори", должна быть возвращена, и им должно быть разрешено мирно оставаться на своих фермах. От имени поселенцев было оговорено, что их жизни и имущество должны быть сохранены, и что они должны быть оставлены на своих фермах в неприкосновенности. [FN-4]

[FN-1] Полковник З. Письмо Батлера.

[FN-2] Idem.

[FN-3] Idem.

[FN-4] История Чэпмена.

Однако, к несчастью, британский командующий либо не смог, либо не захотел выполнять условия капитуляции, которые в значительной степени игнорировались как тори, так и индейцами. Вместо того чтобы найти защиту, долина снова была опустошена — дома и постройки были уничтожены пожаром, а страна разграблена. Семьи были распущены и рассеяны, мужчин и их жен разлучили, матерей оторвали от их детей, и некоторые из них были уведены в плен, в то время как гораздо большее число бежало в горы и бродило по дикой местности к более старым поселениям. Некоторые умерли от ран, другие от нужды и усталости, в то время как другие все еще были потеряны в пустыне или о них больше ничего не было слышно. Несколько человек погибли в большом болоте по соседству, которое из-за этого обстоятельства получило название "*Тени смерти*," и сохраняет его по сей день. [FN]

История Чэпмена.

Это были болезненные сцены. Но не похоже, чтобы за капитуляцией последовало что-то вроде резни. [FN-1] Также в событиях предыдущего дня нет веских доказательств совершения каких-либо конкретных актов жестокости, отличных от тех, которые обычны при общем разгроме на поле боя — за исключением только беспрецедентных зверств тори, жаждущих, вероятно, мести в отношении других вопросов, помимо верности королю. [FN-2]

[FN-1] Через несколько страниц мы увидим письмо Уолтера Батлера, написанное от имени его отца, полковника . Джон Батлер, что торжественно отрицается любая резня, за исключением убийства вооруженных людей в открытом поле. Это письмо в защиту дворецких-беженцев было бы приведено здесь, если бы не его связь с делом в Долине Черри.

[FN-2] Действительно, по хладнокровной жестокости, которую можно назвать прямым убийством, в Вайоминге не было ничего, за единственным исключением братоубийства, о котором вскоре будет рассказано, сравнимого с резней мексиканцев в Сан-Хасинто, устроенной *так называемыми* техасскими героями под Хьюстоном.

Кажется, с самого начала в поселениях Вайоминга было необычайно много лоялистов, чьи представления о правовых ограничениях, возникшие из-за предыдущих столкновений жителей, были, конечно, широтными; и их предшествующая резкость не была смягчена попытками вигов удержать их под надлежащим контролем после начала военных действий. Большинство из них, как мы уже видели, вместе с теми, кто был арестован, перешли на сторону врага. Но это были не все дезертиры. После появления врага на границах поселения и перед битвой значительное число жителей вступило в его ряды и проявило примеры самого дикого варварства по отношению к своим бывшим соседям и друзьям. [FN-1] Также никогда не отрицалось, в отношении битвы при Вайоминге, что никто не был более свирепым и жестокосердным - более лишенным безграничного качества милосердия, чем те же самые лоялисты или тори. Пример духа, которым они руководствовались, можно найти в следующем происшествии, которое, из-за своего каиноподобного варварства, достойно повторения. Недалеко от поля битвы находился остров в Саскуэханне, называемый Моноконок, на который несколько беглых ополченцев бежали в целях безопасности, побросав оружие, и переплыли реку. Здесь они, как могли, спрятались в зарослях кустарника. Когда место их отступления было обнаружено, несколько тори последовали за ними; и хотя им пришлось плыть, все же они были так увлечены делом смерти, что им удалось прихватить с собой ружья. Прибыв на остров, они намеренно протерли замки своих ружей, перезарядили их и начали поиски беглецов. Двое из них были скрыты друг от друга, но одному из них удалось спастись. Но, тем не менее, на его долю выпало лицезреть сцену, достаточно болезненную, чтобы заставить самого закоренелого преступника плакать и "краснеть от осознания того, что он мужчина". Один из преследователей наткнулся на своего товарища в частичном укрытии, который оказался его родным братом. Его приветствие было— "Так это ты, не так ли?" Безоружный и беззащитный человек, замеченный таким образом, вышел вперед и упал на колени перед своим братом, умоляя о пощаде, обещая жить с ним и служить ему вечно, если он только сохранит ему жизнь. "Все это очень хорошо, - ответил безжалостный предатель, - но ты чертов мятежник!" — сказав это, он намеренно навел винтовку и застрелил его на месте. [FN-2] Во внутренней войне, отмеченной таким зверством, даже среди тех, кто называет себя цивилизованными, нам подобает остановиться, прежде чем заклеить необразованного дикаря, который сражается по обычаям своего собственного народа, *свсем*, что является отвратительным и жестоким. [FN-3]

[FN-1] Чэпмен.

[FN-2] История Чепмена. из Вайоминга.

[FN-3] Доктор Тэтчер в своем Военном дневнике фиксирует еще большее варварство, совершенное в связи с этим кровавым событием. Он говорит— "Один из заключенных, капитан Бэдлок, был подвергнут пыткам: его тело было утыкано сосновыми сучками, а вокруг него развели костер из сухих дров, после чего двух его товарищей, капитанов Рэнсома и Дерки, бросили в тот же костер и держали вилами, пока они не сгорели. Некто Партиал Терри, сын человека с респектабельной репутацией, вступив в индейскую партию, несколько раз посылал своему отцу весточку, что надеется *омыть руки кровью своего сердца*. Монстр *собственными руками убил своего отца, мать, братьев и сестер, снял с них скальпы и отрубил голову своему отцу!!* Томас Терри *собственными руками зарезал свою собственную мать, своего тестя, своих сестер и их малолетних детей и истребил всю семью!!*" На что достойный

Доктор замечает— "Только в адских областях мы можем искать параллельный пример неестественного зла". Сомнительно, чтобы столь масштабное злодеяние когда-либо совершалось даже там. Безусловно, в Вайоминге ничего подобного не совершалось. Доктор Тэтчер также утверждает, что когда полковник З. Батлер прислал флаг, чтобы предложить условия капитуляции, ответ полковника Дж. Джон Батлер выразился в двух словах — "*Топор войны*". Говоря о моральном и социальном состоянии Вайоминга, он также отмечает, что, если бы не разногласия, вызванные революционной войной, "жители этого уединенного места могли бы жить, наслаждаясь всем тем счастьем, которое проистекает из гармонии и чистейшей естественной привязанности". Посмотрите на десять лет гражданских войн, описанных на предыдущих страницах. Также сообщалось, что человек по имени Томас Хилл собственными руками убил свою мать, своего тестя, своих сестер и их семьи! И такова история! Этими чудовищными преувеличениями были отчеты о битве, впервые опубликованные в Покипси 20 июля, из уст перепуганных беглецов, которые возвращались в Коннектикут,

Необходимо внести еще одно важное исправление в отношении всех дошедших до нас письменных свидетельств об этой битве, даже не исключая последнего исправленного издания "*Жизни Вашингтона*" Главного судьи Маршалла. Это исправление касается имени и справедливой славы Джозефа Бранта, чей характер был очернен всеми позорными последствиями, как реальными, так и воображаемыми, связанными с этой кровавой экспедицией. Был ли капитан Брант когда-либо в составе этой экспедиции, сомнительно; но перед лицом всех исторических авторитетов, британских и американских, несомненно, что в момент его возникновения он был не только не вовлечен в сражение, но и находился на расстоянии многих миль. Таковы были единодушные свидетельства британских офицеров, участвовавших в той экспедиции, и таковыми всегда были слова самого Тайенданеги. Более того, ближе к концу настоящей работы станет ясно, что после публикации "*Гертруды Вайомингской*" Кэмпбелла, в стихотворении которой вождь могавков был назван "*Чудовищем Брантом*", его сын отправился в Англию и в переписке с поэтом успешно защитил память своего отца от клеветы. [FN]

[FN] С момента написания настоящей главы и пока работа находилась на стадии доработки, автор получил письмо от мистера Сэмюэля К. Фрея из Верхней Канады, сына покойного Филипа Р. Фрея, эсквайра. лоялист из округа Трайон, который был прапорщиком в восьмом полку Х. Б.М. и который со своим полком участвовал в кампании и битве при Вайоминге. Филип Р. Фрей, упомянутый прапорщик, умер в Палатине, Монтгомери (бывший Трайон) Округ в 1823 году. Это было его официальное свидетельство о том, что Бранта не было в Вайоминге. Мистер Фрей пишет автору, что в той экспедиции среди индейцев не было известных вождей и что самих индейцев возглавлял из Детройта капитан Берд из восьмого полка. У Берда была любовная интрижка в Детройте, но, будучи очень уродливой, к тому же с заячьей губой, она не увенчалась успехом. Об этом деле стало известно, его товарищи-офицеры повеселились за его счет, и, чтобы заглушить свои горести забвением, он получил разрешение возглавить экспедицию куда-то к американской границе. Присоединив подчиненных ему индейцев и отряд его полка к рейнджерам Батлера, они согласовали наступление на Вайоминг. Энсин Фрей заявил, что он был злым на протяжении всего марша и вел себя в бою с безрассудной отвагой. Далее он заявил, согласно письму его сына, что американский полковник вызвал их на честный полевой бой, и этот вызов был принят. "На следующее утро, около 9 часов, американцы высыпали из

форта численностью около трехсот сорока человек — индейцы отступили за холм — войска с обеих сторон выстроились в боевой порядок и вскоре двинулись в путь; после нескольких выстрелов американский полковник приказал своему барабанщику бить в атаку, барабанщик неправильно понял приказ и начал отступление, американцы немедленно пришли в беспорядок и бросились врассыпную; в тот момент, когда индейцы увидели, что они бегут, они обрушились на них из своих укрытий, так что из трех человек выжило не более сорока. сто сорок.

Действительно, редко случается, чтобы история ошибалась в отношении фактов больше, чем в случае с Вайомингом. Это замечание можно применить почти к каждому автору, который пытался описать события, связанные с вторжением полковника Джона Батлера. Рамзи, Гордон и Маршалл — нет, сами британские историки — написали о грубых преувеличениях. Маршалл, однако, в своем исправленном издании внес исправления и объяснил, как и кем он был введен в заблуждение. Мойотличный друг Чарльз Майнер, эсквайр. долгое время проживавший в Вайоминге, джентльмен с большой буквы и аккуратностью, снабдил биографа Вашингтона правдивым описанием операций, которое он положил в основу краткого отчета, содержащегося в его исправленном издании. Другие писатели, более или менее известные, серьезно описали те же самые вымыслы, добавив, чего следует опасаться, чудовищности, которые даже не были переданы им традицией. Самые грубые из этих преувеличений содержатся в Военном дневнике Тэтчер и Книге Дрейка об индейцах. Рассказ о том, как большой отряд американцев выступил маршем из одного из фортов, чтобы по договоренности провести переговоры, а затем попал в засаду и всех предали смерти, является ложным; рассказ о семидесяти солдатах континентальной армии, зарезанных после капитуляции, также полностью не соответствует действительности. Ни одно регулярное войско не сдалось, и все бежали, кто выжил в битве 3-го. Столь же неправдивой была история о сожжении домов, казарм и фортов, заполненных женщинами и детьми.

В неписаной истории этой битвы рассказывается, что при ней присутствовала знаменитая Катарина Монтур со своими двумя сыновьями; и что она бороздила кровавое поле, как загнанная тигрица, побуждая воинов своей приемной расы к нападению даже в самый жаркий момент битвы. Но, судя по предшествующему характеру этой замечательной женщины, в эту историю вряд ли можно поверить. Она была уроженкой Канады, полукровкой, ее отец был одним из первых губернаторов Франции — вероятно, графом Фронтенаком, поскольку он, должно быть, находился в правительстве этой страны примерно во время ее рождения. Во время войн между Шестью нациями, французами и гурунами Екатерина, когда ей было около десяти лет, попала в плен, была увезена в страну Сенека, усыновлена и воспитывалась как один из их собственных детей. Достигнув подходящего возраста, она вышла замуж за одного из выдающихся вождей своего племени, который проявил себя в войнах Шести наций против катобов, в то время великого народа, жившего к юго-западу от Виргинии. У нее было несколько детей от этого вождя, который пал в битве примерно в 1730 году, после чего она больше не выходила замуж. Говорят, что в молодости она была красивой женщиной, благородной и вежливой в обращении, несмотря на ее связи с индейцами. Ей часто приходилось сопровождать вождей Шести наций в Филадельфию и другие места Пенсильвании, где заключались международные договоры; и благодаря ее характеру и манерам она была очень обласкана американскими леди, особенно в Филадельфии, где ее приглашали дамы из лучших кругов и принимали в их домах. Ее резиденция находилась у истоков озера Сенека. [FN]

[FN] Кэтринстаун — назван так в ее честь. Этот отчет о Кэтрин Монтур в основном взят из "Дневника договора с Шестью нациями" Уитема Марша, состоявшегося в Ланкастере в 1744 году — Видео Мессы. История. Колл. В 1758 году у сэра Уильяма Джонсона на службе был переводчик с индийского, известный как "капитан Монтур". Одного из сыновей Кэтрин звали "капитан", и, вероятно, он был таким же. Традиция на озере Сенека гласит, что Кэтрин Монтур была убита людьми Салливана в 1779 году. Но позже мы увидим, что это было не так.

Некоторые из беглецов из Вайоминга не успели удалиться на много миль от своих заброшенных домов, как встретили отряд континентальных войск, направлявшийся на помощь Колонии. Теперь было уже слишком поздно. Но отряд, тем не менее, оставался в Страудсберге три или четыре недели, к тому времени полковник Зебулон Батлер собрал силы, состоявшие из отбившихся поселенцев и других лиц, с которыми, а также с только что упомянутыми регулярными войсками, он вернулся и вновь овладел Вайомингом — враг отступил вскоре после битвы, — полковник Джон Батлер - Ниагарой, а индейцы - их домами; в то время как Тайенданега по мере возможности покидал свои старые пристанища выше по реке Саскуэханна, в Окваге и Унадиле.

Сразу же после получения катастрофических известий из Вайоминга в континентальном штабе туда был направлен полк полковника Хартли с инструкциями Конгресса оставаться на этой границе до тех пор, пока урожай не будет собран и враг не отступит. К нему присоединились несколько рот ополчения и, среди других офицеров, полковник Деннисон, который при капитуляции Вайоминга обязался больше не служить против королевских войск. Он сопровождал полковника Хартли в экспедиции против нескольких индейских городов вверх по Саскуэханне в направлении Огкваги, несколько из которых были разрушены. Также было взято несколько пленных. Однако оказалось, что противник собирает слишком много сил, чтобы долго оставаться на их территории, и полковник Хартли был вынужден отступить. Была предпринята атака ему в тыл, но нападавшие были отброшены. Полковник Деннисон, несомненно, чувствовал себя вправе нарушить условия Форта Вайоминг из-за того факта, что эти условия не были строго соблюдены тори и индейцами. Но враг не учел этого; и эта экспедиция, или, скорее, поведение полковника Деннисона, впоследствии было использовано как предлог для некоторых инцидентов, связанных с нападением на Вишневу долину.

Полковник Зебулон Батлер построил еще один форт в Вайоминге, который он продолжал занимать до следующего года, когда командование этим регионом перешло к генералу Салливану. Тем временем окраины поселений часто подвергались нападениям со стороны разрозненных отрядов тори и индейцев, которые время от времени совершали убийства или уводили нескольких пленников. Американцы, в свою очередь, убивали каждого индейца, который попадался у них на пути. В марте следующего года форт был окружен силами из двухсот пятидесяти индейцев и замаскированных под них тори. Они атаковали крепость, но бежали после единственного артиллерийского залпа, сжигая все здания, которые были либо заново возведены, либо остались стоять во время предыдущего вторжения. Гарнизон был слишком слаб, чтобы позволить себе преследование. Несколько недель спустя, когда рота континентальных войск под командованием майора Пауэлла приближалась к форту, они были обстреляны из засады отрядом индейцев, проходивших по единственной тропе через труднопроходимое болото. В этой атаке были убиты капитан Дэвис, лейтенант Джонс и четверо рядовых. Отряд со всей возможной поспешностью изготовился к бою; но индейцы бежали после двух или трех выстрелов. Они также не появлялись впоследствии в этом ближайшем

окружении ни на одном последующем этапе революционного противостояния, хотя другие участки границы с Пенсильванией, дальше на юг и запад, время от времени страдали от их набегов, особенно в следующем году, когда Салливан готовился к наступлению в страну Сенека. [FN]

Так заканчивается революционная история Вайоминга. Но из того, что было дано на предыдущих страницах, касающихся истории этой долины и ее междоусобиц до революции, читатель, возможно, почувствует некоторое желание узнать о дальнейшем ходе давно назревавшей земельной распри. После того как индейцы были наказаны, поселенцы вернулись, и долина и ее окрестности снова начали процветать. Пенсильвания снова заявила о своих претензиях; и Конгресс назначил Комиссию, которая собралась в Нью-Джерси, для рассмотрения дела и решения вопроса. Решение было единогласно принято в пользу Пенсильвании. Люди считали, что это решение касалось исключительно юрисдикции, и, понимая это, с радостью согласились с ним. Но возникли новые проблемы. В 1783 году там была расквартирована рота континентальных войск для поддержания мира, и это только усугубило ситуацию — солдаты стали распушенными и властными, а люди были этим чрезвычайно раздражены. Весной 1784 года из-за череды ледяных затонов, образовавшихся на реке, долина была переполнена, и жители были вынуждены бежать в горы в поисках безопасности. Когда лед тронулся, наводнения смыли все, оставив всю долину в еще большем запустении, чем когда-либо. Вскоре после этого старые неприятности вспыхнули с новой силой. Жители отказались подчиняться своим новым хозяевам. Поселенцы Коннектикута схватились за оружие — пенсильванцы послали туда войска — поселенцы Коннектикута осадили форт - произошли беспорядки и стычки, несколько человек были убиты и ранены. Жители Коннектикута были предательски взяты в плен и отправлены в тюрьму. Они сбежали. Из Пенсильвании было направлено подкрепление войск — пролилось еще больше крови. Были предприняты различные попытки урегулировать возникшие трудности. По этому вопросу были назначены уполномоченные, одним из которых был Тимоти Пикеринг. Его насильно схватили и увезли в плен. Его история написана им самим и полна интереса. Эти трудности продолжались с ощущением самых ожесточенных разногласий в течение десяти лет, прежде чем между сторонами был достигнут компромисс, так что они уладили дело миром. Сейчас это богатое и процветающее графство, которое можно назвать Раем Пенсильвании.

ГЛАВА XVI.

Эвакуация Филадельфии сэром Генри Клинтоном — За ней через Нью-Джерси следует Вашингтон — Битва при Монмуте — Поведение и арест генерала Ли — Отступление противника — Прибытие французского флота — Совместное нападение американцев и французов на британскую армию Род-Айленда — Британский флот спасается от графа Д'Эстена — Битва при Род-Айленде — Провал экспедиции — Запланированные кампании против индейцев — Капитаны Пайп и Уайтсайз — М^{сн}Ки и Герти — Генералу М^{сн}Интош отдан приказ атаковать города Сандаски — Вторжение о Бранте в Коблскилл — О М.^кДональде в поселениях Шохари — Малодушие полковника Врумана — Храбрость полковника Харпера — Его экспедиция в Олбани — Пленение мистера Сойера — Убивает шестерых индейцев и сбегает — Полковник Уильям Батлер отправляется в Шохари — Стрелковый корпус Моргана — Дерзкие приключения Мерфи и Элерсона — Смерть на службе, известного тори — Последующие приключения Мерфи — Дела в форте Шайлер — Тревожное количество дезертирств — Разрушение Андрос-тауна индейцами — Пожар на немецких равнинах — Экспедиция полковника Уильяма Батлера из Шохари в Унадиллу и Огкwaгу.

Как только Великобритания узнала о союзе между Францией и ее восставшими колониями, было решено эвакуировать Филадельфию и сосредоточить королевскую армию в Нью-Йорке. Соответственно, 18 июня британские войска пересекли Делавер в Нью-Джерси и начали свой марш на Нью-Йорк, поднявшись по восточному берегу реки к Аллентауну, а оттуда по нижней дороге, ведущей через Монмут к Сэнди-Хуку. Генерал Вашингтон, предвидя это движение, ранее выделил дивизию армии под командованием генерала Максвелла, чтобы воспрепятствовать маршу противника. Было известно, что генерал Гейтс приближается со своей армией с Севера, и как только стало известно о передвижениях противника, генерал Уэйн был отправлен с тысячей отборных людей для укрепления позиций. Маркизу де Лафайету было приказано принять командование всеми силами, высланными таким образом заранее, в то время как сам Вашингтон быстро продвигался вперед с основной армией. В его планы входило организовать общее и, по возможности, решающее сражение. Результатом его действий с этой целью стало сражение при Монмуте, состоявшееся 28 июня. Диспозиция для этого сражения была превосходно подготовлена в ночь на 27-е, позиция противника была такова, что обеспечивала наилучшие преимущества для атаки в его тыл в тот момент, когда он должен был начать движение. Таковы были намерения главнокомандующего, о них было сообщено генералу Ли, которому было приказано соответствующим образом распределить свои силы и держать свои войска с оружием в руках в готовности к немедленному уведомлению. В пять утра 28-го было замечено, что фронт противника пришел в движение, и генералу Ли был немедленно отправлен приказ двигаться дальше и атаковать, "если только не будет очень веских причин для обратного". Ли также сообщили, что Вашингтон сам продвигается вперед, чтобы поддержать его. Пройдя около пяти миль, "к великому удивлению и огорчению" главнокомандующего, он встретил весь передовой корпус, отступавший по приказу Ли, "не оказав никакого сопротивления, за исключением одного выстрела, данного отрядом под командованием полковника Батлера, когда они были атакованы кавалерией противника, которая была отброшена". [FN-1] Ли получил резкий выговор и был помещен под арест. Поспешив в тыл отступающему корпусу, который главнокомандующий обнаружил плотно прижатым противником, он остановил их бегство, переформировал их и с помощью нескольких хорошо отработанных артиллерийских орудий сразу же остановил продвижение противника и выиграл время для того, чтобы произвести такую диспозицию, какой требовала непредвиденная чрезвычайная ситуация. Сражение вскоре приобрело всеобщий характер и упорно

продолжалось в различных точках в течение всего дня, до наступления темноты; сэр Генри Клинтон и генерал Вашингтон лично возглавляли свои армии. Однако из-за неправильного поведения Ли и ошибки генерала Скотта утром преимущества были утрачены, что полностью изменило взгляды главнокомандующего и лишило американское оружие победы, которая была почти несомненной. Тем не менее, успех того дня был настолько велик, что, перестав быть преследуемыми, "американцы отбросили врага назад по земле, по которой они шли, вернули себе поле боя и завладели своими убитыми. Но поскольку они отступили за очень труднопроходимое болото и прикрыли оба фланга густым лесом, для американцев, падающих в обморок от усталости, жары и нехватки воды, было сочтено невозможным предпринимать что-либо еще в ту ночь ". [FN-2]

[FN-1] Письмо Вашингтона президенту Конгресса, 1 июля 1778 г.

[FN-2] Письмо Вашингтона своему брату, Джону Огастину Вашингтону, 4 июля 1778г.

Обе армии расположились лагерем в поле и лежали, опершись на оружие; сам Вашингтон спал, завернувшись в плащ, под деревом среди своих солдат. Его намерение состояло в том, чтобы возобновить и закончить битву на следующее утро, не сомневаясь в исходе. Действительно, результат боя того дня был справедливо расценен американскими офицерами как победа, и, если бы не поведение Ли утром, это, несомненно, было бы решающим. [FN-1] Но намерение главнокомандующего возобновить сражение было сорвано тихим полуночным отступлением противника — действительно, настолько тихим, что о его отходе стало известно только утром. [FN-2] Совокупность различных обстоятельств сделала преследование американцев нецелесообразным; среди главных из которых были чрезвычайная жара, усталость армии от марша по глубокой песчаной местности, почти полностью лишенной воды, и расстояние, которое враг преодолел своим полуночным маршем. Считалось, что преследование не достигнет никакой ценной цели и, безусловно, будет фатальным для большого числа людей, некоторые из которых погибли от жары накануне. [FN-3] Вслед за этим американский командующий отвел свою армию к Гудзону, переправился через реку и снова разместил свою штаб-квартиру в Уайт-Плейнс. Тем временем сэр Генри Клинтон проследовал в Сэнди-Хук, а оттуда переправил свои войска в Нью-Йорк. Потери американцев в этом сражении составили восемь офицеров и шестьдесят один рядовой убитыми и сто шестьдесят ранеными. У противника было триста шестьдесят восемь убитых, раненых и пропавших без вести и около ста взятых в плен. Одна тысяча их солдат дезертировала на марше. Обе стороны заявили о победе, которая на самом деле не была одержана ни одной из них. Преимущество в начале дня было на стороне британцев; во второй половине - на стороне американцев. Более того, скрытное отступление первых, прикрытое темнотой, не оставляло сомнений относительно того, какая армия была лучше всего подготовлена к возобновлению конфликта с возвращением дневного света.

[FN-1] В письме генералу Гансворту от полковника Уиллетта, который находился с визитом в штаб-квартире во время битвы при Монмуте, полковник говорит: "Я имел удовольствие видеть, как американская армия под командованием великого генерала Вашингтона одержала победу

над надменными британцами в битве при Монмуте. Акция была грандиозной и закончилась великолепно". — *МИСС письмо полковника. Уиллетт*.

[FN-2] В своих депешах своему правительству сэр Генри Клинтон заявил, что он воспользовался лунным светом во время своего отступления, хотя на самом деле он начал отступление только через несколько часов после захода луны. В ходе переписки следующей весной между губернатором Уильямом Ливингстоном и сэром Генри губернатор подшучивал над ним по поводу его уединения при лунном свете. Эта переписка была резкой с обеих сторон. Губернатор Ливингстон написал сэру Генри, что он получил неоспоримые доказательства того, что британский генерал предложил крупную сумму денег жителю Нью-Джерси за его убийство, (губернатор Л.) Сэр Генри в резких выражениях отверг это обвинение, заявив, что если бы он "был способен вынашивать такую позорную идею, как убийство, он не стал бы очернять себя таким грязным преступлением ради достижения столь ничтожной цели". Клинтон был явно раздражен и, судя по грубости его языка, предоставил губернатору Ливингстону решительное преимущество в своем ответе, который был в равной степени достойным и суровым. — *Смотрите "Летописец Алмона", т. vi. стр. 279, 281.*

[FN-3] Письмо Вашингтона президенту Конгресса.

Французский флот под командованием графа Д'Эстена, состоящий из двенадцати линейных кораблей и шести фрегатов, имея на борту четыре тысячи военнослужащих, прибыл к берегам Виргинии около 1 июля. План французского командующего состоял в том, чтобы вступить в бой с британской эскадрой в Чесапике. Но, к сожалению, последняя отплыла в Нью-Йорк за несколько дней до этого. Граф последовал туда за британским адмиралом, но заграждение Нью-Йоркской гавани не позволило войти его тяжелым кораблям. Нападение на Нью-Йорк, таким образом, оказалось невыполнимым, и по совету генерала Вашингтона было решено предпринять попытку нападения на Род-Айленд, который в то время занимали шеститысячные британские войска под командованием генерал-майора сэра Роберта Пиготта. Генерал Салливан с армией в десять тысяч человек находился в окрестностях Провиденса, граф Д'Эстен прибыл из Ньюпорта 25 июля, и вскоре между генералом Салливаном и им самим были согласованы меры по совместному нападению на город Ньюпорт с суши и моря. Штурм должен был состояться 9 августа, для чего Салливан двинулся к Тивертону, где к нему присоединился генерал Грин, и военные корабли вошли в ла-манш. Но поскольку ополчение не присоединилось к регулярным войскам так быстро, как ожидалось, генерал Салливан счел необходимым отложить атаку на день или два. Тем временем из гавани появился лорд Хоу с британским флотом, и граф Д'Эстен немедленно вышел в море, чтобы вступить с ним в бой. Когда французский флот получил метеометр, британский адмирал снялся с якоря и вышел в море, сопровождаемый графом. Шторм разделил флоты, так что сражения не состоялось; и по возвращении в порт 19-го числа граф Д'Эстен счел необходимым отправиться в Бостон для переоборудования. Однако во время отсутствия графа, преследуя лорда Хоу, генерал Салливан переправился на остров и 15-го числа осадил город Ньюпорт. Но когда французский адмирал отбыл в Бостон, ополченцы, разочарованные и обескураженные тем, что их таким образом бросили союзники, оставили службу в таком количестве, что Салливан был вынужден снять осаду и ретироваться. Его преследовали на расстоянии мили к северу от Квакер-Хилл, где 29 августа произошла битва при Род-Айленде. Это был острый и упорный получасовой бой, в конце которого противник уступил и отступил. Потери американцев составили двести одиннадцать. Потери противника - двести шестьдесят. Вскоре после этого, убедившись, что из Нью-Йорка на

помощь генералу Пиготту прибывают сильные подкрепления, Салливан немедленно принял решение эвакуировать остров. Это решение было приведено в исполнение ночью 30—го - к величайшему счастью, как показали события, ибо уже на следующий день сэр Генри Клинтон прибыл в Ньюпорт с четырьмя тысячами солдат, подкрепление которых, несомненно, позволило бы врагу отрезать американцам путь к отступлению.

Одно из самых блестящих дел во время этой экспедиции совершил полковник Джон Трамбалл, который в то время служил волонтером под командованием Салливана — как будет видно из мемуаров полковника, которые будут опубликованы.

В сентябре, после возвращения британских войск в Нью-Йорк, сильные дивизии двинулись на север по обе стороны реки Гудзон. Отрядом одного из них под командованием генерала Грея полк американской кавалерии под командованием полковника Бейлора был застигнут врасплох, когда спал в Таппане, и почти полностью отрезан. Враг бросился на спящих солдат, насчитывая сто четыре рядовых со штыками. Потери убитыми, ранеными и взятыми в плен составили шестьдесят четыре человека. Этот подвиг был очень похож на подвиг паоли под командованием того же генерала годом ранее.

Вследствие того, что индейцы очень широко проявляли враждебный дух — великие западные племена становились все более и более беспокойными, — в начале июня, непосредственно перед событиями в Вайоминге, Конгресс принял решение о более масштабной и решительной кампании против них. Это, действительно, стало еще более необходимым из-за воинственных настроений делаваров и шаванцев, населяющих территорию, ныне образующую штат Огайо. В начале войны *Кокетагейлон*, вождь делаваров, обычно известный как капитан *Белоглазый*, верный друг Колоний, преуспел в том, чтобы помешать своему народу поднять на них топор войны в противовес взглядам своего вождя-соперника, капитана *Пайпа*. Но весной нынешнего года политика последних почти восторжествовала благодаря мстительным махинациям трех знаменитых лоялистов по имени *М.^к Ку*, *Эллиот* и *Саймон Герти*, которые были заключены в тюрьму в Питтсбурге как тори; но которые, совершив побег, пересекли индейские земли до Детройта, по пути заявляя, что американцы решили их уничтожить и что их единственный шанс на спасение - поддержать дело короны и сражаться. Воспользовавшись волнением, вызванным этими беглецами, [FN-1] капитан Пайп собрал большое количество своих воинов и объявил "врагом своей страны каждого, кто должен пытаться убедить их не сражаться с американцами, и объявил, что все такие, несомненно, должны быть преданы смерти". Но Белоглазый ни в коем случае не бездействовал в своих усилиях по сохранению мира. Собрав людей своего племени, он обратился к ним с большой серьезностью и пафосом. Заметив, что некоторые из его воинов готовятся взяться за топор войны, он решительно предостерег их от такого поступка, который, в конце концов, мог принести им только верную гибель. И все же, если они считали, что он ошибается, если они были склонны больше доверять рассказам тех, кого он знал как беглецов, чем ему самому, они не должны были выходить без него. "Но он не пошел бы с ними, как охотник на медведей, который натравливает собак на животное, чтобы его били лапами, в то время как сам держится на безопасном расстоянии. Нет! Он поведет их вперед, встанет перед ними и будет первым, кто падет. Им только нужно было решить, что они намерены делать. Что же касается его собственного разума, то он был полностью настроен на то, чтобы не пережить

свою нацию. И он не хотел бы провести остаток жалкой жизни, оплакивая полное уничтожение храброго народа, который заслуживал лучшей участи". [FN-2]

[FN-1] Имена этих людей будут часто повторяться в последующих томах этого труда в связи с войнами с индейцами 1789-1794 годов.

[FN-2] Книга Дрейка об индейцах.

Совет Белоглазого, подкрепленный примирительным посланием, которое было получено как раз вовремя от американцев, на данный момент возобладал, и делавары пришли к единодушному решению последовать его совету, и только его. Воспользовавшись моментом успеха, Белоглазый немедленно отправил следующее энергичное письмо шаванцам из Сциото, которых также посетили М.^кКи, Эллиот и Герти.

"Внуки, вы, жители ШАВАНА: Несколько дней назад стая птиц, прилетевшая с Востока, приземлилась в Гошочкинге, навязав нам свою песню, которая едва не привела к нашей гибели. Если эти птицы, которые, покинув нас, улетели в сторону Сциото, попытаются навязать вам свою песню, не слушайте их, ибо они лгут".

Но враждебные действия этих людей были приостановлены лишь на короткое время, и это стало необходимым для более длительных и эффективных операций почти против всей расы. [FN-1] В проекте Конгресса, о котором уже говорилось, предполагалось, что одна экспедиция двинется на Детройт, в то время как генералу Гейтсу в резолюции было поручено сотрудничать с этой экспедицией, переноса войну в страну Сенека, а также изгнать врага из Освиго, если его обнаружат на этом посту. Оказывается, что в самый момент вторжения в Вайоминг в Филадельфии находилась делегация вождей племени Сенека; но поскольку они отбыли, не связавшись с правительством, Конгресс принял резолюцию немедленно по получении полковника З. Деша Батлера, предписывающие Военному совету послать за вождями и выяснить у них, в каком характере и с какими целями они совершили упомянутый визит; а также выяснить, не участвовали ли воины Сенека в военных действиях против Соединенных Штатов. 16 июля была получена информация о том, что командиры отказались возвращаться, и генералу Шайлеру были предложены инструкции, предписывающие ему перехватить и задержать их в Олбани. Предложение было отклонено; но 25 июля, когда Конгресс удостоверился, что сенека действительно участвовали во вторжении в Вайоминг, "которому помогали тори и другие бандиты с границ Нью-Йорка, Нью-Джерси и Пенсильвании", было решено, что экспедиция против врагов Шести наций должна быть отправлена со всей возможной поспешностью. Тем временем, однако, из-за дороговизны предприятия экспедиция против Детройта была неохотно прекращена; но вместо этого генералу М.^сИнтошу, командующему западным департаментом, было приказано выступить из Питтсбурга против тех индийских городов, разрушение которых, по его мнению, наиболее эффективно привело бы к запугиванию и наказанию индейцев. [FN-2] М.^сIntosh находился в Питтсбурге ранней весной и с небольшим отрядом регулярных войск и ополченцев спустился по реке Огайо примерно на тридцать миль и воздвиг форт, названный его собственным именем, в Бивертауне. Это было небольшое сооружение, построенное из прочных частоколов и снабженное бастионами, на каждом из которых было установлено по одному шестифунтовому орудью. Ситуация была выбрана удачно, как точка, предоставляющая

наилучшие возможности для перехвата боевых отрядов западных индейцев во время их частых враждебных вторжений в текущем году.

[FN-1] Действительно, шаванцы не были особенно спокойны до визита М.^кКи, Эллиота и Герти, поскольку они в течение нескольких лет вели грабительскую войну против знаменитого полковника Дэниела Буна и его отважных спутников, почти с того дня, как они появились на берегах Огайо со своими семьями в 1773 году, когда началось заселение нынешней территории Кентукки. Бун участвовал вместе с лордом Данмором в его войне против шаванцев в 1774 году. В следующем году на него напали в Бунсборо, его главном поселении; и на протяжении всех 1776 и 1777 годов дикари активно вели военные действия против наступающих колонистов. В одном из предыдущих сражений Бун потерял сына. После этого пал второй сын, а его дочь была взята в плен, но храбро спасена рыцарственным отцом. В апреле 1777 года индейцы так разделили свои силы, что обрушились сразу на все зарождающиеся поселения, и только их маленькие форты спасли людей от уничтожения. 15 апреля Бунсборо подвергся нападению ста индейцев, и тогда жители серьезно пострадали. 19-го числа форт полковника Логана был атакован силами двухсот индейцев, но они были отбиты гарнизоном, состоявшим всего из тринадцати человек, двое из которых были убиты. Из Вирджинии прибывало подкрепление, стычки стали почти ежедневными. В феврале текущего года (1778) Бунсборо снова подвергся нападению, а сам доблестный полковник был взят в плен. Сначала его отвезли в Чиликот, а оттуда в Детройт, где полковник Гамильтон, губернатор, гуманно обошелся с ним, предложив индейцам 100 фунтов стерлингов, если они передадут его в его руки, чтобы он мог освободить его под честное слово. Но, проникнувшись сильной привязанностью к своему самому хитрому и успешному врагу, индейцы отклонили это предложение. Забрав его обратно в Чиликот, полковник был должным образом принят в одну из семей Шаванцев как сын, к которому его новые родители сильно привязались. Вскоре он завоевал их доверие до такой степени, что они позволили ему уходить и охотиться одному. Убедившись, однако, что они замышляют еще одно нападение на Бунсборо, он скрылся и, ускользнув от преследования, добрался до своего дома 20 июня.

[FN-2] Журналы Конгресса, том iv. страницы, 343, 398, 415, 427.

Эта экспедиция, несомненно, была признана более важной из-за растущей дерзости индейцев на границе Огайо и Вирджинии, ныне образующих штат Кентукки. В августе полковник Бун повел небольшой отряд из девятнадцати человек против одного из индейских городков на реке Сьото, не доходя до которого, он встретился с отрядом из сорока индейцев, направлявшихся в Бунсборо, и рассеял его. Полковник обнаружил, что городок у Пойнт-Крик опустел, и узнал, что все их силы двинулись против его собственного поселения, для защиты которого он был вынужден поспешить обратно. К счастью, он опередил их прибытие на несколько часов и смог подготовить свой маленький гарнизон к обороне. 8 августа индейцы численностью около четырехсот пятидесяти человек прибыли к форту, возглавляемые, помимо своих собственных вождей, капитаном Дюкеном и одиннадцатью другими канадскими французами, гарнизон был официально призван к сдаче, на что был категорически отклонен. Затем осаждающие предложили мирный договор и присоединились к нему; индейцы потребовали, чтобы к ним были направлены девять человек в качестве переговорщиков. Но это движение оказалось уловкой, с помощью которой они надеялись получить доступ к форту. Попытка схватить и увести девятерых участников переговоров, к счастью, безуспешная, раскрыла их коварный замысел.

Затем осаждающие попытались обычным способом подойти к берегу реки с помощью минирования; но, обнаружив, что гарнизон разгадал их цель и был занят контрминированием, осада была снята 20 августа. Потери противника составили тридцать семь человек убитыми и гораздо большее число ранеными. Потери гарнизона составили всего два человека убитыми и четверо ранеными.

Но, как мы видели, экспедиция генерала М.^еВ Европу, санкционированная недавно процитированным решением Конгресса, была специально направлена против городов Сандаски. Им командовал сам генерал, и он состоял из тысячи человек; но таковы были задержки с доставкой его пешим порядком, что офицеры, прибыв в Тускараву, сочли неосмотрительным двигаться дальше в такое позднее время года. Поэтому они остановились в этом месте и построили форт Лоуренс, в котором М^еИнтош оставил гарнизон из ста пятидесяти человек под командованием полковника Джона Гибсона, а сам вернулся на зиму в форт Питт.
[FN]

[Ф.Н.] "Войны с индейцами" Доддриджа.

С этими отдаленными операциями в Индии летом 1778 года была связана одна операция, в равной степени отличавшаяся смелостью замысла и блестящим исполнением. Растущая враждебность отдаленных племен, живущих на берегах Миссисипи и ее притоков, вызвала убеждение, что на их умы, должно быть, оказали сильное влияние поселения, основанные задолго до этого французами в Каскаскиасе и в верховьях Миссисипи в связи с Канадой. С целью немедленного устранения корня зла в начале сезона была организована экспедиция, целью которой было вторгнуться в эти поселения и завладеть ими. Командование было поручено полковнику Джорджу Роджерсу Кларку из Виргинии, смелому и опытному офицеру пограничной службы, и все его силы, которым предстояло преодолеть тысячу двести миль по дикой местности, которая фактически была территорией противника, не превышали двухсот человек. Место встречи этой маленькой армии было в великой Канхаве, где перед отправкой они были атакованы превосходящими силами индейцев. Но, обнаружив, что они не смогли произвести никакого впечатления на форт, нападавшие отступили, убив всего одного человека и ранив еще одного или двух. Спустившись к водопаду Огайо, на этом месте был возведен небольшой форт, в котором остался гарнизон из десяти или двенадцати семей. Прибыв примерно в шестидесяти милях от устья Огайо, войска были высажены и, имея провизию всего на четыре дня, двинулись маршем к Иллинойсу. Они достигли окрестностей Каскаскиаса в полночь шестого дня, после двухдневного марша без еды, и решили немедленно и единодушно взять город или погибнуть при попытке. Город был сильно укреплен и насчитывал около двухсот пятидесяти хорошо построенных домов; но о приближении захватчиков никто не знал; жители и гарнизон одинаково спокойно дремали; и город, и форт были взяты — последний был захвачен врасплох, хотя оборона была достаточно сильной, чтобы противостоять тысяче человек. Командующий офицер Филип Рошблав был взят в плен; и среди его бумаг, попавших в руки полковника Кларка, были инструкции, которые он время от времени получал от британских губернаторов Квебека, Детройта и Мичилимакинака, призывавшие его стимулировать индейцев к войне, предлагая большие вознаграждения за скальпы. Рошблэва отправили заключенным в Уильямсбург в Виргинии, и вместе с ним были отправлены бумаги, изъятые из его портфеля.

На следующий день после падения Каскаскиаса капитан Джозеф Боумен во главе тридцати всадников был послан атаковать три других города на Миссисипи, первый из которых, под названием Паррадеруски, расположенный в пятнадцати милях от Каскаскиаса, был застигнут врасплох и взят без сопротивления — жители сразу согласились на условия завоевателя. Следующим городом был Сент-Филипс, расположенный в девяти милях отсюда. Силы капитана Боумена были так малы, что он благоразумно решил спуститься на Сент-Филипс ночью, чтобы скрыть свою силу, или, скорее, слабость. Эта предосторожность обеспечила успех, и жители, с которыми ночью велись все переговоры, согласились на предписанные условия. Из Сент-Филипса капитан Боумен взял курс на еще более значительный город Каухоу, расположенный на расстоянии от сорока до пятидесяти миль. В этом городе проживало около ста семей, к нему также тайно приблизились и вошли ночью. Капитан Боумен со своим отрядом поскакал прямо в апартаменты командира и потребовал сдачи себя и всего города, что было немедленно выполнено. Завладев большим каменным домом, хорошо укрепленным, "отважный драгун" немедленно разместился в нем и ждал утреннего рассвета, который должен был показать народу, каким ничтожным силам они сдались. Разгневанный этим открытием, один из врагов пригрозил двинуть отряд из ста пятидесяти индейцев против маленькой американской эскадры и отрезать их. Но он был взят под стражу, и в течение десяти дней свыше трехсот жителей настолько примирились со сменой хозяев, что принесли присягу на верность Соединенным Штатам. Оставив небольшую охрану в Каухау, капитан Боумен вернулся в Каскаскиас. [FN]

Факты, связанные с этой экспедицией полковника Кларка, взяты из письма капитана Боумена полковнику Джону Хайту из Вирджинии. См. "Американский летописец" Алмона, том vi. стр. 82, 83. Захваченные таким образом поселения были немедленно преобразованы Вирджинией в округ под названием Иллинойс.

Но враг на границах Нью-Йорка отнюдь не бездействовал. В дополнение к серьезному инциденту в поселении Коблскилл, в котором капитан Кристиан Браун был лидером американского ополчения и небольшого отряда регулярных войск, как отмечалось в предпоследней главе, большая банда индейцев и тори под предводительством Бранта и Барента Фреев ворвалась в тот же район в конце мая и нанесла немалый ущерб, уничтожив как людей, так и имущество. Их встретил капитан Патрик из полка полковника Олдена и горстка солдат, которые были полностью разбиты. Капитан Патрик пал в начале боя. Его лейтенант, капрал, и девятнадцать человек также были убиты. Затем командование перешло к сержанту, который храбро сражался, как и все остальные. Но они были окружены силами, значительно превосходящими их по численности, и только четыре человека, не считая сержанта, спаслись бегством — все раненые. Тела Патрика и его лейтенанта были шокирующе изуродованы. Часть поселения была сожжена, и поселение Терлок, расположенное в том же районе, также было разорено. [FN]

[FN] Единственный отчет об этом деле, который удалось обнаружить автору, был случайно найден среди бумаг генерала Гансворта после того, как была напечатана четырнадцатая глава. Это содержится в письме полковника Ричарда Варика полковнику Гансворту, датированном Скенектади 3 июня 1778 года, в котором говорится, что вторжение произошло в предыдущую субботу. Если бы это письмо было обнаружено раньше, инцидент был бы изложен в более

точном хронологическом порядке, поскольку дело, в котором американским командиром был капитан Браун, произошло, как описано в четырнадцатой главе из рассказа Брауна, более месяца спустя.

И это было не все. В течение лета, и, вероятно, примерно во время экспедиции полковника Хартли в местность выше Вайоминга, один из М.^к Дональдов, бежавший из Джонстауна, лоялистский офицер, отличавшийся своей активностью, внезапно вторгся в поселения Шохари во главе примерно трехсот тори и индейцев, сжигая дома, убивая и беря в плен тех жителей, которые попадались ему на пути и не могли спастись бегством. Маленькая крепость Шохари была занята небольшим гарнизоном под командованием полковника Врумана — одного из тех людей, которых, хотя они и офицеры, наверняка никогда не назовут солдатами. Они видели опустошительные действия врага — ночные пожары делали видимыми акты насилия, совершенные днем, — но из-за собственной слабости не осмеливались выступить вперед или оказать показное сопротивление. Храбрый полковник Харпер находился в форте вместе с Вруманом и был мало доволен поведением этого офицера. Поэтому, сам покинув форт, он сумел пробиться сквозь ряды противника, вскочил на коня и экспресс-курьером направился в Олбани. Его передвижение было обнаружено, и несколько тори и индейцев были отправлены в погоню. Они настигли его ночью в гостинице на Фокс-Крик, после того как он лег спать. Услышав шум внизу, полковник вскочил в полном вооружении, и когда они взломали дверь, которую он запер, он протянул им руки с такой серьезностью, что они отшатнулись. Простояв на страже до рассвета, он снова сумел сесть на лошадь и ускорился. Один из индейцев преследовал его почти до Олбани — полковнику часто приходилось оборачиваться на своего смуглого преследователя, который так же часто обращался в бегство, как только обнаруживалась его погоня. После того как полковнику Гансворту сообщили о положении дел в долине Шохари, на помощь им был немедленно направлен кавалерийский эскадрон. Отряд скакал всю ночь, и рано утром следующего дня, к великой радости оставшихся в живых перепуганных жителей, топот копыт возвестил о приближении подмоги. Не успели бойцы легкой кавалерии объявить атаку и броситься на осаждающих во главе с Харпером, как войска сделали вылазку из форта, следствием чего стало поспешное отступление противника. [FN]

Письмо преподобного мистера Фенна из Харперсфилда.

Летом жители Шохари сильно пострадали от вражеских разведчиков и отрядов охотников за скальпами, но их храбрость в индивидуальных схватках с лихвой искупила причиненные им обиды. Однажды отряд из семи индейцев взял в плен некоего мистера Сойера, которого они связали и ушли в пустыню. Пройдя восемь или десять миль, они улеглись спать на ночь. Но их пленник был менее надежно защищен, чем они предполагали. В течение ночи ему удалось высвободить руки и, осторожно сняв топорик с пояса одного из индейцев, он быстро уложил шестерых из них и ранил седьмого, которому удалось скрыться. Освободившись таким образом от своих охранников, Сойер вернулся домой в безопасности и на досуге. [FN]

[FN] Анналы Кэмпбелла.

Вскоре после битвы при Монмуте подполковник Уильям Батлер с одним из пенсильванских полков и отрядом стрелков Моргана получил приказ выступить на Север и дислоцироваться в Шохари. Батлер был храбрым и опытным офицером, особенно подходящим для службы, на которую он был назначен. Его прибытие в Шохари произвело благотворный эффект, обескуражив недовольных и благодаря присутствию более сильных сил, чем когда-либо были среди них, что вселило уверенность и возродило дух людей. Несколько его разведывательных групп также вернулись с большим успехом. При стрелковом корпусе под командованием капитана Лонга было несколько отважных бойцов, которые так сильно проявили себя в партизанской войне, в которой они участвовали, что многие из их подвигов до сих пор свежи в памяти жителей Шохари. Среди них были Дэвид Элерсон и житель Вирджинии по имени Мерфи. Первая экспедиция капитана Лонга была направлена в долину реки Шарлотт - одного из верхних притоков Саскуэханны, стекающего с гор к югу от Шохари. Цель состояла в том, чтобы арестовать и доставить в форт известного тори, живущего на берегу этого ручья, по имени Сервис. Поскольку его дом был местом встреч и снабжения тори и индийских скаутов, было желательно, чтобы он был разрушен. По пути к месту назначения капитану Лонгу посчастливилось перехватить роту тори, зачисленных на королевскую службу, в окрестностях Катскилла капитаном Смитом, которые в то время направлялись присоединиться к сэру Джону Джонсону на Ниагаре. Смит был убит одновременными выстрелами Элерсона и его капитана — они были на несколько шагов впереди в тот момент, когда лидер Тори появился во главе своих людей из зарослей. Его последователи бросились врассыпную. Они намеревались провести ту ночь со Слугами, но у этого несчастного были гости совсем другого свойства. Пока он не подозревал об опасности, его дом был окружен войсками Лонга, когда в одно мгновение в него ворвались Мерфи и Элерсон и взяли его в плен. Получив сообщение, что он должен сопровождать их в Шохари, он, выйдя из своего дома, схватил топор, стоявший у двери, занес его и занес для удара по голове Мерфи. Последний был слишком зорек, чтобы попасть в цель; но когда он отскочил в сторону, чтобы избежать опускающегося оружия, Сервис пал замертво от выстрела из винтовки Элерсона.

Письмо Вашингтона генералу Старку.

По истечении срока его службы. Мерфи остался в Шохари и повоевал за свой счет. Он отличался такой же быстротой, как и храбростью и большой точностью стрельбы. Он пользовался двуствольным ружьем; и тот факт, что он часто стрелял два раза подряд, не останавливаясь для заряжания, и всегда сбивал своего человека, наводил ужас на индейцев. Не зная особой конструкции его винтовки, они были убеждены, что это зачарованное оружие, и предположили, что он может продолжать стрелять так долго и так часто, как ему заблагорассудится, вообще не заряжаясь. Он сражался с дикарями на их собственный манер — был более чем равен им в военной хитрости или с помощью каблуков, — и чем большей очевидной опасности он подвергался, тем больше было его восхищения. Когда у него была возможность, он по примеру индейцев снимал скальпы с тех, кто пал от его безошибочной меткости; и говорили, что он убил сорок их воинов собственными руками.

Полковник Гансворт все еще оставался командующим фортом Шайлер и оставался там почти целый год, хотя Уиллетт и другие его офицеры, утомленные бездействием, предприняли решительные и официальные усилия, чтобы их полк получил возможность отличиться на поле

боя вместе с основной армией. В форте Шайлер им нечем было больше заняться, кроме как наблюдать за передвижениями противника на озерах и реке Святого Лаврентия, а также наблюдать за вражеским отрядом и время от времени отсекал его, когда тот осмеливался приблизиться слишком близко к гарнизону. Но из переписки офицеров следует, что войска гарнизона, должно быть, больше всего страдали от этого мелкого способа ведения войны, поскольку враг, казалось, постоянно маячил на территории, готовый сбить с ног или увести в плен тех отставших солдат, которые отваживались приблизиться к форту на расстояние мушкетного выстрела. [FN]

[FN] В качестве примера этих индивидуальных убийств следующий отрывок скопирован из письма майора Роберта Кокрэна полковнику Гансворту, датированного 8 сентября 1778 года. Во время случайных отлучек полковника Гансворта постом командовал майор Кокран: "Этим утром Бенджамин Акер из роты капитана Де Витта, находившийся на лугу, был убит и скальпирован группой индейцев, которых часовой заметил возле дома Бродака и обстрелял. Я услышал стрельбу в своей комнате и побежал к офицеру охраны, чтобы узнать, в чем дело. Мне сообщили, что отряд индейцев обстрелял одного из наших людей, который пошел ловить лошадь, и что он был либо убит, либо взят в плен. Я приказал капитану Бликеру немедленно выйти в сопровождении вышагивающей охраны, чтобы посмотреть, сможет ли он найти его живым или мертвым. Они нашли Акера лежащим мертвым. С него сняли скальп, а рядом с ним лежало оружие длиной около двух с половиной футов, вот такое", — [здесь майор Кокрейн показал рисунок орудия труда — боевая дубинка с лезвием, похожим на наконечник копья, вставленным сбоку, у верхнего его конца], — "лежащее рядом с ним. Этот наконечник копья несколько раз вонзался в его тело. Предполагается, что его оставили специально, поскольку на нем было несколько пометок, обозначающих количество убитых людей и снятых с его помощью скальпов". — [Капитан Бликер, упомянутый в приведенном выше отрывке, является достопочтенным Леонардом Бликером, проживающим в Синг-Синге. Он долгое время был очень активным и дельным офицером в форте Шайлер.]

В начале июля лейтенант М.^cКлеллан, активный и дельный офицер, был отправлен с небольшим отрядом для уничтожения зданий и общественных сооружений в Освего, которые, как было установлено, в тот момент не находились под оккупацией противника. Цель экспедиции была достигнута, и здания были сожжены дотла вместе с большим количеством боеприпасов, провизии и других общественных запасов. Кажется необъяснимым, что этот пост был оставлен таким образом совершенно незащищенным; единственными, кого обнаружила американская сторона, были женщина с детьми и мальчик четырнадцати лет. Женщину и ее семью вместе с мебелью и подходящим запасом провизии поместили во флигеле и оставили без дальнейших приставаний. Мальчик был взят в плен и сообщил некоторые важные сведения, касающиеся передвижений противника между их островом встречи в реке Святого Лаврентия и Ниагарой. [FN]

[FN] Ср. черновик письма полковника Гансворта генералу Старку, 10 июля 1778г.

Но полковнику Гансворту предстояло столкнуться с серьезными проблемами в гарнизоне и выполнить несколько тягостных обязанностей. Несмотря на высокий характер, который

приобрели силы, составляющие гарнизон, и здоровый патриотизм его офицеров, дух недовольства проявился среди них весной и в начале лета в угрожающей степени. Как ни удален был форт Шайлер от Нью-Йорка, сэру Генри Клинтону удалось внедрить в форт эмиссара под видом новобранца. Его звали Сэмюэл Гик. Он был американским солдатом и был развращен, находясь в плену в Нью-Йорке, откуда его выслали вместе с майором Хаммеллом, тоже американским заключенным, чья добродетель уступила всепокоряющей власти золота. [FN-1] Гик сопровождал Хаммелла в Покипси, где, осуществляя свои злодейские замыслы, он завербовался в роту капитана Абрахама Свартуа, [FN-2] и был переведен в Форт Шайлер, чтобы присоединиться к полку полковника Гансворта; в это место ему было поручено проникнуть с определенными целями адъютантом сэра Генри Клинтона. После ареста Хаммелла полковник Варик написал Гансворту, предупредив его о характере Гика. Сержант по имени Картеле был нанят полковником Гансвортом, чтобы втереться в доверие к Гику и, по возможности, выяснить его истинный характер и проникнуть в его планы. Поручение было успешно выполнено сержантом, и были выяснены все обстоятельства найма Хэммелла врагом и его собственные. После этого Гика арестовали, но только после того, как он добился больших успехов в своих замыслах и был накануне дезертирства с целью вступления в британскую армию в Филадельфии. Его судил военный трибунал, он полностью признал вину и вместе со своими сообщниками был приговорен к смертной казни. [FN-3] Приговор в отношении Гика не был приведен в исполнение не только потому, что состав суда был неправильным, но и из-за желания главнокомандующего пощадить его в качестве свидетеля против Хаммелля, как это вскоре выяснится. Следующие документы завершат этот раздел разбирательства в Форт-Шайлере:—

[FN-1] Хаммелл был бригадным майором генерала Джеймса Клинтона и был взят в плен сэром Генри Клинтонем при штурме форта Монтгомери. Согласно признанию Гика, Хаммелл работал в комиссариате по делам заключенных британскими офицерами в Нью-Йорке, прежде чем его отправили с миссией по расследованию государственной измены. Генерал Джеймс Клинтон, кстати, не был взят в плен в форте Монтгомери, как указано в текстовом отчете об этом деле. Несмотря на ранение, он сбежал; хотя его брат, губернатор, предполагал, что он находится в плену, когда он писал свой официальный отчет в Комитет безопасности.

[FN-2] Капитан Свартваут был с Гансвортом при осаде форта Шайлер и отдал свой суконный плащ в виде синих полос флага, о котором говорится в отчете об осаде, как изготовленном специально для этого случая.

[FN-3] Эти факты были почерпнуты из материалов военного трибунала, сохранившихся среди бумаг генерала Гансворта. Председателем суда был капитан Греция, который был застрелен, пронзен томагавком и снял скальп годом ранее. Согласно признанию Гика, Хаммеллу было обещано звание полковника нового ирландского полка, который будет сформирован из дезертиров из американской армии и таких других, кого они смогут завербовать. Гику предстояло получить чин лейтенанта. Его миссия в форт Шайлер состояла в том, чтобы получить точные сведения о его силе и объеме запасов — побудить как можно больше гарнизона дезертировать — и установить пушки при их уходе.

"Полковник ГАНСВОРТ ГЕНЕРАЛУ ВАШИНГТОНУ.
Форт Шайлер, 13 августа 1778 года.

"Сэр,

"С прискорбием сообщаю вашему превосходительству, что в последнее время из этого гарнизона очень часто происходит дезертирство. С 26 марта прошлого года из этого батальона дезертировали три сержанта, два капрала и двадцать рядовых, не считая одного бомбардира, одного артиллерииста и еще одного из артиллерии. До вышеупомянутой даты несколько солдат были преданы общему военному трибуналу в этом гарнизоне за дезертирство, но так и не понесли должного наказания за свои преступления. Приговоры этих различных военных трибуналов были тщательно отправлены генералу-командующему этим Департаментом, но никаких ответов так и не было получено. Где-то в июне прошлого года полковник Варик сообщил мне, что новобранец, который только что присоединился к нашему батальону, подозревается в пособничестве майору Хаммеллу. Я приказал тщательно проверить его поведение. Он был уличен в том, что развращал солдат и склонял их к дезертирству. Будучи задержанным, он признался, что натолкнулся на подобные замыслы и был послан помощником сэра Генри Клинтона в качестве шпиона — попытаться завербовать в американскую армию как можно больше ирландцев. Все говорило о том, что он шпион. Он был немедленно предан суду общего военного трибунала — приговор был непосредственно направлен на утверждение, но ответа получено не было, и человек по-прежнему остается закованным в кандалы".

Генерал Старк тогда командовал войсками в Олбани.

"Обнаружив, что дух дезертирства усиливается, а люди в целом испытывают крайнее беспокойство, вероятно, из—за того, что они так долго находились на этой пограничной заставе. Часто приходилось слышать, как в частных беседах они говорили, что скорее умрут, чем останутся здесь на следующую зиму. Мои офицеры, так же как и я, были убеждены, что, если не будет подан какой-нибудь пример, мы не сможем остановить это растущее зло. Группа из пяти человек дезертировала 10 августа. Они были схвачены индейцами Тускарора по пути в Канаду, в пятидесяти милях от этого форта. Их доставили 13-го. 15-го был созван всеобщий военный трибунал. Они были приговорены к смертной казни. Офицеры в полном составе требовали их немедленной казни, как единственного способа эффективно остановить растущий дух дезертирства.

"Пока эти люди находились под смертным приговором, из немецких квартир вернулась группа людей, которые должны были перегнать скот в этот гарнизон. Они потеряли из-за дезертирства шесть человек, которых преследовали, но безрезультатно. Это, вместе с вышеупомянутыми причинами, а также опасение о каком-то замысле врага и услышанный слух, который они тщательно распространили среди дикарей, о том, что в этом гарнизоне числится свыше семидесяти человек, которые восстанут при их появлении, убедили меня в необходимости сурового примера и решили последовать совету моих офицеров и приказать казнить пленников. Соответственно, они были застрелены во главе полка 17-го числа. [FN] При выполнении этого, хотя я и не мог обнаружить, что устав военного времени наделяет меня всеми полномочиями, все же, как командир пограничного поста, находящегося далеко от главнокомандующего, и имеющий отдельное поручение Конгресса в качестве коменданта этого поста, я считал себя полностью уполномоченным в случае такой острой необходимости. Я надеюсь, что ваше превосходительство убедится в этой необходимости и одобрит справедливость приведения

приговора в исполнение. Вашему Превосходительству прилагается копия протокола военного трибунала. Я есть и так далее".

Несмотря на этот суровый пример, в личном дневнике адъютанта Хаттона из полка полковника Гансворта отмечено, что в тот же день, когда эти пятеро были судимы и приговорены к смертной казни, дезертировали еще шестеро; и еще двое дезертировали через пять дней после их казни.—*Посмотрите документы Гансворта.*

"ГЕНЕРАЛ ВАШИНГТОН - ПОЛКОВНИКУ ГАНСВОРТУ.

Штаб-квартира, Уайт-Плейнс,

29 августа 1778 года.}

-Сэр.

"Я только что получил вашу милость от 13-го мгновения. Прилагается копия письма, отправленного вам некоторое время назад относительно переданного вами военного трибунала.

"Дух дезертирства, овладевший вашими солдатами, был, безусловно, очень тревожным и требовал серьезной проверки. Я надеюсь, что цель приведенного вами примера будет полностью раскрыта; и хотя разбирательство не было строго в установленной форме, все же необходимость дела может оправдать эту меру.

"Я разговаривал с лейтенантом. Полковник Уиллетт по поводу заявления офицеров гарнизона. В настоящее время невозможно удовлетворить их просьбу, настолько сложились обстоятельства, но я приму меры, чтобы облегчить ее до наступления зимы. [FN-1]

"Я, сэр, ваш покорный слуга". ГЕОГРАФИЯ. ВАШИНГТОН. "*Полковник. Гансворт.*" [FN-2]

[FN-1] В ноябре следующего года командование Гансвортом сменил полковник Гиз Ван Шейк, чей полк был назначен на этот пост.

[FN-2] Эти письма были скопированы автором с оригиналов. Приложение, упомянутое в вышеупомянутом письме генерала Вашингтона, гласит следующее:—

[Копия.]

"Штаб-квартира, Уайт-Плейнс,

13 1778 года.},

"Сэр,

"Я получил материалы военного трибунала, проведенного по вашему приказу в отношении Сэмюэля Гика. Поскольку ни военные статьи, ни какие-либо постановления Конгресса не разрешают создание общих военных трибуналов кем-либо иным, кроме главнокомандующего, командующего отдельным департаментом или генерала, командующего в конкретном штате, я был бы вынужден распорядиться о повторном судебном разбирательстве и назначить суд для этой цели, если бы было сочтено целесообразным привлечь Гика к ответственности. Но поскольку его признание содержит очень явную информацию против майора Хаммелла, которая согласуется с другими полученными мной свидетельствами, я думаю, что для общественности более важно спасти Гика как свидетеля против Хаммелла, чем выставлять его примером. Следовательно, вы будете держать его в заключении такого рода, которое эффективно предотвратит его побег, до тех пор, пока не созреют обстоятельства для судебного преследования майора Хэммелла, и в то же время будете настолько мало строгими, насколько позволит характер дела. Однако ему ничего не нужно знать о моих намерениях. Я и т.д.

"ГЕОГРАФИЯ. ВАШИНГТОН. *"Полковник. Гансеворт."*

Позиция форта Шайлер имела первостепенное значение как ключа к западному входу в страну могавков; но, тем не менее, он был слишком удален от поселений верхних немцев долины, чтобы обеспечить им защиту от внезапных вторжений противника, обходящего эту крепость при своем приближении. Следствием этого стало то, что летом этого года в упомянутых населенных пунктах активно преследовались разрушительные работы. Первый удар был нанесен по маленькой и довольно уединенной деревушке под названием Андрус-таун, расположенной примерно в шести милях к юго-востоку от Германских равнин, [FN-1] 18 июля небольшим отрядом индейцев во главе с Брантом лично. Это поселение состояло из семи семей, располагавшихся на участке в тысячу акров. [FN-2] Для жителей границы они были в достатке, и целью вторжения была добыча. Поселение было полностью разрушено — все ценное, что можно было вывезти, было унесено — дома и другие постройки превратились в пепел — пожилой мужчина по имени Белл со своим сыном и еще двумя другими были убиты — еще один житель погиб в огне своего собственного дома — а остальные члены маленькой колонии были уведены в плен. Едва весть об этой катастрофе достигла Флэтса, как партия решительных вигов решила преследовать мародеров, среди которых был Джон Фрэнк, один из членов Комитета безопасности. [FN-3] Прибыв на место разорения, они поспешно похоронили погибших и продолжили свой поход в сопровождении шести или семи дружественных индейцев к Малым Озерам, [FN-4] где также находилась небольшая белая колония, известная как "Поселение Янга", по имени ее основателя. Здесь обнаружилось, что противник настолько продвинулся вперед, что от преследования отказались. Но поскольку Янг, глава поселения, был тори, как и его ближайший сосед, человек по фамилии Коллиер, разъяренные виги отомстили, в небольшой степени, за разрушение Андрус-тауна, разграбив и подожгв их жилища.

[FN-1] В Северной части нынешнего города Уоррен.

[FN-2] Владельцев звали Белл, Фрэнк, Остерхаудт, Крим, Стэринг, Леппер и Хойер.

[FN-3] Джон Фрэнк, эсквайр. все еще житель немецких квартир, очень старый, но с неувредимыми умственными способностями. Автор знал его все эти двадцать пять лет и в сентябре 1837 года нанёс ему визит. Большая часть информации, касающейся событий, которые сейчас непосредственно рассматриваются, почерпнута от него.

[FN-4] Два небольших озера в юго-восточной части города Уоррен, сливающие свои воды в озеро Отсего.

Но самым значительным событием сезона в этих окрестностях было полное уничтожение сравнительно обширного и густонаселенного поселения Германские равнины. Это поселение, первоначально называвшееся Бернетсфилд из-за того обстоятельства, что патент был выдан губернатором Бернетом, простиралось на самом богатом и красивом участке долины Мохок, охватывая обширные аллювиальные земли непосредственно за слиянием Вест-Канада-Крик и реки, и включая около десяти миль долины с востока на запад. В середине поселения, на южном берегу реки, до сих пор стоит древняя каменная церковь, самая западная из ряда подобных сооружений, построенных под покровительством сэра Уильяма Джонсона. Недалеко к востоку от церкви стоял большой и массивный каменный особняк семьи Херкимер, который, как и сама церковь, использовался как форт. [FN-1] Поэтому он назывался Форт Херкимер. На северном берегу реки, на покрытой гравием равнине, возвышающейся примерно на десять-пятнадцать футов над окружающими равнинами, стоял форт Дейтон. [FN-2]

[FN-1] Именно на этом месте весной 1775 года был выращен первый столб Свободы в долине. Шериф округа Трайон Уайт, с последующей историей которого читатель уже знаком, прибыл в Флэтс с большим отрядом ополченцев из Джонстауна и перерезал их. Уайт был капитаном во время войны во Франции.

[FN-2] Нынешнее место расположения деревни Херкимер в одноименном городке и одно из самых красивых местностей Америки. Название German Flats было придумано для этого города, что было бы наиболее подходящим, как и название Herkimer для города на южном берегу реки, который сейчас называется German Flats, где квартиры гораздо менее обширны и где проживала семья Херкимер. Ошибка была допущена законодательным органом при присвоении названий городам. Это объяснение вместе с географическим описанием в тексте необходимо для предотвращения путаницы в отношении местоположения фортов Дейтон и Херкимер в описании последующих событий.

В то время, о котором мы пишем, поселение на южном берегу реки насчитывало тридцать четыре жилых дома, и примерно столько же было на северном берегу, вместе с таким же количеством амбаров и других хозяйственных построек, а также несколькими мельницами. Население, судя по количеству домов, было многочисленным. Земли, богатые природой и хорошо возделанные, в тот год принесли урожай пригоршнями, так что амбары были в изобилии забиты их продуктами.

В конце августа или в начале сентября этот прекрасный район был опустошен индейцами под руководством Бранта. Однако, по счастливой случайности, вторжение сопровождалось потерей всего двух жизней — один человек был убит на месте, а другой, по имени М.^cГиннис, погиб в огне. Подробности этого враждебного вторжения были таковы: В связи с некоторыми

подозрениями в адрес Бранта, находившегося в Унадилье, разведчик из четырех человек был отправлен в те окрестности для наблюдения. Трое из этих мужчин были убиты в поселении Эдместон. Четвертому, Джону Хелмеру, удалось скрыться, и он вернулся на Равнину за полчаса до захода солнца, как раз вовремя, чтобы сообщить, что Брант с большим отрядом индейцев продвигается вперед и через несколько часов настигнет их. Конечно, в поселении царили ужас и тревога, и жители — мужчины, женщины и дети — были собраны в фортах Дейтон и Херкимер для обеспечения безопасности. Устремившись к этим укреплениям, они собрали самое ценное из своих вещей и с помощью лодок и каноэ по реке сумели в течение вечера собрать большую часть своих лучших предметов обстановки. Но у них не было времени присматривать за своими стадами.

Ранним вечером Брант прибыл на окраину поселения, но так как ночь выдалась чересчур темной и дождливой, он остановился со своими войсками в овраге, недалеко от дома своего друга-консерватора Шумейкера, где младший Батлер и его группа были схвачены годом ранее. Здесь вождь лежал со своими воинами— пока ближе к утру не разразилась буря, не подозревая, что разведчик вовремя оповестил людей о его приближении, чтобы дать им возможность избежать удара его поднятой руки. Перед рассветом он был уже пешком, и его воины прочесывали поселение, так что факел можно было почти одновременно поднести к каждому зданию, которое в нем находилось. Как только на востоке забрезжил день, разгорелись костры, и вся часть долины быстро осветилась пламенем домов, амбаров и всего остального, что могло гореть. Для людей в фортах это зрелище было исполнено меланхолического величия. Каждая семья видела, как пламя и дым от ее собственного жилища поднимались к небесам, а каждый фермер превращал в пепел весь продукт своего труда за сезон.

Не имея огнестрельного оружия крупнее своих винтовок, индейцы избегали даже демонстрации против фортов, несмотря на свое огорчение тем, что ни скальпы, ни пленные не украсили их триумф. Но с наступлением дня их воины были замечены поодиночке или небольшими группами, прочесывающими поля и угоняющими всех лошадей, овец и черный скот, которых только можно было найти. Не осталось ничего, к чему они могли бы приложить руки, и поселение, которое всего лишь накануне на протяжении десяти миль казалось изобильным и красивым, теперь было бездомным и обездоленным. [FN-1] Однако, к счастью, ради человеческой жизни не было принесено большей жертвы, чем уже упоминалось. После того, как индейцы ушли со своей добычей, отряд из трехсот-четырехсот ополченцев собрался и отправился в погоню — дошел до плантации Эдместона на реке Унадила, где были найдены и похоронены тела трех разведчиков. Но никаких других результатов эта экспедиция не принесла. [FN-2] Отряд индейцев онейда был более успешным. Они проникли в одно из поселений Унадилы, сожгли несколько домов, отбили часть скота, угнанного с немецких квартир, и увели несколько пленных. Результаты этой небольшой экспедиции были доведены до сведения майора Кокрэна, командовавшего в то время фортом Шайлер, примерно 25 сентября депутацией примерно из ста воинов Онейды и Тускалары в следующей речи:

[FN-1] Летописец утверждает, что было сожжено 63 жилых дома, 57 амбаров, 3 мукомольных завода и две лесопилки, при этом большая часть мебели и зерна хранилась там; и 235 лошадей, 229 голов крупного рогатого скота, 269 овец и 93 вола были взяты и унесены. Судья Фрэнк

сообщил автору, что утром в день пожара он был на страже, стоя на углу форта (Херкимер), откуда ему лучше всего была видна сцена, когда вспыхнуло пламя. Он также видел, как темные стаи дикарей устремились вниз по склонам холмов на луга вслед за скотом, как только стало достаточно светло, чтобы сносно различать предметы. Вся сцена, по его словам, была живописной и возвышенной.

[FN-2] "Капитан Гилберт Тайс прибыл с Ниагары за несколько дней до того, как Брант отправился со своим отрядом разрушать немецкие квартиры. С ним было 33 индейца, в основном ирокезы. Вся компания Бранта в "Герман Флэтс" состояла из 300 торы и 152 индейцев. Регулярных войск среди них не было". —*Письмо майора Кокрэна полковнику Гансворту*, 28 сентября 1778 г.

"Братья: Теперь мы взяли топор и сожгли Унадиллу и место под названием Баттернатс. Мы привели по пять пленных из каждого из этих мест. Наши воины особо следили за тем, чтобы женщинам и детям не причиняли вреда. Мы оставили четырех стариков, которые больше не могли идти на войну. Мы вернули Уильяма Дайгерта, который был схвачен Брантом около девяти недель назад на Фолл-Хилл. Сейчас мы передаем его вам, чтобы он мог вернуться к своим друзьям. В прошлом году мы взяли за топор войны в Стиллуотере, и теперь мы продолжим держать его в наших руках. Кузнечик, один из вождей племени Онейда, взял к себе одного из пленников, чтобы жить с ним в своей семье, и усыновил его как сына".

[FN] Индейцы, должно быть, имели в виду одно из поселений в верховьях Унадилли, где-то между Баттернатсом и "Форксом", примерно в двадцати пяти милях к северу от впадения этой реки в Саскуэханну. Главный город индейцев находился в устье реки и был разрушен две или три недели спустя полковником Батлером, как сейчас будет показано.

"Братья: Мы доставляем вам шестерых пленников, с которыми вы должны поступать, как вам заблагорассудится.

"Братья: Некоторое время назад у вас здесь сняли скальп с человека. Мы, Онейды и Тускарорасы, теперь отомстили и привели вам несколько рабов. Мы не берем скальпы. Мы надеемся, что теперь вы убедились в нашей дружбе с вами и вашим великим делом. Воины удерживают двоих пленников до завтрашнего утра. Один из них находится в распоряжении канасарага. Они приведут его завтра или послезавтра. [FN]

[FN] Г-жа рапорт майора Кокрена полковнику Гансворту.

Члены семьи Онейда, за очень немногими исключениями, всегда были верны делу вигов и иногда сражались с большой личной храбростью. Клан Орискани из этой страны присоединился к генералу Херкимеру утром в день его катастрофической битвы под командованием своих вождей Корнелиуса и полковника Хоньерри и доблестно выстоял в этом кровопролитном конфликте. [FN]

[FN] Этот факт был получен от судьи Фрэнка после написания главы, содержащей отчет о битве при Орискани, Хоньерри, или Хансджуне Тевахонграхкон, как его имя значится в архивах военного министерства, был произведен Военным советом в капитаны в 1779 году.

Но добыча, захваченная индейцами на равнинах Германии, была более чем уравновешена несколькими днями позже их потерями в их собственных главных городах, Унадилле и Окваге, которые были захвачены и, в свою очередь, опустошены полковником Уильямом Батлером с 4-м Пенсильванским полком, отрядом стрелков полковника Моргана, недавно расквартированным в Шохари, как мы уже видели, и корпусом из двадцати рейнджеров. Пройдя маршем от Шохари до верховьев Делауэра и спустившись по этой реке на двухдневный переход, полковник Батлер направился оттуда к Саскуэханне, на берегу которой он появился в окрестностях Унадилли. Он приблизился к поселению с большой осторожностью, но враг покинул это место несколько дней назад. Однако двое белых поселенцев, тори, были взяты в плен, один из которых был вынужден вести войска Батлера в Оквагу, и эту службу он выполнял. Город был взят без помех, поскольку индейцы бежали накануне в величайшем замешательстве, оставив после себя большое количество зерна, своих собак, немного крупного рогатого скота и большую часть своего домашнего имущества. Марш войск Батлера был утомительным, а овощи и домашняя птица, которые они находили здесь в большом изобилии, позволили им великолепно питаться во время своего пребывания. Город был необычайно хорошо построен для индейского поселения, поскольку по обе стороны реки располагалось значительное количество хороших фермерских домов. Все они были разрушены вместе с индейским замком в трех милях ниже по реке, а также большим количеством провизии, предназначенной для их зимнего снабжения. Они ничего не видели от врага и потеряли в том месте только одного человека, которого застрелил отставший индеец, притаившийся в засаде. Возвращаясь к Унадилле, скажу, что это поселение, расположенное по обе стороны реки, было сожжено, как и мукомольная и лесопильная фабрики — единственные в долине Саскуэханна. [FN]

Письмо полковника Уильяма Батлера генералу Старку.

Но хотя в том, что касалось боевых действий, это была легкая кампания, все же трудности, с которыми столкнулась экспедиция, были очень велики, и такие, которые могли выдержать только люди, "обладающие большой долей выносливости, как физической, так и духовной". Они были вынуждены нести провизию на спинах и, нагруженные таким образом, часто переходили вброд ручьи и реки. После трудных марш-бросков они были вынуждены разбивать лагерь влажными и холодными ночами, не прикрываясь и даже не имея возможности сохранить свое оружие сухим ". Они завершили свою работу за шестнадцать дней и вернулись в Шохари. Но индейцы не замедлили отомстить за это разрушение их городов. Месть индейца дремлет не дольше, чем до тех пор, пока не представится возможность ее утолить, как будет показано в следующей главе.

[Ф. Н.] Рамзи.

ГЛАВА XVII.

Уолтер Н. Батлер —Его бегство из Олбани, жажда мести—Великое Дерево—Враждебные признаки среди Сенека и Кайюга—Предчувствия нападения Батлера и Бранта на Вишневую долину—Дискредитирован полковником Олденом—Высланы разведчики и схвачены—Внезапность нападения на город—Резня и сожжение—Смерть полковника Олдена—Семьи мистера Уэллса, мистера Данлопа и других—Жестокость тори—Семья мистера Митчелла—Чудовище Ньюберри—Уход врага со своими пленниками—Мрачная ночь—Женщины и дети, отправленные в плен ответное письмо Батлера генералу . Шайлер—Убийство матери миссис Кэмпбелл—Оправдание Бранта—Интересный инцидент—Мнение Бранта о капитане. М^сКеап—Полковник Джон Батлер сожалеет о поведении своего сына—Письмо генерала Джеймса Клинтона Уолтеру Батлеру—Ответное письмо Батлера—Молли Брант—Подробности пленения миссис Кэмпбелл—Праздник благодарения за их победу—Великий праздник Белых собак—Возвращение Уолтера Батлера из Квебека—Полковник Батлер ведет переговоры с индейцами за миссис Кэмпбелл—Она отправляется на Ниагару—Кэтрин Монтур и ее сыновья—Миссис Кэмпбелл Кэмпбелл находит своих детей—Спускается по реке Святого Лаврентия в Монреаль—Знакомится с миссис Батлер—Прибывает в Олбани, к ней присоединяется ее муж—Планируется грандиозная кампания—Джейкоб Хелмер и другие тайно посланы в Джонстаун за железным сундуком сэра Джона—Казнь Хелмера—Прибытие британских комиссаров—Не получено—Обмен министрами с Францией—Военные происшествия в других местах за год.

ТНЕ Арест Уолтера Н. Батлера в Германских квартирах летом 1777 года; суд над ним и приговор к смертной казни; отсрочка приговора; а также его последующее заключение в Олбани и его побег - это факты, с которыми читатель уже ознакомлен. Хотя его казнь была бы вполне оправдана по *военному кодексу*, поскольку он был задержан на американской территории за сам факт призыва народа к государственной измене; тем не менее респектабельность его семьи и ассоциации, которые он сам сформировал в Олбани, где он получил юридическое образование, были причинами, благодаря вмешательству тех, кто был его личными друзьями до войны, спасения его жизни. Тем не менее, за отсрочкой, предоставленной генералом Арнольдом, последовало строгое заключение в тюрьме в Олбани до весны текущего года; когда, будучи либо больным на самом деле, либо притворяясь больным, благодаря милосердию генерала Лафайета его апартаменты были переведены в частный дом, где он находился под охраной единственного часового. Похоже, что семья, у которой он поселился, в душе были тори; и, сумев напоить часового, с их помощью Батлеру удалось совершить побег. После того как ему предоставили лошадь, ему удалось присоединиться к своему отцу на Ниагаре вскоре после происшествия в Вайоминге. Нрав у него был суровый и вспыльчивый, но, тем не менее, он был не лишен хороших качеств и подавал большие надежды — "довольно способный молодой юрист", по выражению того, кто его хорошо знал. [FN] Однако считается, что он смертельно

обиделся на обращение с ним, когда находился в Олбани, и снова поступил на службу короне, сгорая от негодования и жажда мести.

[FN] Достопочтенный Джон Франк из Германских равнин. Батлер изучал юриспруденцию у покойного Фрэнсиса Сильвестра.

Это краткое изложение, частично, части истории младшего Дворецкого считается важным в связи с событиями, которые будут описаны в настоящей главе.

Большую часть лета с генералом Вашингтоном был вождь племени Сенека по прозвищу *Великое Дерево*, который, покидая штаб-квартиру главнокомандующего, заявлял о самой крепкой дружбе к американскому делу, и его первой целью после возвращения к своему народу было внушить им свои дружеские чувства. Проезжая через народ онейда по пути домой, он выразил глубочайшую уверенность в своей способности сохранить свое племя связанным узами дружбы, и пообещал себе, в случае неудачи, спуститься со своими друзьями и приверженцами и присоединиться к Онейде. В начале октября мистер Дин, переводчик с индийского и агент на территории Онейда, написал майору Кокрану, в то время командовавшему фортом Шайлер, что, не получив известий от Великого Древа так скоро, как они ожидали, они отправили гонцов в страну Сенека, которые вернулись с неблагоприятными разведданными. Говорилось, что по прибытии в свою страну Великое Древо застал все свое племя при оружии. Воины были собраны из самых отдаленных своих вигвамов и затем заполнили два главных города, Канадасеаго и Дженнеси. Услышав, что американцы готовят экспедицию против их страны, они взялись за оружие; и Великое Дерево сам был полон решимости наказать врага, который осмелится вторгнуться в его страну. Далее посланцам онейды было сказано, что все индейцы к западу от их собственного племени, включая, конечно, онондагас, а также индейские поселения на реке Саскуэханна и ее притоках, должны присоединиться к ним. Они должны были встретиться где-нибудь на Тиоге и совершить спуск либо на границе Пенсильвании, либо Нью-Джерси. [FN]

Письмо майора Кокрэна полковнику. Гансворту, 10 октября 1778г.

Вождя могавков, Тайенданегеа, по-видимому, не было среди сенека в то время; и считается, что брожение было вызвано Батлером после его возвращения на Ниагару. Как бы то ни было, он получил командование отрядом рейнджеров своего отца, получив разрешение использовать силы капитана Бранта. Несмотря на поздний сезон, юный Уолтер решил предпринять экспедицию в округ Трайон и отомстить за свое тюремное заключение. Утверждалось, что, направляясь со своими рейнджерами с Ниагары, Батлер встретил Бранта, возвращавшегося из Саскуэханны на свою старую зимовку на Ниагаре, и что гордый ирокез был немало недоволен мыслью о назначении на подчиненную должность человека, которого он искренне недолюбливал. Однако трудности разрешились, и сахема убедили повернуть назад к поселениям белых с пятью сотнями его воинов. Объединенные силы насчитывали семьсот человек.

[FN] Анналы Кэмпбелла.

Пунктом, выбранным противником, была Вишневая долина - поселение, столь же примечательное респектабельностью своих жителей, сколь и красотой расположения. В отличие от большинства приграничных поселений, жители были интеллигентными и образцовыми в своем нравственном отношении. Они были настолько щепетильны в соблюдении заповедей христианства, что их Комитет безопасности отказался заседать в Комитете округа Трайон в субботу — за исключением случаев, когда такие тревожные обстоятельства обязательно "превысили бы обязанности, которые необходимо выполнять при посещении публичного богослужения"; чего, по их словам, тогда, по-видимому, не было. [FN]

Письмо в Комитет округа Трайон, подписанное Джоном Муром, Сэмюэлем Клайдом и Сэмюэлем Кэмпбеллом, датированное 9 июня 1775 года.

Уже говорилось, что из-за их незащищенного положения маркиз де Лафайет распорядился возвести укрепление в этом месте ранней весной прошлого года. Полковник Гансевоорт немедленно попросил о назначении его командующим полком, который так сильно отличился в предыдущем году при обороне форта Шайлер. Но его отдали полковнику Икабоду Олдену, командовавшему восточным полком, к сожалению, мало привыкшему к войне с индейцами.

8 ноября полковник Олден экспресс-почтой получил депешу из форта Шайлер, в которой сообщалось, что его пост подвергнется нападению тори и индейцев. Разведданные были переданы в форт Шайлер индейцем племени онейда, сообщившим, что он получил их от одного из онондага, который присутствовал на большом собрании индейцев и тори в Тиоге, на котором было принято решение. Из-за позднего сезона жители, не ожидая дальнейших военных действий до весны, вынесли свои пожитки из укрепления, где в течение лета они были размещены в целях безопасности, обратно в свои собственные жилища. Получив эти сведения, они попросили разрешения еще раз перебраться в форт или, по крайней мере, получить разрешение снова разместить свое самое ценное имущество в его стенах. Но полковник Олден, дискредитировав разведданные как досужий индейский слух, отклонил их просьбы, заверив людей, что он приложит все усилия, чтобы не заставить их врасплох, и с помощью бдительных разведчиков будет в любое время готов предупредить их о приближающейся опасности. Соответственно, 9-го числа разведчики были отправлены в различных направлениях. Отряд, спускавшийся по реке Саскуэханна, так сказать, прямо перед лицом врага, очень мудро разожг вечером костер, возле которого они улеглись спать. Результат можно было предвидеть. Когда они очнулись, все они были пленниками!

Вытянув всю необходимую информацию из захваченных так кстати пленных, враг двинулся вперед 10-го числа — Батлер со своими рейнджерами и Тайенданегеа со своими индейцами, - разбив лагерь на ночь на вершине холма, густо поросшего вечнозелеными растениями, примерно в миле к юго-западу от форта и деревни Черри-Вэлли. За ночь выпало несколько дюймов снега, а утром шторм сменился дождем с густой и облачной атмосферой. Офицеры гарнизона привыкли селиться среди семей поблизости от форта; и, по заверениям полковника Олдена, опасения людей были настолько рассеяны, что они отдыхали в полной безопасности. Сам полковник Олден со Стейсией, своим подполковником, поселились у мистера Роберта Уэллса, джентльмена весьма респектабельного, недавно ставшего судьей графства, который,

кроме того, был близким другом полковника Джона Батлера, как и сэра Уильяма Джонсона. [FN-1] Установив населенные пункты, в которых размещались офицеры, противник приблизился к ничему не подозревающей деревне в величайшей безопасности, скрытый дымкой, которая висела в атмосфере. Однако тревога была поднята еще до того, как враг действительно прибыл в деревню, выстрелом индейца по поселенцу с окраины, который ехал туда верхом. Он был ранен, но, тем не менее, продвинулся вперед и немедленно сообщил информацию бдительному полковнику. Как ни странно, этот офицер все еще не верил в приближение сильного противника — предположив, что выстрел был произведен отставшим. Но вскоре он убедился в своей ошибке, потому что еще до того, как успели позвать стражников, индейцы набросились на них. К несчастью, вероятно, для жителей, рейнджеры остановились непосредственно перед входом в деревню, чтобы осмотреть свое оружие, поскольку дождь повредил их порох. Во время этой паузы индейцы бросились вперед; и сенека, будучи в то время самым свирепым из Шести народов, были в авангарде. Дом мистера Уэллса был мгновенно окружен воинами этого племени и несколькими не менее свирепыми тори, которые ворвались внутрь и вырезали всю семью, состоявшую на тот момент из него самого, его матери, его жены, его брата и сестры Джона и Джейн, трех его сыновей, Сэмюэля, Роберта и Уильяма, и его дочери Элеоноры. Единственным выжившим из семьи был Джон, который тогда учился в школе в Скенектади. Его отец перевез свою семью в это место в целях безопасности несколько месяцев назад, но когда его страхи улеглись, они только что вернулись к себе домой. [FN-2] Полковника Олдена, сбежавшего из дома, преследовал на некотором расстоянии вниз по холму индеец, который неоднократно требовал от него сдаться. Этого, однако, он отказался сделать, несколько раз обращившись к своему преследователю и щелкая пистолетом, но безрезультатно. В конце концов индеец безошибочно метнул свой томагавк ему в голову и, бросившись вперед, в то же мгновение сорвал с него скальп. Таким образом, в самом начале сражения пал командир, который, если бы он был столь же благоразумен, сколь и храбр, мог бы предотвратить трагические сцены того злополучного дня. Подполковник Стейсия была взята в плен, а все американские охранники, находившиеся в доме мистера Уэллса, были либо убиты, либо взяты в плен.

[FN-1] Роберт Уэллс был отцом покойного выдающегося советника Джона Уэллса из Нью-Йорка.

[FN-2] Сообщение о Джоне Уэллсе от Уильяма Джонсона, эсквайр, заключительный том. Отчетов Джонсона.

Гибель семьи мистера Уэллса была отмечена обстоятельствами особого варварства. Один из тори хвастался, что убил мистера Уэллса во время молитвы — несомненно, счастливый момент для души, способной улететь в иное состояние существования; но какой степени мужества можно похвастаться, что он пережил смерть безоружного человека в такой момент! Его сестра Джейн в равной степени отличалась красотой, достижениями и добродетелями. Когда дикари ворвались в дом, она бросилась к поленнице дров на территории и попыталась спрятаться. Ее преследовал и арестовал индеец, который с совершенным хладнокровием вытер и вложил в ножны свой мокрый нож и вынул из-за пояса томагавк. В этот момент Тори, которая раньше была прислугой в семье, бросилась вперед и вступилась за нее, назвав ее сестрой. Девушка, тоже немного понимавшая индейский язык, взмолилась о пощаде. Но тщетно. Одной рукой индеец оттолкнул от себя Тори, а другой глубоко вонзил свой топор ей в висок!

Форт неоднократно подвергался нападениям в течение дня, и временами яростным; но индейцы - неподходящее описание войск для такой службы, и, будучи встречены резким картечным огнем и ружейной пальбой со стороны гарнизона, они обошли форт стороной и сосредоточили свое внимание главным образом на разграблении и опустошении деревни, насытившись в ходе наступления кровью. В этой разрушительной работе им никто не мешал, поскольку численность их более чем в два раза превышала численность гарнизона, и вылазка считалась неоправданной.

Среди семей, пострадавших от томагавков индейцев и тори — ибо последних, как и в Вайоминге, не смогли превзойти их нецивилизованные союзники, — были семьи преподобного Сэмюэля Данлопа и мистера Митчелла. Миссис Данлоп была убита на месте и, таким образом, разделила судьбу миссис Уэллс, которая была ее дочерью. Мистер Данлоп и еще одна дочь также были бы убиты, если бы не вмешательство Маленького Аарона, вождя огвагской ветви могавков, который вел старого джентльмена, пошатывающегося под тяжестью прожитых лет она подошла к двери и встала рядом с ним, чтобы защитить его. Индейцы попытались отобрать у него часть одежды, но сахем вынудил их отказаться от этой части добычи. Достопочтенный раб Божий, потрясенный событиями того дня сверх сил своих нервов, скончался в течение года после этого.

Случай с мистером Митчеллом был еще более болезненным. Он был в поле за работой, когда увидел приближающихся индейцев; и поскольку он уже был отрезан от своего дома, единственным выходом для него было скрыться в лесу. Вернувшись к себе домой после того, как враг отступил, он обнаружил, что его дом горит, а в его разграбленных стенах лежат тела его жены и троих детей. Четвертую, маленькую девочку десяти или двенадцати лет, оставили умирать. Но когда появились признаки жизни, родитель, потушив огонь, который еще не сильно продвинулся вперед, вынес свою маленькую искалеченную дочь к двери и, склонившись над ней, обнаружил приближающийся отряд врагов. У него едва хватило времени спрятаться, прежде чем сержант-консерватор по имени Ньюберри бросился вперед и ударом своего топора уничтожил ту малую надежду, которая еще оставалась на жизнь, от более темного, хотя и менее свирепого врага, чем он сам. Некоторым утешением при описании этого кровавого деяния является возможность предвидеть ход событий настолько, чтобы объявить, что этот жестокий человек поплатился жизнью на виселице по приказу генерала Джеймса Клинтона в Канаджохари летом следующего года. На следующий день мистер Митчелл собственноручно перевез своих погибших в форт, и солдаты помогли в их погребении. Несколько других семей были отрезаны — общее число убитых жителей составило тридцать два человека, в основном женщины и дети. В дополнение к ним были убиты шестнадцать солдат. Некоторым жителям удалось спастись, но большая часть была взята в плен. Среди первых были миссис Клайд, жена отсутствовавшего полковника Клайда, и ее семья. Ей удалось добраться до леса со своими детьми, за исключением старшей дочери, которую она в данный момент не могла найти; и хотя дикари часто рыскали вокруг нее, она все же пролежала в безопасности в своем укрытии до следующего дня. Старшая дочь тоже совершила успешный полет и вернулась целой и невредимой. Полковник Кэмпбелл также отсутствовал; но, услышав сигнал тревоги, он поспешил домой как раз вовремя, чтобы увидеть уничтожение своего имущества в результате пожара в деревне и убедиться, что его жена и дети были уведены в плен. [FN] Факел был применен без разбора к каждому жилому дому и, фактически, к каждому зданию в деревне. Амбары, наполненные горючими продуктами земледелия, сделали пожар более яростным и ужасающим; особенно для беглых жителей, которые бежали в леса в поисках убежища и чьи

страдания усугублялись сознанием того, что их удаляющиеся шаги были освещены пламенем их собственных домов.

Полковник Кэмпбелл был дедом автора "Анналов округа Трайон", столь часто упоминаемых в настоящем томе, которому автор почти исключительно обязан фактами, касающимися вторжения в Вишневую долину. Автор "Анналов", сам уроженец этого места, не только был знаком с его историей с колыбели, но и приложил немало усилий для сбора фактов. Действительно, другого надежного источника нет. Рамзи столь же краток и неудовлетворителен; в то время как жалкая мешанина всего сущего, написанная Маколеем и названная, по непонятной причине, "Историей Нью-Йорка", содержит самые отвратительные искажения. По совести говоря, резня была достаточно ужасной; но когда утверждается, что "не удовлетворившись убийством жителей, они вспороли животы и четвертовали женщин, а затем подвесили их искалеченные конечности к деревьям — что беспомощных младенцев отнимали от груди их матерей, а их мозги выбивали о столбы", — и когда эти утверждения сравниваются с реальными фактами дела, мы вполне можем задрожать за правдивость истории. Простой инцидент, который дал начало этой шокирующей истории об уродовании тел умирающих, заключался в следующем. Один из тори жил в качестве домашней прислуги у преподобного мистера Данлопа. Он сбежал из-за жестокого обращения, как утверждалось, со стороны миссис Д. После того, как она была убита, говорят, что он отрубил ей руку. Но даже эта история вызывает сомнение в достоверности.

Захваченных пленных насчитывалось от тридцати до сорока человек. Вечером, в день резни, их повели маршем вниз по долине примерно в двух милях к югу от форта, где враг разбил лагерь на ночь. Вокруг лагеря были разожжены большие костры, в центре которых беспорядочно ютились пленники всех возрастов и полов, и там их заставляли коротать часы до утра — многие из них были полуголыми, дрожащими от непогоды, без крова, кроме хмурого неба, и без постели, кроме холодной земли. Это была мрачная ночь для несчастной группы, ставшая, если возможно, еще более мучительной из-за диких воплей ликования, дикого, полубезумного веселья и других проявлений радости со стороны победителей по поводу успеха их кровавого предприятия. В течение ночи между индейцами был произведен раздел добычи, и на следующее утро поход возобновился; хотя группы индейцев вернулись, чтобы рыскать среди развалин деревни или болтаться на ее окраинах в течение большей части дня, пока не начали прибывать подкрепления ополченцев из долины Могавк, когда они рассеялись.

Отступающий враг не успел далеко продвинуться по своему пути, как пленники, за редким исключением, ощутили перемену в своих обстоятельствах, столь же радостную, сколь и неожиданную. Для удобства передвижения они были разделены на небольшие группы, возглавлявшие различные отряды противника. Когда они остановились, их собрали вместе и сообщили, что решено освободить всех женщин и детей, за исключением миссис Кэмпбелл и ее четверых детей, а также миссис Мур и ее детей. Их было решено держать в плену в качестве наказания их мужьям за активность, которую они проявили в пограничных войнах. За этими исключениями женщины и их малыши были немедленно отправлены обратно со следующим письмом от командующего рейнджерами, адресованным генералу Шайлеру. В качестве ключа к письму и, возможно, также к мотивам капитана Батлера в этом акте гуманности, здесь следует отметить, что во время бегства его отца и его самого в Канаду его мать и младшие дети остались

позади. миссис Батлер и ее дети были задержаны Комитетом безопасности, и в разрешении последовать за мужем и сыном в Канаду было отказано, как было указано в предыдущей главе:—

"КАПИТАН БАТЛЕР ГЕНЕРАЛУ ШАЙЛЕРУ.

Вишневая долина, 12 ноября 1778 года.

"Сэр,

"Человеколюбие побуждает меня разрешить лицам, имена которых я сообщаю настоящим, вернуться, чтобы неблагоприятное время года и их голое и беспомощное положение не оказались для них фатальными, и я ожидаю, что вы освободите равное количество наших людей, находящихся в ваших руках, среди которых я ожидаю, что вы разрешите миссис Батлер с семьей приехать в Канаду; но если вы настаиваете на этом, я обязуюсь прислать вам, более того, равное количество ваших пленников, захваченных либо рейнджерами, либо индейцами, и предоставляю вам назвать имена этих людей. Я сделал все, что было в моих силах, чтобы сдержать ярость индейцев от причинения вреда женщинам и детям или убийства пленников, попавших в наши руки, и более эффективно предотвратил бы это, но они были сильно разгневаны недавним разрушением их деревни Ангага [FN-1] вашими людьми. Я всегда буду продолжать действовать таким образом. Я считаю, что вести войну с женщинами и детьми ниже достоинства солдата. Я уверен, вы осознаете, что ни у полковника Батлера, ни у меня нет ни малейшего желания, чтобы пострадали ваши женщины или дети. Но будьте уверены, что если вы будете упорствовать в удержании семьи моего отца вместе с вами, мы больше не будем прилагать таких усилий, чтобы удержать индейцев от пленных, женщин и детей, как мы делали до сих пор.

"Я, ваш покорный слуга, УОЛТЕР Н. БАТЛЕР, *капитан-лейтенант. из рейнджеров*. "ГЕНЕРАЛ ШАЙЛЕР." [FN-2]

[FN-1] Одно из старых названий Унадилаи.

[FN-2] Это письмо было недавно найдено среди бумаг генерала Джеймса Клинтона.

Таким образом, в значительной степени освободившись от своих пленных, противник продолжил свое путешествие своим обычным маршрутом в тот период, вниз по реке Саскуэханна до ее впадения в Тиогу, оттуда вверх по этой реке в страну Сенека, а оттуда к Ниагаре. Миссис Кэннон, пожилая леди и мать миссис Кэмпбелл, также находилась в плену; но, поскольку она по возрасту не годилась для путешествия, индеец, оставивший их обоих на попечении, на второй день их похода расправился с матерью своим топором, стоявшей рядом с дочерью. Миссис Кэмпбелл с варварской быстротой гнала поднятый топор, держа на руках полуторагодовалого ребенка, пока на следующий день к ней не пришел более гуманный хозяин. В ходе марша разрозненный отряд индейцев вырезал английскую семью по фамилии Бакстон, проживавшую на Баттернат-Крик, и превратил их дома в пепелище. [FN]

[FN] Есть некоторые основания сомневаться, не было ли это убийство Бакстонов делом рук Онейд во время их экскурсии в Унадилию и Баттернатс.

Так завершилась экспедиция Уолтера Н. Батлера и Джозефа Бранта в Вишневую долину. Ничто не могло продемонстрировать большего запустения, чем то, что было на месте этой деревни на следующий день, когда ополченцы из племени ирокезов прибыли слишком поздно, чтобы оказать помощь. "Петухи кричали с верхушек лесных деревьев, а собаки выли в полях и лесах". Жители, избежавшие резни, и те, кто вернулся из плена, покинули поселение до тех пор, пока восстановление мира не позволит им снова обосноваться в безопасности; следующим летом гарнизон был выведен, а пост оставлен.

После разрушения Вайоминга разрушение Вишневой долины остается в истории как наиболее заметное по своим зверствам. И, как и в случае с Вайомингом, как в истории, так и в народных преданиях, Джозеф Брант считался мерзким исчадием ада среди варваров и всех остальных, заслуживающих глубочайшего проклятия. Даже ученый и уважаемый юрисконсульт, который так долго сообщал о принятом судом штата Нью-Йорк, [FN-1] отдавая дань памяти покойного Джона Уэллса, которой он завершил последний том своих юридических трудов, впал в ту же популярную ошибку; и применяет вторую строфу из поразительного отрывка "Гертруды Вайомингской", которая призвала младшего Бранта в защиту памяти его отца, к делу своего покойного и выдающегося друга. [FN-2] Это действительно было в высшей степени верно применительно к печальному случаю мистера Уэллса, из родственников которого индейцы не оставили "ни мужчины, ни ребенка, ни живорожденного существа". Но можно безбоязненно утверждать, что это было неправдой в сочетании с именем Джозефа Бранта. Уже было видно, что Брант не был командиром этой экспедиции; а если бы и был, то не уверен, что он смог бы добиться иного результата. Но несомненно, что его поведение в тот роковой день не было ни варварским, ни малодушным. Напротив, он сделал все, что было в его силах, чтобы предотвратить пролитие невинной крови; и если бы не обстоятельства, неподвластные ему, более чем вероятно, что упомянутый уважаемый советник не остался бы "одиноким из всей своей расы". Капитан Брант утверждал, и нет никаких оснований сомневаться в его правдивости, что утром в день нападения он оставил основные силы индейцев и попытался предвосхитить их прибытие в дом мистера Уэллса, чтобы обеспечить защиту семье. По пути ему пришлось пересечь вспаханное поле, податливость земли на котором под его ногами настолько замедлила его продвижение, что он прибыл слишком поздно.

[FN-1] Уильям Джонсон, эсквайр. многолетний репортер Верховного суда, Суда ошибок и Канцелярии этого штата.

[FN-2] Упомянутый отрывок — столь же несправедливый, сколь и поэтичный — будет найден в конце второго тома настоящего труда, в очерке жизни младшего Бранта.

Но это еще не все. Войдя в одно из жилищ, он обнаружил женщину, занятую домашними делами. "Вы занимаетесь этим делом, - спросил вождь, - в то время как все ваши соседи вокруг вас убиты?" Женщина ответила, что они поддерживают короля. "Эта просьба сегодня вам не поможет", - ответил воин. "Они убили семью мистера Уэллса, которая была мне так же дорога, как и моя собственная". "Но, - продолжала женщина, - есть один Джозеф Брант: если он с индейцами, он спасет нас". "Я Джозеф Брант!" - последовал быстрый ответ. "Но у меня нет командования, и я не знаю, смогу ли спасти вас; но я сделаю все, что в моих силах". В тот момент, когда он произносил эти слова, он заметил приближающихся Сенекас. - Быстро ложись в постель, - приказал он ей, - и притворись больной. Женщина повиновалась, и когда

подошли индейцы, он отпустил их под этим предлогом. Как только они ушли, он пронзительным сигналом собрал нескольких своих ирокезов и приказал им нарисовать его знак на женщине и ее детях. "Теперь вы, вероятно, в безопасности", — заметил он и ушел. [FN]

[FN] Таким образом, индейцы помечают своих пленников, и известный знак племени или вождя является защитой от опасности с чужой стороны.

Другой пример, приведенный тем же авторитетным источником, послужит дополнительной иллюстрацией поведения этого выдающегося индейского вождя в том случае: после окончания битвы он спросил одного из пленников о капитане М.^сКине, который удалился в долину Могавков со своей семьей. "Однажды он бросил мне вызов, - сказал вождь. - Теперь я пришел принять его. Он прекрасный солдат, раз так отступает!" В ответ было сказано: "Капитан М.^сКин не повернулся бы спиной к врагу там, где была вероятность успеха". "Я знаю это, - ответил Брант. - Он храбрый человек, и я отдал бы за него больше, чем за любого другого человека в Вишневой долине; но я не тронул бы и волоса с его головы".

[FN] Анналы Кэмпбелла.

Это были благородные чувства, достойные великодушного солдата. Действительно, все поведение вождя племени могавков в тот печальный день было чем угодно, только не характерным для "монстра", каким был изображен Брант. О поведении руководителя экспедиции, капитана Уолтера Н. Батлера, следует составить менее снисходительное суждение - возможно, не столько из—за совершенных зверств - потому что они тоже могли находиться вне его контроля или внезапно совершиться без его ведома, — но потому, что экспедиция была полностью его собственным предприятием. Говорили, что полковник Джон Батлер был опечален поведением своего сына в этом месте; однажды он заметил в связи с убийством мистера Уэллса и его семьи— "Я бы прошел много миль на четвереньках, чтобы спасти эту семью, и почему мой сын этого не сделал, одному Богу известно". Утверждалось также, что полковник обвинил Бранта в том, что он тайно подстрекал индейцев к совершению указанных бесчинств, чтобы навлечь ненависть на своего сына, под командование которого, как читателю уже было сообщено, он был отдан вопреки его собственным желаниям. Но Ирокез отверг это обвинение и сослался на свое прежнее поведение, особенно в случае со Спрингфилдом, как на оправдание своего характера от обвинения в бессмысленной жестокости. С другой стороны, Батлеру было предъявлено обвинение в том, что, когда в ночь, предшествовавшую резне, некоторые из его рейнджеров пожелали тайно сообщить своим друзьям в деревне о грозе, которая должна была разразиться над ними утром, он категорически отклонил просьбу, опасаясь, что, если нескольких человек хотя бы раз осторожно предупредить о приближающейся опасности, весть будет распространена, и вся деревня спасется бегством. [FN]

[FN] Анналы Кэмпбелла.

Эти вещи могут быть правдой, а могут и не быть. Но в любом случае Дворецкие-лоялисты, отец и сын, должны понести справедливое наказание, хотя до сих пор этого не произошло. По крайней мере, мир никогда не слышал, что они могли бы сказать в свою защиту — более того, что они действительно сказали — в отношении событий в Вайоминге и Вишневой долине; и искренность требует признания того, что повествования об этих событиях, дошедшие до нас, были написаны слишком скоро после их совершения, чтобы можно было поверить в полную беспристрастность авторов. Но поскольку истина составляет величайшее совершенство истории, и поскольку справедливое мнение редко может быть сформировано на основе полностью *правдивых* свидетельств после пятидесяти восьми лет молчания, Дворецким, хотя и мертвым, может быть позволено сказать слово в свое оправдание. Старший Батлер прожил на Ниагаре много лет после окончания конкурса; и, хотя он работал в британском департаменте по делам индейцев, его поведение было таким как в общественной, так и в частной жизни, что вызывало уважение у тех, кто его знал.

Письмо капитана Батлера генералу Шайлеру, написанное на следующий день после инцидента в Черри-Вэлли, было доставлено джентльменом, который из всех остальных чувствовал наибольшую заинтересованность в содействии предлагаемому соглашению, — самим полковником Кэмпбеллом. Генерал Шайлер на это не ответил по той причине, что он тогда не командовал округом; и по еще более веской причине, что, исходя из обстоятельств дела, оно приняло иное направление. Однако 1 января бригадный генерал Джеймс Клинтон направил капитану Батлеру следующее письмо по этому поводу:

"ГЕНЕРАЛ КЛИНТОН КАПИТАНУ БАТЛЕРУ.

Олбани, 1 января 1779 года.

"Сэр,

"Получено письмо, датированное 12 ноября прошлого года, подписанное вами и направленное генералу Шайлеру, которое было доставлено Джоном Кэмпбеллом. Поскольку его содержание касалось лиц, которые были гражданами штата, в дела которого военные не вмешиваются, письмо не было доставлено бригадному генералу Хэнду, который командовал в этом департаменте, но передано его превосходительству губернатору Клинтону, чтобы о его удовольствии узнать из его содержания. Он уполномочил меня произвести обмен, о котором вы просите. Я не знаю не только, куда обратиться к вам, но и в какую часть страны были доставлены несчастные заключенные, вывезенные из этого штата. Поэтому я посылаю носильщиков, А. В. и С. Д. с флагом, отнести это письмо в любое место, где они могут узнать, что вы находитесь, или любому другому офицеру, который может произвести обмен в ваше отсутствие. Если пленники находятся в какой-либо из индийских деревень и в состоянии быть перевезенными, вы, пожалуйста, отправите их в ближайшее из наших поселений; или, если вы не решите этого сделать, я пошлю соответствующих лиц встретить и принять их в любом месте, которое вы можете назначить. Мне не сообщили, решат ли миссис Батлер, ее семья и другие лица, которые будут переданы в обмен на тех, кто у вас в плену, и тех, кого вы вынудили вернуться, как указано в вашем письме, переехать в это суровое время года. Если они согласятся, их отправят. Если нет, они могут остаться до весны; а затем они могут отправиться либо в Освигу, либо в Канаду, по своему выбору. Если заключенные, взятые в Черри-Вэлли или любых других, принадлежащих штату Нью-Йорк, окажутся на Ниагаре, они не смогут вернуться до весны; и тогда я прошу, чтобы их отправили в Освигу или Форт Шайлер, и чтобы вы отправили уведомление о вашем решении,

чтобы соответствующие меры могли быть приняты. Не льстите себе, сэр, мыслью, что семья вашего отца была задержана из-за каких-либо последствий, которые они должны были иметь, или что решено обменять их с учетом угрозы, содержащейся в вашем письме. Я должен надеяться, ради сохранения человеческой природы и чести цивилизованных наций, что британские офицеры приложили все усилия, чтобы обуздать варварство дикарей. Но даже самому незаинтересованному уму трудно в это поверить, поскольку многочисленные случаи варварства совершались там, где дикарей не было — или, если бы они были, британских сил было бы недостаточно, чтобы сдержать их, даже если бы было реальное желание это сделать. Чудовищные убийства, совершенные в Вайоминге и Черри-Вэлли, явно оправдали бы возмездие; и то, что ваша мать не пала жертвой негодования выживших членов тех семей, которые были так варварски убиты, объясняется гуманными принципами, вера в которые проявляется в поведении их врагов, которым они совершенно чужды. Флаг будет нести с собой свое оружие, чтобы они могли запастись провизией, если то, с чем они отправились в путь, будет израсходовано до того, как они достигнут каких-либо мест, где их можно будет снабдить. Поскольку капитан Батлер может отсутствовать, я прилагаю копию этого письма генералу Шайлеру.

"Я, & с, Джеймс Клинтон,

"Капитану Уолтеру Батлеру или любому офицеру британской службы, которому это может быть передано". [FN]

[FN] Это письмо скопировано с первоначального проекта, находящегося среди бумаг генерала Клинтона.

Это письмо дошло до адресата в должное время и вызвало следующий ответ капитана Батлера, написанный от имени его отца и от него самого:

"КАПИТАН БАТЛЕР ГЕНЕРАЛУ КЛИНТОНУ.

Ниагара, 18 февраля 1779 года.

"Сэр,

"Я получил письмо от 1 января прошлого года, подписанное вами, в ответ на мое от 12 ноября.

"Его содержание я сообщил подполковнику Болтону, командиру этого гарнизона, и т.д., с которым мне поручено ознакомить вас, что он не возражает против того, чтобы состоялся обмен пленными, упомянутый в вашем письме; но, не имея полных полномочий от его Превосходительства генерала Холдиманда [Ф.Н.] приказать немедленно привести его в исполнение, счел уместным обратиться к главнокомандующему за его указаниями по этому вопросу".

Генерал сэр Фредерик Холдиманд до этого времени заменил сэра Гая Карлтона в командовании канадскими войсками.

"Тем временем полковник Батлер, как он всегда делал в других случаях, приложит все усилия, которые в его силах, чтобы собрать всех пленных, а также тех, кто принадлежит к вашим войскам, а также женщин и детей, находящихся в плену у различных индейских народов, и отправить их на этот пост для отправки в Краун-Пойнт, если обмен состоится через Канаду, или в Освигу, если они там поселятся. В любом случае полковник Болтон желает, чтобы я проинформировал вас, что заключенные получают от него любую помощь, которая может потребоваться в их нуждах, которую заключенные всегда получали на этом посту.

"Неприятное положение вашего народа в индейских деревнях, а также наше положение среди вас, побудит меня предпринять всю экспедицию, которая в моих силах, в Канаду (Квебек), чтобы как можно скорее урегулировать обмен. Для блага обоих я не сомневаюсь, что его превосходительство генерал Холдиманд согласится на надлежащий обмен. Время года делает невозможным, чтобы это произошло раньше 10 или 15 мая следующего года. Однако я напишу вам через Краун-Пойнт о решении генерала Холдиманда и о том, когда и где будет произведен обмен, который будет для него наиболее приятным, я хотел бы, чтобы миссис Батлер и ее семья, включая миссис Шихан с сыном и миссис Уолл, было разрешено поехать в Канаду весной, даже если обмен будет назначен в Онтарио.

"В настоящее время не наше дело, сэр, вступать в пререкания или размышлять о поведении британских или континентальных вооруженных сил, или о поведении друг друга; но поскольку вы обвинили (по рапорту, я должен предположить) британских офицеров в бесчеловечности в целом и полковника Батлера и меня в частности; в знак справедливости по отношению к ним и в защиту его и моей собственной чести и репутации, я нахожусь под неприятной необходимостью объявить обвинение несправедливым и лишенным правды, и которое может только ввести в заблуждение мир, хотя излюбленный лозунг всех сторонников конгресс по любому поводу, независимо от того, правда это или нет.

"Мы отрицаем, что какие-либо жестокости были совершены в *Вайоминге* как белыми, так и индейцами; напротив, ни один мужчина, женщина или ребенок не пострадали после капитуляции, ни одна женщина или ребенок до нее, и никто не был взят в плен. Хотя, если вы называете это *бесчеловечностью* убийство *вооруженных людей на поле боя*, мы в таком случае признаем себя виновными. Гибель жителей Вишневой долины не лежит на моей совести — моя совесть оправдывает. Если кто-то и виновен (как соучастник), так это вы сами; по крайней мере, поведение некоторых ваших офицеров. Во-первых, полковник Хартли из ваших вооруженных сил отправил индейцам прилагаемое письмо, являющееся копией его письма, в котором он обвиняет их в преступлениях, которых они никогда не совершали, и угрожает им и их деревням огнем и мечом и без пощады. Сожжение одной из их деревень, в которой тогда проживало всего несколько семей — ваших друзей, — которые воображали, что могут оставаться с вами в мире и дружбе, пока за несколько часов до прибытия ваших войск их не заверили, что они не получат даже жилья, распространилось по лесам; и, в довершение всего, полковник Деннистон и его люди снова появились с оружием в руках вместе с полковником Хартли после торжественной капитуляции и обязательства не носить оружие во время войны, и полковник Деннистон не выполнил обещание освободить ряд солдат, принадлежащих к рейнджерскому корпусу полковника Батлера, которые в то время были среди вас пленными, были причинами, указанными судом. Индейцы обратились ко мне после разрушения Черри-Вэлли за то, что они действовали не так, как в Вайоминге. Они добавили, что, поскольку их враги обвинили их в том, чего они никогда не совершали, и им угрожали, они решили убедить вас, что не страх помешал

им совершить это, и что они не хотели, чтобы дух привел ваши угрозы в действие против них самих.

"Пленные, отправленные мной обратно, или те, кто сейчас находится в наших руках или в руках индейцев, должны заявить, что я сделал все, что было в моих силах, чтобы помешать индейцам убивать пленных, или брать в плен женщин и детей, или каким-либо образом причинять им увечья. Полковник Стейси и несколько других ваших офицеров, когда их обменяют, оправдают меня; и должны далее заявить, что они получали всю возможную помощь до и после их прибытия на этот пост, которая могла быть оказана для удовлетворения их потребностей. Я должен, однако, попросить позволения, между прочим, заметить, что я не испытывал ни человечности, ни даже обычной справедливости во время моего заключения среди вас.

Прилагаю вам список офицеров и рядовых, которых я был бы рад обменивать аналогичным образом. Список семей, которые мы ожидаем для тех, кто был отправлен обратно, а также для других, находящихся в наших руках, вы также приложили.

"Полковник Стейси, несколько офицеров и другие ваши люди находятся на этом посту и имеют разрешение писать.

"Я, Ваш покорный слуга, УОЛТЕР Н. БАТЛЕР, *капитан корпуса рейнджеров. "Brigadier Gen. Клинтон, } из континентальных вооруженных сил". }*

Это прямое, мужественное письмо; и когда беспристрастный читатель взвешивает свидетельства относительно сделок, о которых в нем говорится, оно, безусловно, заслуживает рассмотрения. Более того, считается, что это первый случай, когда обвиняемым было разрешено изложить свою собственную версию дела. Без сомнения, были совершены кровавые бесчинства — вероятно, с обеих сторон, — потому что в таком состязании, которое вели жители границ, многие из которых, как мы видели, ранее пылали негодованием друг против друга, вряд ли можно ожидать, что отдельные бойцы всегда будут сражаться врукопашную со всей учтивостью, которая характеризовала доблестных рыцарей во времена рыцарства. Более того, отдавая должное полковнику Джону Батлеру, следует признать, что его поведение по отношению к пленным на Ниагаре и среди индейцев в этой стране было неизменно гуманным. Одно из доказательств такого расположения было предоставлено в случае с полковником Стейсией, чье уничтожение по той или иной причине было решено Молли Брант, индианкой, женой сэра Уильяма Джонсона, которая, будучи вдовой, была перевезена из Джонстауна на Ниагару. [FN]

[FN] "Молли Брант по какой-то причине питала смертельную неприязнь к полковнику Стейсии. Прибегнув к индейскому методу сновидения, она сообщила полковнику Батлеру, что ей приснилось, будто у нее в руках голова янки и что она и индейцы разбрасывают ее ногами по форту. Полковник Батлер приказал покрасить небольшой бочонок рома и преподнести ей. Это на короткое время успокоило ее; но во второй раз ей приснилось, что у нее в руках голова янки в его шляпе и что они с индейцами гоняют ее по форту в футбольный мяч. Полковник Батлер приказал подать ей еще один бочонок рома, а затем решительно заявил, что полковника Стейсию не следует отдавать индейцам. Помимо этого обстоятельства, я не знаю ничего, что могло бы порочить репутацию Молли Брант. Напротив, у нее, похоже, были справедливые

взгляды на свои обязанности. Она заботилась об образовании своих детей, некоторые из которых были респектабельно женаты". — *"Анналы Кэмпбеллса"*. — Можно добавить, что ее потомки от сэра Уильяма Джонсона и по сей день составляют одни из самых респектабельных и интеллигентных семей Верхней Канады. Традиции долины Мохок гласят, что знакомство сэра Уильяма с Молли имело довольно бурное и романтическое начало. История гласит, что она была очень жизнерадостной и очень красивой индианкой лет шестнадцати, когда он впервые увидел ее. Это было на сборе полкового ополчения, где Молли была одной из множества зрителей. Один из полевых офицеров подъехал к ней на гарцующем скакуне, и в качестве шутки она попросила разрешения сесть позади него. Не предполагая, что она сможет совершить этот подвиг, он сказал, что она может. При этих словах она вспрыгнула на круп с проворством газели. Лошадь рванулась с места во весь опор, и, прижавшись к офицеру, с развевающейся попой и развевающимися по ветру темными локонами, она понеслась по плацу, быстрая, как стрела, к бесконечному веселью собравшейся толпы. Баронет, который был свидетелем этого зрелища, восхищенный духом молодой скво и влюбленный в ее особу, взял ее домой в качестве своей жены.

Несколько заключенных из Черри-Вэлли были отправлены по уже указанному маршруту в страну Сенека, миссис Кэмпбелл доставили в замок Сенека в Канадасиаго, где ее представили семье, чтобы заполнить место, освободившееся в связи со смертью одного из ее членов. Ее детей, включая младенца, разлучили с ней и распределили по разным индийским семьям. Поскольку она искусно владела иглой и была полезна тем, с кем жила, к ней относились снисходительно. На нее не было наложено никаких ограничений, и она даже была удовлетворена своим желанием уделять должное внимание Субботе, о существовании которой они ничего не знали. Среди прочих небольших любезностей, заметив, что она носит шапочки, индеец подарил ей одну, которая была порезана и заляпана кровью. При ближайшем рассмотрении ее чувства были потрясены открытием, сделанным марком, что он принадлежал прекрасной спутнице ее юности, несчастной Джейн Уэллс!

После возвращения из успешной экспедиции ирокезы исполняют танец *благодарения*, который носит характер религиозной церемонии; [FN-1] и миссис Кэмпбелл вскоре после своего прибытия в Канадасеаго имела возможность стать свидетельницей фестиваля в честь их недавней победы, одним из трофеев которой она сама стала. Для этой цели был созван большой совет, и были сделаны приготовления к проведению фестиваля в масштабе, соответствующем важности достижений, которые они должны были отметить. Когда приготовления были завершены, воины вышли в центр деревни, где был разожжен большой костер, ужасно изуродованный черной и красной краской, и начали свои дикие обряды, воспевая свои собственные подвиги и подвиги своих предков, постепенно доводя себя до буйства страсти; улюлюкая, вопя и издавая всевозможные отвратительные вопли; размахивая своими ножами и боевыми дубинками и принимая самые угрожающие позы, в манере, ужасающей для неопытного зрителя. В этот раз не было заключенного, подвергнутого пыткам или облаченного в посмертный колпак цвета ворона; [FN-2] но заключенных провели парадом, и скальпы пронесли процессией, как это было бы принято в цивилизованной войне при праздновании триумфа. По поводу каждого скальпа и каждого взятого в плен *вопля скальпа*, или, как его иногда называют, *предсмертного крика*, раздавался все тот же смешанный тон триумфа и ужаса. [FN-3] Вопль скальпа - самая потрясающая нота, которую может издать индеец, и, судя по количеству погибших во время этой экспедиции, он часто повторялся. Затем белая собака для жертвоприношения была убита; собранные приношения были брошены в

огонь; после чего собаку положили на грудь и тщательно поджарили. Затем мясо было съедено, и праздник дикой природы завершился.

[FN-1] Хеквельдер.

[FN-2] Индейцы не часто подвергают своих пленников пыткам или даже смерти — редко, за исключением случаев, когда они понесли большие потери или когда кто-то из их воинов был убит. Затем прибегают к пыткам, чтобы утолить жажду мести.—Хеквелдер.

[FN-3] Idem.

Судя по описанию церемоний на одном из фестивалей, зрительницей которых миссис Кэмпбелл была во время своего пленения, она, должно быть, присутствовала на большом ежегодном празднике благодарения и отпущения грехов, который проводится сенеками и другими племенами конфедерации. Это их величайшая национальная и самая торжественная жертва. Он неизменно проводится во время полнолуния в январе и отмечается с большим парадом; церемонии проводятся в предельном порядке, гармонии и пристойности под руководством большого комитета, назначенного для этой цели.

Празднества продолжались девять дней, в первый из которых две белые собаки, без единого пятнышка, если таковые могли быть найдены, были задушены и повешены перед дверью здания совета на высоте двадцати футов. Не позволялось проливать ни капли крови в довершение их смерти, так как таким образом жертвы становились непригодными для жертвоприношения. После того, как животные были убиты, и перед тем, как их подвесить, их лица были выкрашены в красный цвет, а также края ушей и другие части тела. Затем их фантастически украсили лентами и перьями, сделав настолько красивыми в глазах индейцев, насколько это было возможно. Когда их маскарадный костюм был завершен, собак повесили, и началась церемония резвости. В течение первого дня комитет посетил каждую хижину в городе, каждому члену была выдана лопата, с помощью которой он убирал золу и угли из каждого очага и развеивал их по ветру. Таким образом, огонь в каждом домике был потушен, и его можно было разжечь заново, только высекая нетронутые искры из кремня. Выстрел из ружья в каждом домике возвестил о том, что работа по очищению, даже самого огня, была выполнена; и этой церемонией завершились труды первого дня.

Церемонии второго дня были открыты танцами комитета, после чего, одетые в медвежьи шкуры, члены комитета обошли каждую хижину с корзинами для сбора подаяний — получая все, что было даровано, но особенно табак и другие предметы, используемые в качестве благовоний при жертвоприношении. Два или три дня ушло на получение этих благодарных пожертвований, в течение которых люди в доме совета были заняты танцами и другими развлечениями. На пятый день к нарядам из медвежьих шкур распорядителей праздника добавились маски, одни нелепые, другие устрашающие, в которых они бегали по деревне, вымазывая себя грязью и обмазывая грязью всех, кто отказывался добавлять благовония в содержимое своих корзин. Предполагалось, что, занимаясь этим, сборщики должны были принять в свои тела все грехи своего племени, какими бы многочисленными или отвратительными они ни были, совершенные в течение предыдущего года.

На девятый день праздника с помощью какого-то магического процесса собранные таким образом грехи нации были перелиты от нескольких членов Комитета к одному из них. Затем собак убрали, и вся тяжесть беззакония нации с помощью другого магического процесса была перенесена в их безжизненные тела. Затем тела собак клали на деревянный алтарь, к которому подносили огонь, и все это сжигали — хозяева жертвоприношения бросали табак и другие пахучие предметы в пламя, предполагалось, что поднимающийся от него фимиам будет приятен Великому Духу. Жертвоприношение закончилось, все присутствующие приняли участие в обильном пиршестве, главным блюдом которого был суккоташ. Затем последовали танцы войны и мира и курение калумета. Таким образом, освеженные и освобожденные от бремени грехов - в мире с Великим Духом и друг с другом — воины со своими семьями вернулись, каждый в свой дом, готовые приступить к делам и обязанностям следующего года; вожди во время праздника тщательно проанализировали прошлое и скорректировали свою политику на будущее. [FN]

Воспоминания миссис Кэмпбелл едва ли позволили ей подробно рассказать об этом великом празднике, хотя, судя по Анналам ее внука, она сохранила воспоминания о главных моментах церемоний. Автор восполнила недостатки своего рассказа из жизни миссис Джемисон. Мы полагаем, что жертвоприношение собак распространено среди североамериканских индейцев повсеместно. Как долго сохранялся этот обычай, достоверно неизвестно. Коттон Мазер утверждает, "что индейцы в своих войнах с нами, находя большие неудобства из-за наших собак, принесли собаку в жертву дьяволу; после чего ни одна английская собака не стала бы лаять на индейца в течение нескольких последующих месяцев". *Magnalia*, iii. 192. Какой переводчик был у дьявола в этих случаях, не сообщается. О том, что он не понимал индийского языка, свидетельствует тот же автор: "Однажды обнаружив, что Демоны в одержимой молодой женщине понимают латынь, греческий и иврит, мое любопытство побудило меня попробовать этот индийский язык, и Демоны, казалось, действительно его не понимали". —Сэндс.

Капитан Батлер вернулся из своего визита к генералу Холдиманду с разрешением на предполагаемый обмен пленными, полковник, его отец, отправился в замок Сенека, чтобы договориться об освобождении миссис Кэмпбелл. Семья, которой она была усыновлена, очень неохотно расставалась с ней, но после проведения совета решительные призывы полковника Батлера, который стремился освободить свою жену и семью, возобладали. Миссис Кэмпбелл, однако, была отдана на попечение семье дженези, куда ее вскоре должны были перевезти; и поскольку ее освобождение не могло быть завершено без согласия этой семьи, Гайангуахта, престарелый король сенека, который стал ее ревностным другом, совершил поездку в Дженези от ее имени. Он добился успеха, и миссис Кэмпбелл перевезли на Ниагару. Престарелый король, будучи слишком старым, чтобы выйти на тропу войны, не принимал участия в надвигающихся боевых действиях. Он, казалось, был мало расположен ко злу и, расставаясь с прекрасной пленницей, нежно попрощался с ней следующими словами: "Ты скоро вернешься к своему дому и друзьям", - сказал почтенный сахем. "Я радуюсь. Ты живешь очень далеко, и отсюда еще много поездок. Я старый человек и не знаю, доживу ли до конца войны. Если я это сделаю, я приеду повидаться с вами". Миссис Кэмпбелл добралась до Ниагары в июне 1779 года. Проживая там, среди прочих, она имела возможность увидеть знаменитую Катарину Монтур, чье имя встречается на предыдущих страницах в связи с битвой

при Вайоминге. Один из двух ее сыновей, проявивших себя в Вайоминге, также участвовал в деле в Черри-Вэлли; и именно он взял в плен мистера Кэннона, отца миссис Кэмпбелл, после того как тот был ранен мушкетной пулей. Будучи уважаемым вигом, а также членом Комитета безопасности, было решено оставить мистера Кэннона в плену с целью обмена на кого-нибудь из их собственных людей, обладающих таким же влиянием. Но его возраст и рана сделали его неудобным пленником, и Кейт Монтур была в ярости на своего сына за то, что не убила его сразу. И все же, несмотря на это проявление дикого нрава, британские офицеры относились к ней с заметным уважением.

[FN] *Анналы Кэмпбелла.*

Только в июне следующего года миссис Кэмпбелл отправили с Ниагары в Монреаль, по пути домой. Проживая на бывшем посту, поскольку индейцев загнали в форт, она смогла вернуть троих своих детей. По прибытии в Монреаль она встретилась с миссис Батлер и ее семьей, которые ранее были освобождены. Здесь же, на попечении этой леди, миссис Кэмпбелл нашла своего четвертого ребенка, маленького сына, которого отобрали у нее во время резни в Черри-Вэлли. Он был одет в зеленую форму рейнджеров Батлера, но забыл английский язык и говорил только по-индийски. Из Монреаля миссис Кэмпбелл отправили в Олбани через озеро Шамплейн, где вскоре к ней присоединился ее муж, который большую часть времени, пока она была в плену, находился в Форт-Шайлере.

По пути из Монреаля миссис Кэмпбелл и заключенным, возвращавшимся в ее сопровождении, помешали различные обстоятельства и инциденты, которые привели к задержке их продвижения. Ее задержали в Монреале на четыре месяца, и эти дополнительные задержки были чрезвычайно досадными. Перед их отъездом из Краун-Пойнта до американских берегов озера, от Тикондероги до Скенсборо, дошел слух, что из Канады собирается предпринять еще одну экспедицию против Нью-Йорка, и жители были немало встревожены этой перспективой. Случилось так, что мужчины в баталиях, где содержались пленники, были одеты в одеяла, а некоторые женщины были в красных плащах. Разведчик обнаружил их на озере и, приняв за отряд индейцев и тори, поднял тревогу, и к их прибытию собралось более тысячи человек под командованием полковника. Итана Аллена. Во время остановки в небольшой крепости, в восьми милях от Каслтона, было объявлено, что приближается флаг. Предполагалось, что его отправят с требованием сдачи крепости. Полковник Дж. Херрик из ополчения ударил своим мечом о землю с такой силой, что разломал его на куски, заявив, что его нельзя отдавать. Полковник Аллен сказал пленным, что они больше не должны попасть в руки врага, и, немедленно посадив их на коней, отправил в Олбани в сопровождении сотни человек. Этот флаг был отправлен по следующей причине: —Ходили слухи, что жители этого района заявили, что если они не будут защищены от вторжений индейцев и тори, они будут искать защиты в другом месте. Возможно, излишне добавлять, что этот флаг был послан, чтобы предложить им защиту Великобритании — предложение, которое, конечно, было отклонено. —*Анналы Кэмпбелла.*

Разрушение Вишневой долины положило конец военным действиям обеих стран на Севере на тот год. Действительно, в начале сезона, как уже говорилось, планировалась грандиозная

кампания не только против противников из Шести наций, но и против более отдаленных стран, для которых Детройт был общим центром. Но большая половина этого предприятия была заброшена после вторжения в Вайоминг, и следующий проект предусматривал вторжение в страну сенека через реки Тиога и Чемунг. В октябре эта часть проекта также была отложена по предложению генералов Гейтса и Шайлера.

Тем временем, несмотря на то, что эти предприятия последовательно проваливались из-за отсутствия "сухожилий войны", Конгресс планировал другую грандиозную кампанию, предусматривавшую одновременное нападение на весь северный диапазон британских владений, от Кейп-Бретона и Ньюфаундленда до Детройта. Французский флот должен был сотрудничать, атакуя острова и территории в устье реки Святого Лаврентия; в то время как американцы должны были послать армию к Детройту, другую к Ниагаре, третью к Освигу и четвертую против Монреаля по пути Святого Франциска. Излишне добавлять, что, хотя Конгресс согласовал все детали, в тот момент, когда план был представлен главнокомандующему, с которым ранее не консультировались в помещении, он был неизбежно отложен в сторону. Во-первых, у нации не было средств; а во-вторых, Конгресс, готовя материалы для этого великолепного предприятия, забыл, что они должны были оставить сэра Генри Клинтона и все британские силы в Нью-Йорке и на Юге, насчитывающие по меньшей мере семнадцать тысяч человек, позади! Так завершились северные кампании 1778 года. Британцы, тори и индейцы отправились на зимние квартиры, а жители приграничья распорядились собой как могли.

Много говорилось в традициях округа Трайон, а также отчасти в судах по делам, касающимся прав собственности на недвижимость, ранее принадлежавшую семье сэра Уильяма Джонсона, относительно захоронения его сыном сэром Джоном перед его бегством в Канаду железного сундука с самыми ценными из его собственных бумаг и бумаг его отца. Поздней осенью текущего года генерал Холдиманд по просьбе сэра Джона частным образом отправил отряд численностью от сорока до пятидесяти человек в Джонстаун, чтобы выкопать и унести сундук. Экспедиция прошла успешно, но сундук был недостаточно герметичен, чтобы предотвратить попадание сырости из земли, и бумаги заплесневели, сгнили и стали неразборчивыми, когда их доставали. Информация об этой экспедиции была получена весной следующего года от человека по имени Хельмер, который был одним из участников экспедиции и помогал в извлечении сундука. Хелмер бежал в Канаду вместе с сэром Джоном. Отступая из Джонстауна с сундуком, он повредил лодыжку и из-за своей хромоты вернулся в дом своего отца, где скрывался до весны, когда его арестовали. 15 апреля 1779 года он предстал перед военным трибуналом в Джонстауне как шпион и был приговорен к смертной казни — главным образом на основании его собственных признаний суду. В ходе конкурса было проведено значительное количество казней без надлежащего судебного разбирательства, совершенных вигами округа Трайон. [FN]

[FN] Эта информация, касающаяся обнаружения железного сундука, почерпнута из протоколов военного трибунала, находящихся среди бумаг генерала Клинтона. В рукописи Джейкоба Сэммонса, находящейся в распоряжении автора, говорится, что сундук был выкопан лейтенантом ночью в мае 1778 года. Кроуфорд во главе сорока человек, присланных из Канады для этой цели. Сэммонс тогда арендовал ферму Джонсонов у комитета по конфискации имущества. Сундук был зарыт под одной из садовых дорожек. Сэммонс обнаружил его утром,

вокруг были разбросаны обрывки бумаг. Но поскольку он написал свой рассказ много позже, есть вероятность, что дата, указанная на суде над Хельмером, является истинной.

О главных военных событиях, происходивших в других частях страны в течение 1778 года, уже упоминалось вскользь, за исключением тех, что произошли на Юге. В июне месяце граф Карлайл, губернатор Джонстон, и Уильям Иден, эсквайр. которые вместе с генералом и лордом Хоу были назначены комиссарами для очередной попытки договориться с Колониями, прибыли и направили свои инструкции Конгрессу. В ответ было отправлено письмо от президента, в котором он упрекал комиссаров за формулировки, которые они допускали в отношении короля Франции, нашего союзника, и снова категорически отказывался вести переговоры, кроме как на основе независимых государств. 6 августа месяе Жерар был публично принят в качестве полномочного министра короля Франции — к великой радости американского народа; а 14 сентября доктор Бенджамин Франклин был назначен полномочным министром при Версальском дворе.

В течение лета было совершено два вторжения британских регулярных войск и американских беженцев из Флориды в Джорджию. Обе экспедиции столкнулись с такими обескураживающими препятствиями, что вынудили их отступить, не добившись ничего, кроме разрушения церкви, жилых домов и рисовых полей Мидуэя. В обмен на эти посещения. Генерал Роберт Хоу возглавил экспедицию численностью около двух тысяч человек, в основном ополченцев, во Флориду. Он захватил британские посты на реке Сент-Мэри и успешно продвигался вперед, когда его поход был остановлен болезнью, настолько фатальной для его армии, что вынудила отказаться от предприятия. Ближе к концу года британский главнокомандующий решил нанести сигнальный удар по Югу. С этой целью 27 ноября в Нью-Йорке высадилась экспедиция из двух тысяч человек под командованием полковника Кэмпбелла, храброго и способного офицера, направленная против Саванны. По прошествии трех недель полковник Кэмпбелл высадился недалеко от устья реки Саванна. Генерал Хоу, которому была доверена оборона Джорджии, располагал всего шестьюстами регулярными войсками и несколькими сотнями ополченцев, чтобы противостоять захватчикам. Этот офицер занял позицию между пристанью и городом, где 29 декабря произошло сражение. Он был в меньшинстве, превосходил по численности генералов и был разбит, потеряв сто человек убитыми. Город и форт Саванна, тридцать восемь офицеров, четыреста пятнадцать рядовых, двадцать три мортиры вместе с кораблями по реке и большим количеством боеприпасов и провизии попали в руки завоевателей. Это была легкая победа для врага, потери которого составили всего семь убитых и девятнадцать раненых.

Судя по этим кратким описаниям событий 1778 года, происходивших в других местах, кроме индейских земель, кажется, что после битвы при Монмуте наступил период сравнительного бездействия с обеих сторон. Тем не менее, вернув себе укрепленный перевал Хайлендз сразу после возвращения сэра Генри Клинтона и commodора Хотэма в Нью-Йорк, ближе к концу предыдущего года, американцы не проявили недостатка в усердии в укреплении и умножении своей обороны, с которой их больше никогда не выбивали ни сила, ни предательство.

Руководство этими работами первоначально было поручено генералу Патнэму; но преклонный возраст этого патриотически настроенного офицера сделал его менее активным, чем раньше, и он стал непопулярен в Нью-Йорке — главным образом из-за впечатления, что более энергичный командир, размещенный с армией в Фишбилле и извещенный о приближении сэра Генри Клинтона, спас бы форты Клинтон и Монтгомери. Таким образом, по указанию

главнокомандующего ветеран из Коннектикута был переведен обратно в свой штат на другую службу.

ГЛАВА XVIII.

Осада форта Лоуренс индейцами — Успешные стратегические уловки—Бегство вьючных лошадей—Заброшенный форт-Проект "Энтерпрайз" из Детройта—губернатор. Гамильтон взят в плен при Сент-Винсенте полковником Дж. Кларк—Проекты Бранта—Беспокойство на западе Нью-Йорка—Обсуждение Онейдас и Онондагас—Проекты Бранта провалены—Предательство онондагас—Полковник Ван Шейк идет опустошать их города—Инструкции генерала Клинтона—Переход Вуд—Крик и озера Онейда—Наступление на индейские города—Их разрушение—Возвращение экспедиции в Форт Шайлер—Миссия Онейдас в Форт Шайлер от имени Онондагас—Речь Доброго Питера—Ответ полковника Ван Шейка —Вторжение тори и индейцев в страну нижних Могавков—Каменная Аравия—Защита капитаном Ричером своего дома—Индейцы в Шохари—Генерал Клинтон пересекает долину Могавков—Экспедиция М.^кКлеллана в Освегачи—Неудачная—Вторжение онондагас в Коблскилл—Поражение американцев—Разрушенное поселение—Убийства в окрестностях Форта Питт—Вторжение тори в Уорварсинг—Вторжение в Минисинк—Битва близ Делаверэ—Резня в Ополчение округа Ориндж -Битва с шаванцами.

О возведении генералом М.^кИнтошем передового поста, названного Форт Лоуренс, на реке Тускарава, которому было приказано наступать на индийские города Сандаски, упоминалось в предыдущей главе. Полковник Гибсон, которого оставили командовать фортом с гарнизоном в сто пятьдесят человек, вскоре обнаружил, что его положение довольно неудобное из-за толп индейцев, слонявшихся по окрестностям, которых вскоре стало так много, что они полностью окружили маленькую крепость. Первая враждебная демонстрация лесных воинов была проведена с такой же хитростью и успехом. Лошадям гарнизона было позволено добывать себе корм на траве, среди высохшей степной травы непосредственно в окрестностях колокольчиков форта, чтобы их было легче найти, если они забредут слишком далеко. Однажды январским утром случилось так, что все лошади исчезли, но колокольчики были слышны, казалось бы, на небольшом расстоянии. На самом деле их украли индейцы и увезли с собой. Колокола, однако, были сняты и использованы для другой цели. Воспользовавшись высокой травой прерий, индейцы устроили засаду, на самом дальнем конце которой они заставили звенеть колокольчики в качестве приманки. Уловка удалась. Отряд из шестнадцати человек был отправлен в погоню за отбившимися конями, которые попали в ловушку. Четырнадцать были

убиты на месте, а двое оставшихся взяты в плен, один из которых вернулся в конце войны, а о другом никогда ничего не было слышно. [FN]

[FN] Преподобный мистер Доддридж, чья небольшая работа является авторитетом во всех фактах, касающихся форта Лоуренс, утверждает, что капитан, впоследствии генерал Бриггс из Вирджинии, будучи тогдашним офицером, чрезвычайно желал возглавить отряд, отправленный за лошадьми, но полковник Гибсон отказал ему в разрешении, заметив, что, когда у него будет возможность отправить команду капитана, он должен быть благодарен за его услуги, но до тех пор он должен довольствоваться выполнением своих обязанностей в форте. "От каких пустяковых обстоятельств, - добавляет добрый священник, - иногда зависят жизнь и смерть!"

Ближе к вечеру того же дня весь отряд индейцев, раскрашенный и в полном боевом облачении, предстал на виду у гарнизона, маршируя гуськом, хотя и на почтительном расстоянии, через прерию. Их численность, согласно подсчетам с одного из бастионов, составляла восемьсот сорок семь человек - в общей сложности слишком много, чтобы такой маленький гарнизон мог столкнуться с ними в поле боя. После этой демонстрации своей силы индейцы заняли позицию на возвышенности недалеко от форта, хотя и на противоположном берегу реки. В такой ситуации они оставались несколько недель, находясь скорее в состоянии вооруженного нейтралитета, чем активной враждебности. Некоторые из них часто подходили к форту достаточно близко, чтобы вести беседы с теми, кто находился на стенах. Они единодушно заявляли о стремлении к миру, но протестовали против посягательств белых людей на их земли — особенно против возведения форта на территории, на которую они претендовали как на исключительно свою собственную, что вызывало недовольство — нет, признанное раздражение. С американцами в форте был пожилой дружелюбный индеец по имени Джон Томпсон, который, казалось, был в равном расположении обеих сторон, посещал индейский лагерь в свое удовольствие, приходил и уходил по своему выбору. Они сообщили Томпсону, что сожалеют о продолжении военных действий, и, наконец, передали через него сообщение полковнику Гибсону, что они желают мира, и если он подарит им бочку муки, они пришлют свои предложения на следующий день. Мука была отправлена, но индейцы, вместо того чтобы выполнить свою часть условия, удалились и полностью исчезли. Они действительно продолжали осаду до тех пор, пока могли добывать средства к существованию, и сняли ее только из-за нехватки припасов. Тем не менее, как военная хитрость началась, так и закончилась она. Провизия полковника Гибсона также подходила к концу, и, поскольку он предположил, что индейцы полностью ушли, он приказал полковнику Пенсильванского фронта Кларку с отрядом из пятнадцати человек сопровождать инвалидов гарнизона, насчитывавших десять или дюжину человек, обратно в форт McIntosh. Но индейцы оставили сильный наблюдательный отряд в окрестностях форта; и эскорт проследовал всего две мили, прежде чем на него напали, и все они были убиты, за исключением четырех человек, одному из которых, капитану, удалось скрыться обратно в форт. Тела убитых были преданы гарнизону в тот же день с воинскими почестями. Аналогичным образом был отправлен отряд, чтобы собрать останки четырнадцати человек, которые первыми пали во время засады, и похоронить их; эта служба была совершена. Однако было обнаружено, что волки в основном сожрали их мясо, и, установив капканы на свежевырытую могилу, некоторые из этих прожорливых зверей были пойманы и застрелены на следующее утро.

Положение гарнизона теперь становилось плачевным. В течение двух недель количество людей ограничивалось половиной фунта кислой муки и таким же количеством вонючего мяса в сутки; и еще неделю они были вынуждены питаться только сырыми шкурами и теми кореньями, которые они могли найти в окрестных лесах и прериях, когда генерал М.^cIntosh как нельзя кстати прибыл к ним на помощь с припасами и подкреплением в семьсот человек. Но все же они были близки к тому, чтобы снова оказаться на скудном пайке из-за несчастного случая, приведшего к потере значительной части их свежих припасов. Эти припасы перевозились через дикую местность на вьючных лошадях. Гарнизон, вне себя от радости по поводу прибытия подмоги, при их приближении примерно на сто ярдов к форту занял парапеты и дал ружейный салют. Но лошади, должно быть, были молоды на службе. Испуганные выстрелами из пушек, они начали вставать на дыбы и нырять, оторвавшись от своих поводырей. Пример оказался заразительным, и через мгновение вся кавалькада вьючных лошадей уже мчалась в лес на полном скаку, сбрасывая свою ношу на землю и разбрасывая ее по множеству мест во всех направлениях, большую часть которых так и не удалось вернуть. Но припасов было еще достаточно, чтобы вызвать смешение зла с добром. Очень неосторожно офицеры выдавали двухдневный паек на человека, весь который был съеден умирающими от голода солдатами, подвергая неминуемой опасности жизни всех и приводя к тяжелой болезни многих. Снова покинув форт, генерал М.^cIntosh передал командование майору Вернону, который оставался на станции несколько месяцев. Ему, в свою очередь, пришлось терпеть ужасы голода до тех пор, пока терпеть не стало смерти; после чего форт был эвакуирован, а позиция оставлена — ее занятие и поддержание ценой огромной усталости и страданий, а также ценой многих жизней, не оказало ни малейшей услуги стране.

Первоначально целью генерала М.^cИнтоша было проникнуть через дикую местность к озеру Эри, а оттуда совершить нападение на Детройт; и в письме главнокомандующего Комитету Конгресса, назначенному для обсуждения с ним военных вопросов, он, по-видимому, выразил мнение, что М.^cИнтош подготовил наилучшую диспозицию для этого предприятия, какую позволяли обстоятельства дела. Но он был разочарован в своих ожиданиях относительно людей, провизии и запасов. По-видимому, это было одно из тех начинаний, предпринятых по приказу Конгресса без консультаций с главнокомандующим, которые ранее его немало раздражали. Тем не менее, это получило его одобрение, тем более охотно, что его замысел совпадал с его собственными взглядами на предмет ведения войны с индейцами — его единое мнение состояло в том, что самым дешевым и эффективным методом противодействия им было перенести войну в их собственную страну. Своими вторжениями в приграничные поселения, пока американцы довольствовались оборонительными действиями, индейцы мало что теряли и все приобретали; тогда как прямое обратное было бы следствием наступательной войны против них. [FN]

Письмо Вашингтона Комитету Конгресса от 12 января 1779 г.

Но, несмотря на неблагоприятный результат экспедиции генерала М.^cИнтоша, индийское отделение вооруженных сил в текущем году успешно открылось в другом месте, и сначала в регионе, расположенном еще глубже на западе, чем Форт-Лоуренс. Полковник Гамильтон, британский вице-губернатор Детройта - грубый, вспыльчивый и жестокий офицер, прославивший себя тем, что оказывал пагубное влияние на индейцев, и провоцировавший их

поднять топор войны против американцев всеми возможными средствами, подстрекая их к кровавым подвигам за большие награды, — спланировал мощную экспедицию индейцев против границы с Вирджинией, которая должна была быть осуществлена ранней весной. [FN-1] С таким расчетом в конце предыдущей осени Хэмилтон покинул Детройт и занял пост в Сент-Винсенте, на реке Уобаш, чтобы действовать раньше и эффективнее сразу после окончания зимы. Но его замысел был, к счастью, сведен на нет ударом с направления, которого он не предвидел. Полковник Кларк, который все еще с небольшим отрядом командовал Каскаскиасом, узнав в феврале, что Гамильтон ослабил себя, отправив множество своих индейцев в разные стороны, чтобы беспокоить границы Штатов, принял смелое решение напасть на него в его квартире. После трудного перехода по суше и воде, во главе ста тридцати человек, Кларк внезапно прибыл к Сент-Винсенту. Город сразу же подчинился, и на следующий день полковник Гамильтон и гарнизон сдались в плен. Полковнику Кларку также посчастливилось перехватить ценный конвой с провизией и припасами, следовавший в Сент-Винсент из Детройта. Гамильтон был переведен в Виргинию, где Совет Содружества возбудил расследование вменяемого ему бесчеловечного поведения, и было рекомендовано заключить его в кандалы на диете из хлеба и воды. [FN-2] Планы врага были немало нарушены этим небольшим, хотя и блестящим делом; и немедленным следствием этого стал мир с несколькими индейскими племенами в этом направлении.

[FN-1] Если кто-либо сомневается в уместности столь резких высказываний в истории об этом полковнике Гамильтоне, пусть он прочтет "Рассказ о захвате Джона Доджа британцами в Детройте и обращении с ним", опубликованный в "Летописце Алмона", том vi. стр. 73-81.

[FN-2] Рамзи.

Тем временем, еще до того, как эта катастрофа постигла детройтскую экспедицию, Джозеф Брант задумал какое-то смелое зимнее предприятие, которое — вероятно, вследствие поимки Гамильтона — провалилось, или, скорее, его не пытались осуществить. Неизвестно, о какой мере размышлял Брант; но 1 января полковник Ван Дейк, в то время командовавший фортом Шайлер, написал генералу Клинтону, "что "Онейда" только что получила информацию о том, что противник, похоже, решил нанести какой-то серьезный удар зимой". В дополнение к заявлению индейцев Киквога присоединиться к ним в экспедиции, полковник Ван Дейк заявил, что "один из главных воинов племени онейда получил частное письмо от Джозефа Бранта, приглашающее его присоединиться к Шести нациям со своими приверженцами, чтобы он мог избежать опасности, которой подвергалось его племя". [FN]

Документы генерала Джеймса Клинтона.

Есть основания предполагать, что частью проекта Бранта было нанести удар по самим онейдам, если только их не удастся склонить к нарушению нейтралитета, что практически привело к союзу с Соединенными Штатами. [FN] Но это верное племя нельзя было ни уговорить, ни согнать с позиции, которую они занимали с самого начала конфликта. 16 и 17 января "Онейда" и "Тускарорас" провели совет, чтобы обсудить приглашения "Кикогаса" и капитана Бранта, о результатах которого они сообщили полковнику Ван Дейку на следующий день. Они сообщили

этому умелому офицеру, что после разрешения любому из их племени, пожелавшему присоединиться к врагу, отступить, совет принял единогласное решение "стоять рядом друг с другом в защите своей жизни и свободы от любого врага, который может быть расположен напасть на них"; а на последнее сообщение кикогаса они единодушно согласились дать следующий ответ, а именно: "Поскольку они всегда вели себя тихо и миролюбиво по отношению к конфедерации, они не могли представить, что их поведение может быть сочтено ими предосудительным. Они также напомнили им о своих долгих и неустанных усилиях не допустить, чтобы Шесть наций оказались втянутыми в бедствия войны, и о том, что они зашли так далеко, что своим влиянием освободили из тесного заключения некоторых своих людей, которых военная судьба отдала в руки их врагов. Но теперь они совершенно отчаялись когда-либо добиться примирения между Конфедерацией и Соединенными Штатами; и что единственная надежда, которую они имели на них, заключалась в том, что некоторые из них со временем откажутся от дела, столь неосторожно поддержанного; что они никогда не нарушат свой союз с Американскими Штатами; и хотя они не будут агрессорами или бессмысленно спровоцируют какое-либо племя на войну, все же отныне они должны быть настороже против любого врага".

9 апреля 1779 года Конгресс принял резолюцию о присвоении звания капитана четырем индейцам племен Онейда и Тускарора, а также восьми званиям лейтенантов. Впоследствии тогдашний главный вождь племени Онейда Луис Атайатароута был произведен в подполковники. Луи, или "полковник Луи", как его впоследствии стали называть, был представителем трех рас: наполовину индейцем, наполовину негром и наполовину белым человеком. В ходе войны этим индейцам было выдано еще несколько орденов. Большинство из них служили верой и правдой. Некоторые были убиты, а трое лейтенантов дезертировали к врагу и обменяли свои чины на то же звание на британской службе.

Семь главных вождей племени онондага, которые до сих пор считались нейтральными, находились в то время в Онейде, на пути в форт Шайлер, и было решено вызвать их на совет и ознакомить с вышеупомянутой резолюцией. Соответственно, это было сделано путем передачи большого черного пояса вампума. Онондаги ответили, "Что они были очень рады услышать решение, принятое их детьми, Онейдами и Тускарорами. Они заметили, что, поскольку онейды, которые были главой конфедерации, передали огонь совета и древо мира на их попечение с поручением охранять их от приближения чего-либо, что могло бы повредить или иметь тенденцию нарушать гармонию конфедерации, они поэтому неизменно следовали путем мира; и хотя противоположная сторона их племени желала, чтобы они погасили огонь совета, все же они отказались, да и не могли последовательно делать это, пока Онейды сохраняли какие-либо надежды урегулировать дела в Шести нациях. Но поскольку главы конфедерации так полно заявили о себе по этому вопросу, они теперь перестали сохранять спокойствие, погасили костер совета и воткнули дерево в землю; и были полны решимости присоединиться к своим детям, Онейдам и Тускарорам, чтобы противостоять любому захватчику".

По возвращении домой онондаги намеревались произвести окончательное разделение в своем племени и настаивали на том, чтобы каждый выступил на той или иной стороне. Поведение большинства онондага с самого начала было двусмысленным — часто открыто враждебным. Но присутствующие на этом совете проявили лучшие чувства и присоединились к просьбе Онейды

о выделении войск для их защиты. В этот раз онейда оказали большое доверие профессии своих братьев-онондага и были в приподнятом настроении, узнав о результатах совета. [FN]

Переписка генерала Клинтона —МИСС письмо полковника Ван Дейка.

Были и другие свидетельства, не только о намерении Тайенданеги совершить мощное наступление индейцев на могавков этой зимой, но и о предполагаемой верности этих онондага Соединенным Штатам. Примерно в середине февраля генерал Клинтон, получив по различным каналам и несколькими экспресс-отправлениями информацию в Олбани такого плана, выступил маршем в Скенектади с полком полковника Ван Шейка, приказав последнему подняться по реке Мохок до Коунаваги и там ожидать развития событий. 26 февраля капитан Копп из форта Ван Дейк [FN-1] написал капитану Грэму, в то время командовавшему фортом Шайлер, сообщив, что двое посланцев Онейды, из выдающихся (индийских) семей, только что вернулись с Ниагары, где они получили положительные доказательства намерений Бранта. Вождь могавков получил срочные сообщения, в которых сообщалось, что шаванцы и делавары должны были нанести одновременный удар по границе Вирджинии; [FN-2] и сам Брант должен был возглавить основную экспедицию непосредственно к Могавку, в то время как другой отвлекающий маневр должен был быть осуществлен путем отправки меньшего отряда в обход Унадила, чтобы обрушиться на поселения Шохари. Что касается верности онондага, то вожди племени онейда заявили, что четырнадцать представителей этого народа были отправлены вождями племени на Ниагару, чтобы убедить своих братьев, которые подняли топор войны с могавками, вернуться. Но этим четырнадцати посланникам самим не разрешили вернуться, и онондага опасались, что они и все их люди на Ниагаре попали в плен. В этих обстоятельствах беспокойство в округе Трайон значительно усилилось. Майор Джеллс Фонда написал генералу Клинтону, заявив, что в северной части этого поселения все еще находятся триста семей Тори, которые оказывают помощь и утешение враждебно настроенным беженцам, которые поддерживают с ними постоянную связь через леса или озеро Шамплейн в Канаду. Поэтому для большей безопасности он попросил разрешения построить прочный блокпост и разместить в нем пятьдесят рейнджеров на реке Сакондага, прямо к северу от Джонстауна.

[FN-1] В стране Онейда или Онондага.

[FN-2] Проект полковника Гамильтона, сорванный его пленением.

Капитан Брант, однако, либо отказался, либо отложил угрожавшее вторжение, вероятно, по уже указанной причине — захвату полковника Гамильтона. Таким образом, зима в этом регионе прошла без каких-либо серьезных потрясений. Но, несмотря на все честные заявления онондага, их вероломство стало столь очевидным и столь пагубным, что сразу же после открытия Источника стало целесообразным сделать их ярким примером для остальных их краснокожих собратьев. Соответственно, в начале апреля генерал Клинтон с одобрения главнокомандующего направил для этой службы экспедицию, состоящую из подразделений из полков полковников Ван Шейка и Гансворта численностью в пятьсот человек под руководством первого. Войска были как можно быстрее переброшены в форт Шайлер, и тридцати батальонам одновременно был отдан приказ переправить их туда вниз по Вуд-Крик и

через озеро Онейда к Трем рекам. Инструкции полковника Ван Шейка были очень полными и недвусмысленными по каждому пункту. План состоял в том, чтобы действовать как можно быстрее и осторожнее, чтобы застать индейцев врасплох; с этой целью утром в день отправления экспедиции должно было быть объявлено, что ее целью является Освиго. Полковнику Ван Шейку было приказано сжечь и полностью разрушить деревню и замок Онондага вместе со всем их скотом и имуществом; но ему было строго приказано взять как можно больше пленных и не предавать смерти никого, кого можно было бы взять живым. В инструкциях генерала Клинтона по этому поводу встречается следующий отрывок, который заслуживает сохранения: "Какими бы плохими ни были дикари, они никогда не нарушают целомудрия ни одной женщины, своей пленницы. Хотя у меня очень мало опасений, что кто-либо из солдат настолько забудет о своей репутации, чтобы покушаться на подобное преступление в отношении индийских женщин, которые могут попасть к ним в руки, все же было бы неплохо принять меры, чтобы не допустить подобного пятна на нашей армии ". [FN] Это предписание красноречиво свидетельствует о похвале солдату, который его написал. Полковнику Ван Шейку далее было предписано отговорить кого-либо из наших индийских союзников сопровождать его; а подполковнику Уиллетту и майору Кокрану было поручено участвовать в экспедиции.

[FN] МИСС инструкции генерала Клинтона.

Приказы полковнику Ван Шейку были отданы 9 апреля, и необходимые приготовления были проведены так быстро, что все было готово к отправлению из форта Шайлер 18-го. Вечером того же дня батто с необходимыми припасами были бесшумно перенесены через перевалочный пункт к Вуд-Крик, и все вещи там были приведены в порядок. Войска пришли в движение рано утром 19-го, и густой туман существенно способствовал сокрытию движения, если бы поблизости были какие-нибудь шпионы, затаившиеся для наблюдения. На борту находилось пятьсот пятьдесят восемь человек, включая офицеров. Их продвижение к озеру Онейда было значительно затруднено из-за деревьев, упавших поперек ручья; так что большую часть пути первого дня войска проделали пешком. Переход через озеро Онейда был осуществлен как можно быстрее; и хотя они столкнулись с сильным и чрезвычайно неприятным встречным ветром, они, тем не менее, достигли пристани Онондага, напротив старого форта Брюингтон, со всейфлотилией, к трем часам пополудни 20-го. Оставив у лодок подходящую охрану, маленькая армия немедленно двинулась вперед и, несмотря на препятствия, связанные с пересечением густого леса, почва которого напоминала болото, они прошли девять миль без остановок. Ночь была темная, сырая и холодная; но, хорошо зная осторожность противника и быстроту его передвижений, а также то, как часто они были готовы нанести удар, когда меньше всего этого ожидали, войскам поневоле запретили разводить костры и заставили спать на руках. Марш возобновился очень рано утром 21-го, и, чтобы сэкономить время, им пришлось перейти вброд рукав озера Онондага шириной около двухсот ярдов и глубиной четыре фута. Прибыв к устью ручья Онондага, в верховьях озера, капитан Грэхем, командовавший авангардом, захватил в плен одного из воинов племени; и хотя они находились теперь в двух-трех милях от деревни и замка, это был первый индеец, которого видели или которому сообщили о приближении экспедиции. Капитану Грэхему было снова приказано продвигаться со всей возможной быстротой и осторожностью с целью окружения нижнего замка, в то время как остатки основных сил были разделены на небольшие отряды и поспешили вперед с целью обрушиться

на другие города в такой быстрой последовательности, чтобы, по возможности, захватить все деревни врасплох. Эта цепочка деревень простиралась через долину ручья Онондага на расстояние десяти миль. Когда-то племя было одним из самых могущественных аганушиони, или объединенного народа Пяти наций. С незапамятных времен племени онондага, расположенному в центре конфедерации, было поручено поддержание великого огня совета. Этот пожар был потушен в 1692 году графом Фронтенаком, который затем выступил против него во главе мощной экспедиции из Монреаля и полностью уничтожил деревню. Он снова был потушен весной 1777 года и теперь был обречен на третье вымирание, столь же быстрое и завершенное, как и первое. Но хотя экспедиция полковника Ван Шейка до сих пор и на всем протяжении проводилась превосходно, все же внезапность оказалась не такой полной, как предполагалось. Пока рота капитана Грэхема обеспечивала безопасность нескольких пленных, взятых на окраине деревни, недалеко от главного замка, коварный противник нашел способ заранее поднять тревогу. Весть, конечно, разнеслась от деревни к деревне с большей быстротой, чем могли себе позволить несколько отрядов войск, и индейцы разбежались по лесам во всех направлениях. Но их бегство было столь стремительным, что они ничего не взяли с собой - даже оружия. И все же тридцать три человека из их числа были взяты в плен, а двенадцать убиты. Три деревни, состоявшие примерно из пятидесяти домов, были сожжены дотла, а большое количество провизии, состоявшей главным образом из бобов и кукурузы, уничтожено. Среди трофеев было захвачено около сотни мушкетов и несколько винтовок вместе со значительным количеством боеприпасов. Их вертушка в доме совета оказалась бесполезной, а их скот и лошади были уничтожены. Завершив работу по уничтожению, отряд немедленно приступил к возвращению в форт Шайлер. Днем небольшая группа индейцев обстреляла его в лесу, но никто не пострадал, в то время как один из врагов упал от ответного огня. В субботу, 24-го, все войска снова были в форте Шайлер, проделав путешествие протяженностью сто восемьдесят миль, уходя и возвращаясь обратно, и достигли своей цели, не потеряв ни одного человека. [FN] В письме, прилагаемом к его официальному отчету генералу Клинтону, полковник Ван Шейк в самых высоких выражениях отозвался о хорошем поведении офицеров и солдат, участвовавших в этой экспедиции; и выразил самые теплые похвалы полковнику Уиллетту и майору Кокрану за эффективную помощь, полученную от них.

Отчет полковника Ван Шейка —документы генерала Клинтона.

На таком расстоянии во времени, исходя из весьма несовершенных данных письменной истории, эта экспедиция против онондага кажется суровой, если не сказать ненужной мерой. Но, несмотря на исповедания этой нации, те, кто руководил общественными делами в тот период, несомненно, считали ее наказание делом суровой необходимости. Генерал Шайлер писал, что, если не будет нанесен какой-нибудь показательный удар по врагам Шести Наций, Скенектади вскоре станет границей американских поселений в этом направлении. Более того, это предприятие имело санкцию главнокомандующего; в то время как ничто не могло быть более гуманным в отношении военной экспедиции, чем инструкции генерала Клинтона. Но, тем не менее, онейды испытывали немалую тревогу из-за быстрого разрушения, которое таким образом постигло главный город их ближайших соседей; и вскоре после возвращения полковника Ван Шейка в форт Шайлер его посетила официальная делегация этой страны. Во главе посольства стоял Скенандоа, важный сахем племени, в сопровождении Доброго Питера, оратора, и мистера Дина, переводчика. Целью этой миссии было расследование причин

движения против онондагов, с которыми, как было отмечено ранее, онейды были тесно связаны смешанными браками. Когда его представили, Добрый Питер заговорил следующим образом:

—

"БРАТ: Ты видишь перед собой своих друзей, Онейд; они приходят повидаться с тобой.

"Обязательства, которые были заключены между нами и нашими братьями, американцами, вам хорошо известны.

"Несколько дней назад мы были очень удивлены новостью, которую воин принес в наш Замок с боевым кличем, сообщив нам, что наши друзья, онондага, были уничтожены.

"Мы хотели встретиться с вами по этому случаю, поскольку они думают, что вы могли ошибиться, уничтожив эту часть племени.

"Мы предполагаем, что вы не можете ответить нам по этому вопросу, поскольку этот вопрос был согласован ниже. Но, возможно, вы что-то знаете по этому поводу.

"Когда мы услышали об этом рассказе, мы отправили весточку нашим друзьям, оставшимся среди них, сказав им не унывать из-за того, что некоторые из них были уничтожены, но продолжать выполнять свои прежние обязательства.

Мы послали нескольких наших людей в Канасарагу, чтобы пригласить их приехать в нашу деревню; но они ответили, что отправили нескольких своих гонцов в Онондагу, чтобы узнать подробности, и стали ждать их возвращения.

"Наш народ потребовал ответа, сказав, что они очень признательны своим детям, Онейдам, за помощь в их бедах, и они были бы рады, если бы те спокойно поговорили со своими братьями, американцами, чтобы узнать, было ли все это сделано намеренно или по ошибке.

"Если это была ошибка, - говорят они, — мы надеемся увидеть наших братьев пленниками, а если намеренно, мы все равно сдержим наши обязательства перед вами и не примкнем к партии короля. Но если наши братья, американцы, тоже намерены уничтожить нас, мы не полетим — мы будем ждать здесь и примем свою смерть.

"БРАТ: Таков был ответ онондагов. Что касается нас, онейд и Тускарорас, вы знаете наши чувства. Мы полагали, что знаем ваши.

"Члены Комиссии пообещали нам, что, если они обнаружат что-либо неправильное, они сообщат нам и исправят это.

"БРАТ: Если мы сделали что-то не так, мы будем рады, если ты сейчас скажешь нам об этом".

[FN] Шестидесятилетие, сборник революционных документов, связанных с пограничными войнами, под редакцией С. Де Витта Бладгуда, эсквайра.

В конце каждой фразы присутствующие сахемы издавали обычный звук одобрения, и, закончив, добрый Питер вернулся на свое место. Адрес принадлежал дипломату, и предполагалось, что Онондаги, вероятно, сами находились внизу, в посольстве, с целью получения информации, с помощью которой можно было бы регулировать их дальнейшее

поведение. Столь же искусным был ответ полковника Ван Шейка, данный в следующих выражениях:

"Я рад видеть своих друзей, Онейдас и Тускарорас. Я прекрасно помню обязательства, которые Пять стран заключили четыре года назад, и что они обещали сохранять строгий и почетный нейтралитет во время нынешней войны, и это было все, о чем мы просили их сделать для нас.

Но я также знаю, что все они, за исключением наших братьев Онейда и Тускарораса, разорвали свои обязательства и разорвали узы дружбы. Но онондага были великими убийцами; мы нашли скальпы наших братьев в их замке.

"Они были отрезаны не по ошибке, а намеренно — мне приказали это сделать — и это сделано.

Что касается других вопросов, о которых вы говорите, я рекомендую направить депутацию к комиссарам в Олбани. Я не уполномочен обсуждать с вами эти темы.

- Я воин. Мой долг - подчиняться приказам, которые они мне посылают.

Дальнейших объяснений, по-видимому, не последовало; и онейды, возможно, были более склонны к умиротворению, поскольку они были действительно дружелюбны к американцам, хотя в то же время они, должно быть, были знакомы с поведением онондага, которые справедливо понесли наказание. Группы охотников за скальпами всегда ошивались у незащищенных границ, особенно в окрестностях форта Шайлер; и ни одно из племен не принадлежало к этим группам чаще, чем индейцы этой нации.

Возможно, стоит отметить совпадение, что в тот самый день, когда полковник Ван Шейк отбыл из форта Шайлер в Онондагу, нижняя часть долины Мохок была встревожена внезапным появлением индейских войск одновременно на обоих берегах реки, в окрестностях Палатина. С южной стороны на поселение напал отряд, взял троих пленных вместе с несколькими лошадьми и загнал жителей в форт Планк. В тот же самый час другой отряд дикарей спустился на заднюю часть Каменной Аравии, где в ходе наступления они сожгли два дома и убили одного человека. Следующий дом на их пути принадлежал капитану Рич. Жильцами были Рич, его жена, двое сыновей и старик. Капитан и двое его помощников были вооружены и при ближайшем приближении индейцев оказали им теплый прием. Последовала острая драка. Старик, будучи безоружным, был убит, как и один из храбрых юношей, юноша семнадцати лет от роду. Капитан Рич был тяжело ранен, у него была сломана рука; другой его сын также был ранен в локоть, а его жена - в одну из ног. И все же, несмотря на то, что весь гарнизон был убит или ранен, индейцы отступили, потеряв двоих из своего числа.

В тот же день отряд сенека появился в Шохари, взял в плен мистера Юриста и мистера Коули и разграбил их дома. Паника снова стала всеобщей; люди бежали в форты в поисках безопасности, а Палатинский комитет немедленно обратился с письмом к генералу Клинтону в Олбани с просьбой о помощи. Генерал был очень деятельным офицером и в случае тревоги действовал так быстро, что пересек долину Мохок с полком полковника Гансворта и ополчением Скенектади и 28-го снова вернулся в Олбани. Индейцы, появившиеся на южной стороне, были с Запада, а те, что были на северной стороне, были ирокезами из Канады. Генерал Клинтон в своих депешах губернатору, своему брату, выразил мнение, что, если бы не его своевременное движение в тот раз, враг вытеснил бы все поселения в Скенектади. [FN]

[FN] Г-жа письмо Джейкоба Р. Корка и Питера Вагнера генералу Клинтону и письмо генерала Клинтона губернатору.

30 апреля лейтенанты М.^сКлеллан и Харденбург вернулись в форт Шайлер из неудачной экспедиции во главе отряда индейцев против небольшого британского гарнизона в Освегачи. Они намеревались захватить форт врасплох, но, преждевременно столкнувшись с несколькими отставшими индейцами, неосторожно обменялись несколькими выстрелами, по причине чего об их приближении стало известно гарнизону. Затем они попытались с помощью военной хитрости выманить врага из форта и частично преуспели, но не смогли заставить его удалиться достаточно далеко от своих укреплений, чтобы отрезать их; а когда они приблизились к самому форту, нападавшие были так тепло приняты каннистером и грейпом, что были вынуждены отступить без ненужной задержки. Единственная оказанная услуга заключалась в отправке индейца Каунавага в Канаду с письмом на французском от "французского генерала", вероятно, маркиза де Лафайета, адресованным канадцам и написанным предыдущей осенью. [FN-1] Эта экспедиция была отправлена из форта Шайлер за день до того, как полковник Ван Шейк двинулся на Онондагу; и из письма, адресованного генералом Клинтоном шесть недель спустя генералу Салливану, есть основания полагать, что одной из целей было избавиться от индейцев онейда, находившихся в то время в форте, пока полковник Ван Шейк не продвинулся в своей экспедиции так далеко, что они или их люди не смогли бы уведомить онондагас о его приближении. Все индейцы, все еще остававшиеся в форте Шайлер 18-го числа, были задержаны специально с этой целью предосторожности. Генерал Клинтон признавал их полезность в качестве разведчиков и шпионов британских войск; но, как он заметил, "их привязанность друг к другу слишком сильна, чтобы признать, что они могут принести какую-либо пользу, когда используются против своих братьев". [FN-2] Это свидетельство, безусловно, не дискредитирует характер индейцев как таковой.

[FN-1] Письмо М.^сКлеллана генералу Клинтону.

[FN-2] Письмо генерала. Клинтон генералу. Салливану.

Но если, как было замечено, онейды были склонны послать депутацию для проведения мирных исследований в форт Шайлер в связи с нападением полковника Ван Шейка на их соседей, то потомки Гарангули и Садакенаhti [FN-1] сами не были готовы так легко отнестись к этому вопросу. Охваченные негодованием по поводу разрушения их деревень и замков и тушения большого костра совета, который они так долго поддерживали горящим на своем национальном алтаре, они решили немедленно отомстить. С этой целью триста их воинов быстро выступили на тропу войны, направляясь в долину Шохари-килл. Поселение Коблскилл, [FN-2] которое так сильно пострадало в предыдущем году, расположенное примерно в десяти милях к западу от Шохари-килл, и все же насчитывающее девятнадцать немецких семей, было первым объектом нападения. Но захватить это место врасплох им не удалось из-за того, что двое из их числа отошли на значительное расстояние от основных сил, которые были обнаружены разведчиком из двух ополченцев Коблскилла. Один из индейцев был застрелен, а другой бежал; и разведчики поспешили домой, чтобы поднять тревогу. Разведданные о приближении врага были немедленно отправлены в Шохари с просьбой о помощи. После этого

капитан континентальной армии был отправлен в Коблскилл с отрядом регулярных войск. На следующее утро отряд индейцев сделал вылазку из леса и, приблизившись к поселению, внезапно вернулся. Небольшой отряд войск преследовал их до опушки леса, где их встретили так резко, что вынудили отступить. Сам капитан немедленно отправился к месту действия со всем своим маленьким отрядом вместе с пятнадцатью добровольцами ополчения. Индейцы на некоторое время отступили перед белыми и продолжали обман, показываясь сначала небольшими группами на опушке леса, пока не достигли той же цели, которую имели в виду. Капитан и его люди продолжали преследование, не имея ни малейшего представления о численном превосходстве, с которым им пришлось столкнуться, пока индейцы не заманили их в свои сети настолько, что они смогли дать отпор. Теперь их число быстро увеличивалось, и битва стала оживленной. Капитан был ранен и вскоре после этого убит. Его люди, охваченные паникой, мгновенно обратились в бегство; но в мгновение ока туча из нескольких сотен дикарей, до тех пор скрывавшихся, окружила их со всех сторон, осыпая смертоносным дождем ружейных пуль и оглашая лес своими ужасающими воплями. Жители поселения, увидев бедствие, постигшее войска, бежали в направлении Шохарие с частью беглых солдат. Их бегству способствовали, или, скорее, им помешали быть настигнутыми, семеро храбрых товарищей капитана, которые овладели заброшенным домом и предприняли решительную оборону. Из окон своего замка они быстро открыли огонь по индейцам и, заставив их остановиться, задерживали их до тех пор, пока жители не обратились в бегство в Шохари. Не сумев выгнать солдат из дома, индейцы в конце концов нанесли клеймо, и храбрые парни были сожжены заживо в его стенах. Затем индейцы разграбили и сожгли все поселение. Но они не продвинулись дальше к Шохари. Потери белых составили двадцать два человека убитыми и двое взяты в плен. Тела убитых были найдены на следующий день, ужасно изуродованные; и в руку одного из них индейцы вложили пачку континентальных банкнот — суровую сатиру на описание денег, за которые служили солдаты. Однако тот важный факт, что это была причина, а не плата, которая удерживала американцев на поле боя, едва ли мог быть оценен лесными воинами. В этой битве их возглавлял тори, который впоследствии был убит знаменитым Мерфи. [FN-3] Их потери были тяжелыми, но в какой степени, неизвестно. Так было сполна отомщено за разрушение Онондаги.

[FN-1] Два прославленных воина-онондага и оратора предыдущего столетия. Посмотрите фильм Колдена "Канада".

[FN-2] Обычно пишется так; но старожилы говорят, что это должен быть Кобускилл.—*Спаффорд*.

[FN-3] *Анналы Кэмпбелла*. Авторитетом мистера Кэмпбелла в отношении большей части, если не всей, информации, касающейся операций противника в стране Шохари, был покойный преподобный мистер Фенн из Харперсфилда — джентльмен, наиболее близко знакомый с ранней историей этого региона. Тем не менее, очевидно, что есть ошибка в назначении, как это было сделано, капитана Патрика американским лидером против онондага в этом случае, поскольку этот офицер погиб в том же районе более года назад, как указано в письме, написанном в то время полковником Вариком. [См. Текст главы xvi, а также примечание.] Кто руководил американцами в этом последнем случае, автор не установил. Но только что упомянутые сообщения о том, что это был капитан Патрик, безусловно, неверны — если только на самом деле не было двух Патриков, обоих капитанов, и оба убиты в одном районе.

В апреле жители Мононгалии, расположенной на северо-западной границе Вирджинии, и западной части Пенсильвании, в окрестностях Форта Питт, подвергались жестоким преследованиям со стороны индейцев. 9 числа того же месяца группа из четырех человек, отправленная из форта Питт, была убита и скальпирована на расстоянии пятнадцати миль от форта. 13-го числа человек по имени Дэвид Морган из Мононгалии обнаружил двух индейцев, крадущихся к нескольким детям, работавшим в поле. Он поднял тревогу, а затем застрелил одного из индейцев. Другой бросился на Моргана и сцепился с ним. Завязалась жестокая борьба за обладание ножом индейца, который в конце концов достался Моргану; схватившись за лезвие, индеец получил серьезную рану на руке. Морган заколол индейца и побежал к форту, в то время как индеец скрылся в лесу. Отряд немедленно пустился в погоню и вскоре настиг дикаря, сидевшего у дерева. Он взмолился о пощаде и сначала был взят в плен; но во время обратного похода в форт он стал довольно угрюмым, после чего его похитители убили и сняли с него скальп, сняв также скальп с воина, которого Морган застрелил первым. На следующий день был обнаружен еще один индийский разведчик, один из которых был убит и скальпирован. Два дня спустя индейцы убили и сняли скальпы с Дэвида Максвелла и его жены. Несколько семей были уведены в плен. Среди заключенных была одна решительная женщина, которая убила одного из своих охранников, ранила другого и совершила побег. [FN] Эти индивидуальные убийства были тем более жестокими, что они никак не могли повлиять на результат предстоящего состязания. Захват пленных с помощью этих мелких вылазок был другим делом; и часто служил двоякой цели — позволял врагу часто вымогать информацию и, путем тайной операции, постоянно увеличивал количество пленных, находящихся в их руках для обмена. Но независимо от того, убиты ли они на месте или уведены в плен, испытания жителей пограничья, ежечасно подвергающихся опасностям самого ужасающего вида, едва ли могут быть оценены теми, кто не подвергался подобной опасности.

[FN] Летописец Алмона —письмо из Форта Питт.

Пограничные города графства Ольстер также были немало потревожены в начале мая отрядом из тридцати или сорока рейнджеров Батлера, которые, судя по их знанию местности, предположительно бежали под королевским знаменем из этого района. 4 мая они сожгли четыре жилых дома и пять амбаров в Фантин-килле. Шестеро жителей были убиты, не считая еще трех или четырех человек, которые должны были быть сожжены в своих домах. Полковник Филип Ван Кортландт, расквартированный в то время с одним из нью-йоркских полков в Уорвасинге, отправился в погоню за предателями; но хотя он дважды попадался им на глаза на гребне горы, они были слишком ловки в продирании лесов, чтобы позволить ему настичь их; и едва полковник отвернул от преследования, как они напали на город Вудсток, расположенный по соседству с Кингстоном, где сожгли несколько домов и совершили другие грабежи. Они взяли несколько пленников, некоторых из которых увели; в то время как других поднятым топором заставили дать клятву не служить с оружием в руках против короля. [FN]

[FN] Idem —Статья Уорвасинга, впервые опубликованная в Покипси.

Чтобы сохранить в целости повествование о главной индийской кампании текущего года, необходимо несколько предвосхитить ход событий, приведя в этом месте подробности

знаменитого вторжения в Минисинк и кровопролитного сражения, которое немедленно последовало близ Делаверэ. [FN-1] Храбрый граф Пуласки со своим кавалерийским батальоном находился в Минисинке предыдущей зимой; но в феврале месяце ему было приказано отправиться в Южную Каролину, чтобы присоединиться к армии генерала Линкольна. [FN-2] Оставшись, таким образом, совершенно беззащитным, за исключением собственных людей, капитан Брант решил напасть на него с целью захватить как добычу, так и пленных. Соответственно, 20 июля, или, скорее, в ночь на 19-е, коварный Могавк прокрался в спящий город во главе шестидесяти индейцев и двадцати семи воинов Тори, переодетых индейцами — что было очень распространенной практикой лоялистов, когда они действовали с дикарями. При их приближении царила такая тишина, что несколько домов уже были объаты пламенем, когда жители осознали свое положение. Застигнутые таким образом врасплох и совершенно неподготовленные, все, кто мог спастись, в ужасе разбежались, оставив захватчиков бесчинствовать над добычей. Были сожжены десять домов и двенадцать амбаров, а также небольшой часток и две мельницы. Несколько человек были убиты, другие взяты в плен. Фермы поселения были опустошены, скот угнан, и вся добыча унесена, которую захватчики смогли вывезти. Таким образом, он преуспел в своей непосредственной цели. Брант, не теряя времени, повел свой отряд обратно к основным силам своих воинов, которых он оставил у Грасси-Брук.

[FN-1] Минимойка для американского городка в глубине Страны очень древняя. Он расположен примерно в десяти милях к западу от Гошена, в графстве Ориндж (штат Нью-Йорк), на реке Нависинк, среди так называемых гор Шаванганк. На юго-западе он граничит со штатами Нью-Джерси и Пенсильвания. В этом городе также возвышается стена. Его история, предшествовавшая Революционной войне, полна интереса. 22 июля 1669 года в Минисинке произошла жестокая битва с индейцами, кровавые ужасы которой до сих пор живут в преданиях этой местности.

[FN-2] Письмо из Вашингтона.

Как только беглецы из Минисинка прибыли в Гошен с разведанными, доктор Тустен, полковник местного ополчения, отдал приказ офицерам своего подчинения встретить его в Минисинке на следующий день с таким количеством добровольцев, какое они смогли собрать. Приказ был незамедлительно выполнен, и отряд из ста сорока девяти человек встретился со своим полковником в назначенном месте и в назначенное время, включая многих видных джентльменов графства. Был созван военный совет, чтобы определить целесообразность преследования. Полковник Тастен сам был против этого предложения, имея столь слабый командный состав и будучи уверен, что, если они настигнут врага, им придется столкнуться с офицером, сочетающим в себе с его признанной доблестью столько утонченности, сколько было характерно для движений вождя могавков. Более того, считалось, что его силы значительно превосходят их по численности и включают в себя многих тори, так же хорошо знакомых со страной, как и они сами. Поэтому полковник предпочел дожидаться подкрепления, которое, несомненно, скоро придет, тем более что добровольцы, которые уже были с ним, были плохо обеспечены оружием и боеприпасами. Другие, однако, были за немедленное преследование. Они делали вид, что относятся к индейцам с презрением, настаивали на том, что не будут сражаться, и утверждали, что вернуть захваченную ими добычу было бы легким

делом. Советы городского собрания при ведении войны обычно не самые мудрые, как выяснится в дальнейшем. Большинство командования Тастена, очевидно, были полны решимости преследовать врага; но их размышления были прерваны майором Микером, который вскочил на коня, взмахнул мечом и гордо выкрикнул— "Пусть храбрецы следуют за мной, трусы могут остаться позади!" Легко можно предположить, что такое обращение к возбужденной толпе решило бы вопрос, что и произошло. Маршрут марша был немедленно выбран, и, пройдя в тот же вечер семнадцать миль, они разбили лагерь на ночь. Утром 22-го к ним присоединилось небольшое подкрепление под командованием полковника Хаторна из Уорикского полка, который, как старший по званию после полковника Тастена, принял командование. Когда они продвинулись на несколько миль, до Хаффайд-Брука, они наткнулись на индейский лагерь, разбитый предыдущей ночью, и там состоялся еще один совет. Полковники Хаторн, Тастен и другие, чья доблесть основывалась на благоразумии, были против дальнейшего продвижения, поскольку количество индейских костров и протяженность территории, которую они заняли, устраняли все сомнения относительно численного превосходства индейцев. На этом месте разыгралась сцена, подобная той, которая разогнала прежний совет, и с тем же результатом. Голос благоразумия был вынужден уступить голосу бравады.

Капитан Тайлер, который немного знал лес, был послан вперед во главе небольшого разведывательного отряда, чтобы идти по следу индейцев и выяснить, по возможности, их передвижения, поскольку было очевидно, что они не могли далеко продвинуться. Капитан прошел совсем небольшое расстояние, прежде чем пал под огнем невидимого врага. Это обстоятельство вызвало немалую тревогу; но добровольцы, тем не менее, настойчиво продвигались вперед, и вскоре они оказались на холмах Делавер, откуда открывался вид на реку, на восточном берегу которой, на расстоянии трех четвертей мили, были замечены индейцы, целенаправленно шедшие в направлении места перехода вброд близ устья Лакаваксена. Это открытие было сделано около 9 часов утра. Намерение Бранта перейти реку вброд было очевидным, и впоследствии выяснилось, что его добыча уже была отправлена туда заранее.

Полковник Хаторн немедленно принял решение перехватить противника в месте перехода вброд, для чего были немедленно составлены распоряжения. Но из-за разделявших их лесов и холмов противоборствующие силы вскоре потеряли друг друга из виду, и ловкое движение Бранта дало ему преимущество, которое американцы не смогли вернуть. Предугадав замысел Хаторна, в тот момент, когда американцы скрылись из виду, Брант повернул направо и, миновав овраг, через который перешел Хаторн, зашел ему в тыл, что позволило ему преднамеренно выбрать место для сражения и устроить засаду. Разочарованные тем, что не обнаружили противника, американцы были поставлены в тупик, когда противник частично раскрылся, в четверти случаев совершенно неожиданно. Согласно американскому отчету, первый выстрел был произведен в индейца, которого знали и который сидел верхом на лошади, украденной в Минисинке. Индеец упал, и вскоре стрельба стала всеобщей — противник ухитрился в начале сражения отрезать от основных сил войск Хаторна отряд, составлявший треть от всей его численности. Конфликт был долгим и упорным. Численность противника в несколько раз превышала численность ополчения Гесем, последние были окружены и в конечном итоге оказались зажатыми в пределах акра земли. Поскольку боеприпасов не хватало, приказ Хаторна, в подражание приказам Патнэма на Банкер-Хилл, был строжайшим: ни один человек не должен стрелять, пока не будет полностью уверен, что его порох не пропадет. [FN-1]

Сражение началось около 11 часов утра и продолжалось до захода солнца; обе стороны сражались по индейскому обычаю, каждый сам за себя, и все они, насколько могли, вели беспорядочный огонь из-за камней и деревьев. К заходу солнца боеприпасы ополчения были израсходованы, и выжившие попытались отступить, но многие из них были убиты. Доктор Тустен был занят перевязкой раненых за скалой, когда началось отступление. В данный момент под его опекой находилось семнадцать мужчин-инвалидов, чьи мольбы о защите и пощаде были самыми трогательными. Однако индейцы напали на них, и все они вместе с Доктором погибли от удара томагавком. Среди убитых было много первых жителей Гесема; и из всего числа ушедших только около тридцати вернулись, чтобы рассказать печальную историю. [FN-2] Несколько беглецов были застрелены при попытке спастись вплавь по реке Делавер.

[FN-1] Приказ Патнэма гласил: "Не стреляйте, ребята, пока не увидите белки их глаз".

[FN-2] Среди убитых были Джонс, Литтл, Дункан, Виснер, Вейл, Таунсенд и Кнапп. В 1822 году жители округа Ориндж собрали кости, которые до тех пор оставляли отбеливаться на поле битвы, и приказали похоронить их. Похоронная процессия насчитывала двенадцать тысяч человек, среди которых был майор Поппино, один из выживших в битве, которому тогда было почти сто лет. При написании этого отчета о битве автор в некоторой степени опирался на речь преподобного доктора Уилсона, произнесенную по этому случаю.

Брант подвергся суровому порицанию за жестокость, совершенную или предполагаемую в этой битве. Он всегда утверждал, что его несправедливо обвинили и что его поведение было предметом несправедливых упреков. Он заявил, что, убедившись в том, что ополченцы Гошена преследуют его, полные решимости дать ему бой, он, конечно, подготовился к их приему. Тем не менее, получив необходимые ему припасы, его собственная цель была достигнута. Он также заявил, что при близком приближении американцев он встал и, представ перед ними открыто и честно, обратился к их командиру и потребовал их сдачи, пообещав в то же время обращаться с ними по—доброму, как с военнопленными. Он откровенно заверил их, что его сил в засаде достаточно, чтобы одолеть и уничтожить их; что тогда, прежде чем прольется кровь, он сможет управлять своими воинами; но если битва начнется, он не сможет отвечать за последствия. Но, по его словам, пока он таким образом вел переговоры с ними, в него открыли огонь, и он чудом избежал попадания — пуля пробила внешнюю складку его ремня. Сразу же после получения выстрела он ретировался и затерялся среди своих воинов. Ополченцы, ободренные его исчезновением, не видя другого врага и не веря тому, что он им сказал, без оглядки бросились вперед, пока не оказались полностью в его власти. Пересекая ручей, они нарушили свой порядок, и прежде чем они смогли снова построиться на другом берегу, Брант подал хорошо известный сигнал боевого клича. Быстрая, как вспышка молнии, темная туча его воинов вскочила на ноги. Выстрелив один раз, они бросились вперед с томагавками в руках. Битва была жестокой и кровопролитной. Немногим удалось спастись, и несколько пленников были убиты. Был один, который во время битвы спас себя с помощью средств, которые Брант назвал бесчестными. Каким-то образом, хотя он и не был масоном, он узнал о грандиозном сигнале бедствия мастера-масона; и, получив информацию о том, что Брант был членом братства, он подал мистический знак. Верный своему обещанию, вождь вмешался и спас ему жизнь. Впоследствии, обнаружив обман, он был очень возмущен. Тем не менее, он сохранил ему

жизнь, и заключенный в конечном итоге вернулся к своим друзьям после долгого заточения.
[FN]

[FN] Эта версия битвы, изложенная Брантом, была почерпнута автором из записей бесед со старым вождем Сэмюэля Вудраффа, эсквайра. ранее цитировавшийся. Заключенный, о котором говорится, что он был спасен благодаря ошибочному предположению Бранта о том, что он масон, был покойным майором Вудом из округа Ориндж. Преподобный доктор Уилсон дает следующий отчет об этом инциденте: "Майор Вуд из округа Ориндж (штат Нью-Йорк) был взят в плен в битве при Минисинке, потому что Брант по случайному знаку принял его за масона. Вечером после битвы, когда "чудовище" собиралось связать его, он возмутился, сказал, что он джентльмен, и пообещал не убегать. Его не связали, а положили между двумя индейцами и сказали, что, если он попытается сбежать, его проткнут томагавком. Одеяло, на котором он лежал, загорелось ночью, и он не смел пошевелиться, опасаясь, что томагавк вонзится ему в голову, пока огонь не добрался до его ног, когда он пинком потушил его. Это было одеяло Бранта. С тех пор Брант обращался с ним очень сурово; и когда майор Вуд спросил его о причине, он ответил: "Черт бы тебя побрал, ты сжег мое одеяло ". Майор Вуд в течение многих лет после заключения мира был жителем округа Ориндж и одним из его самых уважаемых граждан. " Доктор Уилсон предполагает, что масонский сигнал был подан просто случайно. Возможно, это было так; но автору сказали обратное и что одним из первых поступков в его жизни после возвращения было то, что он стал масоном. Это он считал себя обязанным сделать по чести. Он также заявил, что всегда чувствовал себя оскорбленным обманом, к которому прибегал, и что ничто не могло быть более уничтожающим, чем презрение, с которым Брант смотрел на него впоследствии.

С этим сражением было связано еще одно событие, представляющее глубокий и волнующий интерес, подробности которого спустя годы были переданы самим Брантом во время визита в город Нью-Йорк. [FN-1] Среди тех, кто был тяжело ранен, был подполковник Габриэль Виснер, джентльмен большой репутации, мировой судья, служивший среди добровольцев Гошена. При осмотре поля боя положение Виснера привлекло внимание индийского командира, который оценил его состояние. Вождь видел, что он ранен без всякой надежды на выздоровление, но, тем не менее, был в полном здравии и даже мог разговаривать. Полагая, что его случай совершенно неподвластен медицинскому и хирургическому мастерству, и не имея средств увезти его отсюда. Брант на мгновение задумался о своем собственном поведении. Он был готов спасти свою жизнь, если бы мог, и все же чувствовал, что это невозможно. Оставить его таким беспомощным и одиноким на поле боя, когда он еще владел своими чувствами до такой степени, что мог оценить все ужасы своего положения, было бы верхом жестокости. К этому добавлялась моральная уверенность в том, что волки, кишасшие в лесу, ориентируясь по запаху крови, вскоре одинаково набросятся на раненых и мертвых. Поэтому мысль о том, что Виснер может быть разорван на куски еще живым, казалась ему даже больше, чем дикой жестокостью. В этих печальных обстоятельствах и соображениях вождь поспорил сам с собой, что истинная человечность требует скорейшего прекращения его страданий. Придя к такому выводу, следующим пунктом было приблизить его смерть, не причиняя дополнительных мучений его чувствам. С этой целью он завязал с Виснером разговор и, отвлекая его внимание, в одно мгновение, никем не замеченный, убил его своим топором. Это была всего лишь дикая демонстрация человечности; но в намерении была благожелательность, какой бы странной ни

была мотивировка; и мотив последнего удара заслуживает аплодисментов, несмотря на содрогание, вызванное его созерцанием. [FN-2]

[FN-1] Беседы Бранта с генералом Морганом Льюисом, переданные последним автору.

[FN-2] В британском отчете об этой битве, опубликованном в Нью-Йорке 18 августа 1779 года и полученном от "человека, только что прибывшего от Джозефа Бранта и его братьев", говорилось, что с Брантом было всего шестьдесят индейцев и двадцать белых мужчин. Среди убитых основных жителей в том же отчете указано следующее: "Полковник Бенджамин Тастан-младший, капитан Сэмюэл Джонс, капитан Джон Литтл, капитан Джон Вуд, капитан Дункан, капитан Бенджамин Вейл, капитан Реат Тайлер, адъютант Натаниэль Фринк, лейтенант Бенджамин Даннинг, лейтенант Сэмюэл Кнапп, лейтенант Джон Вуд, лейтенант Абрахам Шепард, судья Габриэль Вайснер, судья Гилберт Вэйл, судья Роджер Таунсенд, судья Уильям Баркер, комиссар Джеймс Кнапп, комиссар Джеймс Машье. Ранены майор Ханс Декер, майор Сэмюэл Микер из Минисинковского ополчения. Из ста сорока девяти ушедших тридцать вернулись - сто девятнадцать пропали без вести". —*Смотрите "Летописец Алмона", том vi. стр. 276.*

Из Минисинка Брант быстрым движением атаковал поселение на южном берегу Мохока, где 2 августа взял в плен нескольких человек, одного из которых звали Хаус. Этого человека вместе с его товарищами отвели обратно в лес и оставили на попечение индейцев, в то время как Брант с четырьмя своими воинами отправился на какое-то тайное предприятие. На четвертый день после своего отсутствия он вернулся в сопровождении четырех своих воинов, но сам верхом на лошади, будучи ранен в ногу мушкетным выстрелом. Рана, однако, была не такой, как у Ахиллеса, в пятку, а нанесена пулевым ранением в подушечку большого пальца стопы - и, следовательно, в месте, менее сомнительном для солдатской чести. Затем они двинулись в направлении Тиоги; но поскольку Хаус стал слишком хромать, чтобы продолжать путь пешком, индейцы предложили убить его. Брант возразил против этого; и, будучи знаком с Хаусом до войны, он отпустил его при условии, что тот принесет клятву нейтралитета, которая была написана вождем на индейском языке. Хаус подписал клятву, и Брант засвидетельствовал это. Затем его освободили, и, находясь где-то в окрестностях озера Отсего, где генерал Клинтон в то время готовился к своему знаменитому спуску по реке Саскуэханна, Хаус прибыл в лагерь Клинтона 8 августа — за день до его отправления. [FN]

[FN] Г-жа письмо генерала Джеймса Клинтона губернатору Клинтону, его брату.

Одновременно с этими событиями, и в то время, как, как выяснится впоследствии, внимание американских офицеров было направлено на более важные передвижения, индейцы и тори еще раз ворвались на границу Пенсильвании, в Нортгемптон, Ликонию и окрестности Санбери. В ходе череды мелких дел с 1 по 21 июля были разрушены несколько кварталов и сожжены фабрики. 17-го были сожжены все основные дома в городке Манси. В тот день были убиты два человека, а за несколько дней до этого были убиты четверо, не считая нескольких взятых в плен. 20-го числа трое мужчин были убиты небольшим отрядом, окружившим форт Фриленд,

расположенный на западном берегу реки Саскуэханна, в семнадцати милях от Санбери. 28-го, через пять дней после событий при Минисинке, это небольшое укрепление, гарнизон которого составляли всего тридцать мужчин и около пятидесяти женщин и детей, нашедших убежище в его стенах, было окружено одним из М^кДональдов во главе двухсот индейцев и ста солдат, называвших себя регулярными. Но, хотя они были одеты в британскую форму, считалось, что они были американскими лоялистами. Во время этого вторжения враг встретил меньшее сопротивление, чем могло бы быть, если бы не то обстоятельство, что большая часть людей была призвана на службу на лодках генерала Салливана, который в то время находился в Вайоминге, готовясь вступить в страну Сенека. Форт Фриленд был слишком слаб сам по себе и со слишком слабым гарнизоном, чтобы долго продержаться при таком неравенстве сил. Капитан Хокинс Бун, храбрый офицер, расквартированный с тридцатью солдатами на расстоянии нескольких миль, выступил на помощь форту сразу же, как только услышал о капитуляции. Гарнизон сдался еще до его прибытия. Бун, тем не менее, дал бой врагу; но, побежденный численностью, он был убит вместе с восемнадцатью своими людьми, чьи скальпы были доставлены в форт в качестве трофеев. Еще два офицера. Капитаны Догерти и Гамильтон также были убиты. По условиям капитуляции М^кДональд обязался пощадить женщин и детей и позволить им уехать. Форт и дома в его окрестностях были затем сожжены. [FN]

[FN] Алмоновский летописец —статья из Филадельфии.

Тем временем шаванцы продолжали свои набеги на границу штата Огайо с Виргинией, результаты которых, безусловно, не были неблагоприятными для первых. Полковник Бун отсутствовал в Северной Каролине, и в июле полковник Боумен возглавил экспедицию численностью в сто шестьдесят человек против шаванцев из Олд-Чиликота. Хотя Лучник напал на индейцев внезапно и без ведома с их стороны о его приближении, они, тем не менее, храбро сражались с ним в течение нескольких часов и вынудили его отступить. Отступив на тридцать миль, Боумен остановился и вскоре был настигнут индейцами с увеличенной численностью. Последовало еще одно сражение, которое в течение первых двух часов не сулило никаких преимуществ силам Боумена. Затем полковник Хэррод предложил посадить несколько человек на лошадей и совершить кавалерийскую атаку. Предложение было принято, и способ удался. Индейцы сражались с поразительной яростью, но, тем не менее, были разбиты и вынуждены разбегаться во всех направлениях. [FN]

Приключения полковника Дэниела Буна.

Этими инцидентами заканчивается настоящий том. Второй откроется рассказом о самой масштабной индийской кампании, предпринятой во время борьбы за независимость Америки.

ПРИМЕЧАНИЕ.

Желательно, чтобы настоящее примечание читалось в связи с шестой главой этого тома, содержащей отчет об экспедиции генерала Шайлера в Джонстаун в феврале 1776 года с целью разоружения тори в округе Трайон и ареста сэра Джона Джонсона. Непосредственные причины этой экспедиции, если не считать информации негодяя по имени Коннелл, не проявляются с достаточной отчетливостью, чтобы лишить действия генерала Шайлера характера почти сурового. Но хотя автор почти не сомневался, если вообще сомневался, в том, что у Конгресса были веские причины для направления экспедиции, а у Шайлера - для энергичного выполнения его приказов, причины срочности движения так и не выяснились. Однако, поскольку предыдущие материалы были опубликованы в прессе, автор получил копии некоторых документов из архивов британского правительства, которые отражают весь желаемый свет на этот предмет. После прочтения этих документов уместность данной меры, если она когда—либо применялась, больше не может подвергаться сомнению:-

"ГУБЕРНАТОР ТРАЙОН ЛОРДУ ДЖОРДЖУ ДЖЕРМЕНУ.

"На борту корабля Н. В. М. "Датчесс оф Гордон",}
Гавань Нью-Йорка, 3 января 1776 года.}

"Мой господин,

"Джентльмен, доставивший мне прилагаемое письмо от сэра Джона Джонсона, заверил меня, что, если правительство выполнит его содержание, сэр Джон сможет собрать пятьсот индейцев для поддержки правительства, и что они вместе с регулярными войсками смогут отвоевать форты. Если бы сэр Джон получил титул суперинтенданта по делам индейцев, это придало бы наибольший вес делам его Величества в Индии — индейцы питают величайшую привязанность к сыну своего покойного благодетеля. Я бы хотел, чтобы ваша светлость отнеслись к предложениям сэра Джона так же благосклонно, как и я", и т.д. и т.п.

[ДОПОЛНЕНИЕ К ПРИВЕДЕННОМУ ВЫШЕ.]

"СЭР ДЖОН ДЖОНСОН ГУБЕРНАТОРУ ТРАЙОНУ.

"Сэр, Я надеюсь, что повод и намерение этого письма послужат мне оправданием для той вольности, которую я беру на себя, представляя вашему Превосходительству предъявителя сего, капитана Аллана М.^с Доннелла, который сообщит вам многие подробности, которые в настоящее время не могут быть безопасно переданы в письменной форме. Смятенное и потрясенное состояние, в котором сейчас находится это несчастное графство, и ситуация, в которой я здесь нахожусь, вместе со многими обязательствами, которыми наша семья обязана

лучшему из государей, побуждают меня принять план, который, я надеюсь, послужит на пользу стране, правильность которого я всецело полагаюсь на лучшее суждение вашего превосходительства, в зависимости от той дружбы, которой вы были рады удостоить меня за ваш совет и представление Его Величеству того, что я предлагаю. Посоветовавшись со всеми моими друзьями в этом квартале, среди которых много старых и хороших офицеров, я пришел к решению сформировать батальон и назвал всех офицеров, большинство из которых проявляют большой интерес к своим соответствующим районам, и увидел большое количество людей, готовых выполнить план. Однако мы не должны думать о том, чтобы шевелиться, пока не будет получена поддержка и поставки многих предметов, необходимых для приведения нашего замысла в исполнение, — обо всем этом мистер М.^кДоннелл проинформирует ваше превосходительство. Я несколько не сомневаюсь в успехе этого плана, если нам вовремя окажут поддержку. Что касается новостей, я должен попросить разрешения направить вас к мистеру М.^кДоннеллу, который проинформирует вас обо всем, что было сделано в Канаде, что стало нам известно. Поскольку я узнаю из газет, что вы скоро отплываете в Англию, я отчаиваюсь иметь удовольствие засвидетельствовать вам свое почтение, но от всей души желаю вам приятного путешествия и счастливой встречи с вашей семьей и друзьями.

- Я, покорнейший слуга вашего превосходительства, Джон Джонсон.

Вне всякого сомнения, именно организация и другие приготовления, указанные в предыдущем письме, о которых, должно быть, стало известно, побудили Конгресс направить экспедицию в округ Трайон, упомянутую выше, которая была так энергично осуществлена генералом Шайлером, как описано в шестой главе настоящего тома. И тот самый Аллан М.^кДоннелл, который вместе с сэром Джоном Джонсоном был одним из участников переговоров с генералом Шайлером в том случае, был секретным эмиссаром, посланным сэром Джоном месяцем ранее для переговоров с губернатором Трайоном. Таким образом, объясняется весь вопрос, связанный с этой экспедицией.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

№ I.

[ССЫЛКА ИЗ ВВЕДЕНИЯ.]

[Ниже приводится статья, на которую делается ссылка в тексте. Это взято из книги Алмона "Американский летописец" (работы, претендующей на то, чтобы быть подлинным собранием фактов, опубликованной в Лондоне во время войны за независимость) за 1782 год, том 14, стр. 185. Долгое время предполагалось, что это подлинник, но с тех пор было установлено, что это публикация из-под пера доктора Франклина, написанная в политических целях.]

Отрывок из письма капитана Джерриска из новоанглийского ополчения, датированного Олбани 7 марта 1782 года.

Шкуры, взятые в экспедиции, как вы видите, обойдутся в приличную сумму. Обладание этой добычей сначала доставило нам удовольствие; но мы были поражены ужасом, обнаружив среди свертков восемь больших, содержащих скальпы наших несчастных соплеменников, отнятые за три последних года индейцами сенека у жителей приграничных районов Нью-Йорка, Нью-Джерси, Пенсильвании и Вирджинии и отправленные ими в подарок полковнику Дж. Холдимуану, губернатору Канады, для передачи им в Англию. К ним прилагалось следующее любопытное письмо к этому джентльмену:—

"*Туога, 3 января 1782 года.*

"С позволения вашего превосходительства,

"По просьбе вождей племени Сенека настоящим посылаю вашему Превосходительству под присмотром Джеймса Бойда восемь упаковок скальпов, вылеченных, высушенных, обвязанных кольцами и разрисованных всеми индейскими триумфальными знаками, счет-фактура и пояснения к которым приведены ниже.

"№ 1. Содержит 43 скальпа солдат Конгресса, убитых в различных стычках; они натянуты на черные обручи диаметром четыре дюйма; внутренняя сторона кожи окрашена в красный цвет с маленьким черным пятнышком, указывающим на то, что они были убиты пулями. Также 62 фермера, убитых в своих домах; обручи красные; кожа выкрашена в коричневый цвет и помечена мотыгой; черный круг по кругу, обозначающий, что они были застигнуты врасплох ночью; и черный топорик посередине, означающий, что они были убиты этим оружием.

"№ 2. Содержит 98 фермеров, убитых в своих домах; красные обручи; фигурка мотыги в знак их профессии; большой белый круг и солнце, чтобы показать, что они были застигнуты врасплох днем; *маленькая красная ножка*, чтобы показать, что они стояли на своей защите и погибли, сражаясь за свои жизни и семьи.

"№ 3. Содержит 97 фотографий фермеров; обручи зеленого цвета, чтобы показать, что они были убиты на своих полях; большой белый круг с маленькой круглой отметиной от солнца, чтобы показать, что это было днем; на одних черная отметина от пули, на других — от топора.

"№ 4. Содержит 102 изображения фермеров, смешанных с несколькими вышеперечисленными отметинами; только 18 отмечены маленьким желтым пламенем, чтобы обозначить, что они принадлежат заключенным, сожженным заживо после снятия скальпа, вырывания ногтей с корнем и других пыток; предполагается, что одно из этих последних принадлежит мятежному священнослужителю, его повязка прикреплена к обручу на голове. Судя по волосам, большинство фермеров были мужчинами молодого или среднего возраста; среди них всего 67 очень седых голов, что делает эту услугу более необходимой.

"№ 5. Содержит 88 женских скальпелей; волосы длинные, заплетенные по индейской моде, чтобы показать, что они матери; обручи голубые; кожа желтая, с маленькими красными головастиками, чтобы изобразить, в знак триумфа, слезы горя, причиненные их родственникам; черный нож для снятия скальпелей или топорик внизу, чтобы отметить, что они были убиты этими инструментами; у 17 других волосы очень седые; черные обручи; простого коричневого цвета, без отметин, кроме короткой дубинки или кассетета, чтобы показать, что они были сбиты с ног насмерть или им выбили мозги.

"№ 6. Содержит скальпы 193 мальчиков разного возраста; маленькие зеленые обручи; беловатые пятна на коже с красными разрывами посередине и черными следами от пуль, ножа, топорика или дубинки, когда произошла их смерть.

"№ 7. 211 девушек, с которых сняли скальпы, больших и маленьких; маленькие желтые обручи; белая земля; слезы, топорик, дубинка, нож для снятия скальпов и т.д.

"№ 8. Эта упаковка представляет собой смесь всех вышеупомянутых сортов в количестве 122 штук; с коробочкой из бересты, содержащей 29 маленьких детских скальпелей разного размера; маленькие белые обручи; белый молотый.

"С этими пакетами Вожди направляют вашему Превосходительству следующую речь, произнесенную Конейогатчи на совете, переведенную старейшиной Муром, торговцем, и записанную мной в письменном виде.

"*Отец!*— Настоящим мы посылаем тебе много скальпов, чтобы ты увидел, что мы не праздные друзья. Синий пояс.

"*Отец!*—Мы хотим, чтобы вы отправили эти скальпы по воде Великому королю, чтобы он мог рассмотреть их и освежиться; и чтобы он мог увидеть нашу преданность в уничтожении его врагов и убедиться, что его подарки были сделаны не неблагодарным людям. Бело-голубой пояс с красными кистями.

"*Отец!*— Прислушайся к тому, что я сейчас скажу; это очень важный вопрос. Врагов великого Короля много, и их число быстро растет. Раньше они были похожи на молодых пантер; они не

могли ни кусаться, ни царапаться; мы могли спокойно играть с ними; мы ничего не боялись, что они могут нам сделать. Но теперь их тела стали большими, как у лося, и сильными, как у буйвола, у них также есть большие и острые когти. Они изгнали нас из нашей страны, приняв участие в вашей ссоре. Мы ожидаем, что великий Король даст нам другую страну, чтобы наши дети могли жить после нас и быть его друзьями и детьми, как и мы.—Скажи это от нашего имени великому Королю. Чтобы усилить его, мы дарим этот пояс. Большой белый пояс с синими кистями.

"Отец!— Далее мы должны только сказать, что ваши торговцы требуют за свои товары больше, чем когда-либо; а наша охота ослабла из-за войны, так что у нас остается меньше шкур, которые мы можем отдать за них. Это нас разоряет. Придумайте какое-нибудь средство. Мы бедны, а у вас всего вдоволь. Мы знаем, что вы пришлете нам порох, ружья, ножи и топоры; но нам также нужны рубашки и одеяла. Маленький белый пояс."

"Я не сомневаюсь, что ваше превосходительство сочтет нужным еще немного поощрить этих честных людей. Высокие цены, на которые они жалуются, являются необходимым следствием войны. Какие бы подарки ни были посланы для них через мои руки, они будут распределены с осторожностью и верностью. Я имею честь быть

"Покорнейший слуга Вашего превосходительства, ДЖЕЙМС КРОУФЕРД",

№ II.

[Ссылка со страницы 104.]

Отчет о договоре, заключенном в Олбани в августе 1775 года с Шестью нациями комиссарами Двенадцати Соединенных колоний, собравшимися на Всеобщем конгрессе в Филадельфии.

Уполномоченными от колоний были генерал-майор Филипп Шайлер, майор Джозеф Хоули, мистер Тюрбо Фрэнсис, мистер Оливер Уолкотт и мистер Волкерт П. Доу. После отступления с Германских равнин и прибытия индейцев в Олбани, как указано в тексте, были проведены следующие мероприятия.

На встрече уполномоченных по ведению дел с индейцами северного департамента, состоявшейся в Олбани в среду, 23 августа 1775 г. Присутствует:

GEN. SCHUYLER, COL. ФРЭНСИС, МИСТЕР ДОУ.

Единогласно постановили, что индейцы Шести наций будут приглашены принять наши поздравления по случаю их благополучного прибытия сюда; что это произойдет сегодня в пять часов пополудни; что комитету города Олбани и видным джентльменам этого места будет предложено сопровождать Уполномоченных; и что с этой целью председателю комитета будут написаны следующие письма.

Олбани, 22августа 1775 года.

Джентльмены.— Ваши щедрые усилия по поддержке американского дела против гнусных планов порочного и расточительного министерства, правильность, с которой вы вели дела Индии, ставшие предметом вашего рассмотрения, сознание того, что без вашей помощи и помощи джентльменов из города, сведущих в этих вопросах, важное дело предстоящей конференции не может быть проведено так должным образом, как нам хотелось бы из нашего рвения к службе, - вот так много мотивов, которые указывают нам на необходимость обращения к вам и этим джентльменам за помощью и советом; которые, мы умоляем вас дать. мы без всяких оговорок; и будьте уверены, что к этому отнесутся со всем тем уважением, которое подобает вашему уважаемому органу и их здравому смыслу. Мы предлагаем нанести визит индейцам сегодня днем, в пять часов. Мы просим комитет оказать нам честь своим обществом, поскольку столь респектабельная организация значительно дополнит тот комплиментарный визит, который мы намерены им нанести. Мы уйдем от Картрайта и сочтем за одолжение, если джентльмены из города, которые не входят в комитет, будут рады пойти с нами.

Мы, джентльмены, с большим уважением,

Ваши покорнейшие слуги, П. ШАЙЛЕР, ФОЛЬКЕРТ П. ДОУ, ТЮРБО ФРЭНСИС.

На что комитет вернул следующий ответ:—

Джентльмены,— Ваше вежливое приглашение присоединиться к нам и нанести комплиментарный визит индейцам сегодня днем в пять часов, мы принимаем и с этой целью придем к Картрайту в назначенный час.

Мы, джентльмены, ваши самые покорные слуги. По распоряжению комитета, АБРАХАМ ЙЕЙТС-младший - *Председатель*.

Когда собрались сахемы и воины Шести наций, Уполномоченные в присутствии членов комитета и видных джентльменов города Олбани встретились с ними и обратились к ним со следующими словами:

Братья из ШЕСТИ НАЦИЙ,— Мы, депутаты, назначенные Двенадцатью Объединенными колониями, потомки Кведара и джентльмены из города Олбани, поздравляем вас с вашим прибытием сюда. Они рады видеть тебя в добром здравии и благодарят великого Бога за то, что он позволил нам встретиться.

"Кведар" — название, которое индейцы дали губернатору Стайвесанту, вероятно, результат их усилий произнести имя "Питер".

На встрече уполномоченных по ведению дел с индейцами северного департамента, состоявшейся в городе Олбани во вторник, 25 августа 1775 г. Присутствует:

GEN. SCHUYLER, COL. УОЛКОТТ, ПОЛКОВНИК. ФРЭНСИС, МИСТЕР ДОУ.

В комитет города Олбани было направлено следующее сообщение:—

Олбани, 25августа 1775 года.

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ,— Сегодня утром, около одиннадцати, в голландской церкви уполномоченные по делам индии откроют подписание договора с шестью нациями. Они просят оказать им честь вашим присутствием и присутствием главных джентльменов города и хотели бы до начала собрания удостоиться чести побыть в вашем обществе у Картрайта.

Абрахаму Йейтсу-младшему, эсквайру. Председателю комитета Олбани.

Председатель и комитет приняли участие, откликнувшись на приглашение.

В ходе своей беседы с Комиссарами в этот день индейцы заявили, что у них есть кое-какие дела к жителям Олбани, с которыми они хотели бы побеседовать, прежде чем приступить к выполнению главной задачи, ради которой был создан Совет. Поэтому они запросили день для этой цели. Просьба была удовлетворена — немедленно было проведено собрание граждан Олбани, на котором Уолтер Ливингстон, Джереми Ван Ренселер, и доктор Сэмюэл Стрингер были назначены комитетом для проведения предварительного совета с индейцами. Интервью состоялось в тот же вечер, когда Сигнагерат, сахем Онейды, открыл заседание следующей речью: —

"БРАТЬЯ ОЛБАНИ:— Мы умоляем вас познакомиться нас, когда ваше тело будет готово.

"БРАТЬЯ ОЛБАНИ:— Теперь настал день, когда мы прибыли по вашему приглашению. Когда вы увидели четыре нации онейда, вы сказали, что были рады видеть их в Зале вашего Совета. Вследствие этого мы сейчас здесь. Вы сказали нам, что были бы рады видеть нас снова — что вы обрадовались, увидев их, и что вы разворошите пепелище и вновь разожжете старый костер совета в Олбани. Мы рады видеть, что некоторые искры от того старого костра совета все же остались. Мы рады, даже чрезмерно, что это так.

"БРАТЬЯ, СОБЕРИТЕСЬ!— У меня есть одно дополнение к тому, что произошло между четырьмя представителями Народа Онейда и вами, когда вы в последний раз были в вашем Зале Совета. Когда вы узнали из нашей беседы с вашими братьями на Германских равнинах, что наши взгляды на общественные дела во многом совпадают с вашими, вы далее сказали нам, что все

правительства Америки на морских побережьях стремились узнать, настроены ли мы к миру, и что вы, Двенадцать Объединенных колоний, полны решимости поддерживать свою гражданскую конституцию и свободы, и вы обрадовались, обнаружив, что все мы так твердо решили поддерживать мир.

"БРАТЯ ОЛБАНИ:— Вы дальше наблюдали. В общении, которое у вас было с четырьмя представителями нации Онейда, вы очень обрадовались конференции, которую провели в Германских квартирах. Далее вы сказали, что были удивлены письмом, полученным Гаем Джонсоном от главного воина, генерала Гейджа, об исключении министров из нашей среды. Что вы радовались тому, что индийцы были обучены христианской религии и что служители, которые были среди нас, могли продолжать.

"БРАТЯ ОЛБАНИ, ПРИСУТСТВУЙТЕ!— Нам нужно еще кое-что рассказать о вашей речи. Во время общения с четырьмя посланниками ты пожелал, чтобы мы ознакомили Шесть народов с твоей речью, и чтобы после этого спустились трое или четверо из каждой Нации. Далее вы сказали, что были бы рады присутствовать на собрании совета у Гая Джонсона, чтобы услышать, что он должен сказать индейцам, и посмотреть, совпадут ли его чувства с вашими. Но вскоре вы услышали, что он уехал оттуда в Форт Стэнвикс, оттуда в Освиг; что вы отчаялись что-либо услышать от него и поэтому пожелали, чтобы мы сообщили вам, что произошло на том пожаре.

"БРАТЯ, СОБЕРИТЕСЬ!—Вы сделали еще одно предложение во время общения, которое у вас было с четырьмя представителями нашей нации, которое заключалось в следующем: — что вы слышали, что на Немецких квартирах должен быть совет всей нашей Нации, вы пожелали, чтобы наши люди сообщили вам, что произошло между нами и ними. Затем наши делегаты от нашего имени сказали вам, что было бы более приятно, если бы двое или более ваших членов присутствовали и сами услышали, что там происходило. Вот, братья, суть того, что произошло между вами и четырьмя представителями народа Онейда.

"БРАТЯ ОЛБАНИ, СОБЕРИТЕСЬ!—Мы сейчас, в этот день, переживаем то, что произошло между некоторыми из ваших членов и нами, когда конференция закончилась в German Flats. Вы сказали— Братья, давайте оба постараемся сохранить мир, чтобы мы могли продолжать наслаждаться его благословениями. Мы не желаем, чтобы вы хоть в малейшей степени утруждали себя этими спорами между нами и теми, кто за великими водами; только напрягите себя в соблюдении завета, который был заключен между вашими и нашими предками на этом месте у нашего костра совета. Ваши делегаты сказали нам на немецких равнинах, что, хотя ваши враги должны были бы изгнать вас с морского побережья, вы все же не стали бы просить нашей помощи.

"БРАТЯ ОЛБАНИ, ПРОДОЛЖАЙТЕ ПРИСУТСТВОВАТЬ!— Еще две вещи вы доставили на Немецкие квартиры. Первое было таково: Мы, Народ онейда, должны внимательно выслушать вашу речь; затем вы предъявили два древних пояса вампума — один из двадцати рядов, который был старым договором между всем Народом Онейда и *Кведар—Горахом*; другой, подаренный Шестью народами, индейцем по имени *Кайингуарагтох*, из народа Сенека; вы также сказали, что эти пояса должны быть снова изготовлены для осмотра всеми Шестью народами на предполагаемом костре совета, который будет восстановлен. разожжен в Олбани.

"БРАТЯ ОЛБАНИ:— Теперь мы закончили с основными темами, которые обсуждались между вами и нами, Нацией Онейда; и мы, все мы, Шесть Наций, сейчас находимся здесь, чтобы услышать,

что произошло, и предотвратить любые ложные сообщения, которые могут быть распространены новостными агентствами.

"БРАТЬЯ ОЛБАНИ, ТЕПЕРЬ ВНИМАНИЕ!— Вы также, присутствующие здесь комиссары, прислушайтесь к нашему голосу. Вы, наши братья из Олбани, пожелали услышать чувства Шести наций. Мы, Шесть наций и наши союзники, которые простираются до Детройта, Огайо и Каунаваги, впервые услышав плохие новости, распространившиеся вдоль восточного побережья этого острова, собрались и решили заключить союз между нами, индейцами, и поддерживать мир; и мы рады, что от нас больше ничего не требовали. В наших умах нет ничего отличного от того, что мы сейчас рассказали. Мы не обратим внимания на любые враждебные предложения, которые могут быть сделаны в наш адрес, ибо мы испытываем равную долю любви к вам и другим за пределами великих вод в нынешнем споре; и мы останемся в мире и будем курить наши трубки; и Шесть наций всегда будут держать путь открытым, и мы призываем Бога в свидетели истинности того, что мы сейчас говорим, и это исходит из наших сердец.

[Пояс из восьми рядов.]

"БРАТЬЯ ОЛБАНИ, ТЕПЕРЬ СЛУШАЙТЕ, и прислушайтесь к тому, что мы сейчас скажем: —

"Мы, Шесть наций, услышали голос птицы по имени Цклелели, разносчицы новостей, которая прилетела к нам. Он сообщил нам, что путь на западную коммуникацию, через форт Стэнвикс, будет перекрыт либо одной стороной, либо другой. Братья, пусть этого не будет; и пусть общение будет открыто для передачи и повторного посещения, и пусть наша страна не будет запятнана кровью, и будьте всегда сострадательны к пожилым женщинам, и пусть молодые растут и наслаждаются благословениями мира. Братья, пусть этот проход не будет вами перекрыт, но ограничьтесь спором на востоке; ибо это западное сообщение находится рядом с нашим очагом совета, и последствия могут быть фатальными. Воистину, братья, ваш язык и полковник. Слова Гая Джонсона в чем-то совпадают друг с другом; и на сторону, которая обратится к нам с просьбой закрыть этот отрывок, мы будем смотреть как на обманщиков и нарушителей; и мы от всего сердца презираем двурушника, и которого, как мы считаем, Всемогущий Бог впоследствии накажет как такового. И мы надеемся, что когда вы дадите свой ответ, вы будете говорить от чистого сердца, как это сейчас сделали мы.

[Пояс из пятнадцати рядов.]

"БРАТЬЯ ОЛБАНИ, СОБЕРИТЕСЬ!— Пять наций только что сказали, что они полностью откроют вам свои умы, они расскажут вам все, что привезли с собой. Этот пояс является данью уважения письму, полученному Гаем Джонсоном от генерала Гейджа, относительно удаления министров из нашей среды. Мы любим нашего отца, министра, который стоит здесь, [FN] мы любим его чрезвычайно. Возможно, через некоторое время его отнимут у нас, уведут, как пленника. Наши сердца трепещут за него - мы сильно трепещем. Ему угрожали, и если его схватят, это может привести к падению целых Пяти Наций. Наши братья, белые люди, возможно, сказали бы, что народ онейда отказался от своего служителя и что Шесть наций не уважают своих миссионеров. Но, по правде говоря, мы уважаем нашего отца, священника, и миссионеров; поэтому мы предлагаем вам подумать, не разумно ли миссионерам удалиться на некоторое время; особенно нашему отцу, священнику, мистеру Киркленду, пожить некоторое время со своей семьей, поскольку мы надеемся, что эта ссора не может длиться долго, потому что вы братья, одной нации и крови, и мы надеемся, что она скоро будет улажена; и когда произойдет

примирение, пусть наши миссионеры немедленно вернуться к нам; это, однако, мы учитываем при рассмотрении вашего вопроса и оставляем по вашему усмотрению. Теперь, братья, мы освободили наши умы, открыли наши сердца и высказали то, что мы должны были сказать".

Преподобный мистер Кирклэнд.

На что Албанский комитет дал следующий ответ:

"БРАТЬЯ ШЕСТИ НАЦИЙ!—Мы благодарим вас за вашу речь. Уполномоченные, назначенные Двенадцатью Соединенными колониями, с нашего согласия сначала займутся делами с вами; после того, как они закончат, мы ответим на вашу речь".

При заключении договора с индейцами Шести Объединенных Наций в городе Олбани в пятницу, 25 августа 1775 года —по настоящее время —

Gen. Schuyler, Col. Оливер Уолкотт, полковник. Фрэнсис Тюрбо, Фолькерт П. Доу, комиссары; председатель и Комитет, а также основные жители города Олбани. Заседание открыл сахем Онейда Сигнагерат следующей речью:—

"БРАТЬЯ:— Мы познакомили вас вчера вечером, чтобы сначала поговорить с нашими братьями, Комитетом Олбани. Мы сделали это и полностью открыли им свой разум.

"БРАТЬЯ:— Когда мы встретили двоих из вашего отряда на Германских равнинах, они подарили нам эти струны и пригласили приехать в Олбани и разжечь великий совет-костер мира под эгидой Двенадцати Объединенных колоний. Теперь, поскольку эти нити никогда не менялись, мы снова возвращаем их вам и желаем, чтобы великий совет-огонь мира- был разожжен.

"БРАТЬЯ:— Вы хотели, чтобы мы заткнули уши и укрепили свой разум против любых злых слухов, которые мы можем услышать по пути сюда, и не обращали внимания на то, что могут сказать нам какие-либо лжецы и недоброжелательные люди, поскольку это означало бы только посеять раздор между нами и нашими братьями из Двенадцати Объединенных колоний.

"БРАТЬЯ:— Наш разум защищен от попыток таких нечестивых людей. Теперь, братья, позвольте нам дать вам небольшой совет со своей стороны. Среди индейцев, так же как и среди белых людей, есть лжецы и интриганы. Поэтому не обращайтесь на то или иное, что может сказать какой-либо отдельный индеец, но прислушайтесь к тому, что вы можете услышать из уст нашего великого совета; ибо это будет истиной и смыслом всех Шести Объединенных Наций".

Затем члены Комиссии ответили следующими словами:—

-БРАТЬЯ, САХЕМЫ И ВОИНЫ ШЕСТИ НАРОДОВ!— Мы возвращаемся к благодарности Великому Богу, который позволил нам встретиться вместе в этот день, в любви, мире и дружбе. В знак чего мы сейчас сядем и вместе выкурим трубку мира".

(Здесь зажгли большой фонарь и пустили по кругу, после чего Уполномоченные продолжили:)

"БРАТЬЯ:— Мы, депутаты, назначенные Двенадцатью Объединенными Колониями и от их имени, при содействии потомков вашего древнего друга Кведара и ваших братьев из Олбани, пользуемся этой возможностью, чтобы вновь разжечь древний огонь совета, который раньше

горел здесь ярко, как солнце, и подбросить в него столько топлива, что, возможно, он никогда не погаснет; а также обновить с вами древнюю цепь завета, которая, как вы знаете, всегда была яркой и чистой, без каких-либо пятен или ржавчины; и которую мы теперь укрепляем этим поясом, чтобы навсегда сохранить ее. отныне у вас и у нас может быть только одно сердце, одна голова, один глаз и одна рука.

[Пояс.]

"Братья:— Наша задача с вами, помимо разжигания древнего огня совета, обновления завета и придания яркости каждому звену цепи, состоит, в первую очередь, в том, чтобы проинформировать вас о совете, который был дан около тридцати лет назад вашими мудрыми предками на большом совете, который они проводили в Ланкастере в Пенсильвании, когда Каннассатого обратился к нам в этих самых словах. [FN] "Братья, мы, Шесть Наций, от всего сердца рекомендуем единство и хорошее соглашение между вами, нашими братьями. Никогда не расходитесь во мнениях, но сохраняйте строгую дружбу друг к другу; и тем самым вы, так же как и мы, станете сильнее. Наши мудрые предки установили единство и дружбу между Пятью народами. Это сделало нас грозными; это дало нам большой вес и авторитет среди наших соседних народов. Мы - могущественная конфедерация; и если вы будете следовать тем же методам, что и наши мудрые предки, вы обретете новую силу и могущество. Поэтому, что бы с вами ни случилось, никогда не ссорьтесь друг с другом". Таковы были слова Каннассатого".

[FN] Смотрите "Историю пяти наций" Колдена и историческую коллекцию Массачусетса, чтобы узнать об упомянутом договоре — 1744 год.

"Братья:— Наши предки радовались, услышав, как Каннассатого произносит эти слова. Они проникли глубоко в их сердца. Совет был хорошим. Он был добрым. Они сказали друг другу: "Шесть наций - мудрые люди. Давайте прислушаемся к ним, примем их совет и научим наших детей следовать ему. Так поступали наши старики. "Они часто брали одну стрелу и говорили— "Дети, посмотрите, как легко ее сломать". Затем они брали и связывали двенадцать стрел вместе прочной тетивой, и наши самые сильные мужчины не могли их сломать. "Смотрите, - сказали они, - вот что означают Шесть народов. Разделенный, один человек может уничтожить вас. Объединившись, вы достойны всего мира. "Мы благодарим Великого Бога за то, что мы все едины, за то, что у нас сильная конфедерация, состоящая из двенадцати провинций. [FN] Эти провинции разожгли большой совет в Филадельфии и послали шестьдесят пять советников, чтобы они говорили и действовали от имени целого и консультировались ради общего блага народа и вас, наших братьев из Шести наций, и ваших союзников; доклад этого великого совета мы представим вам завтра".

[FN], которые были перечислены.

Совет возобновил работу 26—го числа, и Комиссары открыли разбирательство следующим образом:-

-БРАТЬЯ, САХЕМЫ и ВОИНЫ!—Пусть эта строка откроет ваши уши, чтобы услышать, и склонит ваши сердца к принятию речи Двенадцати Объединенных колоний, которую они направили вам своими депутатами. Они говорят следующим образом:—

"БРАТЬЯ—САХЕМЫ и ВОИНЫ:Мы, делегаты от Двенадцати Соединенных провинций, а именно.. Нью-Гэмпшир, Массачусетский залив, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Джерси, Пенсильвания, три нижних округа Ньюкасла, Кент и Сассекс, Делавэр, Мэриленд, Вирджиния, Северная Каролина и Южная Каролина, которые сейчас заседают во всеобщем конгрессе в Филадельфии, направляют это выступление вам, наши братья. Нас шестьдесят пять, мы избраны и назначены народом во всех этих провинциях и колониях, чтобы встречаться и заседать вместе в одном большом совете, совещаться вместе ради общего блага страны, говорить и действовать от ее имени.

"БРАТЬЯ:— посовещавшись, мы сочли уместным и необходимым направить вам это выступление, поскольку мы находимся на одном острове, чтобы вы могли быть проинформированы о причинах проведения этого великого совета, состоянии нашей гражданской конституции и нашем отношении к вам, нашим индийским братьям из Шести наций, и их союзникам.

[Три струны или маленький поясок.]

"БРАТЬЯ и ДРУЗЬЯ, ТЕПЕРЬ СОБЕРИТЕСЬ!— Когда наши отцы пересекли великие воды и пришли в эту землю, король Англии выступил с речью, заверив их, что они и их дети должны быть его детьми, и что если они покинут свою родную страну и основывают поселения, и будут жить здесь, и покупать, и продавать, и торговать со своими братьями за морем, они все равно должны держаться за ту же цепь завета и наслаждаться миром. И было заключено соглашение, что поля, дома, товары и имущество, которые должны были приобрести наши отцы, останутся за ними как их собственность и будут принадлежать их детям навсегда и в их исключительном распоряжении.

"Веря, что этот завет никогда не будет нарушен, наши отцы прошли большое расстояние за водой, вложили здесь свои деньги, построили дома, расчистили поля, вырастили урожай и благодаря своему собственному труду и прилежанию выросли высокими и сильными.

"Они покупали, продавали и вели торговлю с англичей в соответствии с соглашением; посылали им то, что они хотели, и брали взамен то, что требуется здесь. Король Англии и его народ держали путь открытым более ста лет, и благодаря нашей торговле мы стали богаче, а благодаря союзу с нами стали более великими и могущественными, чем другие короли и люди, живущие за водой.

"Все это время они жили в большой дружбе с нами, а мы с ними; ибо мы братья — одной крови.

"Всякий раз, когда по ним наносили удар, мы немедленно чувствовали, что удар нанесен по нам — их враги были нашими врагами.

"Всякий раз, когда они отправлялись на войну, мы посылали наших людей, чтобы они стояли на их стороне и сражались за них, и наши деньги, чтобы помочь им и сделать их сильными. То, что мы сделали это, братья, вы все были свидетелями в прошлой войне. Вы знаете, что мы помогли им захватить Ниагару, Катароки, Тикондерогу, Краун-Пойнт и Канаду; и, наконец, когда у них больше не было врагов на этом острове, мы отправились сражаться и помогли им захватить

много больших островов, лежащих в жарких странах, где они добыли более тридцати возов серебра. Они поблагодарили нас за нашу любовь, послали нам хорошие подарки и подтвердили свое обещание всегда быть нашим народом; а когда война закончилась, они сказали: "Дети, мы благодарим вас за то, что вы помогли сделать нас великими". Мы знаем, что это стоило вам больших денег, и поэтому, дети, мы делаем вам подарок, чтобы вы могли содержать своих воинов.

"Братья и друзья, прислушайтесь. Теперь мы расскажем вам о ссоре между советниками короля Георга и жителями Америки и ее колоний.

"Многие из его советников - гордые и порочные люди. Они убеждают короля разорвать оковы соглашения и больше не посылать нам добрых речей. Значительное число людей убедили его заключить новый завет против нас и разорвали на части и отбросили за свои спины добрый старый завет, в который вступили их предки и наши, и которого они крепко придерживались.

"Теперь они говорят нам, что без спроса сунут руки в наш карман, как будто это их собственные; и по своему усмотрению заберут у нас наши хартии или письменную гражданскую конституцию, которые мы любим как свою жизнь; а также наши плантации, наши дома и товары, когда им заблагорассудится, не спрашивая нашего разрешения. Что наши суда могут ходить к *этому* острову в море, но с *этим* или *тем* конкретным островом мы больше торговать не будем. И, в случае нашего невыполнения этих новых приказов, они закрывают наши гавани.

"Братья:— такова наша нынешняя ситуация - так поступили с нами многие советники и слуги Короля. Если мы подчинимся или подчинимся их требованиям, вы можете легко понять, до какого состояния мы будем доведены. Если наши люди будут трудиться в поле, они не будут знать, кто получит удовольствие от урожая; если они будут охотиться в лесу, неизвестно будет, кто отведаст мяса или получит шкуры; если они будут строить дома, они не будут знать, смогут ли они сидеть у костра со своими женами и детьми; они не могут быть уверены, будет ли им разрешено есть, пить и носить плоды своего собственного труда.

"Братья и друзья ШЕСТИ НАЦИЙ, СОБЕРИТЕСЬ!—Мы на этом острове часто говорили и обращались к королю и его слугам-советникам, чтобы мир и гармония все еще сохранялись между нами; что мы не можем расстаться с цепью ветхого завета, которая соединяла наших отцов с их; что мы хотим украсить эту цепь и сохранить путь открытым, как это делали наши отцы; что мы хотим жить с ними как братья; трудиться, торговать, путешествовать за границу, есть и пить в мире. Мы часто просили их любить нас и жить с нами в такой же дружбе, как их отцы жили с нашими.

"Мы снова сказали им, что, по нашему мнению, мы серьезно пострадали, и что они с таким же успехом могут убить нас, как отнять наше имущество и предметы первой необходимости. Мы спрашивали, почему они так обращаются с нами? Что стало с нашими неоднократными обращениями и мольбами к ним? Кто заткнул уши королю от криков его детей в Америке? Никакого мягкого ответа — ни один приятный голос из-за вод еще не звучал в наших ушах.

"Братья,— Так обстоят дела между Старой Англией и Америкой. Вы, индейцы, знаете, как распределяются в семье отношения между отцом и сыном — Англию мы считаем отцом, этот остров можно сравнить с сыном.

"У отца многочисленная семья, как дома, так и на этом острове; он назначает множество слуг, которые помогают ему в управлении его семьей; со временем некоторые из его слуг становятся

гордыми и злобными - им было неприятно видеть мальчика таким проворным и продолжающим так проворно ходить со своим рюкзаком; они говорят отцу и советуют ему увеличить рюкзак этого ребенка — они побеждают; рюкзак увеличивается, ребенок снова берет его; поскольку он думал, что это может доставить удовольствие отцу, говорит всего несколько слов, эти очень маленькие, ибо ему не хотелось оскорблять отца. Эти гордые и злые слуги, обнаружив, что одержали верх, смеялись, видя, как мальчик потеет и шатается под возросшей ношей. Мало-помалу они обратились к отцу с просьбой удвоить сумму взноса мальчика, потому что слышали, как он жаловался; и без всякой причины сказали, что он раздражительный ребенок, поправьте его, если он еще раз пожалуется. Мальчик обращается к отцу и пристойно просит великих слуг облегчить рюкзак; он не мог идти дальше; смиренно спрашивает, описывали ли старые отцы в каких—либо своих записях такой рюкзак для ребенка; после всех слез и просьб ребенка рюкзак увеличивается вдвое; ребенок немного стоит, пошатываясь под тяжестью, готовый упасть в любой момент; однако он снова обращается к отцу, хотя и настолько ослабел, что смог только прошепелявить свою последнюю смиренную мольбу — некоторое время ждет - голос не возвращается. Ребенок приходит к выводу, что отец не мог слышать — эти гордые слуги перехватили его мольбы или заткнули отцу уши. Поэтому он сопротивляется, сбрасывает рюкзак и говорит, что не может взять его снова, такой вес придавит его и убьет, и он может только умереть, если откажется.

"Услышав это, те слуги очень разгневались и наговорили отцу много лжи о ребенке; они приносят отцу большую дубинку, прося его взять ее в руку и ударить ребенка.

"Это может послужить иллюстрацией нынешнего состояния американских подданных или детей короля.

"Среди этих притеснений мы время от времени слышали успокаивающий и ободряющий голос некоторых мудрых советников короля, которые являются нашими друзьями и разделяют наше горе; когда они слышали наши жалобы и наши вопли, они обращались к королю; они также сказали этим злым слугам, что этот ребенок в Америке не был сварливым мальчиком; у него была достаточная причина для слез; и если пренебречь причиной его жалобы, он вскоре обретет голос мужчины, будет молить о справедливости, как мужчина, защищать свои права и поддерживать цепь ветхого завета их отцов.

"БРАТЬЯ, ПОСЛУШАЙТЕ!—Несмотря на все наши намерения, у нас очень мало надежды, что король пошлет нам еще какие-нибудь добрые вести из-за своих злых советников; они убедили его послать армию солдат и множество боевых кораблей, чтобы ограбить и уничтожить нас. Они закрыли многие наши гавани, захватили и завладели многими нашими судами; солдаты нанесли удар, убили нескольких наших людей; теперь течет кровь американских детей; они также сожгли наши дома и города и забрали большую часть наших товаров.

[Черный пояс.]

"БРАТЬЯ!—Сейчас мы вынуждены восстать и сражаться, или отказаться от нашей гражданской конституции, убежать и оставить наши фермы и дома позади. Этого не должно быть. Поскольку нечестивые советники короля не желают открыть свои уши и рассмотреть наши справедливые жалобы и причину наших слез, и нанесли удар, мы полны решимости прогнать королевских солдат и убить всех тех нечестивых людей, которых мы найдем с оружием в руках, выступающих против мира Двенадцати Объединенных колоний на этом острове. Мы считаем, что наше дело

правое, поэтому надеемся, что Бог будет на нашей стороне. Мы беремся за топор войны не ради чести и завоеваний, а для того, чтобы сохранить нашу гражданскую конституцию и религиозные привилегии, те самые, ради которых наши предки покинули свою родину и приехали в эту страну.

[Черный пояс.]

"Братья и друзья!—Мы желаем, чтобы вы услышали и восприняли то, что мы вам сейчас сказали, и чтобы вы прислушались к тому, что мы сейчас собираемся сказать. Это семейная ссора между нами и Старой Англией. Вас, индейцев, это не касается. Мы не хотим, чтобы вы поднимали топор войны против королевских войск. Мы хотим, чтобы вы оставались дома и не присоединялись ни к одной из сторон; но держите топор войны глубоко зарытым. От имени всего нашего народа мы просим и желаем, чтобы вы любили мир и поддерживали его, любили и сочувствовали нам в наших бедах; чтобы путь оставался открытым для всего нашего и вашего народа, чтобы проходить и возвращаться без помех.

"Братья!—Мы живем с вами на одной земле. Один и тот же остров - наша общая родина. Мы желаем сесть под тем же деревом мира, что и вы; давайте поливать его корни и лелеять его рост, пока большие листья и питательные ветви не протянутся к заходящему солнцу и не достигнут небес.

"Братья, СМОТРИТЕ ВНИМАТЕЛЬНО!—О чем мы вас просили? Ничего, кроме мира, несмотря на наше нынешнее тревожное положение; и если кто-либо из неразумных и порочных министров короля обратится к вам с просьбой перейти на их сторону, мы только советуем вам действовать с большой осторожностью и в вашей мудрости ожидать последствий согласия. Ибо, если королевские войска заберут нашу собственность и уничтожат нас, которые одной крови с ними, чего вы, индейцы, можете ожидать от них впоследствии?

[Белый пояс.]

"БРАТЬЯ ШЕСТИ НАЦИЙ!—Когда мы заметили, что этот остров начал трястись вдоль восточного берега, а солнце затемнилось черной тучей, поднявшейся из-за большой воды, мы разожгли большой костер совета в Филадельфии; и мы сидели вокруг него, пока он не разгорелся ярко и так высоко, что осветил весь этот остров. Мы возобновили нашу власть над цепью ветхого завета, которая объединяла и укрепляла наших предков и которая была близка к тому, чтобы ускользнуть из наших рук до того, как мы разожгли этот великий костер совета в Филадельфии. Теперь мы прочно закрепились и не отпустим это без могучей борьбы, даже до смерти.

"БРАТЬЯ:— Теперь нас двенадцать колоний, объединенных как один человек. У нас только одно сердце и одна рука. Братья, это наш пояс Профсоюза. Этим поясом мы, Двенадцать Объединенных Колоний, обновляем цепь ветхого завета, с помощью которой наши предки, в своей великой мудрости, сочли нужным связать нас и вас, наших братьев из Шести Наций, вместе, когда они впервые высадились в этом месте; и если какое-либо из звеньев этой великой цепи проржавело, теперь мы освещаем его и заставляем сиять, как серебро. Поскольку Бог вложил в наши сердца любовь к Шести нациям и их союзникам, мы теперь делаем цепь дружбы настолько прочной, что ничто, кроме злого духа, не может или не будет пытаться разорвать ее. Но мы надеемся, что благодаря благосклонности и милосердию Доброго Духа она будет оставаться сильной и яркой, пока светит солнце и течет вода.

[Доставил ремень безопасности.]

"БРАТЬЯ:— Для сохранения дружбы между нами и нашими братьями из Шести Наций и их союзниками необходимо, чтобы между нами поддерживались свободные и взаимные отношения. Поэтому Двенадцать Объединенных колоний посредством этого пояса устраняют все трудности, которые могут возникнуть на великой дороге, проходящей через середину нашей страны; и мы также расчистим и откроем все маленькие дороги, ведущие в великую. Мы вырежем все колючки, шиповник и камни, чтобы, когда у кого-либо из наших братьев из Шести Наций или их союзников возникнет желание увидеться и поговорить с кем-либо из своих братьев из Двенадцати Объединенных колоний, они могли безопасно пройти мимо, не поцарапавшись и не ушибившись. Братья, теперь дорога открыта для наших братьев из Шести Наций и их союзников, и теперь они могут проезжать так же безопасно и свободно, как и сами Двенадцать Объединенных колоний; и мы также полны решимости, с Божьей помощью, сохранять наши дороги открытыми и свободными для Шести наций и их союзников, пока существует эта земля.

[Пояс пути.]

"БРАТЬЯ!— Мы сказали, что желаем, чтобы вы, индейцы, продолжали жить в мире друг с другом и с нами, белыми людьми. Давайте будем осторожны в нашем поведении по отношению друг к другу в этом критическом положении дел. Этот остров сейчас дрожит, ветер свистит почти со всех сторон; давайте укрепим наши умы и заткнем уши от ложных слухов; давайте будем осторожны с тем, что мы принимаем за правду, если только ее не произносят мудрые и добрые люди. Если между нами, Двенадцатью Соединенными Колониями, и вами, Шестью Нациями, когда-либо возникнет что-либо неприятное, что нанесет ущерб нашему миру, давайте немедленно примем меры для устранения этой бреши. Исходя из нынешнего положения наших дел, мы считаем мудрым и целесообразным разжечь небольшой костер совета в Олбани, где мы могли бы услышать голоса друг друга и более полно раскрыть друг другу свои мысли.

[Маленький пояс.]

Поэтому мы говорим. Братья, берегитесь — крепко держитесь за свои цепи завета. Вы знаете наше расположение к вам, Шести народам Индии, и вашим союзникам. Пусть эта наша добрая беседа останется в Онондаге, вашем центральном доме совета. Мы надеемся, что вы пошлете своих союзников на север, семь племен на реке Святого Лаврентия, и сообщите им, что вы проведете эту нашу беседу у великого костра совета Шести Наций. И когда вы вернетесь, мы приглашаем ваших великих людей приехать и продолжить беседу с нами в Олбани, где мы намерены вновь разжечь костер совета, у которого ваши и наши предки сидели в большой дружбе. *Братья и друзья!*

- "Мы приветствуем вас всех, ПРОЩАЙТЕ".

[Большой пояс интеллекта и деклараций.]

Такова была речь, переданная Шести нациям уполномоченными Конгресса. Процесс общения с индейцами через переводчиков очень медленный. Все должно выполняться с большой обдуманностью, а индийский язык состоит из таких удлиненных составных частей, что труд произнесения и перевода речи чрезвычайно утомителен. Выступление с этим докладом в Конгрессе заняло два рабочих дня. В конце Канагуэса, один из руководителей, ответил: —

"БРАТЬЯ, — Мы сидели кругом и курили трубки в этом нашем древнем месте разжигания костров совета. Мы слышали все, что вы сказали, и не услышали ничего, кроме приятного и хорошего. Поскольку вы сообщили о вопросах, имеющих для нас большое значение, мы сядем завтра и хладнокровно обсудим их; а на следующий день дадим вам ответы на все, что вы нам изложили".

Собравшись снова 31 августа, Маленький Абрахам, сахем могавков, сказал в ответ членам Комиссии следующее:—

"БРАТЬЯ, ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ, УПОЛНОМОЧЕННЫЕ ДВЕНАДЦАТЬЮ СОЕДИНЕННЫМИ КОЛОНИЯМИ, СОБЕРИТЕСЬ!— Сегодня мы призваны встретиться с вами на совете, чтобы ответить на то, что вы нам сказали. Мы надеемся, что нам не нужно пересказывать всю вашу речь. Мы лишь коснемся каждой главы. На нашей последней конференции в этом доме мы пообещали вернуть вам наш ответ послезавтра. Мы этого не сделали и хотим принести вам извинения. Мы надеемся, что вы не обиделись. Мы не были готовы к тому времени, и это было нашей причиной. Братья, вы сообщили нам, что в Филадельфии был созван великий совет из шестидесяти пяти членов, и что они назначили вас выступить с речью перед Шестью нациями. Похоже, что вы, наши братья, желая вновь разжечь костер совета, призвали к себе на помощь потомков Кведара и разожгли костер совета, который никогда не погаснет. На что Шесть наций отвечают: Это вы сделали по приказу великого Совета в Филадельфии. Мы рады слышать новости. Это радует наши сердца и дарит безграничную радость всем Шести народам.

"БРАТЬЯ, ПОСКОЛЬКУ ВЫ ХОТЕЛИ, ЧТОБЫ ВАШИ ПОЯСА НЕ ВОЗВРАЩАЛИСЬ, А БЫЛИ СДАНЫ НА ХРАНЕНИЕ В НАШ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДОМ СОВЕТА, МЫ ВОСПОЛЬЗУЕМСЯ ИМИ ТОЛЬКО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ОСВЕЖИТЬ НАШИ ВОСПОМИНАНИЯ, И ПОГОВОРИМ О НИХ, ПРОДОЛЖАЯ ДАВАТЬ ОТВЕТЫ. БРАТЬЯ, МЫ НЕ БУДЕМ ПЕРЕЧИСЛЯТЬ ВСЕ ПОДРОБНОСТИ, КАК МЫ УПОМИНАЛИ РАНЕЕ. ВЫ ЗАМЕТИЛИ, ЧТО, КОГДА ТОЛЬКО НАЧАЛИСЬ ЭТИ ВОЛНЕНИЯ, В ФИЛАДЕЛЬФИИ СОБРАЛСЯ СОВЕТ ИЗ ШЕСТИДЕСЯТИ ПЯТИ ЧЛЕНОВ; И ВЫ НАПОМНИЛИ НАМ О ТОМ, ЧТО КАННАССАТЕГО РАНЕЕ СКАЗАЛ В ЛАНКАСТЕРЕ ОТНОСИТЕЛЬНО НЕОБХОДИМОСТИ СОЮЗА МЕЖДУ ВАМИ. ЗДЕСЬ ПРИСУТСТВУЕТ СТАРЫЙ САХЕМ, БРАТ КАННАССАТЕГО, И ОН ПОМНИТ СЛОВА СВОЕГО БРАТА. ВЫ ПРОИЛЛЮСТРИРОВАЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЮЗА ОДНОЙ И ДВЕНАДЦАТЬЮ СТРЕЛАМИ. ВЫ СКАЗАЛИ, ЧТО ВАШИ ДЕДЫ ПРИВИВАЛИ ЭТО УЧЕНИЕ СВОИМ ДЕТЯМ. ТЫ СКАЗАЛ, ЧТО, ПОСКОЛЬКУ ДРЕВО МИРА НЕКОГДА БЫЛО ПОСАЖЕНО НА ЭТОМ МЕСТЕ, ТЫ ПОЖЕЛАЛ, ЧТОБЫ ШЕСТЬ НАРОДОВ СПУСТИЛИСЬ, СЕЛИ ПОД НИМ И ПОЛИВАЛИ ЕГО КОРНИ, ПОКА ВЕТВИ НЕ РАСЦВЕТУТ И НЕ ДОСТИГНУТ НЕБЕС. ШЕСТЬ НАЦИЙ ГОВОРЯТ, ЧТО ЭТО БУДЕТ СДЕЛАНО. БРАТЬЯ, НАМ НУЖНО ТОЛЬКО НАПОМНИТЬ ВАМ О НЕКОЛЬКИХ ВЕЩАХ, КОТОРЫЕ ВЫ СКАЗАЛИ НАМ, ПОСКОЛЬКУ У ВАС ВСЕ ЭТО ЗАПИСАНО. ВЫ СООБЩИЛИ НАМ, ЧТО ПО ДРЕВНЕМУ ДОГОВОРУ С КОРОЛЕМ АНГЛИИ ВЫ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ТЕМИ ЖЕ ПРИВИЛЕГИЯМИ, ЧТО И ЛЮДИ ПО ТУ СТОРОНУ ВЕЛИКИХ ВОД, ЧТО ДОЛГОЕ ВРЕМЯ ВЫ ПОЛЬЗОВАЛИСЬ ТЕМИ ЖЕ ПРИВИЛЕГИЯМИ, БЛАГОДАРЯ ЧЕМУ ВЫ И ВАШИ БРАТЬЯ ПО ВОДЕ ОБА СТАЛИ ВЕЛИКИМ НАРОДОМ; ЧТО В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ, ПО СОВЕТУ ЗЛЫХ СОВЕТЧИКОВ, ВЫ СИЛЬНО УГНЕТЕНЫ, И НА ВАС НАДЕЛИ БОЛЕЕ ТЯЖЕЛЫЕ ВЬЮКИ, ЧЕМ ВЫ МОГЛИ ВЫНЕСТИ; ЧТО ВЫ ЧАСТО ПРОСИЛИ ОБЛЕГЧИТЬ ВАШЕ БРЕМЯ, НО НЕ МОГЛИ ПОЛУЧИТЬ НИКАКОЙ КОМПЕНСАЦИИ; ЧТО, ОБНАРУЖИВ ЭТО, ВЫ СБРОСИЛИ ВЬЮКИ. ШЕСТЬ НАЦИЙ БЛАГОДАРЯТ ВАС ЗА ТО, ЧТО ВЫ ОЗНАКОМИЛИ ИХ С ВАШИМИ ЖАЛОБАМИ И МЕТОДАМИ, ПРИНЯТЫМИ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ. ВЫ ТАКЖЕ ПРОИНФОРМИРОВАЛИ ИХ О ТОМ, КАКИЕ РЕШЕНИЯ ВЫ ПРИНЯЛИ В СВЯЗИ С ЭТИМИ ВОПРОСАМИ.

"БРАТЬЯ, ИЗЛОЖИВ СВОИ ПРЕТЕНЗИИ И СКАЗАВ НАМ, ЧТО ВЫ НЕ СМОГЛИ ДОБИТЬСЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА, ВЫ ПОЖЕЛАЛИ, ЧТОБЫ МЫ НЕ ПРИНИМАЛИ В ЭТОМ УЧАСТИЯ, А ЗАРЫЛИ ТОПОР ВОЙНЫ. ВЫ СКАЗАЛИ НАМ, ЧТО ЭТО БЫЛА СЕМЕЙНАЯ ССОРА, И ПОЭТОМУ СКАЗАЛИ: "Вы, индейцы, сидите тихо и не думайте ни о

чем, кроме мира". Наш великий человек, полковник. Джонсон сделал то же самое в Освиге; он также хотел, чтобы мы сидели спокойно. Вы также пожелали, чтобы, если к нам обратится с просьбой кто-либо из королевских чиновников, мы не присоединились бы к ним. Итак, будьте внимательны и внимательно прислушивайтесь. Мы полностью рассмотрели этот вопрос. Резолюции Шести стран не подлежат нарушению или изменению. Когда они будут приняты, вопрос будет решен. Итак, такова решимость Шести наций не принимать в этом никакого участия; но поскольку это семейное дело, сидеть спокойно и смотреть, как вы сражаетесь. Мы просим вас принять это как непогрешимое, поскольку это наше полное решение; ибо мы испытываем такую же привязанность к подданным короля Англии по ту сторону океана, как и к вам, родившимся на этом острове. Мы просим вас еще об одном, а именно, чтобы вы представили это в истинном свете делегатам от всех колоний, не меняясь; и чтобы вы соблюдали такое же уважение к правде, когда будете писать королю об этих вопросах, ибо у нас есть уши, и мы услышим, если вы представите что-либо в ложном свете. Мы также хотим, чтобы вы проинформировали наших братьев в Бостоне о нашей решимости.

"БРАТЯ, прошло много времени с тех пор, как мы пришли к этому решению. Это результат зрелых размышлений. Это было наше заявление полковнику Дж. Джонсон. Мы сказали ему, что не должны принимать участия в ссоре и надеемся, что ни одна из сторон не захочет этого. Кто бы ни подал заявление первым, мы будем думать неправильно. Резолюции Шести наций не должны быть нарушены. У вас есть недавний пример истинности этого. Вы знаете, чем в последнее время занимались шаванцы. Они обратились к нам за помощью, но мы им отказали. [FN] Наша любовь к вам побудила нас не вмешиваться. Если бы мы любили тебя меньше, мы были бы менее решительны.

[FN] В деле полковника. Кресап и Логан, а также в последовавшей за этим войне с индейцами, *урокезы* не участвовали. Каюги и Сенека были такими.

"БРАТЯ,— Вы также сообщили нам, что, когда вы заметили, что этот остров начал дрожать и над великой водой поднялись черные тучи, вы разожгли большой пожар в Филадельфии, огонь, который ярко и ясно освещал ваши ближайшие поселения; что вы сидели вокруг этого огня, обдумывая, какие меры предпринять для общего блага; что, сидя вокруг него, вы вспомнили древний завет, заключенный между вашими и нашими отцами, когда они впервые пересекли великую воду и поселились здесь, и этот завет они сначала сравнили с железной цепью. Но когда они рассудили, что железо ржавеет, они сделали серебряную цепочку, которую они должны были всегда натирать и сохранять яркой, без пятен. Они сделали ее такой прочной, что злой дух не смог бы ее разорвать. Эта цепь дружбы, которую вы сейчас обновили. Этот завет будет сохранен для будущих поколений. Мы рады, что вы сочли нужным возобновить этот завет, и теперь все Шесть наций благодарят вас. Этот пояс-завет, который вы желаете, чтобы мы передали на хранение в наш центральный дом совета, чтобы будущие поколения могли вспомнить о завете, заключенном сейчас между нами. Вы можете быть уверены, что мы пошлем и проинформируем всех наших соседей-членов совета о делах, которые сейчас решаются. В заключение мы хотим, чтобы все Шесть народов повторили свою благодарность за то, что вы обновили завет, заключенный между их предками и вашими.

"БРАТЯ, СОБЕРИТЕСЬ!— Поскольку вы обновили древний завет, вы сочли уместным открыть путь и иметь свободное сообщение с этим местом. Поскольку пожар на некоторое время был потушен,

путь был перекрыт. Ты убрал все препятствия с больших дорог и тропинок, все камни и вереск; так что, если кто-нибудь из нас решит отправиться по этой дороге, мы не встретим никаких препятствий и не повредим себе. Братья, мы благодарим вас за то, что открыли дорогу. Вы также сообщили нам, что полны решимости изгнать, уничтожить и убить всех, кто выступит с оружием в руках против мира Двенадцати Объединенных колоний. Братья, присутствуйте. Мы умоляем вас быть осторожными в том, что вы делаете. Вы только что проложили хороший путь; не оскверняйте его так скоро кровью. Вокруг нас их много. Кагнаваги, которые являются друзьями короля. Наш мирный путь простирается как раз туда. Мы просим, чтобы все это расстояние не было осквернено кровью. Что касается ваших ссор на востоке, вдоль морских побережий, делайте, что вам заблагорассудится. Но нам было бы больно видеть, как плохо обращаются с теми, кто вырос в наших собственных семьях. В частности, мы хотели бы упомянуть сына сэра Уильяма Джонсона. Он родился среди нас, и его мать имеет голландское происхождение. Он занимается своими делами и не вмешивается в общественные споры. Мы также хотели бы упомянуть нашего отца, министра, который живет среди могавков и был послан им королем. Он не вмешивается в гражданские дела, но наставляет их на пути к небесам. Он категорически отказывается заниматься какими-либо политическими делами и говорит, что они ему не принадлежат. Они умоляют его продолжать жить в мире между ними. Могавки часто встревожены сообщениями о том, что у них хотят отобрать их министра. Если бы его забрали, это вызвало бы большие волнения. Король послал его к ним, и они будут рассматривать это как лишение одного из своих тел. Поэтому они снова просят, чтобы он мог продолжать жить среди них в мире. [FN]"

Этим миссионером был преподобный мистер Стюарт, который впоследствии переехал в Верхнюю Канаду.

"Братья, — После того, как вы проинформировали нас о положении дел и закончили свои дела, вы посоветовали нам заткнуть уши от ложных слухов и прислушиваться не к летучим рассказам, а к тому, что должны говорить мудрые и добрые люди; по этой причине вы разожгли в этом месте костер совета, чтобы мы всегда могли беседовать друг с другом и знать правду о вещах. Твои братья из Шести Народов говорят: "Пусть будет так; все будет так, как ты пожелаешь". Они благодарят вас за этот совет и желают, чтобы вы применили те же меры предосторожности; чтобы вы заткнули уши от летучих слухов, но не спускали глаз с главного совета, такого, какой вы видите созванным сейчас. Шесть наций желают, чтобы вы всегда полностью информировали их о том, что уважает их. С этой целью мы открыли наши уши и очистили наш разум, чтобы мы всегда могли слышать и принимать то, что вы хотите сказать, с добрым и чистым умом; и всякий раз, когда мы получаем какую-либо важную информацию, мы всегда приносим ее к этому огню совета.

"Братья:— Вы доставили нам эту трубку; с одной стороны - дерево мира, с другой - костер совета; мы, индейцы, сидим по одну сторону костра, а представители двенадцати Объединенных колоний - по другую. Вы пожелали, чтобы эта трубка была оставлена в нашем центральном доме совета, и чтобы дерево мира было посажено, и чтобы ветви были такими высокими, чтобы их могли видеть все наши союзники. Братья, мы благодарим вас и позаботимся о том, чтобы оставить это там, где вы пожелаете, и когда мы встретимся, чтобы обсудить дела, всегда будем использовать это как нашу трубку для совета.

"БРАТЬЯ, СОБЕРИТЕСЬ!—В ходе своей речи вы заметили, что мы, представители Шести наций, были мудрыми людьми и видели перед собой великий путь; и вы спросили нас, если бы вы на этом острове были завоеваны, что стало бы с индейцами? Вы говорите, что не уверены в том, что сможете удержать свое имущество, и что вы не знаете, кто может насладиться продуктом вашего труда. Итак, братья, присутствуйте; особенно вы, наши Братья из Олбани; мы обращаемся особенно к вам. Наши братья из Олбани забрали у нас два участка земли без какой-либо награды, не так много, как одну трубку. Поэтому мы желаем, чтобы вы вернули их и снова передали нам в мирное владение. Если вы откажетесь это сделать, мы будем считать перспективу плохой; потому что, если вы победите, вы возьмете нас за руку и уведете всех отсюда. Поэтому теперь, когда двенадцать Объединенных колоний возобновили этот мирный договор, мы просим, чтобы с вашей стороны не было никаких препятствий, но чтобы вы вернули нам наши земли; за что, как мы уже говорили, вы не заплатили нам ни единой трубки.

"БРАТЬЯ:— Теперь вы закончили свои дела, и мы дали короткие ответы. Вы разожгли огонь совета мира и посадили дерево мира, согласно древнему обычаю. Мы обнаруживаем, что вы опустили одну вещь, которая заключается в следующем: — Согласно нашему древнему обычаю, всякий раз, когда разжигался костер совета и сажалось дерево мира, назначался какой-нибудь человек, который следил за этим. Теперь, поскольку нет человека, назначенного присматривать за этим деревом, мы, представители Шести наций, берем на себя смелость назначить одного. Пусть это будет потомок нашего древнего друга Кведара. Он должен подумать, возьмет ли он на себя ответственность за это и сообщит нам все, что может быть связано с этим. Тот, кто следит за этим костром совета, должен быть снабжен крылом, чтобы он мог отмахиваться от всех насекомых, которые приближаются к нему, и содержать его в чистоте. Таков обычай в нашем центральном доме совета. У нас есть один человек, назначенный для этой цели.

"БРАТЬЯ:Поскольку вы в этот день обновили древний завет дружбы и снова украсили древнюю цепь, обновите также другой древний обычай, касающийся регулирования торговли. Давайте займемся торговлей в этом месте, а также в Скенектади, как это было в прежние времена, когда мы придерживались ветхого завета. Ибо тогда, братья, если наш народ возвращался с небольшим количеством шкурок мускуса, мы возвращались домой с радостными сердцами. Братья, пусть так будет снова. Пусть двенадцать Объединенных колоний примут это во внимание.

"[*Пояс из десяти рядов вампума.*]"

Авраам, ирокез, придя к выводу, что *Туахогвандо*, сахем Онейда, сменил его следующим образом:—

"БРАТЬЯ:— Это все, что Шесть наций могут сказать на данный момент. Они просто упомянули бы еще кое-что, прежде чем разойтись. Шесть наций рассматривают это как очень подходящее время, чтобы высказать свое мнение, поскольку здесь присутствуют представители двенадцати Объединенных колоний. Спор между жителями Новой Англии и Пенсильвании, как нам кажется, становится серьезным делом, и поэтому Шесть наций берут на себя обязательство свободно высказывать свое мнение, обращаясь к жителям всего континента. [FN] Много лет назад, на совете, проходившем в Пенсильвании, когда присутствовал Каннассатого, о котором упоминалось ранее, Пенн пожелал, чтобы Шесть наций продали ему этот участок земли, известный под названием Скананданани, или Саскуэханна. Индейцы Шести народов отказались продать его, сказав, что великий Бог не позволит им. Поэтому они подарили ему эту

землю, известную под названием Скананданани. Пенн получил его и сделал им ценные подарки. После этого полковник Лидиус, джентльмен, нанятый жителями Бостона, договорился с некоторыми индейцами о том, чтобы получить у них эту землю. Но он никогда не разжигал костер совета по этому случаю. Он разговаривал с ними всякий раз, когда встречался; никогда не более чем с десятью. У них он притворился, что покупает этот трактат. Правительство. Пенн также на великом договоре в форте Стэнвикс в 1768 году пожелал, чтобы земля принадлежала ему, и распределил между Шестью нациями, шаванцами и каунавагами, десять тысяч долларов, на которые они выдали ему расписку. Это дело, с которым знакомы все Шесть Наций, и любой солгал бы, сказав, что ничего об этом не знает. Мы воспользовались возможностью поговорить об этом вопросе сейчас, поскольку разум всего континента сейчас здесь ..."

[FN] Имеется в виду длительный и ожесточенный спор между Коннектикутом и Пенсильванией относительно территории Вайоминга, о котором подробнее ниже.

На этом рассмотрение дела было перенесено на следующий день, то есть на 1 сентября, когда уполномоченные дали следующий ответ:—

"БРАТЬЯ ШЕСТИ НАЦИЙ, ПРИСУТСТВУЙТЕ!— Вчера мы с удовольствием выслушали ваш ответ двенадцати Объединенным Колониям, и мы возвращаем благодарность великому Правителю Вселенной за то, что он склонил ваши сердца одобрить и принять братскую любовь, предложенную вам двенадцатью Объединенными Колониями. Нам приятно слышать, что такой мудрый и храбрый народ, как наши братья из Шести Наций, публично заявляет о своей неизменной решимости поддерживать мир и дружбу с двенадцатью Соединенными колониями. Это, братья, вы сказали, и мы искренне верим вам. Братья, мы просили вас, индейцев Шести народов, не вмешиваться в наши ссоры. Мы нисколько не сомневаемся в успехе, поскольку наше дело правое. Мы будем жить или умрем как мужчины. Мы можем собрать армию из трехсот тысяч храбрых бойцов, которые полны решимости не расставаться со своими гражданскими и религиозными привилегиями. Поэтому мы сейчас повторяем вам, Братья Шести Наций, очень заботьтесь о крепкой дружбе, которую вы сейчас наладили с двенадцатью Объединенными колониями. Пусть это будет вашей заботой, и только. Мир - это то, что мы хотим установить.

"БРАТЬЯ ШЕСТИ НАЦИЙ:— Вы вчера сказали нам, что, поскольку дороги в вашей стране были открыты для вас и ваших братьев из двенадцати Объединенных колоний, вы в то же время пожелали, чтобы мы не запятнали дорогу кровью. Братья, будьте уверены, в настоящее время у нас нет намерения проливать кровь в вашей стране, и мы надеемся, что этого никогда не произойдет; и это никогда не произойдет, при условии, что эти нечестивые люди, которые забрались так далеко от дома, чтобы нарушить мир двенадцати Соединенных колоний, не появятся в вашей стране. Но поскольку мы полны решимости освободиться или умереть, мы должны преследовать их до тех пор, пока не выгоним их с этого острова или пока они не подтвердят наши древние привилегии. Поэтому, братья, будьте уверены, что бы ни произошло между нами и нашими врагами, мы никогда не причиним вреда или нарушим мир Шести наций, но сохраним неизменной дружбу, которая сейчас установлена, даже до самой смерти.

"БРАТЬЯ:— Вчера вы также пожелали, чтобы некоторые из ваших друзей нашей крови оставались в мире, и особенно миссионер из форта Хантер, который не интересовался делами этого мира, но был искренне занят тем, чтобы вести вас к счастью и наставлять вас в почтении, подобающем великому Богу, который управляет вселенной. Братья, мы любим такого человека и желаем, чтобы он оставался спокойным и счастливым с вами. Мы также желаем, чтобы все другие миссионеры, которые были вовлечены в то же благое дело, могли безопасно продолжать работать среди вас и наставлять вас в Евангелии, которое станет средством вашего счастья в этом мире и в мире грядущем.

"БРАТЬЯ:Поскольку мы всегда считали вас, Братья Шести Наций, мудрыми и способными людьми в ведении бизнеса любого рода, мы были немного удивлены, услышав от вас, что двенадцать Объединенных колоний никого не назначили присутствовать при пожаре, который они разожгли в этом месте, и наблюдать за ним; когда мы неоднократно говорили вам, что они назначили пять человек, чьей обязанностью было следить за ним и сохранять его ярким и незапятнанным, и что двое из этих пяти живут в этом городе, которые проявили бы особую заботу и у которых были полные полномочия от двенадцати Объединенных колоний, следить за огнем, который они разожгли в этом месте. поддерживайте пламя ярким и прозрачным. Братья, из опасения, что вы не поняли нас до конца, мы снова сообщаем вам, что двенадцать Объединенных колоний уполномочили генерала Шайлера и мистера Доу, обоих из этого города, поддерживать огонь, чтобы он мог осветить всю страну Шести Наций, которые всегда могли видеть путь к нему и мирно сидеть вокруг него.

"БРАТЬЯ:— Вы вчера пожелали, чтобы торговля была открыта в этом месте и в Скенектади. Мы тоже желаем этого, и это будет сделано, чтобы вы могли торговать, как делали это раньше, и могли вернуться домой со своими товарами к полному вашему удовлетворению.

"БРАТЬЯ:— Вы вчера упомянули некоторые вопросы, касающиеся земли, на которую претендуют жители Олбани, а также земли, являющейся предметом спора между Коннектикутом и правительством Пенсильвании. Теперь мы сообщаем вам, что в настоящее время мы не уполномочены вести какие-либо дела подобного рода, но будем представлять этот вопрос на Большом конгрессе в Филадельфии.

"БРАТЬЯ:— Теперь мы закончили и сообщаем вам, что подарок, который мы получили от двенадцати Объединенных колоний, готовится для вас, и когда он будет готов, мы вас ознакомим. Фургоны будут предоставлены для вас, когда вы будете готовы отправиться в Скенектади".

Так завершились переговоры Уполномоченных с индейцами, по всей видимости, более дружелюбно, чем можно было разумно ожидать, если принять во внимание все обстоятельства, предшествовавшие переговорам и сопровождавшие их. Однако между индейцами и муниципалитетом Олбани оставалось "незаконченное дело", которое еще предстояло завершить. С этой целью на следующий день, 2 сентября, был созван совет, на который снова были приглашены уполномоченные от Соединенных колоний. Совет проходил в пресвитерианском доме собраний. После того, как предварительная форма была скорректирована, Комитет Общего совета и граждан Олбани выступил со следующим ответом на речь сахема Онейды 25 августа:—

"БРАТЬЯ ШЕСТИ НАЦИЙ:— Мы предполагаем, что никто не будет настаивать на повторении всей вашей речи, поскольку мы считаем это ненужным, и поэтому обратим внимание только на существенные части.

"БРАТЬЯ:— Вы сказали, что были рады видеть нас в этом месте 25 августа, вследствие нашего приглашения; и что вы были рады видеть, что какие-то искры от старого костра совета все же остались, и что вы обрадовались, даже чрезмерно, обнаружив, что это так.

"БРАТЬЯ:Мы благодарим вас за ваши теплые поздравления и приветствия по поводу встречи с нами здесь и радуемся предоставленной вами возможности встретиться друг с другом в дружбе и мире, поговорить о старых временах и возобновить наш древний договор.

"БРАТЬЯ:Мы счастливы обнаружить, что вы с такой готовностью откликнулись на нашу просьбу приехать и повидаться с нами, и что у вас было так много терпения и вы вели себя так аккуратно во время вашего короткого пребывания среди нас.

"БРАТЬЯ:— На конференции наших депутатов с вами в немецких квартирах вам показали несколько старых поясов вампума, которые вы выразили желание увидеть. Вот эти ремни, имы надеемся, что даже Время не износит их. Это Пояс, подаренный народом Онейда, и это ветхий завет между всем Народом Онейда и *Горахом Кведаром*. Это пояс, который был подарен индийцем *Кайингуарагтохом* от имени Шести наций.

"ПРИСУТСТВУЮЩИЕ БРАТЬЯ:— В своей речи вы далее отметили, что уже давно приняли решение не принимать активного участия в нынешней борьбе за свободу. Мы не собираемся порицать вас за ваше поведение, но восхищаемся вашей мудростью, восхваляем ваш миролюбивый нрав и надеемся, что у вас хватит мужества поддерживать его и проявлять настойчивость.

"[Пояс.]

"БРАТЬЯ:— Далее вы сказали, что дорога на запад, как вы слышали от птицы, должна быть перекрыта; этот вопрос находится за пределами наших возможностей. Комиссары двенадцати Соединенных колоний подробно рассказали вам о дорогах, о том, что они должны быть оставлены открытыми, и мы полностью согласны с ними в этом; и поэтому ничего не добавим по этому пункту и вернем пояс.

"БРАТЬЯ:— Вы сказали далее и передали нам этот пояс; что вы беспокоились о своем священнике мистере Киркленде и просили нашего совета относительно его пребывания среди вас, которого, как мы видим, вам не следует лишать без вашего согласия, так же как племя могавков не должно быть лишено своего миссионера. Мы высоко одобряем вашу заботу о служителях Евангелия и вашу приверженность чистым заповедям и доктрине христианства. Но если вашего служителя сместят, мы должны опасаться последствий. То, что вы, индейцы, не были настроены благожелательно, несомненно, вызвало бы зависть у ваших братьев, белых людей. Поэтому мы горячо желаем, чтобы все они оставались среди вас в качестве ваших учителей и наставниц в добродетели, благочестии и истинной религии; и мы надеемся, что вы сможете извлечь пользу из их наставлений.

[Пояс.]

"БРАТЬЯ:— До того, как двенадцать Объединенных колоний назначили каких—либо уполномоченных - из-за неблагоприятного положения нашей страны и древней дружбы и

союза, существующих между нами, зародившихся во времена ваших и наших предков, мы взяли на себя смелость, как представители жителей города и графства Олбани, пригласить вас нанести нам дружеский визит, чтобы у нас была возможность увидеть вас здесь, на месте, где был разведен первый костер, чтобы мы могли разгрести старую золу и не допустить, чтобы она была сожжена. угасший, но обновивший цепь ветхого завета и заставивший ее сиять еще ярче.

"Братья:— Мы рады узнать из вашей речи, что вы все еще сохраняете ту привязанность к нам, которую естественно вызывает обоснованная дружба, и которая, как мы надеемся, исходя из нашего отношения к вам, не является незаслуженной; и мы рады обнаружить, что вы сочувствуете нашим горестям и сетуете на неестественную братскую ссору, которую вы так тепло выражаете желанием мирного урегулирования.

"Братья:— Время не позволяет нам сейчас рассказать вам, как и по какому случаю был заключен первый завет между вами и нашими предками. Они никогда не покидали вас, но соблюдали свои заветы и соглашения с вами, и мы не намерены действовать иначе со своей стороны.

"Братья:— Этот договор, впоследствии усовершенствованный, был подтвержден между вами и нами в 1665 году, через год после того, как эта страна перешла к короне Англии. С тех пор вы время от времени допускаете в свою сеть тускарорас и большинство, если не все, двенадцати Объединенных колоний.

"Братья:— В большом совете в филадельфии есть пять джентльменов-комиссаров, назначенных двенадцатью Соединенными колониями; и управление общественными делами в департаменте по делам индейцев теперь принадлежит им. Эти джентльмены проинформировали вас о характере спора между Великобританией и этой страной и засвидетельствовали свое желание поддерживать между нами дружеские отношения.

"Братья:— Мы знаем, что обычно при возобновлении любых соглашений между нами следует подарок; сейчас мы доводим до вашего сведения, что товары, которые вы получите от комиссаров двенадцати Объединенных колоний, частично принадлежат нам; мы выплачиваем им нашу пропорциональную долю, так что то, что вы получите от них, также от нас. Мы одинаковы. Здесь нет различий.

"Братья:— Если нам не изменяет память, мы думаем, что когда мы пригласили сюда по два-три представителя каждого из наших братьев из Шести наций, мы также хотели, чтобы вы ознакомили нас с тем, что произошло на конгрессе, состоявшемся в Освего (о котором мы пока ничего не знаем). Вы говорите, что действительно рады, что мы настроены миролюбиво, так же как и полковник. Джонсон; но вы больше ничего не рассказали нам о том, что там произошло, чего мы ожидали, и действительно хотели бы, чтобы наши братья ничего не скрывали от нас, особенно после того, как вы призвали Бога в свидетели истинности того, что вы сказали.

"Братья Шести наций, и вы, могавки в частности:— Мы предполагаем, что птица Цклелеле снова занята. Он кажется озорной птицей, и его не следует ни кормить, ни развлекать. В вашем ответе уполномоченным вы обратились к жителям Олбани, жалуясь, что они отобрали у вас два участка земли, не заплатив вам за них столько, сколько стоит пачка табака для трубки; и что вы хотели бы, чтобы они вернули вас в мирное владение ими, и чтобы уполномоченные рассмотрели этот вопрос и оказали вам помощь. Земля, о которой вы говорите, мы предполагаем, что это Тикондерога.

"БРАТЬЯ:— Это вопрос, не имеющий отношения к бизнесу, с которым мы столкнулись (и мы не уполномочены и не квалифицированы затрагивать эту тему, это бизнес, который принадлежит корпорации Олбани), однако, поскольку мы можем считаться представителями народа в целом, наше полное молчание может быть истолковано как вина в тяжком обвинении, возложенном на нас. Для вашего удовлетворения, а также для аудитории, мы постараемся показать несколькими замечаниями, что обвинение беспочвенно. Земли, о которых идет речь, предоставлены хартией Олбани. Мы никогда не слышали, чтобы кто-либо из вашего народа был лишен собственности или изгнан с этих земель; но вы до сих пор владели и по-прежнему пользуетесь этими землями без малейшего перерыва.

"БРАТЬЯ:— Как мы наблюдали ранее, этот вопрос не может быть должным образом передан нам, а принадлежит другому органу; и поэтому обращение к нам является неправильным. Однако позвольте нам сказать, что, вместо того чтобы жаловаться, мы думаем, что могавки, если бы они учитывали свои собственные интересы и интересы своего потомства и были бы искренни, должны были признать истинность этого факта и радоваться в этот день, что у них были такие верные опекуны и попечители, ибо, если бы это было не так, кто бы сейчас наслаждался этими землями? Поэтому вопросу уже поступали жалобы, и по нему проводились расследования в соответствующих судах; и для вашей информации и информации любопытствующих мы ссылаемся на заседания Палаты собрания этой колонии, а также на протоколы конференции между корпорацией этого города и вами, на которой присутствовал сэр Уильям Джонсон, и поэтому возвращаем вам пояс".

Посоветовавшись, индейцы передали следующий ответ через *Абрахама*, вождя могавков:—

"БРАТЬЯ ОЛБАНИ:— Мы возвращаем вам благодарность за вашу речь и за то, что вы сообщили нам, что двенадцать Объединенных колоний через своих уполномоченных открыли все дороги; и теперь мы считаем само собой разумеющимся, что коммуникации в Форте Стэнвикс не будут перекрыты, и что народ Новой Англии никогда этого не сделает. Это, братья, вызвало некоторое беспокойство в умах Шести Наций.

"БРАТЬЯ ШЕСТИ НАЦИЙ, ПРИСУТСТВУЙТЕ; *Вы также, жители Олбани, и вы, двенадцать Объединенных колоний вашими уполномоченными:* Прошлой весной полковник Дж. Джонсон сообщил нам, что люди из Новой Англии были рядом с ним, чтобы взять его в плен. После чего мы, как пьяные, схватили наши пистолеты и побежали помогать ему, поскольку он был нашим суперинтендантом. Но, Братья, поскольку это произошло ранее упомянутым образом, мы надеемся, что вы посмотрите на это в этом свете. Мы, Шесть наций, сейчас заключили и обновили наши древние заветы. Только что упомянутые действия повергли меня в уныние. Я должным образом поблагодарил Шесть Наций, а теперь делаю то же самое с вами, и я надеюсь, что вы снова поднимете меня. Новость, о которой я только что говорил, пришла не от птицы, а от вашего собственного народа.

"БРАТЬЯ ОЛБАНИ, ПРОДОЛЖАЙТЕ ПРИСУТСТВОВАТЬ:— Я лишь кратко отвечу на вашу речь, касающуюся земель. В нем много приятного. Далее вы говорите, что никогда не слышали, чтобы кого-нибудь из нас изгнали из тех земель. Есть одна вещь, которая не так приятна. Это Цклелели. Вы, братья, знаете, как обстоит дело, и в случае, если бы я ответил на эту часть вашей речи, это, возможно, привело бы нас к спору; и поскольку вы, как вы говорите, не тот орган, в который нам следовало обращаться, и поскольку вы отправляете нас к предыдущему разбирательству, мы закрываем.

"БРАТЬЯ ОЛБАНИ:— Мы, Шесть наций, сообщаем вам, что вы с удовольствием нанесете нам визит, и мы проинформируем вас о том, что было принято на конгрессе в Освиге".

Поняв намек на то, что индейцы ничего не скажут, кроме как по форме, председатель комитета немедленно сказал: —

"БРАТЬЯ ШЕСТИ НАЦИЙ:— Теперь мы готовы это услышать и были бы рады, если бы вы проинформировали нас".

Затем вождь племени ирокезов продолжил: —

"БРАТЬЯ ОЛБАНИ:— Вы послали за нами, чтобы сообщить вам о том, что произошло в Освиге; но с тех пор, как мы были там, вы не желали этого. Мы всегда были готовы; и поскольку вы сейчас спросили нас, мы сейчас скажем вам и считаем своим долгом, поскольку понимаем, что Бог накажет нас, если мы что-нибудь скроем от вас.

"БРАТЬЯ:Сделки по этому договору были очень публичными. Там были жители Шавана и несколько человек из Детройта. Мистер Джонсон сказал нам, что разожженный там костер был огнем мира, что все белые люди были подданными короля, и что, казалось, они были пьяны. Мистер Джонсон также сказал нам, что все белые люди были пьяны, и что Божий суд навис над ними, но они не знали, на чью сторону он падет. Мистер Джонсон далее сказал нам, что костер совета был разожжен из-за нынешнего спора, и попросил нас не вмешиваться, поскольку они Братья, и попросил нас сесть. сохраняйте спокойствие и поддерживайте мир. Вот что сказал нам полковник Джонсон на том совете. Он также сказал, что положил глаз на мистера Киркланда; что он уехал в Филадельфию и вдоль морского побережья; что он стал великим солдатом и лидером. Это ваш священник? говорит он. Как вы думаете, ваш служитель заботится о ваших душах? Нет, к тому времени, как он приедет в Филадельфию, он будет великим воином, а когда вернется, то станет вождем всех Пяти народов.

"БРАТЬЯ:— Присутствовали пять человек из Детройта, пятеро из Каунаваги и двое из шаванцев. Полковник . Джонсон сказал им, что к тому времени, когда он вернется из Канады, все их люди будут там, и тогда он разожжет костер совета; и он также хотел бы, чтобы они не принимали никакого участия в этом споре, поскольку это была ссора между братьями. Мистер Джонсон также сказал им, что этот костер совета был разожжен во имя мира, и что из-за опьянения белых людей казалось, что над ними навис Божий суд. Он также сказал нам, что направляется к губернатору Канады, который придерживается иного мнения, чем он, но хотел бы поговорить с ним; и далее он сказал, что передаст индейцам Каунавага то же самое, что сказал нам, и для этой цели хотел бы, чтобы двое представителей каждой нации могли поехать и послушать это. Он также пожелал, чтобы мы рассмотрели, каким путем мы будем вести нашу торговлю, вверх по этой реке или из Канады. В то же время он заверил нас, что мы не должны страдать из-за нехватки товаров, поскольку мы не были затронуты и не имели никакого отношения к нынешнему спору. Он также упомянул кое-что о пожарах в совете. Он сказал, что есть два огня, на которые ты должен смотреть, и если они позовут тебя в Олбани, не ходи, потому что они обманут тебя и расскажут тебе великое множество замечательных историй. Мы очень рады, что ваши формулировки так хорошо согласуются с формулировками полковника Джонсона. "

Так закончился этот великий совет шести наций и последний совет, когда-либо проводившийся в Олбани, с участием великой конфедерации аборигенов, получившей название Римской республики индийского мира.

№ III.

[ССЫЛКА СО СТРАНИЦЫ 231.]

АВТОР: БАРРИ СЕНТ-ЛЕДЖЕР, ЭСКВАЙР,

Главнокомандующий избранным отрядом войск великой армии, а также обширным корпусом индийских союзников из всех стран и т.д., и т.п.

Силы, вверенные моему командованию, предназначены для действий согласованно и на основе общих принципов с многочисленными армиями и флотами, которые уже демонстрируют в каждом квартале Америки мощь, справедливость и, при надлежащем обращении, милосердие короля.

Дело, в котором таким образом задействовано британское оружие, затрагивает самые трогательные интересы человеческого сердца, и военные слуги короны, первоначально призванные с единственной целью восстановления прав конституции, теперь сочетают с любовью к своей стране и долгом перед своим сувереном другие обширные побуждения, которые проистекают из должного чувства общих привилегий человечества. К глазам и ушам умеренной части общества и к сердцу тысяч страждущих в провинциях обращен печальный

призыв, не послужило ли нынешнее противоестественное восстание основой для самой совершенной системы тирании, которую когда-либо Бог в своем неудовольствии допускал на какое-то время для осуществления над холодным и упрямым поколением. Произвольное тюремное заключение, конфискация имущества, преследования и пытки, беспрецедентные для инквизиции Римской церкви, относятся к числу ощутимых чудовищ, подтверждающих это утверждение. Они налагаются Собраниями и Комитетами, которые осмеливаются называть себя друзьями свободы, на самых спокойных подданных, без различия возраста или пола, за единственное преступление, часто по единственному подозрению, в принципиальной приверженности правительству, при котором они родились и которому всеми узами, божественными и человеческими, они обязаны верностью. Чтобы довести до конца эти возмутительные действия, к самой распутной проституции здравого смысла добавляется профанация религии; совесть людей обращена в ничто; и массы людей вынуждены не только носить оружие, но и давать клятву подчинения узурпации, которую они ненавидят.

Воодушевленный этими соображениями; во главе войск в полном здравии, дисциплине и доблести, полный решимости нанести удар, когда это необходимо, и стремящийся щадить, когда это возможно; Я этими подарками приглашаю и увещаю всех людей во всех местах, куда может указать продвижение этой армии, и, с благословения Божьего, я распространю его далеко, поддерживать такое поведение, которое может оправдать меня в защите их земель, жилищ и семей. Цель этого обращения - обеспечить безопасность страны, а не грабеж.

Тем, кого дух и принципы могут побудить принять участие в славной задаче освобождения своих соотечественников из темниц и восстановления благ законного правления, я предлагаю поддержку и работу; и по первому известию об их связях я найду средства помочь их начинаниям. Я желаю защитить домашних, трудолюбивых, немощных и даже робких жителей при условии, что они спокойно остаются в своих домах; что они не допускают, чтобы их скот уводили, а их кукурузу или фураж прятали или уничтожали; что они не разрушают свои мосты или дороги; и никакими другими действиями, прямо или косвенно, не пытаются препятствовать операциям королевских войск или снабжать или помогать войскам врага.

Каждый вид провизии, доставленный в мой лагерь, будет оплачен по справедливой ставке и твердой монетой. Если, несмотря на эти усилия и искреннее стремление осуществить их, неистовая враждебность сохранится, я надеюсь, что буду оправдан в глазах Бога и человека, осудив и приведя в исполнение месть государства против своевольных изгоев. Посланцы справедливости и гнева ждут их на поле боя, и разруха, голод и все сопутствующие ужасы, которые должно вызвать вынужденное, но необходимое выполнение воинского долга, преградят им путь к возвращению.

БАРРИ СЕНТ-ЛЕДЖЕР.

По приказу главнокомандующего, Уилл. Осб. Гамильтон, секретарь.

[ССЫЛКА СО СТРАНИЦЫ 241.]

ТНЕ Ярость и жестокость индейцев и тори во время битвы при Орискани и сразу после нее убедительно изложены в нижеследующих показаниях под присягой, оригинал которых сейчас находится в офисе государственного секретаря Олбани. Доктор Янглав умер около пятнадцати лет назад в городе Гудзон. Автор знал его как уважаемого человека, хотя и с сильными чувствами и предрассудками. Любое заявление такого рода, исходящее от человека с его темпераментом, скорее всего, получило бы сильную окраску, без какого-либо преднамеренного искажения фактов.

"Мозес Янглав, хирург бригады ополчения генерала Херкимера, утверждает, что, находясь в битве при упомянутом ополчении над Орискани 6 августа прошлого года, ближе к концу упомянутого сражения, он сдался в плен дикарю, который немедленно выдал его сержанту полка сэра Джона Джонсона; вскоре после этого подошел лейтенант департамента по делам индейцев в компании нескольких других тори, когда названный по имени мистер Гриннис направил свой томагавк на этого свидетеля и после долгих уговоров с трудом удержал его. уговорил сохранить ему жизнь. Затем он отобрал у него часы, пряжки, шпоры и т. Д.; и другие тори, последовав его примеру, раздели его почти догола с множеством угроз, в то время как они раздевали и убивали заключенных со всех сторон. Что этот обвиняемый предстал перед мистером батлером, сенатором, который потребовал от него, за что он боролся; на что этот обвиняемый ответил, что он боролся за свободу, которую дали ему Бог и Природа, и чтобы защитить себя и самых близких родственников от резни дикарей. На что Батлер ответил: "Вы чертовски дерзкий мятежник"; и с этими словами немедленно обратился к дикарям, призывая их убить его, а если они этого не сделают, обвиняемый и другие заключенные должны быть повешены на готовящейся к тому времени виселице. Что затем нескольких пленных повели вперед, к штаб-квартире противника, с частыми сценами ужаса и резни, в которых тори были активны так же активно, как и дикари; и в частности, некто Дэвис, ранее известный в округе Трайон на реке Мохок. Этот лейтенант. Синглтон из полка сэра Джона Джонсона, будучи ранен, умолял дикарей убить пленников, что они, соответственно, и сделали, насколько может судить этот свидетель, около шести или семи".

"Что Исаака Пэриса, эскавайра, тоже повели той же дорогой, не получив от них никаких серьезных оскорблений, кроме раздевания, пока не подошли какие-то тори, которые пинали и оскорбляли его; после чего дикари, посчитав его выдающимся преступником, варварски убили его. Что те из заключенных, которые были переданы начальствующей охране, много дней содержались без еды и не имели ни одежды, ни одеял, ни крова, ни огня; в то время как охране было приказано не применять никакого насилия для защиты заключенных от дикарей, которые

приходили каждый день большими группами с ножами, ощупывая заключенных, чтобы определить, кто самый толстый. Что они вытащили одного из заключенных из караулки с самыми жалобными криками; долгое время пытали его; и этот обвиняемый был проинформирован как тори, так и индейцами, что они съели его, как, по-видимому, съели другого на острове в озере Онтарио, по найденным там почти обглоданным костям, сразу после того, как они пересекли озеро с заключенными. Что пленные, которые не были выданы, были убиты в значительных количествах изо дня в день по всему лагерю, некоторые из них были так близко, что были слышны их крики. Что капитан. Мартин, из людей батто, был передан индейцам в Освиге под предлогом того, что он утаил какие-то полезные сведения. Что этого подсудимого во время его заключения и его товарищей держали почти впроголодь из-за нехватки провизии; и то, что они брали, было самого худшего сорта, например, испорченная мука, печенье, полное личинок и заплесневелое, и не разрешалось использовать мыло или другие способы поддержания чистоты; и охранники безжалостно оскорбляли, били и т.д., без какой-либо провокации. Что этот свидетель был проинформирован несколькими сержантами-ординарцами генерала Сент-Леджера о том, что за каждый скальп американца было предложено двадцать долларов в качестве общих орденов.

- МОЗЕС ЯНГЛАВ. - ДЖОН БАРКЛИ, *председатель комитета Олбани.*"

№ V.

[ССЫЛКА СО СТРАНИЦЫ 249.]

Ниже приводится копия письма, адресованного полковнику Гансворту, находящемуся под давлением в лагере генерала Сент—Леджера, полковником Беллинджером и майором Фреем:

"9 часов вечера —Лагерь перед фортом Стэнвикс,}
6августа 1777 года.}"

"Сэр,

"С беспокойством мы должны сообщить вам, что это был роковой день, когда силы поддержки, которые предназначались для вашей помощи, были атакованы и разгромлены с большими потерями убитыми, ранеными и взятыми в плен. Мы заботимся о вашей безопасности и жизни, и наш искренний совет вам таков: если вы хотите избежать неизбежного разорения, сдайте форт, который вы якобы защищаете от грозных войск и хорошей артиллерии, свидетелями чего мы являемся; когда, в то же время, вам больше не на что рассчитывать. Мы с сожалением сообщаем вам, что большинство старших офицеров убиты, а именно — генерал . Херкимер, полковники Кокс, Сибер, Исаак Пэрис, капитан Грейвс и многие другие, упоминать о которых слишком утомительно. Британская армия из Канады сейчас, возможно, находится перед Олбани, овладение которым, конечно, включает в себя завоевание реки Мохок и этого форта ".

На обратной стороне этого письма имеется следующая надпись. "Генерал Сент-Леджер в день, указанный в этом письме, передал устный вызов в форт своему генералу-адъютанту и полковнику Батлеру, которые затем передали это письмо; когда полковник Гансевурт отказался отвечать на устный вызов, если только он не был сделан самим генералом Сент-Леджером, но под дулом его пушки".

{FN} [Что касается битвы при Орискани, к которой относится предыдущее примечание, автор получил интересный анекдот от мистера Джона С. Квакенбосса из округа Монтгомери, который занял бы целую страницу в главе, содержащей отчет об этой битве, если бы он попал под руку в нужное время. Отец корреспондента автора, Абрахам Д. Квакенбосс, в начале войны проживал в стране могавков на южном берегу реки. Живя как бы среди индейцев, он говорил на их языке так же хорошо, как на своем собственном. Среди них у него был друг по имени Бронкахорс, который, хотя и был индейцем, был его товарищем по играм, и они вместе служили во французской войне под командованием сэра Уильяма Джонсона. Когда начались революционные волнения, Бронкахорс обратился к Квакенбоссу и попытался убедить его поддержать дело короля, заверив его, что их Великого Отца никогда нельзя победить. Квакенбосс отказался, и они расстались — индеец, однако, заверил его, что они расстанутся как друзья, хотя, поскольку они вместе сражались в одной войне, он надеялся, что они смогут сделать то же самое и в другой. Мистер К. больше не видел своего друга до битвы при Орискани. В самый разгар схватки он услышал, как из-за большого дерева неподалеку выкрикнули его имя хорошо знакомым голосом Бронкахорса. Сам он был укрыт деревом, но, высматривая воина, он увидел своего друга-индейца. Последний теперь настойчиво требовал от Квакенбосса сдаться, заверяя его в добром обращении и защите, но также заверяя, что, если он этого не сделает, его неизбежно убьют. Квакенбосс отказался, и индеец попытался убить его. Мгновение они смотрели друг на друга, каждый стараясь воспользоваться первым и наилучшим шансом выстрелить. Наконец индеец выстрелил, и его пуля попала в дерево, но едва не стала смертельной. Выскочив из своего укрытия на индейца, Квакенбосс выстрелил, и его друг Бронкахорс упал замертво на месте. Мистер Квакенбосс был убежден, что потери противника в том сражении были равны потерям под командованием Херкимера. Последний пострадал наиболее серьезно в начале сражения — противник во второй части]

№ VI.

[ССЫЛКА СО СТРАНИЦЫ 252.]

"Лагерь перед фортом Стэнвикс, 9 августа 1777 года

"Сэр,

"В соответствии с вашими пожеланиями, я имею честь передать вам на бумаге вчерашнее послание, хотя я не могу себе представить, каким бы ясным и гуманным оно ни было, как оно могло содержать более одной конструкции. После разгрома подкрепления и участия всех ваших главных вождей, на что, естественно, вы возлагали свои надежды; и имея самые веские основания из устных данных и материалов, содержащихся в письмах, которые попали в мои руки, и хорошо зная положение армии генерала Бергойна, быть уверенным, что у вас нет ресурсов — в моих страхах и заботе о вашей личной безопасности от рук индейцев, разъяренных потерей некоторых из их главных и самых любимых вождей — я созвал на совет вождей всех наций; и после того, как я использовал все методы, которые человечество могло предложить, чтобы смягчить их умы, и заставив их терпеливо нести свои потери, размышляя о непоправимом несчастье их врагов, я, наконец, добился того, чего желала моя человечность; в чем вожди заверили меня на следующее утро, после консультации с каждой нацией, вечером того же дня у своих очагов. Они настаивали на том, что их ответ в полном объеме должен быть передан полковником. Батлер, который он дал в самой категоричной форме. Вам хорошо известно, что индейцы никогда не отправляют посланий, не сопроводив их угрозами в случае невыполнения, чего цивилизованный враг никогда бы и не подумал сделать; поэтому вы можете быть уверены, что королевские слуги не хотели нанести никакого оскорбления вашему положению в послании, которое они безапелляционно потребовали передать полковнику. Дворецкий.

Теперь я должен повторить то, что было сказано вам моим генерал-адъютантом: "При условии, что вы сдадите свой гарнизон в том виде, в каком он был на момент отправки первого сообщения, с вашим народом будут обращаться со всем вниманием, какое только может оказать гуманный и великодушный враг".

"Имею честь быть, сэр, Вашим самым покорным слугой, БАРРИ СЕНТ-ЛЕДЖЕРОМ, *"Бригадный генерал вооруженных сил его Величества.*

"P. S. — Я ожидаю немедленного ответа, поскольку индейцы крайне нетерпеливы; и если это предложение будет отклонено, я боюсь, что это повлечет за собой очень фатальные последствия не только для вас и вашего гарнизона, но и для всей страны вниз по реке Мохок — такие последствия, которые будут очень противны моим чувствам гуманности, но после этого я не в силах их предотвратить.

"БАРРИ СЕНТ-ЛЕДЖЕР. "Полковник. ГАНСЕВОРТ, *командующий фортом Стэнвикс.*"

№ VII.

[ССЫЛКА СО СТРАНИЦЫ 253.]

"*Разбейте лагерь перед фортом Стэнвикс. 13 августа 1777 года.*

"*Жителям округа Трайон.*

"НЕСМОТЯ НА многочисленные и тяжкие телесные повреждения, которые мы лично и имущество получили от ваших рук, и находясь во главе победоносных войск, мы самым горячим образом желаем восстановления мира в этой некогда счастливой стране; для достижения этого мы готовы и желаем, при надлежащем подчинении с вашей стороны, предать забвению все, что было в прошлом, и надеемся, что вы, или будете, убеждены в конце концов, что мы были вашими друзьями и добрыми советчиками, а не такими злыми, коварными людьми, как те, кто ввел вас в заблуждение и почти полное разорение. У вас, без сомнения, есть серьезные основания опасаться негодования индейцев из—за потерь, которые они понесли в последнем бою, и ослиного упрямства ваших войск в этом гарнизоне, у которых нет другого ресурса, кроме самих себя; по этим причинам индейцы заявляют, что если они не сдадут гарнизон без дальнейшего сопротивления, они предадут смерти каждую душу — не только гарнизон, но и всю страну, — без какого-либо учета возраста, пола или друзей; по этой причине вашей неперменной обязанностью, поскольку вы должны отвечать за последствия, становится послать подкрепление. направьте делегацию ваших главных людей, чтобы немедленно

принудить их к тому, к чему они должны быть принуждены в самое короткое время, - к сдаче гарнизона; в этом случае мы возьмемся, по вере христиан, защищать вас от насилия индейцев.

"Поскольку вы окружены победоносными армиями, половина (если не большая часть) жителей - друзья правительства, у вас нет никаких ресурсов, вы, конечно, не можете ни минуты колебаться, принимая условия, предложенные вам друзьями и доброжелателями страны.

- Джон Джонсон, } Д. В. Клаус, Суперинтенданты. Джон Батлер, }

№ VIII.

[Ссылка со страницы 256.]

"Достопочтенным Бенедикт Арнольд, эсквайр. Генерал-майор и главнокомандующий армией Соединенных Штатов Америки на реке Мохок.

"Принимая во внимание, что некий Барри Сент-Леджер, бригадный генерал на службе короля Великобритании Георга, во главе шайки грабителей, убийц и предателей, состоящей из дикарей Америки и еще более диких британцев (среди которых известные сэр Джон Джонсон, Джон Батлер и Дэниел Глаус), недавно появился на границах этого государства и угрожал разорением всем жителям Соединенных Штатов. Они также, хитростью и введением в заблуждение, побудили многих невежественных и неосторожных подданных этих государств отказаться от своей верности им и присоединиться к ним в их чудовищных преступлениях и партиях предательства и отцеубийства.

"Гуманность к этим бедным обманутым негодьям, которые с завязанными глазами спешат к разрушению, побуждает меня предложить им и всем другим заинтересованным лицам (будь то дикари, немцы, американцы или британцы) ПОМИЛОВАНИЕ при условии, что они в течение десяти дней с даты настоящего соглашения явятся и сложат оружие, обратятся за защитой и поклянутся в верности Соединенным Штатам Америки.

Но если, по-прежнему слепые к собственным интересам и безопасности, они упрямо продолжают свой порочный путь, полные решимости навлечь на себя справедливое возмездие небес и этой доведенной до отчаяния страны, им не следует ожидать пощады ни от тех, ни от других.

"Б. Арнольду, М. Г. *"Передано в мое распоряжение, Штаб-квартира, Немецкие квартиры, 20августа 1777 года"*.

Нет. IX

[ССЫЛКА СО СТРАНИЦЫ 274.]

Выдержки из отчета Мадам де Ридесель о ее пребывании в Америке.

Когда 11 сентября 1777 года армия распалась, мне сначала сказали, что я должна остаться; но по моим неоднократным просьбам и поскольку другим дамам было разрешено следовать за армией, такая же снисходительность была оказана и мне. Мы продвигались вперед короткими переходами и прошли через множество трудностей; и все же я бы любой ценой купила дарованную мне таким образом привилегию ежедневно видеть своего мужа. Я отправила

обратно свой багаж и оставила себе только небольшую связку летних платьев. Вначале все шло хорошо; мы думали, что почти не сомневались в нашем успехе и достижении "земли обетованной"; и когда при переходе через Гудзон генерал Бергойн воскликнул: "Британцы никогда не бывают ретроgrадами", - наше настроение значительно поднялось. Однако я с удивлением заметил, что жены офицеров были заранее проинформированы обо всех военных планах; и это поразило меня тем сильнее, что я вспомнил, с какой секретностью осуществлялись все распоряжения в армиях герцога Фердинанда во время семилетней войны. Таким образом, американцы предвидели наши передвижения и ожидали нас везде, куда бы мы ни прибыли; и это, конечно, нанесло ущерб нашим делам. 19 сентября произошло сражение, которое закончилось в нашу пользу; но вследствие этого мы были вынуждены остановиться в местечке под названием Ферма Фримена. Я была свидетельницей всего происходящего и, зная, что мой муж был среди сражающихся, я была полна тревоги и заботы и дрожала при каждом выстреле - и ничто не ускользало от моего слуха. Я видел большое количество раненых, и, что было еще хуже, троих из них принесли в дом, где я находился. Одним из них был майор Харнадж, жена которого была с нами; вторым - лейтенант, жена которого была нашей знакомой; и третьим - молодой английский офицер по фамилии Янг. Майор со своей женой занимал комнату рядом с той, где находился я. Он был ранен в тело и испытывал невыносимые боли. Через несколько дней после нашего приезда я услышал стоны в другой комнате, и мне сказали, что там лежит молодой офицер, о котором я только что упомянул, и что его выздоровление весьма сомнительно. Я проявил к нему большой интерес, поскольку семья с его фамилией проявила ко мне большую доброту во время моего пребывания в Англии. Он выразил большое желание увидеть свою благодетельницу, поскольку так он меня назвал. Я вошел в его комнату и нашел его на тонкой подстилке из соломы, потому что он потерял весь свой багаж. Ему было восемнадцать или девятнадцать лет, он был единственным сыном и племянником того самого мистера Янга, которого я знал в Англии. Он оплакивал своих родителей, но ничего не говорил о своих страданиях. Он потерял много крови, и хирург посоветовал ему согласиться на ампутацию раненой ноги, но он не согласился на это, хотя конечность стала гангренозной. Я посылала ему подушки и одеяла, а мои служанки давали ему свой матрас. Я заботилась о нем все больше и больше и навещала его ежедневно, за что он тысячу раз благодарил меня. Наконец ампутация была произведена, но было слишком поздно, и через несколько дней он умер. Моя комната была рядом с его, а стены очень тонкими, и я слышала его последние стоны.

Лейтенант Обюри сделал аналогичное замечание, когда армия еще находилась в Канаде: "У нас дома более опасные враги, чем те, с которыми нам приходится сталкиваться за границей; ибо все операции, которые должны состояться, становятся общеизвестными задолго до того, как они будут официально отданы в приказах; и я не сомневаюсь, что вы будете удивлены не меньше, чем генерал (Бергойн), когда я скажу вам, что все операции последующей кампании обсуждались в течение нескольких дней до его прибытия, который, без сомнения, предполагал, что, отдавая свои приказы, он сообщал целую тайну. "—[Монреаль, 20 мая 1777 г., т. i, стр. 203.]

Большая секретность, отмечает тот же автор, напротив, соблюдалась в американской армии.

Я жил в довольно хорошем доме, и у меня была большая комната. Дверь и деревянные панели были из кедра, породы дерева, которое встречается здесь в изобилии; при сжигании его запах

отгоняет насекомых, и его часто используют для этой цели; но некоторые люди считают, что дым от него вреден для нервов, и в определенных ситуациях особенно для женщин.

Для нашего дальнейшего похода я приказал приготовить для меня коляску, в которую я мог бы везти не только моих детей, но и двух моих служанок; и таким образом я последовал за армией в гуще войск, которые были в прекрасном настроении, пели и жаждали победы. Мы маршировали по бескрайним лесам и прекрасному району, хотя и покинутому жителями, которые разбежались при нашем приближении, чтобы подкрепить армию генерала Гейтса. Они от природы солдаты и отличные стрелки, и идея сражаться за свою страну и свою свободу усилила их врожденное мужество. Мой муж стоял лагерем вместе с остальной армией; находясь в часе езды позади армии, я каждое утро навещала его в лагере, а иногда обедала там с ним, но обычно он ужинал в моей каюте. Происходили ежедневные стычки с врагом, обычно не имевшие большого значения. Но мой муж никогда не мог спать без одежды. Погода уже испортилась, и полковник артиллерии Уильямс решил, что наши взаимные визиты слишком утомительны для нас, и предложил построить для меня дом с камином, который стоил бы не дороже пяти-шести гиней и в котором я мог бы жить непрерывно. Я принял его предложение, и строительство здания, которое должно было иметь площадь около двадцати квадратных футов, было начато. Такое жилище называется блок-хаусом, для которого складываются бревна почти одинакового диаметра; и если промежутки между ними заполнены глиной, то оно не только очень прочное, но и очень теплое. Я должна была вступить во владение им на следующий день; и я радовалась этому тем больше, что ночи были сырыми и холодными, а поскольку он находился недалеко от лагеря, мой муж мог быть со мной. Но внезапно, 7 октября, он ушел со всем персоналом, и тогда начались наши несчастья. Во время завтрака с мужем я услышала, что что-то замышляется. Генерал Фрейзер и, я полагаю, генералы Бергойн и Филлипс должны были обедать со мной в тот день. Я заметил большое движение в лагере. Мой муж сказал мне, что это была простая разведка; и поскольку такое случалось часто, я не сильно встревожилась по этому поводу. По пути домой я встретил несколько индейцев, вооруженных ружьями и одетых в свою военную форму. Когда их спросили, куда они направляются, они ответили: "Война, война", имея в виду, что собирались сражаться. Это очень встревожило меня, и едва я добрался домой, как услышал ружейные залпы; и вскоре стрельба усилилась, пока, наконец, шум не стал ужасным, от чего я был скорее мертв, чем жив. Около трех часов дня вместо гостей, которые, как я ожидал, должны были отобедать со мной, я увидел, что одного из них, бедного генерала Фрейзера, привезли на ручной тележке, смертельно раненого. Стол, уже приготовленный к обеду, был немедленно убран, а на его месте для генерала поставили кровать. Я сидел, перепуганный и дрожащий, в углу. Шум становился все более тревожным, и я постоянно дрожала, думая о том, что моего мужа вскоре тоже могут доставить, раненого, как генерал Фрейзер. Этот бедный генерал сказал хирургу: "Скажи мне правду, неужели нет никакой надежды?" Его рана была точно такой же, как у майора Харнаджа; пуля прошла сквозь его тело, но, к несчастью для генерала, в то утро он плотно позавтракал, из-за чего у него вздулся живот, и пуля, как заметил хирург, прошла прямо через него. Я часто слышал среди его стонов такие слова, как эти: *"О дурное честолюбие! бедный генерал Бергойн! бедная миссис Фрейзер."* Были прочитаны молитвы, после чего он пожелал, чтобы генерала Бергойна попросили похоронить его на следующий день, в шесть часов вечера, на холме, где был сооружен бруствер. Я не знал, что делать; вход и все комнаты были полны больных из-за дизентерии, которая царила в лагере. Наконец, ближе к вечеру пришел мой муж; и с этого момента мое горе значительно облегчилось, и я вздохнула с благодарностью Богу. Он пообедал со мной и помощниками в

большой спешке, на открытом месте в задней части дома. Нам, бедным женщинам, говорили, что наши войска одержали победу, но по печальному выражению лица моего мужа я хорошо видела, что все было совсем наоборот. Уходя, он отвел меня в сторонку, чтобы сказать, что все прошло плохо и что я должен подготовиться к отъезду, но никому ничего не сказав. Под предлогом переезда на следующий день на новое место жительства я приказал упаковать багаж. Палатка леди Эклэнд была рядом с нашей. Она переночевала там и провела день в лагере. Внезапно она получила известие, что ее муж смертельно ранен и взят в плен. Она была очень расстроена; мы пытались убедить ее, что рана не так опасна, но посоветовали ей попросить разрешения присоединиться к мужу, чтобы позаботиться о нем во время болезни. Она была очень привязана к нему, хотя он был груб и несдержан, но все же он был хорошим офицером. Она была милой женщиной. Я разделил ночь между ней, которую хотел утешить, и моими детьми, которые спали, но которые, как я боялся, могли потревожить бедного умирающего генерала. Он прислал мне несколько сообщений, в которых просил прощения за беспокойство, которое, по его мнению, доставил мне. Около 3 часов мне сообщили, что он долго не проживет, и так как я не хотел присутствовать при его последней схватке, я завернул своих детей в одеяла и вышел в прихожую. В 8 часов утра он скончался.

Уже был отдан приказ о том, что армия должна расформироваться сразу после похорон, и наши коляски были готовы. Мне не хотелось уезжать раньше. Майор Харнаж, хотя и не мог сделать ни шагу, встал со своей постели, чтобы не оставаться в госпитале, над которым был водружен флаг перемирия. Когда он увидел меня посреди опасности, он усадил моих детей и служанок в повозку и сказал мне, что я не могу терять ни минуты. Я умоляла позволить мне остаться еще немного. "Делайте что хотите, - ответил он, - но ваших детей я должен, по крайней мере, спасти". Это тронуло мои самые нежные чувства; я вскочил в карету, и в 8 часов мы уехали.

Нам было рекомендовано соблюдать полную тишину; были разожжены большие костры, и многие палатки остались нетронутыми, чтобы скрыть наше передвижение от врага. Мы продолжали наш путь всю ночь. Фредерика испугалась и заплакала; мне пришлось прижать к ее рту носовой платок.

К нашему общему изумлению, в шесть часов утра мы были остановлены. Генерал Бергойн приказал выстроить артиллерию в линию и произвести ее подсчет. Это вызвало большое недовольство, поскольку еще несколько маршей обеспечили бы нашу безопасность. Мой муж был измучен усталостью и сел в коляску, где мои служанки освободили для него место; и он проспал три часа у меня на плече. Тем временем капитан Уиллоу принес мне свою записную книжку с банковыми билетами, а капитан Гейсмар - красивые часы, кольцо и хорошо укомплектованный кошелек, попросив меня сохранить их, что я и пообещал делать до последнего. Наконец мы возобновили наш марш; но не прошло и часа, как армия снова была

остановлена, потому что враг был в поле зрения. Их было всего двести человек, они пришли на разведку и их легко можно было бы взять в плен, если бы генерал Бергойн не потерял присутствия духа. Лил проливной дождь. Леди Эклэнд распорядилась установить свою палатку, и я снова посоветовал ей вернуться к мужу, которому она могла бы быть очень полезна в его нынешнем положении. Последовав моему совету, она отправила сообщение генералу Бергойну через его адъютанта лорда Питершема с просьбой разрешить ей покинуть армию. Я сказал ей, что ей нужно только настоять на этом, и она непременно добьется успеха. Преподобный мистер Бруденель сопровождал ее, и они вместе отправились на лодке под флагом перемирия к врагу. Существует хорошо известная и прекрасная гравюра, запечатлевшая это событие. Позже я встретился с леди Эклэнд в Олбани, когда ее муж почти полностью поправился; и оба поблагодарили меня за совет. 9-го весь день шел сильный дождь; тем не менее мы были готовы выступить. Дикари потеряли мужество и разбрелись во все стороны. Малейшее неблагоприятное событие приводило их в уныние, особенно когда не было возможности для грабежа.

Мы добрались до Саратоги засветло, которая находилась всего в получасе ходьбы от того места, где мы провели день. Я был совершенно мокрый и вынужден был оставаться в таком состоянии из-за отсутствия места, где я мог бы переодеться. Я сел у огня и раздел детей, после чего мы улеглись на солому. Я спросила генерала Филлипса, который пришел посмотреть, как у меня дела, почему мы не продолжили наше отступление, ведь мой муж пообещал прикрывать движение и вывести армию в безопасности. "Моя бедная леди, - сказал он, - вы меня удивляете. Хотя вы и промокли до нитки, у вас хватает мужества отправиться дальше в такую погоду. Как жаль, что вы не наш командующий генерал! Он жалуется на усталость и решил провести ночь здесь и угостить нас ужином. Совершенно верно, что генерал Бергойн любил расслабиться и что половину ночей он проводил в пении, выпивке и развлечениях с женой комиссара, которая была его любовницей и любила Шампанское так же, как и он сам. Я освежился в 7 часов следующего утра (10 октября) чашкой чая, и мы все ожидали, что вскоре продолжим наш марш. Генерал Бергойн отдал приказ поджечь прекрасные здания и фабрики генерала Шайлера в Саратоге, чтобы обеспечить наше отступление. Английский офицер принес мне хорошего супа и настоял, чтобы я его съел. После этого мы продолжили наш марш, но ненадолго. В армии было много нищеты и беспорядка. Комиссары забыли распределить провизию, хотя у нас было много скота. Я видел более тридцати офицеров, которые горько жаловались на голод. Я угостил их кофе и чаем и всем съедобным, что было у меня в коляске.

Наши коляски оставались наготове к отправлению. Все советовали отступать, и мой муж пообещал осуществить это движение, если не терять времени. Но генерала Бергойна, которому был обещан Приказ, если он осуществит свое объединение с генералом Хоу, убедить в этом не удалось, и он потерял все из-за своей медлительности. Около 2 часов мы снова услышали выстрел из мушкетов и пушек, и среди наших войск поднялась большая тревога и суматоха. Мой муж передал мне, что я должна немедленно удалиться в дом, который находился неподалеку. Я сел в свой калаш вместе с детьми, и когда мы были уже недалеко от дома, я увидел на противоположном берегу Гудзона пятерых или шестерых мужчин, которые целились в нас из своих ружей. Не отдавая себе отчета в том, что я делаю, я бросил своих детей в заднюю часть машины и лег на них сам. В тот же миг ребята выстрелили и сломали руку бедному английскому солдату, который стоял позади нас и, будучи уже ранен, искал укрытия. Вскоре после нашего прибытия началась ужасная канонада, и огонь был направлен главным образом против дома, где мы надеялись найти убежище, вероятно, потому, что враг заключил из большого количества людей, которые направились к нему, что это штаб генералов, в то время как на самом деле там не было никого, кроме женщин и искалеченных солдат. Наконец нам пришлось спуститься в подвал, где я улегся в углу возле двери. Мои дети положили головы мне на колени. Отвратительный запах, крики детей и мои собственные душевные муки не позволяли мне сомкнуть глаз в течение всей ночи. На следующее утро канонада началась заново, но уже в другом направлении. Я посоветовал своим товарищам по несчастью на некоторое время удалиться из подвала, чтобы дать время на его очистку, поскольку в противном случае мы нанесем вред своему здоровью. Осмотрев наше убежище, я обнаружил, что там было три подвала, просторных и с хорошими сводами. Я предложил, чтобы один из них был предоставлен в пользование офицерам, которые были наиболее тяжело ранены, следующий - женщинам, а третий, который был ближе всего к лестнице, - всем остальным членам роты. Мы как раз спускались вниз, когда новый пушечный гром снова поверг нас в тревогу. Многие люди, которые не имели права входить, бросились на дверь. Мои дети уже были у подножия лестницы, и каждый из нас, вероятно, был бы раздавлен насмерть, если бы я не встал у входа и не оказал сопротивления незванным гостям. Одиннадцать пушечных ядер пролетели через дом и произвели ужасный шум. Бедный солдат, которому собирались ампутировать ногу, потерял другую от одного из этих ядер. Все его товарищи в этот момент убежали, а когда вернулись, то нашли его в углу комнаты в предсмертных муках. Я сама была в глубочайшем отчаянии, не столько из-за моих собственных опасностей, сколько из-за тех, которым подвергался мой муж, который, однако, часто присылал мне послания, справляясь о моем здоровье. Жена майора Харнаджа, некая миссис Рейнелл, жена славного лейтенанта, который накануне делил со мной суп, жена комиссара и я, были в настоящее время единственными офицерскими женами в армии. Мы сидели вместе, сожалея о нашем положении, когда кто-то вошел, все мои спутники обменялись взглядами, полными глубокой скорби, и одновременно зашептались друг с другом. Я сразу заподозрила, что моего мужа убили. Я громко вскрикнула, но мне тут же сказали, что с моим мужем ничего не случилось, и по косому взгляду дали понять, что лейтенант убит. Вскоре вызвали его жену и обнаружили, что лейтенант еще жив, хотя одна из его рук была отстрелена пушечным ядром около плеча. Всю ночь мы слышали его стоны и причитания, которые ужасным эхом отдавались в сводчатых подвалах, а утром он скончался. Мой муж пришел навестить меня ночью, что в какой-то степени уменьшило мою грусть и уныние. На следующее утро мы

подумали о том, чтобы сделать наш подвал более удобным местом жительства. Майор Харнаж, его жена и миссис Рейнелл заняли один угол и превратили его с помощью занавески в нечто вроде чулана. Мне тоже предстояло подобное убежище, но я предпочел остаться у двери, чтобы легче было спастись в случае пожара. Я подложила солому под свои матрасы, и на них я легла сама со своими детьми; а мои служанки спали рядом с нами. Напротив нас сидели три офицера, которые, хотя и были ранены, были полны решимости не оставаться в тылу, если армия отступит. Одним из них был капитан Грин, адъютант генерала Филлипса, очень дружелюбный и достойный джентльмен.. Все трое поклялись, что не уедут без меня в случае внезапного отступления, и что каждый из них возьмет одного из моих детей на свою лошадь. Одна из лошадей моего мужа постоянно была наготове для меня. мистер де Ридесель часто подумывал отправить меня в американский лагерь, чтобы спасти от опасности; но я заявила, что для меня не было бы ничего более тягостного, чем жить в хороших отношениях с теми, с кем он сражался; на что он согласился, чтобы я продолжала следовать за армией. Однако опасение, что он мог уйти, неоднократно вторгалось в мой разум; и я не раз поднимался по лестнице, чтобы подтвердить или рассеять свои опасения; и когда я увидел наших солдат возле их сторожевых костров, я стал более спокойным и, возможно, даже заснул.

Поскольку нас продолжала беспокоить нехватка воды, мы не могли не обрадоваться, обнаружив жену солдата, настолько энергичную, что она принесла немного воды из реки - занятие, от которого самые смелые могли бы уклониться, поскольку американцы расстреливали каждого, кто приближался к ней. Впоследствии они сказали нам, что пощадили ее из-за ее пола.

Я старался развеять свою меланхолию, постоянно ухаживая за ранеными. Я готовил им чай и кофе, за что получал от них самые теплые благодарности. Я часто делился с ними ужином. Однажды канадский офицер прокрался в наш подвал и едва смог сказать, что умирает с голоду. Я был счастлив предложить ему свой ужин, за которым он поправил свое здоровье, а я завоевал его дружбу. По возвращении в Канаду я познакомился с его семьей.

Я также позаботился о майоре Блумфилде, который был ранен мушкетной пулей, которая прошла через обе его щеки, выбила зубы и повредила язык. Он ничего не мог удержать во рту, и суп и жидкости были его единственной пищей. К счастью, у нас было немного рейнского вина, и в надежде, что кислинка поможет залечить его рану, я дал ему бутылку, из которой он время от времени отпивал понемногу, и с таким эффектом, что вскоре выздоровел. Таким образом, я приобрел нового друга и наслаждался некоторым счастьем среди забот и страданий, которые в противном случае тяжело легли бы на мой дух. В один из таких скорбных дней генерал Филлипс, желая нанести мне визит, сопровождал моего мужа, который приходил один или два раза в день, рискуя своей жизнью; и, видя наше положение и мои просьбы к мужу не отставать на случай внезапного расформирования армии, а также мое нежелание попасть в руки врага, он вступился за меня и, уходя, сказал: "Я бы и за десять тысяч гиней больше не увидел этого места. У меня разбито сердце от того, что я увидел".

Однако все наши спутники не заслуживали такого большого сочувствия. У нас в подвалах были люди, которых там не должно было быть, и которые впоследствии, когда мы были пленниками, были совершенно здоровы, ходили совершенно прямо и напыщенно, насколько могли. Мы оставались шесть дней в этом печальном отступлении. Наконец заговорили о капитуляции, поскольку из-за бесполезных задержек мы потеряли возможность осуществить наше отступление. Произошло прекращение боевых действий, и мой муж, совершенно измученный усталостью, теперь мог впервые спокойно спать в маленькой комнате, в то время как я удалилась со своими детьми и служанками в соседнюю комнату. Ближе к часу дня пришел человек и попросил разрешения поговорить с ним. Мне очень не хотелось будить его в такой поздний час; и вскоре я заметил, что это поручение не слишком понравилось ему, потому что он немедленно отослал посыльного обратно в штаб-квартиру, а сам снова лег, не в настроении. Вскоре после этого генерал Бергойн рано утром следующего дня созвал всех генералов и полевых офицеров на военный совет, где он предложил отменить капитуляцию из-за некоторой полученной им необоснованной информации. Однако было решено, что этот шаг нецелесообразен и практически осуществим; и это решение было очень удачным для нас, поскольку американцы сказали нам впоследствии, что, если бы мы нарушили договор, мы все были бы разорваны на куски. Это они легко могли бы сделать, поскольку наша армия сократилась до четырех или пяти тысяч человек, в то время как мы дали им время увеличить их численность до двадцати тысяч. Однако утром 16-го мой муж был вынужден отправиться на свой пост, а я - в свой подвал.

17 октября капитуляция вступила в силу. Генералы ожидали американского генерала Гейтса, и войска сдались в плен и сложили оружие. Теперь пришло время доброй женщине, которая рисковала своей жизнью, чтобы снабдить нас водой, получить вознаграждение за свои услуги. Каждый из нас бросил пригоршню денег ей в фартук, и таким образом она получила более двадцати гиней. По крайней мере, в такой момент, если ни в какой другой, сердце легко переполняется благодарностью.

Когда я приблизилась к палаткам, ко мне подошел красивый мужчина, помог детям выбраться из коляски, поцеловал и приласкал их; затем он предложил мне руку, и в его глазах заблестели слезы. "Вы дрожите, - сказал он. - Прошу вас, не пугайтесь". "Сэр, - воскликнул я, - "выражение лица, столь благожелательное, и доброта, которую вы проявили к моим детям, достаточны, чтобы рассеять все опасения". Затем он провел меня в палатку генерала Гейтса, которого я застал за дружеской беседой с генералами Бергойном и Филлипсом. Генерал Бергойн сказал мне: "Теперь вы можете успокоиться и не опасаться никакой опасности". Я ответил, что действительно был бы предосудителен, если бы испытывал какое-либо беспокойство, когда наш генерал его не испытывал и был в таких дружеских отношениях с генералом Гейтсом.

Все генералы остались обедать с генералом Гейтсом. Джентльмен, который принял меня с такой добротой, подошел и сказал мне: "Возможно, вам неловко быть единственной леди в такой

большой компании джентльменов; не могли бы вы пройти со своими детьми в мою палатку и отведать скромный ужин, предложенный с наилучшими пожеланиями?" "Добротой, которую вы проявляете ко мне, - ответил я, - вы заставляете меня поверить, что у вас есть жена и дети". Он сообщил мне, что он генерал Шайлер. Он угостил меня копчеными языками, которые были превосходны, с бифштексами, картофелем, свежим маслом и хлебом. Никогда еще обед не доставлял такого удовольствия, как этот. После многих месяцев тревог я успокоилась; и я заметила такую же счастливую перемену в тех, кто меня окружал. То, что мой муж был вне опасности, было еще большей причиной радости. После нашего ужина генерал Шайлер попросил меня нанести ему визит в его доме недалеко от Олбани, где, как он ожидал, генерал Бергойн также будет его гостем. Я послала спросить дорогу у своего мужа, который посоветовал мне принять приглашение. Поскольку мы находились в двух днях пути от Олбани и было уже около пяти часов пополудни, он пожелал, чтобы я постарался добраться в этот день до места, расположенного примерно в трех часах езды верхом. Генерал Шайлер зашел в своей вежливости так далеко, что попросил хорошо воспитанного французского офицера сопровождать меня на этой первой части моего путешествия.

На следующий день мы достигли Олбани, о чем так часто мечтали; но мы не вошли в этот город, как надеялись, с победоносной армией. Однако прием, оказанный нам генералом Шайлером, его женой и дочерьми, был похож не на прием врагов, а на прием самых близких друзей. Они осыпали нас добротой; и они вели себя таким же образом по отношению к генералу Бергойну, хотя он приказал сжечь их великолепное заведение, причем без всякой необходимости, как было сказано. Но все их действия доказывали, что при виде чужих бед они быстро забывали о своих собственных. Генерал Бергойн был так тронут этим великодушным поведением, что сказал генералу Шайлеру: "Вы слишком добры ко мне, которая причинила вам столько вреда". "Такова судьба войны, - ответил он. - Давайте не будем останавливаться на этом предмете". Мы пробыли три дня в этой замечательной семье, и они, казалось, сожалели о нашем отъезде.

Следующий отчет о посещении поля Саратоги в пятидесятилетнюю годовщину этого сражения, а именно 17 октября 1827 года, был написан сразу после этого для использования автором настоящей работы. Писатель, почтенный Сэмюэл Вудрафф, эсквайр. из Виндзора, (Коннектикут) добавлять нет необходимости, был участником битвы:—

Виндзор, Коннектикут, 31 октября 1827г.

Мой дорогой СЭР,—

Возможно, вы помните, как я имел удовольствие обедать с вами в Нью-Йорке 14 сентября. Я отправился в поездку в Саратогу, чтобы удовлетворить желание, которое я испытывал и которое давно росло, увидеть поля сражений в этом месте и место, на котором королевская армия под командованием генерала Бергойна сдалась генералу Гейтсу 17 октября 1777 года.

Я подумал, что для меня было бы еще интереснее побывать там 17-го числа, ровно через полвека после того памятного события. Вы извините меня за то, что я немного касаюсь чувств дяди Тоби по отношению к Дендермонду в сжатом и наспех написанном дневнике, который я вел о своей поездке, особенно если учесть, что я имел честь служить добровольцем под командованием генерала Гейтса в той кампании и участвовал в сражении 7 октября.

Я беру на себя смелость приложить к вам выдержку из той части моего дневника, которая охватывает главную цель моего путешествия.

17 октября.—После короткой остановки в Трое сделал еще одну остановку до Саратоги;—в Лансингбурге, аккуратной и красивой деревне, примерно в трех милях от Трои, пересек Гудзон по крытому мосту превосходной работы и направился в Уотерфорд (Олд Хаф Мун Пойнт), еще одну богатую и процветающую деревню. Прибыли в Фиш-Крик в Саратоге в половине третьего пополудни по красивому, хорошо возделанному участку аллювиальных земель на западном берегу Гудзона — все от Олбани до этого места носит вид богатства и комфорта. Остановились в таверне мистера Баркера. После обеда осмотрели руины британских укреплений и штаб генерала. Бургойн. Несколько дней он жил в доме, ныне стоящем и в хорошем состоянии, примерно в миле к северу от Фиш-Крик, на западной стороне дороги, принадлежащем мистеру Бушеру, интеллигентному фермеру лет семидесяти пяти. В то время как Бургойн располагал своей штаб-квартирой в этом доме, барон Рейдесель из королевской армии получил разрешение главнокомандующего поместить свою супругу баронессу и их троих маленьких детей под ту же защиту; их также сопровождали леди Эклэнд и несколько других дам, жен британских офицеров. В то время часть американских войск была размещена на восточном берегу Гудзона, напротив дома, на виду у него и на расстоянии пушечного выстрела. Заметив значительное перемещение людей вокруг дома, американцы предположили, что это место свидания британских офицеров, и открыли по нему оживленную канонаду. Несколько выстрелов разнесли дом вдребезги. Баронесса со своими детьми убежала в подвал в поисках безопасности и расположилась с ними в северо-восточном углу, где они были хорошо защищены стеной подвала. В это время привезли британского хирурга по фамилии Джонс, которому пушечным ядром было сломано ногу, и положили на пол комнаты, которую баронесса и другие дамы только что покинули. Пушечное ядро попало в дом недалеко от северо-восточного угла комнаты, в нескольких дюймах над полом, и, пройдя насквозь, сломало и

искалечило другую ногу бедного хирурга. Вскоре после этого он скончался. мистер Бушер очень вежливо провел меня в комнату, подвал и другие части дома, указывая места, куда входили шары, и т. Д. Отсюда я проследовал к месту, где ген. Бергойн в сопровождении своего штаба вручил свой меч генералу. Гейтсу; а также землю, на которой было сложено оружие королевской армии. Это памятное место расположено на равнинной северной стороне Фиш-Крик, примерно в сорока стержнях к западу от ее впадения в Гудзон, через который сейчас проходит канал Шамплейн.

К этому месту примыкает северо-западный угол старого форта Харди, военного сооружения, построенного и занятого французами под командованием генерала Дж. Дискау, 1755 год. Линии укреплений охватывают, насколько я могу судить, около пятнадцати акров земли. Внешние сооружения все еще сохраняют вид мощного укрепления, ограниченного с юга северной стороной Фиш-Крик и с востока западным берегом Гудзона. На этой земле часто находят человеческие кости, фрагменты огнестрельного оружия, мечей, пуль, орудия труда, битую посуду и т. Д.

При раскопках канала Шамплейн, который проходит в нескольких шагах к западу от этого форта, было найдено такое количество человеческих скелетов, что весьма вероятно, что это было кладбище французского гарнизона.

Примерно в двадцати или тридцати стержнях к западу от акведука, ведущего к каналу через Фиш-Крик, стоял генерал. Фабрики Шайлера, которые были сожжены по приказу генерала. Бергойн.

Та же участь постигла и жилой дом генерала Шайлера, а также другие его постройки, стоявшие в красивой местности немного к юго-востоку от миллс на южной стороне ручья. Мельницы были восстановлены и сейчас работают на том же месте, где стояли прежние. Внук генерала. Сейчас Шайлер живет в доме, возведенном на месте бывшего жилища его отца — крытого моста через ручей, примыкающий к мельницам.

В этом месте я не могу опустить несколько коротких замечаний о генерале П. Шайлере. Кажется, он был главнокомандующим северной армией до конца августа 1777 года, когда его сменил генерал. Гейтс.

Я помню, что в то время в общественном сознании было некоторое волнение и выражалось большое недовольство по поводу этой меры; и с моими ограниченными знаниями я так и не смог узнать, какая веская причина побудила его к удалению. Мало кто в нашей стране в то время занимал более высокое положение, чем генерал. Шайлер обладал всеми необходимыми качествами патриота, джентльмена, солдата и ученого. Верный делу свободы, он пошел на жертвы, на которые мало кто был способен или хотел пойти. Благородство души, которым он обладал, отличало его от обычных людей и указывало на него как на человека, заслуживающего общественного доверия.

При капитуляции королевской армии он великодушно пригласил ген. Бергойна, его свиту и нескольких высших офицеров с их дамами в свой дом в Олбани, где за свой счет он кормил и размещал их в течение двух или трех недель с самым радушным гостеприимством.

Это тот самый человек, который за несколько дней до этого понес огромные убытки на своих мельницах и других постройках в Фиш-крик, сожженных по приказу того самого Бергойна, который теперь стал его гостем.

Уважая генерала. Гейтса, я только скажу, *завершаю коронный опус.*

18 октября — В 7 часов утра отправились пешком, чтобы осмотреть другие, не менее интересные места, связанные с кампанией 1777 года. В трех с половиной милях к югу от Фиш-Крик, зашел в дом некоего мистера Смита, в котором жил ген. Фрейзер скончался от ран, полученных в сражении 7 октября, и возле дома которого, в одном из британских редутов, был похоронен этот офицер. Этот дом тогда стоял у дороги на западной окраине междуречья, у подножия холма. С тех пор была построена магистраль, проходящая на двадцать или тридцать километров восточнее старой дороги, последняя была прекращена, и мистер Смит нарисовал дом и поместил его на западной стороне магистрали.

Отказываясь пока от дальнейших упоминаний об этом месте, я попытаюсь кратко описать две враждебные армии за короткий период, предшествовавший великой битве 7 октября.

Целью британского генерала было проникнуть до Олбани, где по договоренности он должен был встретиться с сэром Генри Клинтоном, который в то время находился с флотом и армией в Нью-Йорке. В начале сентября ген. Бургойн выступил со своей армией из форта Эдвард, переправился через Гудзон со своей артиллерией, обозами и т. Д. По лодочному мосту и укрепил войска на нагорье в Саратоге. 19 сентября они оставили свои укрепления двинулись на юг медленным и осторожным маршем к американскому лагерю, который был защищен линией укреплений и редутов на высотах Бемуса, тянувшейся с запада на восток примерно в полмили длиной и заканчивавшейся у восточного конца на западной стороне ущелья.

При приближении королевской армии американские войска выступили из своего лагеря и встретились с британцами примерно в миле к северу от американских позиций. Последовал серьезный конфликт, и с обеих сторон пало много храбрых офицеров и солдат. Земля, на которой велась эта битва, была в основном покрыта стоячим лесом. Это обстоятельство несколько затрудняло британские войска в использовании их полевой артиллерии и давало некоторое преимущество американцам, особенно стрелкам под командованием храброго полковника. Морган, который проявил отличную исполнительность. Ночь, которая так часто и так любезно вмешивалась, чтобы остановить резню враждующих воинств, положила конец битве. Ни одна из сторон не претендовала на победу. Королевская армия отступила ночью, оставив поле боя и своих убитых, а также некоторых раненых во владении американцев. Потери убитыми и ранеными, насколько можно было установить, со стороны британцев составили 600 человек, а со стороны американцев - около 350. Храбрость и стойкость американских войск, проявленные в этот день, убедили британских офицеров в трудности, если не в полной невозможности продолжения их марша в Олбани. Время завершения кампании в этом северном регионе приближалось — американская армия ежедневно пополнялась ополченцами, добровольцами и "людьми двух месяцев", как их тогда называли. Опасение, что две королевские армии могут соединиться в Олбани, взбудоражило соседние штаты Новой Англии и привлекло из Нью-Гэмпшира, Массачусетса, Коннектикута и Вермонта большое количество решительных солдат. Поражение Баума при Беннингтоне вселило в них новые надежды и взбудорило их дух.

В этих неблагоприятных для вражеской армии обстоятельствах британский главнокомандующий созвал военный совет, результатом которого стала попытка отступления через Гудзон к форту Эдвард. Ген. Гейтс, понимая вероятность такой меры, своевременно выделил часть своих сил, чтобы перехватить и отрезать отступление, если таковое будет предпринято.

Теперь возникло много новых и неожиданных трудностей. Лодки, которые служили британской армии мостом, поскольку они считали, что от них больше нет пользы, были спущены на воду, и большинство из них поплыло вниз по реке. Сооружение плотов, достаточных для перевозки их артиллерии и тяжелого багажа, было бы сопряжено с большими опасностями, а также с потерей времени. Мосты через ручьи были разрушены; по приказу американского генерала поперек дорог было повалено огромное количество деревьев; и еще одно обстоятельство, не из самых незначительных, - форт Эдвард уже находился во владении американцев. В этой запутанной дилемме королевская армия оказалась полностью *разбитой*. Однако была предпринята попытка отступления, но вскоре от нее отказались. Находясь сейчас между двух огней, каждое их движение было сопряжено с опасностью и потерями. Они удалились в свой старый укрепленный лагерь.

Прошло несколько дней без каких-либо особо активных действий с обеих сторон. Этот промежуток времени был, однако, использован королевской армией для подготовки к одной отчаянной попытке форсировать линию американского лагеря и прорваться через него на пути к Олбани. Американская армия тем временем улучшила свои внешние укрепления, организовала свои силы и разместила *жителей* Континентала на северной стороне укреплений, где ожидалось доблестные мужчины; таким образом, они готовились защищать каждую точку атаки; Морган со своими стрелками должен был сформировать левый фланг в лесу.....

В течение этих нескольких дней "ужасной подготовки" в наш лагерь ежедневно поступала информация от дезертиров и других лиц о том, что вскоре будет предпринята атака на линию наших укреплений на высотах Бемуса, недалеко от штаб-квартиры генерала. Ворота.

Ожидаемый конфликт пробудил большое беспокойство среди американских войск, но ничуть не уменьшил той безупречной отваги и твердости, которые они неизменно демонстрировали в час опасности; все считали, что ожидаемый конфликт будет решающим, по крайней мере, для кампании, если не для войны, в которой мы так долго участвовали. На карту были поставлены огромные интересы. Должен ли генерал. Бургойну преуспеть в продвижении своей армии к Олбани, генерал. Клинтон без каких-либо значительных трудностей присоединился бы там к нему с другой мощной английской армией и флотом, достаточным для того, чтобы контролировать Гудзон оттуда до Нью-Йорка. Если такое объединение сил произойдет, все штаты к востоку от Гудзона окажутся отрезанными от всех эффективных коммуникаций с западными и южными штатами.

В дополнение к этому были и другие соображения, вызывающие глубочайшую озабоченность. Война уже затянулась на больший срок, чем ожидалось обеими сторонами в начале. Ресурсы страны, которые поначалу были сравнительно невелики по сравнению с тем, что необходимо для ведения войны, начали истощаться; срок призыва многих солдат истек.

У нас не было ни государственных денег, ни правительства, которое гарантировало бы выплату жалованья офицерам и солдатам, ни тем, кто поставлял припасы для войск. В этих

обескураживающих обстоятельствах набирать рекрутов для армии стало чрезвычайно трудно. В течение 1776 года и первой половины 77-го американцы сильно страдали от болезней и терпели неудачу почти во всех столкновениях с врагом. Сердца людей, даже самых стойких, начали сдавать. Это был действительно самый мрачный период войны за революцию.

7 октября, около 10 часов утра, королевская армия начала свой марш и выстроилась в боевую линию слева от нас, недалеко от высот Бемуса, под командованием ген. Фрейзера во главе. Наши пикеты были оттеснены примерно в час дня, и за ними быстрым маршем последовали британские войска, оказавшиеся на расстоянии мушкетного выстрела от линии наших окопов. В этот момент начался оглушительный пушечный и мушкетный обстрел, на который американцы ответили с таким же рвением.

В течение тридцати или сорока минут борьба у бруствера велась с большим упорством. Английские гренадеры предприняли несколько атак с примкнутыми штыками, но без особого эффекта. С обеих сторон погибло большое количество людей. Пыл этого кровавого конфликта продолжался некоторое время без какого-либо видимого преимущества, полученного какой-либо из сторон. В конце концов, однако, нападавшие начали уступать, сохраняя хороший порядок в регулярном, но медленном отступлении — заряжая, разворачиваясь и стреляя со значительным эффектом. Американцы развили полученное преимущество быстрым и хорошо направленным огнем полевых орудий и мушкетов. Полковник Дж. Морган со своими стрелками навис над левым флангом отступающего противника и поливал его самым разрушительным огнем. Линия фронта теперь стала обширной, и большая часть войск обеих армий была введена в действие. Основная часть земли, на которой была проделана эта тяжелая дневная работа, известна под названием "фермы Фримена". Затем он был покрыт редкой порослью соснового леса без подлеска, за исключением одного участка площадью около шести или восьми акров, который был расчищен и огорожен забором. На этом месте британские гренадеры под командованием храброго майора Экленда заняли позицию и собрали часть своей полевой артиллерии; это небольшое поле вскоре стало буквально "полем крови". Эти гренадеры, цвет королевской армии, не привыкшие уступать никаким силам противника в честном бою, сражались с тем упрямством, которое граничит с безумием. Экленд получил мяч в обе ноги, из-за чего не смог ни ходить, ни стоять. Это событие ускорило отступление гренадеров, оставив землю густо усеянной их убитыми и ранеными.

Бой продолжался под оживленным огнем до наступления темноты. Победа была полной; американцы остались хозяевами поля боя. Так завершилось сражение высочайшей важности по своим последствиям, которое придало американскому оружию большой блеск. Я не видел официального отчета о количестве убитых и раненых; но потери со стороны британцев, должно быть, были велики, а со стороны американцев — немалыми. Потери генералов, понесенные королевской армией, были особенно серьезными. Но вернемся к дому Смитов. Я сообщил семье Смит о цели моего визита к ним; нашел их вежливыми и интеллигентными и узнал от них много интересных подробностей, касающихся битвы 7 октября. За несколько дней до этого ген. Бургойн сделал этот дом своей штаб-квартирой в сопровождении нескольких генералов и их дам, среди которых были генерал. Фрейзер, барон и баронесса Рейдзель и их дети.

Обстоятельства, сопровождавшие гибель этого доблестного офицера, поставили вопрос о том, мнения военных разделились. Факты, похоже, сходятся в том, что вскоре после начала боевых действий генерал. Арнольд, зная военный характер и эффективность генерала. Фрейзера,

наблюдая за его действиями во время руководства атакой, сказал полковнику Моргану: "Этот офицер на серой лошади сам по себе является войском, и от него нужно избавиться. Привлеките к нему внимание нескольких метких стрелков из числа ваших стрелков. Морган, кивнув Арнольду в знак согласия, направился к своим стрелкам и сообщил им о подсказке, данной Арнольдом. Сразу же после этого крупная часть серой лошади была срезана винтовочной пулей, а в следующую минуту другая прошла сквозь гриву лошади, немного позади ушей. Один из помощников Фрейзера, заметив это, заметил ему: "Сэр, очевидно, что вы нацелены на определенную цель; не будет ли благоразумнее с вашей стороны удалиться с этого места?" Фрейзер ответил: "Мой долг запрещает мне спастись бегством от опасности", - и тут же получил пулю в живот. Было выделено несколько гренадеров, чтобы отнести его в дом Смитов.

Представив имя Арнольда, здесь, возможно, уместно отметить, что, хотя в тот день у него не было постоянного командования, он добровольно поступил на службу, рано прибыл на место и участвовал в самой горячей части сражения у редутов. Он вел себя (как я тогда подумал) скорее как безумец, чем как хладнокровный и сдержанный офицер. Верхом на гнедом коне он беспрестанно скакал полным галопом взад и вперед, пока не получил ранение в ногу, а его лошадь не была застрелена под ним. Я случайно оказался рядом с ним, когда он упал, и помог уложить его в носилки, чтобы отнести в штаб-квартиру.

Поздно вечером пришел генерал. Бергойн, и между ним и Фрейзером разыгралась нежная сцена. Ген. Фрейзер был кумиром британской армии и офицером, на которого из всех остальных Бергойн полагался больше всего. Он томился всю ночь и скончался в 8 часов следующего утра. Находясь на смертном одре, он посоветовал Бергойну без промедления сделать предложение генералу. Выдвигает условия капитуляции и предотвращает дальнейшее пролитие крови; что положение его армии теперь безнадежно; они не могут ни наступать, ни отступать. Он также попросил, чтобы его похоронили *в большом редуте*— чтобы его тело было перенесено туда между заходом солнца и наступлением темноты отрядом гренадеров без парада и церемоний. Эта просьба была строго выполнена.

После того, как я с удовлетворением осмотрел дом, я подошел к месту погребения. Он расположен на возвышенности, откуда открывается обширный вид на Гудзон и на большую протяженность прекрасного промежутка по обе стороны от него. Я был один; погода стояла тихая и безмятежная. В моем сознании пробудились размышления, которые я совершенно не в состоянии описать. Вместо суеты и гула лагеря, *беспорядочного* шума битвы воинов и победных криков, свидетелями которых я был здесь пятьдесят лет назад, теперь все было тихо, как в обители мертвых. И действительно, далеко, далеко большая часть обеих тех армий, которые тогда вели активную жизнь на этом месте и поблизости от него, теперь разлагаются в своих могилах, подобно тому доблестному офицеру, останки которого лежат у меня под ногами, — "их память и их имена утрачены", — в то время как Бог в своем милосердном Провидении сохранил мне жизнь и по прошествии полувека предоставил мне возможность еще раз осмотреть те места, которые вызывают в моей памяти много интересных воспоминаний о днях моей юности.

19 октября — Когда я возвращался вниз по реке из Олбани в Нью-Йорк на пароходе "Северная Америка", у меня был досуг и возможность поразмыслить об огромном богатстве и ресурсах штата Нью-Йорк — полагаю, в то время больших, чем у любых других двух штатов Союза. Не было бы ничего рискованного в том, чтобы сказать, что это единственное государство обладает большей физической мощью и большим количеством "сухожилий войны", чем было

задействовано всеми тринадцатью штатами в ходе революционной войны. Это, среди прочих соображений, привело меня к размышлению о том, насколько почетно было бы для государства и насколько достойно этого события воздвигнуть памятник на том месте или рядом с ним, где королевская армия капитулировала 17 октября 1777 года в ознаменование события, столь важного в нашей национальной истории. Сражение 7 октября по своим последствиям можно рассматривать как окончание войны с таким же основанием, с каким битва при Банкерс-Хилл была ее началом.

Это я. Сэр, с глубоким уважением к вам, СЭМЮЭЛ ВУДРАФФ. Уильям Л. Стоун, эсквайр

Конец тома I